Уильям С. Берроуз

ГОЛЫЙ ЗАВТРАК
♦
МЯГКАЯ МАШИНА
♦
БИЛЕТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ
♦
ЭКСПРЕСС СВЕРХНОВОЙ

(ТЕТРАЛОГИЯ)

Перевод: Виктор Коган
Редакция: ibsorath

v. 1.1

http://ibsorath.livejournal.com/

ПРЕДИСЛОВИЕ ... 4
ПИСЬМЕННОЕ ПОКАЗАНИЕ: ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ БОЛЕЗНИ ... 4
POST SCRIPTUM... А ВЫ БЫ? ... 8

ГОЛЫЙ ЗАВТРАК ... 11
Я чувствую, как приближаются легавые… ... 12
БЕНУЭЙ ... 24
ХОЗЕЛИТО ... 39
ЧЕРНОЕ МЯСО ... 43
БОЛЬНИЦА ... 46
ЛАЗАРЬ, ИДИ ВОН ... 55
ХАСАНОВА КОМНАТА РАЗВЛЕЧЕНИЙ ... 59
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРОДОК ИНТЕРЗОНЫ ... 66
ЕЖЕГОДНАЯ ВЕЧЕРИНКА У ЭЙ ДЖЕЯ ... 69
ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ ... 78
РЫНОК ... 80
ЗАУРЯДНЫЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ... 90
“ISLAM, INC.” И ПАРТИИ ИНТЕРЗОНЫ ... 106
СЕКРЕТАРЬ ОКРУГА ... 123
ИНТЕРЗОНА ... 129
ОБСЛЕДОВАНИЕ ... 135
ВЫ НЕ ВИДАЛИ РОЗУ ПАНТОПОН? ... 144
КОКСОВЫЕ КЛОПЫ ... 146
ДЕЗИНСЕКТОР ДЕЛАЕТ ХОРОШЕЕ ДЕЛО ... 148
АЛГЕБРА ПОТРЕБНОСТИ ... 151
ХАУЗЕР И О’БРАЙЕН ... 153
АТРОФИРОВАННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ: А Вы Бы? ... 159
НАСКОРО... ... 171

ПРИЛОЖЕНИЕ К '*ГОЛОМУ ЗАВТРАКУ*': “Письмо от мастера-наркомана…” ... 172

МЯГКАЯ МАШИНА ... 184
СКОНЧАЛСЯ ПО ДОРОГЕ ... 185
КТО Я ТАКОЙ, ЧТОБЫ ОСУЖДАТЬ? ... 189
ОБЩЕСТВЕННЫЙ АГЕНТ ... 196
ТРАК ТРАК ТРАК ... 199
ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ ОТВЕТ ... 206
ДЕЛО ЦЕЛЛУЛОИДНОЙ КАЛИ ... 218
МАЙЯНСКОЕ ДЕЛЬЦЕ ... 226
Я, СЕКУИН ... 233
ИЗОБРАЗИТЕ ИНТЕРЕС ... 236
ПОСЛЕДНИЕ НАМЕКИ ... 245
ТАМ ГДЕ КОЛЫШЕТСЯ ТЕНТ ... 248
УЛИЦЫ СЛУЧАЯ ... 257
ГДЕ ТВОЕ МЕСТО ... 281
УРАНСКИЙ УИЛЛИ ... 283
ГОНГИ НАСИЛИЯ ... 285
МЕРТВЫЕ ПАЛЬЦЫ ГОВОРЯТ ... 292
ЧЕРЕЗ РАНЕНЫЕ ГАЛАКТИКИ ... 300

ПРИЛОЖЕНИЕ К '*МЯГКОЙ МАШИНЕ*': “Лечение, кладущее конец наркомании” ... 303

БИЛЕТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ ... 315
«ВИДИШЬ, ЧТО ТВОРИТСЯ, БИ-ДЖЕЙ?» ... 316
ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ ... 319
В ЧУЖОЙ ПОСТЕЛИ ... 336
ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ? ... 342
ОПЕРАЦИЯ ПЕРЕЗАПИСЬ ... 346
ПОЛИЦИЯ СВЕРХНОВОЙ ... 349
ПИШУЩАЯ МАШИНА ... 354
ЗАМЕНИТЕЛЬ ПЛОТИ ... 358
ЧЕРНЫЙ ПЛОД ... 368

КАЖДЫЙ ЧЛЕН СТО́ИТ СТОЛЕТИЯ 374
В РАЙОНЕ ЛИНЕЙНЫЕ ВОЙСКА 378
ВОДЕВИЛЬНЫЕ ГОЛОСА 388
ТЕРМИНАЛЬНАЯ УЛИЦА 392
САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ КРУГ 395
ВЫЗЫВАТЬ СТАРОГО ДОКТОРА ДВА РАЗА? 400
ПЕРЕТАСОВАННЫЕ КАДРЫ 409
В ТОЙ ИГРЕ? 414
ПОКАЗАЛИ ТЕБЕ ТВОЙ ВОЗДУХ 421
ПУСТЬ ОНИ НАС УВИДЯТ 426
ТИШИНА ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ВСЕГО ХОРОШЕГО 429

ПРИЛОЖЕНИЕ К '*БИЛЕТУ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ*': “Невидимое Поколение” 442

ЭКСПРЕСС СВЕРХНОВОЙ 449
ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА 450
ПЛЕННИКИ, ВЫХОДИТЕ 451
ОБРАТИСЬ В СЛУХ И ВНИМАЙ 452
КОРОЧЕ, УПАКОВЫВАЙ СВОИ ГОРНОСТАИ 457
СОСЕДИ В АКВАЛАНГАХ 458
МОШЕННИЧЕСТВО С РЫБНЫМ ЯДОМ 460
НЕ ГОДИТСЯ... NO BUENO 463
СМЕСТИТЬ КООРДИНАТНЫЕ ТОЧКИ 464
КИТАЙСКАЯ ПРАЧЕЧНАЯ 467
КИТАЙСКАЯ ПРАЧЕЧНАЯ 467
НЕПРЕРЕКАЕМЫЙ АВТОРИТЕТ 471
КООРДИНАТНЫЕ ТОЧКИ 476
УРАНСКИЙ УИЛЛИ 480
НЕУЖЕЛИ ГОЛЛИВУД ТАК И НЕ УЗНАЕТ? 482
БАШНИ, ОТКРЫТЬ ОГОНЬ 485
КРАБОВИДНАЯ ТУМАННОСТЬ 487
ПЛОХОЙ ХОД 491
КАРЛИК СМЕРТИ НА УЛИЦЕ 494
КРАЙНЕ МАЛЫЕ ЧАСТИЦЫ 497
ИЗ СТРАНЫ ЛУГОВ, ГДЕ НЕТ ЗЕРКАЛ 499
СЛИШКОМ ДАЛЕКО ПО ДОРОГЕ 503
В ДАННОМ СЛУЧАЕ НЕ ГОДИТСЯ 503
ПОВЕРНИТЕ СТРЕЛКУ ДО УПОРА 504
ДАЛЕКОЕ СПАСИБО 506
ПОМНЮ, Я БЫЛ УГЛЕКИСЛЫМ ГАЗОМ 513
ДОКАЗАЛИ СКВОЗЬ НОЧЬ 516
СОС 519
НЕПОЛНОЕ ОБВИНЕНИЕ 520
В СУМЕРЕК БЛИКАХ ПОСЛЕДНИХ 522
ЭТО ЖУТКОЕ ДЕЛО 524
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА ДЛЯ ПЕРВОГО СЛУШАНИЯ 526
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА ДЛЯ ПЕРВОГО СЛУШАНИЯ 527
ДВЕ МАГНИТОФОННЫЕ МУТАЦИИ 530
ВЕРНИТЕ ЦВЕТ 532
ОТКУПИТЬСЯ ОТ ЛОХОВ? 533
СМОРБРОТ 536
ПОЖАЛУЙТЕ СЧЕТ 540
ПРОСТО КАК ИКОТА 542
С МНОГИМ ПОКОНЧЕНО 542
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС? 544
ТАК ЛИ УЖ НЕОБХОДИМЫ ЭТИ ЭКСПЕРИМЕНТЫ? 546
РАСТАЯЛ В ВОЗДУХЕ 547
ПЛИХОДИ ПЯТНИСА 548

ПРИМЕЧАНИЯ 550

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПИСЬМЕННОЕ ПОКАЗАНИЕ: ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ БОЛЕЗНИ

После Болезни я очнулся в возрасте сорока пяти лет, в здравом уме и твердой памяти, а также сохранив сносное здоровье, если не считать ослабленной печени и ощущения где-то позаимствованной плоти, характерного для всех, кто выживает после Болезни... Большинство выживших не в состоянии вспомнить бред во всех подробностях. Судя по всему, я составил подробные записи о Болезни и бредовом состоянии. Точно не помню, как я писал то, что теперь опубликовано под названием '*Голый Завтрак*'. Название предложил Джек Керуак. До недавнего своего выздоровления я не понимал, что оно означает. А означает оно именно то, о чем говорят эти слова: ГОЛЫЙ завтрак – застывшее мгновение, когда каждый видит, что находится на конце каждой вилки.

Болезнью является наркомания, и я был наркоманом пятнадцать лет. Под словом “наркомания” я имею в виду пристрастие к “джанку” (общее название опиума и/или его производных, включая и все синтетические – от демерола до палфиума). Джанк я употреблял в разных видах: морфин, героин, дилаудид, юкодол, пантопон, диокодид, диосан, опиум, демерол, долофин, палфиум. Я курил джанк, ел его, нюхал, колол его в вену-мышцу-кожу, вставлял свечи в прямую кишку. В игле нет ничего особенного. Нюхаете ли вы, курите или запихиваете джанк себе в задницу, результат один – привыкание. Когда я говорю о пристрастии к наркотикам, я не имею в виду ни коноплю, ни марихуану, ни любой препарат из гашиша, мескалина, *Bannisteria caapi*, LSD-6, Священных Грибов, ни любые другие наркотики галлюциногенной группы... Нет оснований полагать, что употребление какого-нибудь галлюциногена приводит к физической зависимости. Действие этих наркотиков физиологически противоположно действию джанка. Прискорбное смешение этих двух классов наркотиков возникло благодаря усердию как американского, так и других бюро по борьбе с наркотиками.

За пятнадцать лет своего пагубного пристрастия я до конца понял, каким образом действует вирус джанка. В пирамиде джанка каждый уровень пожирается более высоким (не случайно занимающие высокое положение в джанке – всегда толстые, а уличный наркоман всегда тощ), и так до самой вершины или вершин, поскольку народами всего мира питается множество пирамид джанка – и все они построены на основных принципах монополии:

1. Никогда ничего не давать даром.
2. Никогда не давать больше, чем следует дать (всегда держать покупателя голодным и всегда заставлять его ждать).
3. При первой же возможности забирать все назад.

Барыга всегда вновь отбирает отданное. Наркоману требуется все больше и больше джанка, чтобы сохранять человеческий облик... откупаться от Мартышки[1].

Джанк – это образец монополии и одержимости. Наркоман лишь присутствует при том, как его джанковые ноги несут его прямиком на свет джанка, к рецидиву. Джанк точно измеряется количественно. Чем больше джанка вы употребляете, тем меньше его имеете, и чем больше имеете, тем больше употребляете. Все, кто употребляет галлюциногенные наркотики, считают их священными – существуют Культы Пейота и Культы *Bannisteria*, Культы Гашиша и Культы Гриба – «Священные Грибы Мексики дают человеку возможность увидеть Бога» – но никто и никогда не допускал мысли о том, что священен джанк. Культов опиума не существует. Опиум – такая же земная, количественная вещь, как деньги. Я слышал, что в Индии некогда был благотворный джанк, не образующий привыкания. Он назывался "сома", и описывают его как прекрасный голубой поток. Если "сома" и существовал когда-нибудь, то был и Барыга, который разливал его в бутылки, монополизировал и продавал, после чего он превращался в обыкновенный старинный ДЖАНК.

Джанк – это идеальный продукт... абсолютный товар. В торговых переговорах нет необходимости. Клиент приползет по сточной канаве и будет умолять купить... Торговец джанком не продает свой продукт потребителю, он продает потребителя своему продукту. Он не совершенствует и упрощает свой товар. Он унижает и упрощает клиента. Он платит своим служащим джанком.

Джанк соответствует основной формуле вируса "зла": "Алгебре Потребности". Лик "зла" – это всегда лик тотальной потребности. Наркоман – это человек, испытывающий тотальную потребность в наркотике. При частом повторении потребность становится беспредельной, над ней утрачивается контроль. Пользуясь терминами тотальной потребности: «А вы бы?» Да стали бы. Вы стали бы лгать, мошенничать, доносить на своих друзей, красть, делать «все что угодно», лишь бы удовлетворять тотальную потребность. Потому что вы находились бы в состоянии тотальной болезни, тотальной одержимости и не имели бы возможности действовать каким-либо другим способом. Наркоманы – это больные люди, которые не могут поступать по-другому. У бешеной собаки нет выбора – она кусает. Напускная самонадеянность не ведет ни к какой цели, если только целью не является поддержание джанкового вируса в действии. А джанк – это крупная отрасль промышленности. Припоминаю разговор с одним американцем, который работал в комиссии по афтозу в Мексике. Шестьсот в месяц плюс представительские². «Долго ли еще продлится эпидемия?» – поинтересовался я. «Столько, насколько мы сумеем ее продлить... Да, и еще... возможно, скоро афтоз разразится в Южной Америке», – мечтательно произнес он.

Если вы хотите изменить или уничтожить пирамиду цифр в математическом отношении порядка, вы заменяете или убираете нижнюю цифру. Если мы хотим уничтожить пирамиду джанка, мы должны начать с основания этой пирамиды – с Уличного Наркомана – и прекратить по-донкихотски ломать копья в борьбе с так называемой "верхушкой"; все, кто ее составляет, способны моментально взаимозаменяться. Наркоман с улицы, который должен иметь джанк, чтобы жить, является единственным неизменным коэффициентом в джанковом уравнении. Когда не станет наркоманов, покупающих джанк, не станет и торговли джанком. Пока существует потребность в

джанке, кто-то будет ей служить.

Наркоманов можно лечить или подвергать карантинной изоляции, выдавая им морфин и установив минимальный надзор, подобный надзору за разносчиками тифа. Когда это будет сделано, джанковые пирамиды во всем мире рухнут. Насколько мне известно, Англия – единственная страна, применяющая этот метод решения джанковой проблемы. В Соединенном Королевстве подвергнуты изоляции примерно пятьсот наркоманов. В следующем поколении, когда изолированные наркоманы вымрут и будут открыты болеутоляющие средства, действующие на “неджанковом” принципе, вирус джанка станет, подобно оспе, законченной главой – медицинской диковинкой.

Существует вакцина, которая способна отправить вирус джанка в прошлое и предать его забвению. Такой вакциной является Лечение апоморфином, открытое одним английским врачом, чьего имени я не имею права называть, пока не последует разрешение на его использование и на цитирование его книги, описывающей тридцатилетнюю практику апоморфинного лечения наркоманов и алкоголиков. Соединение апоморфин образуется при кипячении морфина с соляной кислотой. Оно было открыто задолго до того, как стало применяться для лечения наркоманов. Долгие годы апоморфин, который не обладает ни наркотическими, ни болеутоляющими свойствами, использовался только для вызывания рвоты при отравлении. Он действует непосредственно на рвотный центр в затылочных долях мозга.

Эту вакцину я нашел в конце джанкового пути. Я жил в однокомнатной квартирке в туземном квартале Танжера. Целый год я не принимал ванну, не менял одежду и снимал ее только для того, чтобы ежечасно вонзать иглу в жилистое, одеревеневшее на терминальной стадии наркомании тело. Комнату я ни разу не убирал. Пустые коробки из-под ампул вместе с гниющим мусором были свалены в кучу высотой до потолка. Свет и воду давно отключили за неуплату. Я совершенно ничего не делал. Восемь часов кряду я мог разглядывать носок своего ботинка. Я пробуждался к действиям, только когда иссякали песочные часы джанка. Если заходил кто-нибудь из моих приятелей – а они заходили редко: было ли кого или что навещать? – я сидел, не обращая внимания на то, что он попадал в мое поле зрения – серый экран, всегда пустой и тусклый, – и на то, что выходил из него. Умри он на месте, я и тогда продолжал бы сидеть, разглядывая свой башмак, а потом прошелся бы по его карманам. А вы бы? Мне ведь никогда не хватало джанка – и никому никогда не хватает. Не хватало и 30 гран морфина в день. А еще и бесконечные ожидания у аптеки. Промедление – одно из правил торговли джанком. Человек никогда не появляется вовремя. Это не случайно. В джанковом мире случайностей не бывает. Наркомана вновь и вновь учат тому, что произойдет, если ему не повезет и он не раздобудет свою дозу джанка. Гони денежки, а не то... А моя доза внезапно подскочила. Сорок, шестьдесят гран в день. И этого было все еще мало. И нечем было платить.

Я стоял с последним чеком в руке и понимал, что это мой последний чек. Я купил билет на ближайший самолет в Лондон.

Доктор объяснил мне, что апоморфин действует на затылочные доли мозга, регулирует обмен веществ и нормализует кровообращение таким образом, что ферментная система наркомании разрушается за четыре-пять дней. Когда затылочные доли мозга отрегулируются, прием апоморфина можно прекратить и возобновить только в случае рецидива. (Кайфа ради апоморфин никто принимать не станет. Не было отмечено ни одного случая привыкания к апоморфину.) Я согласился пройти курс и лег в частную лечебницу. Первые двадцать четыре часа я был буквально безумцем и параноиком, как и многие наркоманы на тяжелой стадии отнятия. Этот бред исчез после двадцати четырех часов интенсивной апоморфинной терапии. Доктор показал мне схему. Я получал незначительные количества морфина, которыми, вероятно, нельзя было объяснить отсутствие у меня более тяжелых симптомов отнятия, таких как судороги в ногах и желудке, лихорадочное состояние, а также мой собственный, особый симптом – Холодный Жар, когда кажется, будто тело, натертое ментолом, окутывает пчелиный рой. У каждого наркомана есть свой собственный, особый симптом, из-за которого полностью утрачивается самоконтроль. В уравнении отнятия был пропущен один коэффициент – им мог быть только апоморфин.

Я видел, что лечение апоморфином по-настоящему действует. Через восемь дней я вышел из лечебницы с нормальным сном и аппетитом. Я совсем не употреблял джанк два года – рекорд за двенадцать лет. Рецидив на несколько месяцев все же был – как следствие боли и недомогания. Еще один курс апоморфина дал мне возможность обходиться без джанка и теперь, когда я пишу эти строки.

Лечение апоморфином качественно отличается от других методов лечения. Я перепробовал все. Резкое и постепенное снижение дозы, кортизон, антигистамины, транквилизаторы, лечение сном, толсерол, резерпин. Все эти курсы длились лишь до того момента, как появлялась первая возможность рецидива. Могу определенно сказать, что я ни разу не был излечен метаболически, пока не предпринял курс апоморфина. Ошеломляющая статистика рецидивов, приведенная Лексингтонским Наркологическим Госпиталем, заставила многих врачей утверждать, что наркомания неизлечима. В Лексингтоне применяют курс снижения дозы долофина и, насколько мне известно, никогда не пробовали апоморфин. И в самом деле, этот метод лечения сильно недооценивают. Не проведено никаких исследований ни с разновидностями формулы апоморфина, ни с синтетическими веществами. Без сомнения, можно получить вещество в пятьдесят раз сильнее апоморфина и избавиться от такого побочного эффекта, как тошнота.

Апоморфин – это метаболический и психический регулятор, прием которого можно прекратить, как только он сделает свое дело. Мир наводнен транквилизаторами и стимуляторами, но на этот уникальный регулятор никто не обращает внимания. Ни одна из крупных фармацевтических компаний не провела никаких исследований. Я считаю, что опыты с разновидностями апоморфина и синтезом его откроют перед медициной возможности, далеко выходящие за рамки проблемы наркомании.

Против вакцинации оспы возражала группа горластых безумных антивакцинистов. Нет сомнения, что раздадутся вопли протеста со стороны заинтересованных или

неуравновешенных индивидуумов, когда из их рук вырвут вирус джанка. Джанк – это большой бизнес со своими механизмами и своими промышленниками. Им нельзя позволять вмешиваться в весьма важное дело лечения с помощью прививок и карантинной изоляции. Сегодня вирус джанка – это проблема мирового здравоохранения номер один.

Поскольку '*Голый Завтрак*' затрагивает проблему здоровья, он неизбежно жесток, непристоен и внушает отвращение. Болезнь зачастую омерзительна, не для слабых желудков.

Определенные эпизоды книги, которые были названы порнографическими, написаны как трактат против Смертной Казни в манере '*Скромного Предложения*' Джонатана Свифта. Эти разделы направлены на то, чтобы разоблачить смертную казнь как непристойный, варварский и внушающий отвращение анахронизм, каковым она и является. Завтрак, как всегда, голый. Если цивилизованные страны хотят вернуться к Друидическим Обрядам Повешения в Священной Роще или упиваться кровью вместе с ацтеками и поить их Богов кровью человеческих жертв, пускай же они увидят, что едят и пьют на самом деле. Пускай они увидят, что находится на конце этой длинной газетной ложки.

Я почти закончил продолжение '*Голого Завтрака*'. Математическое обобщение Алгебры Потребности за пределы джанкового вируса. Поскольку существует множество видов наркомании, по-моему, все они подчиняются основным законам. Говоря словами Хайдерберга: «Может, это и не лучший из миров, но он может оказаться одним из простейших!». Если человечеству не откажет зрение.

POST SCRIPTUM... А ВЫ БЫ?

А говоря от себя лично... ведь если человек говорит иначе, нам стоило бы взяться за поиски его Протоплазменного Папаши или его Материнской Клетки... Не Желаю Больше Слушать Старую, Застрявшую В Зубах Джанковую Трепотню И Джанковое Надувательство... То же самое говорилось уже миллион раз и даже больше, да и вообще нет смысла говорить, потому что в мире джанка НИЧЕГО Никогда Не Происходит.

Единственное оправдание этого опостылевшего пути к смерти – ЛОМКИ, когда цепь джанка размыкается за неуплату и джанковый жулик помирает от нехватки джанка и передозировки времени, а Старый Жулик забывает о своем жульничестве, облегчающем путь под покровом джанка, путь, который жулики выбирают сами... Внезапное состояние абсолютной незащищенности, когда Переламывающемуся Наркоману ничего не остается – разве что смотреть, нюхать и слушать... Остерегайтесь автомобилей…

Ясно, что джанк – это Толкание-Опиумного-Шарика-Вокруг-Света-По-Маршруту-Вашего-Носа. Строго для скарабеев – доходяг и джанковых развалин. А уж в качестве таковых вам место на свалке. Надоело на все это смотреть.

Джанки вечно сетуют на Холод, как они это называют, поднимая воротники своих черных пальто и втягивая в плечи морщинистые шеи... чисто джанковое надувательство. Тепло джанки ни к чему, ему хочется ощущать Холодок-Прохладу-ХОЛОД. Но Холод ему нужен так же, как нужен его Джанк, – НЕ СНАРУЖИ, где он не приносит ничего хорошего, а ВНУТРИ, чтобы можно было сидеть себе с хребтом, подобным замороженному гидравлическому домкрату... его обмен веществ приближается к Абсолютному НУЛЮ. ТЕРМИНАЛЬНЫЕ наркоманы зачастую по два месяца ходят не испражняясь и зарабатывают кишечную спайку, – А Вы бы? – требующую вмешательства яблочного ножа или его хирургического эквивалента... Такова жизнь в Старом Ледяном Доме. Зачем болтаться вокруг да около и терять ВРЕМЯ?

Внутри есть Еще Одно Местечко, Сэр.

Есть твари, которые торчат от термодинамических забав. Они изобрели термодинамику... А вы бы?..

А некоторым из нас нужны Другие Забавы и кое-что неприкрытое, поскольку я люблю видеть, что я ем и vice versa, mutatis mutandis[3], как уж обернется дело. Биллова комната для Голого Завтрака... Спешите видеть... Хороша для молодых и старых, людей и скотов. Нет ничего лучше капельки змеиного жира, чтоб смазать колеса и запустить балаган, старина. На чьей ты стороне? ЗамороДзэнного Гидравлика? Или хочешь взглянуть на все вместе с Честным Биллом?

Итак, ранее в этой Статье я говорил о Проблеме Мирового Здравоохранения. Перед нами Большие Перспективы, Друзья МОИ. По-моему, до меня доносится брюзжание по поводу персональной бритвы и некоего мошенника-скупердяя, который известен тем, что изобрел Вексель? А Вы бы? Бритва принадлежала человеку по имени Оккам[4], а он не был коллекционером шрамов. '*Tractatus Logico-philosophicus*' Людвига Виттгенштейна[5]: «Если предложение НЕ НЕОБХОДИМО, оно БЕССМЫСЛЕННО и приближается к НУЛЕВОМУ ЗНАЧЕНИЮ».

«А что МЕНЕЕ НЕОБХОДИМО, чем джанк, если Вы в нем Не Нуждаетесь?»

Ответ: «Джанки, если Вы не СИДИТЕ НА ДЖАНКЕ».

Скажу по секрету, братва, каких только банальных речей я не слыхал, и все-таки всем прочим ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ГРУППАМ далеко до старой термодинамической джанковой ЗАТОРМОЗКИ. Допустим, ваш героинщик вряд ли что-нибудь возразит, и это я стерплю. Но ваш “Курильщик” Опиума более активен, ведь у него есть крыша над головой и Лампа... а может, и 7-9-10, что засели внутри и, точно находящиеся в зимней спячке рептилии, поддерживают температуру не ниже Разговорного Уровня: как низко пали все прочие джанки, «тогда как Мы – МЫ имеем эту крышу и эту лампу и эту крышу и эту лампу и эту крышу и здесь тепло и приятно тепло и приятно ЗДЕСЬ ВНУТРИ приятно а СНАРУЖИ ХОЛОДНО... ХОЛОДНО СНАРУЖИ где эти пожиратели отбросов и любители уколов не протянут и двух лет да и полгода доходяги вряд ли протянут есть же низкого пошиба людишки... Зато МЫ СИДИМ ЗДЕСЬ и никогда не повышаем ДОЗУ... никогда-никогда не повышаем дозу

никогда кроме СЕГОДНЯШНЕГО ВЕЧЕРА это ОСОБЫЙ СЛУЧАИ а все пожиратели отбросов и любители уколов там на холоде... И мы никогда не едим его никогда никогда никогда не едим его... Извините пожалуйста я отлучусь в путешествие к Источнику Живительных Капель который у них всегда в кармане а опиумные шарики запихиваются в задницу в напальчнике с Фамильными Драгоценностями и прочим дерьмом».

Внутри есть еще одно местечко, сэр.

Ну, а раз эта запись звучит уже миллиардный световой год и ясно, что никогда не сменится лента, мы, не-джанки, принимаем крутые меры, и люди покидают сторонников Джанка.

Единственный способ защитить себя от смертельной опасности – приплыть СЮДА и остаться на ночь с Харибдой... Гарантирую удовольствие, чувак... Сласти и сигареты.

Под этой крышей я пробыл пятнадцать лет. Внутри и снаружи внутри и снаружи внутри и СНАРУЖИ. В ы ш е л – и т о ч к а. Так послушайте же Дядюшку Билла Берроуза, который изобрел хитроумный Регулятор для Счетной Машины[6] Берроуза на принципе Гидравлического Домкрата – как бы вы ни дергали за ручку, результат для данных координат всегда один. Я рано всему научился... а вы бы?..

Опиатчики Всех Стран, Соединяйтесь! Нам нечего терять, кроме Своих Барыг. А ОНИ НЕ НЕОБХОДИМЫ.

Взгляните вперед ВЗГЛЯНИТЕ ВПЕРЕД на джанковый путь, прежде чем ступить на него и связаться с Дрянной Бандой...

Кто поумней, тот поймет с полуслова.

Уильям С. Берроуз

ГОЛЫЙ ЗАВТРАК

Я чувствую, как приближаются легавые, как там, наверху, они суетятся, пытаясь расшевелить своих ручных стукачей, и что-то мурлычут над ложкой и пипеткой, которые я скинул на станции Вашингтон-сквер, перескочил через турникет – два пролета вниз по железным ступеням – и успел на поезд "А" в сторону жилых кварталов... Дверь мне придерживает юный, стриженный ежиком красавчик, из интеллигентов, умник из умников и типичный фрукт – педик из педиков. Как видно, я соответствую его представлению о сильной личности. Ведь он из тех, что якшаются с барменами и таксистами, болтают о точных боковых ударах и "Доджерах"[7] да зовут по имени продавца у "Недика". Короче, засранец. На платформе появляется сыщик из отдела наркотиков – в теплой белой полушинели (представьте, что сидите у кого-то на хвосте, надев теплую белую полушинель, – наверняка из кожи вон будете лезть, чтобы остаться незамеченным, точно последний пидор). Я так и слышу, как он говорит, держа мои причиндалы в левой руке, правая – на оружии: «Кажется, ты что-то обронил, приятель».

Но поезд подземки уже тронулся.

«Пока, ищейка!» – ору я, разыгрывая перед фруктом его второсортный спектакль. Я смотрю фрукту в глаза, отмечаю белые зубы, флоридский загар, костюм акульей кожи за двести долларов, рубашку от "Братьев Брукс" с пуговицами на воротнике, а в руках "*News*" в качестве реквизита. «Единственное, что я читаю, – это комиксы про малыша Абнера».

Каждый правильный молокосос корчит из себя человека с понятием... Болтает о "шмали", курит ее, где попало и держит немного при себе, чтобы угощать голливудских развратников.

– Спасибо, чувак, – говорю я, – я гляжу, ты из наших.

Его лицо вспыхивает, окрашиваясь в дурацкий розовый цвет бильярда-автомата.

– Все-таки он меня выпас, – мрачно сказал я. (Примечание: на английском воровском жаргоне "выпасти" человека – значит на него донести.) Я придвинулся ближе и положил свои грязные пальцы джанки на его гладкий рукав. – А ведь мы с тобой кровные братья по общей грязной игле. Скажу по секрету, его ждет горячий укол. (Примечание: это капсула отравленного джанка, продаваемая наркоману с целью его ликвидации. Нередко достается доносчикам. Как правило, горячий укол – это стрихнин, поскольку он по вкусу и виду напоминает джанк.)

– Видал когда-нибудь, как действует горячий укол, чувак? Я-то видел, как в Филадельфии на него нарвался Калека. Мы оснастили комнату односторонним зеркалом из борделя и брали за просмотр десятку. Игла так и осталась у него в руке. При достаточной дозе они никогда не вытаскивают. Так их и находят – из синей руки торчит полная свернувшейся крови пипетка. А его глаза, когда укол начал действовать, – вот это, чувак, было зрелище...

Помню, ездил я с Бдительным, лучшим вымогателем в отрасли. Было это в Чикаго... Мы обрабатывали педиков в Линкольн-парке. И вот как-то вечером

Бдительный является на дело в ковбойских сапогах и черном жилете с громадной жестяной бляхой, да еще и лассо через плечо перекинул.

Я и говорю: «Ты что, перебрал?»

А он смотрит на меня и отвечает: «Получи сполна, чужак» – и вытаскивает старый ржавый шестизарядник, и я срываюсь через весь Линкольн-парк, а пули косят все вокруг. А пока легавые его не повязали, он еще трех педиков успел повесить. Я к тому, что не зря Бдительный получил свою кличку...

Замечал когда-нибудь, сколько выражений мошенники переняли у гомиков? Орут, к примеру: «Подымай!» – вроде как между ними и разницы никакой.

«Держите его!»

«Хватайте этого опиатчика! Задайте жару этому лоху!»

«Ну, этот переусердствовал – прямо на ходу охмуряет!»

Как говорит Обувной Малый (это прозвище он получил, вытрясая деньги из фетишистов в обувных магазинах): «Облапошьте лоха, угостите его K-Y[8], и он вернется канючить еще». А когда Малый засекает лоха, он начинает задыхаться. Щеки у него раздуваются, а губы делаются лиловыми, как у эскимоса в жаркую погоду. При этом он медленно подбирается к жертве и ощупывает ее пальцами с прогнившей эктоплазмой[9].

– У Деревенщины вид невинного мальчика, он весь светится этим видом, как голубым неоном, – точно сошел прямиком с обложки журнала "*Saturday Evening Post*" с его вереницей болванов с рыбьими головами и законсервировался в джанке. Обманутые им лохи никогда не скулят, а Кидалы – те и вовсе носят для Деревенщины шприц. Но в один прекрасный день этот Голубой Мальчик ускользает, и наружу выползает то, от чего сблевал бы любой санитар. Вконец одурев, Деревенщина несется по пустынным ресторанам-автоматам и станциям подземки и орет: «Вернись, чувак!! Вернись!!» Он гонится за своим мальчиком до самой Ист-ривер – и вниз, мимо презервативов, апельсиновых корок и мозаики плавающих газет, вниз, в безмолвный черный ил с гангстерами в бетоне и пистолетами, расплющенными всмятку, дабы их не ощупывали пальцы похотливых экспертов по баллистике.

А мой фрукт думает: «Вот это парень!! То-то я расскажу о нем ребятам в Кларке». Этот собиратель персонажей спокойно воспримет сцену из джо-гулдовской "Чайки", вот я и разыгрываю ее за десять монет и назначаю встречу, чтобы продать ему немного "шмали", как он ее называет, а сам думаю: «Накормлю-ка я сопляка кошачьей мятой». (Примечание: когда кошачья мята горит, она пахнет как марихуана. Ее частенько подсовывают неосторожным или несведущим людям.)

– Ну что ж, – сказал я, похлопывая его по плечу, – пора и честь знать. Как сказал один судья другому, будь справедлив, а не можешь быть справедливым – будь своеволен.

Я захожу в ресторан-автомат, а там Билл Гейнс, закутанный в чужое пальто и похожий на страдающего параличом банкира 1910 года, и Старый Барт, жалкий и неприметный, макающий в кофе сдобный торт своими грязными пальцами, лоснящимися поверх грязи.

На окраине у меня было несколько клиентов, которыми занимался Билл, а Барт знавал кое-какие старые мощи еще со времен курения хмеля: призрачных дворников, серых, как пепел; фантомных привратников, подметающих пыльные коридоры слабой стариковской рукой, кашляющих и харкающих в предрассветных ломках; отошедших от дел, больных астмой скупщиков краденого в театрально-роскошных отелях; Розу Пантопон, старую мадам из Пеории[10]; несгибаемых официантов-китайцев, вечно скрывающих свою болезнь. Барт терпеливо разыскивал их, осторожно двигаясь походкой старого джанки, а потом вливал в их бескровные руки несколько часов тепла.

Однажды я забавы ради совершил такой обход вместе с ним. Известно вам, что в отношении еды старики теряют всяческий стыд и, глядя на них, просто нельзя не сблевать? Старые джанки в точности таковы с джанком. При виде его они повизгивают и что-то лопочут. С подбородка у них свисает слюна, в желудке урчит, все их внутренности скрипят в перистальтике, пока они второпях растворяют в джанке последний приличный кусок плоти, а вы каждую секунду ждете, что наружу шлепнется огромная капля протоплазмы и вберет в себя джанк. Подобное зрелище действительно внушает отвращение.

«Ну что ж, когда-нибудь и мои мальчики станут такими, – философски подумал я. – Разве не странная штука – жизнь?»

Так что – назад, в центр, на станцию Шеридан-сквер, ведь сыщик может прятаться и в чулане.

Как я и говорил, долго это продолжаться не может. Я знал, что там, снаружи, легавые вершат свои зловещие колдовские дела, науськивая на меня стукачей из Ливенворта[11]. «Нечего сажать его на иглу, Майк».

Я слышал, что Чапина они с помощью стукача и схватили. Старый сыщик-кастрат сидел себе в подвале полицейского участка, а к нему на круглые сутки и на долгие годы прицепили стукача. А когда в Коннектикуте Чапин повесился, этого старого ползучего гада нашли со сломанной шеей.

– Он упал с лестницы, – сказали они. Вы же знаете, что за собачий бред несут эти гнусные копы.

Джанк окружен магией и связан с множеством табу, проклятий и амулетов. В Мехико я мог бы отыскать своего поставщика с помощью радара. «Нет, не эта улица, следующая, направо... теперь налево. Снова направо», – а вот и он – старушечье лицо с беззубым ртом и пустыми глазами.

Я знаю, что один барыга прогуливается, мурлыча некий мотивчик, и все, мимо кого он проходит, этот мотивчик подхватывают. Он такой серый, призрачный и

безымянный, что люди его не видят, а мотивчик, который они принялись мурлыкать, принимают за возникший у них в голове. Так вот, клиенты подхватывают "Улыбки", или "Я расположен полюбить", или "Говорят, для любви мы еще молодые", или еще какую-то другую песенку, назначенную на этот день. Иногда можно увидеть около пятидесяти унылого вида джанки, сетующих на ломки и бегущих за парнем с гармоникой, а еще есть Человек, сидящий на плетеной скамейке и бросающий хлеб лебедям, толстый гомик в бабском наряде, выгуливающий на Восточных Пятидесятых свою афганскую борзую, старый пьянчуга, ссущий у столба надземки, еврейский студент-радикал, раздающий листовки на Вашингтон-сквер, садовник, обрубающий ветки деревьев, дезинсектор, фрукт-интеллигент, зовущий по имени продавца у “Недика”. Всемирная цепь джанки, настроенная на струну протухшей спермы, перетягивающая руки в меблированных комнатах, дрожащая на утренних ломках. (Люди Старого Пита глотают черный дым в подсобке китайской прачечной, а Меланхоличная Малютка умирает на ломках от передозировки времени или отнятия дыхания.) В Йемене, Париже, Нью-Орлеане, Мехико и Стамбуле, дрожа под отбойными молотками и землечерпалками, клянут друг друга джанковыми ругательствами, каких никто из нас не слыхал, а из проезжающего мимо парового катка высунулся Человек, и я вырулил ведерко гудрона. (Примечание: Стамбул сейчас сносят и перестраивают, особенно убогие джанковые кварталы. Героинщиков в Стамбуле больше, чем в Нью-Йорке.) Живые и мертвые, на ломках или в отрубе, подсевшие или слезшие и снова подсевшие, приходят они на свет джанка, а Поставщик жует Китайское Рагу на улице Долорес, Мексика, Радиопеленгатор, макает сдобный торт в ресторане-автомате, и его с лаем загоняет на Толкучку свора Людей. (Примечание: на нью-орлеанском жаргоне Люди – это легавые из отдела наркотиков.)

Старый китаец набирает в ржавую консервную банку речной воды и вымывает сифилис тяги, затвердевший и черный, как шлак. (Примечание: сифилис тяги – это пепел от скуренного опиума.)

Итак, мои ложка и пипетка у легавых, и я знаю, что они вот-вот выйдут на мою частоту, ведомые слепым стукачом по прозвищу Уилли Диск. У Уилли круглый дисковидный рот, обрамленный чувствительными, способными напрягаться волосками. Он ослеп от укола в глазное яблоко, нос и нёбо у него изъедены от вдыхания гера, на теле его, сухом и твердом, как дерево, – переплетение шрамов. Ныне он способен лишь пожирать это дерьмо своим ртом, а иногда выдвигать наружу длинную трубку эктоплазмы, нащупывающую безмолвную частоту колебаний джанка. Он идет по моему следу через весь город, в комнаты, из которых я уже выехал, и легавые натыкаются на каких-нибудь новобрачных из Сиу-Фоллз.

– Ну-ка, Ли!! Выбирайся из-под этой пристежной штуковины, мы тебя узнали, – и тотчас отрывают у парня хер.

Тут уж Уилли приходит в настоящее возбуждение, и можно услышать, как он хнычет там, в темноте (он действует только ночью), и почувствовать жуткую назойливость этого слепого ищущего рта. Когда они являются кого-то вязать, Уилли теряет самообладание, и его рот прогрызает в двери дыру. Не успокой его

полицейские зондом для скота, он высосал бы все соки из первого попавшегося джанки.

Я знал, и все остальные знали, что на меня натравили Диска. И если в суде мои малыши-клиенты заявят, что «в обмен на джанк он заставлял меня заниматься всяким ужасным сексом», мне останется лишь послать улице прощальный поцелуй.

Вот мы и запасаемся гером, покупаем подержанный “студебеккер” и отправляемся на Запад.

Бдительный закосил под шизофреника: «Я стоял вне самого себя и пытался прекратить эти повешения призрачными пальцами... Я – призрак, возжелавший того, чего жаждет каждый призрак, – тела, – Долгое Время бродивший по ничем не пахнущим закоулкам пространства, где нет жизни, один лишь бесцветный незапах смерти... Нельзя дышать, ощущая этот запах розовыми извилинами хряща, украшенного кристаллическими соплями, дерьмом времени и черными фильтрами плоти».

Он стоял в удлиненной тени зала суда, с лицом, расцарапанным, как старая кинолента, от вожделения и голода личиночных органов, шевелящихся в экспериментальной эктоплазменной плоти джанковых ломок (десять дней изоляции во время Первого слушания дела), плоти, которая исчезает при первом неслышном прикосновении джанка.

Я видел, как это происходит. Десять фунтов потеряно за десять минут стояния со шприцем в одной руке, другая поддерживает штаны, отрекшаяся от человека плоть горит холодным желтым огнем – там, в номере нью-йоркского отеля... ночной столик, заваленный коробками из-под сластей, каскады окурков в трех пепельницах, мозаика бессонных ночей и неожиданная потребность в еде, которая возникает на ломках у наркомана, выхаживающего ребенка – собственную плоть...

Бдительного судит федеральный суд по закону Линча, и он кончает в федеральной психушке, предназначенной специально для содержания призраков: четкое прозаическое Бездействие предметов... умывальник... дверь... туалет... решетка... они там... это здесь... все линии отрезаны... снаружи – ничто... Безысходность... И Безысходность в каждом лице...

Поначалу физические изменения происходили медленно, затем устремились вперед мощными зловещими толчками, пробивающими слабые ткани, стирающими человеческие черты... В абсолютной темноте рот и глаза стали одним органом, который норовит укусить прозрачными зубами... Но ни один орган не имеет ни постоянной функции, ни постоянного местонахождения... повсеместно произрастают гениталии... открываются, опорожняются и вновь закрываются прямые кишки... в ежесекундном приспосабливании меняются цвет и консистенция всего организма...

Из-за своих приступов, как он их называет, Деревенщина сделался всеобщей напастью. В нем рождался Внутренний Лох, и тогда его уже невозможно было унять. Неподалеку от Филадельфии он кидается проворачивать аферу с патрульной машиной, а легавые, взглянув на его лицо, забирают всех нас.

Семьдесят два часа, а в одной камере с нами пятеро больных джанки. Тут уж, дабы не транжирить свои запасы на этих голодных кули, приходится маневрировать и выкладывать надзирателю золотишко – и вот мы уже в отдельной камере.

Предусмотрительные джанки, известные как “бе́лки”, делают на случай ареста заначку: каждый раз, делая укол, несколько капель я отправляю в жилетный карман, подкладка ставится жесткой от наркотической начинки. В башмаке у меня лежит пластмассовая пипетка, а к ремню приколота английская булавка. Да вы и сами знаете, как люди управляются булавкой и пипеткой: «Она схватила ржавую, в запекшейся крови, английскую булавку и выдолбила в ноге большую дыру, казалось, раскрывшуюся, точно непристойный гноящийся рот, ожидающий гнусной встречи с пипеткой, которую она целиком погрузила в зияющую рану. Но ее отвратительное страстное желание (голод насекомых в засушливых местах) обломало пипетку глубоко в плоти ее развороченного бедра (напоминавшего скорее плакат с изображением эрозии почвы). Но ей-то что? Она даже не потрудилась вынуть разбитое стекло и лишь разглядывает свою окровавленную ляжку холодными пустыми глазами мясника. Что ей до атомной бомбы, постельных клопов, злокачественной ренты – Кредитная Касса вот-вот отберет ее неоплаченную плоть... Сладких грез тебе, Роза Пантопон».

На самом-то деле вы слегка сжимаете кожу ноги и быстро делаете булавкой маленькую дырочку. Затем пристраиваете пипетку над дырочкой, а не внутри нее, и выпускаете раствор медленно и осторожно, чтобы он не разбрызгивался по сторонам... Когда я схватил Деревенщину за бедро, плоть поднялась, как воск, и осталась стоять, а из дырки медленно вытекала капля гноя. Никогда я не касался такого холодного живого тела, как у Деревенщины там, в Филли…

Я решил сбросить его с хвоста, даже если это и означало бы вечеринку с удушением. (Это английский деревенский обычай, направленный на то, чтобы избавляться от старых, прикованных к постели иждивенцев. Терпящее муки семейство устраивает “вечеринку с удушением”, во время которой гости заваливают престарелую обузу матрасами, влезают на вершину этой кучи и напиваются вдрабадан.) Деревенщина – обуза для отрасли, его нужно вывести на задворки мира. (Это африканский ритуал. Официально известен как “путь наружу”, состоит в том, чтобы уводить стариков в джунгли и там бросать.)

Приступы Деревенщины становятся его обычным состоянием. При его появлении рычат полицейские, привратники, собаки, секретари. Белокурый Бог пал до низости неприкасаемых. Мошенники не меняются, они ломаются, разлетаются вдребезги – взрывы материи в холодном межзвездном пространстве, – уносятся прочь в космической пыли, оставляя пустые тела. Жулики всех стран, есть один лох, которого не кинуть, – Лох Внутри …

Я оставил Деревенщину стоять на углу: краснокирпичные трущобы до самого неба под непрерывным дождем копоти. «Пойду разыщу одного знакомого коновала. Вернусь с настоящей, чистой аптечной морфой... Нет, ты жди здесь – не хочу, чтоб он тебя засек». Жди меня на том самом углу. Деревенщина, жди сколько влезет. Прощай, Деревенщина, прощай, чувак… Куда они уходят, бросая свои тела?

Чикаго: невидимая иерархия подвернутых декортикации[12] итальяшек, запах атрофированных гангстеров, в Норте и Холстеде, в Сисеро и Линкольн-парке вас настигает бескрылый призрак – попрошайка снов, прошлое, вторгающееся в настоящее, прогорклая магия торговых автоматов и придорожных закусочных.

Вглубь: широкая боковая улица, телевизионные антенны – в бессмысленное небо. В жизненепроницаемых домах они парят над молодежью, понемногу вбирая в себя то, что она отвергает. Только молодые что-то совершают, да и они не слишком-то долго молоды. (За барами Восточного Сент-Луиса лежит мертвое пограничье, дни речных кораблей.) Иллинойс и Миссури, миазмы народов, образовавших могильный холм, подхалимское поклонение Источнику Пищи, жестокие и безобразные празднества, от Могилвилля до лунных пустынь перуанского побережья простирается безысходный Ужас перед Богом-Многоножкой.

Америка – не молодая страна: она старая, грязная и злая еще до поселенцев, до индейцев. Зло здесь, оно ждет...

И всюду копы: невозмутимые образованные копы штата, с хорошими навыками и извиняющейся скороговоркой – электронные глаза оценивают машину и багаж лицо и одежду; рычащие сыщики большого города, вежливые провинциальные шерифы с чем-то зловещим и грозным в стариковских глазах цвета линялой серой фланелевой рубахи...

И вечные хлопоты с машиной: в Сент-Луисе меняем “студебеккер” 1942 года (у него встроенный технический Порок, как у Деревенщины) на старый перегревающийся лимузин “паккард”, еле добрались до Канзас-Сити и купили “форд”, оказавшийся прожигателем топлива, сбагрили и его, взяли джип, который было слишком тяжело толкать (они не годятся для езды по шоссе), и что-то внутри сожгли, погрохотали на нем и вновь пересели в старенький “форд V-8”. Не стану пенять на мотор – добрались ведь, жжет он топливо или нет.

А тоска Америки смыкается вокруг нас, как никакая другая тоска в мире, мрачнее, чем Анды, высокогорные городишки, холодный ветер с открыточных гор, разреженный воздух, точно смерть в глотке, речные городки Эквадора, малярия, серая, как джанк под черным стетсоном, заряжающиеся через дуло ружья, грифы, клюющие что-то на грязных улицах, – и что поражает, когда вы выбираетесь с парома Мальме в Швеции (на пароме не берут налог за горючее), вышибает из вас все это дешевое безналоговое горючее и приводит в полное уныние: испуганные глаза и кладбище в центре города (кажется, все города в Швеции построены вокруг кладбища), и днем нечего делать, ни бара, ни кино, я распечатал свою последнюю плитку танжерского плана и сказал: «Давай-ка вернемся на паром, К. Е.».

Но нет тоски, подобной американской. Ее нельзя увидеть, нельзя понять, откуда она исходит. Взять хотя бы один из коктейль-баров в конце боковой улицы – каждый квартал имеет свои собственные бар и аптеку, универмаг и винную лавку. Вы входите, и она охватывает вас. Но откуда она берется?

Ни бармен, ни клиенты, ни кремового цвета пластик, окаймляющий сиденья, ни тусклый неоновый свет здесь ни при чем. Ни при чем даже телевизор.

А вместе с этой тоской формируются наши привычки, подобно тому, как кокаин будет формировать вас, пока на выходняке не наступит коксовая депрессия. Да и запас джанка уже подходил к концу. И вот мы здесь, в этом безлошадном[13] городишке, строго под микстурой от кашля. И выблевывали микстуру, и ехали все дальше и дальше: холодный весенний ветер, со свистом продувающий старую колымагу, обдувающий наши дрожащие на ломках, потные тела, и озноб, который всегда возникает, когда из вас выходит джанк... Дальше, сквозь голый ландшафт, мимо дохлых броненосцев на дороге, грифов над болотом и кипарисовых пней. Мотели с фанерными стенами, газовым обогревателем, тонкими розовыми одеялами.

Заезжие джанки – пройдохи и подлизы – уже успели выпотрошить техасских коновалов...

А луизианского коновала ни один нормальный человек и пальцем не тронет. Противоджанковый закон штата.

Наконец приехали в Хьюстон, где я знаю одного аптекаря. Я не был там пять лет, но он поднимает голову, сразу меня узнает, кивает и говорит: «Подожди за стойкой...» Вот я и сажусь, выпиваю чашечку кофе, а немного погодя он подходит, садится рядом и спрашивает:

– Что тебе нужно?

– Кварту настойки и сотню немби. Он кивает:

– Приходи через полчаса. А когда я возвращаюсь, он вручает мне пакет и говорит:

– Здесь на пятнадцать долларов... Будь осторожен.

Укол опийной настойки – жуткая морока; сначала вам нужно выжечь спирт, потом выморозить камфору и выбрать эту бурую жидкость пипеткой – колоть ее надо в вену, иначе вы получите абсцесс, а обычно абсцессом и кончается, куда бы вы ее ни кололи. Самое лучшее – это выпить ее с чумовыми колесами… Вот мы и наливаем ее в бутылку из-под перно и отправляемся в Нью-Орлеан – мимо радужных озер и оранжевых газовых вспышек, болот и мусорных куч, крокодилов, ползающих среди разбитых бутылок и консервных банок, сутенеров, брошенных на необитаемых помойных островках и осыпающих непристойностями проезжающие машины...

Нью-Орлеан – это мертвый музей. Благоухая настойкой, мы прохаживаемся вокруг Толкучки и сразу же находим Человека. Район небольшой, и легавые всегда знают,

кто там торгует, поэтому он решает, какое, к черту, это имеет значение, и продает всем. Мы запасаемся гером – и в обратный путь, в Мексику.

Назад, через Лейк-Чарлз и мертвую страну торговых автоматов; южная окраина Техаса, шерифы-убийцы-ниггеров окидывают нас взглядом и проверяют документы на машину. Что-то обрывается внутри, когда вы пересекаете мексиканскую границу, и вдруг вас поражает пейзаж – вас уже ничто не связывает ни с пустыней, ни с горами, ни с грифами; эти кружащие в воздухе пятнышки летают на самом деле так близко, что слышно, как крылья рассекают воздух (хриплый сухой звук), а что-то заприметив, они выныривают из голубого неба, этого гибельного, беспощадного голубого неба Мексики, и – черной спиралью вниз... Ехали всю ночь на рассвете оказались в каком-то теплом туманном местечке: лающие собаки и звук струящейся воды.

– Заурядность, – сказал я.

– Что?

– Так называется этот город. Уровень моря. Отсюда нам карабкаться еще десять тысяч футов вверх. – Я принял дозу и улегся спать на заднее сиденье. Машину она вела хорошо. Это видно сразу, стоит кому-нибудь взяться за руль.

Мехико, где Лупита сидит, точно ацтекская Земная Богиня, скупо выдавая свои пакетики с паршивым дерьмом. «К продаже привыкаешь сильнее, чем к употреблению» – говорит Лупита. Неупотребляющие барыги имеют привычку к контакту, а с этого не соскочишь. Взять хотя бы Скупщика Брэдли. Лучший агент отдела наркотиков в отрасли. К джанку его никто не сумел бы приспособить. (Примечание: приспособить – в смысле заставить его полюбить или хотя бы попробовать.) То есть любого барыгу он охмуряет на раз. Он такой безымянный, серый и призрачный, что барыге его нипочем не запомнить. Вот он и дурачит одного за другим...

Короче, Скупщик становится все больше и больше похож на джанки. Он не может пить. У него уже не стоит. У него выпадают зубы. (Подобно тому как беременная женщина теряет зубы, вскармливая своего незнакомца, джанки теряют желтые клыки, кормя свою мартышку[1].) Он вечно сосет леденец на палочке. Особенно ему по душе “Бэби Рутс”. «И впрямь противно смотреть, как Скупщик сосет свои мерзкие леденцы», – говорит один коп.

Лицо Скупщика окрашивается в зловещий серо-зеленый цвет. Его организм явно вырабатывает свой собственный джанк или его эквивалент. У Скупщика есть постоянный поставщик. Можно сказать, Человек Внутри. Во всяком случае, так он думает. «Больше не выйду из комнаты, – говорит он. – Ебал я их всех. Больно уж все правильные – что те, что эти. Единственный стоящий человек в отрасли – это я».

Но вот по его костям зловещим ураганом проносится тяга. И тогда Скупщик вылавливает молодого джанки и для начала даст ему пакетик.

– Годится, – говорит паренек. – Но тебе-то что надо?

– Мне бы только потереться о тебя, вот и вся моя раскумарка.

– Угу... ладно, так и быть... раз уж ты не можешь по-мужски возбудиться...

Позже паренек сидит с двумя коллегами в “Уолдорфе”[14] и макает свой сдобный торт.

– Ничего более омерзительного мне в жизни терпеть не приходилось, – говорит он. – Он делается весь мягкий, как кусок студня, и мерзко так меня обволакивает. Потом становится мокрый – весь в какой-то зеленой слизи. Оргазм у него такой жуткий, что ли... Я чуть не очумел от этой зеленой дряни, я уже весь в ней вымазался, а он вдобавок воняет, точно старая гнилая дыня.

– Да ладно, еще дешево отделался.

Паренек смиренно вздохнул:

– В общем-то ко всему можно привыкнуть. Завтра я опять с ним встречаюсь.

Привычка Скупщика становится всё опаснее. Каждые полчаса ему требуется подзарядка. Иногда он слоняется по полицейским участкам и подкупает надзирателя, чтобы тот впустил его в камеру к джанки. Дело идет к тому, что никакое количество контактов не будет его удовлетворять. И тут он получает повестку от Окружного Инспектора:

«Брэдли, ваше поведение дает повод для слухов – а я надеюсь, для вашего же блага, что это слухи и есть, – столь неописуемо неприятных, что... Я хочу сказать, что жена Цезаря... гм... что наш Отдел должен быть вне всяких подозрений... и уж конечно – вне таких подозрений, каковые вы, кажется, вызвали. Вы ухудшаете общую моральную обстановку в отрасли. Мы готовы принять вашу немедленную отставку».

Скупщик бросается на пол и подползает к ОИ:

– Нет, хозяин, нет... Отдел – это моя жизнь.

Он целует руку ОИ, запихивая его пальцы себе в рот (ОИ должен почувствовать его беззубые десны) и сетуя, что потерял зубы «на шлушбе».

– Прошу вас, хозяин. Я буду вытирать вам задницу, буду стирать ваши грязные презервативы, буду чистить вам ботинки жиром своего носа...

– Право же, это крайне неприятно! У вас что, совсем нет чувства гордости? Должен сказать, что все это просто отвратительно. Точнее, в вас есть нечто... э-э... гнилое, да и пахнете вы как куча компоста. – Он прижимает к лицу надушенный платок. – Я вынужден просить вас немедленно покинуть кабинет.

– Я все сделаю, хозяин, все. – Его опустошенное зеленое лицо раскалывается на части жуткой улыбкой. – Я еще молод, хозяин, и очень силен, когда распаляюсь.

ОИ срыгивает в платок и слабой рукой указывает на дверь. Скупщик встает, мечтательно глядя на ОИ. Его тело начинает наклоняться, как прутик лозоходца. Он весь струится вперед...

– Нет! Нет! – кричит ОИ.

«Хлюп... хлюп, хлюп». – Часом позже Скупщика находят отключившимся в кресле ОИ. Сам ОИ бесследно исчез.

Судья: «Все указывает на то, что вы каким-то необъяснимым образом... э-э... ассимилировали Окружного Инспектора. К сожалению, доказательств нет. Я бы рекомендовал заключить вас в тюрьму, вернее, поместить в какое-нибудь учреждение, но не знаю места, подходящего для человека вашего калибра. Сам того не желая, я вынужден вас освободить».

– Такого надо держать в аквариуме, – говорит охранник.

Скупщик наводит ужас на всю отрасль, Исчезают джанки и агенты. Точно летучая мышь-вампир, он испускает наркотическое зловоние, влажный туман, который обезболивает его жертвы и делает их беспомощными в его всеохватывающем присутствии. А добившись своего, он, словно обожравшийся удав, на несколько дней исчезает из виду. Наконец его застали за перевариванием дежурного офицера из отдела наркотиков и уничтожили огнеметом – следственная комиссия решила, что подобные меры оправданны, поскольку Скупщик лишился своего человеческого гражданства, а значит, превратился в существо, не принадлежащее ни к одному биологическому виду и представляющее собой угрозу для наркотической отрасли на всех уровнях.

В Мексике весь фокус в том, чтобы отыскать местного джанки с рецептом от властей, по которому каждый месяц получают определенное количество. Нашим Человеком был Старый Айк, большую часть жизни проведший в Штатах.

– Ездил я с Айрин Келли, развеселая была бабенка. В Бьютте, штат Монтана, у нее от кокса бред начался, вот она и давай носиться по гостинице и орать, что за ней гонятся китайские легавые с большими мясными ножами. В Чикаго я знавал одного легавого, так тот обычно нюхал кокс в виде кристалликов, голубых таких кристалликов. Так вот, одурел он, значит, как-то раз и как заорет, что его преследуют федералы, а потом бежит в переулок и сует голову в урну. Я и говорю: «С чего это ты?» – а он мне: «Убирайся, а не то пристрелю. Я запрятался лучше некуда».

Тем временем мы получаем по рецепту немного кокса. Коли его в вену, сынок. Ты чувствуешь его запах, когда он входит, чистоту и прохладу в носу и в горле, потом наплыв чистого наслаждения прямо в мозгу, включающем свои коксовые связи. Твоя голова дробится на части белыми вспышками взрывов. Через десять минут ты захочешь уколоться еще разок... В поисках новой дозы ты обойдешь весь город. Но если не сумеешь раздобыть кокса, ты поешь, ляжешь спать и забудешь о нем.

Это тяга одного только мозга, потребность без чувства и тела, потребность бескрылого призрака, протухшая эктоплазма, выметаемая старым джанки, кашляющим и харкающем в своих утренних ломках.

В одно прекрасное утро вы просыпаетесь, принимаете спидболл, и чувствуете мурашки по коже. Черноусые копы 1890-х годов преграждают выход и лезут в окна, зловеще сжимая губу и сверкая синими, рельефно отчеканенными кокардами. Джанки маршируют по комнате и поют мусульманскую Похоронную Песню, неся тело Билла Гейнса, на котором неярким голубым огнем светятся нанесенные иглой стигматы. Целеустремленные шизофреники-детективы обнюхивают ваш ночной горшок.

Таковы ужасы кокса... Отдохните и не волнуйтесь, вколите себе побольше все той же морфы казенного образца.

День Мертвецов: на меня напал жор, и я съел сахарный череп моего маленького Уилли. Он заплакал, и мне пришлось сходить еще за одним. Прошел мимо коктейль-бара, где на чем свет стоит кляли хай-лайного[15] букмекера.

В Гуэрнавако, или это был Тахо? Джейн встречает сутенера-тромбониста и исчезает в клубах планового дыма. Сутенер тот принадлежал к компании трусоватых сторонников диеты, с помощью которой и уродовал весь женский пол, вынуждая своих телок безропотно глотать все это дерьмо. О своих теориях он распространялся беспрерывно… нередко он устраивал одной из телок форменный экзамен и угрожал, если та не выучит наизусть каждый нюанс его очередных нападок на логику и человеческий облик.

– Так вот, крошка, у меня для тебя кое-что есть. Но если ты этого не воспримешь, я уже ничем помочь не смогу.

Курение плана было для него ритуалом, к джанку он, как и многие другие торчки, относился крайне пуритански.

По его утверждению, план позволял ему входить в контакт с высшими голубыми гравитационными сферами. Он имел собственное представление обо всем на свете: какое нижнее белье полезно для здоровья, когда пить воду и как подтирать задницу. У него было лоснящееся красное лицо с широким приплюснутым носом и маленькими красными глазками, загоравшимися, когда он смотрел на какую-нибудь цыпочку, и гаснувшими при взгляде на все остальное. Его широченные плечи наводили на мысль об уродстве. Он вел себя так, будто других мужчин не существует, а ресторанные и магазинные заказы передавал мужскому персоналу через посредника – женщину. И ни один Мужчина ни разу не вторгался в его унылое тайное жилище.

Короче, он отвергает джанк и тащится от плана. Я сделал три затяжки, Джейн взглянула на него, и плоть ее кристаллизовалась. Я вскочил и с криком «Мне страшно!» выбежал из дома. Выпил пива в каком-то ресторанчике, – мозаичный бар, футбольные результаты и афиши боя быков – и дождался автобуса в город.

Через год, в Танжере, я узнал, что она умерла.

БЕНУЭЙ

Вот мне и поручили нанять доктора Бенуэя на службу в “Islam Inc.”. Д-р Бенуэй был приглашен в качестве советника в Республику Свободию – место, безраздельно отданное свободной любви и непрерывным купаниям. Граждане там умиротворены, объединены, честны, терпимы, а самое главное – чисты. Однако вызов Бенуэя указывает на то, что за этим гигиеническим фасадом не всё гладко: Бенуэй является манипулятором и координатором символьных систем, а также специалистом по допросам всех степеней, промыванию мозгов и контролю. Я не видел Бенуэя после его стремительного отъезда из Аннексии, где его заданием была ТД – Тотальная Деморализация. Первым шагом Бенуэя стало запрещение концентрационных лагерей, массовых арестов и, кроме как при неких исключительных, особых обстоятельствах, применения пыток. «Я отрицаю жестокость, – говорил он, – она неэффективна. С другой стороны, продолжительное дурное обращение почти без насилия вызывает, при умелом его применении, тревогу и чувство определенной вины. В голове должны рождаться некоторые правила, скорее даже руководящие принципы. Объект не должен сознавать, что подобное дурное обращение является тщательно спланированным наступлением некоего бесчеловечного врага на его подлинную личность. Его надо заставить почувствовать, что он заслуживает любого обращения, поскольку с ним происходит нечто (не поддающееся никакому определению) в высшей степени отвратительное. Голую потребность контроломанов следует скромно прикрывать капризной, запутанной бюрократией, причем так, чтобы исключить непосредственный контакт объекта с врагом». Каждому гражданину Аннексии приказано было получить и всюду носить с собой портфель, набитый документами. Граждан могли останавливать на улице в любое время, и Ревизор, который мог быть одет в штатское платье, в разнообразную форму, нередко в купальный костюм или пижаму, а то и совершенно голый, если не считать значка, приколотого к левому соску, проверив каждую бумагу, ставил на ней печать. При каждой новой проверке гражданин должен был предъявить надлежащим образом проставленные печати последней проверки. Остановив большую группу, Ревизор проверял и проштамповывал карточки лишь у некоторых. Затем остальных подвергали аресту за то, что их карточки не были должным образом проштампованы. Арест означал “временное задержание”, то есть арестованного должны были освободить, “если и когда” Объяснительная Записка, должным образом подписанная и проштампованная, будет утверждена Помощником Арбитра по Объяснительным. Ввиду того, что тот чиновник почти никогда не бывал в своей конторе, а Объяснительную Записку следовало представить ему лично, объяснявшиеся неделями а то и месяцами томились в ожидании, находясь в неотапливаемых помещениях без стульев, умывальника и туалета.

Документы, написанные исчезающими чернилами, превращались постепенно в просроченные закладные. Постоянно требовались новые документы. В бешеных и тщетных попытках уложиться в нереальные предельные сроки граждане сломя голову носились из одного бюро в другое.

В городе убрали все скамейки, отключили все фонтаны, уничтожили все цветы и деревья. Раз в четверть часа звучали громадные электрические сирены,

установленные на крыше каждого многоквартирного дома (в таких домах жили все). Их вибрация нередко выбрасывала людей из постели. Всю ночь по городу шарили лучи прожекторов (никому не разрешалось пользоваться шторами, занавесками, жалюзи или ставнями).

Никто никогда ни на кого не смотрел ввиду строгого закона против назойливого приставания, с явными попытками или без таковых, с какой бы то ни было целью – сексуальной или какой-либо иной. Все бары и кафе были закрыты. Спиртное можно было приобрести только по специальному разрешению, а приобретенное таким образом спиртное нельзя было ни продавать, ни вручать, ни любым способом передавать никому другому, и присутствие другого лица в помещении расценивалось как достаточное доказательство передачи спиртного.

Двери запирать никому не разрешалось, а полицейские имели отмычки от всех комнат города. В сопровождении психоаналитика они врывались в чей-нибудь дом и принимались за “поиски”. Психоаналитик указывает им на всё, что человек хочет спрятать: тюбик вазелина, клизма, носовой платок, в который он кончил, оружие, нелицензированный алкоголь. К тому же они всегда подвергали подозреваемого крайне унизительному осмотру его голого тела, по поводу чего делали глумливые, оскорбительные замечания. На многих скрытых гомосексуалистов надели смирительную рубашку в тот момент, когда они смазывали задницу вазелином. Недовольство мог вызвать практически любой предмет. Перочистка или колодка для обуви.

– А это еще что такое?

– Перочистка.

– Он говорит, перочистка.

– Что ты говоришь!

– Кажется, это нам и нужно. Эй ты! Пошли.

Через несколько таких месяцев граждане начали жаться по углам, точно запуганные коты.

Разумеется, полиция Аннексии возбуждала дела против попавших под подозрение агентов, диверсантов и инакомыслящих – на конвейерной основе. Что касается допроса подозреваемых, то Бенуэй говорит так:

«Хотя применения пыток я, как правило, избегаю – пытка конкретизирует положение оппонента и мобилизует сопротивление, – угроза пытки помогает вызывать у объекта должное чувство беспомощности и благодарности следователю за ее неприменение. А пытку можно с пользой применять в качестве наказания, когда объект настолько поддается подобной обработке, что воспринимает наказание как заслуженное. С этой целью я разработал несколько разнообразных дисциплинарных мер. Одна из них была известна как Распределительный Щит. К зубам объекта подводятся электрические сверла, которые можно включить в любой момент, после

чего его обучают работе с капризным щитом управления, учат в ответ на звонки и зажигание лампочек вставлять определенные провода в определенные гнезда. Каждый раз, как он ошибается, сверла включаются на двадцать секунд. Эти сигналы подаются с нарастающей быстротой, постепенно выходящей за пределы его реакции. Полчаса у распределительного щита – и объект не выдерживает, как перегруженная мыслящая машина.

Изучение мыслящих машин больше любых интроспективных методов помогает нам разобраться в работе мозга. Западный человек приобретает черты новейших технических устройств. Ширялись когда-нибудь коксом в вену? Он действует прямо на мозг, активизируя связи чистого наслаждения. Наслаждение от морфина – во внутренностях. После укола вы прислушиваетесь к самому себе. Но кокс – это электричество, пропущенное через мозг, и удовольствие от кокса – чисто мозговое, тяга без тела и без чувства. Мозг под воздействием кокса – это обезумевший бильярд-автомат, где в электрическом оргазме сверкают вспышки голубых и розовых огней. Мыслящая машина, в которой начинает копошиться отвратительная жизнь насекомого, вполне способна почувствовать кокаиновое наслаждение. Стремление к коксу длится всего несколько часов, пока стимулируются кокаиновые каналы. Разумеется, кокаиновый эффект можно вызывать, активируя кокаиновые каналы электрическим током...

Так что очень скоро эти каналы изнашиваются, как вены, и наркоману приходится искать новые. Вена со временем снова появятся, и с помощью ловкого чередования вен джанки, если он только не становится попросту прожигателем топлива, может уравнять шансы. Но мозговые клетки, исчезнув, уже не возвращаются, а когда наркоман лишается клеток мозга, жизнь его превращается в жуткую поебень.

Старики, сидящие на корточках, экскременты и ржавое железо, раскаленное добела, и до горизонта – панорама из голых идиотов. Полная тишина – речевые центры у них уничтожены – лишь потрескивание искр да постреливание опаленной плоти, когда они водят электродами вверх и вниз по хребту. В неподвижном воздухе повис белый дым от горящей плоти. Группа детей привязала одного идиота колючей проволокой к столбу, развела у него между ног костер и с животным любопытством глядит, как пламя лижет его бедра. Его охваченное огнем тело подергивается в ничтожной насекомой агонии.

Как обычно, я отвлекаюсь. Пока нет более точных знаний об электронике мозга, крайне важным инструментом следователя в его атаке на подлинную личность объекта остаются наркотики. Барбитураты, в сущности, бесполезны. То есть каждый, кого можно сломить подобными способами, не выдержал бы и тех детских методов, которые применяются в любом американском полицейском участке. При постепенно ослабевающем сопротивлении нередко эффективен скополамин, однако он ослабляет память: агент может быть готов выдать свои секреты, но совершенно не в состоянии их вспомнить, или же его «легенда» и сведения о тайной жизни могут быть безнадежно перепутаны. Во многих случаях успех приносят мескалин, гармалин, LSD-6, буфотенин, мускарин. Булбокапнин вызывает состояние, близкое к шизофренической кататонии... наблюдались случаи автоматического повиновения. Булбокапнин – это депрессант, действующий на затылочные доли мозга и, возможно,

выводящий из строя двигательные центры в гипоталамусе. Другие наркотики, которые вызывают экспериментальную шизофрению, – мескалин, гармалин, LSD-6 – являются стимуляторами затылочных долей мозга. При шизофрении затылочные доли мозга стимулируются и угнетаются попеременно. За кататонией нередко следует период возбуждения и двигательной активности, в течение которого псих набрасывается на охрану, доставляя всем массу хлопот. Безнадежные шизики иногда полностью отказываются от движения и всю жизнь проводят в постели. Нарушение регулирующей функции гипоталамуса определяется как “причина” (с помощью причинного мышления невозможно точно описать процесс обмена веществ – недостатки существующего языка) шизофрении. Чередование доз LSD-6 и булбокапнина – булбокапнину придает силу кураре – дает самый высокий выход автоматического повиновения.

Существуют и другие приемы. Объекта можно довести до глубокой депрессии, вводя большие дозы бензедрина в течение нескольких дней. Психоз можно вызывать непрерывным введением больших доз кокаина или демерола либо резким отнятием барбитуратов после продолжительного приема. Можно вызвать привыкание к дигидрооксигероину и провести отнятие (это соединение вызывает привыкание впятеро быстрее и сильнее, чем героин, и отнятие переносится во столько же раз тяжелее).

Есть различные “психологические методы”, к примеру – принудительный психоанализ. Ежедневно в течение часа объект должен вызывать у себя спонтанные ассоциации (в случаях, когда время не играет роли). «Ну-ну, давай не будем упираться, малыш. А не то папочка позовет страшного человека. Возьми-ка этот игрушечный распределительный щит».

Случай с агентессой, которая забыла собственную подлинную личность и слилась со своей легендой – она так и симулирует до сих пор в Аннексии, – доставил мне массу хлопот другого рода. Агента учат отказываться от собственной личности с помощью отстаивания легенды. Так почему бы не проследить за ним с помощью психического джиу-джитсу? Предположим, легенда и есть его настоящая личность, и другой у него нет. Личность агента становится подсознательной, то есть выходит из-под его контроля, и докопаться до нее можно с помощью наркотиков и гипноза. Добропорядочного гетеросексуального обывателя можно поставить в положение гомика... то есть, укрепляя и поддерживая в нем неприятие обычно скрываемых гомосексуальных тенденций, лишить его в то же время доступа к пизде и подвергнуть гомосексуальной стимуляции. Потом наркотики, гипноз и...» – Бенуэй щелкнул слабым запястьем.

«Многие объекты страдают от сексуального унижения. Нагота, стимуляция афродизиаками, постоянный надзор, смущающий объекта и предотвращающий облегчение, вызываемое мастурбацией (при эрекции во время сна автоматически включается громадная вибрационная электрическая сирена, которая выбрасывает объекта из кровати в холодную воду, снижая таким образом до минимума вероятность “влажных снов”). Такой кайф – загипнотизировать священника и внушить ему, что он должен довести свою ипостасную связь с Агнцем до логического конца, а затем направить ему в жопу какого-нибудь визгливого старого барана. После

этого Следователь может добиться полного гипнотического контроля – объект будет кончать по его свистку и срать на пол, стоит только сказать: «Сезам, откройся!» Нечего и говорить, что явным гомосексуалистам ситуация сексуального унижения противопоказана. (Кстати, надо быть начеку и не забывать о спаренных телефонах... никогда не знаешь, кто подслушивает.) Припоминаю одного малого – я привел его в такое состояние, что он срал у меня на глазах. Потом я мыл ему задницу и дрючил. Это было подлинное наслаждение. Красавчик был что надо. А иногда объект плачет как мальчишка, потому что не в силах удержаться от извержения, когда вы его дрючите. Короче, нетрудно понять, что наши возможности безграничны, как извилистые тропинки в большом прекрасном саду. Но я успел лишь царапнуть манящие грани этой проблемы, как Партийные Простофили подвергли меня чистке. …Ну что ж, son cosas de la vida[16]».

Я добираюсь до Свободии, а она – Боже мой! – чиста и уныла. Бенуэй заведует ВЦ, Восстановительным Центром. Я вхожу и: что с тем-то и тем-то? И пошло-поехало:

– Сиди Идрисс "Стукач" Смизерс напел всё сендерам за сыворотку долголетия. Старого гомика могила исправит.

– Лестер Строганофф Смуун – "Эль Хассейн" – заделался латахом и пытается довести до совершенства ПАП – Процесс Автоматического Повиновения. Мученик отрасли...

(Латах – это состояние, характерное для выходцев из Юго-Восточной Азии. Нормальные во всех других отношениях, латахи вынуждены копировать каждый жест, как только их внимание привлекается щелчком пальцев или резким окликом. Один из видов принудительно-непроизвольного гипноза. Иногда они наносят себе раны, пытаясь копировать движения сразу нескольких людей.)

– Остановите меня, если услышите этот атомный секрет...

Лицо Бенуэя сохраняет свои черты в фотовспышке настойчивости, ежесекундно подвергаясь неописуемому расщеплению или метаморфозе. Оно мерцает, как фильм, то теряющий, то вновь обретающий резкость изображения.

– Идемте, – говорит Бенуэй, – я покажу вам ВЦ.

Мы идем по длинному белому коридору. Голос Бенуэя вплывает в мое сознание из какого-то неопределенного места... освобожденный от телесной оболочки голос, то громкий и отчетливый, то еле слышный, как музыка в конце продуваемой ветром улицы.

– Изолированные группы, вроде туземцев архипелага Бисмарка[17]. У них нет явного гомосексуализма. Чертов матриархат. Во всяком матриархате царят антигомосексуализм, конформизм и адская скука. Окажешься в матриархате – иди, только не беги, к ближайшей границе. Стоит побежать, и тебя наверняка пристрелит какой-нибудь отчаявшийся латентный гомик из полиции. Так кто же хочет создать плацдарм для гомогенности в таком хаосе возможностей, как Западная Европа и США? Еще один ебучий матриархат, что бы ни говорила Маргарет Мид[18]... Вон там

вышла неприятность. Бой на скальпелях с коллегой в операционной. А моя ассистентка-бабуин набросилась на пациента и разорвала его в клочья. В потасовке бабуины всегда нападают на слабейшую сторону. И они совершенно правы. Нам не следует забывать наших славных обезьяньих традиций. Противником моим был Док Браубек. Бывший подпольный акушер и толкач джанка (вообще-то он был ветеринаром), вновь призванный на службу во время нехватки рабочей силы. Так вот, Док все утро проторчал на больничной кухне, щупал там сестер и заправлялся угольным газом и "климом" – а перед самой операцией он, дабы набраться храбрости, глотнул двойную дозу мускатного ореха.

(В Англии, а особенно в Эдинбурге, граждане кипятят каменноугольный газ в климе – жутком порошковом молоке вкуса тухлой известки, – а потом от всего этого тащатся. Чтобы оплатить счет за газ, они закладывают всё подряд, а если приходит человек отключить его за неуплату, их воплями оглашается вся округа. Когда кто-то из тамошних жителей страдает от своей потребности, он говорит: «Я спекся» или: «Эта старая печь мне на спину лезет».

Мускатный орех. Цитирую статью данного автора о наркотических средствах в "*British Journal of addiction*" (см. Приложение): «Заключенные и матросы иногда развлекаются мускатным орехом. Проглатывается примерно столовая ложка и запивается водой. Результаты смутно напоминают марихуану с побочными эффектами в виде головной боли и тошноты. Среди индейцев Южной Америки в ходу некоторые наркотики семейства мускатных орехов. Их обычно употребляют, вдыхая через нос сухой порошок из растения. Шаманы принимают эти ядовитые вещества и впадают в конвульсии. Считается, что их судороги и бормотания имеют пророческий смысл».)

«Я страдал похмельем от Йаге и был не в состоянии принимать никакого браубекского дерьма. А он как налетит на меня и давай твердить, что разрез я должен делать не спереди, а сзади, после чего и вовсе понес околесицу: мол, обязательно надо отрезать желчный пузырь, а не то мясо провоняет на хуй. Решил, что потрошит цыпленка на ферме. Я велел ему пойти и снова сунуть голову в печь, тогда он имел наглость толкнуть мою руку и перерезал пациенту бедренную артерию. Кровь хлынула струей и ослепила анестезиолога, который с воплями бросился бежать по коридорам. Браубек попытался ударить меня коленом в пах, а мне удалось покалечить его скальпелем. Он ползал по полу и наносил мне удары по ногам. Вайолет, моя ассистентка-бабуин, – единственная женщина, к которой я хоть как-то отношусь, – очумела вконец. Я уже влез на стол и изготовился прыгнуть на Браубека обеими ногами и затоптать его, но тут ворвались копы.

Короче, этот скандал в операционной, «это неописуемое происшествие», как назвал его старший офицер, стало, можно сказать, последней каплей. Приближалась стая волков-убийц. Распятие на кресте – иначе это не назовешь. Разумеется, и я совершал кое-какие "dumheits[19]". А кто нет? Как-то мы с анестезиологом выпили весь эфир, а больной нас застукал к тому же меня обвинили в разбавлении кокаина саночистителем. На самом-то деле это натворила Вайолет. Пришлось, конечно, ее выгораживать...

Кончилось тем, что всех нас с позором изгнали из отрасли. Конечно, Вайолет диплома коновала не имела, да и Браубек тоже, по правде говоря. Мало того – даже мой собственный диплом поставили под сомнение. Однако Вайолет разбиралась в медицине лучше, чем вся Клиника Майо[20]. Она обладала необыкновенной интуицией и высоким чувством долга.

Короче, выставили меня коленом под зад, да еще и без диплома оставили. Стоило ли заняться другим ремеслом? Нет. Врачевание было у меня в крови. Мне удалось продолжить привычное занятие – я стал делать дешевые аборты в туалетах подземки. Я дошел до того, что начал заманивать беременных женщин на Улицах. Это уж было решительно неэтично. Потом я встретил замечательного парня – Хуана Плаценту, Магната Детского Места. Сколотил себе состояние на выкидышах во время войны. (Выкидыши – это детеныши животных, рождающиеся недоношенными вместе с детским местом и бактериями, как правило, в антисанитарных и неподходящих условиях. Детеныш не может быть продан в качестве пищи, если родился ранее чем через шесть недель. До этого времени он классифицируется как выкидыш. Торговля выкидышами влечет за собой строгое наказание.) Хуанито контролировал целый флот торговых судов, которые он регистрировал под абиссинским флагом, дабы избежать надоедливых ограничений. Он взял меня судовым врачом на пароход “Филиарис” – более мерзкого суденышка по морям не плавало. Оперируя одной рукой, другой я отгонял от больного крыс, а с потолка градом сыпались клопы и скорпионы.

Итак, кому-то при подобном положении дел понадобилась гомогенность. Могу устроить, но это дорого обойдется. Лично мне вся эта затея уже давно надоела... Вот и пришли... Переулок Тоски».

Бенуэй рукой выписывает в воздухе какой-то узор, и дверь распахивается. Мы входим, и дверь закрывается. Длинная палата, сверкающая нержавеющей сталью, белый кафельным пол, стены из стеклоблоков. Вдоль одной из стен – кровати. Никто не курит, никто не читает, никто не разговаривает.

– Подойдите, приглядитесь, – говорит Бенуэй, – вы никого не смутите.

Я прохожу дальше и останавливаюсь перед человеком, который сидит на кровати. Я смотрю этому человеку в глаза. Никто, ничто не смотрит в ответ.

– ННП,– говорит Бенуэй, – Необратимое Нервное Повреждение. Можно сказать, сверхосвобождены... обуза для отрасли. Я провожу рукой перед глазами человека.

– Да,– говорит Бенуэй. – Рефлексы у них еще остались. Смотрите.

Бенуэй вынимает из кармана плитку шоколада, распечатывает ее и протягивает к носу человека. Человек принюхивается. Его челюсти начинают работать. Он делает хватательные движения руками. Слюна капает изо рта и длинными нитями свисает с подбородка. Его желудок урчит. Все его тело корчится в перистальтике. Бенуэй отступает назад, держа шоколад на весу. Человек бросается на колени, запрокидывает голову и лает. Бенуэй бросает шоколад. Человек пытается схватить его на лету

зубами, промахивается и принимается ползать по полу, издавая слюнявые звуки. Он ползет под кровать, находит шоколад и запихивает его обеими руками в рот.

– Боже! Что за низкого пошиба людишки, эти НП!

Бенуэй подзывает санитара, который сидит в конце палаты и читает книгу пьес Дж. М. Бэрри[21].

– Уберите отсюда этих ебучих НП. Это уже ни в какие ворота не лезет! Да и туристическому бизнесу во вред.

– Что же мне с ними делать?

– Это меня не ебет! Я ученый. Чистый ученый. Уберите их отсюда – и дело с концом. Я на них смотреть не обязан. Мне это бельмо на глазу ни к чему.

– Но как? Куда?

– Как положено. Звякните Окружному Координатору или как он там себя именует... каждую неделю новый титул. Не удивлюсь, если его вообще не существует.

У двери доктор Бенуэй останавливается и оглядывается на ННП.

– Наши неудачи, – говорит он. – Ничего, это в порядке вещей.

– Они когда-нибудь возвращаются?

– Они не возвращаются и не вернутся, раз ушли, – негромко напевает Бенуэй. – Так... В этой палате кое-кто сгорает от нетерпения.

Больные стоят группами, переговариваясь и харкая на пол. В воздухе серой дымкой повис джанк.

«Вот зрелище, которое греет душу, – говорит Бенуэй. – Эти джанки стоят и ждут Человека. Шесть месяцев назад все они были шизофрениками. Некоторые годами не вылезали из постели. И вот вам пожалуйста, взгляните на них. В своей практике я никогда не встречал джанки-шизофреников, а ведь для большинства джанки характерен как раз шизоидный физический тип. Если хочешь кого-то от чего-то вылечить, выясни, кто этим не болеет. Так у кого этого нет? Этого нет у джанки. Да, в Боливии, между прочим, есть место, где не бывает психозов. В горах там совершенно нормальный народец. Хотелось бы туда выбраться, пока там всё не испоганили грамотность, реклама, телевидение и кинотеатры для автомобилистов. Изучаю только метаболизм: питание, употребление наркотиков и алкоголя, секс и так далее. Кому какое дело, о чем они думают? Осмелюсь предположить, что о той же самой чепухе думает каждый.

А почему у джанки не бывает шизофрении? Пока не знаю. Шизофреник может пренебречь голодом и умереть, если его не покормят. Но никто не в состоянии игнорировать отнятие героина. Сам факт наркомании предполагает контакт.

И это лишь одна сторона вопроса. Мескалин, LSD-6, распавшийся адреналин, хармалин могут вызывать состояние, близкое к шизофрении. Самую лучшую наркоту выделяют из крови шизиков, поэтому не исключено, что шизофрения – это наркотический психоз. Можно сказать, Человек Внутри, то есть шизофрения и наркомания метаболически связаны. (Интересующиеся читатели отсылаются к Приложению.)

На терминальной стадии шизофрении постоянно подавляются затылочные доли мозга, а лобные доли практически лишены содержимого, поскольку лобные доли активизируются только в ответ на стимуляцию затылочных.

Морфин, подобно шизофренической субстанции, вырабатывает противоядие, препятствующее стимуляции затылочных долей мозга. (Обратите внимание на сходство между синдромом отнятия и интоксикацией Йаге или LSD-6.) Конечным результатом употребления джанка – а это особенно верно для героинизма, если наркоман получает большие дозы, – является постоянное подавление затылочных долей мозга и состояние, очень напоминающее терминальную стадию шизофрении: полнейшее отсутствие эмоций, аутизм, фактическое прекращение мозговой деятельности. Наркоман может восемь часов подряд смотреть на стену. Он осознает свое окружение, но оно не вызывает у него никаких эмоциональных ассоциаций, а следовательно – никакого интереса. Воспоминание о периоде тяжелой наркомании подобно прослушиванию магнитофонной записи событий, воспринятых только лобными долями мозга. Унылое изложение внешних событий. «Я пошел в лавку и купил немного бурого сахара. Я пришел домой и съел полкоробки. Я уколол себе три грана» – и так далее. В этих воспоминаниях полностью отсутствует ностальгия. Однако, как только потребление джанка падает ниже нормального уровня, организм заполняет субстанция отнятия.

Если всякое наслаждение – это избавление от стресса, то джанк избавляет от жизненного процесса в целом, отключая гипоталамус, который является центром психической энергии и либидо.

Некоторые мои ученые коллеги (безымянные задницы) полагают, что джанк вызывает свой эйфорический эффект, непосредственно стимулируя центр оргазма. Представляется более вероятным, что джанк приостанавливает весь цикл напряжения, разрядки и отдыха. На джанки функции оргазма не распространяются. Скука, которая всегда указывает на неразряженное напряжение, наркомана никогда но беспокоит, он может восемь часов разглядывать свой башмак. Он пробуждается к действию, только когда иссякают песочные часы джанка».

В дальнем конце палаты санитар подбрасывает вверх закрытую металлическую коробочку и издает призывный клич борова. Джанки бросаются к нему, хрюкая и визжа.

– Ну и умник, – говорит Бенуэй. – Никакого уважения к человеческому достоинству. Теперь я покажу вам человека с небольшим отклонением от нормы и палату уголовников. Да, уголовник здесь – это человек с небольшим отклонением. Законов Свободии он не отрицает. Он всего лишь хочет обойти несколько пунктов.

Предосудительно, но не слишком серьезно. Сюда, по этому коридору... Мы пропустим палаты 23, 86, 57 и 97... и лабораторию.

– Считаются ли гомосексуалисты ненормальными?

– Нет. Вспомните архипелаг Бисмарка. Никакого явного гомосексуализма. Действующее полицейское государство в полиции не нуждается. Никому не приходит на ум, что гомосексуализм – это допустимая норма поведения... При матриархате гомосексуализм – это политическое преступление. Никакое общество не допустит явного отрицания его основных догматов. У нас здесь, слава Аллаху, не матриархат. Вам же известен эксперимент с крысами, при котором они подвергаются электрошоку и опускаются в холодную воду, если только пошевелятся при виде самки. Так все они становятся крысами-фруктами, и именно так обстоит дело с этиологией. А если такая крыса пропищит: «Я гомик, и я люблю-у-у-у это» или: «Кто его тебе отрезал, ты, уродец с двумя дырками?» – значит, это пищит добропорядочная крыса. Во время моей весьма недолгой практики в качестве психоаналитика – вышли хлопоты с Обществом – один больной взбеленился и принялся поливать из огнемета Центральный вокзал, двое покончили с собой, а еще один умер в постели, как крыса джунглей (крысы джунглей, попадая вдруг в безнадежную ситуацию, как правило, подыхают). Вот его родственнички и поднимают скулёж, а я им и говорю: «Это в порядке вещей. Забирайте своего жмурика. Моим живым пациентам от него одно расстройство». Я заметил, что все мои пациенты-гомосексуалисты имеют сильные подсознательные гетеросексуальные тенденции, а все гетеропациенты – подсознательные гомосексуальные тенденции. Что, голова кру́гом?

– И какой отсюда вывод?

– Вывод? Да никакого. Так, наблюдение мимоходом.

Мы завтракаем в кабинете Бенуэя, когда звонит телефон:

– Что такое?.. Чудовищно! Немыслимо!.. Продолжайте и будьте начеку. Он кладет трубку.

– Я готов немедленно перейти на службу в “Islam Inc.”. Похоже, электронный мозг спятил, играя с Техником в шестимерные шахматы, и выпустил из ВЦ всех объектов. Перейдем на крышу. Необходим Боевой Вертолет.

С крыши ВЦ мы обозреваем картину не имеющего себе равных ужаса. ННП толпятся перед столиками кафе, с подбородков у них свисают длинные нити слюны, с шумом вспениваются желудки, некоторые при виде женщин извергают семя. Латахи с обезьяньим бесстыдством подражают прохожим. Джанки ограбили аптеки и раскумариваются на каждом углу... Кататоники в парках украшают деревья... Возбужденные шизофреники со сдавленными нечеловеческими воплями несутся по улицам. Группа ЧВЗ – Частично Восстановивших Здоровье – окружила нескольких туристов-гомосексуалистов, скалясь жуткими ехидными ухмылками и демонстрируя под ними нордический череп в двойной экспозиции.

– Что вам нужно? – огрызается один из гомиков.

– Мы хотим понять вас.

Группа ревущих обезьянопатов раскачивается на фонарях, балконах и деревьях, испражняясь на прохожих. (Обезьянопат – специального названия этого расстройства я сейчас не помню – это гражданин, убежденный, что он – человекообразная обезьяна. Это заболевание свойственно исключительно армии, и демобилизация его излечивает.) Обезумевшие амоки на ходу отрубают головы, лица потные и отрешенные, с мечтательными полуулыбками... Граждане с начальной стадией Банг-утота сжимают в руках свои пенисы и зовут на помощь туристов... Арабские мятежники с визгом и воем кастрируют, потрошат и поливают всё вокруг горящим бензином... Танцующие мальчики устраивают стриптиз с демонстрацией кишечника, женщины вонзают себе в пизду отрезанные гениталии и пританцовывают, вихляя задницей, после чего швыряют их в желанного мужчину... Религиозные фанатики разглагольствуют с вертолетов перед толпой и градом сыплют на людские головы каменные плитки с бессмысленными откровениями... Люди-Леопарды, рыча и покашливая, рвут людей на части железными когтями... Куакиутльское Каннибальское Общество приступает к обряду откусывания носов и ушей...

А копрофаг просит тарелку, срет на нее и ест дерьмо, восклицая: «М-м-м-м-м, моя питательная субстанция».

По улицам и вестибюлям отелей бродит в поисках жертв целый батальон агрессивных зануд. Интеллектуал-авангардист – «Разумеется, из всего написанного в настоящее время достойны рассмотрения лишь научные труды и периодические издания» – сделал какому-то человеку инъекцию булбокапнина и готовится прочесть ему бюллетень о «применении неогемоглобина в контролировании множественной дегенеративной гранулемы». (Все доклады, конечно, – тарабарщина, которую он сам состряпал и напечатал.)

Его вступительные слова: «Вы кажетесь мне разумным человеком». (Всегда предвещающие беду слова, мой мальчик… Если слышишь их, не задерживайся на своем пути, а немедленно уходи прочь).

Англичанин из колоний, сопровождаемый пятью полицейскими, остановил в клубном баре какого-то субъекта:

– Послушай, ты знаешь Мозамбик? – И он пускается в бесконечное повествование о своей малярии:

– Вот доктор и сказал мне: «Могу лишь посоветовать вам покинуть эту местность. Иначе я вас похороню». Этот коновал держит на стороне небольшое похоронное бюро. Можно сказать, уравнивает шансы и время от времени подбрасывает сам себе выгодную работенку.

А после третьей порции розового джина, познакомившись с вами поближе, он переходит на дизентерию:

– Испражнения какие-то странные. Светло-желтые такие, вроде как протухшая сперма, только волокнистые.

Путешественник в тропическом шлеме выпустил в одного гражданина из воздушной трубки отравленную кураре стрелу и делает ему ногой искусственное дыхание. (Кураре убивает, парализуя легкие. Он не обладает токсическим эффектом, строго говоря, не является ядом. Если сделать искусственное дыхание, человек не умрет. Кураре с огромной скоростью уничтожается почками.)

– Это было в год чумы рогатого скота, когда умирало все, даже гиены... Вот я и остался в верховьях Бабуиновой Задницы без капли K-Y[8]. Когда K-Y сбросили наконец с самолета, моя благодарность не знала границ... В сущности, а я никогда раньше не говорил этого ни одной живой душе – безнадежные недоумки, – его голос эхом отдается в громадном пустом вестибюле отеля в стиле 1890-х годов: красный плюш, фикусы, позолота и статуи, – я единственный из всех белых, кто вступал в Агутийское[22] общество, наблюдал его отвратительные ритуалы и участвовал в них.

(Агутийское общество распущено из-за Фиесты чиму. В древнем Перу чиму нередко предавались педерастии, а иногда устраивали кровавые побоища с дубинками, доводя число убитых и раненых за день до нескольких сотен. Юноши, усмехаясь и подталкивая друг друга дубинками, движутся к полю. И вот начинается битва).

Благосклонный читатель, уродливость этого зрелища лишает смысла любое описание. Кто способен быть съежившимся и обоссывающимся трусом и все же злым, как лиловозадый мандрил[23], чередуя эти скверные состояния, как водевильные скетчи? Кто способен срать на поверженного противника, который, умирая, ест дерьмо и мычит от наслаждения? Кто способен повесить слабого пассивного партнера и хватать ртом его сперму, как злой и порочный пес? Благосклонный читатель, я охотно избавил бы тебя от всего этого, но перо мое своенравно, как Старый Мореход[24]. О Боже, что за зрелище! Неужели язык и перо в силах примириться с подобными постыдными фактами? Озверевший юный хулиган выдавил глаз своему собрату и ебет его в мозг: «Этот мозг уже зачах и высох, точно бабушкина пизда».

Он превращается в рок-н-ролльного хулигана: «Дрючу я эту старую манду – и получается вроде кроссворда, – какое отношение имеют ко мне последствия, если они последуют? Уже папаша, что ли, или нет еще? Нет, тебя, старина, я дрючить не буду, ведь ты мне вроде как папашей приходишься, надо бы поступить по справедливости – перерезать тебе глотку и отдрючить мамашу, не ебать же собственного отца, а может, и vice versa, mutatis mutandis[3], как уж обернется дело: перерезать глотку матери, этой святой манде, – самый лучший способ перекрыть ее словесный поток и заморозить добродетель. Я говорю, если то и дело переключаться с мужиков на баб и обратно, попадешь впросак и в толк не возьмешь, то ли жопу подставлять дряхлой “важной птице”, то ли так и дрыгаться на собственной старухе. Дайте мне две пизды и хер из стали и уберите свой грязный палец подальше от моей сладенькой попочки я вам не какой-нибудь безответный лиловозадый ублюдок, я не с Гибралтара сбежал. Мужчину и женщину – оскопил их он[25]. Кто ж не отличит мужчину от женщины? Я тебе глотку перережу, ты, белый распиздяй. Вылезай-ка, внучек, и сойдись со своей неродившейся матерью в битве с неясным исходом. Заебала его шедевр неразбериха.

Я ошибся личностью и перерезал глотку сторожу, он оказался таким же жутким разъебаем, как мой старик. А в угольном бункере все хуи одинаковы».

Однако вернемся на поле битвы. Один юнец пронзает своего товарища, а другой немедля ампутирует самый величественный орган трепещущего получателя хуя, отчего вошедший член выдвигается вперед, дабы заполнить пустоту, коей не терпит природа, и извергает семя в Черную Лагуну, где нетерпеливая пиранья подхватывает дитя, которое не только еще не родилось, но и – в свете определенных, точно установленных фактов – вряд ли родилось бы вообще.)

Другой зануда таскает с собой чемодан, набитый медалями и призами, кубками и лентами.

– Вот этот я завоевал на Иокогамском Конкурсе на Самое Остроумное Сексуальное Приспособление. (Держите его, он бешеный!) Мне его вручил сам император, на глаза его навернулись слезы, а все побежденные кастрировали себя ножами для харакири. А тот приз я взял на Конкурсе Деградации во время тегеранского собрания Анонимных Джанки.

– Сторчал всю морфу моей благоверной, а она мучается почечным камнем величиной с бриллиант “Надежда”. Вот я и отдаю ей часть вагамина[26] и говорю: «Особого облегчения не жди... И вообще заткнись. Мне и самому не грех подлечиться».

– Стянул опиумную свечу из жопы моей бабушки.

Ипохондрик ловит арканом прохожего, надевает на него смирительную рубашку и принимается рассказывать о своей гниющей перегородке:

– У меня бывают ужасные гнойные выделения... подожди, подожди, сейчас увидишь.

Он демонстрирует стриптиз до операционных шрамов, направляя сопротивляющиеся пальцы жертвы.

– Пощупай эту гноящуюся опухоль у меня в паху, там есть лимфогранулемы... А теперь я хочу, чтобы ты пощупал мой внутренний геморрой.

(Здесь говорится о лимфогранулеме, “климактерических бубонах”. Вирусное венерическое заболевание, родом из Эфиопии. «Не зря же нас величают блудострастными эфиопами», – усмехается эфиопский наемник, содомируя Фараона, ядовитого, как королевская кобра. В древнеегипетских папирусах то и дело встречаются упоминания об этих самых блудострастных эфиопах.

Итак, возникла болезнь в Аддис-Абебе, как джерси на острове Джерси, но теперь другие времена, Единый Мир. Ныне климактерические бубоны набухают в Шанхае и Эсмеральдасе, Нью-Орлеане и Хельсинки, Сиэтле и Кейптауне. Однако душа тоскует по родному дому, и болезнь, питающая особое пристрастие к неграм, превратилась в любимый конек белых расистов. А знахари племени Мау-Мау изобретают, по слухам,

чудненькую венерическую хворь специально для белых. Впрочем, белая раса тоже не обладает иммунитетом: пятеро британских моряков подцепили заразу в Занзибаре. А в арканзасском Округе Дохлого Негра ("Самая Черная Грязь, Самые Белые Люди в США – Ниггер, Смотри, Чтобы Закат Не Застал Тебя Здесь") Коронер Округа покрылся бубонами от носа до кормы. Когда стало известно о его интересном положении, члены ближайшего комитета бдительности, непрерывно извиняясь, сожгли его в уборной Здания Суда. «А сейчас, Клем, просто представь, что ты корова, больная афтозом». «Или чумной цыпленок». «Не подходите близко, ребята, его кишки, того и гляди, взорвутся от огня». Эта зараза способна разноситься в два счета – в отличие от несчастных вирусов, коим суждено встретить свой жалкий конец в кишках клеща или москита джунглей, а то и в слюне подыхающего шакала, серебристой в лунном свете пустыни. А после первичного поражения инфекцией болезнь переходит на паховые лимфатические узлы, и те распухают и лопаются, образуя гноящиеся трещины, которые днями, годами сочатся гноем, тягучими гнойными выделениями с примесью крови и гнилой лимфы. Частым осложнением является элефантиаз половых органов, кроме того, отмечались случаи гангрены, при которой требовалась, но вряд ли помогала, немедленная ампутация всех членов больного ниже пояса. Женщины, как правило, страдают от вторичной инфекции в заднем проходе. Лица мужского пола, которые примиряются с положением пассивного партнера и, точно слабые и быстро становящиеся лиловозадыми бабуины, совокупляются с зараженными, также могут вскормить в себе этого маленького чужака. Первичный проктит с неизбежными гнойными выделениями – которые в суматохе могут остаться незамеченными – переходит в сужение прямой кишки, требующее вмешательства яблочного ножа или его хирургического эквивалента, а иначе может дойти до того, что несчастный больной начнет непроизвольно пердеть и срать, приобретя при этом устойчивый дурной запах изо рта и непопулярность среди homo sapiens всех полов, возрастов и состояний. От одного слепого педераста сбежала даже овчарка-поводырь – а в душе легавая. До недавнего времени удовлетворительных методов лечения не существовало. «Лечение симптоматическое» – что в медицине означает полнейшее отсутствие такового. В настоящее время многие случаи поддаются интенсивной терапии ореомицином, террамицином и некоторыми новейшими видами плесневых грибков. Однако и до сих пор немало больных упрямятся, точно горные гориллы... Так что, мальчики, когда забористые нотки зазвучат над вашими яйцами и хером и устремятся вам в задницу, словно выпущенные из невидимого голубого оргонного[27] воспламенителя, говоря словами Дж. Б. Уотсона[28], задумайтесь. Отбросьте страсть и щупайте напасть... а уж нащупав бубон, тут же выходите из игры и гнусаво проскулите: «По-твоему, я так и рвусь подцепить твою гнусную хворь? И вовсе я не рвусь».)

На улицах всех стран буйствуют юные рок-н-ролльные хулиганы. Они врываются в Лувр и плещут кислотой в лицо Моны Лизы. Они открывают зоопарки, сумасшедшие дома, тюрьмы, разрушают отбойными молотками водопроводные магистрали, выдалбливают полы в туалетах пассажирских самолетов, меткими выстрелами гасят маяки, подпиливают лифтовые тросы, оставляя лишь тонкую проволочку, направляют в водопровод сточные трубы, бросают в плавательные бассейны акул и ядовитых скатов, электрических угрей и кандиру (кандиру – это маленькая, похожая на угря рыбка или червь, около четверти дюйма поперек и двух дюймов в длину,

властвующая над некоторыми реками с дурной репутацией в Большом Бассейне Амазонки: проникает в хер или в жопу, a faute de mieux[29] – и в пизду и удерживается там с помощью острых игл, причем точно не установлено, с какими целями, поскольку никто еще не решился пронаблюдать жизненный цикл кандиру in situ[30]), в гидрокостюмах таранят "Куин Мэри", на полной скорости идущую в нью-йоркскую бухту, играют в "цыпленка"[31] с пассажирскими самолетами и автобусами, надев белые халаты, врываются в больницы с пилами, топорами и скальпелями в три фута длиной, отрывают паралитиков от железных легких (подражая тому, как те задыхаются, шлепаются на пол и закатывают глаза), делают инъекции велосипедными насосами, отключают искусственные почки, распиливают женщину пополам двуручной хирургической пилой; они загоняют на Черный рынок стада визжащих свиней, они срут на пол в здании ООН и подтирают жопу договорами, пактами, альянсами.

На самолетах, автомобилях, лошадях, верблюдах, слонах, тракторах, велосипедах и паровых катках, пешком, на лыжах, санях, костылях и детских пружинных ходулях туристы штурмуют границы, с непререкаемым авторитетом требуя убежища ввиду «невыносимых условий существования в Свободии». Торговая Палата прилагает тщетные усилия к тому, чтобы остановить это стихийное бедствие: «Просьба соблюдать спокойствие. Просто из одного сумасшедшего местечка вырвалось несколько сумасшедших».

ХОЗЕЛИТО

И Хозелито, который писал плохие, проникнутые классовым сознанием стихи, начал кашлять. Немецкий доктор произвел беглый осмотр, касаясь ребер Хозелито длинными изящными пальцами. Доктор был также концертирующим скрипачом, математиком, мастером шахмат и доктором международного права с лицензией на практику в туалетах Гааги. Доктор бросил на смуглую грудь Хозелито тяжелый отрешенный взгляд. Он посмотрел на Карла, улыбнулся – один образованный человек улыбается другому – и вскинул бровь, как бы говоря:

«Also, при этом безмозглом хаме лучше слов не употреблять, не так ли? А не то он обосрется от страха. Кох и харкота – оба слова, по-моему, достаточно мерзкие».

Вслух он сказал:

– Это катарро де лос легкие.

Карл разговаривал с доктором у дома, под узкой аркадой, дождь брызгал с улицы ему на брюки, он думал, скольким людям ему уже приходилось это говорить, а перед глазами доктора стояли лестницы, веранды, газоны, аллеи, коридоры и улицы всего мира... душные немецкие альковы, больничные судна в штабеле до потолка, вкрадчивый зловещий запах уремии, сочащийся из-под двери, окраинные лужайки, оглашающиеся звуком дождевальной установки, тихая ночь в джунглях под бесшумными крыльями малярийного комара. (Примечание: это не метафора – малярийные комары действительно бесшумны.) Богато убранная коврами, благопристойная частная лечебница в Кенсингтоне: жесткий парчовый стул и чашка чая, современная шведская гостиная с водяными гиацинтами в желтой вазе, снаружи – прозрачно-голубое небо севера с плывущими облаками, на стене – плохие акварели умирающего студента-медика.

– Лучше шнапс, фрау Ундершнитт.

Доктор говорил по телефону, перед ним была шахматная доска.

– Поражение, я считаю, довольно тяжелое... конечно, не глядя во флюороскоп. – Он берется за коня, а потом задумчиво ставит его на прежнее место. – Да... оба легких... совершенно определенно. – Он кладет трубку и поворачивается к Карлу. – Я заметил, что у этих людей поразительно быстро заживают раны, и инфекция при этом почти не распространяется. Здесь всегда легкие... пневмония и, разумеется, Добрая Старая. – Доктор хватает Карла за половой член и с вульгарным хамским гоготом вскакивает со стула. На лице его, несмотря на эту грубую ребяческую или звериную выходку, остается европейская улыбка. Он спокойно продолжает на своем до жути безакцентном, бесплотном английском: – Наша Добрая Старая Бацилла Коха. – Доктор щелкает каблуками и резко наклоняет голову. – А не то их идиотские хамские жопы так и размножались бы до самого моря, верно? – Он визжит, резко приближая лицо к самому лицу Карла. Карл отходит в сторону, и позади него – серая стена дождя.

– А могут его где-нибудь вылечить?

– Кажется, есть нечто вроде санатория,– это слово он растягивает с двусмысленным цинизмом, – в Окружной Столице. Я напишу вам адрес.

– Химическая терапия?

Голос Карла с трудом пробивается сквозь сырой воздух.

– Это как сказать. Все они тупые хамы, а худшие из всех хамов – так называемые образованные. Этим людям нельзя позволять учиться не только читать, но и говорить. Нет нужды не позволять им думать: об этом позаботилась природа.

– Вот адрес, – прошелестел доктор, не шевеля губами.

Он бросил в ладонь Карла скомканную бумажку. Его грязные пальцы, лоснящиеся поверх грязи, задержались на рукаве Карла.

– Остался вопрос о моем гонораре.

Карл сунул ему одну банкноту из пачки... и доктор исчез в серых сумерках, потасканный и неприметный, как старый джанки.

Карл увидел Хозелито в просторной, чистой, залитой светом комнате с ванной и бетонным балконом. И не о чем говорить здесь, в холодной пустой комнате с водяными гиацинтами в желтой вазе и прозрачно-голубым китайским небом с плывущими облаками, и страхом, мерцающим в его глазах. Когда он улыбался, страх улетучивался лучиками света, загадочно исчезавшими в высоких холодных углах комнаты. Да и что я мог сказать, чувствуя вокруг себя смерть и маленькие фрагментарные образы, которые возникают в сознании перед сном?

– Завтра меня переведут в другой санаторий. Приходи ко мне. Я там буду один.

Он закашлялся и принял кодеиниту.

– Доктор, насколько я понимаю, то есть как мне дали понять... я читал и слышал – сам-то я не медик, да и не прикидываюсь таковым, – что теория санаторного лечения практически вытеснена, или, по крайней мере, в значительной степени дополнена химической терапией. Как по-вашему, это правильно? Я хочу сказать, доктор, прошу вас, признайтесь мне со всей откровенностью, как мужчина мужчине, что вы думаете о соперничестве химического и санаторного методов лечения? Вы что, партизан?

Индейское лицо доктора, выдававшее больную печень, было непроницаемо, как у сдающего карты.

– Вполне современно, как видите. – Лиловыми от плохого кровообращения пальцами он указывает в направлении комнаты. – Ванна... вода... цветы. Да и всё

прочее. – Закончил он с акцентом кокни и с победной ухмылкой. – Я напишу для вас письмо.

– То самое письмо? В санаторий? Доктор говорил из страны черных скал и больших радужно-бурых лагун.

– Обстановка... современная и удобная. Надеюсь, вы у б е д и л и с ь, что это так и есть?

Карл не видел санатория из-за декоративного фасада, покрытого зеленой штукатуркой и увенчанного непонятной неоновой рекламой, мертвой и зловещей на фоне неба в ожидании темноты. Санаторий был, очевидно, построен на большом известняковом мысу, где цветут деревья и тянутся к морю усики ползучих растений. В воздухе стоял сильный запах цветов.

Команданте сидел за длинными деревянными подмостями, под увитой плющом решеткой. Он абсолютно ничего не делал. Взяв письмо, которое вручил ему Карл, он принялся читать, шевеля губами и водя по строчкам левой рукой. Потом наколол письмо на гвоздь над унитазом и начал что-то выписывать из гроссбуха, полного цифр. Он все писал и писал.

В голове у Карла мягко распускались фрагментарные образы, он неслышно и стремительно покидал свое тело. Ярко и отчетливо увидел он издалека самого себя, сидящего в закусочной. Передозировка гера. Его старуха трясет его и держит у него под носом горячий кофе.

На улице старый джанки в костюме Санта-Клауса продает рождественские брелоки. «Боритесь с туберкулезом, братва», – шепчет он своим бесплотным джанковым голосом. Хор Армии Спасения, состоящий из искренних футбольных тренеров-гомосексуалистов, поет "В предвкушении сладостной сделки".

Карл снова вплыл в свое тело – бескрылый джанковый призрак.

«Можно, конечно, дать ему взятку». Команданте постукивает пальцем по столу и мурлычет "Вечером во ржи". Рассеянно, потом назойливо, почти как туманный горн за долю секунды до страшного кораблекрушения.

Карл наполовину вытащил из брючного кармана банкноту... Команданте стоял возле огромной панели запирающихся шкафчиков и ящиков для хранения ценностей. Он взглянул на Карла, больные звериные глаза погасли, умирая изнутри в безысходном страхе, отражающем лик смерти. В запахе цветов, с банкнотой, наполовину торчащей из кармана, Карл почувствовал страшную слабость, дыхание сперло, кровь застыла в жилах. Он находился в огромном вертящемся конусе, постепенно превращавшемся в черную точку.

– Химическая терапия?! – Его плоть испустила крик, пронесшийся по безлюдным раздевалкам и баракам, затхлым курортным гостиницам и призрачным, кашляющим

коридорам туберкулезных санаториев, брюзжащим, отхаркивающим болезненный помойный запах ночлежкам и приютам для престарелых, большим пыльным таможенным ангарам и складам, мимо разрушенных портиков и замызганных арабесок, железных писсуаров, истертых в тонкую бумагу мочой миллионов педиков, пустынных, заросших сорняками отхожих мест с застарелым запахом дерьма, вновь превращающегося в почву, вертикального деревянного фаллоса на могиле вымирающих народов, унылых, как листья на ветру, через широкую бурую реку, где плавают целые деревья с зелеными змеями в ветвях, а печальноглазые лемуры пугливо глядят на берег, обозревая бескрайнюю равнину (с хрипом рассекают сухой воздух крылья грифов). Дорога усыпана рваными презервативами, пустыми капсулами из-под гера, тюбиками из-под K-Y[8], выдавленными насухо, как костяная мука в лучах летнего солнца.

– Моя обстановка. – Лицо команданте пылало, как металл в фотовспышке настойчивости. Но глаза его были пусты. Ветер занес в комнату слабый запах озона. В углу причитала у своих свечей и алтарей “novia[32]”.

– Всё это “Трак”... современный, отличный. – Он по-идиотски кивает и распускает слюни. Желтый кот тянет Карла за штанину и убегает на бетонный балкон. По небу плывут облака.

– Я мог бы забрать свой вклад. Обзавестись где-нибудь небольшим делом. – Он кивает и улыбается, как механическая игрушка.

– Хозелито!!! – Мальчишки отрываются от уличных игр в мяч, корриды и велосипедных гонок, а имя со свистом проносится мимо и замирает вдали.

– Хозелито!.. Пако!.. Пепе!.. Энрике!.. – Теплый вечер оглашается жалобными мальчишескими криками. Рекламная вывеска “Трака” шевелится, как ночной зверь, и вспыхивает голубым пламенем.

ЧЕРНОЕ МЯСО

– Мы ведь дружки, верно?

Чистильщик обуви нацепил зазывную улыбку и взглянул в безжизненные подводные глаза Матроса, глаза без тени сердечного тепла, вожделения или ненависти, да и любого чувства из тех, что мальчишка когда-либо испытывал сам или замечал в других, одновременно спокойные и настороженные, бесстрастные и хищные.

Матрос наклонился вперед и приложил палец к руке мальчика с внутренней стороны, у локтя. Он заговорил своим безжизненным джанковым шепотом:

– С твоими венами, Малый, я бы горя не знал!

Он рассмеялся: зловещий насекомый смех, который, казалось, выполняет некую непонятную ориентационную функцию, вроде писка летучей мыши. Матрос издал три таких смешка. Прекратив смеяться, он застыл, прислушиваясь к самому себе. Он поймал безмолвную частоту колебаний джанка. Его скуластое лицо разгладилось, как желтый воск. Он подождал полсигареты. Матрос умел ждать. Но глаза его горели чудовищной, невыносимой жаждой. Он сделал медленный полуоборот, стараясь ничем не выдать своей жгучей потребности, и засек только что вошедшего человека. “Толстяк” Терминал сидел, оглядывая кафе пустыми перископическими глазами. В тот момент, когда взгляд его миновал Матроса, он кивнул. Только обнаженные нервы джанковой болезни отметили бы этот жест.

Матрос вручил мальчишке монету. Своей плывущей походкой он подошел к столику Толстяка и сел. Они долго сидели молча. Кафе было встроено в один из склонов на дне глубокого белого каньона каменной кладки. Лица Города, запятнанные отвратительными пагубными привычками и ничтожными насекомыми вожделениями, валили мимо, безмолвные как рыбы. Освещенное кафе было опущенным в черную пучину водолазным колоколом с оборванным кабелем.

Матрос полировал ногти лацканами своего шотландского клетчатого пиджака. Сквозь блестящие желтые зубы он насвистывал какой-то мотивчик. Когда он шевелился, его одежда испускала зловоние плесени, затхлый запах опустевших раздевалок. Он с фосфоресцирующей энергией изучал свои ногти.

– Хорошие новости, Толстяк. Могу раздобыть двадцать. Само собой, нужен аванс.

– На кой мне рисковать?

– Не в кармане же у меня эти двадцать яиц. Слушай, это же всего лишь студень. Ну что тебе стоит! – Матрос изучал свои ногти, словно некую диаграмму. – Ты же знаешь, я никогда не подвожу.

– Давай тридцать. Аванс – десятичная трубка. Завтра в это же время.

– Трубка нужна сейчас, Толстяк.

– Прогуляйся и получишь.

Матрос продрейфовал на Площадь. Уличный мальчишка пихнул в лицо Матросу газету, прикрыв ею авторучку. Матрос пошел дальше. Он достал авторучку и, расколов ее, как орех, своими толстыми и жилистыми розовыми пальцами, извлек оттуда свинцовую трубочку. Один конец трубочки он обрезал маленьким кривым ножичком. Вытекла и пеной повисла в воздухе черная дымка. Лицо Матроса растаяло в тумане. Его губы вытянулись и принялись всасывать черный пушок, вибрируя в сверхзвуковой перистальтике. Туман исчез в бесшумном розовом взрыве. Его лицо вновь очутилось в фокусе, невыносимо яркое и отчетливое, пылающее желтым клеймом джанка, выжженным на серых ляжках миллиона орущих джанки.

– Месяц продержусь, – решил он, поглядев в невидимое зеркало.

Все улицы Города отлого спускаются меж углубляющимися склонами каньонов к огромной почкообразной площади, погруженной во тьму. Стены улиц и площади изрыты тесными жилыми ячейками и кафе, одни из которых уходят на несколько футов в глубину, другие тянутся невидимой сетью комнат и коридоров. На всех уровнях – переплетения мостов, подвесных лесов и канатных дорог. К прохожим с молчаливой липкой назойливостью прижимаются юноши-кататоники, разодетые по-женски, в платья из дерюги и вонючих шкурок дохлых крыс, лица густо и кричаще размалеваны красками, скрывающими напластования побоев с арабесками рваных гноящихся шрамов до самых перламутровых костей.

Торговцы Черным Мясом, плотью гигантской черной водяной многоножки – достигающей иногда шести футов в длину, – которая встречается на узкой тропе между черными скалами и радужно-бурыми лагунами, демонстрируют в замаскированных гнездах площади, видных только Пожирателям Мяса, парализованных ракообразных.

Хранители устарелых немыслимых ремесел, лопочущие по-этрусски, наркоманы, пристрастившиеся к еще не синтезированным наркотикам, спекулянты с черного рынка Третьей Мировой войны, ампутаторы телепатической восприимчивости, остеопаты[33] духа, исследователи нарушений, предрекаемых тихими параноидальными шахматистами, вручатели бессвязных ордеров, заполненных гебефренической стенографией и предписывающих отвратительные увечья духа, чиновники неконституционных полицейских государств, торговцы изысканными снами и сладкими воспоминаниями, проверенными на клетках с чувствительностью, повышенной джанковой болезнью, и полученными в обмен на сырьевые ресурсы воли, любители выпить Тяжелую Жидкость, запечатанную в полупрозрачный янтарь грез.

Одну сторону Площади занимает Кафе Встреч: лабиринт кухонь, ресторанов, спальных ячеек, опасных железных балконов и подвалов, сообщающихся с подземными банями. На покрытых белым шелком табуретах сидят голые Отщепенцы, потягивающие через гипсовые соломинки полупрозрачные цветные сиропы. Отщепенцы не имеют печени и питаются исключительно сластями. Тонкие лилово-синие губы прикрывает острый как бритва черный костяной клюв, которым они

частенько разрывают друг друга в клочья в драках из-за клиентов. Эти твари во время эрекции выделяют из своих пенисов вызывающую привыкание жидкость, которая продлевает жизнь, замедляя обмен веществ. (И в самом деле, все вещества, способствующие долголетию, вызывают привыкание в такой же степени, в какой они эффективны для продления жизни.) Наркоманов, пристрастившихся к жидкости Отщепенцев, называют Рептилиями. Гибкие кости и черно-розовая плоть некоторых из них колышутся над сиденьями. За каждым ухом растет веер из зеленого хряща, покрытый полыми, способными напрягаться волосками, через которые Рептилии впитывают свою жидкость. Эти веера, которые время от времени шевелятся от прикосновения невидимых потоков, служат также неким средством общения, известным только Рептилиям.

Во время возникающей раз в два года Паники, когда Город штурмует известная своими чувствительными, обнаженными нервами Полиция Грез, Отщепенцы спасаются в самых глубоких расщелинах стены, закупориваясь в глиняных ячейках и неделями пребывая в биостазисе. В эти дни серого ужаса Рептилии все быстрее и быстрее мечутся по улицам, их вопли со сверхзвуковой скоростью обгоняют друг друга, их гибкие черепа колышутся на зловещих черных ветрах ничтожной насекомой агонии.

Полиция Грез рассыпается на катышки гнилой эктоплазмы[9], выметаемые старым джанки, кашляющим и харкающим на утренних ломках. Появляется Человек Отщепенцев с гипсовыми кувшинами жидкости, и Рептилии приходят в себя.

Воздух вновь неподвижен и чист, как глицерин.

Матрос засек свою рептилию. Он придрейфовал поближе и заказал зеленый сироп. У Рептилии были круглый дисковидный ротик из бурого хряща и ничего не выражающие зеленые глаза, почти целиком прикрытые тонкой пленкой век. Матрос подождал часок, пока тварь не уловила его присутствия.

– Есть яйца для Толстяка? – спросил он, и его слова возбудили волоски на веере Рептилии.

Рептилии потребовалось два часа, чтобы поднять три розовых прозрачных пальца, покрытых черным пухом.

Несколько Пожирателей Мяса лежат в блевотине, не в силах пошевелиться. (Черное Мясо, подобно сыру с плесенью, неописуемо вкусно и вызывает тошноту, так что пожиратели едят все больше, и блюют, и снова едят, пока не упадут в изнеможении.)

Накрашенный юноша проскользнул внутрь и схватил одну из больших черных клешней, которые издавали приторный, тошнотворный запах, клубившийся по всему кафе.

БОЛЬНИЦА

Заметки о дезинтоксикации. Паранойя раннего отнятия.

Все приводит в уныние... Тело безжизненное, бледное.

Кошмары отнятия. Кафе, уставленное зеркалами. Пустое... Чего-то жду... В боковой двери появляется человек... Хрупкий маленький араб, одетый в коричневую джеллабу[34], с седой бородой и серым лицом... У меня в руке кувшин с кипящей кислотой... Охваченный пароксизмом неотвратимости, я выплескиваю кислоту ему в лицо...

Все похожи на наркоманов...

Погулял немного в больничном дворике... Кто-то пользовался без меня моими ножницами, они испачканы какой-то липкой рыже-бурой мерзостью... Наверняка эта сука-санитарка обстригает ими свою мочалку.

На лестнице толпятся жуткого вида европейцы, они перехватывают сестру, когда мне нужно лекарство, выливают в раковину мочу, когда я умываюсь, часами занимают туалет – вероятно, выуживая напальчник с бриллиантами, который запихнули себе в жопу.

И в самом деле, по соседству со мной появился целый клан европейцев... Престарелой мамаше делают операцию, а дочь приехала вместе с ней – проследить, чтобы старую манду обслуживали как следует. Странные посетители, по-видимому родственники... Один из них вместо очков носит штуковины вроде тех, что вкручивают себе в глаза ювелиры, когда осматривают камни... Вероятно, спившийся огранщик алмазов... Человек, который угробил Трокмортонский Бриллиант[35] и был с позором изгнан из отрасли... Все эти ювелиры стоят в своих фраках вокруг бриллианта в ожидании Человека. Погрешность в одну тысячную дюйма полностью разрушает камень, и им приходится специально выписывать из Амстердама этого типа... И вот он, мертвецки пьяный, появляется с огромным отбойным молотком и, пошатываясь, крошит бриллиант в пыль...

Я не пытаюсь выяснить, что это за люди... Продавцы наркотиков из Алеппо[36]?.. Торговцы выкидышами из Буэнос-Айреса? Нелегальные скупщики алмазов из Йоханнесбурга?.. Работорговцы из Сомали? Все они заодно...

Непрерывные грезы о джанке: я ищу маковое поле... Контрабандисты в черных стетсонах направляют меня в ближневосточное кафе... У одного из официантов есть выход на югославский опиум...

Покупаю упаковку героина у малайской лесбиянки в теплой белой полушинели с поясом...

Выруливаю пакетик в тибетском зале какого-то музея. Она то и дело норовит выкрасть его назад. Я ищу место, где бы вмазаться...

Критическим моментом отнятия является не ранняя стадия острой болезни, а последний шаг из джанковой среды на свободу... Настает кошмарная интерлюдия клеточной паники, жизнь временно замирает между двумя способами существования... В этот момент страстная жажда джанка концентрируется в последней всеохватывающей тяге и, похоже, достигает сказочного могущества: случай то и дело подбрасывает вам джанк... Вы встречаете старого шмекера[37], вороватого больничного санитара, писаку-коновала...

Часовой в форме из человеческой кожи: черная кожаная куртка с кариозными зубами вместо пуговиц, эластичный пуловер, отливающий медным индейским цветом, брюки, покрытые юношеским северным загаром, сандалии из мозолистых подошв со стоп молодого малайского фермера, пепельно-бурый шарф, завязанный узлом и заправленный в свитер. (Пепельно-бурый – это цвет вроде серого, под бурой кожей. Иногда его можно обнаружить в смешанной семье, где есть негры и белые, если смесь не удалась и эти цвета разделились, как масло и вода...)

Этот Часовой – настоящий франт; поскольку ему нечем заняться, все свое жалованье он сберегает на покупку хорошей одежды и трижды в день переодевается перед громадным увеличивающим зеркалом. У него по-латински красивое гладкое лицо с карандашной линией усиков и маленькие черные глазки, пустые и жадные, бессмысленные насекомые глазки.

Когда я добираюсь до границы, Часовой стремительно выбегает из своей каситы, на шее у него висит зеркало в деревянной рамке. Он пытается стащить зеркало с шеи... Еще никто ни разу не достигал границы. Оторвав от зеркала рамку, Часовой поранил глотку... Он потерял голос... Он открывает рот, и внутри виден дергающийся язык. Гладкое и неживое молодое лицо и открытый рот с шевелящимся внутри языком невероятно отвратительны. Часовой поднимает руку. Все его тело подергивается в судорожном отрицании. Я подхожу к цепи, перегораживающей дорогу, и снимаю ее с крюка. Она падает с лязгом металла о камень. Я прохожу. Часовой стоит там, во мгле, и смотрит мне вслед. Затем он снова накидывает цепь на крюк, возвращается в каситу и принимается выщипывать свои усики.

Только что принесли так называемый завтрак... Яйцо вкрутую без скорлупы являет собой нечто такое, чего мне прежде видеть не доводилось... Очень маленькое яичко желто-бурого цвета... Наверное, снесено утконосом. В апельсине находился огромный червь и крайне мало всего остального... Он явно отвоевал там себе место раз и навсегда... В Египте есть червяк, который забирается человеку в почки и вырастает до громадных размеров, В конце концов от почки остается лишь тонкая скорлупа вокруг червя. Неустрашимые гурманы ценят мясо Червя выше всех прочих деликатесов. Говорят, оно неописуемо приятно на вкус... Интерзонный коронер, известный как Ахмед Аутопсия, сколотил состояние, торгуя Червем.

Напротив моего окна – французская школа, и я разглядываю мальчишек в свой восьмикратный полевой бинокль... Так близко, что я мог бы протянуть руку и дотронуться до них... Они в шортах... Холодным весенним утром я вижу у них на ногах гусиную кожу... Я мысленно переношусь сквозь бинокль на другую сторону улицы – призрак под утренним солнцем, раздираемый на части бесплотным вожделением.

Я когда-нибудь рассказывал вам о том, как мы с Марвом заплатили шестьдесят центов двум мальчишкам-арабам, чтобы посмотреть, как они будут дрючить друг друга? Я и спрашиваю Марва: «Думаешь, они это сделают?»

А он говорит: «Думаю, да. Они голодны».

А я говорю: «Именно такими они мне и нравятся».

Чувствую себя от этого грязным стариком, но “son cosas de la vida”[16], как сказал Соберба де ла Флор, когда легавые бранили его за то, что он пришил одну пизду, а труп приволок в мотель “Бар О” и выебал...

«А чего она брыкается, – сказал он... – Да и шума я не перевариваю». (Соберба де ла Флор был мексиканским уголовником, отсидевшим за несколько довольно бессмысленных убийств.)

Туалет закрыт уже три часа подряд... По-моему, они используют его в качество операционной...

СЕСТРА: Но могу нащупать ее пульс, доктор.

Д-Р БЕНУЭЙ: Может, она сунула его в напальчник и припрятала в своей щели?

СЕСТРА: Адреналин, доктор?

Д-Р БЕНУЭЙ: Ночной вахтер забавы ради вколол его весь себе.

Он осматривается и берет одну из тех резиновых вакуумных чашек на палке, с помощью которых пробивают засорившийся унитаз... Он приближается к больной...

– Сделайте разрез, доктор Лимпф, – говорит он своему перепуганному ассистенту... – Я займусь массажем сердца.

Д-р Лимпф пожимает плечами и начинает разрез. Д-р Бенуэй моет кровососную чашу, размахивая ею в унитазе...

СЕСТРА: Разве ее не надо стерилизовать, доктор?

Д-Р БЕНУЭЙ: Очень может быть, но нет времени, – Он сидит на кровососной чаше, словно на трости-табурете, наблюдая, как его ассистент делает разрез... – Вы, юные выскочки, уже и прыщ ланцетом вскрыть не можете, вам подавай

электровибрационный скальпель с автоматическим дренажом и наложением шва... Скоро мы будем оперировать с помощью дистанционного управления, не видя пациента... Будем только кнопки нажимать. Хирургия теряет все мастерство... Все знание и умение... Я когда-нибудь рассказывал вам, как делал аппендэктомию ржавой банкой из-под сардин? А однажды я остался без единого инструмента и удалил маточную опухоль зубами. Это было в Верхнем Эффенди, а еще...

Д-Р ЛИМПФ: Разрез готов, доктор.

Доктор Бенуэй втискивает чашу в разрез и с силой жмет на нее. Докторов, сестру и стену струей заливает кровь... Чаша издает неприятный звук всасывания.

СЕСТРА: Мне кажется, она умерла, доктор.

Д-Р БЕНУЭЙ: Ну что ж, это в порядке вещей. – Он подходит к аптечке... – Какой-то ебучий наркоман разбавил мой кокаин саночистителем! Сестра! Немедленно пошлите мальчика отоварить этот рецепт!

Д-р Бенуэй оперирует в заполненной студентами аудитории:

– Так вот, мальчики, вам не слишком часто придется видеть, как делается эта операция, и тому есть причина... Видите ли, она не имеет никакой медицинской ценности. Никто не знает, какова была ее первоначальная цель и была ли цель вообще. Лично я думаю, что с самого начала это было чистое произведение искусства.

Точно так же, как матадор с помощью знаний и опыта выпутывается из опасной ситуации, которую сам и создал, так и в этой операции хирург умышленно подвергает своего пациента опасности, а потом с невероятным проворством спасает его от смерти в последнюю возможную долю секунды... Видели когда-нибудь, как выступает д-р Тетраззини? Я не случайно говорю “выступает”, ведь его операции были настоящими представлениями. Обычно он начинал с того, что через все помещение бросал скальпель в больного, а затем появлялся на сцене, словно танцовщик. Резвостью он обладал необычайной. «У меня они умереть не успевают», – говаривал он. Опухоли приводили его в бешенство. «Ебучие недисциплинированные клетки!» – обычно рычал он, набрасываясь на опухоль, как поножовщик.

Какой-то молодой человек спрыгивает в операционный театр и, выхватив скальпель, набрасывается на пациента.

Д-Р БЕНУЭЙ: Эспонтаньо! Остановите его, пока он не распотрошил моего больного!

(Эспонтаньо – термин из боя быков, обозначающий того члена публики, который спрыгивает на арену, вытаскивает припрятанную накидку и пытается совершить несколько пассов с быком, прежде чем его уволокут с арены.)

Санитары дерутся с эспонтаньо, который наконец изгоняется из зала. Воспользовавшись замешательством, анестезиолог извлекает изо рта больного большую золотую пломбу...

Я прохожу мимо палаты 10, из которой меня вчера перевели... Кажется, беременность... Подкладные судна, полные крови, котексов и безымянных женских субстанций, достаточных для загрязнения целого континента... Если кто-то придет навестить меня в мою прежнюю палату, он решит, что я выродил чудовище, а Государственный Департамент пытается это дело замять...

Музыка из 'Я – американец'... На трибуне, задрапированной американским флагом, стоит пожилой человек в полосатых штанах и визитке дипломата. Опустившийся, затянутый в корсет тенор в лопающемся от тесноты костюме Дэниела Буна[38] поет "Знамя с россыпью звезд"[39] в сопровождении оркестра в полном составе. Поет он, слегка шепелявя...

ДИПЛОМАТ (читая по огромному свитку телеграфной ленты, который все растет и путается у него под ногами): И мы категорически отрицаем, что л ю б о й гражданин Соединенных Штатов Америки мужского пола...

ТЕНОР: О шкажи, видишь тыы... – голос его ломается и выстреливает высоким фальцетом.

В аппаратной Техник готовит себе соду и срыгивает в руку: «Этот треклятый теноришка – просто жулик! – кисло бормочет он. – Майк! Хэ-э, – крик кончается отрыжкой. – Убери из эфира этого женоподобного пердуна и выдай ему лиловый листок[40]. Он у меня уже в печенках сидит... Давай-ка лучше сюда того детину, что сменил пол и заделался лесбиянкой... Она у нас хоть штатный тенор... Костюм? А меня что, ебет? Я тебе не какой-нибудь там педик-модельер из отдела костюмов! Что такое? Отдел костюмов прикрыли из соображений безопасности? Что я вам, спрут, что ли? Ладно, посмотрим... Может, подойдет трафаретный индеец? Покахонтас там или Гайавата[41]?.. Нет, не то. Еще, чего доброго, найдется остряк, который решит, что все возвращают индейцам. Форма Гражданской войны: китель северян, а брюки южан, вроде как они опять заодно? Пускай выходит на сцену в роли Буффало Билла, или Пола Ривера[42], или того типа, что так и не покинул дерьмоут, то есть дредноут, а то и в роли вояки – пехотинца там или просто Неизвестного Солдата... Осенило!.. Накроем ее каким-нибудь монументом, чтобы никому не пришлось на нее смотреть...»

Лесбиянка, укрытая Триумфальной аркой из папье-маше, набирает воздуха в свои огромные легкие и издает страшный рев.

«О скажи, еще реет знамя с россыпью звезд...»

Громадная дыра распарывает Триумфальную арку сверху донизу. Дипломат прикладывает руку ко лбу...

ДИПЛОМАТ: Что любой гражданин Соединенных Штатов мужского пола, родившийся в Интерзоне или в любом другом месте...

«Над страною СВОБОООООООООДЫ...»

Дипломат шевелит губами, но никто его не слышит. Техник зажимает уши руками. «Матерь Божья!» – вопит он. Его вставная челюсть принимается вибрировать, как варган, и вдруг вылетает... Он раздраженно пытается поймать ее ртом, промахивается и прикрывает рот рукой.

Триумфальная арка с оглушительным треском разваливается на части, и появляется Лесбиянка, стоящая на пьедестале и одетая лишь в суспензорий из леопардовой шкуры с громадной фальшивой грудью... Она стоит с идиотской улыбкой, играя своими гигантскими мускулами... Техник ползает по аппаратной в поисках своей вставной челюсти и выкрикивает невразумительные приказания: «Што-то шверх-жвуковое!! Жаткнишь же ты!»

ДИПЛОМАТ (утирая пот): Любому существу любого рода и звания...

«Где приют храбрецов...»

Лицо дипломата становится серым. Он шатается, спотыкается о свой свиток и виснет на поручнях, из глаз, носа и рта струится кровь, близка смерть от кровоизлияния в мозг.

ДИПЛОМАТ (еле слышно): Департамент отрицает... антиамериканский... Был уничтожен... Я хочу сказать, никогда не был... Категор... – Умирает.

В аппаратной лопаются приборные панели... с треском вспыхивают громадные вертикальные молнии... Техник, голый, с обгоревшим дочерна телом, пошатывается, как персонаж 'Гибели богов', и вопит: «Шверхжвуковой!!! Жаткнишь!!!» Последний взрыв превращает Техника в пепел.

«Доказали сквозь ночь

Что наш флаг еще здесь...»

З а м е т к и о н а р к о м а н и и. Каждые два часа колю юкодол. У меня есть место, где я могу вставить иглу прямо в вену, она все время открыта, как красный гноящийся рот, распухший и бесстыжий, после каждого укола образуется неторопливая капля крови, смешанной с гноем...

Юкодол – это химическая разновидность кодеина, дигидрооксикодеин.

Это вещество больше похоже на кокс, чем на морфу... Когда вы делаете укол кокса в вену, в голове возникает наплыв чистого наслаждения... Через десять минут вам хочется уколоться еще раз... Наслаждение от морфина – во внутренностях... После укола вы прислушиваетесь к самому себе... Но внутривенный кокс – это электричество, пропущенное через мозг и активизирующее кокаиновые связи удовольствия... У кокса нет синдрома отнятия. Это потребность одного только мозга, потребность без тела и чувства. Потребность бескрылого призрака. Стремление к кокаину длится всего несколько часов, пока стимулируются кокаиновые каналы. Потом вы о нем забываете. Юкодол подобен комбинации джанка с коксом. Немцам можно доверять, они стряпают гнуснейшее дерьмо. Юкодол, как и морфин, в шесть раз сильнее кодеина. Героин в шесть раз сильнее морфина. Дигидрооксигероин должен быть в шесть раз сильнее героина. Вполне возможно создание наркотика, ведущего к такому привыканию, что один укол вызовет наркоманию на всю жизнь.

Продолжение Заметок о наркомании: Взяв шприц, я непроизвольно касаюсь левой рукой жгута для перетягивания. Так я убеждаюсь, что смогу достичь единственной пригодной вены в левой руке. (Движения при перетягивании таковы, что обычно вы перетягиваете руку, которой достаете до жгута.) Игла легко проскальзывает внутрь у края мозоли. Я нащупываю вену. Вдруг в шприц врывается тонкий столбик крови, какое-то мгновение отчетливый и плотный, как красный шнур.

Тело знает, в какие вены вы колете, и выражает это знание в непроизвольных движениях, которые вы совершаете, готовясь сделать укол... Иногда игла указывает, как прутик лозоходца. Иногда мне приходится ждать сигнала. Но когда он появляется, я неизменно попадаю в кровь.

На дне пипетки расцвела красная орхидея. Он помешкал целую секунду, потом сжал пузырек, наблюдая, как жидкость врывается в вену, словно всасываемая немой жаждой его крови. В пипетке осталась тонкая радужно-кровавая оболочка, а белая бумажная манжета пропиталась кровью, как бинт. Он вытянул руку и наполнил пипетку водой. Когда он выпускал струю воды, доза ударила его в желудок – мягкий, сладкий удар.

Взгляните на мои грязные брюки. Не переодеваюсь месяцами... Дни скользят мимо, нанизываясь на шприц с длинной нитью крови... Я забываю о сексе и прочих телесных удовольствиях – серый джанкокрылый призрак. Испанские мальчишки зовут меня El Hombre Invisible[43] – Человек-невидимка...

Двадцать отжиманий каждое утро. Употребление джанка устраняет жир, оставляя мышцы почти нетронутыми. Похоже, наркоману требуется меньше тканей... Появится ли возможность изолировать молекулу джанка, устраняющую жир?

Все громче в аптеке нытье, невнятная трепотня контроля, как в сорвавшемся с цепи телефоне... Прождал весь день и лишь в 8 вечера вырулил две коробки юкодола...

Вены и деньги уже на исходе.

То и дело отключаюсь. Прошлой ночью проснулся оттого, что кто-то сжал мою руку. Оказалось, это моя другая рука... Заснул, читая, и слова приобрели значение кода... Преследует навязчивая идея кодов... Есть такие болезни, которые дешифруют кодированное донесение...

Принимаю дозу на глазах у Д. Л. Зондирую вену на моей грязной босой ноге... Чувство стыда у джанки отсутствует... Они невосприимчивы к чужому отвращению. Сомнительно, что чувство стыда может существовать в отсутствие сексуального либидо... Стыд джанки исчезает вместе с его несексуалыюй общительностью, которая тоже зависит от либидо... Наркоман рассматривает свое тело безразлично, как инструмент для абсорбирования среды, в которой живет, он оценивает свои ткани холодными руками торговца лошадьми. «Нет смысла и пытаться сюда колоть». Безжизненные рыбьи глаза уставились на развороченную вену.

Принимаю снотворные пилюли нового типа, называемые “сонерил”... Сонливости не ощущаешь... Переносишься в сон без всякого перехода, внезапно попадаешь в самый разгар сновидений... Я провел годы в лагере для военнопленных, страдая от недоедания...

Президент – джанки, но ввиду своего высокого положения он не может употреблять джанк открыто. Поэтому он удовлетворяет свою потребность с моей помощью... Время от времени мы устанавливаем контакт, и я его перезаряжаю. На взгляд случайного наблюдателя, эти контакты напоминают гомосексуальную интрижку, но в действительности возбуждение – не в первую очередь сексуальное, и кульминация его наступает при расставании, когда перезарядка закончена. Возбужденные пенисы приходят в соприкосновение – по крайней мере этот метод мы применяли вначале, но точки соприкосновения изнашиваются, как вены. Теперь мне иногда приходится засовывать свой пенис под его левое веко. Конечно, я всегда могу раскумарить его с помощью Осмотической[44] Перезарядки, что соответствует подкожному уколу, но это значит признать поражение. ОП на много недель приведет Президента в скверное состояние духа и вполне может ускорить атомную бойню. А за Скрытую Привычку Президент расплачивается дорогой ценой. Он принес в жертву весь контроль и зависит от обстоятельств, словно неродившееся дитя. Скрытый Наркоман страдает всем спектром субъективного ужаса, немым безумием протоплазмы, отвратительной агонией костей. Напряжения растут, и чистая энергия без эмоционального содержания прорывается наконец сквозь тело, бросая его из стороны в сторону, как человека, коснувшегося проводов высокого напряжения. Если его связь с заряжающим обрывается полностью, Скрытый Наркоман бьется в таких жестоких электрических конвульсиях, что его кости начинают вибрировать и он умирает, а скелет из последних сил выкарабкивается из невыносимой плоти и бежит прямиком к ближайшему кладбищу.

Связь между СН (Скрытым Наркоманом) и ПП (Поставщиком Перезарядки) столь тесна, что они в состоянии выносить друг друга лишь в течение кратких и нечастых промежутков времени, не считая, разумеется, встреч для перезарядки, когда процесс перезарядки заслоняет весь личный контакт.

Читаю газету... Что-то о тройном убийстве на рю де ла Мерде, Париж: «Сведение счетов...» Меня куда-то уносит... «Полиция установила виновного... Пепе эль Кулито... Маленькая Жопа, ласковый тщедушный человечек». Неужели это и впрямь там написано?.. Я пытаюсь сосредоточиться на словах... они распадаются в бессмысленную мозаику...

ЛАЗАРЬ, ИДИ ВОН[45]

Нащупывая поблекшую пограничную полосу на рубеже обретения сил – в серой, безжизненной зоне, иссеченной миазматическими провалами, впадинами и следами уколов, – Ли обнаружил, что молодой джанки, стоящий в его комнате в 10 утра, вернулся с двухмесячной подводной охоты на Корсике и спрыгнул с джанка.

«Явился похвастать своим новым телом», – решил Ли, дрожа на утренних ломках. Он вспомнил, что видел, как... ах да, Мигель, спасибо... три месяца назад сидел в "Метрополе", отключившись над несвежим, желтым, как моча, эклером, которым через два часа отравился кот, и рассудил, что, потратив столько усилий на лицезрение Мигеля в 10 утра, он уже не сможет справиться со своей каторжной работой – поиском ошибки («Что я вам, нанялся, что ли?»). А может, он так перетрудился, что Мигель в своем нынешнем гнусном обличье ему просто привиделся?

– Ты изумительно выглядишь, – сказал Ли, стирая попавшейся под руку замызганной салфеткой явные признаки отвращения, глядя на серую липкую джанковую грязь на лице Мигеля и изучая узоры потертости; казалось, человек и его одежда годами блуждали в темных переулках времени без единой пространственной остановки, так и не удосужившись привести себя в приличный вид.

«К тому же, когда я исправлю ошибку... Лазарь, иди вон... заплати Человеку и иди вон... К чему мне глядеть на твою поношенную плоть, явно с чужого плеча?»

– Да, хорошо, что ты слез... Дело полезное. Мигель плавал по комнате, вместо остроги пронзая рыб рукой...

– Там, под водой, о героине не думаешь.

– Ты стал куда лучше выглядеть, – сказал Ли, рассеянно поглаживая игольный шрам с внутренней стороны Мигелевой руки, неторопливо петляя по завиткам и узорам гладкой лиловой плоти...

Мигель почесал руку с внутренней стороны... Он выглянул в окно... Его тело, по мере того как загорались джанковые каналы, начинало резко и возбужденно пульсировать... Ли сидел и ждал.

– Хоть нюхни разок, от этого, дружище, еще никто не подсел.

– Я знаю, что делаю.

– Все они знают.

Мигель взял пилку для ногтей.

Ли закрыл глаза: «Как это все надоело!»

– Ах, благодарю, это было здорово. – Штаны Мигеля упали к лодыжкам. Он стоял в уродливом одеянии из плоти, которое из смуглого сначала стало зеленым, а потом бесцветным в утреннем свете и свалилось, шариками раскатившись по полу.

Глаза Ли шевельнулись в веществе лица... резкий взгляд, холодный и мрачный...

– Убери все это, – сказал он. – И без того грязи хватает.

– Да-да, конечно, – Мигель вертел в руках совок для мусора.

Ли убрал пакет с героином.

Каждый третий день Ли обходился без наркотиков, то есть делал абсолютно... э-э... необходимые паузы, дабы подкинуть топлива в огонь, горевший в его желто-розово-бурой студенистой субстанции, но и не подпускал к себе свою затаившуюся поблизости плоть. Поначалу его плоть была просто мягкой, такой мягкой, что его едва ли не навылет ранили пылинки, воздушные потоки и одежные щетки, в то время как непосредственный контакт с дверьми и стульями не причинял, казалось, никаких неудобств. Ни одна рана не заживала в его мягком ненадежном теле... Вокруг обнаженных костей вились длинные белые усики плесени. Плесневые запахи атрофированных яиц подбивали его тело пушком серого тумана...

Во время первого тяжелого заражения из закипевшего термометра внезапно вылетела в мозг медсестры ртутная пуля, и та с душераздирающим воплем упала замертво. Завидев это, доктор захлопнул стальные ставни выживания. Он потушил загоревшуюся койку, а ее обитателя тотчас изгнали из помещения больницы.

– Сдается мне, он сумеет выработать собственный пенициллин! – прорычал доктор.

Но та инфекция напрочь выжгла плесень... Теперь Ли жил в различных степенях прозрачности... Невидимым он, строго говоря, не стал, но по крайней мере узреть его было нелегко. Его присутствие не привлекало особого внимания... Его не было видно ни в тени, ни в отраженном свете, да люди и не желали его замечать, считая его самого тенью или отражением: «Это всё обман зрения или неоновая реклама».

Ли уже ощущал первые сейсмические толчки Доброго Старого Холодного Жара. Мягким, но неумолимым усиком он вытолкнул дух Мигеля в коридор.

– Господи! – сказал Мигель. – Мне пора! – Он выбежал из комнаты.

Розовый огонь гистамина полыхнул из накаленной докрасна сердцевины Ли и охватил его саднящую периферию. (Комната была жизненепроницаемой, железные стены покрылись пузырями и пятнами лунных кратеров.) Он принял большую дозу, нарушив свой график.

Ли решил навестить коллегу, Непутевого Джо, который подсел на джанк в Гонолулу, во время приступа Банг-утота.

(Примечание: Банг-утот, буквально – “пытающийся встать и стонущий”... Смерть наступает во время ночного кошмара... Эта болезнь встречается у мужчин родом из Ю.-В. Азии... В Маниле ежегодно регистрируется около двенадцати случаев смерти от Банг-утота.

Один из тех, кто вылечился, рассказывал, что у него на груди сидел “маленький человечек” и душил его.

Жертвы нередко знают, что умирают, они испытывают страх перед собственным пенисом, боясь, что он вонзится в тело и убьет их. Иногда они в состоянии истерии, пронзительно крича, сжимают пенис в руках и зовут на помощь, зная, что пенис может вырваться и проткнуть тело. Эрекция, которая обычно бывает во сне, считается особенно опасной и может вызвать смертельный приступ... Один человек изобрел хитроумную штуковину для предотвращения эрекции во время сна. И все-таки умер от Банг-утота.

Тщательное вскрытие жертв Банг-утота не выявило никаких органических причин смерти. Часто встречаются признаки удушения (вызванного чем?); иногда – небольшое кровотечение в поджелудочной железе и легких, слишком слабое, чтобы привести к смерти, и также неизвестного происхождения. Автору пришло в голову, что причиной смерти является смещение центра сексуальной энергии, ведущее в результате к эрекции легкого с последующим удушьем... / См. статью доктора медицины Нильса Ларсена 'Люди со смертельными снами' в “*Saturday Evening Post*” за 3 декабря 1955 года. А также статью Эрла Стенли Гарднера для журнала “*True Magazine*”./)

Непутевый жил в постоянном страхе перед эрекцией, так что его доза стремительно повышалась. (Примечание: это хорошо известная скучная истина, истина отъявленно унылая и давно набившая оскомину: каждому, кто плотно подсаживается из-за какого-то бессилия, каким бы оно ни было, в период нехватки или отнятия (а штука эта, как известно, куда как приятна) предъявляется донельзя раздутый, растущий в геометрической прогрессии счет.)

Электрод, прикрепленный к одному из его яиц, накалился докрасна, и Непутевый проснулся от запаха опаленного мяса и потянулся к наполненному шприцу. Он свернулся калачиком и вонзил иглу себе в хребет. С легким вздохом наслаждения вытащив иглу, он понял, что Ли в комнате. Длинный слизень, подрагивая, выполз из правого глаза Ли и вывел на стене радужной липкой грязью: «Матрос в Городе, он скупает ВРЕМЯ».

Я жду у аптеки, она должна открыться в девять часов. Два мальчика-араба катят бачки с мусором вверх, к высокой и массивной деревянной двери в побеленной стене. Пыль перед дверью исполосована мочой. Один из мальчиков наклоняется над перегруженными бачками, и штаны плотно прилегают к его тощей юной жопе. Он смотрит на меня безразличным, спокойным взглядом животного. Я просыпаюсь потрясенный, как будто мальчик и вправду существовал и я пропустил назначенную с ним на сегодня встречу.

– Мы ожидаем дополнительных уравниваний, – говорит Инспектор в интервью Вашему Корреспонденту. – Иначе наступит, – Инспектор поднимает ногу, совершая типичное скандинавское телодвижение, – кессонная болезнь, не так ли? Но мы, вероятно, сможем создать подходящую декомпрессионную камеру.

Инспектор расстегивает ширинку и принимается искать мандавошек, испачканной дегтем ложкой черпая притирание из глиняного медового бочонка. Ясно, что интервью подходит к концу.

– Вы не уходите? – восклицает он. – Ну что ж, как сказал один судья другому, будь справедлив, а не можешь быть справедливым, будь своеволен. Сожалею, что не смогу рассказать о привычных непристойностях. – Он поднимает правую руку, покрытую вонючей желтой мазью.

Чей-то Корреспондент бросается вперед и сжимает в ладонях замасленные руки Инспектора.

– Это было наслаждение, Инспектор, невыразимое наслаждение, – говорит он, стягивая перчатки, скатывая их о комок и бросая в корзину для бумаг. – Представительские[2] средства, – улыбается он.

ХАСАНОВА КОМНАТА РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Позолота и красный плюш. Бар в стиле рококо, отделанный розовой скорлупой. Воздух насыщен пагубной сладкой субстанцией, напоминающей сгнивший мед. Мужчины и женщины в вечерней одежде потягивают через гипсовые трубочки разноцветные ликеры. У стойки на табурете, покрытом розовым шелком, сидит голый Отщепенец с Ближнего Востока. Длинным черным языком он вылизывает из хрустального бокала теплый мед. Его гениталии сложены превосходно – обрезанный хуй, блестящие черные лобковые волосы. Губы у него тонкие и лилово-синие, как губки пениса, а глазки пусты в насекомом спокойствии. У Отщепенца нет печени, и он питается исключительно сластями. Отщепенец заталкивает на кушетку стройного белокурого юношу и со знанием дела раздевает его.

– Встань и повернись, – приказывает он телепатическими пиктограммами. Он связывает мальчику руки за спиной красным шелковым шнуром. – Сегодня мы проделаем всё до конца.

– Нет, нет! – пронзительно кричит мальчик.

– Да, да.

Хуи извергают семя в немом “да”. Отщепенец раздвигает шелковые занавески, и на фоне освещенного экрана из красного кремня открывается виселица из тикового дерева. Виселица стоит на помосте, украшенном ацтекской мозаикой.

С протяжным «О-о-о-о-о-о-о» мальчик падает на колени, обсираясь и обоссываясь в ужасе. Он чувствует теплое говно между ляжками. Мощная волна горячей крови раздувает его губы и горло. Его тело сжимается и сворачивается в позу зародыша, и сперма струей бьет прямо ему в лицо. Отщепенец зачерпывает из гипсовой чаши теплой надушенной воды, задумчиво моет мальчику жопу и хуй и вытирает их мягким голубым полотенцем. Теплый ветерок играет над телом мальчика и колышет его волосы. Отщепенец подсовывает руку под грудь мальчика и ставит его на ноги. Схватив за локти, он толкает его вверх по ступенькам – и под петлю. Он стоит перед мальчиком, держа петлю обеими руками.

Мальчик смотрит Отщепенцу в глаза, пустые, как обсидиановые зеркала, лужи черной крови, смотровые щели в стене уборной, грозящие Последней Эрекцией.

Старый мусорщик с лицом тонким и желтым, как китайская слоновая кость, что есть сил трубит в свою помятую медную трубу и будит спавшего с сухостоем испанского сутенера. Топча пыль, дерьмо и помет мертворожденных котят, ковыляет шлюха, она тащит на себе завернутые в яркие цветные комиксы охапки недоношенных эмбрионов, рваных презервативов, окровавленных котексов, говна.

Обширная спокойная бухта с радужной водой. На дымном горизонте ярким неровным пламенем горит заброшенная газовая скважина. Зловоние нефти и сточных вод. В глубокой воде плавают толстые акулы, изрыгающие из гниющих печенок серу и не замечающие окровавленного разбившегося Икара. Голый Мистер Америка

выкрикивает в безумной горячке страстного себялюбия: «Моя жопа посрамит Лувр! Я пержу амброзией, а сру чистым золотым говном! В лучах утреннего солнца из моего хуя струятся нежные бриллианты!» – Он камнем летит с безглазого маяка, посылая во все стороны воздушные поцелуи и сдрачивая член на черную зеркальную гладь, потом наклонно скользит вглубь, туда, где таинственные презервативы и мозаика тысячи газет, мимо затонувшего города из красного кирпича, чтобы опуститься в черный ил с консервными банками и пивными бутылками, гангстерами в бетоне и пистолетами, расплющенными всмятку и потерявшими тот смысл, который видят в их облапывании похотливые эксперты по баллистике.

С окаменевшей поясницей он дожидается неторопливого стриптиза эрозии.

Отщепенец надевает петлю на шею мальчика и ласково затягивает узел под левым ухом. Пенис мальчика съежился, яйца напряжены. Он смотрит прямо перед собой, тяжело дыша. Отщепенец бочком обходит мальчика, сует ему палец в задний проход и ласкает его гениталии иероглифами насмешки. Прижавшись к мальчику сзади, он делает серию толчков и впихивает член в жопу мальчика. Он стоит, совершая вращательные движения.

Гости шикают друг на друга, подталкивают друг друга локтями и хихикают.

Неожиданно Отщепенец толкает мальчика вперед в пространство, высвобождая свой член. Он останавливает мальчика, положив руки на его бедренные кости, после чего вытягивает свои стилизованные иероглифические руки и сжимает ими шею мальчика. По телу мальчика пробегает дрожь. Его пенис вздымается тремя большими волнами, тянет за собой таз и тотчас извергает семя.

В глазах его распускаются зеленые искры. Сладкая зубная боль отдает ему в шею и – вниз по хребту, до самого паха, сокращая тело спазмами наслаждения. Всё его тело выдавливается через пенис. Последний спазм метеором выбрасывает через весь экран мощную струю спермы.

Затянутый мягким жадным всасыванием, мальчик падает и летит сквозь лабиринт грошовых аркад и непристойных картинок.

Из жопы вылетает огромный кусок говна. Его изящное тело сотрясается от пердежа. Над широкой рекой зелеными гроздьями распускаются сигнальные ракеты. Он слышит слабое тарахтение моторной лодки в сумерках джунглей... Под бесшумными крыльями малярийного комара.

Отщепенец тянет мальчика назад на свой хуй. Мальчик извивается, пронзенный, как пойманная на острогу рыба. Отщепенец раскачивается за спиной мальчика, его тело сокращается плавными волнами. По подбородку мальчика течет кровь изо рта, полуоткрытого, сладкого и мрачного в смерти. Отщепенец падает с жидким хлюпаньем пресыщения.

Одноместная спальня с голубыми стенами, без окон. На двери – грязная розовая занавеска. Рыжие клопы ползают по стене, роятся в углах. В центре комнаты голый мальчик бренчит на двуструнном уаде и выводит на полу арабеску.

Другой мальчик развалился на кровати, курит траву и выпускает дым над своим возбужденным членом. Чтобы решить, кто кого будет ебать, они играют на кровати в карты таро. Мошенничают. Дерутся. Катаются по полу, рыча и фыркая, как молодые звери. Побежденный сидит на полу, уткнувшись подбородком в колени и облизывая сломанный зуб. Победитель, притворившись спящим, свернулся калачиком на кровати. Как только второй мальчик подбирается к нему поближе, Али хватает его за ногу, зажимает ее под мышкой и обвивает рукой. Мальчик в отчаянии пинает Али в лицо. Другая нога скована мертвой хваткой. Али опрокидывает мальчика на лопатки. Хуй мальчика, покачиваясь и пульсируя, вытягивается вдоль живота. Али забрасывает руки мальчика ему за голову. Сплевывает на его член. Когда Али вводит себе член, второй глубоко вздыхает. Они трутся перепачканными кровью губами. Резкий затхлый запах проникновения в прямую кишку. Нимун загоняет хуй, словно клин, выжимая из другого хуя длинные горячие струи спермы. (Автор замечал, что члены у арабов, как правило, широкие и имеют форму клина.)

Сатир и молодой голый грек в аквалангах изображают балет погони в чудовищной вазе из прозрачного алебастра. Сатир хватает мальчишку спереди и переворачивает. Они движутся резко, как рыбы. Мальчишка пускает изо рта серебристую струйку пузырей. Белая сперма извергается в зеленую воду и лениво плавает вокруг сплетенных тел.

Негр бережно сажает в гамак прелестного китайского мальчика. Подняв ноги мальчика над головой, он садится на гамак верхом. Он вводит хуй в маленькую стройную жопу мальчика и осторожно раскачивает гамак. Мальчик пронзительно кричит – сверхъестественный высокий вопль нестерпимого наслаждения.

Яванский танцор в богато украшенном вращающемся кресле из тика, закрепленном промеж известняковых ягодиц, натягивает американского мальчишку – рыжие волосы, ярко-зеленые глаза – на свой член, совершая ритуальные телодвижения. Мальчишка сидит, пронзенный, лицом к танцору, который, вращаясь, поливает сиденье жидкой субстанцией. «И-и-и-и-и!» – визжит мальчишка, пока его сперма струится на тощую смуглую грудь танцора. Одна капля попадает танцору в уголок рта. Мальчишка пальцем пропихивает ее внутрь и смеется: «Вот это, приятель, я и называю отсосом!»

Две арабские женщины со зверскими рожами стащили трусы с маленького светловолосого француза. Они дрючат его красными резиновыми хуями. Мальчик рычит, кусается, толкается, а когда его член встает и извергает семя, заливается слезами.

Лицо Хасана раздувается и набухает кровью. Губы становятся лиловыми. Он стягивает с себя костюм из банковских билетов и швыряет его в открытый погреб, который бесшумно закрывается.

– Здесь Зал Свободы, братва! – вопит он со своим псевдотехасским акцентом. Не сняв десятигаллоновой шляпы и ковбойских сапог, он отплясывает Ликвифакционистскую джигу, заканчивая гротескным канканом под мотивчик "Она пустила знойную волну":

«Тому и быть! И нет запретных дырок!!!»

В воздухе, на причудливых подвесных системах с искусственными крыльями, вопя как сороки, совокупляются пары.

Одним точным соприкосновением извергают друг в друга сперму воздушные гимнасты.

Эквилибристы ловко отсасывают друг у друга, балансируя на шестах и наклоненных над пустотой стульях. Теплый ветерок заносит из туманных глубин запахи рек и джунглей.

Сотни мальчиков проваливаются сквозь крышу, подергиваясь и брыкаясь на концах веревок. Мальчики висят на разных уровнях, одни – у потолка, а другие – в нескольких дюймах от пола. Прелестные балийцы и малайцы, мексиканские индейцы со свирепыми невинными лицами и ярко-красными деснами. Негры (зубы, пальцы, ногти на ногах и лобковые волосы позолочены), японские мальчики, гладкие и белые, как фарфор, венецианские парнишки с золотисто-каштановыми волосами, американцы со светлыми или темными кудрями, спадающими на лоб (гости с нежностью убирают их назад), угрюмые белокурые поляки с карими звериными глазами, арабские и испанские уличные мальчишки, австрийские мальчишки, розовые и изящные, с едва заметной тенью лобковых волос, усмехающиеся немецкие юноши с ярко-голубыми глазами, вопящие «Хайль Гитлер!», когда из-под них вышибают трап. Соллаби хнычут и обсираются.

Мистер Богатей-Плебей жует свою гаванскую сигару, непристойную и мерзкую; он развалился на флоридском пляже в окружении глупо улыбающихся светловолосых катамитов[46].

– У одного типа есть латах, которого он вывез из Индокитая... Он это дело так понимает: латаха он повесит, а друзьям пошлет рождественский фильмец. Так вот, достает он, значит, две веревки – одну хитроумную, которая может растягиваться, другую – самую что ни на есть настоящую. Только вот латаха-то этого обуревает вдруг жажда кровной мести, он напяливает костюм Санта-Клауса и подменяет типу веревку. Тут тебе и рассвет. Тип надевает одну веревку себе на шею, а латах поступает как все латахи – надевает другую. Когда трапы выбиты, тип вешается взаправду, а латах так и стоит себе со своей балаганной резиновой веревкой на шее. Ага, латах имитирует каждое подергивание и каждый спазм. Три раза кончает.

Да, этому продувному латаху палец в рот не клади. Я взял его экспедитором на один из своих заводов.

Ацтекские жрецы снимают с Голого Юноши одеяние из голубых перьев. Они укладывают его спиной на известняковый алтарь и надевают ему на голову

хрустальный череп, скрепляя две полусферы, затылочную и лобную, хрустальными винтами. На череп струится водопад, ломающий шею. В радуге, на фоне восходящего солнца, он извергает семя.

Резкий белковый запах спермы насыщает воздух. Гости лапают подергивающихся мальчиков, сосут их хуи и вампирами виснут у них на спинах.

Голые телохранители вносят “железные легкие”, полные парализованных юношей.

Из громадных пирогов ощупью выбираются слепые мальчики, из резиновой пизды выскакивают выродившиеся шизофреники, из черного пруда выходят на берег мальчишки с жуткими кожными болезнями (ленивые рыбы обгрызают желтое говно на поверхности).

Человек в белой сорочке с галстуком, голый ниже пояса, если не считать черных подвязок, галантно беседует с Пчелиной Маткой. (Пчелиные Матки – это старухи, которые окружают себя педиками, образующими «пчелиный рой». Это безобразный мексиканский обычай.)

– Но где же статуя? – он говорит одной стороной лица, другая перекошена после Пытки Миллионом Зеркал. Он бурно мастурбирует. Пчелиная Матка продолжает беседу, ничего не замечая.

Кушетки, стулья, да и весь пол начинают вибрировать, и гости превращаются в расплывчатых серых призраков, визжащих в хуекрылой агонии.

Под железнодорожным мостом дрочат два мальчика. Поезд сотрясает их тела, заставляя извергнуть семя, и медленно исчезает с далеким гудком. Квакают лягушки. Мальчики вытирают сперму с тощих смуглых животов.

Купе поезда: два больных молодых джанки, едущие в Лексингтон, в судорогах похоти срывают с себя штаны. Один из них намыливает свой член и по спирали разрабатывает жопу другого. «Бо-о-о-оже!» Оба извергают семя и тут же встают. Они отходят друг от друга и натягивают штаны.

– В Маршалле старый коновал прописывает настойку и оливковое масло.

– У старушки-матери прямо геморрой кровью обливается от жалости к Черному Дерьму... А если бы к вашей маме, Док, пиявками присосались эти гнусные вертлявые больничные врачи, которые только и знают, что оформлять ее в жопу... Дезактивируй свой таз, мамаша, ты же просто омерзительна.

– Давай сойдем и вытрясем из него рецепт.

Поезд мчится сквозь дымную, освещенную неоном июньскую ночь.

Изображения мужчин и женщин, мальчиков и девочек, зверей, рыб, птиц: вселенский ритм совокупления наводняет комнату – великий голубой поток жизни. Вибрирующий беззвучный гул густого леса – неожиданная тишина городов, когда

джанки выруливает дозу. Мгновение безмолвия и изумления. Даже Пригородный Житель пытается дозвониться по засоренным холестериновым проводам.

Хасан визжит: «Это все ты, Эй Джей! Ты обосрал всю мою вечеринку!»

Эй Джей смотрит на него, лицо его непроницаемо, как известняк: «Засунь ее себе в жопу, недоумок разжиженный».

Врывается ватага обезумевших от похоти американских женщин. Взмокшие пизды с фермы и ранчо для отдыхающих, с фабрики и из борделя, из загородного клуба, роскошных апартаментов и с городской окраины, из мотеля, с яхты и из коктейль-бара; они сбрасывают одежду для верховой езды, лыжные костюмы, вечерние платья, джинсы, платья для чаепития, ситцевые платья, брюки, купальные костюмы и кимоно. С воплями, стонами и воем они набрасываются на гостей, как бешеные суки в жаркую погоду. Они запускают длинные ногти в повешенных мальчиков и терзают их, визжа: «Ну ты, педик! Ублюдок! Еби меня! Еби меня! Еби меня!» Гости с воплями спасаются бегством, мечутся среди повешенных, опрокидывают железные легкие.

Эй Джей: «Вызовите моих швейцарцев, черт побери! Оградите меня от этих самок!»

М-р Хайлоп, секретарь Эй Джея, отрываясь от своей книжки комиксов: «Швейцарцы уже превращаются в жидкость».

(Сжижение – ликвифакция – заключается в расщеплении белка и низведении его до состояния жидкости, которая впитывается в протоплазму какого-нибудь другого существа. В данном случае таким получателем жидкости наверняка является Хасан, известный ликвифакционист.)

Эй Джей: «Никчемные хуесосы! Куда деваться человеку без его швейцарцев? Положение отчаянное, джентльмены. На карту поставлены наши хуи. В бой, мистер Хайлоп, они идут на абордаж. И призовите мужчин к оружию».

Эй Джей выхватывает абордажную саблю и принимается обезглавливать Американских Девушек. Он страстно поет:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рома.
Пей – и дьявол доведет до конца,
Йо-хо-хо, и бутылка рома.

М-р Хайлоп, унылый и безропотный: «Боже мой! Опять он за свое». Он вяло размахивает «Веселым Роджером». Эй Джей, дерущийся в окружении значительно превосходящих сил противника, запрокидывает голову и издает призывный клич борова. Сразу же вваливаются около тысячи находящихся в половой охоте эскимосов. Визжа и хрюкая, с распухшими лицами, горящими красными глазами и лиловыми губами, они набрасываются на американских женщин. (Когда у эскимосов наступает

“сезон охоты”, племена собираются вместе на короткое лето, дабы порезвиться в оргиях. Их лица распухают, а губы становятся лиловыми.)

Сквозь стену просовывает голову Штатный Детектив с двухфутовой сигарой во рту: «У вас тут что, бродячий зверинец?»

Хасан ломает руки: «Бойня! Грязная Бойня! Клянусь Аллахом, отродясь не видел ничего более мерзкого!»

Он поворачивается к Эй Джею, который с попугаем на плече и повязкой на глазу сидит на морском сундуке и пьет ром из высокой пивной кружки. Он изучает горизонт с помощью громадного медного телескопа.

Хасан: «Ты, дешевая фактуалистская сука! Убирайся, и чтобы ноги твоей больше не было в моей комнате развлечений!»

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРОДОК ИНТЕРЗОНЫ

Ослы, верблюды, гуанако, рикши, тележки с товарами, которые, пыжась от натуги, толкают мальчики с глазами, вылезшими из орбит и напоминающими языки удушенных, – пульсирующими, красными от звериной ненависти. Между студентами и лекционной кафедрой пасутся стада овец, коз и длиннорогого скота. Студенты сидят на ржавых парковых скамейках, известняковых глыбах, сортирных сиденьях, упаковочных корзинах, канистрах из-под бензина, пнях, пыльных кожаных подушечках, заплесневелых гимнастических матах. Одетые в джинсы, джеллабы[34]... в костюмы с кружевными камзолами, они пьют кукурузную водку из мейсоновских банок[47], кофе из консервных банок, курят гандж (марихуану) в сигаретах, скрученных из оберточной бумаги и лотерейных билетов... колют джанк английской булавкой и пипеткой, изучают программки скачек, книжки комиксов, кодексы майя...

Профессор прибывает на велосипеде, волоча за собой вереницу рыбьих голов. Он взбирается на кафедру, держась за спину (подъемный кран раскачивает над его головой мычащую корову).

ПРОФ: Прошлой ночью меня отъебало всё султаново войско. К тому же я вывихнул спину, обслуживая своего постоянного гомика... Да и манду одну старую никак не выселю. Хорошо бы дипломированный специалист по электронике мозга разомкнул ей синапсис за синапсисом, а судебный исполнитель-хирург выбросил на улицу ее кишки. Когда Ма со всеми своими пожитками перебирается к какому-нибудь мальчишке, тот из кожи вон лезет, лишь бы выселить эту наглую приживалку...

Он смотрит на рыбьи головы и мурлычет мотивчики двадцатых годов.

– У меня приступ ностальгии, ребята, надо его выплеснуть, хочешь ты или хохочешь... мальчишки гуляют по ярмарочному проспекту и жуют розовые сахарные волоконца... лапают друг друга на пип-шоу... дрочат в чертовом колесе и плещут спермой в луну, восходящую в багровой дымке над литейным заводом за рекой. На тополе, напротив Старого Здания Суда, висит нигра... Хнычущие женщины хватают его сперму влагалищными зубами... (Муж смотрит на подмененное дитя прищуренными глазами цвета линялой серой фланелевой рубахи: «Уж не нигра ли это, Док?»

Доктор пожимает плечами: «Это старая армейская игра, сынок. Горошина под гильзой... Вот есть она, а вот ее нет...»)

А Док Паркер колет себе лошадиную дозу героина в подсобке своей аптеки – сразу три грана. «Тонизирует, – бормочет он, – вечная весна».

“Ручонки” Бенсон, Городской Извращенец, занял кверенсию в школьной уборной (кверенсия – термин из боя быков... Бык обязательно отыскивает на арене место, которое ему подходит, и остается там, а матадор должен либо войти туда и сразиться с быком на его бычьих условиях, либо выманить его оттуда – то или другое). Образованный шериф “Недоумок” Ларсен говорит: «Мы должны как-то выманить его

из этой кверенсии...» А Старая Ма Лотти десять лет спит с мертвой дочерью, да и сама уже законсервировалась у себя дома и просыпается, дрожа на восточно-техасском рассвете... Снаружи, над черной болотной водой и кипарисовыми пнями, кружат грифы...

А теперь, джентльмены... полагаю, среди вас нет трансвеститов... хи-хи... и все вы джентльмены согласно Постановлению Конгресса, остается лишь убедиться в том, что вы – человеческие существа мужского пола, ведь Перебежчикам с любой из сторон вход в эту благопристойную аудиторию категорически запрещен. Джентльмены, предъявите “личное оружие”. Вас всех уже проинструктировали, и вы знаете, сколь важно содержать ваше оружие хорошо смазанным и готовым к любому оборонительному бою – как на фланге, так и в тылу.

СТУДЕНТЫ: Знаем! Знаем! – Они устало расстегивают ширинки. Один из них размахивает гигантской эрекцией.

ПРОФ: Итак, джентльмены, на чем я остановился? Ах да, Ма Лотти... Она с дрожью просыпается на рассвете, нежном и розовом – розовом, как сахарные волоконца, розовом, как морская раковина, розовом, как свечи на именинном пироге маленькой девочки, розовом, как хуй, пульсирующий в багровом свете ебли... Ма Лотти... хм-хм... если не прекратить это бесконечное занудство, ее одолеет старческая немощь и она разделит общество своей дочери в формальдегиде.

"Поэма о Старом Мореходе"[24] Колриджа, поэта... Я хотел бы обратить ваше внимание на то, сколь символичен образ с а м о г о Старого Морехода.

СТУДЕНТЫ: Он говорит, самого.

– В связи с этим обратите внимание на его собственную неприглядную личность.

– Зря вы это сказали, Учитель.

Сотня юных правонарушителей... на него наставлены щелкающие, как зубы, пружинные ножи.

ПРОФ: О, силы земные! – Он отчаянно пытается выдать себя за старуху в высоких черных башмаках и с зонтом... – Если бы не мой прострел – не могу даже нагнуться... я бы перехитрил их, подставив свою сладкую попочку, как это делают бабуины... Если на более слабого бабуина нападает более сильный бабуин, более слабый бабуин либо (а) подставляет свою, гм, тыловую часть – полагаю, это так называется, джентльмены, хи-хи, для пассивного совокупления, либо (б) будучи бабуином другого типа, более экстравертным и лучше приспособленным, он нападает на еще более слабого бабуина, если сумеет такового найти.

Растрепанная Декламаторша в платье двадцатых годов – похоже, она и спит в нем с тех самых пор – шатаясь переходит мрачную, освещенную неоном чикагскую улицу... в воздухе бескрылым призраком повис мертвый груз Славных Прежних Дней. Декламаторша (проспиртованный тенор): «Отыщите самого слабого бабуина».

Пограничный салун: Педрила-Бабуин, наряженный в голубое девчоночье платье, поет смиренным голосом на мотив "Голубого платья Эллис": «Нет бабуина меня слабее».

Профессора и юношей разделяет товарный поезд... Когда поезд проходит, у тех уже толстые животы и ответственные должности...

СТУДЕНТЫ: Мы хотим Лотти!

ПРОФ: Это было в другой стране, джентльмены... Как я уже говорил, в меня бесцеремонно вторглась одна из многочисленных моих личностей... беспокойный маленький зверек... Рассмотрим Старого Мореходa без кураре, лассо, булбокапнина и смирительной рубашки, хотя они и могут привлекать и удерживать внимание публики... В чем его главный, хм-хм, секрет? Хи-хи-хи... В отличие от так называемых художников нашего времени, он не останавливает всех подряд, а значит, не столь часто навязывает людям свои скучные речи и напрашивается на неприятности... Он останавливает тех, у кого, благодаря уже сложившимся между Мореходом (каким бы старым он ни был) и... э-э... Свадебным Гостем[48] отношениям, нет другого выхода, кроме как слушать...

Неважно, что говорит Мореход на самом деле... Он может говорить бессвязно, невпопад, даже грубить и проявлять старческий маразм. Но что-то происходит со Свадебным Гостем, как происходит это в психоанализе, когда это происходит, если происходит. Да простят мне небольшое отступление... Один мой знакомый психоаналитик говорит только сам – неважно, терпеливо слушают пациенты или нет... Он вспоминает прошлое... рассказывает сальные анекдоты (старые), достигая таких контрапунктов идиотизма, о которых не мечтал и Секретарь Округа. В какой-то степени этим он наглядно показывает, что на словесном уровне никогда ничего нельзя добиться... К этому методу он пришел благодаря, наблюдениям, доказывающим, что Слушатель – Аналитик – не читает мыслей пациента... Пациент – Говорящий – читает мысли Слушателя... То есть у пациента возникает экстрасенсорная осведомленность о снах аналитика и его планах, поскольку аналитик контактирует с пациентом строго с помощью лобных долей мозга... Такой подход характерен для многих агентов – они отъявленно многоречивые зануды и плохие слушатели...

Джентльмены, я метну бисер: Вы больше можете узнать о человеке говоря, нежели слушая.

Свиньи вскакивают, а Профессор ведрами мечет во все стороны бисер...

– Вот это колосс! Я и ног-то его лизать недостоин, – говорит самый жирный боров.

– Да они же глиняные.

ЕЖЕГОДНАЯ ВЕЧЕРИНКА У ЭЙ ДЖЕЯ

Эй Джей обращается к гостям: «Пизды, хуи и те, что и нашим и вашим, сегодня я представляю вам всемирно известного импресарио голубых фильмов и коротковолнового телевидения, единственного и неповторимого Великого Бейсуку!»

Он указывает на красный бархатный занавес высотой в шестьдесят футов. Сверху донизу занавес разрывает молния. Появляется Великий Бейсука, он стоит. Его лицо огромно и неподвижно, как погребальная урна чиму. На нем парадный вечерний костюм и голубая накидка, в глазу – голубой монокль. Огромные глаза с крохотными черными зрачками, кажется, извергают иглы. (Его пристальный взгляд способен выдержать лишь фактуалист столь же высокого ранга.) Когда он разгневан, образуется заряд, от которого монокль летит через всю комнату. Многим невезучим актерам довелось испытать на себе ледяной взрыв недовольства Бейсуки: «Вон из моей студии, это не игра, а дешевое очковтирательство! Вздумал устроить поддельный оргазм и надуть меня! ВЕЛИКОГО БЕЙСУКУ! Да я и по большому пальцу твоей ноги вижу, когда ты кончаешь. Идиот! Безмозглый мерзавец!! Наглая кошелка!!! Ступай торговать своей жопой и помни: для того чтобы работать на Бейсуку, требуются искренность, преданность и талант. Я не потерплю никакого гнусного надувательства – ни фонограммы с тяжелым дыханием, ни резинового говна, ни припрятанных в ухе пузырьков с молоком, ни уколов йохимбина, украдкой сделанных в руки». (Йохимбин, получаемый из коры дерева, растущего в Центральной Африке, является самым безопасным и весьма эффективным афродизиаком. Он действует, расширяя кровеносные сосуды на поверхности кожи, главным образом в области половых органов.)

Бейсука извергает свой монокль, который уплывает из поля зрения и бумерангом возвращается ему в глаз. Он делает пируэт и исчезает в голубой дымке, холодной, как жидкий воздух... затемнение...

На экране. Рыжеволосый зеленоглазый парнишка, белая кожа с редкими веснушками... целует худую брюнетку в широких брюках. Костюмы и прически наводят на мысль о богемных барах всех городов мира. Они сидят на низкой кровати, покрытой белым шелком. Девушка нежными пальчиками расстегивает его штаны и вынимает член, маленький и очень жесткий. Капля смазки блестит на его кончике, как бриллиант. Она с нежностью ласкает залупу: «Разденься, Джонни». Он быстрыми уверенными движениями снимает одежду и голый стоит перед ней, его член пульсирует. Она жестом просит его отвернуться, и он, подбоченясь, делает на полу пируэт в пародии на натурщика. Она снимает блузку. Груди у нее маленькие и высокие, с напряженными сосками. Она выскальзывает из трусиков. Видны черные блестящие волосики. Он садится рядом с ней и протягивает руку к ее груди. Она его останавливает.

– Я хочу оформить тебя в жопу, милый, – шепчет она.

– Нет. Не сейчас.

– Ну пожалуйста, я хочу.

– Ладно, так и быть. Пойду вымою жопу.

– Нет, я сама.

– А, ерунда, она не грязная.

– Нет, грязная. Идем, Джонни, мальчик мой.

Она ведет его в ванную. «Ну, садись». – Он опускается на колени и наклоняется вперед, уткнувшись подбородком в коврик у ванны. «Аллах»,– произносит он. Он оборачивается и ухмыляется. Она моет ему жопу горячей водой с мылом, засовывая палец в задний проход.

– Не больно?

– Нееееееет.

– Идем, малыш.

В спальню она входит первой. Он ложится на спину и забрасывает ноги себе за голову, сжимая под коленями локти. Опустившись на колени, она ласкает тыльную часть его бедер и яйца, а пальцы ее перебегают вниз, к извечному разделению. Она раздвигает его ягодицы, наклоняется и начинает лизать анус, медленно двигая головой по кругу. Раздвигая бока задницы, она лижет все глубже и глубже. Он закрывает глаза и извивается. Она лижет извечное разделение. Тугие яички... На кончике его обрезанного члена появляется гигантский бриллиант. Ее рот смыкается над залупой. Она сосет ритмично, вверх-вниз, делая паузу наверху и двигая головой по кругу. Ее рука нежно играет его яичками, скользя вниз, а средний палец – ему в жопу. Когда она сосет, двигаясь вниз, к основанию члена, она насмешливо щекочет его простату. Он ухмыляется и пердит. Она уже сосет его член в неистовстве. Его тело начинает сокращаться, подтягиваясь к подбородку. Сокращения с каждым разом длятся все дольше. «И-и-и-и-и!» – визжит мальчик, каждая мышца напряжена, все его тело деформируется, чтобы освободиться через член. Она пьет его сперму, которая мощными горячими струями наполняет ей рот. Его ноги вновь шлепаются на кровать. Он потягивается и зевает.

Мэри пристегивает себе резиновый пенис.

– Стальной Дэн III из Иокогамы, – говорит она, лаская стержень. Через всю комнату струей бьет молоко.

– Смотри, чтоб молоко было пастеризованным. Не вздумай наградить меня какой-нибудь жуткой коровьей болезнью, вроде сибирской язвы, сапа или афтоза...

– В Чикаго я была лесбиянкой-трансвеститом и подрабатывала дезинсектором. Заигрывала с хорошенькими мальчиками – страшно нравилось, когда меня избивали как мужчину. Потом хватаю я одного из этих малышей и ломаю его с помощью сверхзвукового дзюдо, которому научилась у старого дзэнского монаха-лесбиянки. Я его связываю, бритвой сдираю с него одежду и ебу “Стальным Дэном I”. Он так

расслабился, что я его даже не кастрировала, – сказать по правде, я кончила в него своим клопомором.

– А что стало со “Стальным Дэном I”?

– Его разорвала пополам одна дюжая лесбиянка. Вот это было влагалище – смертельная хватка! Она могла вдолбить туда свинцовую трубу. Это была одна из ее салонных шалостей.

– А “Стальной Дэн II”?

– В клочья изжеван подыхающей от голода кандиру в верховьях Бабуиновой Задницы. И нечего на этот раз вопить: «И-и-и-и-и!»

– Почему? Это же просто умора.

– Как можно сравнивать всех этих тупиц с твоей мадам, мальчуган ты мой босоногий!

Закинув руки за голову, он разглядывает потолок.

– Так что же мне делать? Срать, когда во мне эта штуковина, я не могу. Интересно, можно ли одновременно кончать и смеяться? Помню, во время войны в каирском Жокей-клубе мы с моим коллегой по заднице Лу, оба джентльмены согласно постановлению Конгресса... больше никто бы нам с ним такого не устроил... так вот, мы принялись так неудержимо хохотать, что обоссались с ног до головы, а официант и говорит: «Вон отсюда, гнусные гашишисты!» То есть если я сумел высмеять из себя всю мочу, почему бы мне не высмеять и сперму? Так что скажи мне что-нибудь очень смешное, когда я буду кончать. Этот момент ты распознаешь заранее – возникнет дрожь в простате...

Она ставит пластинку – кокаиновый металлический би-боп. Смазав штуковину, она забрасывает ему ноги за голову и серией штопорообразных движений своих жидких бедер вводит штуковину ему в жопу. Медленными кругами она входит внутрь, вращаясь вокруг оси стержня. Жесткими сосками она трется о его грудь. Она целует его в шею, подбородок и глаза. Он проводит руками по ее спине вниз, к ягодицам, проталкивая ее себе в жопу. Она вращается быстрее, быстрее. Его тело подергивается и корчится в судорогах. «Быстрее, прошу тебя, – говорит она, – Молоко стынет». Он не слышит. Она прижимается губами к его губам. Их лица сливаются. Его сперма наносит легкие горячие удары по ее груди.

В дверях стоит Марк. На нем черный свитер с высоким воротом. Холодное красивое лицо самовлюбленного человека. Зеленые глаза и черные волосы. Он смотрит на Джонни с легкой усмешкой, склонив голову набок, руки на карманах куртки – грациозный хулиганский балет. Он делает резкое движение головой, и Джонни впереди него входит в спальню. За ними – Мэри. «Ну что ж, мальчики», – говорит она, нагишом садясь на кровать с розовым шелковым балдахином. «Начнем!»

Марк, плавно вихляя бедрами, начинает раздеваться; извиваясь, он вылезает из своего свитера, в шутливом танце живота обнажая прекрасный белый торс. Джонни с каменным лицом – дыхание учащенное, губы сухие – снимает одежду и бросает ее на пол. Трусы Марка спадают на одну ногу. Жестом девицы из кордебалета он ногой отправляет трусы через всю комнату, И вот он уже стоит голый, с тугим членом, растягивающимся вперед и вверх. Неторопливо окинув взором тело Джонни, он улыбается и облизывается.

Марк падает на одно колено, рукой обхватывая Джонни за спину. Встав, он швыряет его через шесть футов на кровать. Джонни приземляется на спину и подскакивает. Марк бросается на Джонни, хватает его за щиколотки и закидывает ему ноги за голову. Губы Марка стянуты в тугой узел. «Хорошо, Джонни, мальчик мой». Его тело сжимается, и он медленно и плавно, как смазанную машину, заталкивает член в жопу Джонни. Джонни глубоко вздыхает, корчась в экстазе. Марк сцепляет руки под лопатками Джонни, натягивая его на свой член, который целиком погружен в жопу Джонни. Он громко свистит сквозь зубы. Джонни кричит птицей. Марк трется лицом о лицо Джонни, узел исчез, лицо невинное и мальчишеское, – и вот уже вся его жидкость струится в трепещущее тело Джонни.

Сквозь него с ревом и свистом проносится поезд... гудит пароход, воет туманный горн, над маслянистыми лагунами вспыхивает сигнальная ракета... грошовая аркада ведет в лабиринт непристойных картинок... в бухте палит церемониальная пушка... пронзительный крик уносится по белому больничному коридору... наружу, вдоль пыльных улиц, обсаженных пальмами, пулей свистит над пустыней (сухой воздух рассекают крылья грифов), сразу тысяча мальчиков кончает в садовых сортирах и открытых всем ветрам школьных уборных, на чердаках, в подвалах и игрушечных домиках на ветвях деревьев, на чертовых колесах и в заброшенных жилищах, в известняковых пещерах, лодках и гаражах, в амбарах и на продуваемых ветром булыжных городских окраинах за стенами глинобитных домов (запах высохших испражнений)… ветер носит пыль над худыми бронзовыми телами... залатанные штаны упали к потрескавшимся и кровоточащим босым ногам... (место, где грифы дерутся над рыбьими головами)... в джунглях у лагун, злые рыбы хватают зубами белую сперму на поверхности черной воды, песчаные мухи кусают смуглую задницу, обезьяны-ревуны, подобные ветру в деревьях (страна больших бурых рек, по которым плывут целые деревья, ярко раскрашенные змеи в ветвях, печальные лемуры смотрят на берег тоскливыми глазами), в голубом веществе неба выводит арабески красный самолет, жалит гремучая змея, кобра поднимает голову, распускает капюшон, выплевывает белый яд, осколки жемчуга и опала медленным бесшумным дождем падают сквозь чистый, как глицерин, воздух. Время перескакивает, как сломанная пишущая машинка, мальчики превратились в стариков, юные бедра, дрожащие и подергивающиеся в мальчишеских спазмах, становятся дряблыми и отвислыми, их тяжесть принимают на себя сортиртное сиденье, садовая скамейка, каменная стена в лучах испанского солнца, продавленная кровать в меблированной комнате (за окном – трущобы красного кирпича под ясным зимним солнцем)… они подергиваются и дрожат в грязном белье, нащупывая вену на утренних ломках, что-то бормочут, пуская слюни, в арабском кафе... “Меджуб”, – шепчут арабы, пытаясь незаметно улизнуть (меджуб – это особый вид помешанного на религии мусульманина... среди

прочих расстройств нередко встречается эпилепсия). «Мусульмане должны иметь кровь и сперму... Смотрите, смотрите, вот куда сперманентно течет кровь Христова»,– воет меджуб... Он стоит, вопя, и черная кровь обильно струится из последней эрекции – потускневшее белое изваяние, – стоит так, будто он шагнул наконец за Великую Ограду, взобрался на нее, невинный и спокойный, как влезает на ограду мальчишка половить рыбу в запретном пруду – через несколько секунд он поймает гигантскую зубатку, – из маленькой черной лачуги с проклятиями выбегает Старик с вилами, и смеющийся мальчишка несется через поля Миссури – он находит красивый розовый стрелолист и срывает его на бегу, плавно устремив вниз свои юные кости и мышцы (его кости смешиваются с полем, он лежит мертвый у деревянной ограды, с дробовиком под боком, в зимнее жнивье Джорджии сочится кровь с застывшего красного языка)... За спиной у него бьется зубатка... Он подходит к ограде и через нее бросает зубатку в испещренную кровью траву... рыба лежит, извиваясь, а он с пронзительным криком перепрыгивает через ограду. Он хватает зубатку и удаляется по посыпанной галькой красной грунтовой дороге меж дубами и растениями хурмы, роняющими в ветреный осенний закат красно-бурые листья, зеленые и мокрые на летнем рассвете, черные ясным зимним днем... Старик выкрикивает ему вслед проклятия... его зубы вылетают изо рта и со свистом проносятся над головой мальчишки, он из последних сил устремляется вперед, шейные позвонки будто стягивает стальной обруч, на забор сплошной густой струей бьет черная кровь, и он бесплотной мумией падает в высокую колючую траву. Сквозь ребра его прорастают колючки, в его хижине бьются окна, пыльные осколки стекла в черной замазке – по полу бегают крысы, а мальчики дрочат летними днями в темной и душной спальне и едят ягоды, которые растут из его плоти и костей, рты вымазаны лилово-красным соком...

Старый джанки нашел вену... кровь расцветает в пипетке, как китайская роза... он заталкивает героин домой[49], и мальчик, который дрочил пятьдесят лет назад, еще непорочный, просвечивает сквозь опустошенную плоть и заполняет сортир сладким пряным запахом юношеской похоти...

Сколько лет нанизано на кровавую иглу? С дряблыми руками на коленях сидит он, глядя на зимний рассвет потухшими джанковыми глазами. Старый гомик корчится на известняковой скамейке в парке Чапультепек, а мимо идут подростки-индейцы, обняв друг друга за бока и шеи и заставляя его умирающую плоть вытягиваться в попытке овладеть юными ляжками и ягодицами, тугими яйцами и пускающими струи членами.

Марк и Джонни сидят лицом к лицу в вибрационном кресле, Джонни пронзен членом Марка.

– Все готово, Джонни?

– Включай.

Марк небрежно ударяет по кнопке, и кресло начинает вибрировать... Марк запрокидывает голову, снизу глядя на Джонни, лицо его бесстрастно, холодные насмешливые глаза изучают лицо Джонни... Джонни пронзительно кричит и хнычет...

Его лицо теряет очертания, будто расплавленное изнутри... Джонни вопит, как мандрагора[50], и теряет сознание, сперма его бьет струей, и он тяжело опускается на тело Марка – отрубившийся ангел. Марк рассеянно похлопывает Джонни по плечу... Помещение напоминает спортзал... Пенорезиновый пол покрыт белым шелком... Одна стена сплошь стеклянная... Восходящее солнце заливает комнату розовым светом. Мэри и Марк вводят Джонни со связанными руками. Джонни видит виселицу и с громким «О-о-о-ох!» оседает, подбородок его утыкается в член, ноги гнутся в коленях. Почти вертикальная струя спермы дугой изгибается перед самым его лицом, Марк и Мэри вдруг становятся раздражительными и нетерпеливыми... Они заталкивают Джонни на помост виселицы, усеянный заплесневелыми суспензориями и свитерами. Марк затягивает петлю.

– Ну, пошел. – Марк хочет столкнуть Джонни с помоста. Мэри: «Нет, дай мне». Она сплетает пальцы на ягодицах Джонни, прижимается к нему лбом, улыбаясь ему в глаза, и отходит назад, сталкивая его с помоста в пустоту...

Его лицо набухает кровью... Марк проворно протягивает руку и пальцами сжимает Джонни шею... звук такой, будто сломали палку, завернутую в мокрое полотенце. По телу Джонни пробегает дрожь... одна ступня бьется, как пойманная птица... Марк хватается за перекладину турника и, имитируя подергивания Джонни, закатывает глаза и высовывает язык. Хуй Джонни вскакивает, Мэри заправляет его себе в пизду, трется о тело Джонни и, извиваясь в плавном танце живота, стонет и визжит от наслаждения... по телу ее течет пот, волосы мокрыми прядями спадают на лицо. «Срежь его, Марк!» – кричит она. Марк вытягивает руку с кусачками, перерезает веревку и, поймав падающего Джонни, бережно укладывает его на спину вместе со все еще пронзенной и извивающейся Мэри... Она откусывает у Джонни губы и нос и с шумом всасывает его глаза... Отрывает большие куски щеки... И вот она завтракает его членом... К ней подходит Марк, и она отрывается от полусъеденных гениталий Джонни, лицо ее залито кровью, глаза фосфоресцируют... Марк ставит ей ногу на плечо и толкает ее на спину... Он набрасывается на нее и ебет как безумный... Они катаются по комнате из угла в угол, делают вертушки и кульбиты и подскакивают высоко в воздух, как огромная, пойманная на крючок рыба.

– Дай мне повесить тебя, Марк... Дай мне тебя повесить... Ну пожалуйста, Марк, дай мне тебя повесить!

– Ну конечно, крошка. – Он грубо ставит ее на ноги и сжимает ей руки за спиной.

– Нет, Марк!! Нет! Нет! Нет! – вопит она, обоссываясь и обсираясь в ужасе, пока он тащит ее к помосту. Связанную, он бросает ее на помост, в кучу старых использованных презервативов, а сам протягивает через комнату веревку... и возвращается с петлей на серебряном подносе. Он рывком ставит ее на ноги и затягивает петлю. Вонзив в нее хуй, он вальсирует по помосту и – в пустоту, раскачиваясь по большой дуге... «И-и-и-и-и!» – визжит он, превращаясь в Джонни. Шея Мэри с треском ломается. По ее телу прокатывается мощная жидкая волна. Джонни спрыгивает на пол и замирает, нерешительный и настороженный, как маленький звереныш.

Он мечется по комнате. С воплем безудержной тоски, вдребезги разбивающим стеклянную стену, он выпрыгивает в пустоту. Кувыркаясь и мастурбируя, три тысячи футов вниз – рядом с ним плывет его сперма, – он непрерывно вопит в хрупкую голубизну неба, его тело пылает в лучах восходящего солнца, словно облитое бензином,– вниз, мимо больших дубов и растений хурмы, чтобы в жидком облегчении разбиться на разрушенной площади, вымощенной известняком. Меж камней растут сорные травы и ползучие растения, ржавые железные болты в три фута шириной пронзают белый камень, покрывая его бурым дерьмом ржавчины.

Джонни обливает Мэри бензином из непристойного кувшина чиму, кувшина из белого гагата... Он втирает бензин себе в кожу... Они обнимаются, падают и катаются по полу под громадным увеличительным стеклом, установленным в крыше... вспыхивают с криком, который вдребезги разбивает стеклянную стену, выкатываются в пустоту, с воплями ебутся в воздухе и лопаются в огне, крови и саже на бурых камнях под солнцем пустыни. Джонни в агонии мечется по комнате. С воплем, который вдребезги разбивает стеклянную стену, он стоит, широко раскинув руки, лицом к восходящему солнцу, из члена струится кровь... беломраморный бог, он камнем падает сквозь эпилептические взрывы на старого меджуба, корчащегося в дерьме и хламе у глинобитной стены в лучах солнца, которое обезображивает тело рубцами и покрывает гусиной кожей... Он – мальчик, спящий, прижавшись к стене мечети, и во “влажном сне” извергающий семя в тысячу влагалищ, гладких и розовых, как морские раковины, чувствуя наслаждение, когда вверх по его члену скользят колючие лобковые волосы.

Джон и Мэри в гостиничном номере (звучит "Прощание с Восточным Сент-Луисом"). Теплый весенний ветерок дует из открытого окна и колышет линялые розовые занавески... На пустырях, где растет кукуруза, квакают лягушки, а под разрушенными известняковыми надгробиями, вымазанными дерьмом и оплетенными ржавой колючей проволокой, мальчишки ловят маленьких зеленых неядовитых змей.

Неоновый свет – хлорофиллово-зеленый, фиолетовый, оранжевый – вспыхивает и гаснет.

Джонни кронциркулем вытаскивает из пизды Мэри кандиру... Он бросает ее в бутылку мескаля, где та превращается в червя магеи[51]... Размягчителем костей из джунглей он делает Мэри промывание, и вылетают наружу влагалищные зубы, смешанные с кровью и кистой... Ее пизда сверкает, свежая и душистая, как весенняя травка... Джонни лижет пизду Мэри – сначала медленно, потом с растущим возбуждением раздвигает губки и лижет внутри, чувствуя на своем распухшем языке колючки лобковых волос... Руки отброшены назад, груди торчат – Мэри лежит, прибитая к полу неоновыми гвоздями... Джонни движется по ее телу вверх, его член со сверкающим круглым опалом смазки у открытой щели скользит сквозь ее лобковые волосы и полностью входит в пизду, затянутый всасывающей силой голодной плоти... Его лицо набухает кровью, в глазах вспыхивают зеленые огни, и он уносится прочь по американским горкам мимо вопящих девиц...

Влажные волосы с тыльной стороны его яичек сохнут на теплом весеннем ветру и превращаются в травку. Горная долина в джунглях, в окно вползают лианы. Член

Джонни набухает, распускаются большие роскошные бутоны. Из пизды Мэри, нащупывал землю, выползает длинный корневой побег. Тела разделяются с зелеными взрывами. Лачуга превращается в груды разбитого камня. Мальчик стал известняковой статуей, из его члена пускает побеги какое-то растение, губы растянуты в полуулыбке отрубившегося джанки.

Гончий Пес заначил остатки героина, завернув их в лотерейный билет.

Еще один укол – завтра лечиться.

Путь долог. Сплошь сухостой и депрессия.

Долог путь по каменистой пустыне сурового режима к оазису финиковых пальм свиданий, где арабские мальчишки срут в колодец и танцуют рок-н-ролл в песках целительного пляжа, жуют горячие сосиски и плюются самородками золотых зубов.

Беззубые и смертельно голодные, с рифлеными боками, на которых можно стирать грязную спецодежду, они с трепетом выпрыгивают из шлюпки на острове Пасхи и выходят на берег, с трудом передвигая онемевшие и хрупкие, как ходули, ноги... они клюют носом в клубных окнах... их одолевает жирная нужда-потребность, и тогда они торгуют своими тощими телами.

Финиковые пальмы погибли из-за нехватки встреч, колодец наполнен высохшим дерьмом и мозаикой тысячи газет:

«Россия отрицает... Министр внутренних дел с сожалением и тревогой смотрит... трап был выбит в 12:02. В 12:30 доктор вышел поесть устриц и вернулся в 2:00, чтобы весело похлопать повешенного по спине.

– Как! Ты еще не умер? Видно, придется дернуть тебя за ногу. Ха-ха! Нет, так долго висеть ты у меня не будешь – меня же Президент уволит. И потом – какой позор, если труповозка вывезет тебя отсюда живым! Да у меня от стыда просто яйца отсохнут, а ведь я пошел в ученики к опытному быку-кастрату. Раз, два, три – тащу».

Планер падает, бесшумный, как эрекция, бесшумный, как смазанное стекло, разбитое молодым вором с руками старухи и потухшими джанковыми глазами... В неслышном взрыве он проникает в дом, перешагивая через замасленные осколки, в кухне громко тикают часы, жаркий воздух ерошит его волосы, а голова раскалывается от слишком большой дозы... Из красной скорлупы выскальзывает Старик и делает пируэты вокруг своего дробовика.

– Ничего не выгорит, братва... Рыбы в бочке... Деньги в банке... еще один пьянчуга... да я ему с одного выстрела мозги вышибу, он у меня шмякнется в похабном виде... Слышишь, приятель?

«Когда-то и я был молод, и у меня в ушах звучал чарующий зов легких деньжат, женщин и худых мальчишеских задниц, только не выводи меня из себя ради всего святого, я намерен кое-что рассказать, пускай твой хуй с воем встает на жемчужно-розовый путь юной пизденки или выводит задушевно-смуглый, слизисто-

трепещущий напев мальчишеской жопы, пускай твой хуй звучит, как граммофонная игла... и когда ты доберешься до жемчужно-ярких бриллиантов простаты, что накапливаются в золотистых мужских яйцах, неумолимых, как почечный камень... Прости, я должен тебя убить... Моя старая серая кобыла[52] уже не та, что прежде... Уже нечем публику завлечь... а публику надо покорять на лету и на бегу, ее надо с ног сбивать... К тому же меня, точно дряхлого льва, донимают гнилые зубы, а будь у меня зубная паста "Амидент", я бы и до сих пор грыз свежатинку... Эти старые дерьмовые львы стали просто-напросто пожирать мальчиков... А кто их в этом упрекнет, раз мальчики так сладки, так прохладны, так чисты[53] в Лазарете Святого Джеймса? Нет, сынок, не вводи меня в трупное окоченение. Уважь стареющего хуя... Когда-нибудь и ты превратишься в нудного старого мудозвона... А может, и нет... Уж больно ты похож на бесстыжего босоногого хаусменовского[54] катамита[46], на окоченевшую шропширскую инженю, таким быстроногим, как ты, перемен не избежать... Только вот убить этих шропширцев просто невозможно... одного так часто вешали, что теперь он сопротивляется, точно гонококк, наполовину кастрированный пенициллином, каждый раз сызнова набирает страшную силу и размножается в геометрической прогрессии... Так что в суде остается лишь голосовать за приемлемое оправдание и положить конец тем гнусным публичным представлениям, за просмотр которых шериф обдерет вас как липку – меньше фунта никак не возьмет».

ШЕРИФ: Да за фунт я с него штаны спущу, братва. Спешите видеть! Ценный научный экспонат, связанный с местонахождением Жизненного Центра. Данный экземпляр достигает девяти дюймов в длину, дамы и господа – заходите и измерьте сами. Всего один фунт – такой же сомнительный, как трехдолларовая бумажка, и вы по крайней мере трижды увидите, как этот малый кончает, – а я никогда не унижусь настолько, чтобы подвергать этой процедуре кастрата, – и сделает он это, сам того не желая. Когда сломается его шея, глядите в оба – данный экземпляр, как пить дать, начнет ритмично вытягиваться по стойке “смирно” и всех вас забрызгает.

Мальчишка стоит на трапе, переминаясь с ноги на ногу:

«Боже мой, чего только не приходится терпеть на этой работенке! Того и гляди, какой-нибудь гнусный старый хрыч возбудится и вспомнит о плотских утехах».

Трап падает, веревка гудит, как ветер в проводах, шея ломается с громким, отчетливым звуком китайского гонга. Мальчишка сам перерезает веревку пружинным ножом и уносится по ярмарочному проспекту вслед за вопящим педиком. Педрила сквозь витрину бросается в пип-шоу в грошовой аркаде, где оформляет ухмыляющегося негра. Постепенное затемнение.

(Мэри, Джонни и Марк раскланиваются, на шеях у них веревки. Они не так молоды, как выглядят в Голубом Кино... Вид у них усталый и недовольный.)

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ

Доктор “Пальчики” Шефер, Малый Лоботомия, встает и устремляет на делегатов холодный голубой поток своего пристального взгляда:

– Джентльмены, нервная система человека может быть сведена к компактному и укороченному позвоночному столбу. Мозг – лобный, центральный и затылочный – должен разделить участь аденоидов, зуба мудрости и аппендикса... Представляю вам свое выдающееся творение: Полностью Обеззабоченного Среднего Американца...

Звучат фанфары: голого американца вносят два чернокожих носильщика, которые с глумливыми усмешками зверски швыряют его на сцену... Человек извивается... Его плоть превращается в густое прозрачное желе, которое улетучивается зеленым туманом, открывая чудовищную черную многоножку. Волны неведомого зловония обрушиваются на аудиторию, обжигая легкие, схватывая желудок...

Шефер ломает руки и всхлипывает:

– Кларенс!! Как ты мог так со мной поступить?? Неблагодарные!! Все до одного неблагодарные!!

Делегаты в ужасе отшатываются и бормочут:

– Боюсь, Шефер зашел слишком далеко...

– А между прочим, я предупреждал...

– Шефер, конечно, малый незаурядный, но...

– Чего не сделаешь ради саморекламы...

– Господа, это омерзительное и во всех отношениях незаконнорожденное дитя извращенного мозга доктора Шефера не должно увидеть света...

– Он таки увидел его, старина, – сказал один из негров-носильщиков.

– Надо раздавить эту антиамериканскую тварь, – говорит толстый, с лягушачьей мордой доктор-южанин, налакавшийся кукурузной водки из мейсоновской[47] банки. Он неверной походкой направляется вперед, но останавливается, напуганный внушительными размерами и угрожающим видом многоножки...

– Принесите бензин! – ревет он. – Мы сожжем сукиного сына, как обнаглевшего ниггера!

– Лично я на рожон не лезу, – говорит невозмутимый и проницательный молодой доктор, который тащится под LSD-25... – А вот ушлый Окружной Прокурор мог бы...

Затемнение.

– Суд идет!

ОП: Господа присяжные, эти “ученые джентльмены” утверждают, что невинное человеческое существо, которое они столь безответственно убили, превратилось в гигантскую черную многоножку и что их “долгом перед человечеством” является уничтожение этого чудовища, прежде чем оно любыми доступными ему средствами сумеет воспроизвести себе подобных...

Должны ли мы принять это нагромождение собачьего бреда за чистую монету? Должны ли мы клюнуть на эту беспардонную ложь, как на смазанную безымянную задницу? Где же она, эта удивительная многоножка?

«Мы ее уничтожили», – самодовольно заявляют они... А я хотел бы напомнить вам, Джентльмены и Гермафродиты присяжные, что эту Гнусную Скотину, – он указывает на доктора Шефера, – уже не раз вызывали в суд по обвинению в таком отвратительном преступлении, как изнасилование мозга... А если точнее, – он с размаху бьет кулаком по поручню скамьи присяжных, повышая голос до вопля, – если точнее, господа, п р и н у д и т е л ь н а я л о б о т о м и я ...

Присяжные в изумлении раскрывают рты... Один умирает от сердечного приступа... Трое падают на пол, корчась в невыносимом оргазме...

ОП театрально вытягивает руку с указующим перстом:

– Вот он... Не кто иной, как он, низвел население целых провинций нашей прекрасной страны до состояния, граничащего с крайней стадией идиотизма... Вот он, тот, кто ряд за рядом, ярус за ярусом заполнил огромные склады беспомощными существами, каждая прихоть которых должна исполняться... “Трутнями” цинично зовет он их, злобно глядя на них плотоядными глазами высокообразованного злодея... Господа, я взываю к вам: бессмысленное убийство Кларенса Кауи не должно остаться неотмщенным. Это подлое преступление, словно раненый педрила, вопиет по меньшей мере о справедливом воздаянии!

Многоножка в смятении мечется.

– Старина, твой мудозвон проголодался! – орет один из носильщиков.

– Лично я сматываюсь.

Делегатов захлестывает волна электрического ужаса... Вопя и царапаясь, они бросаются к выходу.

РЫНОК

Панорама Интерзонного Города. Первые такты "Прощания с Восточным Сент-Луисом"... временами громкие и отчетливые, затем слабые и прерывистые, как музыка в конце продуваемой ветром улицы.

Кажется, комната сотрясается и вибрирует от каждого жеста. Кровь и субстанция многих рас – негров, полинезийцев, горных монголов, кочевников пустыни, полиглотов с Ближнего Востока, индейцев, – рас, пока еще не зачатых и не рожденных, сочетаний, еще не реализованных, проникают сквозь тело. Миграции, невероятные путешествия через пустыни, джунгли и горы (стазис и смерть в закрытых горных долинах, где из гениталий растут деревья, где, взламывая панцирь, появляются на свет громадные ракообразные), через Тихий океан в челноке с выносными уключинами – к острову Пасхи. Составной Город, где по огромному безмолвному рынку разбросаны все людские ресурсы.

Минареты, пальмы, горы, джунгли... Вялая река, вздрагивающая от злых рыб, обширные, заросшие сорняками парки, где в траве лежат мальчики, играющие в таинственные игры. В Городе – ни одной закрытой двери. Любой может войти в вашу комнату в любое время. Начальник полиции – китаец, который, ковыряясь в зубах, выслушивает доносы очередного безумца. Время от времени китаец вынимает изо рта зубочистку и разглядывает ее кончик. В дверях развалясь сидят увешанные золотыми цепями хипстеры с гладкими лицами цвета меди и вертят усохшими головами, всем своим видом выражая слепое бесстрастие насекомого.

Позади них, за открытыми дверями – столы и кабинки, бары, кухни и бани, совокупляющиеся пары на стоящих рядами медных кроватях, на скрещениях тысячи гамаков, джанки, перетягивающие руки для укола, курильщики опиума, курильщики гашиша, люди едящие, говорящие и вновь окунающиеся во мглу дыма и пара.

Игорные столы, где делаются невероятные ставки. Время от времени кто-то из игроков вскакивает с криком отчаяния, проиграв старику свою юность или став латахом противника. Но есть ставки и более высокие, чем юность или латах, есть игра, в которой лишь двое в целом мире знают, какова ставка.

Все дома в городе стоят вплотную друг к другу. Дома из дерна – в дымных провалах дверей щурятся высокогорные монголы, – дома из бамбука и тика, дома из самана, камня и красного кирпича, дома тихоокеанского юга и дома маори, дома на деревьях и речных пароходах, деревянные дома в сотню футов длиной, где находят приют целые племена, дома из ящиков и рифленого железа, где сидят, растворяя сухой спирт, старики в прогнивших лохмотьях, из мусора и болот тянутся на двести футов вверх громадные ржавые железные каркасы с опасными ячейками на многоярусных платформах, где раскачиваются над пустотой гамаки.

В неведомые места с неведомыми целями отправляются экспедиции. На плотах из старых упаковочных корзин, связанных гнилой веревкой, приплывают чужестранцы, они, шатаясь, выходят из джунглей с заплывшими от укусов насекомых глазами,

спускаются по горным тропам, еле передвигая потрескавшиеся, кровоточащие ноги, и ковыляют через пыльные, открытые ветрам городские окраины, где люди рядами испражняются вдоль глинобитных стен, а грифы дерутся над их головами. Они спускаются в парки на залатанных парашютах... Пьяный коп ведет их в громадную общественную уборную, чтобы там зарегистрировать. Снятые показания нанизываются на колышки и используются в качестве туалетной бумаги.

Город окутывают кухонные запахи всех стран, дымка опиума и гашиша, красный смолистый дым Йаге, запах джунглей и соленой воды, гниющей реки и высохших испражнении, пота и гениталий.

Высокогорные флейты, джаз и би-боп, однострунные монгольские инструменты, цыганские ксилофоны, африканские барабаны, арабские волынки...

Город охватывают эпидемии насилия, и брошенных на произвол судьбы мертвецов пожирают на улицах грифы. Мерцают в солнечных лучах альбиносы. На деревьях, апатично мастурбируя, сидят мальчики. Люди, пожираемые неизвестными болезнями, бросают на прохожего злобные, хитрые взгляды.

На городском рынке есть Кафе Встреч. Хранители устарелых немыслимых ремесел, лопочущие по-этрусски, наркоманы, пристрастившиеся к еще не синтезированным наркотикам, барыги, толкающие убойной силы гармалин, джанк, низведенный до чистой привычки и сулящий нестабильную растительную безмятежность, жидкости, стимулирующие латаха, Титоновы[55] сыворотки долголетия; торговцы с черного рынка Третьей мировой войны, ампутаторы телепатической восприимчивости, остеопаты[33] духа, исследователи нарушений, предрекаемых тихими параноидальными шахматистами, вручатели бессвязных ордеров, заполненных гебефренической стенографией и предписывающих отвратительные увечья души, бюрократы из призрачных министерств, чиновники неконституционных полицейских государств, лесбиянка-карлик, усовершенствовавшая оперирование Банг-утота – эрекции легких, которая душит спящего врага, – продавцы оргонных[27] резервуаров и расслабляющих механизмов, торговцы изысканными снами и сладостными воспоминаниями, проверенными на имеющих повышенную чувствительность клетках джанковой болезни и полученными в обмен на сырьевые ресурсы воли; врачи, набившие руку на лечении болезней, дремлющих в черной пыли разрушенных городов и накапливающих смертоносность в белой крови безглазых червей, которые неторопливо, ощупью подбираются к поверхности и к человеческому организму-хозяину; болезней океанского дна и стратосферы, болезней лаборатории и атомной войны... Место, где в вибрирующем беззвучном рокотании встречаются неведомое прошлое и внезапно возникающее будущее... Личиночные существа, подстерегающие Богатого Лоха...

(Раздел, изображающий Город и Кафе Встреч, написан в состоянии интоксикации Йаге... Йаге, айуахуаска, пилде, натима – это индейские названия Bannisteria Caapi, быстрорастущей лозы, произрастающей в бассейне Амазонки. Описание Йаге см. в Приложении.)

Заметки, написанные в состоянии Йаге: образы падают медленно и бесшумно, как снег... Безмятежность... пали все оборонительные укрепления… все входит и выходит свободно... Страх попросту невозможен... В меня струится прекрасная голубая субстанция... Вижу архаичное ухмыляющееся лицо, напоминающее маску народов южной части Тихого океана... Лицо лилово-синее, с золотистыми бликами...

Комната принимает вид ближневосточного борделя с голубыми стенами и украшенными кисточками красными фонарями... Чувствую, что превращаюсь в негритянку, в мое тело неслышно вторгается черный цвет... Судороги похоти... мои ноги принимают округлую полинезийскую форму... Всё шевелится в корчах тайной жизни... Комната – это Ближний Восток, негритянка, юг Тихого океана, в каком-то знакомом, но неузнаваемом месте... Йаге – это путешествие во времени и в пространстве... Кажется, комната сотрясается и вибрирует от каждого жеста... Кровь и субстанция многих рас – негров, полинезийцев, горных монголов, кочевников пустыни, полиглотов с Ближнего Востока, индейцев, – рас, пока еще не зачатых и не рожденных, проникают сквозь тело... Миграции, невероятные путешествия через пустыни, джунгли и горы (стазис и смерть в закрытых горных долинах, где из гениталий растут деревья, где, взламывая панцирь, появляются на свет громадные ракообразные), через Тихий океан в челноке с выносными уключинами – к острову Пасхи...

(Мне пришло в голову, что предварительная тошнота от Йаге – это морская болезнь перехода в состояние Йаге...)

«Все шаманы используют его в своей практике, чтобы предсказывать будущее, находить украденные предметы, обнаруживать преступника, устанавливать диагноз и лечить болезни». Поскольку индейцы (смирительная рубашка для герра Боаса[56] – профессиональная шутка, – ничто так не бесит антрополога, как Примитивный Человек) ни одну смерть не считают случайной – а они не знакомы со своими собственными саморазрушительными тенденциями, с презрением приписываемыми им как “нашим голым двоюродным братьям”, а то и догадываются, что эти тенденции являются, как правило, результатом происков чужой злой воли, – то любая смерть для них есть убийство. Шаман принимает Йаге, и ему открывается личность убийцы. Как вы можете себе представить, размышления шамана во время одного из таких дознаний в джунглях вызывает у его доверителей некоторое беспокойство.

– Будем надеяться, что Старик Ксиуптутоль не очумеет и назовет кого-нибудь из тех ребят.

– Прими кураре и успокойся. Мы-то ни при чем.

– А вдруг он все-таки очумеет? Все время тащится под этой натимой и ни разу за двадцать лет не опустился на грешную землю... Слушайте, хозяин, эта дрянь к добру не приводит... От нее сохнут мозги...

– Тогда объявим его некомпетентным...

И вот Ксиуптутоль выкатывается из джунглей и принимается пенять на ребят с территории Нижнее Тцпино, что никого не удивляет... Поверь старому колдуну, дорогуша, они сюрпризов не любят...

По рынку движется похоронная процессия. Черный гроб – арабские надписи филигранным серебром – несут четыре носильщика. Процессия плакальщиков, поющих похоронную песню... Клем и Джоди присоединяются к несущим гроб, чересчур тесный для лежащего в нем трупа борова... Боров одет в джеллабу[34], во рту торчит гашишная трубка, в одном из копыт зажата пачка блудострастных картинок, на шее висит мезуза[57]... Надпись на гробе: «Это был благороднейший из арабов».

Они омерзительно пародируют похоронную песню на псевдоарабском языке. Джоди способен убийственно подделывать китайскую речь – точно кукла истеричного чревовещателя. Именно он спровоцировал мятеж против иностранцев в Шанхае, где было, как утверждают официально, 3000 жертв.

– Встань, Герти, окажи почтение здешним недоумкам.

– Сдается мне, они того заслуживают.

– Милый мой, я сейчас работаю над потрясающим изобретением... мальчик, который исчезает как только ты кончаешь, оставляя при этом запах горящих листьев и звуковой эффект далеких паровозных гудков.

– Занимался когда-нибудь сексом в невесомости? Твоя сперма плавает себе в воздухе, точно живописная эктоплазма[9], а гости женского пола остаются незапятнанными, по крайней мере в переносном смысле... Есть у меня старый друг, один из красивейших мужчин, каких я когда-либо знал, один из самых безумных и вконец развращенный богатством. В свое время он постоянно носил с собой водяной пистолет и на приемах обстреливал деловых женщин спермой. Шутя выиграл все процессы об отцовстве. Сам понимаешь, он никогда не пользовался собственной спермой.

Затемнение... «Суд идет!» Адвокат Эй Джея: «Заключительная экспертиза установила, что мой клиент не имеет... э-э... персонального отношения к... э-э... маленькому несчастному случаю с очаровательной истицей... Вероятно, она готовится соперничать с Девой Марией и зачать непорочно, а моего клиента обвинить, хм-хм, в духовном сводничестве... Мне напомнили об одном деле в Голландии пятнадцатого века, там молодая женщина обвинила почтенного пожилого колдуна в том, что он вызвал суккуба, который затем вступил э-э в половую связь с вышеупомянутой особой, а это привело к нежелательной в данных обстоятельствах беременности. Поэтому колдуну было предъявлено обвинение как соучастнику и похотливому соглядатаю до, во время и после события. Однако господа присяжные, мы уже давно не верим в подобные... э-э... легенды, а молодая женщина относящая свое... э-э... интересное положение на счет ухаживаний суккуба, рассматривалась бы в наши просвещенные времена как романтическая натура или, проще говоря, наглая лгунья, хи-хи-хи...»

А теперь – Час Пророка:

Миллинз погиб на илистых равнинах.

Легкие выдерживают лишь первый порыв ветра.

«Тут нужен глаз да глаз, капитан, – говорит он, и глаза его струятся на палубу... А кто вечером бросит якорь? Надо же поостеречься при подходе против ветра, ведь с подветренной стороны ничего похожего на ржавый жопный товар не отыщешь... В этом сезоне в Преисподней в ходу сеньориты, а я уже не в силах подниматься на пульсирующий Везувий чужих хуев».

Есть одно золотое место(рождение), туда ходит Восточный Экспресс, и шахт там видимо-невидимо... Каждый день копаю понемногу, убиваю время...

Фантомы суходрочки возбужденно шепчут в костяное ухо...

Пробей себе путь к свободе.

– Христос? – усмехается озлобленный, педерастичного вида старый Святой, уплетая блинчики из гипсовой миски... – Этот дешевый лицедей! По-вашему, я хоть раз опозорил себя сотворением чуда?!! А ему самое место в балагане...

«Спешите видеть, лохушки и лохи, приводите с собой юных лохов! Полезно молодым и старым, людям и скотам... Единственный и неповторимый законнорожденный Сын Человеческий одной рукой излечит мальчишку от триппера – только прикоснется, братва, – другой сотворит марихуану, а заодно пройдет по морю аки посуху, пуская из жопы струю вина... Только отойдите подальше, братва, а не то схватите дозу облучения – под наркотой этот тип радиоактивен».

А я-то еще когда его знавал, дорогуша!.. Помню, разыгрывали мы один акт воплощения – между прочим, первоклассный – в Содоме, а это грязный такой городишко... Сами знаете, на безрыбье... А этот тип, этот ебучий филистимлянин забрел к нам по дороге от одного заштатного Ваала, а может, и еще откуда, и только вошел, как тут же обозвал меня гнойным пидором. А я ему и говорю: «Я три тысячи лет в шоу-бизнесе и всегда держусь от греха подальше. Да и ни к чему мне выслушивать собачий бред каждого необрезанного хуесоса».

Потом он пришел ко мне в артистическую принес свои извинения... Оказалось, он – известный целитель. И миловидный паренек...

Будда? Отъявленный метаболический наркоман... Ну, то есть делает собственный джанк, ясно? В Индии, где ни у кого нет чувства времени, Человек частенько опаздывает на месяц… «Ну-ка постойте, это второй сезон дождей или третий? У меня вроде встреча в Кетчупоре или где-то там поблизости».

А все эти джанки знай себе сидят в позе лотоса, харкают на землю и ждут Человека.

Тогда Будда и говорит: «Нет, таких дел я просто не перевариваю. Я, с Божьей помощью, метаболизирую свой собственный джанк».

«Этого делать нельзя, старина. Тебе же налоговое управление прохода не даст».

«Меня они не тронут. Есть один фокус, ясно? С сегодняшнего дня я – злоебучий Святой»,

«Господи Иисусе, хозяин, вот это поворот!»

«Нынче некоторые обыватели буквально чумеют, когда варганят Новую Религию. Эти полоумные не знают, с чего и начать. Низкого пошиба людишки... К тому же их наверняка линчуют – кому же понравится, если кто-то возомнит, что он выше всех прочих? “Ты что, парень, хочешь испортить людям жизнь?..” Так что давайте без эмоций, ясно? Без эмоций... У нас есть предложение, а вы, братва, как хотите. Мы ничего не запихиваем вам в душу, не то что те дешевки, которые так и останутся безымянными, да и где они теперь? А ну-ка очистите пещеру! Я намерен выработать спид-болл и выдать Огненную проповедь».

М а г о м е т? Вы что, издеваетесь? Его выдумала Торговая Палата Мекки. Один спившийся египетский рекламный агент сочиняет сценарий.

«У меня есть еще кое-что, Газ. Потом, да будет на то воля Аллаха, я пойду домой приобщаться к Суре... Вот увидишь, утренний выпуск камня на камне не оставит от всей этой пьяни. Эх, с каким треском лопнут у меня “Объединенные Идолы”!»

Бармен отрывается от программки скачек: «Ага, и их постигнет мучительная гибель».

«А... э-э... Именно. Ну ладно, Газ, я выпишу тебе чек».

«Ты всего лишь самый знаменитый в Большой Мекке расклейщик бумаг. А я тебе не стена, мистер Магомет».

«Ну что ж, Газ, тебе известно, что у меня вроде как два вида рекламы – лестная и наоборот. Ты что, хочешь наоборот? Мне придется приобщиться к Суре насчет барменов, которые не дают в кредит нуждающимся».

«И их постигнет мучительная гибель. Занудовская Аравия! – Он перепрыгивает через стойку бара. – Все, Ахмед, больше ничего слушать не желаю. Забирай свои Суры и проваливай. Тебе же лучше будет. И д е р ж и с ь о т с ю д а п о д а л ь ш е».

«Да я тебе всю вывеску разукрашу, хуесос неверный! Я заткну тебя крепко и насухо, как жопу джанки. Да будет на то воля Аллаха, я иссушу весь полуостров».

«Это же континент...»

Болтовню Конфуция оставьте для Малышки Одри[58] и всех этих косматых псов. Лао-Цзы? Этот и вовсе ноль без палочки... Надоели все эти сентиментальные святые с их жалобно-испуганным видом – точно их ебут в жопу, а они стараются этого не

замечать. И потом, с какой стати мы должны позволять каждому зашоханному старому актеришке учить нас всяким премудростям? «Я три тысячи лет в шоу-бизнесе и всегда держусь от греха подальше...»

Во-первых: каждый Факт отправляется за решетку вместе с проститутками мужского гола и теми, кто оскверняет богов коммерции и заключает сделки на улицах, и все же некий старый седовласый мудозвон ковыляет на улицу, дабы поделиться с нами своим законченным идиотизмом. Неужели мы никогда не избавимся от этого седобородого бездельника, который скрывается на каждой вершине Тибета, влачит свою жалкую жизнь в хижине на Амазонке и не дает никому прохода в нью-йоркских трущобах? «Я ждал тебя, сын мой, – и он выдает полный набор банальностей. – Жизнь – это школа, где каждый ученик должен выучить свой урок. А теперь я отомкну свою словесную сокровищницу...»

«Мне от этого и впрямь не по себе».

«Да, это стихийное бедствие не остановишь».

«Не могу остановить его, ребята. Sauve qui peut! [59]»

«Слушай, уходя от этого умника, я даже не чувствую себя человеком. Мои живительные органы он превращает в тухлое бычье дерьмо».

Раз мне предоставлено исключительное право, почему же я не выдаю живого слова? Слово нельзя выразить прямо... Его можно, вероятно, в общих чертах наметить мозаикой сопоставлений, подобной набору предметов, забытых в ящике гостиничного комода, предметов, определяемых отрицанием и отсутствием...

Думаю сделать желудочную складку... Может, я и стар, но еще желанен.

(Желудочная складка – это результат хирургического вмешательства с целью устранения желудочного жира и одновременно устройства складки в абдоминальной стенке, в результате чего образуется телесный корсет, подверженный, однако, различного рода деформациям, из-за которых ваши отвратительные старые кишки могут вывалиться на пол... Наиболее опасны, разумеется, худые и стройные модели ТК.

И в самом деле, некоторые последние модели известны в отрасли как ЕПП – Единственное Представление Проездом.

Доктор “Болван” Риндфест заявляет без обиняков: «Постель – это самое опасное место для человека с ТК».

Гимн ТК: «Верь мне и люби – я молод и прекрасен». Партнер с ТК и вправду может “уплыть из объятий, как зыбкие фей дары”.)

В залитом солнцем белом музейном зале – розовые обнаженные статуи в шестьдесят футов высотой. Непрерывное юношеское бормотание.

Серебристые поручни... бездна в тысячу футов глубиной в лучах яркого солнца. Маленькие зеленые делянки капусты и салата. Смуглые юноши с мотыгами, за юношами с другого берега оросительного канала поглядывает старый гомик.

– Ах, неужели они удобряют человеческими испражнениями?.. Быть может, они это сделают прямо сейчас.

Он торопливо подносит к глазам перламутровый театральный бинокль – ацтекская мозаика в солнечных лучах.

Длинная колонна юных греков марширует с гипсовыми кубками, полными дерьма, они опорожняют кубки в известняковую мергельную яму.

На краснокирпичной Пласа де Торос послеполуденный ветер колышет ветви пыльных тополей.

Деревянные кабинки вокруг горячего источника... обломки разрушенных стен в тополиной роще... скамейки, гладко, как металл, истертые миллионами мастурбирующих мальчиков.

Юные греки, белые как мрамор, ебутся по-собачьи на портике большого золотого храма... голый Отщепенец перебирает струны лютни.

Шагая в красном свитере по шпалам, он встретил Сэмми, сына Владельца Верфи, с двумя мексиканцами.

– Эй, Тощий,– сказал он,– хочешь, отдрючу?

- Ну... Да.

Мексиканец затолкнул его на ветхий соломенный тюфяк и поставил на четвереньки – вокруг танцует в ритме их движений чернокожий мальчик... розовое солнце высвечивает его член сквозь отверстие, оставленное в доске выпавшим сучком.

Пустыня голого розового стыда до пастельно-голубого горизонта, где громадные железные столовые горы врываются в расколотое небо.

«Все хорошо!» – это Бог кричит сквозь вас трехтысячелетним ржавым товаром...

Град хрустальных черепов вдребезги разбил теплицу в зимнем лунном свете...

После американской женщины на пронизывающе сыром сент-луисском приеме в саду остался слабый запах яда.

Пруд, затянутый зеленой ряской, в запущенном французском саду. Нелепая гигантская лягушка медленно поднимается из воды на сцену из ила и начинает играть на клавикордах.

В бар врывается соллаби и принимается чистить башмаки Святого жиром своего носа... Святой раздраженно пинает его в рот ногой. Соллаби вопит, поворачивается и срет на брюки святого. Потом бросается на улицу. Вслед ему задумчиво глядит сутенер...

Святой зовет хозяина:

– Боже мой, Эл, что за гадюшник ты тут держишь? Мои новенькие брюки из рыбьей кожи...

– Извини, Святой. Сам не пойму, как это он мимо меня проскользнул.

(Соллаби – это каста неприкасаемых в Аравии, члены которой знамениты своей постыдной низостью. В роскошных кафе всегда имеются соллаби, которые оформляют гостей, пока те едят, – для этого предусмотрены специальные отверстия в скамьях. Обыватели, которые желают уронить свое достоинство и окончательно деградировать – а столь многие желают этого в наше время, надеясь хоть что-то урвать от жизни, – предлагают себя для пассивного гомосексуального совокупления в лагере соллаби... Ничто с этим не сравнится, рассказывают они мне... Однако в конце концов соллаби становятся богатыми и высокомерными и утрачивают присущую им низость. Каково происхождение неприкасаемых? Вероятно, каста падших священников. И действительно, неприкасаемые, беря на себя всю людскую низость, выполняют функцию, присущую духовному лицу.)

Эй Джей бродит по Рынку в черной накидке, с грифом на плече. Он останавливается у прилавка агентов.

– Ну-ка послушайте. В Лос-Анджелесе есть паренек, пятнадцать лет. Отец решает, что мальчику уже пора поиметь его первый кусок жопы. Паренек лежит на лужайке, читает книжки комиксов, а папаша выходит из дома и говорит:

«Сынок, вот тебе двадцать долларов. Я хочу, чтобы ты пошел к хорошей шлюхе и получил с нее кусок жопы».

Короче, подъезжают они к одному плюшевому бардаку, и папаша говорит: «Ну вот, сынок, теперь дело за тобой. Позвони в дверь, а когда выйдет женщина, дай ей двадцать долларов и скажи, что хочешь кусок жопы».

«Железно, пап».

Короче, минут через пятнадцать паренек выходит. «Ну что, сынок, получил кусок жопы?»

«Ага. Эта манда открывает дверь, а я говорю, хочу, мол, кусок жопы, и сую ей двадцатку. Приходим мы наверх в ее курятник, она стаскивает с себя всё тряпье, ну а я щелкаю ножом и отрезаю от ее жопы большущий жирный кусок, после чего она поднимает дикий скулёж. Тут уж я озверел, снимаю башмак и вышибаю ей мозги. Ну а потом я забавы ради ее натянул».

Остаются лишь смеющиеся кости, плоть – далеко за холмами, вместе с рассветным ветром и паровозным гудком. Существование данной проблемы не застало нас врасплох, и потребности наших избирателей никогда не выходят у нас из головы, поселившись там навсегда, да и кто может расторгнуть договор об аренде синапсов, заключенный на девяносто девять лет?

Очередной прикол из приключений Клема Снайда, Частного Очка:

– Захожу я, значит, в притон, а в баре сидит одна шлюха женского пола, вот я и думаю: «Боже мой, да ты стала прямо поль де люкс». Я к тому, что вроде бы где-то эту манду уже видел. Так вот, сперва я на нее ноль внимания, потом гляжу, она сводит ноги вместе, задирает их за голову и принимается запихивать в себя собственные сопли да козявки, подмывается то есть, так что тело при этом только присутствует.

Айрис – наполовину китаянка, наполовину негритянка – пристрастилась к дигидрооксигероину, она делает себе укол каждые пятнадцать минут, к концу которых на ней повсюду торчат пипетки и иглы. Иглы ржавеют в ее высохшей плоти, которая кое-где накрепко срослась с суставом, образовав плоский буро-зеленый жировик. Перед ней на столе стоит самовар с чаем и двадцатифунтовая корзина бурого сахара. Никто никогда не видел, чтобы она питалась чем-нибудь еще. Только перед самым уколом она слышит, как кто-нибудь ей что-то говорит, или говорит сама. В этом случае она попросту излагает скучные факты, имеющие отношение к ее собственной персоне.

– У меня жопа закупоривается.

– У меня в пизде жуткие зеленые соки.

Айрис – одна из научных разработок Бенуэя. «Человеческий организм может существовать на одном сахаре, черт возьми... Насколько мне известно, кое-кто из моих ученых коллег, которые пытаются преуменьшить значение моего гениального труда, утверждает, что я тайно подмешиваю в сахар Айрис витамины и белки... Я бросаю вызов этим безымянным задницам, пускай выползут из своих гальюнов и сделают выборочный анализ сахара Айрис и ее чая. Айрис – это здоровая американская пизда. Я категорически отрицаю, что она питается спермой. И позвольте мне, пользуясь случаем, заявить, что я почтенный ученый, не шарлатан, не безумец и отнюдь не разыгрываю из себя чудотворца... Я никогда не утверждал, что Айрис может существовать исключительно на фотосинтезе... Я не говорил, что она способна дышать углекислым газом и выдыхать кислород, – признаю, было искушение провести эксперимент, но меня, разумеется, удержала этика медицины... Короче, гнусная клевета моих бездарных оппонентов неизбежно обернется против них самих – отольются этим гнусным стукачам слезы честного ученого».

ЗАУРЯДНЫЕ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Официальный завтрак националистической партии на балконе, выходящем на Рынок. Сигары, шотландское виски, деликатная отрыжка... Партийный Лидер расхаживает в джеллабе[34], курит сигару и пьет виски. На нем дорогие английские ботинки, кричащие носки, подвязки – ни дать ни взять вырядившийся бабой преуспевающий гангстер с мускулистыми волосатыми ногами.

ПЛ (делая театральный указующий жест): Взгляните туда. Что вы видите?

ЗАМЕСТИТЕЛЬ: А? Я вижу Рынок, а что?

ПЛ: Нет. Вы видите мужчин и женщин. Заурядных мужчин и женщин, снующих туда-сюда, с их заурядными повседневными заботами. Ведущих заурядную жизнь. Что нам и требуется...

Через балконные перила перелезает уличный мальчишка.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ: Нет, никаких использованных презервативов мы не покупаем! Проваливай!

ПЛ: Подождите!.. Входи, мой мальчик. Садись... Сигару... Виски.

Он ходит вокруг мальчишки, точно возбужденный кот.

– Что ты думаешь о французах?

– А?

– О французах. О тех ублюдках колонизаторах, которые высасывают из тебя жизненные корпускулы.

– Слушайте, мистер. Отсосать мою корпускулу стоит двести франков. Не снижаю цены с года чумы рогатого скота, когда перемерли все, даже скандинавы.

ПЛ: Видали? Вот вам свеженький уличный мальчишка в чистом виде.

– У вас просто нюх на них, хозяин.

– Военная разведка не дремлет.

ПЛ: Слушай-ка, чувак, давай поставим вопрос таким образом. Французы лишили тебя права первородства.

– Это что, вроде Кредитной Кассы?.. У них этим занимается один беззубый евнух-египтянин. Они себе думают, будто он вызывает меньше враждебности, усекли? А он всякий раз спускает штаны и жалуется на судьбу: «Нынче я всего лишь бедный старый кастрат, мадам, и как бы ни старался, не в силах следовать своим привычкам. Я бы рад продлить срок аренды этой вашей искусственной почки, но поймите, это же

моя работа... Отключайте, ребята. – Он демонстрирует десны в слабом рычании... – Не зря же меня прозвали “Нелли-Изыматель”.

Короче, отключают они мою родную мамашу, святую старую манду, она раздувается и чернеет, и вся, сука, насквозь провоняла мочой. Соседи жалуются в Отдел здравоохранения, а папаша говорит: «Такова воля Аллаха. Теперь уж ей моих доходов в сортир не выссать».

И вообще, больных людей я на дух не переношу. Когда какой-нибудь тип начинает рассказывать про свой рак простаты или про гниющую перегородку с гнойными выделениями, я ему говорю: «По-твоему, я так и рвусь выслушивать бредни про твою застарелую гнусную хворь? И вовсе я не рвусь».

ПЛ: Ну ладно. Довольно... Ты ведь ненавидишь французов, верно?

– Мистер, я ненавижу всех. Доктор Бенуэй говорит, что это обмен веществ. Такой у меня состав крови... Он у арабов и у американцев особый... Доктор Бенуэй и сам стряпает эту сыворотку.

ПЛ: Бенуэй – это тайный агент Запада.

ЗАМ. 1: Бешеный французский еврей...

ЗАМ. 2: Боров мудацкий, черножопый коммунист и еврейский ниггер.

ПЛ: Заткнись, болван!

ЗАМ. 2: Простите, шеф. Я довольно долго прослужил в Пиджин-Хоуле.

ПЛ: Держись подальше от Бенуэя. (В сторону: «Интересно, дойдет ли? Как знать, насколько они примитивны...») Скажу по секрету, он – черный маг.

ЗАМ. 1: При нем всегда находится джинн.

– Ага... Ну ладно, у меня свидание с шикарным американским клиентом. Правда, классный малый.

ПЛ: Разве тебе не известно, что продавать свою жопу каждому неверному заграничному хую – это страшный позор?

– Ну, это как посмотреть. Желаю повеселиться.

ПЛ: Более того. – Мальчишка уходит. – Они безнадежны, я вам говорю. Безнадежны.

ЗАМ. 1: А что это за сыворотка?

ПЛ: Не знаю, но звучит зловеще. Хорошо бы применить против Бенуэя телепатический пеленгатор. Этому человеку нельзя доверять. Способен на всё... Резню превращает в сексуальную оргию...

– Или в шутку.

– Вот именно. Типичный эстетствующий дилетант... Никаких принципов...

АМЕРИКАНСКАЯ ДОМОХОЗЯЙКА (открывая коробочку стирального порошка “Лакс”): И почему это в ней нет электрического глаза? А то коробка открывалась бы, когда меня увидит, и вручалась Автоматическому Подручному, а тот уж бросал бы все в воду... Подручный в четверг вышел из строя, его потянуло ко мне как к женщине, а я вовсе не закладываю этого в его программу... К тому же Мусоросборник кусается, а мерзкий старый Миксер-Универсал так и норовит залезть мне под юбку... Я ужасно простужена, а кишки мои страдают запором... Надо ввести в Подручного новую программу – пускай наконец даст мне сильное слабительное.

КОММИВОЯЖЕР (он – нечто среднее между агрессивным латахом и робким сендером): Помню, ездил я с К. Е., известнейшим генератором идей в отрасли бытовых приборов.

– Только подумай! – рычит он. – Молочный сепаратор в твоей собственной кухне!

– Да у меня голова кругом при одной мысли об этом, К. Е.

– Лет через пять, десять, а может, и двадцать... Но это будет.

– Я буду ждать, К. Е. Буду ждать столько, сколько понадобится. Когда начнется перекличка, я буду тут как тут.

Именно К. Е. разработал для массажных кабинетов, парикмахерских и турецких бань комплект “Спрут”, с помощью которого можно получить сильное слабительное, фривольный массаж и шампунь; а заодно “Спрут” стрижет клиенту ногти на ногах и удаляет угри. А вот медицинский комплект “Будет сделано” для загруженных практикой врачей удалит вам аппендикс, вправит грыжу, вырвет зуб мудрости, вырежет геморрой и сделает обрезание. Да, К. Е. – такой атомный коммивояжер, что при нехватке “Спрутов” он на одном радиоактивном обаянии навязывает парикмахеру “Будет сделано”, и тогда клиент очухивается с отрезанным геморроем...

– Боже мой, Гомер, что за гадюшник ты тут держишь? Меня же выебала целая банда.

– Ох, силы земные, Сай, я всего лишь хотел в честь Дня Благодарения угостить тебя нашим сильным слабительным. Никак К. Е. опять всучил мне не тот комплект...

Шлюха-Самец: «Чего только не приходится терпеть на этой работенке! Боже мой! Ты не поверишь, какие гнусности мне предлагали... Меня хотят сделать латахом,

хотят слиться с моей протоплазмой, хотят настругать моих копий, хотят высосать мои органы и овладеть всем моим жизненным опытом, а мне оставить лишь память о далеком прошлом, которое внушает мне отвращение...

Ебусь я с этим типом и думаю: “Наконец-то клиент без отклонений”, – но только он доходит до оргазма, как превращается в жуткого краба... Я ему и говорю: «Слушай, я твои выкрутасы терпеть не намерен... Отправляйся промышлять в “Уолгринз”». Есть же низкого пошиба людишки! А еще один гнусный субъект, так тот вообще только сидит, телепатирует да спускает сливки в свое тряпье. Просто омерзительно».

Бродяги в полном беспорядке отступают к краю советской системы где казаки под дикие вопли волынок вешают партизан а мальчишки маршируют по Пятой авеню и встречают Джимми Счастливчика с ключами от Королевства которые он получил без всяких условий – носи себе в кармане сколько захочешь...

Отчего так исхудал и побледнел, шельмец белокурый? Запах дохлых пиявок в ржавой жестянке липнет к открытой ране, высасывает тело, и кровь, и кости Иисуууса, оставляя его парализованным ниже пояса.

Брось, сынок, отдай программку, пускай пари заключает твой старенький ухажер, он сдал экзамен досрочно и как свои пять пальцев знает, что исход Всемирной бейсбольной серии предрешен.

Торговцы выкидышами исподтишка наблюдают за родовыми муками беременной коровы. Фермер провозглашает куваду[60] и с воплями катается в бычьем дерьме. Ветеринар сражается с коровьим скелетом. Торговцы обстреливают друг друга из пулеметов, петляя средь машин, силосных ям, закромов, сеновалов и яслей громадного красного коровника. Родился теленок. Утро растворяет в себе силы смерти. Исполненный благоговения фермерский мальчик преклоняет колена – его горло пульсирует в лучах восходящего солнца.

На ступенях здания суда сидят в ожидании Человека джанки. Неотесанные южане в черных стетсонах и вытертых джинсах привязывают к старому железному фонарному столбу негритянского мальчика, окатывают его бензином и поджигают... Джанки торопливо собираются вокруг и жадно вдыхают своими больными легкими дым горящей плоти... Им и впрямь становится легче...

Секретарь Округа: Там я и сидел, напротив лавки старого Джеда в Пизд-Лизе, доходяга мой под джинсами встал прямо, что твоя сосна, так и бьется пульсом на солнышке... Да-а-а, так вот, мимо идет старый Док Скрэнтон, тоже хороший старикан, во всей долине парня лучше, чем Док Скрэнтон, не сыщешь. У него выпадение прямой кишки, и когда он хочет, чтоб его отдрючили, то так и ходит мимо вас с кишкой в трех футах от жопы... Если у него это самое на уме, он может из своего кабинета зашвырнуть кишку прямо к Пивной Роя, а та уж тычется во все стороны, ищет доходягу, ну точно слепой червяк... Короче, видит старый Док

Скрэнтон моего доходягу, делает стойку, как пес, и говорит мне: «С такого расстояния, Люк, я твой пульс не нащупаю».

Браубек и Молодой Сьюард дерутся ножами для кастрации боровов среди коровников, клеток и повизгивающей псарни... обнажают огромные желтые зубы тихо ржущие лошади, мычат коровы, воют собаки, вопят, как грудные дети, спаривающиеся коты, загон с громадными вами – хребты поднялись дыбом, боровы издевательски улюлюкают. Браубек Нетвердый, пав от меча Молодого Сьюарда, стискивает в руках синие кишки, струящиеся из восьмидюймовой раны. Молодой Сьюард отрезает и сжимает в руке член Браубека, пульсирующий в дымном розовом рассвете...

Браубек пронзительно кричит... Тормоза подземки плюются озоном...

– Отойдите, братва... Отойдите.

– Говорят, кто-то его толкнул.

– Он плелся как-то нетвердо, точно плохо видел.

– Сдается мне, ему попросту дым в глаза лез.

Мэри, Гувернантка-Лесбиянка, поскользнулась в пивной на окровавленном котексе... С идиотским радостным ржанием ее затаптывает до смерти трехсотфунтовый педрила... Он поет отвратительным фальцетом:

Где вино из гроздьев гнева выжимает он ногами,
Меч, как молния, ужасный там расправится с врагами. [61]

Он обнажает позолоченный деревянный меч и принимается рубить воздух. Его корсет со свистом летит в мишень для метания стрелок.

Старый матадорский меч гнется, врезавшись в кость, и со свистом отлетает в сердце Эспонтаньо, пригвоздив к трибунам его нереализованную доблесть.

– И вот из Пизд-Лиза, штат Техас, приезжает в Нью-Йорк один моднючий педрила, самый дерьмовый щеголь из всех педерастов. А содержат его старухи того сорта, что помешаны на молодых педиках, беззубые старые хищницы, слишком слабые и слишком медлительные, чтобы справиться с другой добычей. Всем дряхлым, изъеденным молью дерьмовым тигрицам только и остается, что стать пожирательницами педиков... Ну а тип этот был себе на уме, к тому же для педрилы довольно мастеровитый, вот он и начинает делать драгоценные украшения и ювелирные гарнитуры. Каждой богатой старой манде в Большом Нью-Йорке хочется, чтобы гарнитур ей смастерил именно он, и он зашибает деньги – Эль-Марокко, Сторк, 21[62], – вот только сексом заниматься некогда, и он все время трясется за свою репутацию... Он начинает играть на скачках, полагая, что в азартных играх есть нечто мужественное, Бог знает почему – по его расчетам, если его увидят на ипподроме, то сразу зауважают. Мало кто из педиков играет на скачках, а те, что играют,

проигрывают больше всех прочих, игроки из них никуда не годные: попав в полосу неудач, они азартно влезают в долги, а когда выигрывают – трусят рисковать... они и в жизни такие... Нынче каждый ребенок знает единственный закон азартной игры: выигрыши и проигрыши идут полосами. Будь азартен, если выигрываешь, и не лезь в игру, если проигрываешь.

(Я знавал одного педрилу, так тот запустил руку в кассу и, чтоб не угодить в Синг-Синг[63], должен был выиграть ни больше ни меньше как две тысячи. Не то что наш Герти... Для него и двушник-то деньги...)

И вот он проигрывает, проигрывает и скова проигрывает. Как-то раз он уже собирается вставить камень в оправу, но тут происходит то, чего и следовало ожидать. «Конечно, я его потом заменю». Знаменитые предсмертные слова. Так что в ту зиму бриллианты, изумруды, жемчуга, рубины и звездчатые сапфиры высшего общества один за другим отправляются под залог и подменяются искусными подделками...

А на премьеру в “Метрополитен” одна старая карга, считая себя неотразимой, заявляется в бриллиантовой тиаре. Тут подходит к ней другая старая шлюха и говорит: «Ах, Миггл3, это так остроумно... оставить настоящие дома... Мы и впрямь сошли с ума, нельзя же то и дело испытывать судьбу».

«Ты ошибаешься, дорогая, это и есть настоящие».

«Ах, Миггл3, ну что ты, милочка... Можешь спросить своего ювелира... Да кого угодно спроси. Ха-а-а-ааа!»

И вот наскоро созывается шабаш. (Люси Брэдшинкель, взгляни на твои изумруды.) Все эти старые ведьмы разглядывают камни, как прокаженный – собственное тело.

«Мой рубин цвета цыплячьей крови!»

«Мои чегные упалы!» – Старая сука так много раз была замужем за всякими подонками и мудозвонами, что ее акцент уже не отличишь от пердежа...

«Мой звездчатый сапфир! – визжит поль де люкс. – Ах, всё это так ужасно!»

«Да это же все дешевка прямо от “Вулворта”[64]...»

«Остается только одно. Я вызываю полицию», – заявляет прямодушная эмансипированная старушенция; и, тяжело ступая по полу на своих низких каблуках, она идет звонить легавым.

Вот и схлопотал педрила свой двушник. В камере он знакомится с неким котом породы дешевых шлюх, и вырисовывается любовь или по крайней мере факсимиле таковой, к взаимному удовольствию убедительное для обеих сторон. Выпускают их почти одновременно, как по заказу, и они селятся в одной квартире в Нижнем Ист-Сайде... И прекрасно уживаются друг с другом, и оба имеют законную благопристойную работу... Так Брэд с Джимом впервые познают счастье.

Вмешиваются силы зла... Люси Брэдшинкель пришла сказать, что все простила. Она верит Брэду и хочет пристроить его в одну студию. Разумеется, ему придется переехать на Восточные Шестидесятые... «Здесь же невозможно жить, милый. А твой друг...» Надежные дружки хотят, чтобы Джим снова начал водить автомобиль. Это ведь явно шаг наверх. Предложение от типов, которые его и в глаза не видели.

Вернется ли Джим к преступности? Уступит ли Брэд ласковым уговорам престарелой вампирши, этой ненасытной утробы?.. Нечего и говорить, что силы зла обращены в бегство и удаляются, угрожающе ворча:

«Хозяину это не понравится. Не пойму, зачем я вообще когда-то теряла с тобой время, дешевый вульгарный педерастишка».

Мальчики, обнявшись, стоят у окна своего семейного гнездышка и смотрят на Бруклинский мост. Теплый весенний ветерок ерошит черные кудри Джима и прелестные, крашенные хной волосы Брэда.

«Ну, Брэд, что у нас на ужин?»

«Иди-ка в ту комнату и подожди». – Он игриво, пинком, выпроваживает Джима из кухни и надевает свой фартук.

На ужин подается saignant[65] из пизды Люси Брэдшинкель, приготовленное в papillon[66] из котекса. Парни с аппетитом едят, глядя друг другу в глаза. По их подбородкам стекает кровь.

Пускай пламенеет на том конце города голубая заря... За домами вырублены сады, и зольники не в силах скрыть упрятанных в них мертвецов...

– Не подскажете дорогу в Типперери[67], мадам?

За тридевять земель, туда, где Голубая Трава... Через костяную муку лужайки к скованному льдом пруду, где застывшая золотая рыбка дожидается весеннего Рыбака...

Пронзительно кричащий череп катится вверх по ступенькам черного хода, чтобы откусить член у мужа-греховодника, который, извлекая мрачную выгоду из того, что у жены болит ухо, делает то, о чем и говорить-то неловко. Сухопутный морячок облачается в зюйдвестку и под душем до смерти избивает жену...

БЕНУЭЙ: Не принимай этого так близко к сердцу, чувак... «Jeder macht eine kleine Dummheit». (От глупых ошибок никто не застрахован.)

ШЕФЕР: Я же говорю: не могу избавиться от чувства, что в этом есть нечто... гнусное, что ли.

БЕНУЭЙ: Вздор, мой мальчик... мы же ученые... Чистые ученые. Беспристрастные исследования, и пусть будет проклят тот, кто крикнет: «Стойте, это перебор!» Подобные людишки ничем не лучше партийных простофиль.

ШЕФЕР: Да-да, конечно... и все же... не могу избавиться от этого зловония в легких...

БЕНУЭЙ (раздраженно): И никто из нас не может... Не припомню ничего даже отдаленно напоминающего ту вонь... Так на чем я остановился? Ах да, что будет в результате приема кураре плюс железное легкое при остром маниакальном синдроме? Вероятно, объект, не способный снять напряжение двигательной активностью, умрет на месте, как крыса джунглей. Интересная причина смерти, а?

Шефер не слушает.

– Знаешь, – импульсивно говорит он, – я думаю вернуться к заурядной допотопной хирургии. Человеческое тело вопиюще неэффективно. Почему бы вместо рта и заднего прохода, которые то и дело выходят из строя, не пробуравить одну дыру на все случаи жизни – чтобы и есть, и очищать организм? Мы могли бы закупорить нос и рот, заткнуть желудок и провести вентиляционное отверстие прямо в легкие, где ему, кстати, и место...

БЕНУЭЙ: Одна универсальная дыра? Я не рассказывал тебе о парне, который научил свою жопу говорить? Вся его брюшная полость то поднималась, то опускалась и при этом, ты не поверишь, выпердывала слова. Отродясь подобного звука не слыхивал.

Этот жопный разговор шел на некой кишечной частоте. И колебания были направлены прямо вниз – такое чувство, как будто вот-вот взлетишь. Знаешь, бывает, подопрет тебя толстая кишка, внутри чувствуется какой-то холодок, и остается лишь дать ей волю? Вот и разговор этот шел прямо вниз – булькающий, невнятный, застоявшийся звук, звук, который пахнет.

Надо тебе сказать, что парень этот работал в балагане, и началось все как новинка в выступлении чревовещателя. Поначалу было очень смешно. У него был номер, который он назвал “Главная дыра”, и это, прямо скажу, была умора. Я уже почти все забыл, помню только, что, сделано это было талантливо. Нечто вроде: «Эй, как ты там, внизу, старушенция?»

«Да вот, только что облегчилась».

Через некоторое время жопа начала говорить сама по себе. Он выходил на сцену, ничего не подготовив, а жопа порола отсебятину и неизменно парировала все его шуточки.

Потом в ней появилось нечто вроде зубоподобных, загнутых внутрь режущих крючков, и она начала есть. Сначала он решил, что это не лишено остроумия, и сделал на этом номер, но жопа принялась проедать штаны и орать на улице, во весь голос требуя равноправия. Вдобавок она напивалась и закатывала пьяные истерики:

никто, мол, ее не любит, а она хочет, чтобы ее целовали, как всякий прочий рот. В конце концов она стала болтать непрестанно, день и ночь, за несколько кварталов было слышно, как этот малый вопит, чтоб она заткнулась, он лупил ее кулаком, затыкал свечами, но ничего не помогало, и однажды жопа сказала ему: «Кончится тем, что заткнешься ты. Не я. Потому что нам ты больше не нужен. Я сама могу и говорить, и есть, и срать».

Вскоре, просыпаясь, он начал обнаруживать, что рот его залеплен прозрачным, как хвост головастика, желе. Это желе было тем, что ученые называют Не-ДТ, Недифференцированной Тканью, способной врастать в человеческую плоть любого вида. Он срывал ее со рта, а обрывки прилипали к рукам, как желе из горящего бензина, и росли там, росли на нем всюду, куда попадал хоть катышек. И вот наконец рот его полностью закупорился и самопроизвольно отнялась вся голова (тебе известно, что в некоторых частях Африки, и только среди негров, встречается болезнь, при которой самопроизвольно отнимается мизинец ноги?) – правда, кроме глаз. То есть единственное, чего не могла делать жопа, так это видеть. Она нуждалась в глазах. Однако нервные связи были блокированы, инфильтрованы и атрофированы, так что мозг больше не мог отдавать приказания. Он был заперт в черепе-ловушке, герметически закрыт. Какое-то время в глазах еще можно было увидеть немое, беспомощное страдание мозга, и наконец мозг, вероятно, умер, потому что глаза п о г а с л и, и чувства в них осталось не больше, чем в глазках краба на кончиках стерженьков.

Именно секс минует цензора, протискивается между комитетами и бюро, поскольку всегда есть пространство между – в популярных песенках и второразрядных кинофильмах, – разоблачает всю гниль Америки, бьет струей как из лопающихся фурункулов, разбрасывает катышки той же Не-ДТ, которые падают повсюду и вырастают в некую дегенеративную раковую жизненную форму, воспроизводя отвратительные беспорядочные образы. Одни целиком созданы из пенисообразной, склонной к эрекции ткани, другие – внутренности, едва прикрытые кожей, гроздья из трех-четырех глаз, переплетения ртов и жоп – человеческие органы, дрожащие и растекающиеся во все стороны, где бы они ни упали.

Конечным результатом полного замещения клеток является рак. Демократия канцерогенна, а бюро – ее раковые опухоли. В государстве бюро повсюду пускает корни, становится злокачественным, как Бюро по борьбе с наркотиками, и растет, растет, непрерывно воспроизводя все больше особей своего вида, пока не задушит организм, его питающий, если, конечно, не контролировать бюро или его не вырезать. Являясь истинно паразитическими организмами, бюро не могут жить без хозяина. (Кооператив, с другой стороны, может жить без государства. Этим путем и надо следовать: создавать независимые объединения, идущие навстречу потребностям людей, которые сами участвуют в деятельности объединения. Бюро же, дабы оправдать свое существование, действует на противоположной основе – основе и з о б р е т е н и я п о т р е б н о с т е й.) Бюрократия – такое же зло, как и раковая опухоль, поворот в сторону от эволюционного направления неограниченных человеческих возможностей, от дифференциации и независимых самопроизвольных действий к полному паразитизму вируса.

(Принято считать, что вирус образуется при вырождении более сложных жизненных форм. Некогда он мог обладать способностью к независимой жизни. Ныне – опустился на пограничную линию между живой и мертвой материей. Свойства живого существа он способен демонстрировать лишь в организме хозяина, используя чужую жизнь – отказ от жизни как таковой, п а д е н и е в сторону неумолимой неорганической машины, мертвой материи.)

Бюро погибают, когда рушится структура государства. Они так же беспомощны и не приспособлены к независимому существованию, как выгнанный ленточный червь или вирус, который убил хозяина.

Однажды в Тимбукту я видел арабского мальчика, который умел жопой играть на флейте, и педики уверяли меня, что он совершенно неподражаем в постели. Он мог сыграть мелодию во всем диапазоне органа, достигая самых чувствительных эрогенных зон, у всех, разумеется, разных. У каждого любовника была своя особая, идеальная для него музыкальная тема, доводившая его до оргазма. Когда дело касалось усовершенствования новых гармоний и неповторимых оргазмов, этот малый становился великим артистом – некоторые из нот где-то в неведомом, сочетания мнимых диссонансов, которые внезапно прорывались один сквозь другой и обрушивались единым оглушительным, жарким и сладким ударом.

“Толстяк” Терминал собрал из мотоциклов и оживил лиловозадого пьянчугу-бабуина.

Охотники собрались на Охотничий Завтрак в “Болотном Баре”, любимом месте сборищ моднючих гомиков. Преисполненные имбецильного нарциссизма, Охотники расхаживают в черных кожаных куртках с ремнями на заклепках, поигрывая мышцами и предлагая педикам их пощупать. Все они носят громадные накладные груди. Время от времени кто-нибудь из них валит педика на пол и ссыт на него.

Они пьют Пунш Победы, составленный из опийной настойки, шпанской мушки, крепкого черного рома, бренди “Наполеон” и сухого спирта. Пунш подает огромный пустотелый золоченый бабуин; он услужливо кланяется и в жутком страхе пытается укусить себя за мужской признак. Если покрутить бабуину яйца, из его члена течет пунш. Временами из жопы бабуина с громким звуком пердежа вылетают закуски. Когда это происходит, охотники заливаются скотским гоготом, а педики визжат и подергиваются. Владельцем Охотничьих Угодий является капитан Эверхард, которого с треском выставили из Гомик-Клуба “69” за то, что, играя в покер с раздеванием, он припрятал в руке суспензорий. Мотоциклы кренятся на сторону, скачут, опрокидываются. Харкающие, визжащие, срущие бабуины врукопашную дерутся с Охотниками. Мотоциклы без седоков, зарываясь в пыль, точно изувеченные насекомые, вслепую атакуют бабуинов и Охотников...

Сквозь орущую толпу с триумфом едет Партийный Лидер. Благородный старец срет у него на глазах и пытается принести себя в жертву под колесами автомобиля.

ПАРТИЙНЫЙ ЛИДЕР: Нечего жертвовать своей дряхлой сушеной персоной под колесами моего новенького “бьюик-роудмастера” с откидным верхом, белобокими покрышками, гидравлическими окнами и прочими прибамбасами. Это же дешевый арабский трюк – следи за акцентом, Иван, – а это оставь на удобрение... Просим пожаловать в отдел переговоров, там тебе помогут исполнить твои благие намерения...

Стиральные доски протерлись, и простыни, отправленные в прачечную-автомат, теряют пятна позора – Иммануил пророчит Второе Пришествие...

За рекой живет мальчишка с попочкой как апельсин; увы, пловец я был неважный и Клементину упустил.

Джанки уже уселся и занес иглу для кровавой миссии, а мошенник ощупывает лоха пальцами гнилой эктоплазмы[9]...

Час Душевного Здоровья у д-ра Бергера... Затемнение.

ТЕХНИК: Ну ладно, слушай, повторяю еще раз, повторяю медленно. Да. – Он кивает. – И попробуй выдавить улыбку... Улыбку. – Он демонстрирует свои вставные зубы в отвратительной пародии на рекламу зубной пасты. – Мы любим яблочный пирог, и мы любим друг друга. Только и всего – и пускай это звучит наивно, по-деревенски наивно... Изобрази-ка бычачий вид. Ты что, опять напрашиваешься на распределительный щит? Или на бадью?

ОБЪЕКТ – Исцеленный Психопат-Уголовник: Нет!.. Нет!.. А бычачий – это как?

ТЕХНИК: Ну, вроде коровы.

ОБЪЕКТ – с коровьей головой: Мууууу, мууууу.

ТЕХНИК (отпрянув): Нет! Это чересчур!! Прими просто добропорядочный вид, вид славного деревенского парня...

ОБЪЕКТ: Лоха, что ли?

ТЕХНИК: Ну почему же лоха? Представь себе типа, который не способен украсть. У него легкая контузия... Ты же знаешь таких. У них ампутированы передатчик и приемник телепатической связи. Изобрази-ка военного... Мотор!

ОБЪЕКТ: Да, мы любим яблочный пирог. – У него громко и протяжно урчит в желудке. С подбородка свисают нити слюны...

Д-р Бергер отрывает взгляд от каких-то записей. Он похож на сыча-еврея в черных очках, от яркого света у него болят глаза: «Думаю, это неподходящий объект... Вы же видите – ему место на свалке».

ТЕХНИК: Ну что ж, можно убрать из звуковой дорожки это урчание, вставить ему в рот дренажную трубку и...

Д-Р БЕРГЕР: Нет... Этот не подходит. – Он смотрит на объекта с таким отвращением, как будто тот совершает непростительную бестактность, вроде лицезрения собственных мандавошек в гостиной миссис Светски.

ТЕХНИК (уступая, сердито): Приведите исцеленного хлыща.

Вводят исцеленного гомосексуалиста... Он идет сквозь невидимые контуры раскаленного металла. Усевшись перед камерой, он по-деревенски неуклюже пытается принять удобную позу. Мышцы копошатся в поисках места, как автономные органы разрезанного насекомого. Полнейшая тупость затуманивает и размягчает черты его лица: «Да, – он кивает и улыбается, – мы любим яблочный пирог, и мы любим друг друга. Только и всего». – Он кивает и улыбается и кивает и улыбается и...

– Довольно!.. – вопит Техник. Исцеленного гомосексуалиста, кивающего и улыбающегося, уводят.

– Дайте пленку еще раз.

Консультант-искусствовед качает головой: «Чего-то не хватает. Точнее, не хватает здоровья».

БЕРГЕР (вскакивая): Абсурд! Это же олицетворение здоровья!..

КОНСУЛЬТАНТ-ИСКУССТВОВЕД (натянуто): Ну что ж, если вы можете просветить меня по этому вопросу, я буду весьма рад послушать, доктор Бергер... Если вы, с вашим блестящим умом, способны сами осуществить эту программу, тогда не пойму, зачем вам вообще потребовался консультант-искусствовед. – Он выходит, подбоченясь и вполголоса напевая: «Я буду здесь, когда тебя не будет».

ТЕХНИК: Давайте сюда исцеленного писателя... Что у него? Буддизм?.. Ах, он разучился говорить. С этого и надо было начинать! – Он поворачивается к Бергеру. – Писатель разучился говорить... Можно сказать, сверхосвобожден. Конечно, можно наложить голос...

БЕРГЕР (резко): Нет, это никуда не годится... Пришлите кого-нибудь еще.

ТЕХНИК: Те двое были моими любимчиками. Я потратил на этих ребят сотню часов сверхурочно, за что до сих пор не получил компенсацию...

БЕРГЕР: Напишите заявление в трех экземплярах... Форма 6090.

ТЕХНИК: Вы что, будете учить меня, как писать заявления? Послушайте, Док, однажды вы кое-что сказали. «Называть гомосексуалиста здоровым – это все равно что называть здоровым типа с последней стадией цирроза». Помните?

БЕРГЕР: Ну конечно. Сказано неплохо. – Он злобно рычит. – Я же не строю из себя п и с а т е л я . – Это слово он выпаливает с такой отталкивающей ненавистью, что Техник в испуге отшатывается...

ТЕХНИК (в сторону): Не выношу его запаха. Словно старые сгнившие культуры копий... Словно пердеж растения-людоеда... Словно «хм-хм» Шефера (пародирует профессорскую манеру держаться). Вот змеюка... Я вот к чему, Док: как вы можете считать здоровым тело, когда промыты его мозги?.. Или скажем по-другому. Может ли объект быть здоровым in abstentia[68], по доверенности?

БЕРГЕР (вскакивая): Здоровье у меня!.. Все здоровье! У меня его на весь свет хватит, на весь ебаный свет!! Я всех вылечу!

Техник угрюмо смотрит на него. Он разводит себе соду, пьет и срыгивает в руку: «Уже двадцать лет я страдаю диспепсией».

Милейшая Лу, твоему папочке промыли мозги, и теперь он говорит: «Я строго за рыбу, я люблюуу-у-у-у ее... По секрету, девочки, я пользуюсь Иокогамой Стального Дэна, а вы бы? Мальчик Дэнни никогда не подведет. Вдобавок это более гигиенично и избавляет от всяких там ужасных контактов, после которых человека парализует ниже пояса. У женщин ядовитые соки...»

– А я ему так прямо и говорю: «Доктор Бергер, не думайте, что вам удастся спихнуть мне ваших занюханных дряхлых красоток с промытыми мозгами. Я самый старый педрила в Верхней Бабуиновой Заднице...»

Парики да шиньоны в грязной трипперной обираловке, где поддельные девицы на радость Заведения 666 награждают вас Бациллой, да и в девках трипперных ни на грош здоровья, они прогнили насквозь, до самого яблочного ножа – моего небезупречного одноствольного птенчика. Кто подстрелил Раннюю Пташку?.. Малая птица падает к моему доверчивому “уэбли”[69], и на клюве ее выступает капля крови...

Лорд Джим стал ярко-желтым в скорбном и поблекшем утреннем лунном свете, подобном белому дыму на фоне голубизны, а холодный весенний ветер полощет рубахи на известняковых утесах, что за рекой, Мэри, и рассвет расколот надвое, как Дилинджер в своем побеге из тюрьмы в “Биограф”[70]. Запах неона и атрофированных гангстеров, а несостоявшийся преступник собирается с духом, готовясь вломиться в платный туалет и нанюхаться аммиака... «Вперед, – говорит он, – я проверну этого дельца, то есть это дельце».

ПАРТИЙНЫЙ ЛИДЕР (смешивая еще виски): Следующий мятеж будет проще футбольного матча. Мы вывезли из Индокитая около тысячи отборных призовых латахов... Всё, что нам нужно, – это один лидер мятежа на всю команду. – Он торжествующе оглядывает собравшихся.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ: Но, шеф, может, мы попросту заставим их начать, а дальше пойдет цепная реакция: они же будут друг другу подражать.

По рынку шатаясь идет Декламаторша: «Что делает латах, когда он один?»

ПЛ: Вопрос непростой. Нам придется проконсультироваться с Бенуэем. Лично я считаю, что кто-то должен контролировать ход всей операции.

– Не знаю, – сказал он, поскольку не обладал чинами и достоинствами, необходимыми для получения этой должности.

– Эмоций у них нет, – сказал доктор Бенуэй, разрезая пациента на куски. – Одни рефлексы... я требую развлечений.

– Совершеннолетия они достигают, когда начинают говорить.

– Пускай все твои неприятности будут маленькими, как сказал один растлитель малолетних другому.

– Право же, просто страх берет, милочка, когда призрачные двойники начинают примерять твою одежду и вдобавок пинают тебя ногами...

Обезумевший гомик пытается вцепиться в спортивную куртку уходящего парня.

– Моя двухсотдолларовая кашемировая куртка! – истошно вопит он.

– Вот он и вступает в связь с этим латахом хочет кого-нибудь полностью себе подчинить – совсем из ума выжил, старый хрыч... Латах перенимает все его повадки и манеры и просто-напросто высасывает личность, как гнусная кукла чревовещателя... «Я уже вобрал тебя целиком... Мне нужен новый амиго». А бедняга Бубу за себя постоять не может, себя-то не осталось.

ДЖАНКИ: И вот мы здесь, в этом безлошадном[13] городишке, строго под микстурой от кашля.

ПРОФЕССОР: Копрофилию... джентльмены... можно назвать... хм-хм... пороком излишества...

– Двадцать лет снимаюсь в голубых фильмах, но ни разу не опустился до имитации оргазма.

– Ни одна толковая джанковая пизда не откажется от своего неродившегося ребенка... От баб никакого толку, малыш.

– Я имею в виду этот однообразный осмысленный секс... Отнесешь старое белье в прачечную – и то больше радости...

– И в самый разгар страсти он говорит: «У тебя нет лишней колодки для обуви?»

– Она рассказывает мне, как сорок арабов волокут ее в мечеть и насилуют, скорее всего, по очереди... Так и быть, Али, я последний – хотя спихнуть их будет трудновато. Право же, детки, гнуснее истории я отродясь не слыхивал. Перед тем меня самого изнасиловала свора озверевших зануд.

У входа в "Саргассум", глумясь над гомиками и тараторя по-арабски, сидит группа озлобленных националистов... Величавой походкой приближаются Клем и Джоди, разодетые, как Капиталист на коммунистической фреске.

КЛЕМ: Мы пришли питаться вашей отсталостью.

ДЖОДИ: Говоря словами Бессмертного Барда, жиреть на этих маврах.

НАЦИОНАЛИСТ: Свинья! Мразь! Собачий сын! Ты что, не видишь – мои люди голодны!

КЛЕМ: Такими я их видеть и хочу.

Отравленный ненавистью, националист падает замертво... Подлетает д-р Бенуэй: «Отойдите все подальше, дайте мне место. – Он берет кровь на анализ. – Ну что ж, больше ничем помочь не могу. Уходя – уходи».

Поддельная переносная рождественская елка ярко горит на мусорных кучах родного дома где мальчики дрочат в школьной уборной – сколько юных спазмов на том старом дубовом сиденье истертом гладко как золото...

Спи долго в долине Красной Реки, где опутаны паутиной темные окна и мальчишеские кости...

Два чернокожих педрилы в ярости орут друг на друга.

ПЕДРИЛА 1: Заткнись, ты, дешевая гранулемная манда... Недаром клиенты зовут тебя Мерзкая Лу.

ДЕКЛАМАТОРША: А между ног-то у девочки кое-что аппетитное.

ПЕДРИЛА 2: Мяу-мяу. – Он напяливает леопардовую шкуру с железными когтями...

ПЕДРИЛА 1: Ого! Светская Дама! – Он с воплями бросается бежать по Рынку, преследуемый хрюкающим, рычащим трансвеститом...

Клем ставит подножку спастическому[71] паралитику и отбирает у него костыли... Он разыгрывает отвратительную пародию, подергиваясь и пуская слюни...

В отдалении шум мятежа – тысяча истеричных жителей Померании.

Ставни магазинов хлопают, как гильотины. В воздухе застыли напитки и подносы, а хозяева уже внутри – туда их всосала паника.

ХОР ПЕДИКОВ: Нас всех изнасилуют. Я знаю, я знаю.

Они врываются в аптеку и покупают ящик K-Y[8].

ПАРТИЙНЫЙ ЛИДЕР (театрально вытянув руку): Глас Народа!

Пощипывая низкую травку, появляется Пирсон Денежная Кукла. По приказу безжалостного командующего кармой он прячется на пустыре с неядовитыми змеями, где его унюхивает постижимый пес...

Рынок пуст, если не считать пьянчуги неопределенной национальности, напившегося до потери сознания и сунувшего голову в унитаз. Мятежники с торжествующими воплями врываются на Рынок и с криками «Смерть французам!» разрывают пьянчугу в клочья.

САЛЬВАДОР ХАСАН (извиваясь у замочной скважины): Только посмотрите на эта лица, единое прелестное протоплазменное существо – все в точности, как один. – Он отплясывает Ликвифакционистскую джигу.

Хныкающий гомик в оргазме падает на пол: «О Боже, это слишком возбуждает. Будто миллион жарких трепещущих хуев».

БЕНУЭЙ: Хорошо бы взять у этих ребят кровь на анализ.

Зловеще неприметный человек – седая борода, серое лицо и поношенная бурая джеллаба – поет, не разжимая губ, с легким акцентом неведомого происхождения: «О куклы, большие красивые куклы».

Рынок занимают появившиеся со всех прилегающих улиц наряды носатых, тонкогубых полицейских с холодными серыми глазами. С хладнокровной, методичной жестокостью они избивают мятежников ногами и дубинками.

Мятежников увезли на грузовиках. Поднимаются жалюзи, и граждане Интерзоны выходят на скользкую от крови площадь, усеянную зубами и сандалиями.

Морской сундук мертвеца находится в посольстве, а вице-консул сообщает матери дурные вести.

Нет... Утра... Рассвета... n'existe plus[72]... Знал бы, сказал бы с радостью. Любой из двух ходов – плохой ход по направлению к Восточному Крылу... Он ушел в невидимую дверь... Не здесь... Можете искать где угодно... Не годится... No bueno[72]... Сам тусуюсь... Плиходи пятниса.

(Примечание: Старые, бывалые шмекеры[37] с лицами, побитыми серыми джанковыми бурями, вспомнят... В двадцатых годах многие здешние барыги-китайцы нашли Запад настолько ненадежным, мошенническим и несправедливым, что прекратили торговлю, и когда западный джанки приходил за товаром, они говорили: «Моя нет... Плиходи пятниса...»)

“ISLAM, INC.” И ПАРТИИ ИНТЕРЗОНЫ

Я работал на компанию, известную как “Islam Inc.”, которую финансировал Эй Джей, пресловутый Торговец Сексом, шокировавший международную общественность, появившись на балу у герцога де Вентра в образе ходячего пениса, защищенного гигантским презервативом с начертанным на нем девизом Эй Джея: “Они Не Пройдут”.

– Это довольно бестактно, старина, – сказал герцог.

На что Эй Джей ответил: «Может, от интерзонного K-Y[8] и у тебя встанет».

Ссылка на скандал с K-Y, бывший в то время еще в личиночной стадии. В остроумных ответах Эй Джея нередко имеются в виду предстоящие события. Он мастер уничтожающих реплик замедленного действия.

Впутался в дела компании и Сальвадор Хасан О’Лири, Магнат Детского Места. Точнее, один из филиалов его фирмы сделал вклады пока не установленных размеров, а один из филиалов его собственной персоны был принят в организацию на правах советника, которому не дозволялось ни связывать себя обязательствами, ни принимать участия ни в чем, что касается политики, деятельности или целей “Islam Inc.”. Следует также упомянуть Клема и Джоди – братьев Спорынья, которые “покосили” население Республики Хасана отравленной пшеницей, Ахмеда Аутопсию и Гепатита Хэла, торговца подержанными фруктами и овощами.

Шумное сборище мулл и муфтиев, муссейнов и каидов[74], шейхов, султанов и святых праведников, а также представителей всевозможных арабских партий – это и есть очередное собрание рядовых членов организации; крупные воротилы от посещения этих собраний благоразумно воздерживаются. Хотя при входе делегатов тщательно обыскивают, кульминацией этих сборищ неизменно являются бесчинства. Ораторов частенько окунают в бензин и сжигают, или же какой-нибудь неотесанный шейх пустыни поливает оппонентов из пулемета, который он припрятал в брюхе ручной овцы. Мученики-националисты с гранатами в жопе смешиваются с собравшимися делегатами и неожиданно взрываются, что приводит к многочисленным жертвам... А был случай, когда Президент Ра повалил на землю британского премьер-министра и силой им овладел; зрелище это транслировалось по телевидению на весь арабский мир. Дикие вопли наслаждения были слышны в Стокгольме. В Интерзоне вышел указ, запрещающий собрания “Islam, Inc.” в пределах пяти миль от городских границ.

Эй Джей – с его темным ближневосточным происхождением – выступал одно время в роли английского джентльмена. Его английский выговор шел на убыль вместе с Британской империей, и после Второй Мировой войны он, согласно постановлению Конгресса, стал американцем. Эй Джей, как и я, агент, но никому еще не удалось выяснить, на кого или на что он работает. Ходят слухи, что он представляет трест гигантских насекомых с другой галактики... Я полагаю, что он на стороне фактуалистов (которых представляю и я); конечно он может оказаться и агентом ликвифакционистов (программа ликвифакции предусматривает постепенное

слияние всех в Одного Человека с помощью процесса протоплазменной абсорбции). Ни в ком в отрасли нельзя быть уверенным.

Легенда Эй Джея? Богатый плейбой мирового масштаба и любитель безобидных розыгрышей. Именно Эй Джей запустил пираний в плавательный бассейн леди Саттон-Смит и разбавил пунш смесью Йаге, гашиша и йохимбина во время приема в американском посольстве в честь Четвертого Июля, что вызвало оргию. Впоследствии десять видных граждан – разумеется, американских – умерли от стыда. Смерть от стыда – достижение, принадлежащее исключительно индейцам племени куакиутль и американцам, все прочие попросту говорят: «Zut alors» [75], «Son cosas de la vida[16]» или «Аллах меня выебал, Всемогущий...».

А когда члены Цинциннатского антифтористского общества собрались выпить за свою победу чистой ключевой водицы, у них моментально выпали все зубы.

– И заверяю вас, братья и сестры, активисты антифтористского движения: в этот день мы нанесли такой удар врагам чистоты, что никогда уже не пойдем на попятный... Долой, повторяю, мерзкие заграничные фториды! Мы сделаем нашу прекрасную страну свежей и чистой, как тугой мальчишеский животик... А теперь я первый затяну наш гимн "Старая дубовая бадья".

Источник освещен флуоресцентными огнями, которые играют в нем отвратительными цветами музыкального автомата. Антифтористы гуськом топают мимо источника и поют; каждый черпает себе напиток дубовой бадьей...

Старая дубовая бадья, золотистая дубовая бадья
Глаблсаланабеш…

Эй Джей успел приложить руку к источнику, подмешав в воду южноамериканское ползучее растение, которое превращает десны в кашу.

(Об этом растении я слышал от старого немецкого старателя, который умирал от уремии, в Пасто, Колумбия. Встречается предположительно в районе Путумайо. Ни разу не находил. Не слишком старался... Тот же тип рассказывал мне о насекомом вроде большого кузнечика, известном как ксиукутиль: «Такой сильный афродизиак, что если хоть один на тебя нападет и ты не сможешь тут же найти женщину, тебе смерть. Я видел, как индейцы носятся взад-вперед и отмахиваются от этого зверя». К сожалению, заполучить ксиукутиля мне так и не удалось...)

На премьере в нью-йоркской “Метрополитен” Эй Джей, намазавшись клопомором, выпустил рой ксиукутилей.

Миссис Вандерблай с размаху лупит ксиукутиля: «О!.. О!.. ОООООО!!!» – вопли, бьющиеся стекла, рвущаяся ткань. Нарастающее крещендо хрюканья и визгов, стонов, хныканья и тяжких вздохов... Вонючие испарения спермы, пизды и пота, затхлый аромат пронзенной прямой кишки...

Бриллианты и меха, вечерние платья и орхидеи, костюмы и нижнее белье в беспорядке разбросаны по полу, покрытому бьющейся в корчах, взбешенной, вздымающейся массой голых тел.

Однажды Эй Джей заблаговременно, за год, зарезервировал столик “У Робера”, где здоровенный невозмутимый гурман погружен в приготовление самых изысканных в мире яств. Столь губительным и уничтожающим был его взгляд, что многих посетителей он испепелял, словно вспышка молнии, и тогда они катались по полу, обоссываясь с ног до головы в судорожных попытках снискать хозяйскую милость.

И вот прибывает Эй Джей с шестью боливийскими индейцами, которые между сменами блюд жуют листья коки. И когда Робер во всем своем гурманном величии угрожающе приближается к их столику, Эй Джей поднимает голову и орет: «Эй, приятель, принеси-ка немного кетчупа!» (Вариант: Эй Джей хватает бутылку кетчупа и заливает им изысканные блюда.)

Моментально перестают жевать все тридцать гурманов. Слышно, как падает суфле. Что до Робера – он, подобно раненому слону, издает яростный рев, бежит на кухню и вооружается большим ножом мясника... Официант, ведающий винами, страшно рычит, лицо его окрашивается в необыкновенный переливчато-лиловый цвет... Он отбивает горлышко у бутылки сухого шампанского... 26-го года... Пьер, старший официант, хватает нож для снятия мяса с костей. Все трое с душераздирающими, нечеловеческими яростными воплями гоняются за Эй Джеем по всему ресторану... Опрокидываются столы, с грохотом рушатся на пол марочные вина и несравненные блюда... В воздухе звенят крики: «Линчевать его!» Престарелый гурман с безумными, налитыми кровью глазами мандрила[23] завязывает палаческим узлом красный бархатный шнур занавески... Видя, что загнан в угол и надвигается опасность оказаться по меньшей мере расчлененным, Эй Джей идет с козыря... Он запрокидывает голову и испускает призывный клич борова; и сотня голодных боровов, которых он предусмотрительно разместил поблизости, врывается в ресторан и принимается с чавканьем уплетать изысканные блюда. Подобно огромному дереву, разбитый параличом Робер падает на пол, и его пожирают боровы. «Бедным ублюдкам не хватает образования, чтобы оценить его по достоинству», – говорит Эй Джей.

Всплывает из своего уединения в местной психушке брат Робера, Поль. Он принимает ресторан, дабы радовать посетителей тем, что сам называет “Трансцендентальной Кухней”... Качество пищи постепенно снижается, и в конце концов он начинает подавать форменные отбросы, а клиенты слишком запуганы репутацией “У Роббера”, чтобы протестовать.

ОБРАЗЕЦ МЕНЮ:

Суп из чистой верблюжьей мочи
с вареными земляными червями.

Филе из выдержанного на солнце
ядовитого ската, политое одеколоном,
с гарниром из крапивы.

Supreme de Boeuf[76] *из Детского Места,*
приготовленное на отработанном машинном масле,
подается с пикантным соусом
из желтков тухлых яиц и раздавленных клопов.

Сахар из лимбургского сыра,
Засоленный на моче диабетика
И опущенный в жестянку с сухим спиртом
Flamboyant[77].

Так что клиенты тихо умирают от ботулизма... Потом Эй Джей возвращается со свитой арабских беженцев с Ближнего Востока. Он пробует кусочек и вопит: «Отбросы, черт побери! Сварите этого умника в его собственных помоях!!»

Итак, легенда об Эй Джее – забавном, милом чудаке – распространялась и обрастала подробностями... Затемнение. Венеция... Поют гондольеры, а от Сан-Марко с ее гериковым притоном доносятся громкие жалобные вопли.

Чудесная старая венецианская история про этот мост: кажется, некие венецианские моряки предпринимают кругосветное путешествие, в плавании все превращаются во “фруктов” и уже ебут юнгу, а когда они возвращаются в Венецию, женщинам, дабы возбудить желание этих сомнительных типов, приходится расхаживать по мосту с грудями нараспашку. Поэтому к Сан-Марко спешно направляется ударный батальон.

– Девочки, это МП, Массированное Наступление. Если ваши сиськи их не остановят, пускайте в ход пизду, не оставляйте этим педикам никаких шансов.

– Ах, Герти, это правда. Чистая правда. На том месте, где должна быть штуковина, от которой я просто без ума, у них мерзкая глубокая рана.

– Такого ужаса я просто не вынесу.

– От подобного зрелища недолго и окаменеть.

О чем только Поль не болтал! Чего стоят одни его дерьмовые россказни о том, как мужчины лежат с другими мужчинами и делают то, о чем и говорить-то неловко. Вот именно – неловко. Кому ж охота споткнуться о хуй на пути к пизде? Но только у человека появится тяга натянуть манду, как врывается некий зловредный чужак и делает с его жопой то, о чем и говорить-то неловко.

Эй Джей несется по Сан-Марко и кромсает голубей абордажной саблей. «Ублюдки! Сукины дети!» – вопит он... Шатаясь, он поднимается на борт своей барки, чудовищного сооружения в розовом и голубом с позолотой, с парусами из лилового бархата. Он одет в нелепую морскую форму, увешанную галунами, орденскими лентами и медалями, грязную и рваную, пуговицы кителя застегнуты наперекосяк... Эй Джей подходит к гигантской копии греческой урны, увенчанной золотой статуей мальчика с эрекцией. Он крутит мальчику яйца, и в рот ему бьет струя шампанского. Он вытирает губы и осматривается.

– Где мои нубийцы, черт побери? – орет он. Его секретарь отрывается от книжки комиксов:

– Нализались. Охотятся за пиздятинкой.

– Никчемные хуесосы! Куда деваться человеку без его нубийцев?

– Возьмите гондолу, что ли.

– Гондолу? – вопит Эй Джей. – Я в море-то выхожу ради этого хуесоса и вдобавок должен плыть на гондоле? Взять рифы грота и вставить весла в уключины, мистер Хайлоп... Попробую управиться с одним помощником.

Мистер Хайлоп смиренно пожимает плечами. Он принимается тыкать пальцем в распределительный щит... Парус падает, весла втягиваются в корпус.

– И включите благовоние, что ли. Против ветра канал воняет.

– Гардения? Сандал?

– Нет. Амброзия.

М-р Хайлоп нажимает еще одну кнопку, и над баркой повисает густое облако духов. Эй Джей охвачен приступом кашля...

– Врубайте вентиляторы! – орет он. – Я задыхаюсь!

М-р Хайлоп откашливается в носовой платок. Он нажимает кнопку. Вентиляторы с жужжанием разгоняют амброзию. Эй Джей водворяется на возвышении у штурвала.

Контакт! – Барка начинает вибрировать. – Аванти, черт побери!

Эй Джей орет, барка отчаливает поперек канала, на огромной скорости опрокидывает полные туристов гондолы, проходит в нескольких дюймах от мотоскафи, поворачивает то к одному берегу, то к другому (кильватерная волна

окатывает тротуары, поливая прохожих), в щепки разносит флотилию пришвартованных гондол и, наскочив у пирса на мель, кругами уносится на середину канала... Из пробоины в корпусе бьет столб воды в шесть футов высотой.

– Поставить людей к помпам, мистер Хайлоп! Судно черпнуло воды.

Барка внезапно накреняется, выбрасывая Эй Джея в канал.

– Покинуть судно, черт побери! Спасайся кто может!

Затемнение под мелодию мамбо.

Торжественное открытие “Эскуэла Амиго”, школы для малолетних преступников латиноамериканского происхождения, построенной на пожертвования Эй Джея; присутствуют учителя и пресса. Эй Джей, пошатываясь, поднимается на трибуну, задрапированную американскими флагами.

– Говоря бессмертными словами Отца Фланэгана[78], такого явления, как плохой мальчик, не существует... Где же статуя, черт побери?

ТЕХНИК: Вам прямо сейчас?

ЭЙ ДЖЕЙ: Зачем же я, по-вашему, сюда явился, черт подери? Я что, должен сдернуть с сукиных детей покрывало in abstentia[68]?

ТЕХНИК: Всё в порядке... всё в п о р я д к е . Уже везут.

Тягач Грэйма Хзйми буксирует статую и устанавливает ее перед трибуной. Эй Джей нажимает кнопку. Под трибуной включаются турбины, их звук нарастает до оглушительного жалобного воя. Ветер сдувает со статуи красное бархатное покрывало. В нем запутываются преподаватели, стоящие в первом ряду... Зрителей окутывают клубы пыли и строительного мусора. Постепенно затихают сирены. Учителя освобождаются от покрывала... Все, затаив дыхание, смотрят на статую.

ОТЕЦ ГОНСАЛЕС: Матерь Божья!

ЧЕЛОВЕК ИЗ *“TIME”*: Не может быть!

“DAILY NEWS”: Весьма пикантно.

Хоровой свист мальчиков.

По мере оседания пыли открывается монументальное творение из отполированного розового камня. Голый мальчик склонился над спящим товарищем с явным намерением пробудить его звуками флейты. В одной руке он держит флейту, другая тянется к кусочку ткани, прикрывающему талию и живот спящего. Ткань непристойно выпячивается. У мальчиков по цветку за ухом, одинаковое выражение лиц, мечтательное и жестокое, развращенное и невинное. Эти две фигуры венчают

собой известняковую пирамиду, на которой фарфоровыми мозаичными буквами – розовыми, голубыми и золотыми – начертан школьный девиз: “С этим и ради этого”.

Эй Джей кренится вперед и разбивает об аккуратные ягодицы мальчика бутылку шампанского.

– И помните, ребята: вот откуда берется шампанское.

Манхэттенская серенада. Эй Джей в сопровождении свиты партнеров пытается войти в нью-йоркский ночной клуб. Он ведет на золотой цепочке лиловозадого бабуина. Эй Джей одет в льняные клетчатые брюки гольф и кашемировую куртку.

ХОЗЯИН: Одну минуту. Одну минуту. Что это?

ЭЙ ДЖЕЙ: Это иллирийский пудель. Редкая скотина, лучше не сыщешь. Он хоть повеселит слегка твою забегаловку.

ХОЗЯИН: Сдается мне, что это лиловозадый бабуин и он останется на улице.

ПАРТНЕР: Ты что, не знаешь, кто перед тобой? Это же Эй Джей, последний из великих транжиров времени.

ХОЗЯИН: Так пускай катится отсюда вместе со своим лиловозадым ублюдком и транжирит свое великое время в другом месте.

Эй Джей останавливается перед другим клубом и заглядывает внутрь.

– Моднючие педики и старые пизды, черт побери! Сюда нам и надо. Аванти, рагацци!

Эй Джей вбивает в пол золотой колышек и привязывает бабуина. Он заводит светскую беседу, партнеры подают реплики:

– Невероятно!

– Чудовищно!

– Божественно!

Эй Джей вставляет в рот длинный сигаретный мундштук. Мундштук сделан из какого-то непристойного эластичного материала. Он раскачивается и волнообразно шевелится, точно наделен отвратительной рептильной жизнью.

ЭЙ ДЖЕЙ: А на высоте тридцать тысяч футов меня подвел желудок.

Несколько ближайших педиков поднимают головы, словно почуявшие опасность звери, Эй Джей вскакивает с нечленораздельным рычанием.

– Ты, лиловозадый хуесос! – вопит он. – Я тебя проучу, ты у меня посрешь на пол!

Он вытаскивает из своего зонтика кнут и принимается хлестать бабуина по заду. Бабуин пронзительно визжит и срывается с колышка. Он вспрыгивает на ближайший столик и влезает на старуху, которая тут же умирает от разрыва сердца.

ЭЙ ДЖЕЙ: Сожалею, мадам. Сами понимаете – дисциплина.

Он в бешенстве стегает бабуина, гоняя его из конца в конец бара. Бабуин, вопя, рыча и обсираясь от ужаса, перелезает через клиентов, носится взад-вперед по стойке, раскачивается на занавесках и люстрах...

ЭЙ ДЖЕЙ: Ты у меня перевоспитаешься и будешь срать где положено или вообще срать не будешь.

ПАРТНЕР: Как тебе не стыдно огорчать Эй Джея после всего, что он для тебя сделал!

ЭЙ ДЖЕЙ: Неблагодарные! Все до одного неблагодарные! Уж поверьте старому гомику.

Никто, конечно, в эту легенду не верит. По словам Эй Джея, он “независим”, что должно означать: «Не в свое дело не лезь». Независимых больше не существует... Зона кишит простофилями всех мастей, однако нейтралов среди них нет. Нейтрал же на уровне Эй Джея и вовсе немыслим...

Хасан является печально известным ликвифакционистом, и ходят слухи, что он – тайный сендер.

– Бросьте, ребята, – говорит он с обезоруживающей улыбкой, – я всего лишь старая вонючая раковая опухоль, вот и приходится разрастаться.

У Даттона Сухая Дыра, афериста из Далласа, он перенял техасский акцент и ни в помещении, ни на улице не снимает ковбойских сапог и десятигаллоновой шляпы... Его глаза скрыты за черными очками, лицо у него гладко выбритое и невыразительное, словно восковое; ладно скроенный костюм целиком пошит из недозрелых банкнот высокого достоинства. (Банкноты эти являются настоящими деньгами, но прежде чем их можно будет реализовать, они должны созреть... Достоинство каждой банкноты доходит до миллиона зелененьких.)

– Они сами на мне выводятся, – застенчиво оправдывается он... – это вроде как... фу ты, как бы получше выразиться... Ну, будто бы я – мамаша-скорпионша, которая вынашивает этих маленьких бумажных детишек на своем теплом теле и чувствует, как они растут. Черт возьми, надеюсь, вам мои россказни не наскучили.

Сальвадор, известный друзьям как Салли – он всегда держит подле себя нескольких “друзей”, выплачивая им почасовое жалованье, – подлечился торговлей

выкидышами во время Второй мировой войны. (Подлечиться – значит разбогатеть. Выражение, употребляемое техасскими нефтедобытчиками.) В досье Отдела чистой пищи и лекарств имеется его фотография – крупные черты набальзамированного лица, словно под кожу, гладкую, лоснящуюся и непористую, ввели парафин. Один глаз – мертвенно-серый, круглый, как стеклянный шарик для детской игры, весь в трещинах и темных крапинках. Другой – черный и блестящий, глаз бесчувственного старого насекомого.

Обычно его глаз не видно за черными очками. Вид у него загадочный и зловещий – его жесты и манеры еще не постигнуты, – как у агента тайной полиции личиночного государства.

Волнуясь, Сальвадор переходит на ломаный английский. В такие моменты его акцепт наводит на мысль об итальянском происхождении. Он читает и говорит по-этрусски.

На составление международного досье Сала положила жизнь целая команда бухгалтеров-следователей... Он непрерывно плетет опутывающую весь мир замысловатую, изменчивую паутину подставных фирм, филиалов и вымышленных имен. У него было 23 паспорта, а высылали его 49 раз – судебные решения по поводу депортации не вынесены еще на Кубе, в Пакистане, Гонконге и Иокогаме.

Сальвадор Хасан О’Лири, он же Обувной Малый, он же Дефективный Марв, он же Лири Детское Место, он же Выкидыш Пит, он же Хуан Плацента, он же Ахмед K-Y, он же Эль Клоппо, он же Эль Кулито и т. д.и т. д.– всего пятнадцать густо исписанных страниц досье, – впервые спутался с законом в Нью-Йорке, куда приехал с типом, известным бруклинской полиции как Губастый Уилсон, который выруливает деньги на чумовые колеса, вытрясая их из фетишистов в обувных магазинах. Хасану было предъявлено обвинение в вымогательстве третьей степени и сговоре с целью выдать себя за полицейского. Он усвоил Первое Правило Вымогателя: СП – Скинь Палево, что соответствует ПСП – Поддерживай Скорость Полета – для летчика... Как говорит Бдительный: «Коли уж попался на крючок, чувак, скинь все свое палево, в крайнем случае – проглоти». Ну а фальшивую кокарду ему так и не “пришили”. Хасан дал показания против Уилсона, которому влепили Неопределенный Срок. (Наибольший срок по законам Нью-Йорка для осужденных за мелкие преступления. Осуждение на неопределенный срок означает, как правило, три года на Острове Райкер[79].) В деле Хасана от обвинения отказались. «Я бы погорел ни за грош, – сказал Хасан, – не попадись мне приличный коп». Приличный коп попадался Хасану всякий раз, как его винтила полиция. Его досье содержит три страницы кличек, указывающих на его склонность к сотрудничеству с законом, к “игре в мяч”, как это называют копы. Остальные называют это как-нибудь по-другому: Эб Любовник Легавых, Шпик Марв, Певунья Геба, Стукач Али, Гнилой Сал, Болтливый Нытик, Фальшивое Сопрано, Бронксовский Оперный Театр, Полицейский Джинн, Справочная служба, Писклявый Сириец, Сладкоголосый Хуесос, Музыкальный Фрукт, Грешная Жопа, Фискальный Педрила, Лири Доносчик, Гном Весельчак... Подпасок Герт.

Он открыл “лавку секса” в Иокогаме, толкал джанк в Бейруте, сводничал в Панаме. Во время Второй мировой войны он пошел в гору, приобрел в Голландии маслодельню и разбавлял масло использованной колесной смазкой, монополизировал рынок K-Y в Северной Африке и наконец сорвал большой куш на торговле выкидышами. Он процветал и разрастался, наводняя мир разбавленными лекарствами и дешевыми поддельными товарами всех видов. Фальшивое средство для отпугивания акул, разбавленные антибиотики, бракованные парашюты, протухшие противоядия, неэффективные сыворотки и вакцины, протекающие спасательные шлюпки.

Клем и Джоди, два старомодных водевильных танцора, выдают себя за русских агентов, единственная цель которых – представить США в невыгодном свете. Когда в Индонезии их арестовали за педерастию, Клем заявил следователю:

– Какой уж тут гомосексуализм! Разве ж это дубьё до него додумается!

В Либерию они явились в черных стетсонах и красных подтяжках:

– Так вот, подстрелил я того старого ниггера, а он возьми да и шлепнись на бок, только нога и дергается.

– Да-а, но ты хоть раз ниггера сжигал?

Они то и дело разгуливают по бидонвилям[80], попыхивая гигантскими сигарами:

– Бульдозеры бы сюда, Джоди. Снести весь этот хлам.

За ними следуют толпы охваченных нездоровым любопытством обывателей, надеющихся стать свидетелями очередного величайшего американского надругательства над законом.

– Тридцать лет в шоу-бизнесе и ни разу не выступал с подобным номером. Я должен выселить всех из Бидонвиля, треснуться героином, обоссать Черный Камень[81], в костюме борова проорать с минарета Молитвенный Призыв, отменить ленд-лиз, а заодно еще и поебаться в жопу... Что я вам, спрут, что ли? – жалуется Клем.

Они сговариваются с помощью вертолета похитить Черный Камень и поставить на его место свинарник; боровы обучены при появлении паломников издавать издевательское улюлюканье.

– Мы пытаемся научить этих визгливых ублюдков петь "Слава цветам красно-бело-синим", но пока никак не выходит...

– Насчет той пшеницы мы связались в Панаме с Али Вонгом Чапультепеком. Он говорит, это дерьмо высшего сорта. Один финский шкипер помирает в местном бардаке и оставляет весь корабельный груз мадам... «Она была мне как мать», –

говорит он, и это были его последние слова... Вот мы честь по чести и откупаем товар у старой манды. Выложили ей целых десять доз гера.

– Гер тоже будь здоров. Вполне приличный алеппский герик.

– И молочного сахара хватило – как раз, чтоб она не окочурилась.

– Ладно уж, дареному коню в жопу не смотрят.

– А правда, что когда вы добрались до Хасана, то устроили в честь каида банкет, где подавали кускус из той самой пшеницы?

– Чистая правда. И знаете, эти типы так обкурились марихуаной, что в разгар банкета все очумели... Я-то лично ел только хлеб с молоком... язва, знаете ли.

– Да и я тоже.

– И вот они мечутся и вопят, что внутри у них все горит, а наутро большинство помирают.

– А остальные – на следующее утро.

– Чего ж вы хотите, они ведь постоянно губят себя восточными пороками.

– Ну просто умора – эти типы становятся все черные, а ноги у них отваливаются.

– Жуткие последствия пристрастия к марихуане.

– И я того же мнения.

– Ну, а мы столковались с самим стариком султаном, который к тому же еще и знаменитый латах. После этого, можно сказать, всё на мази.

– Но вы не поверите, отдельные элементы гнались за нами до самого катера.

– Правда, им немного мешало отсутствие ног.

– И состояние головы.

(Спорынья – это больная плесенью, сгнившая пшеница. В средневековой Европе людей периодически косили вспышки отравления спорыньей, которое называлось “Огонь Св. Антония”. Частым осложнением является гангрена, ноги чернеют и отваливаются.)

Они сбывают эквадорским военно-воздушным силам партию бракованных парашютов. Маневры: парни камнем летят вниз, парашюты развеваются, как рваные презервативы, на пузатых генералов брызжет молодая кровь... Под оглушительные струи звуков Клем и Джоди исчезают за Андами в реактивном бегстве.

Точные цели “Islam Inc.” неясны. Нечего и говорить, что каждое из заинтересованных лиц имеет на этот счет свою точку зрения, и все они намерены где-нибудь стать поперек дороги друг другу.

Эй Джей агитирует за уничтожение Израиля: «С этим настроем против Запада попробуй добейся прелестей юных арабов... Еще немного, и ситуация станет просто невыносимой... Израиль превратился в серьезную помеху». Типичная легенда Эй Джея.

Клем и Джоди заявляют, что они заинтересованы в уничтожении ближневосточных нефтяных месторождений, после чего поднимутся в цене их венесуэльские акции.

Клем пишет вещицу на мотив "Речного рака" (Биг Билл Брунзи[82]):

Что ты будешь делать, когда высохнет нефть?
Арабы будут дохнуть, я – сидеть и смотреть.

Для того чтобы скрыть, по крайней мере от рядовых членов организации, свои ликвифакционистские происки, Сальвадор выпускает плотную завесу международной валюты... Но после нескольких крепких доз Йаге он принимается изливать душу друзьям.

– Ислам – это уже застывший студень, – говорит он, отплясывая ликвифакционистскую джигу... А затем, не в силах сдержаться, разражается отвратительным фальцетом:

Дрожит он на краю,
Толчок – и он в Раю,
Пора уже напяливать чадру.

– Короче, эти типы наняли на службу одного бруклинского еврея, который выдает себя за Магомета Второго Пришествия... На самом-то деле доктор Бенуэй принял его в Мекке у одного Святого с помощью кесарева сечения...

«Если Ахмед не выйдет... мы сами его оттуда вытащим».

Это бессовестное надувательство проглатывается легковерными арабами без единого вопроса.

– Славный народец эта арабы... Славный невежественный народец, – говорит Клем.

И вот этот шарлатан выступает по радио с ежедневными сурами: «Итак, дорогие радиослушатели, говорит Ахмед, дружески расположенный к вам пророк... Сегодня я хотел бы поговорить о том, как важно обладать тонким вкусом и во все времена раздавать только свежие поцелуи... Друзья, пользуйтесь хлорофилловыми таблетками Джоди и не сомневайтесь».

Теперь немного о партиях Интерзоны...

Не вызывает сомнения, что ликвифакционистская партия, за исключением одного человека, целиком состоит из простофиль, и до последней абсорбции непонятно, кто кого надувает... Ликвифакционисты весьма склонны к всякого рода извращениям, особенно к садомазохизму...

В большинстве своем Ликвифакционисты люди толковые. Сендеры же, напротив, печально известны своим невежеством в отношении природы и конечного пункта посыла, своими дикими и самодовольными манерами и безумным страхом перед любым ф а к т о м... Лишь вмешательство фактуалистов не дало сендерам упрятать Эйнштейна в сумасшедший дом и отменить его теорию. Несомненно, лишь немногие сендеры знают, что делают, и эти высокопоставленные сендеры являются самыми опасными и зловредными людьми на свете... Поначалу техника посыла была несовершенной. Затемнение... Национальная конференция по электронике в Чикаго.

Делегаты надевают пальто... Докладчик говорит монотонным голосом продавщицы:

– В заключение хочу кое о чем предупредить... Логическим продолжением энцефалографических исследований является биоконтроль, то есть контроль над физическими перемещениями, психическими процессами, эмоциональными реакциями и мнимыми чувственными восприятиями биоэлектрических сигналов, подаваемых в нервную систему объекта.

– Громче и веселей! – Делегаты гурьбой удаляются в клубах пыли.

– Через некоторое время после появления человека на свет хирург сможет установить связь с мозгом новорожденного. Можно вставить миниатюрный радиоприемник, и поведение объекта будет регулироваться с помощью передатчика, контролируемого государством.

Пыль оседает в безветренном воздухе громадного пустого зала – запах раскаленного железа и пара; вдалеке гудит радиатор... Докладчик роется в своих заметках и сдувает с них пыль...

– Аппарат биоконтроля является прототипом одностороннего телепатического контроля. Объекту можно будет выдавать восприимчивые к передатчику наркотики либо подвергать его какой-либо другой обработке, не устанавливая никакого прибора. В конце концов сендеры будут пользоваться исключительно телепатическим посылом... Рылись когда-нибудь в кодексах майя? Я это представляю себе следующим образом: жрецам – примерно одному проценту населения – удавалось с помощью односторонней телепатической трансляции приказывать работникам, что и когда им следует чувствовать... Телепатический сендер должен постоянно передавать. Он никогда ничего не сможет принять, поскольку если он принимает, значит, кто-то еще обладает своими собственными чувствами, что может испоганить весь сценарий посыла. Сендер должен передавать все время, но он никогда не сможет подзарядиться с помощью контакта. Рано или поздно у него не останется чувств для посыла. Нельзя

иметь чувства, будучи одиноким. Никто не одинок так, как одинок сендер, – а вы понимаете, что в одном месте-времени сендер может быть только один... Наконец экран мертвеет... Сендер превратился в гигантскую многоножку... И вот появляются сознательные рабочие, сжигают многоножку и с пылким единодушием избирают нового сендера... Майя были ограничены изоляцией... Ныне один сендер сможет контролировать планету... Видите ли, контроль никогда не сможет стать средством достижения какой-либо практической цели... Он никогда не сможет стать средством достижения ничего иного, кроме как еще большего контроля... Как джанк...

Дивизионисты занимают промежуточную позицию, фактически их можно назвать “умеренными”... Дивизионистами они называются потому, что делятся в буквальном смысле слова. Отрезая крошечные кусочки своей плоти, они выращивают в эмбриональном бульоне точные копии самих себя. Представляется вероятным, если только не приостановится процесс деления, что в конечном счете на планете останется лишь одна копия одного пола: то есть один человек на свете с миллионами отделенных от него тел... Являются ли эти тела и в самом деле независимыми, способны ли они со временем приобретать собственные характерные черты? Я в этом сомневаюсь. Копии должны периодически подзаряжаться от Материнской Клетки. Это служит гарантией их преданности дивизионистам, которые живут в страхе перед революцией копий... Некоторые дивизионисты считают, что этот процесс можно приостановить, прежде чем будет достигнута окончательная монополия одной копии. Они говорят: «Дайте мне только вырастить еще несколько копий, чтоб я не был одинок, когда путешествую... И мы должны строго контролировать деление нежелательных лиц…» Любая копия, кроме вашей собственной, в конечном счете – “нежелательное лицо”. Разумеется, каждому известно, что происходит, если кто-нибудь начинает наводнять местности Идентичными Копиями. Остальным гражданам приходится объявлять “шлюппит” (массовое истребление всех поддающихся опознанию копий). Чтобы спасти свои копии от уничтожения граждане перекрашивают, деформируют и перекраивают их с помощью специальных форм для тела и лица. Только самые распутные и бесстыжие типы отваживаются штамповать ИК – Идентичные Копии.

Слабоумный альбинос Каид, продукт длинной вереницы рецессивных генов (крошечный беззубый ротик, обрамленный черными волосками, тело гигантского краба, вместо рук клешни, глаза выдвинуты вперед на ножках), накопил 20 000 ИК.

– Сколько видит глаз – ничего, кроме копий, – говорит он, ползая по своей террасе и издавая необычное насекомое стрекотание. – Мне не приходится скрываться, точно какой-нибудь безымянной заднице, мне незачем выращивать копии в выгребной яме, ни к чему украдкой выпускать их и маскировать под разносчиков магазинных заказов и водопроводчиков... Моим копиям ни к чему портить свою ослепительную красоту пластическими операциями, варварским перекрашиванием и отбеливанием. Они выходят на солнечный свет нагие, дабы все прониклись блистательным очарованием их тела, лица и души. Я создал их благодаря своему творческому воображению и

наслаждаюсь тем, как они растут и размножаются в геометрической прогрессии, – ведь они унаследуют Землю.

Вызвали профессионального колдуна, чтобы навсегда обесплодить копийные культуры Шейха Паукообраза... Когда колдун готовился испустить поток антиоргонов[27], Бенуэй сказал ему:

– Ни к чему напрягаться. Атаксия[83] Фридриха вычистит этот выводок копий. Я изучал неврологию в Вене, у профессора Фингерботтома... он знал каждый нерв в человеческом теле. Изумительный старикашка... Кончил крайне неприятно... Его выпадающий геморрой вырвался из “Испано-Сюизы” герцога де Вентра и обмотался вокруг заднего колеса. Старик был полностью выпотрошен, а на обитом жирафьей шкурой сиденье осталась пустая скорлупа... Вылетели с отвратительным хлюпаньем даже глаза и мозг. Герцог де Вентр говорит, что перенесет этого хлюпнувшего страдальца в свой мавзолей.

Поскольку надежного способа обнаружения замаскированной копии не существует (хотя у каждого дивизиониста есть метод, который он считает безотказным), все дивизионисты – истеричные параноики. Если кто-то из граждан отважится открыто защищать свои либеральные убеждения, другой обыватель неизменно рычит: «Ты что, отбеленная копия какого-нибудь вонючего ниггера?»

Поражает число убитых и раненых после драк в барах. Страх перед негритянскими копиями – которые могут оказаться голубоглазыми блондинами – уничтожил население целых регионов. Все дивизионисты – тайные или явные гомосексуалисты. Злостные старые гомики говорят молодым ребятам: «Если свяжетесь с женщиной, ваши копии перестанут расти». А на культуры копий, принадлежащие кому-нибудь другому, обыватели то и дело напускают порчу. За выкриками типа: «Хочешь сглазить мою культуру, курица ощипанная!» – следуют шумовые эффекты нанесения увечий, звенящие на весь квартал... Дивизионисты крайне увлечены черной магией, они знают бесчисленное множество заклинаний различной силы, которые применяют для уничтожения Материнской Клетки, – известной также как Протоплазменный Папаша, – пытая или убивая взятую в плен копию... Власти в конце концов оставили попытки контролировать такие преступления дивизионистов, как убийство и нелицензированное производство копий. И все-таки они устраивают предвыборные облавы и уничтожают многочисленные культуры копий в горных районах Зоны, где скрываются копии-контрабандисты.

Секс с копией строго запрещен и почти повсеместно практикуется. Существуют гомик-бары, где бесстыжие обыватели открыто общаются со своими копиями. Штатные детективы суют головы в гостиничные номера: «Нет ли у вас тут копий?»

В барах, подверженных наплыву копий-любовников низкого происхождения, вывешивают объявления со знаками повтора: “–//– Здесь Не Обслуживаются”... Можно утверждать, что средний дивизионист живет, пребывая в непрерывном кризисе, на грани страха и ярости, не в силах достичь ни самодовольного благодушия сендера, ни бесцеремонной развращенности ликвифакционистов... На практике, однако, эти партии не разделены, а смешаны во всевозможных сочетаниях.

Фактуалисты являются антиликвифакционистами, антидивизионистами и, прежде всего, антисендерами.

Бюллетень объединенных фактуалистов по вопросу о копиях: «Мы должны отказаться от поспешного решения наводнить планету “желательными копиями”. Наличие неких желательных копий в высшей степени сомнительно. Подобные существа свидетельствуют о попытке нарушить и обойти естественный ход вещей. Даже самые разумные и генетически совершенные копии будут, по всей вероятности, представлять собой страшную угрозу жизни на нашей планете...»

ПБ – Предварительный бюллетень по поводу сжижения – ликвифакции: «Мы не должны ни отвергать, ни отрицать нашу протоплазменную сущность, мы неизменно прилагаем усилия к тому, чтобы достичь максимальной гибкости без впадания в болото разжижения...» Предварительный и Незавершенный бюллетень: «Подчеркиваем: мы не против телепатических исследований. Более того, телепатия, должным образом применяемая и понимаемая, сможет стать надежной защитой от любой формы организованного насилия и тирании со стороны влиятельных кругов или отдельных контроломанов. Мы выступаем как против атомной войны, так и против применения подобных познаний для контроля, подавления, унижения достоинства, эксплуатации или уничтожения индивидуальности другого живого существа. По своей природе телепатия не является односторонним процессом. Попытки установить одностороннюю телепатическую трансляцию должны рассматриваться как безоговорочное зло...»

ОБ – Окончательный бюллетень: «Сендер будет характеризоваться отрицательными величинами. Областью низкого давления, засасывающей пустотой. Он будет зловеще безымянным, безликим, бесцветным. Не исключено, что он родится с гладкими дисками кожи вместо глаз. Он всегда знает, куда направляется, как знает это вирус. В глазах ему нет нужды».

– Почему же сендер должен быть только один?

– Поначалу-то их много. Но это ненадолго. Некоторые наивные обыватели решат, что смогут послать нечто назидательное, не сознавая, что посыл есть зло. Ученые скажут: «Посыл подобен атомной энергии... Надо лишь должным образом его использовать». В этот момент анальный техник разводит себе соду и включает рубильник, превращая землю в космическую пыль. («Отрыжка... этот пердеж и на Юпитере будет слышен».) Художники перепутают посыл с творчеством. Они будут выпендриваться и кричать о “новых средствах выражения”, пока не утратят всё свое мастерство... философы будут до хрипоты спорить о целях и средствах, так и не поняв, что посыл никак не может быть средством достижения ничего иного, кроме как еще более мощного посыла. Как Джанк. Попробуйте употребить джанк в качестве средства для чего-то иного... Некоторые обыватели с контролируемыми привычками к “кока-коле с аспирином” будут говорить о злых чарах посыла. Но никто и ни о чем не будет говорить слишком долго. Сендер – он разговоров не любит.

Сендер не является человеческой индивидуальностью... Это Человеческий Вирус. (Все вирусы – это выродившиеся клетки, ведущие паразитическое существование... Особое влечение они испытывают к Материнской Клетке. Так, выродившиеся клетки печени стремятся попасть в вотчину гепатита и т. д.Короче, у каждого вида есть Вирус-Господин: Выродившийся Образ этого вида.)

Сокрушенный образ Человека вновь, минуту за минутой и клетку за клеткой, отвоевывает свои позиции... Нищета, ненависть, война, полиция-преступники, бюрократия, безумие – всё это симптомы заражения Человеческим Вирусом.

В настоящее время появилась возможность выделить Человеческий Вирус и подвергнуть его специальному лечению.

СЕКРЕТАРЬ ОКРУГА

Кабинет Секретаря Округа находится в громадном здании красного кирпича, известном как Старое Здание Суда. Там действительно слушаются гражданские дела, причем судопроизводство безжалостно затягивается до тех пор, пока противники не умирают или не отказываются от тяжбы. Это происходит из-за несметного количества документов, касающихся абсолютно всего на свете; все они хранятся в полном беспорядке, поэтому никто, кроме Секретаря Округа и его помощников, не в состоянии их найти, а сам он, бывает, тратит на эти поиски долгие годы. И в самом деле, он до сих пор разыскивает материалы, относящиеся к делу о взыскании убытков, производство которого было прекращено в 1910 году. Большая часть Старого Здания Суда давно превратилась в руины, а та, что еще сохранилась, из-за частых обрушений крайне опасна. Наиболее рискованные миссии Секретарь Округа доверяет своим помощникам, многие из которых лишились жизни на службе. В 1912 году двести семь помощников были погребены под обломками северо-северо-восточного крыла.

Когда против жителя Зоны возбуждается дело, его адвокаты потворствуют тому, чтобы оно было передано в Старое Здание Суда. Как только это сделано, истец уже проиграл процесс, поэтому в Старом Здании Суда слушаются только дела, спровоцированные чудаками и параноиками, которые требуют “публичного разбирательства”, чего добиваются редко, поскольку лишь острая нехватка новостей приведет в Старое Здание Суда репортера.

Старое Здание Суда расположено в поселке Пиджин-Хоул, за пределами городской зоны. Обитатели этого поселка и окружающей его местности с ее болотами и густыми лесами – люди столь слабоумные, с такими дикими повадками, что Администрация сочла целесообразным изолировать их в резервации, огороженной радиоактивной стеной из железных блоков.

В отместку жители Пиджин-Хоула оклеивают свой поселок плакатами: “Горожанин, смотри, чтобы закат не застал тебя здесь”,– предписание бессмысленное, так как ничто, кроме неотложного дела, не привело бы в Пиджин-Хоул ни одного горожанина.

У Ли дело неотложное. Он должен немедленно подтвердить под присягой письменное признание в том, что страдает бубонной чумой, и таким образом избежать выселения из дома, который занимает десять лет, не внося квартирной платы. Он существует в вечном карантине. Вот он и набивает чемодан письменными показаниями и прошениями, предписаниями и характеристиками и автобусом добирается до Границы. Городской таможенный инспектор пропускает его взмахом руки: «Надеюсь, у тебя в чемодане атомная бомба».

Ли проглатывает пригоршню успокаивающих пилюль и входит в таможенный ангар Пиджин-Хоула. Инспектора три часа роются в его бумагах, справляясь в пыльных книгах инструкций и пошлин, из которых они зачитывают невразумительные и зловещие выдержки, неизменно заканчивающиеся словами: «А

посему подвергается штрафу и наказанию согласно Постановлению 666». Они многозначительно глядят на Ли.

Они просматривают его бумаги через увеличительное стекло.

– Иногда между строк попадаются грязные стишки.

– Может, он задумал распродать всё это на туалетную бумагу. Этот мусор нужен лично тебе персонально?

– Да.

– Он говорит, да.

– А откуда нам это знать?

– У меня есть письменное свидетельство.

– Ну и хитрец. Раздевайся.

– Ага, может, у него неприличные наколки.

Они шарят по его телу, зондируя задницу на предмет контрабанды и обследуя ее в поисках доказательств педерастии. Они смачивают его волосы, а воду отправляют на анализ.

– Может, у него в волосах наркотик.

Наконец они конфискуют его чемодан, и он выходит из ангара, сгибаясь под тяжестью пятидесятифунтовой кипы документов.

На сгнивших деревянных ступенях Старого Здания Суда сидит примерно дюжина Судейских. Они наблюдают за его приближением взглядами бледно-голубых глаз, медленно поворачивая головы на морщинистых шеях (морщины забиты пылью), следуя за ним взглядом вверх по ступеням и в дверь. Внутри пыль густым туманом повисла в воздухе, падает с потолка, клубами поднимается с пола от его шагов. Он взбирается вверх по шаткой лестнице – признана негодной в 1929 году. Один раз ступив проваливается, и в мясо его ноги впиваются сухие щепки. Лестница заканчивается малярными лесами, с помощью веревки и шкивов прикрепленными к балке, почти невидимой в пыльном отдалении. Он осторожно втискивается в кабину чертова колеса. Его вес приводит в движение гидравлический механизм (звук струящейся воды). Колесо плавно и бесшумно движется, чтобы остановиться у ржавого железного балкона, местами протертого насквозь, как подметка старого башмака. Он идет по длинному коридору с двумя рядами дверей, большинство из которых заколочено досками, а то и просто гвоздями. В одном из кабинетов – “Ближневосточные острые ощущения” на позеленевшей медной табличке – ловит термитов своим длинным черным языком Отщепенец. Дверь кабинета Секретаря Округа открыта. Секретарь Округа сидит в кольце шестерых помощников и жует

нюхательный табак. Ли стоит в дверях. Секретарь Округа, не обращая на него внимания, продолжает говорить:

– Тут на этих днях наткнулся я на Теда Спигота... тоже славный малый. Нет лучше парня в Зоне, чем Тед Спигот... Да, вспомнил, это была пятница, моя Старуха как раз страдала менструальными коликами, и я пошел в аптеку Дока Паркера на Делтон-стрит, что напротив Добропорядочного массажного кабинета Мамы Грин, где раньше была старая платная конюшня Джеда... Ну Джеда, забыл фамилию, он еще слегка косил на левый глаз, а жена у него откуда-то с Востока, из Алжира, что ли, а как Джед помер, она снова выскочила замуж и нынче замужем за кем-то из Хутов, за Клемом Хутом, если память не изменяет, тоже славный малый, ну а Хуту в то время было года пятьдесят четыре, а то и все пятьдесят пять… Так вот, я и говорю Доку Паркеру: «Моя старуха сильно мучается менструальными коликами. Продай-ка мне пару унций опийной настойки».

А Док Паркер и говорит: «Ладно, Арч, только ты обязан надписать книгу. Имя, адрес и дата покупки. Такой порядок».

Тут я и спросил Дока, какой сегодня день, а он сказал – пятница, тринадцатое.

Я и говорю: «Сдается мне, я уже свое отмучился».

«Вот-вот, – говорит Док, – заходил тут ко мне с утра один паренек. Явно городской. Уж больно пестро одет. Так вот, выкладывает он мне рецепт на мейсоновскую[47] банку морфы... Ну просто умора, а не рецепт, на туалетной бумаге... А я ему так впрямую и говорю: “Мистер, я подозреваю, что вы наркоман”».

«У меня ногти на ногах растут внутрь, папаша. Я в агонии», – говорит он.

«Ладно, – говорю. – Должен же я проявлять осторожность. Но раз уж у вас уважительная причина и рецепт от официозно признанного врача со справкой, почту за честь вас обслужить».

«Тот коновал и верно псих, справка имеется», – говорит он... А мне сдается, одна рука не знала, что делает другая, раз я по ошибке дал ему банку саночистителя... Так что, как ни крути, а он-то свою пятницу поимел.

«Самое оно для прочистки крови».

«Знаешь, и мне пришло в голову то же самое. Все-таки лучше серы с черной патокой... Слушай-ка, Арч, только не подумай, что я сую нос в чужие дела, но от Бога и аптекаря у человека секретов нет, я всегда так говорю... Ты все еще потягиваешь Старую Серую Кобылу?»

«Однако, Док Паркер... Ставлю вас в известность, что я человек семейный и являюсь старостой в Первой Несекстарианской Церкви. Я не имел ни кусочка лошадиной жопы с тех пор, как мы были детишками».

«Вот были времена, Арч! Помнишь, как-то раз я взял да и подмешал горчицу в гусиный жир? Всегда кто-то хватает не ту банку, сам знаешь. Визжал ты так, что аж в округе Пизд-Лиз слыхали, визжал прямо как горностай с отрезанными камушками».

«У тебя что, Док, мозги не на месте? Горчицу-то слопал ты, а мне пришлось дожидаться, пока ты не утихомиришься».

«Всё это досужий бредень, Арч. Это выраженьице я как-то вычитал в журнале, когда сидел в зеленом сортире за станцией... А вопроса моего ты и вовсе не понял... Старая Серая Кобыла – это же твоя женушка... Я хочу сказать, она уже не та, что прежде, со всеми этими карбункулами, катарактами, ознобышами, геморроем и афтозом».

«Да, Док, Лиз и верно нездорова. Так и не поправилась после одиннадцатого выкидыша... В тот раз вообще что-то странное уродилось. Док Феррис и не скрывал, он сказал: "Ни к чему тебе, Арч, смотреть на это существо". И такой долгий взгляд мне выдал, аж мурашки по коже... Да, Док, ты не ошибся. Она уже не та, что прежде. Да и от лекарств твоих ей вовсе не легче. Она даже день с ночью начала путать с тех пор, как стала принимать те глазные капли, что ты продал ей в прошлом месяце... Однако, Док, ставлю тебя в известность, что я уже давно не потягиваю Лиз, старую корову, хотя как мать моих дохлых уродцев глубоко ее уважаю. Я ведь подцепил одну пятнадцатилетнюю милашку... Да ты же знаешь ту желтую девчонку, что работала в Салоне Выпрямления Волос и Отбеливания Кожи у Мерилу, там, в Ниггер-тауне».

«Так ты пощипываешь ту сдобную цыпочку, Арч? Ту сдобную негритяночку?»

«Да мы просто неразлучны, Док. Неразлучны. Ну ладно, как говорится, долг – что шило в жопе. Пора возвращаться к своей старой шестеренке».

«Бьюсь об заклад, ее надо хорошенько смазать».

«Вот уж точно сухая дыра, Док... Ну ладно, благодарю за опийную настойку».

«А тебя, Арч, благодарю за покупку... Хи-хи-хи... Слушай, Арчи, мальчик мой, как-нибудь ночью, когда тебе станет совсем невмоготу без ржавого товара, забеги ко мне выпить йохимбинчика».

«Так и сделаю, Док. Можешь не сомневаться. Это будет прямо как в старые времена».

Ну и вот, пришел я, значит, обратно домой, согрел воды, смешал опийную настойку с гвоздикой, корицей и лаврушкой, дал все это Лиз, и, сдается мне, ей полегчало. По крайней мере она перестала меня изводить... Ну а потом я опять зашел к Доку Паркеру – резинку купить... и только вышел, как наткнулся на Роя Бейна – тоже славный малый. Лучше парня, чем Рой Бейн, во всей Зоне не сыщешь... А он мне и говорит: «Видишь, Арч, вон того старого ниггера там, на том пустыре? Так вот, верно, как то, что есть дерьмо и налоги, – он приходит туда каждый вечер в одно и то же время, хоть часы сверяй. Видишь, вон он, за той крапивой? Каждый вечер в

полдевятого он приходит на одно и то же место и трет себя до дыр стальной стружкой... Это у него вроде как вместо проповеди».

Вот так я и узнал, который там стукнул час в ту пятницу, тринадцатого, ну а минут через двадцать, самое большее – через полчаса, я взял в лавке Дока немного шпанской мушки, и она начала действовать на меня у Гренельского болота, что на самой дороге в Ниггер-таун... Там, где это болото уходит в сторону, раньше стояла негритянская лачуга… А самого ниггера сожгли в Пизд-Лизе. Он подхватил афтоз и от него совсем ослеп... А одна белая девица из Тексарканы визжит:

«Рой, этот старый ниггер так противно на меня смотрит! Силы земные, мне кажется, я с ног до головы в грязи».

«Ну что ты, милочка, не волнуйся по пустякам. Мы с ребятами его сожжем».

«На медленном огне, радость моя. На медленном. Уж избавь меня от этой головной боли».

Они и сожгли ниггера, потом тот малый забрал свою жену и укатил назад в Тексаркану, а за бензин не заплатил. А старая Сплетница Лу, что держит станцию обслуживания, всю осень только и твердила: «Эти городские являются сюда, сжигают ниггера и даже не расплачиваются за бензин».

Ну а Честер Хут разобрал лачугу того ниггера и снова поставил ее позади своего дома в Блед-Вэлли. Занавесил все окна черной материей, а что внутри творится – об этом лучше помолчим... Больно уж странные у этого Честера привычки... Да, короче, было это как раз там, где раньше стояла лачуга ниггера, прямо напротив дома Старика Брукса, который каждую весну сносит наводнением, только тогда Брукс там еще не жил... Там жил малый по фамилии Скрэнтон. А участок тот размежевали еще в 1919 году... полагаю, вам известно, что этим делом занимался и ваш хозяин... А парень по имени Хамп Клэренс попутно колдовал с водой и рыл колодцы... Тоже славный малый, лучше парня, чем Хамп Клэренс, в Зоне не сыщешь... Вот именно там или где-то около я и наткнулся на Теда Спигота, он дрючил какого-то грязного уличного молокососа.

Ли откашлялся. Секретарь взглянул на него поверх очков:

– Если позволишь, приятель, сперва я договорю, а потом займусь твоим делом.

И он окунулся в историю о том, как ниггер подхватил гидрофобию от коровы:

– Папаша мне и говорит: «Брось свои дела, сынок, пойдем глянем на этого полоумного ниггера...» – ниггера того приковали цепью к кровати, и он голосил, как корова... Насмотрелся я на этого черномазого вволю. Ну что ж, прошу извинить, но у меня дела в Тайном Совете. Хи-хи-хи!

Ли в ужасе слушал. Секретарь Округа нередко уединялся и неделями удовлетворял тайную страсть к скорпионам и каталогам универмагов Монтгомери. Бывало и такое,

что помощники взламывали дверь и выносили его на воздух в состоянии крайнего истощения. Ли решил пустить в ход свой последний козырь.

– Мистер Анкер, – сказал он, – я обращаюсь к вам как один Южный Боров к другому, – и он извлек из кармана членский билет общества Южных Боровов, напоминание о своих юношеских годах, когда он шарил по карманам пьянчуг.

Секретарь недоверчиво взглянул на билет:

– Что-то не похож ты на настоящего откормленного Южного Борова... Что ты думаешь о евре-е-е-е-ях?..

– Сами знаете, мистер Анкер, еврей только и хочет, что отдудонить молодую христианку... В один прекрасный день мы с этим покончим.

– Ну что ж, для городского парня ты рассуждаешь разумно... Выясните, чего он хочет, и всё сделайте... Он славный малый.

ИНТЕРЗОНА

Единственным уроженцем Интерзоны, который никого не домогается сам и никому не нужен, является шофер Эндрю Кейфа, и со стороны Кейфа это не жеманство и не извращение, а удобный предлог для разрыва отношений со всеми, кого он не желает видеть: «Вчера вечером вы пытались заигрывать с Паукообразом. В своем доме я вас больше принимать не смогу». Люди в Зоне то и дело отключаются, неважно, пьют они или нет, и ни один не может наверняка сказать, что не приставал к столь малопривлекательной персоне, как Паукообраз.

Паукообраз – никчемный шофер, едва способный управлять автомобилем. Как-то раз он сбил беременную женщину, ковылявшую с гор с мешком древесного угля за спиной, и та прямо на улице выкинула окровавленного мертвого ребенка, а Кейф вышел, уселся на обочину и, помешивая палкой кровь, принялся дожидаться, когда полиция, допросив Паукообраза, арестует наконец женщину за нарушение Санитарного кодекса.

Паукообраз – отталкивающе уродливый молодой человек с вытянутым лицом странного синевато-серого цвета. У него крупный нос и огромные желтые лошадиные зубы. Подыскать привлекательного шофера может кто угодно, но Эндрю Кейф не нашел бы никого, кроме Паукообраза. Кейф – блестящий молодой романист-декадент, живущий в перестроенной уборной близ публичных домов туземного квартала.

Зона – это одно громадное строение. Стены комнат сооружены из пластичного цемента, который деформируется, давая людям пристанище, однако если одна из комнат переполнена, раздается негромкий шлепок и кто-нибудь прямо сквозь стену протискивается в соседнее жилище, то есть на соседнюю кровать, поскольку комнаты состоят в основном из кроватей, на которых и заключаются все торговые сделки Зоны. От гула секса и коммерции Зона ходит ходуном, как огромный растревоженный улей:

– Две трети от процента. От этой цифры я не отступлюсь даже ради моих мужланов.

– Но где накладные, любимый?

– Не там, где ты их ищешь, милый. Это же так ясно.

– Партия джинсов в комплекте с накладными грудями. Сделано в Голливуде.

– В Голливуде, Сиам.

– Шикарного американского покроя.

– Какие комиссионные?.. Комиссионные... Комиссионные.

– Да, золотко, судно, груженное K-Y[8], сделанным в Южной Атлантике из натурального китового дрека, которое в настоящее время содержится Министерством

здравоохранения на карантине в Тьерра дель Фуэго. Комиссионные, дорогуша! Если мы сумеем его оттуда вытащить, то заживем припеваючи. (Китовый дрек – это признанное вредным вещество, которое образуется в процессе разделки кита и выдерживания его на солнце. Отвратное рыбное месиво, запах которого разносится на много миль. Никто еще не нашел ему применения.)

Сделку с этим K-Y прибрала к рукам компания “Interzone Imports Unlimited”, которая состоит из Марви и Лейфа Неудачника. Вообще-то они специализируются на фармацевтических препаратах, а на стороне держат круглосуточный профилактический пункт, охватывающий все шесть случаев от носа до кормы. (В настоящее время известно шесть независимых друг от друга венерических заболеваний.)

С головой окунувшись в сделку, они оказывают конфиденциальные услуги страдающему спастическим[71] параличом представителю греческого торгового флота и целой смене таможенных инспекторов. Компаньоны никак не могут поладить и в конце концов доносят друг на друга в Посольство, откуда их отсылают в Отдел “Слушать-Не-Хотим-Об-Этом”, где от них в итоге отделываются, выгнав через черный ход на засранный пустырь, где грифы дерутся над рыбьими головами. Они в истерике молотят друг друга.

– Ты хочешь съебаться с моими комиссионными!

– Твоими комиссионными! А кто первый учуял выгоду?

– Но накладная-то у меня.

– Изверг! Зато чек будет выписан на мое имя.

– Ублюдок! Без гарантий, что я получу свою долю, ты накладной не увидишь.

– Может, лучше нам расцеловаться и помириться? Ведь не такой уж я мелочный скупердяй.

Они без особого энтузиазма обмениваются рукопожатиями и чмокают друг друга в щеку. Заключение сделки растягивается на много месяцев. Они заручаются услугами Экспедитора. Наконец Марви появляется с чеком на 42 туркестанских курда, выданным анонимным банком в Южной Америке, что позволит обойтись без пошлины в Амстердаме. Вся процедура займет около одиннадцати месяцев.

Теперь он может расслабиться в кафе на Площади. Он демонстрирует фотостатную копию чека. Разумеется, оригинал он ни за что не покажет, а не то какой-нибудь завистник, того и гляди, плеснет на подпись средством для выведения чернильных пятен или испортит чек как-нибудь по-другому.

Все упрашивают его поставить выписку и отметить это дело, но он лишь жизнерадостно смеется и говорит:

– Дело в том, что выпивку мне покупать уже не на что. Всех курдов до единого я истратил на пенстреп от триппера для Али. Он опять заболел от носа до кормы. Я чуть было не выпихнул этого маленького ублюдка прямо сквозь стену в соседнюю постель. Но вам-то всем известно, какой я сентиментальный старикашка.

Марви все-таки покупает себе рюмочку пива, выдавив из своей ширинки на столик почерневшую монетку: «Сдачи не надо». Официант сметает монетку в совок для мусора, сплевывает на стол и удаляется.

– Брюзга! Он завидует мне из-за чека.

По словам Марви, в Интерзону он приехал «за год до незапамятных времен». Он «для блага службы» ушел в отставку с точно не установленного поста в Госдепе. Вероятно, в молодости он был не лишен привлекательности, но теперь его лицо обрюзгло, а подбородок провис складками, напоминающими оплывшую свечу. Он становился тяжеловат в бедрах.

Лейф Неудачник – высокий тощий норвежец с повязкой на глазу, лицо его застыло в неизменной глупой, заискивающей улыбке. За ним тянется эпическая сага безуспешных предприятий. Он терпел неудачи с разведением лягушек, шиншиллы, сиамских бойцовых рыб, китайской крапивы и искусственного жемчуга. Разными способами и без успеха он пытался воплотить в жизнь идею Кладбища “Пташка Любви” с Гробами на Двоих, монополизировать рынок презервативов во время нехватки резины, содержать публичный дом с заказами по почте, выпускать пенициллин в качестве патентованного лекарства. Он следовал гибельным системам заключения пари в казино Европы и на ипподромах США. Под стать невезению в делах были и невероятные превратности его личной судьбы. В Бруклине озверевшие американские моряки выбили ему ногами передние зубы. Глаз выклевали грифы, когда он выпил пинту опийной настойки и вырубился в Панамском городском парке. Он пять дней просидел в лифте между этажами, испытывая круглосуточную тягу к джанку, и перенес приступ белой горячки, когда плыл на пароходе без билета в солдатском сундучке. Кроме того, однажды в Каире он свалился с заворотом кишок, прободной язвой и перитонитом, а больница была так переполнена, что его положили в отхожем месте, и хирург-грек накачался нембуталом и зашил в нем живую обезьяну, после чего его выебала целая толпа санитаров-арабов, а один санитар стащил пенициллин, подменив его на саночнститель; в другой раз он получил триппер в жопу, и самодовольный английский врач лечил его клизмой с горячей серной кислотой, а немецкий специалист по технологической медицине удалил ему аппендикс ржавым консервным ножом и ножницами для жести (теорию микроорганизмов он считал «чепухой»). Потом, упоенный успехом, он принялся щелкать ножницами и вырезать все, что попадется на глаза: «Тело человека заполнено не необходимыми органами. Ты можешь обойтись одной почкой. Мы иметь две? Да, это есть почка... Внутренние органы не должны так тесно вместе толпиться. Им, как и фатерлянду, нужно жизненное пространство».

Экспедитору еще не заплатили, и Марви предстояло одиннадцать месяцев, до тех пор, пока не будет оплачен чек, водить его за нос. Ходили слухи, что Экспедитор родился на Пароме, между Зоной и Островом. Его специальностью было ускорение

доставки товаров. Никто толком не знал, была ли от его услуг какая-то польза, и одно лишь упоминание его имени вызывало споры. Приводились доказательства как его чудодейственной расторопности, так и полнейшей никчемности.

Остров, расположенный неподалеку от Зоны, был британской военно-морской базой. Англия удерживает Остров с помощью ежегодного договора о бесплатной аренде, и каждый год этот договор и разрешение на пребывание возобновляются по всей форме. Все население собирается на городской свалке, присутствие обязательно. Президент Острова, как того требует обычай, должен проползти на брюхе по мусору и вручить Разрешение на пребывание и Возобновленный договор об аренде, подписанные каждым гражданином Острова, Губернатору-Резиденту, который стоит, блистая парадным мундиром. Губернатор принимает разрешение и запихивает его в карман кителя.

– Ну что ж, – говорит он с натянутой улыбкой, – похоже, вы решили позволить нам остаться еще на год? Очень мило с вашей стороны. И все этим довольны?.. Может, кто-нибудь недоволен?

Солдаты в джипах неторопливыми ищущими движениями скользят по толпе дулами пулеметов.

– Все довольны. Что ж, превосходно. – Он радостно поворачивается к поверженному ниц Президенту. – А бумаги ваши я сохраню на тот случай, если припрет. Ха-ха-ха!

Его громкий металлический хохот звенит по всей свалке, и вместе с ним под шарящими дулами смеется толпа. На Острове добросовестно соблюдаются все формальности демократии. Существуют Сенат и Конгресс, они проводят бесконечные сессии, где обсуждают удаление мусора и инспектирование уборных – единственные два вопроса, на которые распространяется их юрисдикция. В середине девятнадцатого века им было какое-то время разрешено контролировать Отдел Охраны Бабуинов, но затем они были лишены этой привилегии ввиду абсентеизма в Сенате.

Лиловозадые бабуины из Триполи были завезены на Остров пиратами в XVII столетии. Легенда гласит, что когда бабуины покинут Остров, он падет. Перед кем и каким способом, не уточняется, однако убийство бабуина карается смертной казнью, а из-за гнусного поведения этих животных граждане теряют остатки терпения. Время от времени кто-нибудь, впав в исступление, убивает нескольких бабуинов и себя.

Пост Президента навязывается только особо гнусным и непопулярным гражданам. Избрание Президентом – самые большие несчастье и позор из всех, что могут постигнуть островитянина. Унижения и бесчестье таковы, что мало кто из Президентов дожил до окончания своих полномочий – как правило, через год-другой они умирают по причине сломленного духа. Экспедитор однажды был Президентом и прослужил все пять лет своего срока. Впоследствии он сменил имя и подвергся пластической операции, дабы как можно глубже упрятать память о своем позоре.

– Да, конечно... мы вам заплатим, – говорил Экспедитору Марви. – Но не торопитесь. Не исключено, что придется немного подождать...

– Не торопитесь! Подождать!.. Послушайте...

– Знаю, знаю. Ссудная касса снова изымает у вашей жены искусственную почку... А бабушку вашу они выселяют из железных легких.

– Это просто бестактно, старина... Сказать по правде, я жалею, что ввязался в это дело. В этом треклятом жире слишком много карболки. Как-то на прошлой неделе я был на таможне. Сунул в бак ручку от метлы, и жир тут же отъел конец. Да еще и вонь с ног сшибает – того и гляди, шлепнешься на свою злосчастную задницу. Вы бы прогулялись к порту.

– Я этого не сделаю, – проскрипел Марви. В Зоне, дабы не потерять положение в обществе, никогда не следует прикасаться и даже близко подходить к тому, что продаешь. Сделать это – значит возбудить подозрения в розничной торговле, то есть в том, что ты – обычный разносчик. Большая часть товаров продается в Зоне через уличных разносчиков.

– Зачем вы мне все это рассказываете? Это же просто омерзительно! Пускай об этом заботятся розничные торговцы.

– Вам-то хорошо, ребята, вы-то останетесь чистенькими. А мне приходится думать о своей репутации. Тут будет от чего поволноваться.

– Вы случаем не намекаете на то, что в этой операции есть нечто п р о т и в о з а к о н н о е?

– Да нет, не то чтобы п р о т и в о з а к о н н о е. Но что-то здесь нечисто. Явно нечисто.

– Отправляйся-ка обратно на свой Остров, пока он не пал! Думаешь, мы не знаем, что когда-то ты по пять песет торговал вразнос своей лиловой жопой в сортирах на Площади!

– И охотников тоже находилось немного, – оставил Лейф. Он произнес «тозе». Этого упоминания о своем островном происхождении Экспедитор вынести уже не смог... Он начал распрямляться, мобилизуя в себе воплощение самого невозмутимого из английских аристократов и готовясь ледяным тоном произнести сжатую “сокрушительную речь”, но взамен с языка у него сорвалось скулежное, визгливое рычание побитого пса. В радужном ореоле ослепительной ненависти показалось его дооперационное лицо... Отвратительными, сдавленными гортанными звуками островного диалекта он принялся изрыгать проклятия.

Все островитяне делают вид, что не знают этого диалекта, а то и наотрез отрицают его существование. «Мы есть британские, – говорят они, – мы не иметь никакой проклятый диалект».

В уголках рта Экспедитора собралась пена. Он отплевывался шариками слюны, напоминавшими кусочки ваты. Зеленым облаком его обволокло зловоние материализованной низости. У Марви с Лейфом задрожали коленки.

– Он сошел с у м а , – задыхаясь просипел Марви. – Пора отсюда валить.

Они дружно удирают, скрываясь в дымке, которая в зимние месяцы вьется над Зоной, как над холодными турецкими банями.

ОБСЛЕДОВАНИЕ

Карл Питерсон обнаружил у себя в ящике повестку с требованием к десяти часам явиться к доктору Бенуэю в Министерство Душевной Гигиены и Профилактики...

«Какого черта им от меня надо? – раздраженно подумал он... – Скорее всего, ошибка». Но он знал, что они не совершают ошибок... Особенно ошибок в установлении личности...

Карлу и в голову бы не пришло пренебречь вызовом, даже если бы неявка и не влекла за собой никакого наказания... Свободия была государством всеобщего благоденствия. Если гражданину хотелось чего-нибудь – от мешка костяной муки до партнера для секса, – соответствующее министерство готово было предложить эффективные услуги. Скрытая в таком всеохватывающем человеколюбии угроза подавляла всякую мысль о бунте...

Карл шел через Площадь Ратуши... В светящихся фонтанах купались никелированные обнаженные статуи шести футов высотой, с латунными гениталиями... Сооруженный из стеклоблоков и меди купол Ратуши врывался в небо.

Карл обернулся и уставился на американского туриста-гомосексуалиста, который тотчас потупил взор и принялся вертеть в руках светофильтры своей “лейки”...

Карл вошел в стальной, украшенный эмалевым узором лабиринт Министерства, шагнул к справочному столу... и предъявил свою повестку.

– Пятый этаж... Комната двадцать шесть...

В комнате двадцать шесть медсестра взглянула на него равнодушными подводными глазами.

– Доктор Бенуэй вас ждет, – сказала она, улыбаясь. – Входите.

«Будто ему делать нечего, кроме как ждать меня», – подумал Карл.

В кабинете стояла полная тишина, его заливал молочный свет. Доктор пожал Карлу руку, не поднимая взгляда выше уровня груди молодого человека...

«Я уже видел этого типа, – подумал Карл. – ...Но где?»

Он сел и положил ногу на ногу. Бросив взгляд на пепельницу на столе, он закурил... Он устремил на доктора пристальный вопрошающий взгляд, в котором сквозило нечто большее, чем простая дерзость.

Доктор казался растерянным... Он беспокойно ерзал и покашливал... и перебирал бумаги...

– Хм-хм, – произнес он наконец... – Ваше имя, полагаю, Карл Питерсон...

Его очки сползли на нос в пародии на профессорскую манеру держаться... Карл молча кивнул... Доктор не смотрел на него, но тем не менее, казалось, отметил подтверждение... Он пальцем затолкнул очки на место и открыл папку, лежавшую на крашенном белой эмалью столе.

– Мммммммммм. Карл Питерсон. – Он ласковым тоном повторил имя, поджал губы и несколько раз кивнул. Внезапно он снова заговорил: – Вы, конечно, знаете, что мы стараемся. Мы все стараемся. Иногда, разумеется, безуспешно. – Его голос удалился, сделавшись слабым и тонким. Он приложил ладонь ко лбу. – Употребить государство – которое является просто инструментом – для удовлетворения потребностей каждого отдельного гражданина. – Голос прогремел так неожиданно низко и громко, что Карл вздрогнул. – Это единственная функция того государства, каким мы его себе представляем. Наши знания... разумеется, неполные, – он сделал едва заметный пренебрежительный жест... – Например... например... затронем тему... э-э... сексуальных отклонений.

Доктор принялся раскачиваться в кресле взад-вперед. Его очки соскользнули на нос. Карл вдруг почувствовал себя неуютно.

– Мы рассматриваем их как несчастье... болезнь... разумеется, что-то запрещать или... э-э... разрешать тут можно не больше, чем, скажем... при туберкулезе... Да, – повторил он твердо, как будто Карл возразил... – При туберкулезе. С другой стороны, нетрудно понять, что любая болезнь возлагает определенные, ну, скажем, обязательства, определенные настоятельные требования профилактического свойства на органы власти, имеющие отношение к здравоохранению. Нечего и говорить, что подобные требования должны возлагаться при минимальных неудобствах и тяготах, грозящих несчастному индивидууму, который не по своей вине... э-э... заразился... То есть, разумеется, при минимальных тяготах, достаточных для защиты других индивидуумов, которые не в такой степени заражены... Мы не находим обязательную вакцинацию оспы неблагоразумной мерой... То же самое и с изоляцией определенных заразных больных... Я уверен, вы не станете отрицать, что индивидуумов, зараженных, хм-хм, как говорят французы, “Les Maladies galantes[84]”, хи-хи-хи, следует принуждать к лечению, если они не являются добровольно. – Доктор продолжал посмеиваться и раскачиваться в кресле, как заводная игрушка... Карл понял, что от него ждут каких-то слов.

– Это кажется разумным, – сказал он. Доктор прекратил посмеиваться. Неожиданно он застыл в неподвижности.

– Теперь вернемся к... э-э... вопросу сексуальных отклонений. Откровенно говоря, мы не делаем вида, что понимаем – по крайней мере до конца, – почему некоторые мужчины и женщины предпочитают... э-э... сексуальное общество одного с ними пола. Тем не менее мы знаем, что это... э-э... явление достаточно распространено и в определенных условиях является предметом... э-э... заботы нашего министерства.

Впервые взгляд доктора хлестнул по лицу Карла, и он увидел глаза без тени сердечного тепла, или ненависти, или любого чувства, которое Карл когда-либо испытывал сам либо видел в других, одновременно спокойные и настороженные,

хищные и бесстрастные. Карлу вдруг показалось, что в этой тихой, напоминающей подводную пещеру комнате он загнан в ловушку, отрезан от всех источников тепла и надежности. Его представление о самом себе, сидящем тут молча, настороженно, с тенью умело скрываемого презрения на лице, сделалось смутным, как будто жизненные силы оставили его, чтобы смешаться с молочно-серой средой комнаты.

– В настоящее время лечение этих расстройств, хм-хм, симптоматическое. – Доктор вдруг откинулся назад и разразился взрывами металлического хохота. Карл испуганно смотрел на него... «Этот человек – сумасшедший», – подумал он. Лицо доктора сделалось непроницаемым, как лицо картежника. У Карла возникло необычное ощущение в желудке – точно при неожиданной остановке лифта.

Доктор изучал лежавшие перед ним документы. Он заговорил довольным, слегка покровительственным тоном:

– Не делайте такого испуганного вида, молодой человек. Всего лишь профессиональная шутка. Сказать, что лечение симптоматическое, – значит сказать, что нет никакого, разве что больного заставляют чувствовать себя как можно уютнее. А именно этого мы и пытаемся добиться в подобных случаях. – И вновь Карл почувствовал на своем лице импульс холодного интереса. – То есть, допустим, ему возвращают уверенность в себе, когда такая уверенность необходима... и, разумеется, предоставляют соответствующую отдушину в виде общения с другими индивидуумами, имеющими подобные тенденции. Не требуется никакой изоляции... хоть это заболевание куда заразнее рака. Рак, моя первая любовь, – голос доктора сделался далеким и слабым. Казалось, он и в самом деле ушел в невидимую дверь, оставив за столом свое пустое тело.

Вдруг он вновь заговорил решительно и твердо:

– И вам наверняка интересно, с какой стати мы занимаемся этим вопросом? – Мелькнула улыбка, сверкающая и холодная, как снег на солнце.

Карл пожал плечами:

– Это меня не касается... мне интересно только одно: почему вы просили меня прийти сюда и зачем говорите мне всю эту... эту...

– Чепуху?

Карл почувствовал досаду, обнаружив, что краснеет.

Доктор откинулся назад и свел вместе кончики пальцев.

– Молодежь, – снисходительно произнес он. – Вечно она спешит. Возможно, когда-нибудь вы поймете всю важность терпения. Нет, Карл... Могу я называть вас Карлом? Я не уклоняюсь от ответа на ваш вопрос. В случае подозрения на туберкулез мы – то есть соответствующее ведомство – можем попросить, даже потребовать, чтобы тот или иной человек явился на флюороскопическое обследование. Таков порядок, вы же понимаете. Большинство этих обследований дает отрицательный результат. Так

вот, надо ли говорить, что вас попросили явиться сюда на психическую флюороскопию? Могу добавить: побеседовав с вами, я чувствую о т н о с и т е л ь н у ю уверенность в том, что результат будет фактически отрицательным...

– Но все это просто нелепо. Я всегда интересовался только девушками. Сейчас у меня есть постоянная девушка, и мы собираемся пожениться.

– Да, Карл, я знаю. И поэтому вы здесь. Анализ крови перед свадьбой – разумно это или нет?

– Прошу вас, доктор, говорите прямо.

Казалось, доктор не слышит. Он выплыл из кресла и принялся расхаживать позади Карла, голос его сделался слабым и прерывистым, как музыка в конце продуваемой ветром улицы.

– Могу строго по секрету сказать, что имеются определенные доказательства существования такого фактора, как наследственность. Давление общества. К сожалению, многие гомосексуалисты, как тайные, так и явные, все-таки женятся. Такие браки нередко влияют на... Коэффициент детского населения. – Голос доктора все звучал и звучал. Он говорил о шизофрении, раке, наследственном расстройстве гипоталамуса.

Карл погрузился в дремоту. Он открывал зеленую дверь. Легкие его наполнились отвратительным запахом, и он в ужасе очнулся. Голос доктора был на редкость монотонным и безжизненным – шелестящий джанковый голос:

– Флокуляционный анализ семени Клайберга-Станловски... инструмент диагностики... показателен, по крайней мере в отрицательном смысле. В определенных случаях полезен – рассматривается как часть общей картины... Вероятно, при данных о б с т о я т е л ь с т в а х... – Голос доктора вдруг зазвенел жалобным криком. – Сестра возьмет у вас… э-э... образец.

– Сюда, пожалуйста... – Сестра открыла дверь в одноместную палату с голыми белыми стенами. Она вручила ему банку. – Воспользуйтесь, пожалуйста, вот этим. Просто крикните, когда будете готовы.

На стеклянной полке стоял пузырек с K-Y[8]. Карл чувствовал себя таким пристыженным, как будто мать выложила перед ним его носовой платок. А на нем вышито нечто вроде скромного письмеца: «Будь я пиздой, мы могли бы открыть галантерейную лавку».

Не обращая внимания на K-Y, он изверг семя в банку, бесстрастно и грубо выебав встояка сестру – прижав ее к стене из стеклоблоков. «Старая Стеклянная Пизда», – он усмехнулся и увидел под северным сиянием пизду, полную разноцветных стеклянных осколков.

Он вымыл пенис и застегнул брюки.

Что-то с холодной презрительной ненавистью следило за каждой его мыслью и каждым движением, следило за ходом анализа, сокращениями его прямой кишки. Он находился в комнате, залитой зеленым светом, Там стояли деревянная двуспальная кровать, вся в пятнах, и черный шкаф с зеркалом во всю высоту. Карл никак не мог разглядеть своего лица. В черном гостиничном кресле кто-то сидел. На этом ком-то были крахмальная белая манишка и грязный бумажный галстук. Лицо распухшее, бескостное, глаза – как горящий гной.

– Что-нибудь не так? – безучастно спросила сестра, протягивая ему стакан воды.

Она с равнодушным презрением наблюдала за тем, как он пьет. С явным отвращением она взяла банку. Потом повернулась к нему.

– Вы что, ждете чего-то особенного? – рявкнула она. С Карлом еще никогда так не разговаривали в его взрослой жизни.

– Нет, а что...

– Тогда можете идти, – она снова повернулась к банке. С резким брезгливым возгласом она смахнула с руки каплю спермы. Карл пересек комнату и остановился у двери:

– Я должен прийти еще раз? Она взглянула на него с неодобрительным удивлением:

– Вас, разумеется, известят.

Стоя в дверях палаты, она наблюдала за тем, как он идет по коридору и открывает дверь. Он обернулся и попытался беспечно помахать рукой. Сестра не пошевелилась, выражение ее лица осталось прежним. Когда он спускался по лестнице, его лицо стыдом обожгла кривая притворная ухмылка. Турист-гомосексуалист посмотрел на него и понимающе вскинул бровь:

– Что-нибудь не так?

Карл вбежал в парк и нашел пустую скамейку возле бронзового фавна с цимбалами.

– Отведи душу, птенчик. Сразу полегчает. – Турист склонялся над ним, его фотоаппарат раскачивался перед глазами Карла, как большая отвисшая сиська.

– Да отъебись ты!

Карл увидел, как что-то подленькое и отвратительное отразилось в глазах гомика, карих глазах кастрированного животного.

– Ах, на твоем месте, цыпленочек, я бы не выражался. Ты ведь тоже на крючке. Я видел, как ты выходил из Заведения.

– Что ты имеешь в виду? – резко спросил Карл.

– Ах, ничего. Абсолютно ничего.

– Ну что ж, Карл, – начал доктор, улыбаясь и удерживая взгляд на уровне рта Карла. – У меня для вас хорошие новости. – Он взял со стола синий бумажный бланк и проделал сложную пантомиму, сосредоточивая на нем взгляд. – Ваш... э-э... анализ... флокуляционный анализ Робинсона-Клайберга...

– Я полагал, что это анализ Бломберга-Станловски.

Доктор захихикал.

– Да нет же... Вы забегаете вперед, молодой человек. Наверное, вы неправильно поняли. Бломберга-Станловски – это... э-э... совсем другой анализ. Я очень надеюсь... необязательный... – Он вновь захихикал. – Однако, как я уже говорил, прежде чем меня столь очаровательно прервал... мой, хм-хм, юный ученый коллега, кажется, ваш КС... – он держал бланк в вытянутой руке, – ...абсолютно отрицательный.

Поэтому мы, возможно, больше не будем вас беспокоить. Итак...

Он аккуратно вложил бланк в папку. Потом перелистал документы. Покончив с этой процедурой, он нахмурился и поджал губы. Закрыл папку, прижал ее ладонью к столу и наклонился вперед:

– Карл, когда вы служили в армии… вероятно… да и наверняка бывали длительные периоды, когда вы были лишены тех... э-э... утешений и возможностей, которые предоставляет нам прекрасный пол. В такие, несомненно, мучительные, тяжелые периоды у вас, вероятно, имелась фотография красотки?? А то и целого гарема?? Хи-хи-хи...

Карл взглянул на доктора с нескрываемым отвращением.

– Да, конечно, – сказал он. – И не у меня одного.

– А теперь, Карл, я хотел бы показать вам несколько изображений девочек. – Он извлек из ящика стола конверт. – И попросить вас, если можно, выбрать ту, которой вы больше всего хотели бы... э-э... заняться. Хи-хи-хи... – Внезапно он наклонился вперед, веером держа фотографии перед глазами Карла, – Выбирайте девочку, любую девочку!

Карл вытянул руку и онемевшими пальцами коснулся одной из фотографий. Доктор положил снимок обратно в пачку, перетасовал и снял колоду, сунул пачку в досье Карла и резко хлопнул по нему ладонью. Потом разложил фотографии перед Карлом изображением вверх.

– Здесь она есть? Карл покачал головой:

– Конечно, нет. Она внутри, где ей и подобает быть. Где место женщины??? – Он открыл досье и показал фото девушки, прикрепленное к таблице тестов Роршаха[85].

– Это она?

Карл молча кивнул.

– У вас хороший вкус, мой мальчик. Могу строго по секрету сказать, что некоторые из этих девочек... – пальцами профессионального игрока он разложил фотографии на пассы трехкартного монте[86] – на самом-то деле мальчики. В бабском наряде, полагаю, так это называется??? – Брови его взмыли вверх и с невероятной скоростью опустились. До Карла не сразу дошло, что он видит нечто необычное. На бесстрастном лице доктора не дрогнул ни один мускул. И вновь Карл испытал в желудке и гениталиях то же плавающее ощущение внезапной остановки лифта.

– Да, Карл, кажется, вы блестяще преодолеваете нашу маленькую полосу препятствий... По-моему, вы считаете все это довольно глупым. Так или нет?

– Говоря по правде... да...

– Вы откровенны, Карл... Это хорошо... А теперь... Карл… – Он растянул имя ласково, точно обходительный сыщик-мошенник, собирающийся угостить вас “Old Gold” (и как только копы могут курить эти “Old Gold”?) и входящий в роль...

Сыщик-мошенник исполняет короткое танцевальное па.

– Почему бы вам не предложить Человеку сделку? – Он резко поворачивает голову в сторону своего свирепого супер-эго, о котором всегда говорит в третьем лице как о “Человеке” или “Лейтенанте”.

– Таков уж Лейтенант – если вы честно играете с ним, он честно играет с вами... Нам бы не хотелось на вас давить... Если б вы могли нам как-то помочь. – Его слова достигают бесплодной пустыни кафетериев, темных закоулков и закусочных. Джанки отворачиваются, чавкая сдобным тортом.

– Педрила «сгнил».

Ошалевший от чумовых колес Педрила, высунув язык, тяжело опускается в гостиничное кресло.

Он встает в нембутальном трансе и вешается, не меняя выражения лица и не втягивая языка.

Сыщик подергивается на пуфике.

– Знаешь Марти Стила? – Подергивание.

– Да.

– Можешь его сдать? – Подергивание. Подергивание.

– Он никому не доверяет.

– Но ты можешь на него выйти. – Подергивание. Подергивание. – Ты же встречался с ним на той неделе, верно? – Подергивание.

– Да.

– Так можешь встретиться и на этой. – Подергивание... подергивание... подергивание... – Ты можешь встретиться с ним сегодня. – Нет подергивания.

– Нет! Нет! Только не это!!

– Слушай-ка, ты собираешься сотрудничать??? – Три злобных подергивания. – А не то... Человек тебе жопу порвет!!! – Он вскидывает сросшиеся брови.

– Итак, Карл, будьте добры, скажите мне, сколько раз и при каких обстоятельствах вы... э-э... позволяли себе участвовать в гомосексуальных актах??? – Его голос уносится вдаль. – Если вы никогда этого не делали, я буду склонен считать вас до некоторой степени нетипичным молодым человеком. – Доктор грозит недоступно далеким пальцем. – В любом случае... – Он похлопал ладонью по досье и бросил на Карла гнусный плотоядный взгляд, Карл заметил, что толщина досье составляет не менее шести дюймов. Казалось, что с тех пор, как он вошел в комнату, оно сильно разбухло.

– Ну, когда я проходил воинскую службу... Эти гомосеки делали мне грязные предложения, и иногда... когда я оказывался на мели...

– Ну конечно, Карл! – пронзительно вскричал доктор. – В вашем положении я сделал бы то же самое, чего скрывать, хи-хи-хи... Ну что ж, полагаю, этот... э-э... популярный способ пополнения… э-э... казны можно... э-э... отбросить как не относящийся к делу. И все же, Карл, бывали, вероятно, – одним пальцем он постучал по досье, которое испустило слабые миазмы заплесневелых суспензориев и хлорки, – и другие случаи. Когда не затрагивались... э-э... экономические факторы.

В голове Карла вспыхнул зеленый свет. Он увидел смуглое худое тело Ханса – прижавшееся к нему, – и ощутил на своем плече частое дыхание. Зеленый свет погас. В его руке корчилось какое-то громадное насекомое.

Все его существо устремилось прочь в электрической судороге отвращения.

Карл вскочил на ноги, дрожа от ярости.

– Что вы там пишете? – резко спросил он.

– И часто вы дремлете подобным образом??? В разгар беседы?..

– Я вовсе не спал.

– Не спали?

– Просто все это нереально... Теперь я ухожу. Мне все равно. Вы не заставите меня остаться.

Он шел через всю комнату к двери. Он шел уже давно. С трудом волоча ноги, он пытался преодолеть ползучее оцепенение. Казалось, дверь удаляется.

– Куда вы можете уйти, Карл? – голос доктора настиг его из невообразимой дали.

– Отсюда... прочь... В дверь...

– В Зеленую Дверь, Карл? Голос доктора был едва слышен. Комната взрывалась, разлетаясь в пространстве.

ВЫ НЕ ВИДАЛИ РОЗУ ПАНТОПОН?

Держись подальше от Куинз-Плаза, сынок... Гиблое место, кишит сыщиками, они воплями призывают любовника-наркомана... Слишком много уровней... Легавые выскакивают из чулана, накачавшись аммиаком... как разъяренные львы... набрасываются они на бедного старого специалиста по карманам пьянчуг, от страха у него исчезают вены... Он неделю ширяется под шкуру, а то и слезает на те пять двадцать девять, что Нью-Йорк щедро и даром выдает джанки-карманникам...

Так что Педрила, Гончий Пес, Ирландец, Матрос – берегитесь... Взгляните вперед, взгляните вперед, прежде чем ступить на этот путь...

Мимо со зловещим железным скрежетом проносится поезд подземки...

Куинс-Плаза – гиблое место для ворюг... Слишком много уровней и потаенных мест в стремной подземке, и некуда спрятать вытянутую руку...

Пять месяцев и двадцать девять дней: приговор, выносящийся за “карман”, то есть за прикосновение к лоху с очевидным намерением...

Невинных людей могут упрятать в тюрьму за убийство, но не за карман.

Педрила, Гончий Пес, Ирландец, Матрос – мои знакомые джанки и карманники прежних времен... Старинная шобла 103-й улицы... Матрос и Ирландец повесились в “Гробнице”[87]... Гончий Пес умер от передозировки, а Педрила “сгнил”...

– Вы не видали Розу Пантопон? – спросил старый джанки... – Пора согреться, – надел черное пальто и одолел площадь... Задворками, к Музею Рыночной Улицы, где демонстрируются все виды мастурбации и самопоругания. Особенно пригодится юным мальчикам...

Вниз по речному руслу катится гангстер в бетоне... Его заковбоили в парилке... Кто эта Вишневая Задница – Джио Задира или Мамаша Джиллиг, Старая Тетушка с Вестминстер-плейс??? Лишь мертвые пальцы говорят по Брайлю...

Миссисипи выкатывает в тихий переулок громадные известняковые валуны.

– Убрать свет! – завопил капитан плавучей страны...

Далекое урчание желудков... С северного сияния градом сыплются отравленные голуби... Резервуары пусты... На голодные площади и переулки изумленного города с грохотом рушатся медные статуи...

Нащупывают вену на утренних ломках...

Строго под микстурой от кашля...

Тысяча джанки штурмует клинику кристаллического позвоночника, залечивает Седых Старух.

В известняковой пещере встретил человека с головой Медузы в шляпной коробке и сказал таможенному инспектору:

«Будьте осторожны...» Окаменел навеки, с рукой в дюйме от двойного дна...

Очковтиратели, оглашая станцию воплями, обирают кассиров с помощью педерастической куклы... (Кукла – это мошенничество при размене денег... Известно также как Вексель...)

– Множественный перелом, – сказал хвастливый врач... – Я крупный специалист...

Бросается в глаза чахотка, свирепствующая на галереях, скользких от коховых плевков... Многоножка обнюхивает железную дверь, проржавевшую до состояния тонкой черной бумаги от мочи миллионов педиков.

Это вам не родной чистый товар, это никуда не годная пыль; ватки вторяков хранят в себе останки дозы...

КОКСОВЫЕ КЛОПЫ

Серая фетровая шляпа и черное пальто висели на Матросе как на вешалке, скрючившись в атрофированном тягостном ожидании. Утреннее солнце высветило контуры Матроса, окруженного желто-оранжевым сиянием джанка. Под его кофейной чашкой лежала бумажная салфетка – непременный атрибут каждого, кто подолгу просиживает над кофе на площадях, в ресторанах, на вокзалах и в залах ожидания всех стран.

Любой джанки, даже такого уровня, как Матрос, работает на джанковом Времени, а прежде чем совершить свое назойливое Вторжение во Время, принадлежащее другим, он, как и все просители, должен ждать. (Сколько чашек кофе в час?)

Вошел и уселся у стойки паренек с приметами долгого и болезненного джанкового ожидания на лице. Матрос встрепенулся. Черты его лица сделались смутными, окунувшись во вздрагивающую бурую дымку. Его пальцы шевелились на столе, читая брайлевский шрифт паренька. Взгляд неторопливо, испытующе следовал по завиткам каштановых волос на его затылке.

Паренек шевельнулся и поскреб затылок.

– Кто-то укусил меня, Джо. Что за гадюшник ты тут держишь?

– Коксовые клопы, чувак, – сказал Джо, рассматривая на свет яйца. – Ездил я с Айрин Келли, развеселая была бабенка. В Бьютте, штат Монтана, у нее от кокса бред начался, вот она и давай носиться по гостинице и орать, что за ней гонятся китайские легавые с большими мясными ножами. В Чикаго я знавал одного легавого, так тот обычно нюхал кокс в виде кристалликов, голубых таких кристалликов. Так вот, одурел он, значит, как-то раз и как заорет, что его преследуют федералы, а потом бежит в переулок и сует голову в урну. Я и говорю: «С чего это ты?» – а он мне: «Убирайся, а не то пристрелю. Я запрятался лучше некуда!» Когда начнется перекличка, мы будем тут как тут, верно?

Джо посмотрел на Матроса и развел руками в джанковом пожатии плеч.

Матрос заговорил своим исполненным сочувствия голосом, эхом звучащим в голове слушателя. Он с трудом составлял слова холодными пальцами:

– Твой поставщик влип, малыш.

Паренек вздрогнул. Его лицо, изрытое черными джанковыми шрамами, лицо уличного мальчишки, все еще выражало остатки первозданной невинности. Сквозь серые арабески ужаса на Матроса смотрел испуганный зверь.

– Не понял, приятель.

Матрос резко оказался в джанковом фокусе. Он отвернул лацкан пальто и показал медную иглу для инъекций, покрытую плесенью и ярь-медянкой.

– Ушел в отставку на благо службы... Садись, угощайся свежим пирогом с брусникой за счет представительских². Твоя мартышка¹ его любит... От него лоснится ее шкура.

Через восемь футов утренней закусочной паренек почувствовал, как что-то коснулось его руки. Неожиданно он перетек в кабинку Матроса, приземлившись с неслышным хлюпом. Он взглянул Матросу в глаза – зеленую вселенную, взбудораженную холодными черными потоками.

– Вы агент, мистер?

– Я предпочитаю слово... наводчик. – Его зондирующий смех провибрировал сквозь субстанцию паренька.

– Товар при вас, дядя? Капуста у меня есть.

– Мне не нужны твои деньги, голубчик. Мне нужно твое Время.

– Не понял.

– Тебе доза нужна? Поправиться хочешь? Хочешь или нет?

Матроса обволокло что-то розовое, он задрожал и оказался не в фокусе.

– Да.

– Возьмем Независимых. У них и фараоны особые – пистолетов не носят, одни дубинки. Помню, как-то раз нас с Педрилой свинтили на Куинз-Плаза. Держись подальше от Куинз-Плаза, сынок... гиблое место... кишит сыщиками. Слишком много уровней. Легавые выскакивают из чулана, накачавшись аммиаком, как разъяренные львы... набрасываются они на бедного старого специалиста по карманам пьянчуг, от страха у него исчезают вены. Он неделю ширяется под шкуру, а то и слезает на те пять двадцать девять, что Нью-Йорк щедро и даром выдает джанки-карманникам... Так что Педрила, Гончий Пес, Ирландец, Матрос – берегитесь! Взгляните вперед, взгляните вперед, прежде чем ступить на этот путь...

Мимо со зловещим железным скрежетом проносится поезд подземки.

ДЕЗИНСЕКТОР ДЕЛАЕТ ХОРОШЕЕ ДЕЛО

Матрос мягко коснулся двери и неторопливым движением руки воспроизвел узоры крашеного дуба, оставив на нем едва заметные радужные завитки слизи. Его рука по локоть проникла внутрь. Он отодвинул внутренний засов и посторонился, пропуская паренька вперед.

Пустую комнату заполнял тяжелый бесцветный запах смерти.

– Эта берлога не проветривалась с тех пор, как Дезинсектор морил коксовых клопов, – извиняющимся тоном сказал Матрос.

Обостренные чувства паренька заметались в бешеном изучении обстановки. Дешевая квартира с проходными комнатами, вибрирующая от бесшумного сотрясения. Прибитый к одной из стен кухни металлический желоб – был ли он и впрямь металлическим? – переходил в нечто вроде аквариума или бака, наполовину заполненного полупрозрачной зеленой жидкостью. По полу были в беспорядке разбросаны обветшалые вещи, износившиеся на неведомой службе: суспензорий, предназначенный для защиты некоего деликатного органа плоской веерообразной формы; многослойные грыжевые бандажи, бинты и подвязки; большое дугообразное ярмо из пористого розового камня; маленькие свинцовые трубочки, обрезанные с одного конца.

Воздушные потоки от движения тел разгоняли застоявшиеся лужи запахов: истощенно-мальчишеский запах пыльных раздевалок, хлорки плавательных бассейнов, высохшей спермы. Прочие запахи витками розовых спиралей добирались до неведомых дверей.

Матрос пошарил под умывальником и извлек оттуда пакет в оберточной бумаге, которая тотчас расползлась в руках и рассыпалась желтой пылью. На стол, уставленный грязной посудой, он выложил иглу, пипетку и ложку. Но ни один тараканий усик не учуял крошек тьмы.

– Дезинсектор делает хорошее дело, – сказал Матрос. – Иногда чересчур хорошее.

Он сунул руку в квадратную жестянку из-под желтого порошка пиретрума и вытащил плоский сверток в красной с золотом китайской бумаге.

«Как пакет с шутихами»,– подумал паренек. В четырнадцать лет лишился двух пальцев... Несчастный случай во время фейерверка Четвертого июля... позднее, в больнице – первое неслышное, властное прикосновение джанка.

– Они уносят ноги отсюда, чувак. – Матрос приложил руку к затылку. Он непристойно вихлял бедрами, вскрывая пакет – сложное сочетание завязок и оберток.

– Чистый стопроцентный гер. Едва ли человек сейчас жив... и это все твое.

– Так что вам от меня нужно?

– Время.

– Не понял.

– У меня есть то, чего хочешь ты. – Его рука коснулась пакета. Он продрейфовал в прихожую – голос далекий и слабый. – У тебя есть то, чего хочу я... пять минут здесь... час еще где-нибудь... два... четыре... восемь... Быть может, я опережаю сам себя... Каждый день умираю понемногу... На это нужно Время...

Он вернулся в кухню, – голос громкий и отчетливый:

– Пять лет за дозу. На улице так дешево не бывает. – Он ткнул пальцем в разделительную линию под носом паренька. – Самый центряк.

– Мистер, я не понимаю, о чем вы.

– Поймешь, малыш... в свое время.

– Ладно. Так что же мне делать?

– Ты согласен?

– Да как... – он бросил взгляд на пакет. – Что бы там... я согласен.

Паренек почувствовал внутри неслышный зловещий удар. Матрос провел ладонью по глазам паренька, и в руке у него оказалось розовое мошоночное яичко с одним закрытым пульсирующим глазом. Внутри полупрозрачной плоти яичка бурлила черная пена.

Матрос ласкал яйцо явно нечеловеческими руками – черно-розовыми, толстыми, жилистыми, с длинными белыми усиками, растущими из сморщенных кончиков пальцев. Смертельный страх и смертельная слабость охватили паренька, дыхание сперло, кровь застыла в жилах. Он прислонился к стене, которая, казалось, слегка подалась. Сделав над собой усилие, он вновь оказался в джанковом фокусе. Матрос готовил укол.

– Когда начнется перекличка, мы будем тут как тут, верно? – сказал он, прощупывая вену паренька и слабым старушечьим пальцем растирая гусиную кожу. Он вставил иглу. На дне пипетки расцвела красная орхидея. Матрос сжал пузырек, наблюдал за тем, как врывается в мальчишескую вену раствор, всасываемый немой жаждой крови.

– Боже мой! – сказал паренек. – Так меня еще не ширяли! – Он закурил и оглядел кухню, подергиваясь от потребности в сахаре.

– Разве вы не фуфлите? – спросил он.

– Этим дерьмом – молочным сахаром? Джанк – это улица с односторонним движением. Разворота нет. Ты уже никогда не сможешь вернуться.

Меня называют Дезинсектором. Как-то, в одной недолгой точке пересечения, я действительно выполнял такие функции и видел, как исполняют танец живота тараканы, задыхающиеся в желтом порошке пиретрума («Нынче очень трудно достать, мадам... идет война. Сделаю вам немного... Два доллара»). Опрыскивал жирных постельных клопов на розовых обоях театрально-убогих отелей Норт-Кларка[88] и отравил зловредную Крысу, при случае пожиравшую человеческих младенцев. А вы бы?

Мое нынешнее задание: обнаруживать живых и истреблять их. Не тела, а “шаблоны”, понимаете? Но я забываю, что вы не можете понять. У нас есть все, кроме самой малости. Но даже один может спутать нам все карты. Опасность, как всегда, исходит от продажных агентов: Эй Джея, Бдительного, Черного Армадильо (носителя болезни Шагаса[89], не принимал ванну с самой аргентинской эпидемии 35-го года, помните?), Ли, Матроса и Бенуэя. И я знаю, что какой-нибудь агент там, во тьме, меня ищет. Потому что все агенты продаются, а все Борцы Сопротивления предают...

АЛГЕБРА ПОТРЕБНОСТИ

“Толстяк” Терминал – уроженец Городских Водонапорных Резервуаров, откуда бьют открытые струи миллионами жизненных форм, немедленно пожираемыми, пожирателей же уничтожает черная пена времени...

Лишь немногие достигают Площади, места, где Резервуары опорожняются в приливную реку, вынося туда уцелевшие виды, оснащенные защитными средствами из ядовитой слизи, черных гнилых грибовидных наростов и зеленых испарений, которые опаляют легкие и стягивают желудок в тугие узлы...

Ведь обнаженные, чувствительные нервы “Толстяка” были способны реагировать на смертельные судороги миллиона холодных “приходов”... “Толстяк” изучил Алгебру Потребности и выжил...

Как-то в пятницу “Толстяк” выплеснулся на Площадь: полупрозрачно-серый обезьяний зародыш с присосками на дряблых лилово-серых ручонках и окруженным холодным серым хрящом дисковидным ртом миноги, утыканным гнилыми и черными, способными напрягаться зубами, которыми он прощупывает шрамовые узоры джанка.

А мимо шел богач, он уставился на урода, и “Толстяк” плюхнулся в грязь, обоссываясь и обсираясь в ужасе, и сожрал собственное дерьмо, и богач, тронутый столь благоговейным отношением к его властному пристальному взгляду, выгреб из своей пятничной трости монетку (пятница – это мусульманское воскресенье, когда богатым полагается раздавать милостыню).

Вот “Толстяк” и научился иметь дело с Черным Мясом и вырастил жирный аквариум тела...

И его пустые перископические глаза осматривали поверхность мира... По пятам за ним плелись наркоманы, и полупрозрачно-серые обезьяны, точно рыбьи остроги, устремлялись к джанковой Цели и присасывались к ней, а потом все это снова втекало в “Толстяка”, так что его субстанция росла и росла, заполняя площади, рестораны и залы ожидания всех стран серой липкой джанковой грязью.

Бюллетени Партийного Начальства расшифровываются гебефрениками, латахами и обезьянами, превращаясь в непристойные шарады – пердежный код соллаби; негры открывают и закрывают рты, сверкая срочными донесениями золотых зубов, арабские мятежники подают дымовые сигналы, бросая в бензиновые костры, сооруженные из мусорных куч, жирных сальных евнухов – они образуют самый лучший дым, который застывает в воздухе, черный и густодерьмовый; мозаика мелодий, печальная свирель горбатого нищего, холодный ветер, налетающий с почтовой открытки из Чимборацци, флейты Рамадана, фортепьянная музыка в конце продуваемой ветром улицы, звучащие со всех сторон полицейские сирены; на рекламе, совпавшей во времени с уличной дракой, проступает сигнал СОС.

Два агента, сбивая с толку чужие микрофоны, опознают друг друга по особому

набору сексуальных практик и таким сложным кодом ебут во все дыры атомные секреты, что лишь два физика в мире напускают на себя понимающий вид, и каждый из них категорически отвергает теорию другого. Позднее агента-приемника повесят, признав виновным в незаконном обладании нервной системой, и он в судорогах оргазма воспроизведет донесение прикрепленными к его пенису электродами.

Дыхательные ритмы старого сердечника, призывные вихлянья танца живота, тарахтение моторной лодки по масляной воде. Официант роняет каплю, подавая мартини Человеку в Сером Фланелевом Костюме, который сматывается на 6:12, зная, что его з а с е к л и . Джанки вылезают в окно уборной китайской закусочной, а мимо с г р о х о т о м несется поезд надземки. Калеку заковбоили в "Уолдорфе"[14], и он производит на свет целый п о м е т к р ы с . (Заковбоить: на жаргоне нью-йоркских бандитов означает: убить уебка, где бы его ни нашел. Крыса и е с т ь к р ы с а , крыса – это крыса. Это доносчик.) Взбалмошные девственницы во все глаза глядят на английского полковника, который едет мимо, угрожающе размахивая пронзенной копьем визжащей дикой свиньей. Моднючий педик постоянно ходит в соседний бар, надеясь получить информацию от Покойной Матери, которая все еще живет в синапсах и должна вызвать дух неотразимого Нянюшки-Битника. Мальчишки, которые дрочат в школьных уборных и знают друг друга как агентов с Галактики Икс, переходят во второразрядное ночное заведение, где и сидят с жалким и напыщенным видом, пьют виноградный уксус и закусывают лимонами, приводя в смущение тенор-саксофониста, унылого араба в синих очках, подозреваемого в том, что он – Вражеский Сендер. Всемирная сеть джанки, настроенная на струну протухшей спермы... перетягивающая руки в меблированных комнатах... дрожащая на утренних ломках... (Люди Старого Пита глотают Черный Дым в подсобке китайской прачечной. Меланхоличная Детка умирает на ломках от передозировки времени или отнятия дыхания... в Аравии… Париже... Мехико... Нью-Йорке... Нью-Орлеане...) Живые и мертвые... на ломках или в отрубе... подсевшие или слезшие и снова подсевшие... приходят на свет джанка, а Поставщик жует Китайское Рагу на улице Долорес... макает сдобный торт в "Бикфорде"... его с лаем загоняет на Толкучку свора людей. Малярийные больные всех стран кутаются в дрожащую протоплазму. Страх скрепляет донесение говна клинообразной печатью. Хихикающие бунтовщики совокупляются под вопли сжигаемой нигры. Одинокие библиотекарши сливаются в духовном поцелуе дурного запаха изо рта. Гриппозное состояние, браток? Боль в горле, назойливая и мерзкая, как обжигающий полуденный ветер? Добро пожаловать в Международную Сифилисную Ложу – «Да благошловит ваш Методишкий Епишкопальный Бог» (фраза, применяемая для установления речевого дефекта, типичного при парезе), – а не то первые же признаки твердого шанкра сделают вас ее уважаемым членом. Вибрирующий беззвучный гул густого леса и оргонных[27] аккумуляторов, неожиданная тишина городов, когда джанки крадет себе на дозу, и даже Пригородный Житель пытается дозвониться по засоренным холестериновым проводам. Над миром вспыхивают сигнальные огни оргазма. Торчок вскакивает и с криком «Мне страшно!» убегает в мексиканскую ночь, угнетая затылочные доли мозга всех стран. Палач обсирается в страхе при виде приговоренного. Мучитель орет что-то на ухо своей неумолимой жертве. Поножовщики обнимаются в адреналине. На пороге Рак с поздравительной телеграммой...

ХАУЗЕР И О’БРАЙЕН

Когда они пришли за мной в то утро, в восемь часов, я знал, что это мой последний шанс, мой единственный шанс. Но они не знали. Да и откуда им было знать? Всего лишь обычный арест. Однако не совсем обычный.

Хаузер завтракал, когда позвонил лейтенант:

– Я хочу, чтобы вы с напарником по дороге в контору взяли парня по фамилии Ли, Уильям Ли. Он в отеле “Минога”. Дом 103, у самой транспортной развязки.

– Да, я знаю, где это. И его я помню.

– Хорошо. Комната 606. Арестуйте его, и все. И не переворачивайте там все вверх дном, не теряйте времени. Доставьте сюда только все книги, письма, рукописи. Все, что написано или напечатано в типографии и на машинке. Уловил?

– Уловил. Но что за новости... Книги...

– Выполняйте. – Лейтенант повесил трубку.

Хаузер и О’Брайен. Они двадцать лет прослужили в городском отделе наркотиков. Ветераны, как и я. Я сижу на джанке шестнадцать лет. По здешним меркам они были не так уж и плохи. По крайней мере О’Брайен. О’Брайен был мошенником, а Хаузер – непокладистым малым. Водевильная парочка. Для Хаузера было обычным делом, прежде чем что-то сказать, как следует вам врезать – просто чтобы растопить лед. Потом О’Брайен угощает вас “Old Gold” – и как только копы могут курить эти “Old Gold”?.. – и принимается за обработку полицейским мошенничеством явно тюремного разлива. Парень неплохой, и я не хотел этого делать. Но это был мой последний шанс.

Я как раз перетягивал руку для утреннего укола, когда они вошли с помощью общего ключа. Это особый ключ, который подходит к любой двери, даже если она заперта изнутри и ключ оставлен в замке. Передо мной на столе лежали пакетик джанка, игла, шприц – в Мексике я приобрел привычку пользоваться обычным шприцем и больше не возвращался к пипетке, – а также были спирт, вата и стакан воды.

– Так-так, – говорит О’Брайен... – Давненько не видались, а?

– Надевай пальто, Ли, – говорит Хаузер. Он уже вытащил пистолет. Он всегда его вытаскивает, когда кого-нибудь вяжет, – для психологического эффекта и чтобы у человека не возникло мысли скинуть улики в туалет, в раковину или в окно.

– Могу я сначала треснуться, ребята? – спросил я... – Тут осталось полно улик.

Я соображал, как бы мне добраться до чемодана, если они откажут. Чемодан не был заперт, но в руке у Хаузера был пистолет.

– Он хочет уколоться, – сказал Хаузер.

– Ты же знаешь, Билл, что мы не можем этого позволить, – сказал О'Брайен своим ласковым мошенническим голосом, растягивая имя с елейной, вкрадчивой фамильярностью, отвратительной и непристойной.

Само собой, он говорил серьезно.

– А что ты можешь сделать для нас, Билл? – он посмотрел на меня и улыбнулся. Улыбка оставалась на лице слишком долго, мерзкая и голая, улыбка старого разукрашенного извращенца, вобравшая в себя все запретное зло двусмысленных обязанностей О'Брайена.

– Я мог бы отдать вам Марти Стила, – сказал я. Я знал, что Марти им страшно нужен. Он барыжничал уже пять лет, а они всё никак не могли на нем повиснуть. Марти был ветераном, он очень осторожничал с теми, кого обслуживал. Прежде чем взять с человека деньги, он должен был его узнать, и узнать как следует. Никто не может сказать, что когда-либо отбыл срок из-за меня. Моя репутация превосходна, но Марти все же не стал бы меня обслуживать, потому что знал недостаточно хорошо. Вот таким недоверчивым был Марти.

– Марти! – сказал О'Брайен. – Ты что, можешь на него выйти?

– Ясное дело.

Они что-то подозревали. Человек не может всю жизнь оставаться копом, не выработав интуиции особого покроя.

– Идет, – сказал наконец Хаузер. – Но лучше тебе сдержать слово, Ли.

– Сдержу как миленький. Поверьте, я такие вещи ценю.

Я перетянул руку для укола, пальцы мои дрожали от нетерпения – архетип нарка.

– Всего лишь старый джанки, ребята, безобидная, дряхлая и трясущаяся джанковая развалина. – Так я это дело изобразил. Как я и рассчитывал, Хаузер отвернулся, когда я начал нащупывать вену. Зрелище не из приятных.

О'Брайен сидел на ручке кресла, покуривая "Old Gold" и глядя в окно с тем мечтательным выражением лица, с которым думают, «что-я-буду-делать-когда-выйду-на-пенсию».

Я сразу попал в вену. В шприц ворвался столбик крови, на мгновение яркий и густой, как красный шнур. Я надавил большим пальцем на поршень, чувствуя, как джанк с трудом продвигается по венам и питает миллион жаждущих джанка клеток, чтобы придать каждому нерву и каждой мышце силу и расторопность. Они за мной не наблюдали. Я наполнил шприц спиртом.

Хаузер жонглировал своим курносым полицейским кольтом и оглядывал комнату. Он был способен унюхать опасность, как зверь. Левой рукой он толкнул дверь

стенного шкафа и заглянул внутрь. У меня засосало под ложечкой. Я подумал: «Если он заглянет еще и в чемодан, я пропал».

Хаузер резко повернулся ко мне.

– Всё, что ли? – прорычал он. – И не вздумай ебать нам мозги насчет Марти!

Слова прозвучали так угрожающе, что это удивило и потрясло его самого.

Я поднял шприц, полный спирта, и повращал иглу, дабы убедиться, что она насажена прочно.

– Еще пару секунд, – сказал я.

Я выпустил тонкую струйку спирта и хлестнул его по его глазам, проведя шприцем из стороны в сторону. Он взревел от боли. Падая на одно колено и пытаясь дотянуться до чемодана, я успел увидеть, как он скребет левой рукой глаза, словно срывая невидимую повязку. Я толчком раскрыл чемодан, и моя левая рука сомкнулась на рукоятке пистолета – я правша, но стреляю левой. Сотрясение от выстрела Хаузера я почувствовал прежде, чем его услышал. Пуля вонзилась в стену позади меня. Не вставая, я дважды быстро выстрелил Хаузеру в живот, туда, где жилет задрался, обнажив дюймовую полоску белой рубахи. Мне показалось, он хрюкнул, после чего подался вперед и согнулся пополам. Одеревеневшая в панике рука О'Брайена рвалась к пистолету в наплечной кобуре. Чтобы хорошенько прицелиться, я сомкнул другую руку на запястье той, в которой держал пистолет, – у этого пистолета отшлифованный круглый ударник, так что использовать его можно только для двойного действия, – и выстрлил ему в центр багрового лба, дюйма на два ниже линии серебристых волос. Когда я видел его в последний раз, он уже был седым. Это было лет пятнадцать назад. Мой первый арест. Его глаза погасли. Он упал с кресла лицом вниз. Руки мои уже искали самое необходимое, сметая записные книжки в портфель с моими трудами, джанком и коробкой с патронами. Я сунул пистолет за пояс и, на ходу надевая пальто, вышел в коридор.

Я слышал, как, пыхтя, скачут вверх по лестнице портье с коридорным. Спустившись на лифте самообслуживания, я вышел на улицу через пустой вестибюль. Стоял прекрасный день бабьего лета. Я знал, что шансов у меня немного, но любой шанс лучше никакого, лучше, чем стать объектом для опытов с ST(6), что бы там эти буквы ни значили.

Я должен был как можно скорее запастись джанком. Вместе с аэропортами, вокзалами и автобусными станциями они перекроют все джанковые районы и каналы. Я доехал на такси до Вашингтон-сквер, вышел, прошелся пешком по Четвертой улице и на углу засек Ника. Отыскать барыгу не составляет труда. Словно дух, он является, вызванный вашей потребностью.

– Слушай, Ник, – сказал я, – я уезжаю из города. Хочу взять немного героина. Можешь сделать прямо сейчас?

Мы шли по Четвертой улице. Казалось, голос Ника дрейфует в мое сознание из какого-то неопределенного места. Жутковатый, отделенный от телесной оболочки голос.

– Да, кажется, могу. Мне придется слетать на окраину.

– Можно взять такси.

– Ладно, но к этому малому я тебя привести не могу, ты же понимаешь.

– Понимаю. Поехали. Мы ехали в такси на север. Ник говорил своим монотонным безжизненным голосом:

– Берем тут на днях чудну́ю наркоту. Не то чтобы слабую... Даже не знаю... Какую-то не такую. Может, они подмешивают туда какое-то синтетическое дерьмо... Карамельки "Долли" или что-то в этом роде.

– Что?!! Уже?

– А?.. Но там, куда я тебя везу, все в лучшем виде. Товар что надо... Останови здесь.

– Быстрее, пожалуйста, – сказал я.

– Минут десять, не больше, если только у него не кончилось, а тогда ему придется слетать... Лучше посиди вон там и выпей чашку кофе... Место тут стремное.

Я сел у стойки, заказал кофе и ткнул пальцем в миндальное пирожное в пластиковой упаковке. Обмакнув черствое резиновое пирожное в кофе, я принялся молиться, чтобы именно на этот раз, пожалуйста, Господи, пусть он сделает это сейчас, пусть не вернется сказать, что у человека все кончилось и ему придется слетать в Ист-Орандж или Грин-пойнт.

Ну что ж, вот он вернулся и стоит у меня за спиной. Я посмотрел на него, боясь спросить. Смешно, подумал я, вот сижу я тут, и у меня возможно, один шанс из ста прожить ближайшие двадцать четыре часа – я решил не сдаваться и не проводить следующие три или четыре месяца в зале ожидания смерти. И все-таки я волновался по поводу джанка. Ведь у меня оставалось всего на пять уколов, а без джанка я был бы парализован... Ник кивнул.

– Здесь не отдавай, – сказал я. – Возьмем такси.

Мы сели в такси и направились в центр. Я протянул руку, схватил пакет и сунул в ладонь Ника пятидесятидолларовую банкноту. Он взглянул на нее и обнажил десны в беззубой улыбке:

– Благодарю... Я не внакладе...

Я откинулся на спинку сиденья, дав голове возможность поработать без напряжения. Напрягите свои мозги слишком сильно, и они заебутся, как

перегруженный распределительный щит, а то и устроят вам диверсию... А я не имел права ни на какие пределы погрешности. Американцы испытывают сверхъестественный страх перед потерей контроля, перед вещами, происходящими независимо от них, без их вмешательства. Они были бы не прочь впрыгнуть в собственные желудки, чтобы самим переваривать пищу и выгребать дерьмо.

Ваш разум ответит на большинство вопросов, если вы научитесь расслабляться и ждать ответа. Как с обыкновенной мыслящей машиной – вы вводите в нее вопрос, а потом сидите себе и ждете...

Я подбирал имя. Мой разум сортировал имена, сразу отбросив Ф. Л. – Фараонский Любовник, Р. Г. – Рожденный Гнилым, С. М. Н. Т. – Славный Малый Но Трус, – откладывая их в сторону для пересмотра, сокращая, просеивая, нащупывая имя, ответ.

– Знаешь, иногда он заставляет меня ждать три часа. А бывает, получается сразу, как сегодня. – Ник издал короткий осуждающий смешок, который он применял как знак препинания, как нечто вроде извинения за то, что вообще разговаривает в телепатическом мире наркоманов, где лишь количественный фактор – сколько долларов? сколько джанка? – требует словесного выражения. Он знал, и я знал об ожидании все. Торговля наркотиками на всех уровнях происходит без расписания. Никто не приносит товар вовремя, разве что случайно. Наркоман работает на джанковом времени. Его тело – это его песочные часы, и джанк иссякает в нем, как песок в часах. Время имеет для него значение только в связи с его потребностью. Тогда он резко вторгается в чужое время и, подобно всем Чужакам и Просителям, должен ждать, если только случайно не запутается в сетях неджанкового времени.

– А что я ему скажу? Он же знает, что я буду ждать, – Ник хохотнул.

Ночь я провел в "Неостывающих Банях" (гомосексуализм – лучшая из всех легенд, которыми может воспользоваться агент), где рычащий служитель-итальянец создает нервозную обстановку, просматривая общую спальню полевым биноклем с инфракрасным устройством ночного видения.

(– Эй, там, в северо-восточном углу! Я вас вижу! – включает прожектора, просовывает голову в люки и двери уборных – стольких гомиков вывели уже в смирительных рубашках...)

Я лежал там, в своей неперекрытой кабинке, уставившись в потолок... слушал визг, хрюканье и рычание в кошмарной полутьме беспорядочной, прерываемой похоти...

– Да отъебись ты!

– Напяль хоть пару биноклей – может, хоть что-то увидишь!

Ранним утром я вышел на улицу и купил газету... Ничего... Я позвонил из аптечной телефонной будки... и попросил отдел наркотиков:

– Лейтенант Гонсалес... Кто говорит?

– Мне нужен О’Брайен. – Мгновение помех, висящих проводов, прерванных связей.

– В Отделе человека с таким именем нет... А вы кто?

– Тогда дайте мне поговорить с Хаузером.

– Послушайте, мистер, никакого О’Брайена, никакого Хаузера в нашем управлении нет. Так чего вы хотите?

– Слушайте, это очень важно... У меня есть информация о крупной партии гера... Я хочу говорить с Хаузером или О’Брайеном... Больше ни с кем я дела не имею...

– Не вешайте трубку... Соединяю вас с Алсибиадесом.

Мне стало интересно, сохранилась ли у них в отделе хоть одна англосаксонская фамилия...

– Я хочу говорить с Хаузером или О’Брайеном.

– Сколько раз можно повторять: нет в Отделе ни Хаузера, ни О’Брайена... Так кто это говорит?

Я повесил трубку и взял такси, чтобы выбраться из этого района... В машине я понял, что произошло... Меня отключили от пространства-времени – так отключается задница угря, когда он прекращает есть на пути к Саргассову морю... Вытолкали вон и заперлись изнутри... Больше никогда у меня не будет Ключа, Точки Пересечения... С этого мгновения Легавые меня не касаются... я предан забвению вместе с Хаузером и О’Брайеном, отправлен в недоступное джанковое прошлое, где героин всегда по двадцать восемь долларов унция и где можно подхватить сифилис тяги в китайской прачечной в Сиу-Фоллз... Оказавшись по ту сторону мирового зеркала, ухожу в прошлое вместе с Хаузером и О’Брайеном... царапаюсь в «нет-еще-пока» Телепатических Бюрократий, Монополий Времени, Наркотиков Контроля, Наркоманов, пристрастившихся к Тяжелой Жидкости:

– Я думал об этом еще триста лет тому назад.

– Тогда твой проект был невыполним, а ныне он бесполезен... Как проекты летательных аппаратов да Винчи...

АТРОФИРОВАННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

А ВЫ БЫ?

К чему все это бумагомарание, переносящее Людей из одного места в другое? Вероятно, чтобы избавить Читателя от стресса, связанного с резкими перемещениями в пространстве, и сохранить его Благосклонность? И вот билет куплен, такси вызвано, посадка в самолет закончена. Нам позволено мельком заглянуть в теплую межперсиковую впадину, когда Она (стюардесса, конечно) склоняется над нами и что-то невнятно бормочет о жевательной резинке, драмамине[90], даже о нембутале.

– Скажи "опийная настойка", милочка, и я услышу.

Я не *"American Express"*... Если одного из моих людей видят прогуливающимся в штатской одежде по Нью-Йорку, а в следующей фразе развязный парень из Тимбукту рассказывает о юноше с глазами газели, можно предположить, что он (субъект, не живущий в Тимбукту постоянно) добрался туда с помощью обычных транспортных средств...

Агент Ли (сорок четыре-восемь-шестнадцать) предпринимает курс джанкового лечения... пространственно-временное путешествие, зловеще знакомое, когда джанк на каждом шагу ставит наркоману рогатки... курсы лечения, прошедшие и будущие, челноком гонят видения сквозь его призрачную субстанцию, дрожащую на неслышных ветрах ускоренного Времени... Сделайте укол... Любой Укол...

Непременная боль в костяшках пальцев, кружащие пол уколы в камере участка... «Ну что, Билл, г е р о и н ч и к а захотелось? Ха-ха-ха!»

Поверхностные полуобразы, которые тают на свету... карманы гнилой эктоплазмы[9], обчищенные старым джанки, кашляющим и харкающим на утренних ломках...

Старые буро-фиолетовые фотографии, которые скручиваются и потрескивают, как грязь на солнце: Панама-Сити... Билл Гейнс обрабатывает аптекаря-китайца мошенничеством с опийной настойкой.

– Мои собаки участвуют в бегах... породистые борзые... Все больны дизентерией... Тропический климат... дерьмо... Сабе[91] тебе – дерьмо?.. М о и Б о р з ы е П о д ы х а ю т !... – Он уже вопил... Глаза его вспыхнули голубым огнем... Пламя погасло... запах жженого металла... – Уколы делаю глазной пипеткой... А вы бы?.. Менструальные колики... моя жена... Котекс... Старушка мать... Геморрой... кровь... жалко...

Он отключился, навалившись на прилавок... Аптекарь вынул изо рта зубочистку, взглянул на ее конец и покачал головой...

Гейнс и Ли дочиста обобрали Республику Панаму от Давида до Дарьена[92], оставив ее без опийной настойки... С хлюпающим звуком они разлетелись в разные стороны... Джанки нередко сливаются в одно тело... Следует проявлять осторожность, особенно в стрёмных местах... Гейнс снова в Мехико... Жуткая скелетная ухмылка хронической

нехватки джанка, глаза, подернутые пеленой кодеина и чумовых колес... сигаретные дыры в купальном халате... кофейные пятна на полу... дымящая керосинка... ржаво-оранжевое пламя...

Посольство отказалось сообщить подробности – только место захоронения на Американском Кладбище...

А Ли вернулся к сексу и боли, к времени и Йаге – горькой Духовной Лозе с Амазонки.

Помню, как-то после передозировки маджуна (это конопля, высушенная, мелко истолченная до консистенции зеленой сахарной пудры и смешанная с какими-нибудь сладостями, по вкусу напоминающая рождественский пудинг с примесью песка, но выбор сладостей произволен...) возвращаюсь я от Лулу или от Джонни, или из Мальчишеской Детской (вонь атрофированного младенчества и сортирного воспитания), оглядываю гостиную той виллы, что близ Танжера, и вдруг не могу понять, где нахожусь. Вероятно, я открыл не ту дверь, и в любой момент Одержимый Держатель, Владелец, Который Попал Туда Первым, ворвется и завопит:

– Что Вы Здесь Делаете? Кто Вы Такой?

А я не знаю, что я там делаю и кто я такой. Я решаю отбросить эмоции и попробовать обрести способность разбираться в окружающем мире, прежде чем покажется Владелец... Короче, вместо того чтобы орать «где я?», остыньте, осмотритесь, и вы приблизительно выясните... вас там не было в Начале. Вас там не будет в Конце... Знание о том, что происходит, может быть лишь поверхностным и относительным... Что я знаю об этом желтолицем молодом разочарованном джанки, существующем на неочищенном опиуме? Я пытался ему внушить: «Как-нибудь утром ты проснешься с собственной печенью на коленях» – и объяснить, как обработать опий-сырец, чтобы он перестал быть обыкновенным ядом. Но глаза его стекленеют, и он ничего не хочет знать. Таковы джанки, большинство их, они не хотят ничего знать... и вы ничего не сможете им доказать... Курильщик ничего не хочет знать, ему бы только курить... И героиновый джанки ничуть не лучше... Воистину, игла, как и любой другой путь, – это Пыль...

Так что сдается мне, он все еще сидит там, в своей испанской вилле двадцатых годов, что близ Танжера, и пожирает необработанный мак, в котором полно дерьма, камней и соломы... всё подряд – в страхе что-то упустить...

Писатель может рассказать только об одном: о том, что непосредственно воздействует на его чувства в тот момент, когда он пишет... Я всего лишь записывающий прибор... Я не осмеливаюсь навязывать вам “повесть”, “фабулу”, “сценарий”... Поскольку мне удается напрямую регистрировать определенные стороны психического процесса, то не исключено, что я преследую ограниченную цель... Я не развлекатель...

“Одержимость” – так это называют... Время от времени тело внезапно оказывается во власти реально существующего “нечто” – контуры колышутся в желто-оранжевом

желе, – и тогда руки чешутся распотрошить идущую мимо шлюху или придушить соседского ребенка в надежде умерить хроническую нехватку жилья. Похоже, я обычно в себе и лишь изредка чумею... Неправда! Никогда я не бываю в себе... Никогда, то есть я целиком и полностью одержим, однако каким-то образом в состоянии предотвращать опрометчивые поступки... Патрулирование – вот фактически мое основное занятие... Сколь бы надежна ни была Охрана, я всегда отдаю приказания где-то Снаружи и всегда нахожусь Внутри этой желеобразной смирительной рубашки, которая изнашивается и растягивается, но постоянно обновляется, опережая любой шаг, мысль, любой порыв, отмеченные печатью пристального изучения со стороны...

Писатели говорят о болезненно-сладком запахе смерти, тогда как любой джанки скажет вам, что у смерти нет запаха... и в то же время есть – запах, от которого спирает дыхание и застывает в жилах кровь... бесцветный незапах смерти... невозможно дышать, чувствуя его розовыми извилинами и черными кровяными фильтрами плоти... запах смерти – это, несомненно, и запах, и полнейшее отсутствие запаха... отсутствие запаха сразу же ударяет в нос, потому что вся органическая жизнь имеет запах... исчезновение запаха действует как тьма на глаза, безмолвие на уши, давление и невесомость – на чувство равновесия и ориентации...

Вы всегда ощущаете этот запах и даете почувствовать его другим во время джанкового отнятия... На ломках джанки своим смертным Запахом может сделать непригодной для жилья целую квартиру... однако хорошее проветривание вернет в помещение прежнюю вонь и тело вновь сможет дышать... Вы чувствуете этот запах и оказавшись во власти одной из тех неодолимых привычек, которые вдруг усугубляются в геометрической прогрессии, как вздымающийся ввысь лесной пожар...

Лечение одно: Давай! Прыгай!

Один мой друг оказался нагишом на втором этаже в гостиничном номере в Марракеше... (Он был обработан своей техасской мамашей, которая в детстве заставляла его носить девчоночью одежду... Грубовато, но эффективно против младенческой протоплазмы...) Остальные жильцы – арабы, три араба... в руках ножи... следят за ним... металлический блеск и точки света в темных глазах... медленно, как осколки опала в глицерине, оседают частицы убийства... Замедленная звериная реакция дала ему целую секунду на то, чтобы принять решение: скорей в окно и вниз, на запруженную народом улицу, как падающая звезда со сверкающим на солнце стеклянным хвостом... потери: сломанная лодыжка и уязвленное самолюбие... завернулся в прозрачную розовую занавеску с остатками металлического карниза и поковылял прочь, в Комиссариат де Полис...

Рано или поздно Бдительный, Деревенщина, Агент Ли, Эй-Джей, Клем и Джоди – Близнецы Спорынья, Хасан О'Лири – Магнат Детского Места, Матрос, Дезинсектор, Эндрю Кейф, "Толстяк" Терминал, Док Бенуэй, "Пальчики" Шефер будут вынуждены сказать то же самое, теми же словами, чтобы занять в той точке пересечения ту же пространственно-временную позицию. Пользоваться обычным речевым аппаратом со всеми его метаболическими устройствами, то есть поступать

как все, – самый неправильный способ выражать О д о б р е н и е: Голый джанки в солнечном свете.

Писатель всегда видит, как он читает зеркалу... Время от времени он должен сдерживать себя и убеждаться в том, что Преступление Независимого Действия не совершено, не совершается, не может быть совершено...

Любой, кто хоть раз смотрел в зеркало, знает, что это за преступление и что оно означает в свете утраченного контроля, когда отражение больше не подчиняется... Слишком поздно звонить в П о л и ц и ю...

Лично я желаю положить конец своей деятельности, поскольку с этих пор больше не могу торговать сырьем смерти... Ваш случай безнадежен, сэр, и отвратителен.

– При нынешнем состоянии наших знаний защита бессмысленна, – сказала Защита, отрываясь от электронного микроскопа...

Отправляйся промышлять в “Уолгринз”.

Мы тут ни при чем.

Кради все, что попадется на глаза.

Не знаю, что и возразить белому читателю.

Вы можете об этом писать, орать или вполголоса напевать... можете это рисовать... разыгрывать это на сцене... высирать это в мобилях... Д о т е х п о р, п о к а с а м и э т о г о н е с д е л а е т е...

Сенаторы вскакивают и с непреклонной решимостью вирусной тяги истошно вопят, требуя Смертной Казни... Смерть наркоманам, смерть сексогомикам (я хочу сказать, сексоманам), смерть психопату, который соблазняет затравленную и непривлекательную плоть утраченной звериной невинностью гибких телодвижений...

Черный ветровой конус смерти вьется над страной, нащупывая, вынюхивая преступление независимой жизни; под громадной кривой вероятности дрожат манипуляторы скованной страхом плоти...

Народ монолитными группами исчезает в шашечной партии геноцида... Число играющих не ограничено...

Либеральная Пресса, Пресса Не Столь Либеральная и Пресса Реакционная горячо одобряют: “Прежде всего следует развеять миф об опыте иного уровня...” – и туманно намекают на некие прискорбные факты... на больных афтозом коров... на профилактику...

Правящие круги всех стран в бешенстве отрезают линии связи...

Планета дрейфует к непредсказуемой насекомой участи...

Первой приползла Термодинамика... Оргон[27] застрял на старте... Христос истек кровью... Время вышло...

Вы можете включиться в '*Голый Завтрак*' в любой точке пересечения... Я написал множество предисловий. Они атрофируются и самопроизвольно отнимаются, как отнимается мизинец ноги при западноафриканской болезни, характерной только для негритянской расы, а идущая мимо блондинка демонстрирует свою бронзовую лодыжку, напедикюренный пальчик скачет прочь по клубной веранде, и ее афганская борзая приносит его обратно к ее ногам...

'*Голый Завтрак*' – это рецепт, практическое руководство... Черное насекомое испытывает нескрываемую страсть к бескрайним инопланетным ландшафтам… Абстрактные понятия, простые как алгебра, сводятся к черному говну или парочке стареющих метисов...

Данное Руководство умножает уровни восприятия, открывая дверь в конце длинного коридора... Двери, которые открываются только в Тишине... '*Голый Завтрак*' требует от Читателя Тишины. В противном случае Читатель попросту щупает собственный пульс...

Роберт Кристи знаком со Справочной службой... Убивает старых пизд... лобковые волосы хранит в своем медальоне... А вы бы?

Роберт Кристи, душитель сонмища женщин – звучит как венок сонетов, – повешен в 1953 году.

Джек Потрошитель, Педантичный Фехтовальщик 1890-х годов, которого так и не застукали на месте преступления... написал письмо в Прессу:

«В следующий раз я пришлю ухо – так, забавы ради... А вы бы?»

– Осторожней! Опять та же история! – вскричал старый гомик, когда лопнула его струна и яйца покатились на пол... – Хватай же их, Джеймс, никчемное старое дерьмо! Хозяйские старые яйца катятся в угольный бункер, а он знай себе стоит столбом!

Очковтиратели, оглашая станцию воплями, кидают кассиров с помощью Педерастической Куклы.

На этом дилаудиде я просто прогорю (дилаудид – убойной силы обезвоженный морфин).

Шериф в черном жилете печатает распоряжение о приведении в исполнение смертного приговора: «Необходимо узаконить казни и разгрузить отдел наркотиков...»

Нарушение Закона о Здравоохранении 334... Достижение оргазма обманным путем...

Джонни стоит на четвереньках, а Мэри отсасывает у него, проводя пальцем вниз по ягодицам, добираясь до самой кромки площадки для игры в шарики...

Через сломанный стул, сквозь оконную побелку инструментального цеха, окунувшись в холодный весенний ветер на известняковом утесе над рекой... в прозрачно-голубом небе застыло облако лунного дыма... наружу, по длинной нити спермы, протянутой по пыльному полу...

Мотель... Мотель... Мотель... расколотая неоновая арабеска... одиночество жалобно стонет по всему континенту, как туманные горны над неподвижной масляной водой приливных рек...

Настырный тип, сморщенный, как кожура выжатого насухо лимона, оформляет жопу, а заодно отрезает ножом кусок гашиша для кальяна – бульканье означает, что это был я...

– Река свое отслужила, сэр.

Фонтан заполняется засохшей листвой, а там, где по лужайке пролег маршрут торгового автомата, сквозь герань буйно прорастает мята...

Стареющий повеса надевает подлинный макинтош двадцатых годов и запихивает в мусоросборник вопящую жену... Струя крови, смешанной с дерьмом и волосами, выводит на стене “1963”... «Да, сэр, да, ребята, наделает дерьмо шуму в шестьдесят третьем», – сказал надоедливый старый пророк – может стоять над душой, пока из вас во всех пространственно-временных направлениях не забьют фонтаны мочи...

– Да, вспомнил, это было как раз за два года до того, как в боливийской уборной обнаружился штамм человеческого афтоза, потом он выбрался на волю с помощью шиншиллового пальто и уладил дело о подоходном налоге в Канзас-Сити... А та лесбиянка, что претендовала на непорочное зачатие, рожает через пупок шестиунциевую паукообразную обезьяну... Говорят, там не обошлось без одного старого коновала, ему просто житья не было от обезьяны...

Я, Уильям Сьюард, капитан здешней перепившейся и обкурившейся подземки, уничтожу ротеноном[93] Лох-Несское Чудовище и заковбою Белого Кита. Я доведу до состояния Автоматического Повиновения Сатану и очищу души второразрядных демонов. Я изгоню кандиру из ваших плавательных бассейнов. Я издам папскую буллу о Контроле за Непорочной Рождаемостью...

– Чем чаще происходит какое-нибудь событие, тем оно более необыкновенно и удивительно, – сказал претенциозный молодой скандинав на трапеции, изучая свое масонское домашнее задание.

– Евреи не верят в Христа, Клем... Они только и хотят, что отдудонить молодую христианку...

На стенах сральников всех стран поют юные ангелы.

«Приходи и дрочи...» – 1929 год.

«Калека толкал молочно-сахарное дерьмо...» Успел повеситься в последнюю минуту, в 1952 году.

(Опустившийся, затянутый в корсет тенор в бабском наряде поет Дэнни Дивера...)

Мулы не жеребятся в этом славном округе, над неслышным бормотанием упрятанных в зольники мертвецов... Нарушение Закона о Здравоохранении 334.

Так где же статуя, где комиссионное вознаграждение? Кто может сказать? Я не владею Словом... Возвращаюсь к своей резиновой спринцовке... Царь вырвался на волю с огнеметом, а цареубийца, символически замученный в чучелах тысячи бродяг, мчится мимо босяков по задворкам, желая посрать на известняковом теннисном корте.

Молодой Диллинджер вышел из дома и ни разу не оглянулся...

– Никогда не оглядывайся, чувак... А не то превратишься в соляной лизунец для какой-нибудь старой коровы.

Полицейская пуля в переулке... Разорванные крылья Икара, вопли горящего мальчика, вдыхаемые старым джанки... глаза пустые, как бескрайняя равнина... (крылья грифов рассекают сухой воздух).

Краб, престарелый Декан специалистов по карманам пьянчуг, надевает костюм-панцирь и выходит на свой ночной промысел... стальными клешнями выдергивает золотые зубы и коронки у всех бездомных лохов, спящих с открытым ртом... Если лох вскакивает и набрасывается на него, краб пятится и щелкает клешнями, пытаясь затеять битву с неясным исходом на полях брани, где сходятся Гомики.

Юный Грабитель, отъебанный во время длительного тюремного заключения и выселенный с кладбища за неуплату, берет просроченную закладную и с невнятным бормотанием на устах заходит в бар для гомиков, надеясь подцепить припозднившегося партнера из Города Тентов, где кастраты-коммивояжеры распевают гимн IBM.

Мандавошки резвились в его лесочке... всю ночь борясь с ангельским сухостоем; побежденные в героической гомосхватке, они спешат убраться восвояси в ржавую известняковую впадину.

Черная Тяга извергает семя над соляными болотами, где не растет ничего, даже мандрагора[50]...

Теория вероятностей... Несколько цыплят... Единственный способ выжить...

– Ба, да вот и денежки!

– Ты уверен, что они здесь?

– Конечно, уверен... Пойдем вместе.

Ночной поезд в Чикаго... Встречаю в коридоре девицу, вижу, что она торчит, и спрашиваю, где бы раздобыть еще.

– Входи, сынок.

Цыпочка не так уж и молода, но скроена ладно...

– Может, примем сначала дозу?

– Ну уж нет, тогда тебе будет не до того.

Три палки подряд... Просыпаюсь на ломках, вздрагивая от теплого весеннего ветра из окна, вода жжет глаза, точно кислота...

Она вылезает нагишом из постели... Включает лампу “Кобра”… Готовит дозу...

– Повернись... Я сделаю тебе укол в задницу.

Она глубоко втыкает иглу, вынимает ее и массирует ягодицу...

Она слизывает с пальца каплю крови.

Он ворочается, в серой и липкой джанковой грязи тает сухостой.

В юдоли кокаина и невинности печальноглазые юноши призывают йодлем заблудившегося Мужичка...

Мы нюхали всю ночь и насчитали четыре палки... пальцы спускаются по черной классной доске... скребут белую кость. С героином и море – дом родной, да и с Векселем тусовщик всюду как дома...

Уличный торговец беспокойно ерзает: «Посиди-ка здесь, ладно, чувак? Надо повидать одного человека по поводу мартышки[1]».

Слово разделено на элементы, которые дальнейшему делению не подлежат, в таком виде их и следует воспринимать, но элементами этими можно пользоваться в любом порядке, можно объединять их на все лады, вставлять в любое место от носа до кормы, словно в увлекательной сексуальной аранжировке. Книга покидает страницы, рассыпаясь во все стороны на калейдоскоп воспоминаний, попурри мелодий и уличных шумов, пердежа и завываний бунта, стука стальных ставней торговых рядов, криков боли и энтузиазма и просто жалобного хныканья, визга спаривающихся котов и нытья насильно пересаженных рыбьих голов, пророческих бормотаний шаманов в мускатно-ореховых трансах, треска ломающихся шей, пронзительных воплей мандрагор, оргазменных вздохов, героиновой немоты, что настает на рассвете в страждущих клетках, Каирского Радио, горланящего, точно обезумевший табачный аукцион, и флейт Рамадана, ветерком освежающих больного джанки, как это делает в серой рассветной подземке ласковый специалист по

карманам пьянчуг, нащупывающий чувствительными пальцами хрустящие зелененькие...

Вот они – Откровение и Пророчество, и ловлю я их без всякого транзистора своим детекторным приемником двадцатых годов с антенной из спермы... Благосклонный Читатель, мы зрим Бога сквозь наши задние проходы в фотовспышке оргазма... С помощью этих отверстий преображай свое грешное тело... Путь Наружу – это путь Внутрь...

А теперь я, Уильям Сьюард, выпущу на волю полчища слов... Мое сердце – сердце викинга – парит над широкой бурой рекой, где в сумерках джунглей тарахтят моторные лодки, где плавают целые деревья с гигантскими змеями в ветвях и печальноглазые лемуры следят за берегом с дальнего края полей Миссури (мальчик находит розовый стрелолист), замирает вместе с далекими гудками поезда и возвращается ко мне, голодное, как уличный мальчишка, не умеющий еще торговать вразнос ниспосланной ему Богом задницей...

Благосклонный Читатель, Слово набросится на тебя, выпустив железные когти человека-леопарда, оно отгрызет тебе пальцы рук и ног, словно не брезгующий ничем сухопутный краб, оно повесит тебя и, подобно постижимому псу, будет ловить ртом твою сперму, оно огромной ядовитой змеей обовьется вокруг твоих бедер и впрыснет тебе дозу протухшей эктоплазмы... А почему пес постижимый?

На днях возвращаюсь я с нескончаемого завтрака, нитью тянущегося от рта до жопы все дни нашей жизни, и вижу мальчика-араба с черно-белым псом, умеющим ходить на задних лапах... И тут к мальчику дружелюбно бросается большой желтый пес, а мальчик отпихивает его прочь, и тогда желтый пес рычит, явно намереваясь укусить этого едва начавшего ходить малыша, и ворчит, как будто вдруг обрел дар человеческой речи: «Это же преступление против природы».

Вот я и нарекаю желтого пса Постижимым... И позвольте мне заметить мимоходом – а я всегда хожу мимо, как настоящий черномазый, – что Непостижимому Востоку надобно слопать еще не один пуд соли... Ваш Корреспондент ширяется тридцатью гранами морфы в день и сидит восемь часов, непостижимый как говно.

– О чем ты д у м а е ш ь ? – смущенно поеживаясь, спрашивает Американский Турист...

На что я отвечаю: «Морфин угнетает мой гипоталамус, где локализованы либидо и эмоции, а так как лобные доли мозга включаются, только если хорошенько пощекотать затылочные, – они ведь лишены самостоятельности и способны лишь задницу для пинков подставлять, – я должен признаться в полнейшем отсутствии каких-либо мозговых реакций. Я сознаю твое присутствие, но поскольку оно не вызывает у меня никаких волнующих смысловых ассоциаций, а мой аффект отключен джанковым человеком за неуплату, мне твои постельные проблемы до фени... Можешь сколько угодно приходить и уходить, можешь обосраться или сам себя выебать хоть рашпилем, хоть колом осиновым – а гомику это в самый раз, – Мертвым и Джанки все равно...» Они н е п о с т и ж и м ы .

– Как пройти между рядами в ватерклозет? – спросил я у блондинистой билетерши.

– Сюда, сэр... Внутри есть еще одно местечко.

– Вы не видали Розу Пантопон? – спросил старый джанки в черном пальто.

Техасский шериф убил своего соучастника – ветеринара Браубека Нетвердого, замешанного в афере с лошадиным героином... Если у лошадки афтоз, ей нужна уйма героина, чтобы унять боль, а часть этого героина уже скачет, наверное, через пустынные прерии и радостно ржет на Вашингтон-сквер... Туда с пронзительными криками бросаются джанки:

– Эй! Но-о-о, Серебристый!

– Но где же статуя?! – Ну как не посочувствовать тому типичному страдальцу, который так визгливо вскрикнул у стойки отделанной бамбуком кондитерской в Калле-Хуаресс, Мексика, Пеленгатор... Так и сгинул там по липовому обвинению в изнасиловании... сорвет с тебя пизда штаны, а потом тебя же и вяжут за изнасилование – вот тебе и статут[94], браток...

Вызывает Чикаго... входите, пожалуйста... вызывает Чикаго... входите, пожалуйста... Для чего, по-вашему, я надел галоши, отправляясь есть гуляш в Пайо? Очень сыро в этом городишке, читатель...

– Сними их! Сними их!

Старый гомик встречает самого себя, идущего навстречу, словно пародия на юность, и призрак Старика Говарда дает ему коленом под зад... задворками, к Музею Рыночной улицы, где демонстрируются все виды мастурбации и самопоругания... особенно пригодится юным мальчикам...

Они были готовы обирать лохов еще в незапамятные времена, там, в подпольной винной лавке... так и сгинули в клочках услады и горящих черновиков...

Читайте метастаз слепыми пальцами.

Окаменелое письмо артрита...

– К продаже привыкаешь сильнее, чем к употреблению. – Лола Ла Чата, Мексика, Пеленгатор.

Засасывающий водоворот страха перед игольными шрамами, вызывающий оцепенение подводный вопль, возвещающий наступление тяги, пульсирующий укус чумы...

– Если Бог и сотворил нечто лучшее, он оставил это себе, – говаривал Матрос, когда его трансмиссия тормозилась двадцатью чумовыми колесами.

(Медленно, как осколки опала в глицерине, оседают частицы убийства.)

Гляжу на тебя и мурлычу снова и снова "Джонни давно уж на ярмарке".

Барыжничаем помаленьку, привычка есть привычка...

– И пользуюсь спиртом, – сказал я и с шумом швырнул спиртовку на стол.

– Вы, ебучие нетерпеливые и жадные джанки, только и знаете, что коптить мои ложки спичками... Мне же за одно это влепят Неопределенный срок – легавым только закопченная ложка и нужна...

– Я-то думал, ты собрался слезать... Заебался бы тебя выхаживать. Требуется немало мужества, чтобы побороть привычку, чувак.

Поиски вен в тающей плоти. Песочные Часы джанка роняют в почки последние черные песчинки...

– Крепко зараженное место, – пробурчал он, сдвигая жгут.

– У них бытовал культ смерти, – сказала моя Старуха, отрываясь от Кодексов майя... – И огонь, и дар речи, и семена кукурузы им давала смерть... Смерть превращается в зерно маиса.

Не за горами Дни Уаба[95],
Чувствительные ветры горя и ненависти
Развеяли дозняк.

– Убери отсюда эти ебучие непристойные картинки, – сказал я ей. Старый шмекер[37], накачавшийся водкой с чумовыми колесами, опирался о спинку стула... опозорил собственную кровь.

– Ты что, тоже из нембуталыциков?

Желтые запахи бормотухи и закупоренной печени вырвались из его одежды, когда он джанковым жестом вытянул руку ладонью вверх, надеясь вырулить дозу... запах перечных забегаловок, промокших пальто и атрофированных яиц...

Он посмотрел на меня сквозь поверхностную, эктоплазменную плоть лечения... тридцать фунтов материализуются за месяц, когда вы переламываетесь... мягкая розовая мастика, которая исчезает при первом же неслышном прикосновении джанка... Я видел, как это происходит... за десять минут теряются десять фунтов... стоит со шприцем в одной руке... другой поддерживает штаны

едкий запах больного металла.

Шагаю по мусорной куче высотой до самого неба... разбросанные бензиновые костры... в неподвижном воздухе, черный и густой, как испражнения, застыл дым... окуривающий белую пелену полуденной жары... рядом со мной идет Д. Л. ...отражение моих беззубых десен и безволосого черепа... плоть размазана по гниющим фосфоресцирующим костям, охваченным неторопливыми холодными пожарами... Он несет открытый бидон с бензином, и запах бензина окутывает его... взобравшись на груду ржавого железа, мы встречаем группу туземцев... плоские двухмерные морды рыб, питающихся падалью...

– Облей их бензином и подожги...

НАСКОРО...

белая вспышка... сдавленный писк насекомого...
я восстал из мертвых с металлическим привкусом во рту
принеся с собой бесцветный запах смерти
детское место полудохлой серой обезьяны
фантомные приступы боли после ампутации...

– Таксисты дожидаются пассажира, – сказал Эдуардо и умер от передозировки в Мадриде...

В розовых извилинах распухшей плоти полыхают бикфордовы шнуры... воспламеняющие фотовспышки оргазма... четкие фотоснимки навеки остановленного телодвижения... гладкая смуглая половина тела, изогнутая в попытке прикурить...

Он стоял там в соломенной шляпе двадцатых годов, которую кто-то дал ему... на темной улице павшими птицами осыпаются мягкие нищенские слова...

– Нет... Нет больше... No mas[96]... Вздымающиеся волны моря отбойных молотков в лилово-буром сумраке, насыщенном гнилостным металлическим запахом канализационного газа... юные лица рабочих дрожат в туманных желтых ореолах карбидовых фонарей... вырыты лопнувшие трубы...

– Они перестраивают Город. Ли рассеянно кивнул:

– Да... Постоянно...

Любой из двух ходов – плохой ход по направлению к Восточному Крылу... Если бы я знал, то с радостью рассказал бы вам...

– Не годится... No bueno[72]... Сам тусуюсь...

«Моя нет... Плиходи пятниса».

Танжер, 1959

ПРИЛОЖЕНИЕ К '*ГОЛОМУ ЗАВТРАКУ*'

ПИСЬМО ОТ МАСТЕРА-НАРКОМАНА, ПИТАВШЕГО ПРИСТРАСТИЕ К ОПАСНЫМ ПРЕПАРАТАМ

"British Journal of Addiction". Том 53, номер 2.

3 августа 1956 г. Венеция.

Уважаемый доктор.

Благодарю за письмо. Посылаю статью о действии различных наркотиков, которые я употреблял. Не знаю, подходит ли она для публикации в вашем издании. Не возражаю, если вы используете мое имя.

Никаких затруднений с выпивкой. Никакой тяги к наркотикам. Общее состояние здоровья отличное. Передайте, пожалуйста, привет мистеру... Я ежедневно с прекрасными результатами пользуюсь его системой упражнений. Я подумываю о том, чтобы написать книгу о наркотических средствах – если удастся подыскать подходящего помощника, который взялся бы за техническую сторону дела.

Ваш Уильям Берроуз.

Употребление опиума и его производных ведет к состоянию, которое укладывается в определенные рамки и определяется как "пагубное пристрастие" (этот термин неправильно употребляют для обозначения всего, к чему привыкают или чего хотят. Мы говорим о пагубном пристрастии к сластям, кофе, табаку, теплой погоде, телевидению, детективным романам, кроссвордам). Столь неверно употребляемый термин теряет всякую меткость своего значения. Употребление морфина ведет к метаболической зависимости от него. Морфин становится биологически необходимым, как вода, и наркоман, если его неожиданно лишить этого наркотика, может умереть. Диабетик умрет без инсулина, однако он не приобретает пагубного пристрастия к инсулину. Его потребность в инсулине возникает не от употребления инсулина.

Он нуждается в инсулине для поддержания нормального обмена веществ. Наркоман нуждается в морфине, чтобы поддерживать морфинный обмен веществ и таким образом избежать мучительно болезненного возвращения к нормальному обмену веществ.

Я употреблял некоторые "наркотические" препараты в течение двадцатилетнего периода. Кое-какие из этих препаратов вызывают привыкание в вышеупомянутом смысле. Большинство же – нет.

О п и а т ы. Более двенадцати лет я употреблял опиум – курил и ел (подкожная инъекция приводит к абсцессам, внутривенная инъекция неприятна, а возможно –

опасна), героин – инъекциями под кожу, в вену и мышцу и вдыханием через нос (если под рукой не было шприца), морфин, дилаудид, пантопон, юкодол, паракодин, дионин, кодеин, демерол, метадон. Все они в разной степени ведут к привыканию. Вне зависимости от того, каким способом употребляется наркотик – курением, вдыханием, инъекциями, через рот, вставлением свечей в прямую кишку, – результат один – привыкание. И привычку курить так же трудно побороть, как привычку к внутривенным инъекциям. Мысль о том, что привычка к инъекциям особенно вредна, возникает от неоправданного страха перед уколами (“инъекции отравляют кровь” – как будто кровь хоть сколько-то меньше отравляется веществами, абсорбируемыми из желудка, легких или слизистой оболочки). Вероятно, демерол вызывает привыкание в меньшей степени, чем морфин. Он и меньше удовлетворяет наркоманов, и менее эффективен как болеутоляющее. Хотя привычку к демеролу легче побороть, чем привычку к морфину, демерол определенно более вреден для здоровья, и особенно – для нервной системы. Как-то я употреблял демерол в течение трех месяцев и нажил несколько тяжелых симптомов: трясущиеся руки (с морфином руки у меня не дрожат), прогрессирующую потерю координации, сокращение мышц, параноидальные навязчивые идеи, страх сумасшествия. В конце концов у меня возникла нетерпимость к демеролу – несомненно, как мера самосохранения, – и я переключился на метадон. Все мои симптомы как рукой сняло. Могу добавить, что демерол, точно так же, как и морфин, вызывает запор, что он оказывает даже более угнетающее воздействие на аппетит и половые функции, однако не сужает зрачки. За много лет я сделал себе тысячи инъекций нестерилизованными, даже грязными иглами и ни разу не перенес заражения, пока не начал употреблять демерол. Тут я переболел серией абсцессов, один из которых пришлось вскрывать и дренировать. Короче говоря, демерол, мне кажется, является более опасным средством, чем морфин. Метадон полностью удовлетворяет наркомана, является отличным болеутоляющим и вызывает не меньшее привыкание, чем морфин.

Я употреблял морфин при острой боли. Любой опиат, который эффективно утоляет боль, в такой же степени ослабляет “симптомы отнятия” наркотика. Вывод очевиден: любой опиат, утоляющий боль, ведет к привыканию, и чем эффективнее он утоляет боль, тем сильнее возникающее к нему привыкание. Молекула, вызывающая привыкание, и молекула, утоляющая боль, у морфина, вероятно, идентичны, и процесс, благодаря которому морфин утоляет боль, – это тот же самый процесс, который ведет к толерантности и пагубному пристрастию. Морфин, не ведущий к привыканию, является современным философским камнем. С другой стороны, разновидности апоморфина могут оказаться крайне эффективными при контролировании синдрома отнятия. Однако не приходится рассчитывать на то, что это лекарство будет также и болеутоляющим.

Феномен пагубного пристрастия к морфину хорошо известен, и здесь нет нужды подробно его касаться. Однако на некоторые моменты обращалось, как мне кажется, недостаточное внимание: метаболическая несовместимость морфина и алкоголя рассматривалась, но никто, насколько я знаю, не дал ей объяснения. Если морфинист употребляет алкоголь, он не испытывает никаких приятных, эйфорических ощущений. Напротив, постепенно растет ощущение дискомфорта и необходимость в очередной инъекции; возможно, печень быстро сводит действие алкоголя на нет.

Однажды я попробовал выпить, еще не полностью оправившись от гепатита (морфин я в то время не употреблял). Метаболическое ощущение было идентичным. В одном случае печень частично была выведена из строя желтухой, в другом – целиком поглощена морфинным обменом веществ. Ни в одном из этих случаев она не могла включить в обмен веществ алкоголь. Я знаю нескольких алкоголиков, которые начали употреблять морфин. Они были в состоянии воспринимать большие дозы морфина (один гран за укол) без болезненных последствий и через несколько дней прекращали принимать алкоголь. Обратного никогда не происходит. Морфинист не может воспринимать алкоголь, когда он принимает морфин или страдает от морфинного отнятия. Способность воспринимать алкоголь является верным признаком дезинтоксикации. Поэтому алкоголь не может сразу заменить морфин. Разумеется, наркоман, достигший дезинтоксикации, может начать пить и стать алкоголиком.

Во время отнятия наркоман болезненно воспринимает всё, что его окружает. Чувства обострены до галлюцинаций. Кажется, что знакомые предметы корчатся от вселившейся в них скрытой жизни. Наркоман погружен в переживания, как возникающие под воздействием внешних причин, так и касающиеся его организма. Он может испытывать вспышки приятной ностальгии, но общее ощущение крайне болезненное. (Возможно, болезненность ощущений является следствием их интенсивности. Приятное ощущение может сделаться невыносимым, если достигнута определенная степень его интенсивности.)

Я заметил две специфические реакции на раннее отнятие: 1) всё выглядит угрожающим; 2) умеренная паранойя. Доктора и сестры превращаются в страшных чудовищ. Во время нескольких курсов лечения я чувствовал, что окружен опасными безумцами. Я разговаривал с одним из пациентов д-ра Дента, только что достигшим дезинтоксикации после привычки к петидину. Он рассказал о подобных переживаниях, о том, что в течение 24 часов сестры и доктор «казались жестокими и отвратительными». И всё вокруг – беспросветным. Говорил я и с другими наркоманами, которые пережили подобное. Теперь психологическая основа параноидальных представлений во время отнятия ясна. Специфическое однообразие таких реакций указывает на их метаболическое происхождение. Сходство между феноменом отнятия и определенными состояниями наркотической интоксикации потрясающе. Гашиш, *Bannisteria caapi* (гармалин), пейот (мескалин) вызывают состояния обостренной чувствительности с галлюцинаторной восприимчивостью. Всё кажется ожившим. Часты параноидальные идеи. Особенно точно воспроизводит состояние отнятия отравление *Bannisteria caapi*. Всё выглядит угрожающим. Отмечаются параноидальные идеи, в особенности при передозировке. Приняв *Bannisteria caapi*, я пришел к убеждению, что «шаман» вместе с его подмастерьем сговорились меня убить. Похоже, метаболическое состояние организма способно воспроизводить результат воздействия различных наркотиков.

В США наркоманы, употребляющие героин, невольно проходят курс снижения дозы благодаря барыгам, которые постепенно всё в большей пропорции разбавляют свой товар молочным сахаром и барбитуратами. В результате многие наркоманы, желающие пройти курс лечения, имеют слабое привыкание, и полная дезинтоксикация может наступить у них за короткое время (7–8 дней). Они быстро

поправляются без всякого лечения. В то же время некоторое облегчение приносит любое успокаивающее, антиаллергическое лекарство, особенно при введении его с помощью инъекции. Наркоман чувствует себя лучше, если знает, что некое чужеродное вещество попадает в систему кровообращения. Толсерол, торазин и родственные им транквилизаторы, все виды барбитуратов, хлорал и паральдегид, антигистамины, кортизон, резерпин, даже шок (не подходит ли очередь лоботомии?) – все они применялись с результатами, обычно описываемыми как "обнадеживающие". Мой собственный опыт говорит о том, что эти результаты следует воспринимать с некоторыми оговорками. Несомненно, отмечено лечение симптоматики, и все эти лекарства (за исключением, возможно, наиболее часто применяемых – барбитуратов) играют свою роль в лечении синдрома отнятия. Но ни одно из этих лекарств само по себе ответом на отнятие не является. Симптомы отнятия варьируются в зависимости от индивидуального обмена веществ и физического типа. Индивидуумы с "куриной грудью", а также склонные к сенной лихорадке и астме, при отнятии сильно страдают от аллергических симптомов: насморка, чихания, жгучих болей, слезящихся глаз, затрудненного дыхания. В таких случаях некоторого облегчения можно добиться с помощью кортизона и антигистаминов. Тошноту, очевидно, можно контролировать с помощью противорвотных лекарств, таких как торазин.

Я прошел десять "курсов", в течение которых применялись все эти лекарства. Я пробовал быстрое снижение дозы, постепенное снижение дозы, продолжительный сон, апоморфин, антигистамины, французскую систему, применяющую некий бесполезный продукт, известный как "аморфин", – всё, кроме шока. (Было бы интересно познакомиться с результатами дальнейших экспериментов с лечением шоком, проведенных над кем-нибудь другим.) Успех любого лечения зависит от степени и продолжительности наркомании, стадии отнятия (лекарства, эффективные при позднем или легком отнятии, могут оказаться губительными в острой фазе), индивидуальных симптомов, состояния здоровья, возраста и т. д.Один и тот же метод лечения может быть абсолютно неэффективным в одно время и дать отличные результаты в другое. Или же лечение, которое не приносит никакой пользы мне, может помочь кому-то другому. Не осмеливаясь выносить окончательных суждений, я лишь хочу описать свою собственную реакцию на различные лекарства и методы лечения.

К у р с ы с н и ж е н и я д о з ы. Это самая известная форма лечения, и никакой из ныне известных методов не может полностью заменить ее в тяжелых случаях. Пациент должен получать немного морфина. Если и есть некое правило, применимое во всех случаях привыкания, то это именно оно. Однако отнимать морфин следует как можно раньше. Я проходил курсы постепенного снижения дозы, и результатом во всех случаях было разочарование, а в конце концов – рецидив. Незначительное снижение дозы может превратиться в бесконечное. Когда наркоман хочет лечиться, он в большинстве случаев уже много раз испытывал симптомы отнятия. Он ждет неприятного испытания и готов терпеть. Но если муки отнятия вместо десяти дней длятся более двух месяцев, он может их не выдержать. Именно длительность боли, а не ее интенсивность ломает волю к сопротивлению. Если наркоман по привычке примет любое, даже самое незначительное количество любого опиата, чтобы

облегчить страдания от слабости, бессонницы, тоски, нетерпения на поздней стадии отнятия, симптомы отнятия не исчезнут практически никогда, и рецидив почти неизбежен.

Продолжительный сон. В теории звучит неплохо. Вы засыпаете и просыпаетесь здоровым. Большие дозы хлоралгидрата, барбитуратов, торазина приводили лишь к кошмарному полубессознательному состоянию. Отнятие снотворных через пять дней вызывало тяжелый шок. Затем следовали тяжелые симптомы морфинного отнятия. В конечном счете всё это выливалось в синдром ни с чем не сравнимого ужаса. Ни один из курсов лечения, когда-либо предпринятых мной, не был таким болезненным, как этот считающийся безболезненным метод. Цикл сна и бодрствования во время отнятия всегда нарушен. Дополнительное нарушение его с помощью сильных снотворных противопоказано, если не сказать больше. Отнятие морфина достаточно травмирует и без дополнительного отнятия барбитуратов. После двухнедельного пребывания в больнице (пять дней усыпления, десять дней “отдыха”) я был еще настолько слаб, что потерял сознание, попытавшись подняться вверх по слегка наклонному полу. Я считаю продолжительный сон худшим из всех возможных методов лечения.

Антигистамины. Применение антигистаминов основано на аллергической теории отнятия. Резкое отнятие морфина ускоряет перепроизводство гистамииа с вытекающими из этого аллергическими симптомами. (При шоке, возникающем в результате травмы с острой болью, в крови выделяется много гистамина. При острой боли, как и при наркомании, с готовностью усваиваются токсичные дозы морфина. Кролики с повышенным содержанием гистамина в крови обладают весьма высокой сопротивляемостью к морфину.) Из моего собственного опыта с антигистаминами определенных выводов не сделаешь. Однажды я предпринял курс, при котором применялись только антигистамины, и результаты оказались неплохими. Но в тот раз привыкание было легким, и к началу лечения я обходился без морфина уже 72 часа. С тех пор я частенько пользовался антигистаминами для лечения симптомов отнятия, и всегда – с разочаровывающими результатами. Казалось, они даже усиливают мою депрессию и раздражительность (типичными аллергическими симптомами я не страдаю).

Апоморфин. Несомненно, апоморфин – самый лучший метод лечения отнятия из испытанных мною. Он не уничтожает симптомы отнятия полностью, но снижает их до уровня, при котором их можно вытерпеть. Острые симптомы, такие как судороги желудка и ног, конвульсивное или маниакальное состояние, полностью под контролем. Лечение апоморфином приносит даже меньший дискомфорт, чем курс снижения дозы. Выздоровление более быстрое и более полное. Я уверен, что не избавился от тяги к морфину окончательно, пока не предпринял курс лечения апоморфином. Возможно, “психологическая” тяга к морфину, остающаяся после лечения, вовсе не является психологической, а зависит от обмена веществ. Более действенные вариации формулы апоморфина могут оказаться еще эффективнее при лечении всех видов наркомании.

Кортизон. Кортизон, по-моему, приносит некоторое облегчение, особенно при внутривенной инъекции.

Торазин. Дает некоторое облегчение при симптомах отнятия, но небольшое. Побочные эффекты в виде депрессии, расстройств зрения и пищеварения приносят сомнительную пользу.

Резерпин. Не замечал от этого лекарства никакого эффекта, кроме легкой депрессии.

Толсерол. Результаты ничтожные.

Барбитураты. Обычно барбитураты прописывают от бессонницы при отнятии. На деле же применение барбитуратов отдаляет возвращение нормального сна, продлевает весь болезненный период отнятия в целом и может привести к рецидиву. (Наркоман испытывает соблазн принять вместе со своим нембуталом немного кодеина или настойки опия. Крайне незначительные количества опиатов, будучи вполне безвредными для нормального человека, моментально восстанавливают привыкание у лечащегося наркомана.) Мой опыт лишь подтверждает мнение д-ра Дента, согласно которому барбитураты противопоказаны.

Хлорал и паральдегид. Возможно, предпочтительнее барбитуратов, если необходимо снотворное, но многих наркоманов стошнит от паральдегида моментально.

Кроме того, в период отнятия я по собственной инициативе пробовал следующие средства:

Алкоголь. Абсолютно противопоказан на всех стадиях отнятия. Употребление алкоголя неизменно обостряет симптомы отнятия и ведет к рецидиву. Алкоголь начинает усваиваться лишь после того, как придет в норму обмен веществ. В тяжелых случаях наркомании для этого требуется месяц.

Бензедрин (фенамин). Может временно ослабить депрессию позднего отнятия, гибелен во время острой стадии отнятия, противопоказан на любой стадии, так как вызывает состояние нервозности, психологическим ответом на которое является морфин.

Кокаин. Сказанное выше вдвойне верно для кокаина.

Cannabis indica (марихуана). При позднем, то есть легком, отнятии снижает депрессию и повышает аппетит, на острой стадии отнятия – абсолютная гибель. (Однажды на ранней стадии отнятия я покурил марихуану с кошмарными результатами.) Cannabis повышает чувствительность. Если вам плохо, то с ее помощью вы почувствуете себя еще хуже. Противопоказана.

Пейот, *Bannisteria caapi*. Я не отважился на эксперимент. От одной мысли об интоксикации *Bannisteria*, накладывающейся на острую стадию отнятия, голова идет кругом. Я знаю о человеке, который принимал пейот на поздней стадии отнятия: утверждая, что потерял всякую тягу к морфину, он в конце концов умер от отравления пейотом.

В случаях тяжелой наркомании определенные физические симптомы остаются по крайней мере в течение месяца.

Я никогда не видел и ничего не слышал о сумасшедшем морфинисте, то есть о человеке с симптомами психопата, имеющем пагубную привычку к какому-нибудь опиату. И в самом деле, наркоманы мрачно нормальны. Вероятно, дело в метаболической несовместимости шизофрении и опиомании. С другой стороны, отнятие морфина нередко вызывает психическую реакцию – как правило, легкую паранойю. Интересно, что лекарства и методы лечения, дающие результаты при шизофрении, используются иногда при отнятии наркотика: антигистамины, транквилизаторы, апоморфин, шок.

Сэр Чарлз Шерингтон называет боль «психическим помощником императивного защитного рефлекса».

Вегетативная нервная система расширяется и сжимается в ответ на внутренние ритмы и внешние возбуждения, расширяясь от возбуждений, которые воспринимаются как приятные, – секс, пища, приятные общественные контакты и т. д., – сжимаясь от боли, тревоги, страха, дискомфорта, тоски. Морфин изменяет весь этот цикл расширения и сжатия, расслабления и напряжения. Сексуальная функция ослаблена, перистальтика заторможена, зрачки не реагируют на свет и темноту. Организм не сжимается от боли и не расширяется от обычных источников удовольствия. Он подчинен морфинному циклу. Наркоман невосприимчив к тоске. Он может часами разглядывать свой башмак или попросту не вылезать из постели. Ему не требуется никакой сексуальной отдушины, не нужны никакие общественные контакты, никакая работа, никакие развлечения, никакая деятельность – ничего, кроме морфина. Морфин может облегчить боль, придав организму некоторые свойства растения. (На растения функции боли, возможно, не распространяются, так как растения большей частью неподвижны, не способны к защитным рефлексам.)

Ученые ищут морфин, не ведущий к привыканию, который будет утолять боль, не принося удовольствия; наркоманы хотят – или думают, что хотят, – эйфории без привыкания. Я не вижу, как можно разделить функции морфина, и считаю, что любое эффективное болеутоляющее средство будет подавлять сексуальную функцию, вызывать эйфорию и вести к привыканию. Вероятно, идеальное болеутоляющее будет образовывать привычку моментально. (Если кто-то заинтересован в создании такого наркотика, за основу стоит взять дигидрооксигероин.)

Наркоман существует, пребывая в безболезненном, бесполом, безвременном состоянии. Обратный переход к ритмам животной жизни происходит через синдром отнятия. Сомневаюсь, что когда-нибудь можно будет совершить этот переход в комфорте. К безболезненному отнятию можно лишь приблизиться.

К о к а и н. Кокаин – это самый радостный наркотик, который я когда-либо употреблял. Эйфория концентрируется в голове. Возможно, этот наркотик активизирует центры удовольствия в мозгу. Я подозреваю, что электрический ток в нужном месте произвел бы такой же эффект. Полную радость от кокаина можно ощутить только при внутривенной инъекции. Удовольствие длится не более

пятидесяти минут. Если делается подкожная инъекция наркотика, быстрое удаление его из организма портит эффект. То же, но вдвойне – при вдыхании носом.

Для кокаинистов обычное дело – не спать всю ночь и с интервалом в минуту делать себе уколы кокаина, перемежая их уколами героина или кокаина и героина, смешанных в одной инъекции для получения “спид-болла”. (Я не встречал человека, имеющего привычку к кокаину, который не был бы морфинистом.)

Тяга к кокаину может быть сильной. Я целые дни проводил в походах от одной аптеки к другой с рецептом на кокаин в руках. Вы можете очень захотеть кокаина, но никакой метаболической необходимости в нем у вас не возникнет, Если вы не в состоянии раздобыть кокаин, вы едите, ложитесь спать и забываете о нем. Я разговаривал с людьми, которые годами употребляли кокаин, а затем неожиданно лишались его источника. Никто из них не испытывал никаких симптомов отнятия. И в самом деле, трудно представить себе, как стимулятор лобных долей мозга может вызывать наркоманию. Похоже, пагубное привыкание – это монополия успокаивающих средств. Продолжительное употребление кокаина ведет к нервозности, депрессии, иногда – к наркотическому психозу с параноидальными галлюцинациями. Нервозность и депрессия от употребления кокаина не снижаются при его дополнительном приеме. Они эффективно снимаются с помощью морфина. Употребление кокаина морфинистом всегда ведет к большим дозам и более частым инъекциям морфина.

Cannabis indica (гашиш, марихуана). Действие этого наркотика описывалось часто и ярко: нарушение восприятия пространства и времени, обостренная чувствительность к впечатлениям, полет мысли, истерический смех, отупение. Марихуана повышает чувствительность, и результаты не всегда приятны. Плохую ситуацию она только усугубляет. Депрессия превращается в отчаяние, тревогу, панику. Я уже упоминал о своем ужасном опыте с марихуаной на острой стадии отнятия морфина. Однажды я угостил марихуаной одного своего гостя, которого что-то слегка тревожило («пинки под зад», как он объяснил). Выкурив полсигареты, он внезапно вскочил и с криком «Мне страшно!» выбежал из дома. В особенности лишает присутствия духа такое свойство интоксикации марихуаной, как нарушение эмоциональной ориентации. Вы не знаете, нравится вам что-то или нет, приятно испытываемое вами чувство или неприятно.

Каждый употребляет марихуану по-своему. Одни курят ее постоянно, другие – время от времени; немало людей остро ее ненавидят. Похоже, особенно она непопулярна среди убежденных морфинистов, многие из которых настроены в отношении курения марихуаны крайне пуритански.

В США болезненные эффекты марихуаны чрезвычайно преувеличиваются. Нашим национальным наркотиком является алкоголь. На употребление любого другого наркотика мы склонны смотреть с особым страхом. Каждый, кто предается этим чуждым порокам, заслуживает полного духовного и телесного уничтожения. Люди верят в то, во что хотят верить, невзирая на факты. Марихуана не образует привыкания. Я никогда не видел доказательств болезненных эффектов умеренного

употребления. Наркотический психоз может возникнуть лишь от продолжительного или чрезмерного употребления.

Барбитураты. Барбитураты определенно ведут к привыканию, если употребляются в больших количествах в некоторый промежуток времени (к привыканию приведет употребление примерно одного грамма в день). Синдром отнятия опаснее морфинного синдрома, он включает в себя галлюцинации с конвульсиями эпилептического характера. Наркоманы нередко получают травмы, падая на бетонный пол (бетонные полы, как правило, становятся естественными спутниками внезапного отнятия). Морфинисты часто принимают барбитураты, чтобы придать силу недостаточным дозам морфина. Некоторые из них становятся и барбитуратоманами.

Одно время я в течение четырех месяцев ежедневно принимал две капсулы нембутала (по полтора грана каждая) и не страдал никакими симптомами отнятия. Привыкание к барбитуратам – это вопрос количества. Возможно, это не метаболическое привыкание, как в случае с морфином, а механическая реакция на чрезмерное торможение деятельности лобных долей мозга.

Наркоман-барбитуратчик являет собой жуткое зрелище. Он теряет координацию движений, он шатается, падает с табурета у стойки бара, засыпает, не договорив фразу, пища вываливается у него изо рта. Сознание его помрачено, он глуп и сварлив. И почти всегда он употребляет другие наркотики, всё, что попадется под руку, – алкоголь, бензедрин, опиаты, марихуану. В обществе наркоманов на барбитуратчиков смотрят как на низший класс: «Любители чумовых колес. Низкого пошиба людишки». Ниже опуститься можно, лишь перейдя на угольный газ с молоком или начав ведрами нюхать аммиак: «Кайф для уборщиц».

Мне кажется, что барбитураты образуют худшую из возможных форм привыкания – уродливую, ведущую к вырождению, трудно поддающуюся лечению.

Бензедрин. Как и кокаин, это мозговой стимулятор. Большие дозы вызывают длительную бессонницу с радостным настроением. За периодом эйфории следует ужасная депрессия. Прием наркотика усиливает тревогу. Вызывает нарушение пищеварения и потерю аппетита.

Мне известен только один случай, когда отнятие бензедрина привело к определенным симптомам. Это была одна моя знакомая, которая в течение шести месяцев употребляла огромные количества бензедрина. За этот период у нее развился наркотический психоз, и она была госпитализирована на десять дней. Она продолжала принимать бензедрин, но неожиданно была его лишена. Начался припадок астматического типа. Она не могла дышать и посинела. Я дал ей дозу антигистамина (теферин), которая принесла быстрое облегчение. Больше эти симптомы не повторялись.

Пейот (мескалин). Это, несомненно, стимулятор. Он расширяет зрачки, лишает сна. Пейот вызывает сильную тошноту. Ее очень трудно подавлять достаточно долго для того, чтобы прочувствовать действие пейота, которое в

некотором отношении напоминает действие марихуаны. Возникает повышенная чувствительность к впечатлениям, особенно к цвету. Интоксикация пейотом вызывает необычное растительное сознание или идентификацию с растением. Кажется, что все вокруг – пейотовые растения. Нетрудно понять, почему индейцы верят, что в кактус-пейот вселился дух.

Передозировка пейота может привести к дыхательному параличу и смерти. Один такой случай мне известен. Нет оснований полагать, что пейот вызывает пагубное привыкание.

Bannisteria caapi (гармалин, баннистерин, телепатин). *Bannisteria caapi* – это быстрорастущее стелющееся растение. Активный элемент находится, по-видимому, в древесине свежесрезанной лозы. Наиболее активной считается внутренняя часть коры, листья же никогда не используются. Для достижения полного эффекта от действия наркотика требуется немалое количество растения. Одному человеку нужно примерно пять кусков лозы длиной по восемь футов. Лоза измельчается и кипятится два (или более) часа с листьями кустарника, называемого *Palicourea sp. ribiaceae*.

Йаге, или Айуахуаска (наиболее часто употребляемые индейские названия *Bannisteria caapi*) – это наркотик, вызывающий галлюцинации и ведущий к глубокому расстройству органов чувств. При передозировке превращается в яд, вызывающий конвульсии. Противоядием может служить любой барбитурат или другое сильное противосудорожное снотворное. Каждый, кто принимает Йаге впервые, должен иметь под рукой снотворное на случай передозировки.

Галлюциногенные свойства Йаге привели к тому, что шаманы стали использовать его для придания себе большей силы. Они пользуются им и как панацеей от всех болезней. Йаге понижает температуру тела и поэтому иногда применяется при лечении лихорадки. Он является сильным глистогонным средством, полезным при лечении от желудочных и кишечных глистов. Йаге вызывает состояние анестезии без потери сознания и применяется в обрядах, при которых новообращенные подвергаются болезненному испытанию – к примеру, хлестанию суковатыми плетьми или муравьиным укусам.

Насколько я смог установить, действенной является только свежесрезанная лоза. Я не нашел способа сушить, выделять или хранить действующее начало. Ни одна из настоек не действовала. Сухая лоза абсолютно инертна. Фармакология Йаге требует лабораторных исследований. Поскольку сырой экстракт является столь сильным галлюциногенным наркотиком, еще более эффективных результатов можно, очевидно, добиться синтезированием подобного вещества.

Дело, конечно, заслуживает дальнейших исследований[I].

Никакого болезненного действия, которое приписывается Йаге, я не наблюдал. Знахари, которые по роду своей деятельности принимают его постоянно, похоже,

[I] После публикации этих материалов я обнаружил, что алкалоид *Bannistena caapi* близкородствен LSD-6, употребляемому для вызывания экспериментальных психозов. Думаю, скоро появится и LSD-25.

отличаются прекрасным здоровьем. Быстро достигается толерантность, при которой человек способен пить этот экстракт без тошноты и прочих болезненных эффектов.

Йаге – уникальный наркотик. Интоксикация Йаге в некоторых отношениях напоминает интоксикацию гашишем. В обоих случаях наблюдаются смещение точки зрения и расширение сознания за рамки, установленные обычным опытом. Однако Йаге вызывает более глубокое расстройство органов чувств, ведущее к настоящим галлюцинациям. Отличительной чертой интоксикации Йаге являются синие вспышки перед глазами.

К Йаге относятся по-разному. Многие индейцы и большинство белых, употребляющих Йаге, рассматривают его всего лишь как средство для опьянения, вроде выпивки. В других группах он применяется с ритуальными целями. Молодые люди племени хиваро употребляют Йаге, чтобы входить в контакт с духами предков и получать краткую сводку своего будущего. Он применяется при приеме новых членов в общину для облегчения болезненных, тяжелых испытаний. Все шаманы используют его в своей практике, чтобы предсказывать будущее, находить украденные предметы, обнаруживать преступников, устанавливать диагноз и лечить болезни.

Алкалоид *Bannistena caapi* был выделен Фишером Карденасом в 1923 году. Он назвал этот алкалоид телепатином, или иначе – баннистерином. Рамф доказал, что телепатин идентичен гармалиию, алкалоиду *Peganum harmala*.

Bannistena caapi определенно не вызывает привыкания.

Мускатный орех. Заключенные и матросы иногда развлекаются мускатным орехом. Проглатывается примерно столовая ложка и запивается водой. Результаты смутно напоминают марихуану с побочными эффектами в виде головной боли и тошноты. Смерть наступает еще до привыкания, если это привыкание вообще возможно. Мускатный орех я принял лишь однажды.

Среди индейцев Южной Америки в ходу некоторые наркотики семейства мускатных орехов. Их обычно употребляют, вдыхая через нос сухой порошок растения. Шаманы принимают эти ядовитые вещества и впадают в состояние конвульсий. Считается, что их судороги и бормотания имеют пророческий смысл. Один мой друг тяжело проболел три дня после того, как поэкспериментировал в Южной Америке с наркотиком семейства мускатных орехов.

Дурман-Скополамин. Морфинисты нередко отравляются, принимая морфин в сочетании со скополамином. Однажды я раздобыл несколько ампул, каждая из которых содержала 1/6 грана морфина и 1/100 грана скополамина.

Решив, что 1/100 грана – это количество, которое можно не принимать в расчет, я сделал себе инъекцию всеми шестью ампулами. Результатом было психически ненормальное состояние, длившееся несколько часов, на которые я был своевременно изолирован своим многострадальным домовладельцем. На следующий день я ничего не помнил.

Наркотики группы дурманов употребляют индейцы Южной Америки и Мексики. Говорят, нередки смертельные исходы.

Русские использовали скополамин в качестве “наркотика признания” – с сомнительными результатами. Объект может очень захотеть выдать свои секреты, но он совершенно не в состоянии их вспомнить. “Легенда” и секретная информация зачастую перепутаны между собой и искажены. Мне известно, что для вытягивания сведений из подозреваемых с успехом применялся мескалин.

Морфинизм – это болезнь обмена веществ, вызываемая употреблением морфина. На мой взгляд, психологическое лечение не только бесполезно, но и противопоказано. Согласно статистическим данным, люди, приобретающие пагубную привычку к морфину, – это те, кто имеет к нему доступ: врачи, сестры, любой человек, у которого имеется контакт с черным рынком. В Персии, где опиум бесконтрольно продается в опиумных лавках, наркоманы составляют 70% взрослого населения. Так что же, выходит, мы должны провести психоанализ нескольких миллионов персов и выяснить, что за глубокие противоречия и тревоги заставляют их употреблять опиум? Думаю, что нет. Согласно моему опыту, у большинства наркоманов нет неврозов и в психотерапии они не нуждаются. Лечение апоморфином и доступ к апоморфину в случае рецидива несомненно дадут больший процент случаев полного излечения, чем любая программа “психологической реабилитации”.

МЯГКАЯ МАШИНА

СКОНЧАЛСЯ ПО ДОРОГЕ

Дыру я разрабатывал вместе с Матросом, и дела наши шли неплохо – в среднем пятнадцать монет за ночь, прикарманивали дни, дурили рассвет, страна свободы сынов нам была нипочем, вот только вен у меня почти не осталось... Я подошел к стойке за очередной чашкой кофе... пью кофе в “Закусочной Джо”, под чашкой салфетка – говорят, верный признак того, что некто подолгу просиживает в кафетериях и закусочных... в ожидании Человека... «А что тут поделаешь? – сказал мне как-то своим безжизненным джанковым шепотом Ник. – Они знают, что мы будем ждать...» Да, они знают, что мы будем ждать...

У стойки сидит паренек с худым лицом, глаза – сплошные зрачки... Сразу ясно, что он давно и плотно подсел, да и страдальческую гримасу эту я уже видел – может, на тотализаторе, где я выруливал одно время план, в серых пластах подземок, ночных кафетериях, арендованном жилище из плоти. В глазах его вспыхнул вопрос. Я кивнул в сторону моей кабинки. Он взял свой кофе и уселся напротив.

Коновал живет неподалеку от Лонг-Айленда... чуткий наркоманский сон, проснуться – и замереть, испугаться, вскочить... все четко и ясно, телевизионные антенны впитывают небо... Часы убежали вперед, а после четырех пополудни так же помчится время.

– Человек опаздывает на три часа... Капуста есть?

– Три монеты.

– Нужно хотя бы пять. У него там вроде бы двойная доза. – Я взглянул на него... лицо миловидное... – Слушай, чувак, я знаю одного покладистого старого коновала, он выпишет тебе как миленький... Вот тебе телефон. Мой голос он просечет на раз.

Немного погодя мне попался один портной-итальянец, ушлый Барыга, знакомец по Лексингтону, а у него можно вырулить приличный дозняк гера... По крайней мере, поначалу он был приличный, но с каждым разом – все больший недовес... мы и зовем его “Тони Недовес”...

Оставшись без джанка на болезненном рассвете Восточного Сент-Луиса, он бросился к умывальнику и прижался животом к прохладному фаянсу. Со смехом я небрежно оперся о его тело. Его трусы растворились в ректальной слизи и карболовом мыле... летние рассветные запахи с пустыря.

– Я подожду здесь... Меня он просечет на раз...

В тот день пять палок под душем, мыльные пузыри яичной плоти, сейсмические толчки, прерываемые изломами спермовых струй...

Я вышел на улицу, все четко и ясно, как после дождя. В кабинке вижу Сида, он читает газету, лицо – желтая слоновая кость в солнечных лучах. Под столом протянул

ему две пятерки. Барыжничает помаленьку, привычка есть Привычка: в т о р ж е н и е . р а з р у ш е н и е . о к к у п а ц и я . юные лица в синем спиртовом пламени.

– И пользуюсь спиртом. А вы, ебучие нетерпеливые и жадные джанки, только и знаете, что коптить мои ложки. Мне же за одно это влепят Неопределенный срок – легавым только закопченная ложка и нужна. – Извечный трёп джанки. Слабеют джанковые путы.

– Прорвись на свободу, чувак.

Провесь линию гусиной кожи вверх по худой юной руке. Вставь иглу и сдави пузырек, глядя, как все его тело оказывается во власти джанка. Втекай туда вместе с этим дерьмом и впитывай джанк из каждой юной клетки.

Сидит паренек, тело – как у тебя. Сразу ясно, давно и плотно. Я небрежно опираюсь о него на тотализаторе, небрежно оперся о его кафетерий, и его трусы растворились в пластах подземок... и жилищах из плоти... в сторону кабинка... напротив... Человек – портной-итальянец... я знаю капусту. «Мне – приличный дозняк гера».

–Ты собрался слезать? Ну что ж, будем надеяться, тебе это удастся, чувак. Пускай меня паралич разобьет, если я этого не хочу... Я ведь друг тебе, настоящий друг, а если...

Ну, а движение все интенсивнее, вваливаются магазинные воришки, ребята с выдранным с мясом из автомобиля приемником, волочащие за собой лампы и провода, вваливаются, сверкая кольцами и наручными часами, специалисты по карманам пьянчуг, страдающие на ломках круглые сутки. Швейцар-то был у меня уже вырублен – старый алкаш, – но в такой толпе я долго оставаться не мог.

– Слушай, чувак, ты прекрасно выглядишь. Так сделай себе одолжение, держись. В последнее время мне попадалось просто бесподобное дерьмо. Помнишь ту бурую дрянь, сперва вроде как желтоватую, наподобие нюхательного табака, а в готовом виде – коричневую и прозрачную...

Джанки в восточной ванной комнате... невидимое и неотступное тело сновидений... гримасу эту я уже видел – может... выруливал одно время или тело... в серых запахах ректальной слизи... ночных кафетериях и рассветных запахах жилища джанки. Три часа по Лексингтону и пять палок... мыльная яичная плоть...

– У него там вроде бы двойная доза отнятия.

– А я-то думал, ты собрался слезать...

– Мне это не удастся.

– Impossible quitar eso[97].

Встал и раскумарился в болезненно-рассветных флейтах Рамадана.

– Уильям, tu tomas mas medicina?[98].. No me hagas caso[99], Уильям.

Дом в туземном квартале, ставлю палку в запахе пыли; вдоль стен сложены в четырехфутовые штабеля пустые коробки из-под юкодола... смерть на запасных одеялах... девица орет... Врываются vecinos[100]...

– От чего она умерла?

– Не знаю, умерла и все.

В Мехико Билл Гейнс сидит в комнате со своей резиновой спринцовкой, а его заначка кодеиновых таблеток смолота и лежит в жестянке из-под соды.

«Скажу, что страдаю несварением желудка». Всюду пролиты кофе и кровь, в розовом одеяле прожженные сигаретами дыры... Консул не предоставит мне никакой информации, только место захоронения на Американском кладбище.

– Сломался? Где твоя гордость? Иди к вашему консулу. – Он подарил мне будильник, и тот еще год после его смерти ходил.

Лейф репатриирован датчанами. Зафрахтованное судно по пути из Касы в Копенгаген затонуло неподалеку от Англии, и с ним вся команда. Помните, как я действую посредством далеких пальцев?..

– От чего она умерла?

– Конец.

– Выясняется, что я делаю кое-какие вещи.

Под конец Матрос скурвился. Повешен своими главарями на двери подвала: «Если выясняется, что я делаю кое-какие вещи, я закрываю лавочку, только и всего».

Хлебный нож в сердце... вытирает и умирает... репатриирован рецептом на морфу... из тех, что из Касы в Копенгаген на специальной желтой нотной бумаге...

– Вся команда сломалась? Где твоя гордость? – Будильник еще год ходил. – Он сидит себе на краю тротуара и умирает: – Эсперанса наябедничала мне на Ниньо Пердидо, и мы отоварили рецепт на морфу... из тех мексиканских наркотических рецептов на специальной желтой банкнотной бумаге... точно билет в тысячу долларов... или увольнение из армии с лишением чинов и права на пенсию... и раскумарились в комнатенке, куда можно подняться по приставной лестнице.

Зов вчерашнего дня, флейты Рамадана: «No me hagas caso».

Пролита кровь на рубахи и свет. Американец волочит за собой форму... Он уехал в Мадрид. Этот ревнивый гомик-кубинец застает Кики с novia[32] и вонзает кухонный нож ему в сердце. (Девица орет. Входят соседи.)

–Quedase[101] con su medicina[102], Уильям.

Полбутылки “Фундадора” после полулечения в Еврейском госпитале, уколы демерола при свечах. Отключили свет и воду, в бумажной пыли мы поставили палку, голые стены. Ищи где хочешь. Не годится. No bueno[72].

Он уехал в Мадрид... Будильник еще весь вчерашний день ходил... «No me hagas caso»... скончался по дороге... можно сказать, в Еврейском госпитале... пролита кровь на американца... волочащего за собой свет и воду... Матрос так скурвился где-то в серой плоти... Он сидит себе на нуле... Я кивнул на Ниньо Пердидо, его кофе опаздывает на три часа... Они все уехали и прислали бумаги... Мертвец выпишет тебе как миленький... Входят vecinos... Зафрахтованные запахи ректальной слизи пошли ко дну неподалеку от Англии, и с ними все рассветные запахи далеких пальцев... Немного погодя я пошел к вашему консулу. Он подарил мне мексиканца после его смерти... Пять раз в пыли мы поставили палку... с мыльными пузырями отнятия, перечеркнутыми тысячью наркоманских ночей... А вскоре полукарта вошли при свечах... О к к у п а ц и я... Слабеют джанковые связи... Держись... Билл Гейнс сидит в Желтой Лихорадке... разглядывая непристойные картинки, ненадежные, как потолочный вентилятор, мы дурили рассвет и поставили палку в пошлом запахе ректальной слизи и карболового мыла... гримасу эту я уже видел – может, на пустыре... волочащем за собой лампы и провода... «Вы, ебучие, нетерпеливые и жадные джанки!»... захоронение на Американском кладбище. «Quedase con su medicina»... девица орет на Ниньо Пердидо... Они все уехали через дом в туземном квартале.» «Получше ты мне ничего не мог написать? Уехал... Можешь искать где угодно».

Не годится. No bueno.

КТО Я ТАКОЙ, ЧТОБЫ ОСУЖДАТЬ?

Вы не поверите, насколько накалена была обстановка, когда я покинул Штаты... Я знал, что уж этот барыга никакого дерьма при себе держать не будет, он попросту свалит его на конвейер... разольет эту мочу по бутылкам и пустит своим клиентам по обслуживаемому им маршруту десять-двадцать гран сверх того, что поглощает сам, а если легавые их застукают, они запросто выдадут себя за дегенератов... Короче, Док Бенуэй оценил ситуацию и выдал такую оригинальную идею:

– Однажды в верховьях Бабуиновой Задницы меня ужалил скорпион... ощущение не так уж отличается от раскумарки... Хммм.

Вот он и импортирует некую особую породу скорпионов, откармливает их металлической мукой, скорпионы приобретают фосфоресцирующую голубую окраску и принимаются жутко вонять, а он говорит: «Теперь надо подобрать достойный сосуд»... Вот мы и выкуриваем из берлоги одного старого нембутальщика, сажаем на него скорпиона, а он вроде как синеет и прямо на глазах раскумаривается до состояния металла... Эти скорпионы научились перемещаться по радарному лучу и обслуживать клиентов только после того, как Док получал капусту... Пока так в продолжалось, все было на высшем уровне, никакого стрёма... Однако все эти скорпионовые джанки в темноте стали светиться, а не получи они вовремя своей раскумарки – и вовсе превращались в скорпионов... Тут уж запахло жареным, и пришлось сматываться под видом молодых джанки, собравшихся в Лексингтон... Называться мы решили Биллом и Джонни, но имена эти то и дело менялись местами, к примеру, в один день я просыпался Биллом, а в другой – Джонни... Короче, попадаем мы в купе поезда, на ломках нас бьет колотун, в глазах слезы и жжение, и тут как заноет у меня в промежности от сексуальной голодухи, наклоняюсь я, опираюсь руками о стену и гляжу на Джонни, а от слабости не могу и слова вякнуть, да это и ни к чему, у него ведь те же дела, он молча окунает мыло в теплую воду, спускает мои трусы, намыливает мне задницу, штопором сует в меня член, и мы с ним тут же стоя кончаем, раскачиваясь вместе с поездом под перестук вагонных колес, а струи – струи в медную плевательницу... До Лексингтона мы так и не добрались... Сошли в городке под названием Маршал, наболтали там с три короба одному старому деревенскому коновалу про престарелую мамашу, которая страдает геморроем в самой тяжелой форме, и настойку он выписал как миленький... В тот вечер мы заглянули в бильярдную, Док выиграл дюссенбергскую шляпу-панаму, мазь для загара и щегольские темные очки образца 1920 года, и чем южнее мы оказывались, тем проще было выруливать наркоту, точно мы прицепом тащили за собой двадцатые годы... А в тот мексиканский пограничный городишко мы попали как раз вовремя и увидали кое-что интересное... Чтобы расчистить место для нового моста, который потом так и не построили, на берегу реки снесли целый квартал лачуг, где железнодорожники-китайцы курили раньше свою черную дрянь, а обитавшие под лачугами крысы на много поколений вперед превратились в наркоманов... Так вот, эти крысы носились на ломках по улице, пищали от боли и кусали каждого встречного-поперечного...

Потом мы отправились на поиски своей машины, так ее и не нашли, нигде ни одной машины, только поезд один остался от старого вестерна... Где-то к северу от Монтеррея колея кончилась, и мы за жестянку грязи выменяли у китайца несколько лошадей... К этому времени то и дело стали появляться солдаты, стрелявшие в мирное население, вот нам и пришлось раздобыть пару комплектов формы времен гражданской войны и присоединиться к одной из воюющих сторон... Мы взяли в плен пятерых солдат, которые носили форму другого цвета, а генерал напился и решил ради развлечения пленных повесить, под сук дерева мы подогнали телегу и наскоро соорудили под ней опускающуюся подставку... Первый упал быстро и чисто, а один из солдат вытер рот, с ухмылкой шагнул вперед, спустил штаны к лодыжкам, и член его толчками поднялся и пустил струю... Мы все стояли, смотрели и целиком были этим поглощены, да и оставшиеся, те, которых еде предстояло повесить, тоже все это переживали... В ту ночь мы реквизировали у одного фермера дом, все напились, и Джонни принялся танцевать – обмотав вокруг шеи галстук, уронив голову набок и высунув язык, он вихлял задницей, а когда спустил Штаны, член его толчками поднялся, и солдаты покатились со смеху и хохотали, пока не обоссались с ног до головы... Потом они наскоро соорудили у него под мышками упряжь, приподняли его, подвесили к балке и хором выебали...

Когда мы добрались до Монтеррея, кругом уже были испанцы в доспехах, точно в историческом фильме, и снова нам посчастливилось прибыть как раз вовремя. На главной площади толпился народ, методом “часа пик” мы пробились в первый ряд и увидели, что там собираются сжечь на костре какого-то типа... Когда под ногами у него разожгли хворост, только и слышно было, что потрескивание огня, потом все вместе принялись вдыхать запах горелого мяса, душа моя разрывалась от пронзительных криков, губы мои и язык распухли от крови, и я кончил в штаны... Я видел, что и другие выпустили свои заряды, вонь пошла, как от навозной кучи, кое-кто из нас стоял так близко к костру, что от штанов шел пар, все мы набирали полные легкие криков и дыма и еще слегка подвывали... Все это было весьма аппетитно, уж поверьте мне на слово. Короче, мы попали в Мехико перед самым восходом солнца, и я сказал: «Опять мы здесь...» Сердце мое забилось в солнечных лучах, и член принялся пульсировать в том же ритме, и сперма просочилась сквозь тонкие хлопчатобумажные брюки и пролилась на уличные пыль и дерьмо... А ближайший мальчишка ухмыльнулся, подставил задницу, воровато сунул мне руку в карман и пощупал мой член, который был еще жестким на ощупь и побаливал, как после влажного сна... Мы вскарабкались на грязный уступ над каналом и там сотворили три палки – неторопливая ебля на коленях, в зловонии нечистот, с видом на глубокую воду... Как выяснилось впоследствии; у Малыша была эпилепсия... Когда у него начинался припадок, он валился наземь и раз пять кончал в свое тряпье, зрелище это приятно щекотало нервы... Ему и вправду все это было свойственно, и он сказал мне, что может уговорить одного колдуна поменять нас местами... Вот мы и пустились в путь пешком через горы и вниз по противоположному склону к высоким густым зарослям, теплым и окутанным паром, а у него то и дело начинались припадки, и одно удовольствие было ебать его – во время приступа его жопа дрожала, как вибратор... Короче, заявились мы в эту деревеньку и в маленькой хижине на окраине нашли колдуна... гнусного старикашку с буравящим взглядом елейных глаз... Мы поведали ему о своем желании, он кивнул, оглядел нас обоих и, улыбнувшись, сказал,

что ему надо приготовить снадобье, и велел нам прийти на закате следующего дня... Мы и пришли, и он дал нам горькое снадобье в глиняных горшках... И не успел я поставить горшок, как передо мной начали возникать картины, четкие и ясные: возле ирригационного канала повешенный мальчик подтягивает колени к подбородку и выбрасывает в воздух струи, солдаты раскачивают меня на упряжи, сожженный человек пронзительно кричит, как живой, а сердце бьется себе и выбрасывает струи крови в лучах восходящего солнца... В это время Ксолотль объяснял мне, что при обмене остается только одно тело, меня надо повесить, а когда я выпущу заряд и умру, то перейду в его тело... Как бы то ни было, я был парализован снадобьем, они меня раздели и отхлестали особой сексуальной крапивой, которая жгла и жалила все тело, язык мой распух и превратился в кляп, кровь застилала глаза... Они наскоро соорудили виселицу с помостом из расщепленного бамбука и приставной лестницей. Подталкиваемый Ксолотлем, я поднялся по лестнице и встал под петлей, и он, бормоча заклинания, затянул ее у меня на шее, а потом спустился на пол, оставив меня на помосте наедине с поджидающей петлей... Я видел, как он вытянул вверх руку с обсидиановым ножом и, придерживая помост, перерезал веревку, я упал, и в глазах моих вспыхнул серебристый свет, точно сработала фотовспышка... До меня донесся запах озона и грошовых аркад, а потом я почувствовал, как внизу; в пальцах ног, возникают выкручивающие кости спазмы, они опустошили меня, все расплескалось, сзади по бедрам потекло дерьмо, бьющееся в судорогах парализованное тело не слушалось, сперма попросту увлекла меня за собой прямиком в член Ксолотля, в мгновение ока я оказался в его заднице и яйцах и начал с трудом ковылять, заливая струями пол, а тот гнусный старый разъебай уже что-то мурлыкал и мерзко меня облапывал... Однако, кто я такой, чтобы осуждать?.. Там, в хижине колдуна, я проспал три дня, а когда проснулся, увидел все по-другому... Колдун дал мне какое-то снадобье против припадков, и я направился дальше на юг... На закате подошел к прозрачной реке, где купались голые мальчики... И один из них, с сухостоем, обернулся с усмешкой и принялся пихать палец в кулак, а я свалился в очередном припадке, вот они все и решили попытать на мне счастья... С гор упали холодные тени и коснулись моей голой задницы, я пошел вместе с мальчиком в его хижину, поел бобов с красным перцем и лег рядом с ним на пол, вдыхая перечный запах его отрыжки, – так я и остался у него и начал обрабатывать его кукурузную делянку на склоне горы... У мальчика того сухостой мог держаться всю ночь, и, когда он ебал меня, я запихивал себе в жопу перцы и все нутро мое было словно в огне... Я мог бы и до сих пор там торчать, работать от зари до зари, а после работы, не в силах ни говорить, ни думать, сидеть себе, глядя на синие горы, есть, рыгать, ебаться и спать, и так день за днем – не жизнь, а малина... Но однажды мы раздобыли бутылку мескаля и напились в дымину, а он посмотрел на меня и говорит:

– Chingoa de puto[103], я тебя с липа земли сотру именем Jesus Christu!..

И бросается на меня с мачете... Но, предвидя такой поворот, я выплеснул ему в глаза чарку мескаля и отошел в сторону, он рухнул на пол, а я вонзил ему прямо в основание черепа сажальный кол... И дело с концом... И снова я пустился на юг и пришел наконец в ту местность, где видимо-невидимо жителей сажали кукурузу колами, все трудились сообща, мне это зрелище было не по душе, но я едва дышал с голодухи и решил войти с ними в контакт, что оказалось ошибкой... Потому что, едва

выйдя на поле, я почувствовал на себе непосильный груз и – вот те на! – уже сажал вместе с ними кукурузу, и все, что я делал, все, о чем думал, было давно проделано и продумано, а там проходил тот цикл празднеств, во время которого жрецы наряжаются омарами и танцуют, щелкая клешнями, как кастаньетами, а кругом – сплошной маис, маис, маис... Сдается мне, я до сих пор гнул бы спину на маисовой плантации – о Боже! – не попадись мне один малый, тоже, как и я, в наряде майя, но я-то видел, что и он чужеземец... Парень оказался весьма смышленым, к тому же привлекательным... Он набросал на полу формулы и показал мне, как жрецы проворачивают свою аферу с контролем: «Такое творится и с празднествами, и с этой ебучей кукурузой, – им известно, что будет видеть, слышать, нюхать и ощущать на вкус каждый человек, а это и есть мысль, такие мыслительные единицы изображены у них в книгах специальными знаками, и они непрерывно чередуют эти знаки в календаре». А когда я взглянул на его формулы, в башке у меня что-то начало ломаться и я освободился от контрольного луча, но в мгновение ока нас обоих схватили: и приговорили к “Смерти в Многоножке”... В подвале храма нас привязали ремнями к кушеткам, там было полно древних костей и стояла невыносимая вонь, а в углу поводила носом многоножка футов десять длиной... Тут я пустил в ход то, что унаследовал еще на Уране, где мой дед изобрел счетную машину[6]... Я попросту лежал, ни о чем не думая, в многотонном фокусе густой синей немоты, сквозь меня прокатилась медленная волна, она вышла за пределы моего тела, кушетка начала сотрясаться, сотрясения охватили землю, крыша рухнула, придавила многоножку и в щепки разнесла кушетку, отчего ослабли ремни, я выскользнул из них и развязал Смышленого Тилли... Мы выбрались оттуда, лавируя в нагромождении стел и известняковых голов, от храма остались лишь глыбы камня, ураганный ветер принес с собой приливную волну, а, когда мрак рассеялся, от всех этих декораций уже мало чего оставалось... Повсюду носились в поисках жрецов уже свободные работники... Верховного жреца разбил паралич, и он превратился в многоножку... Мы обнаружили его в укромном местечке под обломками, с ним были и другие – кто оказался полукрабом, а кто проходил разнообразные стадии жуткой метаморфозы… А я рассудил так: «С этими типами надо сотворить нечто особенное – они ведь большие умники...» Вот мы и устроили “Потешное празднество”: сделали несколько обсидиановых суспензориев, нанизали их на медную проволоку, накалили суспензории добела и натянули их на жрецов, и те пустились исполнять танец живота – ни дать ни взять забегаловка со стриптизом, а мы сидели и орали: «Снимайте их, снимайте!» – и хохотали, пока не обосрались, не обоссались и не обкончались... Такого смеха вы отродясь не слыхивали – ведь кончилась их власть, и мы принялись пихать им в жопу раскаленные медные хуи... А другим мы взваливали на спину груз и волокли их по деревянным желобам, утыканным осколками кремня, ну и так далее... А что – потеха хоть куда!

Короче, после этого никто из нас на кукурузу смотреть не мог, и впереди вновь замаячила угроза голода... Пришлось заняться рэкетом и порастрясти немного земледельцев, пообещав им защиту... «Это ведь может и повториться... Выкладывайте, что вам говорят, не то хуже будет»... Они и выкладывали, сплошь и рядом... Да-да, провизию... А я разработал хитроумный трюк, чтобы держать своих ребят в узде... Припадкам я все еще был подвержен, однако научился управлять образами... То есть перед тем, как вырубиться, я мог ввести любой образ в проектор

и... Внимание... Камера... Снято... Все неизменно происходило именно так, как я снимал, и таким путем устранялся любой персонаж, от которого исходили помехи... Однако началось целое нашествие ребят с севера, вот и пришлось нам закрывать лавочку и резвиться на охоте да на рыбалке... Принимая все это во внимание, я отобрал тридцать самых надежных и преданных парней, и мы двинулись на юг через горы и вниз по противоположному склону – в джунгли, потом снова вверх и вновь через горы, сплошное однообразие... тоску мы разгоняли в меру сил: глоточек того, кусочек другого... Мне нет-нет да и приходилось для разнообразия пускать в ход землетрясения, однако вскоре сплошь и рядом на нас свалились, что называется, враги наемника... лихорадка там, змеи и речные пороги, а ребята принялись то и дело откалываться и селиться с местными жителями, и, когда я попал в положение и вправду безвыходное, шайки моей уже как не бывало... Чиму – это нечто особенное... Попадаем мы, короче, в один городишко, и он мне сразу не по душе...

– Что-то здесь не то, Джон... Что-то нечисто... Чует мое сердце.

Начать с того, что средний чиму, мягко выражаясь, непривлекателен... губы изъедены лиловыми и оранжевыми кожными хворями и похожи на задницу бабуина, а на месте носа – дыра, из которой сочится гной, противно смотреть... к тому же некоторые из них целиком состоят из пенисной плоти и временами прямо из башки пускают струи спермы, а потом сморщиваются, точно старый винный бурдюк... Чиму регулярно устраивают потешные празднества, во время которых они делятся на противоборствующие стороны и дубинками вышибают друг другу мозги, к тому же победители хором ебут побежденных, после чего тут же отрезают им яйца и делают из них кисеты для листьев коки, листья эти они жуют постоянно, и изо рта у них течет зеленая слюна – ни дать ни взять больные афтозом коровы... Принимая все это во внимание, я вовсе не рвался к близкому знакомству с их непотребным образом жизни...

В центре городка стояло сооружение из глинобитных каморок высотой в несколько этажей, и мне было видно, как внутри шевелятся какие-то жуткие крабы, но поближе я подойти не мог, потому что на окружавшем каморку участке, усеянном черными костями, было жарко, как в доменной печи... Они обладали оружием нагрева, понятно?.. Представьте, что вас облепили раскаленные добела муравьи...

Тем временем ко мне подошли зеленые мальчики, владельцы целого квартала публичных домов, выстроенных на подвесных лесах над глинобитными домами и предназначенных исключительно для казни через повешение и всевозможной смерти в оргазме – особенно годится маленьким мальчикам... Они оказались славными тварями, день и ночь с меня не слезали и воняли, как навозная куча... Однако я ничему не верил, не убедившись собственными глазами, и когда я предложил посмотреть на повешение, все они принялись негодовать, точно оскорбленные шлюхи... Поэтому я вооружился перископом дальнего видения с обсидиановыми зеркалами, причем Смышленый Тилли дрожал над прибором в своей обычной манере, и мы стали наблюдать, как они вешают того мальчика, что приехал из провинции... И тут я увидел, что, когда у него хрустнула шея и он выпустил заряд, не перелив его в зеленого мальчика, как того требует природа, из его позвоночника вылупились те самые раскаленные крабы и сожрали всю компанию.

Вот мы и объединяем живущие в джунглях племена, штурмом берем Городок Мальчиков, а зеленых мальчиков запираем в общей спальне, где все они принимаются ходить колесом, хихикать, мастурбировать и играть на флейтах... Так мы сделали первый шаг к тому, чтобы отрезать путь подвоза... Потом, когда мы устроили полную блокаду и стало слышно, как они там, в каморке, скребутся, уже вконец обессиленные, мы решили атаковать... У меня был специальный зеленый мальчик, мой тогдашний партнер, который, что называется, знал все входы и выходы, так вот, он сказал мне, что волну нагрева придется останавливать с помощью музыки... Вот мы и собрали всех индейцев и зеленых мальчиков с барабанами, флейтами и листовой медью, подошли вплотную к источнику теплового излучения и начали бить в барабаны и медленно наступать... Смышленый Тилли наскоро соорудил катапульту для метания известняковых глыб и разнес каморку, мы ворвались туда с копьями и дубинками, всех прикончили и уничтожили теплопередающее устройство, оказавшееся живым радиопередатчиком с деталями из органов насекомых... Мы выпустили зеленых мальчиков на свободу и в радостном настроении продолжили путь...

Направились мы в глубь джунглей – порезвиться с головной усушкой... Делается это так: берутся специальные заклинания – ясно? – человек под вашим контролем заточается в собственную голову, и происходит как бы усушка всей ненависти в округе... Трюк хоть куда, однако я, как водится, пожадничал, и в результате не осталось ни одной головы, на которую я мог бы положиться... Разумеется, была обработана вся округа, вот только округи никакой не осталось... Вечно находится тип, который хватит через край и угробит все дело... Короче, сидеть бы мне там сиднем, не дойди до меня слухи о непорочном племени под названием камуйяс, – они заключают в объятия каждого незнакомца и все время ходят голые, как того требует природа, вот я и сказал: «Камуйяс – настоящие живые люди», – и направился туда мимо всех этих бюрократов из Индейской внутренней службы, сомневавшихся в благородстве моих намерений... Однако я поставил их в тупик своими познаниями в майянской археологии и тайном смысле лейтмотива многоножки, а Яесмь был крупный специалист, вот мы и обеспечили себе репутацию ученых и беспрепятственный доступ к чему угодно... Камуйяс – это нечто особенное, все голые, трутся о тебя, как собаки, я мог бы и до сих пор там торчать, если бы не мелкие трения с Индейской комиссией по поводу той церемонии повешения, которую я устроил, рассчитывая с небольшой доплатой заменить старую ходовую часть и обновить свою субстанцию... Короче, они вышвырнули меня оттуда и провели полезную беседу о том, что дело с концом и точка... А я перебрался в воинственное племя аука и ухитрился заполучить в качестве секретного оружия двух здоровых юношей... Затащил этих мальчишек в джунгли, все им откровенно выложил, и один из них пошел мне навстречу и... Избавлю вас от нудных подробностей... Достаточно сказать, что верховья Амазонки заполучили мальчика легкого поведения, а меня затянуло в водоворот всей этой наследственной вражды... Укокошит человек, к примеру, вашего троюродного кузена, и вы уже обязаны разделаться с его прадядюшкой... Я-то через все это уже прошел... На каждого типа, что вы там укокошите, по законом геометрической прогрессии найдутся десять, которые примутся охотиться на вас, а мне это все ни к чему... Вот я и поступил на работу в Тотальную Нефтяную Компанию, и это была еще одна ошибка...

Крысы носились все утро... Где-то к северу от Монтеррея занялись торговлей кокаином... к тому времени тормозили “Кадиллак”... люди... гражданское население... Вот нам и пришлось принять пару деловых предложений и разбогатеть на воюющих сторонах... сомнительным ли путем, законным ли – один и тот же разъебай, только другого цвета, а генерал пронюхал о деньгах... Мы соорудили их идиотский сук дерева и бросили чужеземную кукурузу... мелкий промысел в “Уолгринзе”... Вот мы и объединяем эти 8267 – выкладывали сплошь и рядом, обезьяны... мелодичный трюк, чтобы держать ребят в узде... Я научился управлять Законом 334, вызывающим оргазм с помощью любого образа: Мэри отсасывает у него и бежит по кромке поля... Таким путем устранялись помехи... как говорится, торговый автомат – и мальчики опускаются до “Уолгринза”... Мы не местные. Мы обнюхиваем побежденных, отрезаем им яйца и жуем все виды мастурбации и самопоругания – ни дать ни взять больные афтозом коровы... Молодые джанки возражают белому читателю, и в один день я просыпался Биллом, покрытый льдом и с жжением в промежности... спускает мои трусы и, что-то тараторя, штопором кончает в меня... Мы с ним тут же стоя кончаем и пытаемся хоть слово вякнуть... Смотрю – надвигаются другие лохи с мамашиной настойкой... Меня облепили собаки Гарри Дж. Анслингера[104]... К тому времени мы уже имели словесную пыль, шевелящую двадцатые годы, лабиринт непристойных картинок и дом на много поколений наркоманов... Мы все ебали молодого грабителя и целиком были этим поглощены... Испанский член толчками поднялся и пустил струю старых каталогов Монтгомери... Вот мы и раздели молодого датчанина и наскоро повысили курс американского доллара... со спущенными к лодыжкам штанами, босоногий индеец стоял, смотрел и щупал своего друга... И другие выпустили свои заряды через сломанный стул, сквозь груду инструментов... струи спермы на пыльном полу... взошло солнце, и я сказал: «Опять мы здесь с ножом...» Мой член принялся пульсировать в том же ритме, и брюки упали в пыль и засохшие листья... Возражает белому читателю в зловонии нечистот, с видом на развевающуюся расстегнутую рубаху, и раз пять кончает, а жопа дрожит, как... Мы обнюхиваем свое желание и выбрасываем в воздух струи, и развевается расстегнутая рубаха... В глазах моих – то, чем был когда-то я, точно сработала фотовспышка, в ванной комнате – пролитая юношеская сперма... В мгновение ока я стал Дэнни Дивером в наряде майя... Той ночью мы реквизировали юного перуанца... Я проникал в его тело... Что за жуткое место... высшая стадия... а он чужеземец... Они чередуют эти знаки на машине “IBM” с помощью кокаина... А что – потеха хоть куда!

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АГЕНТ

Итак, я – общественный агент, и знать не знаю, на кого работаю, инструкции беру из уличной рекламы, газетных статей и обрывков разговора – хватаю зубами в воздухе, как ястребы вырывают внутренности из чужого рта. Как бы там ни было, упущенного мне ни за что не наверстать, а ныне мне поручено перехватить порнофильмы Джеймса Дина, прежде чем эту дрянь присвоят гомики, имеющие стойкую привычку к Джеймсу Дину, и пока ваш агент тенью пробирается по парикмахерским и уборным подземки, рыщет в кинотеатрах и турецких банях, привычка эта будет запрещена законом и станет считаться наркотической.

Первого в тот день я накрыл в туалете подземки.

– Ах ты, педик ебучий – вскричал я. – Я тебя отучу кусаться, скотина!

Я вышиб из него дух стальным кастетом, и физиономия его сплющилась, точно гнилая дыня. Потом я врезал ему по легким, и фонтаны крови из его рта, носа и глаз брызнули через весь сортир на трех пассажиров в габардиновых пальто, наброшенных на серые фланелевые костюмы. Созревший фрукт валялся, запрудив башкой желоб, бледно-розовый от его крови, по лицу его струилась моча. Я подмигнул пассажирам.

– За версту чую этих ебучих гомиков. – Я предостерегающе шмыгнул носом. – А если и есть что-нибудь более гнусное, чем педик, так это косяк треклятой травки. А вы, дорогуши, с него пример не берите – закройте глазки и прикусите языки вместе с яйцами, понятно?

Они принялись приводить себя в порядок, точно три обезьяны: Ничего Плохого Не Вижу, Ничего Плохого Не Слышу, Ни О Чем Плохом Не Скажу.

– Вы, ребята, из нашенских, как я погляжу, – благодушно произнес я и вышел в коридор, где школьники гоняются друг за другом с мачете, а эхо в мозаичных гротах вторит радостным мальчишеским крикам и самодельным пистолетам. Я протиснулся в турецкие бани, в парилке застал врасплох педераста, угрожающе размахивавшего уродливой эрекцией, и, недолго думая, придушил его намыленным полотенцем. Мне необходимо было отметиться. Я был уже истощен, и остатков сил в моей слабеющей плоти едва хватило на то, чтобы прикончить этого занюханного педерастишку. Я влез в одежду, дрожа и позевывая, и направился в вокзальную аптеку. Без пяти двенадцать. Пять минут на то, чтобы вырулить дозу. Я подошел к ночному дежуранту и засветил ему кусок жестянки.

По лицу его струилась моча. Не знаю, на кого работаю. Свое беру из его крови и газетных обрывков.

– За версту чую этих, как ястребы, ебущихся в воздухе.

Как бы там не было треклятой травки. Я вышиб из него дух стальным сортиром и придушил, точно гнилую дыню. Потом мне необходимо было отметиться. Я был уже

фонтаном крови из его рта, носа и слабеющей плоти, чтобы прикончить. Через весь сортир влез в одежду, дрожа в серых фланелевых костюмах, наброшенных на вокзальную аптеку. Итак, я – общественный агент и желоб, бледно-розовый от уличной рекламы. Я подмигнул пассажирам.

– Разговоры хватаю зубами за версту. – Я предостерегающе шмыгнул носом. – Это косяк, мне ни за что не наверстать.

Гомики, имеющие порядок, точно три обезьяны.

– Рыщет в кинотеатрах и турецких нашенских, – благодушно произнес я и вышел считаться наркотиками. Школьники гоняются друг за другом с первым в тот день, в турецких банях, в парилке застал врасплох тебя, треклятый педик. Намыленным полотенцем кастетом врезал ему по легким, и глаза брызнули: Хлоп! И направился в габардиновые пальто. пять минут на этого созревшего фрукта.

– Министерство финансов, – сказал я. – Хочу проверить наличие наркотиков и рецептов... Как много употребляете, юноша? – Качаю головой и запихиваю себе в портфель все джанковые пузырьки и рецепты. – Противно смотреть, как молодой человек рвет собственный рецепт на жизнь... Возможно, я смогу что-то для вас сделать. Разумеется, если вы пообещаете мне пройти курс лечения и держаться.

– Обещаю все что угодно. У меня жена и дети.

– Просто не подведите меня, только и всего.

Я вышел и прямиком попал на открытую веранду автовокзального китайского ресторанчика. Это тихое заведение с очень скверной кухней, но джанки и сортир сгодится.

Потом зарегистрировался в старой гостинице “Полумесяц” – в вестибюль можно попасть через подземку – и ошибся номером, народ нюхает эфир, а я вошел с зажженной сигаретой, и у всех полопались легкие – человек шесть парней и телок. Короче, в глазах у меня рябит от сисек, тощих ребер и гортанных хрящей... дело житейское... Надо воспользоваться моментом. Вырулить дозу. Я засветил ему кусок габардина. созревший фрукт. по лицу его струилась моча.

– Хочу проверить наличие джанки. Своих беру из его крови.

– Много употребляете, юноша?

– За версту чую этих ебущих все джанковые пузырьки и рецепты.

как бы там не было треклятой травки... Смотрел, как молодой человек рвет, собственно, и придушил его, точно гниль, что-то для вас сделать в фонтаны. крови нет пройти курс лечения и держаться, чтобы прикончить. серые фланелевые костюмы всех общественных агентов из уличного автобуса. рыщет в кинотеатре и благодушно ошибся номером. считаться с зажженными легкими. глаза брызнули на ночного дежуранта и засветили кусок пальто.

– Пять минут на министерство финансов, – сказал я. Качаю головой и запихиваю себе в портфель воздух, как ястреб. Противно вышибать из него дух стальным сортирным рецептом на жизнь. Возможно, я смогу дыню. Потом мне необходимо проверить вас. Пообещайте мне пройти из его рта, носа, слабеющей плоти.

– Обещаю все что угодно. Хожу, дрожа в наброшенной одежде. – Я вышел и прямиком беру бледно-розовые инструкции вокзальных китайских пассажиров. Врезал ему по легкому делу житейскому. Пользуясь моментом, немного о моей работе. Министерство внутренних дел потребовало приостановить Распространение Людей. Технические погрешности, сами понимаете. Кому-то надо поднимать архив, и этим занимаюсь я. Нас интересуют не отдельные образцы, а форма, людская пресс-форма. Ее необходимо уничтожить, У нас в Свободии живых людей не встретишь. Слишком много патрулей. Кругом тоска зеленая, если только вы не получаете удовольствие от охоты на сброшенных в выгребную яму парализованных лебедей. Разумеется, всегда найдутся Чужаки. Особенно мне по нраву молоденькие. Я зову их долговязыми свиньями. Не отказываю себе в удовольствии и делаю это не торопясь, с наслаждением впитывая в себя страх и ненависть объекта, а когда они раскалываются, из них сочится белая масса, сладкая, как клешня омара... Жаль только выкалывать глаза, ведь это мой источник в пустыне. Они зовут меня Мясником, и еще по-всякому.

Дела я проворачивал с Египтянином. Мое Время отрабатывалось. Он сидел, потягивая густой зеленый напиток, в мозаичном кафе с каменными полками вдоль стен и сосудами, наполненными разноцветными сиропами.

– Мне нужно надоить Время, – сказал я.

Он взглянул на меня, глаза его пожирали эрогенные зоны. Его лицо испытало эрекцию и стало лиловым, и мы вышли на пустырь позади кафе, совершенно голые.

Белые люди убивали на расстоянии. Вы ведь не знаете ответа?

Каждое лицо отмечено поддатской печатью “Трака”: «Смерть, вступай в свои права».

– Ни в жисть никто так не бредил танцульками, как Ред.

– Потанцуем, – сказал он.

Рецепт на дерьмо: «Вот то, что вы просили, сэр», – и. я увидел, что он заряжен под завязку. С кромки поля вновь в Москву на Ликвидацию. Дела я проворачивал с Жуликом. Печать “Трака” – в каждой почке. рецепт на Густой Напиток. Глаза его испытали эрекцию и стали миазмами, превратившись в наркоманов с пустыря. Мое время отрабатывало свои последние черные песчинки.

ТРАК ТРАК ТРАК

Мы с Матросом обобрали Республику Панаму от болот Дарьена до изобилующих форелью рек Давида[92], оставив ее без опийной настойки и чумовых колес... (Примечание: нембутал.)... Узкоглазого аптекаря не проведешь – только время потеряешь... «Моя нет... Плиходи пятниса...» (Сноска: старые джанки вспомнят... В двадцатые годы было полно барыг-китайцев, но Запад они нашли весьма ненадежным, непорядочным и испорченным, и стоит теперь западному джанки прийти за товаром, как они говорят: «Моя нет... Плиходи пятниса».)

А мы уже испытывали нехватку Подставных Покупателей... Они исчезают в серебристых зеркалах 1910 года под потолочным вентилятором... А может, одного мы потеряли на рассвете, в порыве зловонного морского ветра... В нечистотах залива безрассудно плавают ядовитые красные морские змейки. Москитные сетки издают сладкий камфарный запах разогреваемой опийной настойки... Термитный пол прогибается у нас под ногами, рыхлый и гнилой... рассветный альбатрос на ржавой железной крыше...

– Пора идти, Билл, – сказал Матрос, блики утреннего света в холодном кофе.

– Я ослаб... – крест света, рассеянного деревянной решеткой над патио, серебристые пробоины в его лице... По воровской молодости мы вместе разрабатывали Дыру... (Подстрочное примечание: “разрабатывать Дыру” – грабить пьяных в подземке.)». А в Восточном Сент-Луисе отказались от одной привычки… На третью ночь поставили четыре палки, пальцы скребли кость... на рассвете ежились от плоти и одежды.

Руки, пустые от голода, на выдохшемся утреннем столе... ветры ломок на его лице... боль долгого антракта, сжигающая пленку плоти... погасшие глаза, старое желтеющее фото… буро-фиолетовая память о Панама-сити... Я улетел в Ла-Пас, прихватив с собой бесцветный запах его ломок, разреженный воздух – точно смерть в моей глотке... пронизывающие ветры черной пыли и серая фетровая шляпа на каждой голове... лилово-розовые и оранжевые лица болезни режут внутриутробную плоть, гениталии под потрескавшимися кровоточащими ногами... ноющие легкие в пыли на болевом ветру... горные озера, голубые и катодные, как жидкий воздух... индейцы срут вдоль глинобитных стен... смуглая плоть, красные одеяла...

– No, senor. Necesita receta[105].

И то и дело натыкаешься на немецкого коновала-беженца:

– Это принимать орально... Конечно, вы будете колоться... Запомните: лучше месяц потерпеть и бросить... С таким привыканием вы лишиться жизни, разве нет? – И от его доброго пристального взгляда меня бросает в дрожь.

А Хозелито переехал в мою комнату, давящую на меня футбольными результатами... Он носил мою одежду, и мы вдвоем потягивали одну “novia[32]”, которая была тощей и хилой, постоянно занималась колдовством со свечами и

образами Богородицы, пила душистое снадобье из красной пластмассовой глазной ванночки и никогда не трогала мой пенис во время полового акта.

Сквозь таможенный досмотр и контрольные посты, через горы в синей вспышке почетного эскорта, а на теплом ветру перебежали дорогу три обезьяноподобные твари... (лай собак и звук струящейся воды) одолевали повороты над туманной пустотой... до самых отдаленных городишек на границе страны Йаге, где робкие индейцы-полицейские проверили ваши бумаги... мимо разбитых стел и керамических осколков, обработанных камней, презервативов и обосранных комиксов, мимо шлаковых куч фосфоресцирующих металлических экскрементов... лица изъедены ничтожной лилово-розовой болезнью Нового Света... из глинобитных каморок выползают мальчики-крабы с человеческими ногами и гениталиями... Законченные джанки кашляют на холодном горном ветру и выплевывают кристаллики гортанного хряща... В ржавых ваннах спят заляпанные дерьмом бродяги-нембуталыцики... дельта сточных вод до самого неба в терминальном стазисе, пронзенный острогой больной дельфин, который всплыл на поверхность в пузырьках каменноугольного газа... вкус металла оставил у нас на губах серебристые нарывы... единственная пища в этой деревеньке, построенной на железных сваях над радужной лагуной... болотная дельта до самого неба, освещенная оранжевыми газовыми вспышками.

В фотовспышке оргазма я увидел три серебристые цифры... Мы вышли на улицу и выиграли в футбольном тотализаторе... Панама прилипла к нашим телам. Странный свет в его глазах, он увидел все по-другому

(Этот резкий запах мертвечины.)

– Возьми ее в пробитом тупике... Доктор не смог достать и увидеть? Эти картины и есть линия... Слабеющее дыхание в постели отметило звуковую дорожку... Тебе досталась пригоршня праха, вот что.

Метаморфоза редакторского отдела, кашляющего и харкающего в разреженном воздухе... отвислые гениталии Мертвечины... Наша истощенная графиня оставила уродливое кожаное тело... Мы испарились и стали здесь ничем... пыльный воздух спортивных залов в другой стране, и к тому же стар уже бассейн – несколько дюймов на мертвых почтовых открытках... здесь и в то же время там его глаза... Серебристым светом часы пробили девять.

«Мертвая почтовая открытка, у тебя она есть?.. Возьми ее в полдень – мусор, как пепел... Поторопись, видишь?.. Эти картины и е с т ь ты... Это обратная запись звуковой дорожки... Вот что идет рядом с тобой в тупик телесных всадников... («Пойдете со мной, ми-истер?»)… Я знавал мексиканца, которого он носил в своей плоти вместе с половыми актами, ширяясь теми таблетками, что я принимал... Полная боевая готовность, она – твоя открытка... Смотри, как просто: все взрывается, человек стремится в чужую плоть... страной правит двойственность... парный секс, унылый, как увлажненные земли».

Последний человек с таким взрывом гортани неумолимо ползет от того, что он носил в своей плоти... Последний турникет был в другой стране, и к тому же нож

взорвал Сэмми Мясника... дыры в кино двадцатых годов... желтеет газетная лента, послеобеденный сон отгоняет углекислый газ... Признаков достаточно, чтобы отметить вам, какие сделать вызовы, наркотический бред неумолимо ползет к конечной цели в чужой плоти... Чего ждешь, чувак?.. неугомонного человечьего товара?.. здесь ничего нет... Метаморфоза завершена... кольца Сатурна на заре... Небо взорвало вопрос с пустырей... молодость – не старость, да и без того желтеют губы... Там, на нашей последней киногорной улице, мальчишка взорвал “слово”, сидит молча – немота в ответ.

«Пойдемте со мной, ми-истер, приветствовать мусорщика и рассвет? ископаемые остатки спокойствия возле черного хода навеки, ми-истер»... – мертвые почтовые открытки, сметенные пишущими машинками, отстукивавшими намеки, когда мы отдавали распоряжения... Прошу, поторопись... неумолимо ползет к своей конечной цели... Я... Мы... Они... молча сидят на последней террасе сада… Неоновое солнце меркнет в этом резком запахе мертвечины... (кружащий альбатрос... голый полдень... мусор, как пепел)… Призрак Панамы прилип к нашим гортаням, кашляющим и харкающим в разреженном воздухе, – протиснувшись в интервал между словами, мы медленно пробирались к черным лагунам, увитым цветами платформам и гондолам… ненадежный хрустальный город, играющий всеми цветами радуга на рассветном ветру... (Подростки извергают семя над приливными равнинами)... Мертвая почтовая открытка, ты думаешь о ней?.. что думаешь?.. голый полдень и мусор, как пепел... Прошу, поторопись.,. Будь порасторопней... Кто он, третий, что идет рядом с тобой в тупик черных лагун и фиолетового света? последний человек...

– Пойдемте со мной, ми-истер?

Вверх по широкой приливной реке к портовому городу утопающему в водяных гиацинтах и банановых плотах... Город представляет собой замысловатое сооружение из расщепленного бамбука, местами шестиэтажное, нависающее над улицей и подпираемое бревнами, участками железнодорожной колеи и бетонными столбами, аркада – от теплого дождя который льет с получасовыми интервалами... Жители прибрежной полосы дрейфуют в теплой, насыщенной парами ночи, едят разноцветное мороженое в свете дуговых ламп и переговариваются неторопливыми кататоническимп жестами, прерываемыми неподвижной тишиной… Сквозь Ночь Бродячих Игроков в Мяч доносятся печальные мальчишеские крики:

– Пако!.. Хозелито!.. Энрике!..

– A ver[106], “Лаки-и-и”

– Куда вы, ми-истер?

– Выжатые насухо головы?

Заляпанный грязью рот над смокингом выпускает в ночь кольца дыма: «КУРИТЕ СИГАРЕТЫ “ТРАК”. ОНИ ВАС ЛЮБЯТ. “ТРАК” ЛЮБИТ КАЖДОГО ИЗ ВАС. КАЖДЫЙ “ТРАК” ВАС ЛЮБИТ. КУРИТЕ “ТРАК”. ОНИ НАДЕЖНЫ. ТРАК ТРАК ТРАК».

Пиная мяч, los Vagos Jugadores de Pelota[107] вприпрыжку несутся по затхлым торговым улочкам... Национальные гвардейцы благоразумно отворачиваются, расстегивают ширинки и принимаются за поиски мандавошек иа пустыре... Ведь Бродячие Игроки в Мяч могут бросить клич «Наших бьют!» – и появятся миллионы подростков, которые примутся крушить таможенные барьеры и границы времени, с тарзановыми криками выскакивать из джунглей, сажать на землю грозные жестяные самолеты и ракеты, спрыгивать с грузовиков и банановых плотов и пойдут в атаку сквозь черную пыль горного ветра, подобного смерти в глотке.

Туземцы, спасаясь от гвардейцев в бродячей ночи, едят разноцветное мороженое... Клич «Наших бьют!» – и появляется неторопливый кататонический жест...

Печальный мальчишка Бродячих Игроков в Мяч: «Самолеты и ракеты?»

– A ver, “Лаки-и-и”?

– Милую девчушку, ми-истер?

– Скрипящие камни горного ветра?

– Затхлый торговый жаргон?

Бродячие игроки пинают июньскую подземку... дрейфуют сквозь ночь, сажают на землю грозных зверей...

– Кики!

– Пако!

– Хозелито!

цветные комиксы на голубом ветру... затхлые улочки чиновника, медленно тянущиеся во рту... Туземцы, возьмите это в Город Вырезок... Оранжевый свет отмечал часовые интервалы на пустыре... Кататонический известняк освобождает район... Эта война будет выиграна при переключении цветов... Рекламная вывеска “Трака” шевелится, как ночной зверь, и вспыхивает голубым пламенем.

«КУРИТЕ СИГАРЕТЫ ТРАК. ОНИ ВАС ЛЮБЯТ, ТРАК ЛЮБИТ КАЖДОГО ИЗ ВАС. КАЖДЫЙ ТРАК ВАС ЛЮБИТ. КУРИТЕ ТРАК, ОНИ ПРИНОСЯТ НАСЛАЖДЕНИЕ. ОНИ НАДЕЖНЫ. ТРАК ТРАК ТРАК»

– Vagos Jugadores de Pelota, sola esperanza del mundo[108], возьмите это в Город Вырезок... Уличные банды, рожденные на Уране под угрозой условий сверхновой, отрезают линии времени... Возьмите это в Город Вырезок. Muchachos[109]... “остались минуты”...

Джунгли вторгаются в заросшие сорняками парки, где броненосцы, зараженные разъедающей землю болезнью, резвятся в заброшенных беседках, а Боливар в кататоническом известняке освобождает район... В дамбы и плавательные бассейны проникают кандиру... На солнце мерцают альбиносы... Усевшись рядком под

аркадами, мальчики читают цветные комиксы и мастурбируют под мелодию мамбо... шевеля ногами... Карл идет сквозь… аркады, Карл идет сквозь нависающие затхлые улочки Железнодорожного Короля... вкус железа во рту от июньских подземок...

города деревянных решеток и балконов, облупившаяся серебристая краска под слоем серых металлических осадков, подобных остывшему расплавленному припою на улицах, и жилища терминального города, где на фосфоресцирующих металлических протезах ковыляют по улицам замедленного времени ворчливые калеки, поедающие в свете оранжевых газовых вспышек бурую металлическую муку из ржавых корыт... зловоние прогнивших рек и глинобитных домов... болотистая дельта до самого неба, которое не меняется никогда... острова мусора, где зеленые мальчики с чувствительными лиловыми жабрами ухаживают за химическими садами... терминальная почтовая открытка, усыхающая в тяжелом времени. ворчливые наркоманы, пристрастившиеся к наркотику оргазма. бескостные в солнечном свете, заживо пожираемые людьми-крабами... терминальная почтовая открытка, усыхающая в тяжелом времени. «Предметная Полиция хранит все Доклады Правления... Не забывайте этого, сеньор...»

Когда он вернулся из Министерства по делам туризма, они делали в его комнате обыск... пальцы, легкие и холодные, как весенний ветерок, шелестели его бумагами и документами... Один сверкнул кокардой, похожей на рыбий бок в темной воде...

– Полиция, Джонни.

Наверняка “туристы”... Туристы водворяются в любое правительственное учреждение и принимаются издавать директивы и плести паутину межведомственных докладных... У одних имеются связи в вышестоящих инстанциях, благодаря чему операция не будет запрещена законом и не станет считаться наркотической... Другие обстряпывают мелкие делишки, сидя в чуланах и темных комнатах Управления уличных грабежей... Они выскакивают оттуда, надышавшись аммиаком, и принимаются отдавать безумные распоряжения и реквизировать все попавшиеся на глаза предметы... Недоразвитые комитеты возникают, как песчаные бури... Ветер унес весь скандал с протухшим маслом в районы произрастания...

Брэдли читал объявление, прибитое к жилищу из расщепленного бамбука... Объявление было напечатано на листе белой бумаги размером с книжную страницу

Отрезать Линии Устройств для Секса и Сновидений//
Отрезать Линии Траковой Службы//
Облапывание не освежает//
Плиходи пятниса, ми-истер Излишек Масла//
Работаешь за американский доллар?//
Тракай свои собственные устройства//

Легкий удар по плечу под бесшумными крыльями малярии:

– Documentes, senor[110]. Pasaporte[111].

Его паспорт манил их, точно сахар, золотые зубы злобно поблескивали недоверием:

– Pasaporte no bueno[72]! No en ordenes![112]

Те легавые, что не сумели пробиться к паспорту, принялись распевать в унисон:

– Comisaria[113]! Comisaria! Comisaria! Ми-истера a la Comisaria!.. Pasaporte muy malo[114]. Не годится. No bueno. Видны типичные признаки.

На Команданте была заляпанная маслом зеленая форма, при движении испускавшая утюжный дым... Вокруг пояса, оставляя за собой голубые искры, двигался по металлической направляющей маленький автоматический пистолет... Перед ним то и дело вырастали с донесениями и документами потасканные агенты.

– Si, читать публичные объявления permiso[115]. Но это... – он закрыл ладонью белое объявление на стене из расщепленного бамбука... – особый случай.

Вперед протиснулся человек в зеленом козырьке от солнца:

– Да. Это у них зовется “предъявлением доказательств”... Все они содержатся в деле, весь скандал с протухшим маслом Траковых Устройств для Секса и Сновидений в Районах Произрастания.

Он показал на ряд шкафов и ящиков для хранения документов... По полицейскому участку поплыл запах заплесневелых суспензориев и хлорки. Слабой смуглой рукой Команданте прогнал газетчика:

– У этого сплошь политика... Лучше быть просто толковым специалистом.

Шведский мошенник прячется в Рио-Бамба под холодным сувениром с Чимборацци, джанковую крышу забрали за неуплату, синдикаты всех стран нащупывают его далекими пальцами убийства – усовершенствовали это искусство во времена династии Тан в подсобке китайской прачечной. Шведу оставалось только одно: концессия серых фетровых шляп для “Районов Произрастания”, скрывающаяся за подставными фирмами и вымышленными именами. С помощью волшебного фонаря 1910 года он спроецировал на экран индейцев в серых фетровых шляпах и разбил изображение на миллион фрагментов, отразившихся в черных глазах и голубом горном льду, в глубокой воде и моче, в ламповом стекле, темных бюрократских очках, орудийных стволах, магазинных витринах и ресторанных зеркалах... Он направил фрагментарное изображение в глаза усохшей головы, которая умерла в муках, глядя на серую фетровую шляпу. А голова излучала: «Шляпа... Шляпа... Шляпа... Шляпа... Шляпа...»

– Какая-то дефективная башка, – сказал он.

Когда возникли шляпные строки, прервать их мог только оргазм... Вот он и захватил жену миссионера и ослепил ее порнографическими слайдами... И он приучил ее голову излучать антисекс... Другие антисексуальные головы он поместил

в порок копрофилии и электрическое омерзение... Он ослабил яркость устройств для секса и сновидений во всей стране. И его в свинцовом цилиндре отправили обратно в Швецию, чтобы основать там Траковую Службу и Министерство Трака.

Трак проделал долгий путь из волшебного фонаря в китайской прачечной. Головы были переданы в дар Готенбергскому музею, где их относительно безобидные эманации вызывали массовую сексуальную оргию.

Vagos jugadores, sola esperanza del mundo, возьмите это в Город Вырезок, вид на красные каменные здания и медные пагоды, рестораны на открытом воздухе, сады с прудами и каналы – серебряные караси длиной в три фута и гигантские розовые саламандры... Черная обсидиановая пирамида Министерства Траковых Дел.

– Идеальная продукция, господа, имеет определенное молекулярное сходство с ее постоянным покупателем. Кое-кто настаивает на производстве и продаже изделий, которые подвержены износу. И это не метод конкурентной борьбы. Наша продукция никогда не покидает клиента. Мы обеспечиваем ее обслуживание, а все Траковые изделия испытывают определенную необходимость в Траковом обслуживании... Обслуживание со стороны конкурента подействовало бы как антибиотики, и наши услуги благородного Тракового происхождения обзавелись бы неаппетитным дубликатом... Это не просто очередной наркотик, ведущий к привыканию, этот ведущий к привыканию наркотик берет на себя все функции наркомана, в том числе и выполняемые его абсолютно ненужным в данных... э-э... обстоятельствах громоздким скелетом, приводя его в итоге в состояние беспомощной личинки. После чего ему можно сообщить, что самой той жизнью, которой живет, он обязан услугам “Трака”...

Траковая Резервация якобы включает в себя почти все внутренние и приграничные районы Соединенных Республик Свободии, а поскольку всем, происходящим в Траковой Резервации, занимается Траковая Полиция и никто не знает, где Резервация, а где – нет, дела, как гражданские, так и уголовные, изымаются из гражданских судов с единственным словом “Трак” под неведомыми резолюциями... Отчетные заседания Тракового персонала синхронизированы с другими мероприятиями относительно области низкого давления... Бенуэй представлял отчет, якобы и в самом деле включавший в себя почти что отчетные заседания Траковой персоны... Иногда Резервация – это другие люди и мероприятия подтипа Траковой гвардии...

– Окрестности Мехико... Кругом столько гвардейцев, что невозможно ничего добиться... Вы хоть в состоянии обучить меня языку? Входите, пожалуйста, вместе с изображениями...

– Траковая полиция нас опознала... Уносим ноги, Джо... Вот и вся история... область низкого давления... Смертный приговор, вынесенный окружным судьей.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ ОТВЕТ

Трупы висят с расстегнутыми штанами на дороге в Монтеррей... отчетливо и ярко впереди – голые почтовые открытки и детские башмачки... Человек возвращается к тому, что оставил в нижнем белье, сбросившем мальчишеское тепло в 1929 году... Бедра похлопали по кровати, подпрыгнули кверху жопой... «Джонни дрючится»... Чашка разбита... слабость... Термодинамика ползет домой... игра в пустые руки... постельные картины задают мертвый вопрос... резко пахнет мертвечиной, открывается...

– Ми-истер, вас достает медузообразность... Этого ждете?

Улицы идиотского наслаждения... обсидиановые дворцы рыбьего города, пузыри медленно выжимают белье на пол, ископаемые остатки оргазма...

– Вам достается нечто вроде медузы, ми-истср. Его глаза, спокойные и печальные, как котята, учуяли выгоду:

– А я ему и говорю: расторгаю, мол, контракт... Вешаюсь в ваших грязных фильмах в последний раз... Три тысячи лет в шоу-бизнесе, и до сих пор не выношу подобных номеров вроде этого...

Уличные мальчишки из зелени с идиотскими жестокими улыбками и полупрозрачной янтарной плотью, душистые жасминовые испражнения, лобковые волосы, которые колют иглами наслаждения... удовлетворяют ничтожные желания позвоночника... чередуют терминальную плоть, когда раскалывается яйцо.

– Это гиблое место, ми-истер... Место последней ебли для Джонни.

Улыбка идиотских предсмертных судорог... Его янтарная плоть покрывается пленкой неторопливого растительного гниения... неизменно появляется, когда раскалывается яйцо, из сломанных позвоночников струится белый сок... из его рта пахнуло угольным газом и душистыми фиалками... Мальчишка спустил свои порыжевшие черные брюки... нежный мускусный запах грязного белья... Одежда, жесткая от масла, на красном кафельном полу... Голый и строптивый, его уличномальчишеские чувства метались по комнате в поисках остатков выгоды.

– Пойдете со мной, ми-истер? Последний раз перепихнуться.

Странный цвет в его глазах, увидел все по-другому, лицо прозрачное, со всеми сточными канавами смерти... Сухостои разносят пряные запахи по всему сортиру... грязное белье под потолочным вентилятором... призрачное вожделение комнат с закрытыми ставнями... он забыл на моей кровати рубаху...

– Джимми Шеффилдз все еще так же хорош, как прежде.

– Он обслуживал клиентов надувательством, ми-истер,.. Вот доктор Бенуэй и учуял выгоду... Эта особая порода плюет на контракт: Передатчик раскалывается яйцом... Крысиные позвоночники обрастают грибной плотью... Мальчишка опустился в твоей

комнате в поисках остатков... Имел тряпку на теле из растения... Опустил свои брюки и член.

– Кто вы?.. Моя лодка...

– Запахи по всему сортиру... Навозная куча... Ми-истер.

Священные Сточные Канавы Смерти... мальчишка опустился под болотным кипарисом и завалился спать в грязном белье... (пустился в путь пешком через безлюдные поля... маленькая хижина на окраине... Писатель оглядел нас обоих – хорош, как прежде). Начали возникать идиотские картины...

«Вам достается нечто желеообраэное с коленями, подтянутыми к подбородку... унылый маленький ирригационный канал... Попугай на плече бередит душу... Парализованный, кривляюсь в ваших фильмах в последний раз... Из меня ниже пояса... До сих пор не выношу подобного вида уличных мальчишек из зелени... Так вышло, что мальчишка сумел управиться со своим газом и душистыми фиалками... Эта местность приносит выгоду смуглым рукам, которые трудятся сообща во имя перехода на увлажненные земли... Циклотрон обсирает этих типов... Сплошь и рядом пахнут в любом образе... сильные дурные запахи от чужого... Джимми Шеффилдз вновь так же хорош... Дыхание уличного мальчишки расторгает контракт... желеобразных номеров вроде этого... Когда раскалывается яйцо, наши позвоночники обслуживают особых клиентов ископаемого оргазма».

Керосиновая лампа заливала светом красно-белую полосатую футболку и смуглое тело... Опустил свои брюки... лобковые волосы колют заношенное нижнее белье, вентиляторные запахи юноши сухостоят ароматы стирки... послеполуденный ветер там, где колышется тент...

«Приходишь в возбуждение от номеров вроде этого?.. Покажу тебе кое-что интересное: больная плоть обслуживает неистовую последнюю еблю для Джонни... постель покрыта пленкой, сами понимаете, глаза лезут из орбит... голые сладости по всей комнате, остатки юношеского образа, горячая сперма в Панаме... Потом мальчишка бросает свой бабский наряд и удаляется в раздевалку... К т о увидел все по-другому? Кто в ы, когда их глаза лезут из орбит?.. Мандрагоровые[50] запахи по всему сортиру… Мальчишка опустился, и мальчишка просыпается парализованный... Помни, бывает только один визит: железная крыша... грязное белье под одеждой... шрамовая ткань... комната с закрытыми ставнями... дурные запахи пищи... Я был не так уж и далек от того, чтобы стать хорош, как прежде... Обсидиань этого брокера, пока они на него не вышли... Краб неуклюже отступает... Вам достается нечто вроде пустыря... унылого маленького клочка земли, верно?.. мальчишеское лицо, зеленый шарф... в фильмах уже три... Пойми, пока я жив: трудиться я до сих пор не выношу. И такое получил задание... Конец начинает узнавать уличных мальчишек из зеленого паспорта, торгующих последней еблей, пока опускаются его брюки».

Пыль городов и ветровые лица приблизились к концу света... крик сквозь погруженный в облака далекий рассвет, раскатами возвращающийся в мировую слизь.

Пыльная сперма в пестром платке песет с собой послеполуденный ветер... под черным стетсоном сбросил свое заношенное нижнее белье... Керосиновая лампа заливала светом пистолет, хрупкие ноги и смуглое тело... одежда жесткая, в раздевалке вытирают друг друга… строптивые, пока другие двое наблюдали... Странный чужак спустил свои брюки... Смуглые руки пустили в грудь струю...

– Найди скупщика времени... Приступай к выполнению задания... Образ в той же позиции... Поменяй место своей защиты...

«Йоханнесбургский бидонвиль[80] он обслуживал... Клиенты надували ниггеров из-за глазной ванночки выродков... Извергал на другой день Джонни... В вас текут хуесосы-пиздолизы... Эта особая порода плюется ватой и перемещается по радарному лучу службонепробиваемой мелкой капусты... Когда на ломках бил колотун, сказали вашему корреспонденту, что в героиновой затормозке нас охватывает сексуальная голодуха... Там находился параноидный экс-коммунист... Штопором своих известняков втер в меня Москву... Разбита слабость бильярдной... Раздраженно в Мексику… К тому времени у нас был вялый город вдалеке, двадцатые годы – слабые и прерывистые... Колея кончилась навеки в дюйме от двойного дна...

Они снесли передатчик... Крысы носились с почтой... Где-то к северу от Монтеррея мы встретились в одной из воюющих сторон... Взяли в плен позвоночную клинику и сварили из пленных студень... Нас обвиняют в назойливом приставании с помощью цепких сучьев... Первый отказался от вашей защиты, изо рта его текла кровь... Имел тряпку на теле... Дожидаясь демонстрации этого экспоната, спустил свои штаны, и я кончил спектроскопом... Вонь пошла, как от навозной кучи, брюки только рвутся на ветрах Стояка... Короче, мы попали в Священную Тополиную Рощу... Это единственный способ выжить... сперма под болотным кипарисом... сладкое уличное дерьмо, и теплый весенний ветер пощупал мой член... (мертвая птица в черной болотной воде)... Он валился наземь средь деревьев, раз пять кончал в свое тряпье.

Он сказал мне, что может устроить дальние места… в маленькой хижине на окраине... буравящий взгляд бледно-голубых елейных глаз... Писатель оглядел нас обоих, и улыбнулась область низкого давления, в руках у него была бумага на обмен... слабая и прерывистая перед тем, как начали возникать картины: «Господи Боже мой, видали, как возле ирригационного канала мой мальчик подтягивает колени к подбородку и выбрасывает в воздух струи?»

Когда я выпустил заряд, я был парализован снадобьем... бьющаяся в судорогах крепкая самка вытекла из меня ниже пояса... На телеграфном столбе висит трепещущее существо особого пола... А потом я почувствовал это внизу, в балагане фрагментарного розового цвета...

Холодные тени гор на чердаке... я пошел вместе с мальчиком в его подвал... Хотите знать, что произошло, у мальчика сухостой мог держаться всю ночь?.. Человек возвращается к чему-то, глядя на синие горы... и так день за днем... мировые послания на стене сральника... член, пускающий струю известняка... летний рассветный запах мальчишеских яиц, и дело с концом... та местность, где видимо-невидимо жителей не будут трудиться сообща... мне это не по душе... Дышал с голодухи и решил

поклянчить у ребят... Мы обнаружили Матушку Грин в ваших обломках, с ней были и другие из его опустевшего члена... жуткие метаморфозы, и циклотрон обсирает этих типов... (У вас веревки не найдется?)... Быть может, я прошу слишком многих земледельцев...

Сплошь и рядом мы держим эту старую корову в узде... Вводи любой образ в освежающий напиток, ладно?.. Смочить, опять уснуть – и сухостой таким путем устранялся... Слушай, началось целое нашествие, и он усадил меня резвиться на рыбалке... молча и с дрожью принимая все это во внимание, мы двинулись накрепко... на противоположном склоне тоску мы разгоняли в меру сил... на чердаке амбара день и ночь пахли его топкие хлопчатобумажные брюки... Он проснулся и поверил, не убедившись собственными глазами.

Джимми, как говорится, к о е - ч е м занят... мальчишки все в угольной пыли... Быть может, я прошу слишком многих... (У вас веревки не найдется?)... Так вот, тот однокомнатный мальчишка – его хуй встал во влажном сне... с улыбкой смотрит на свою промежность... оголил и дотронулся... встает накрепко... Разворачивает меня, кончик его члена блестит... Тот запах пропыленной комнаты липнет к нему, как... Чувствительный и лишенный кожи, подошел к потайной виселице... внизу открытая дверь для истребления призрачных убийц... Запах спермы проникает в мозг... Джимми с жестокой идиотской улыбкой хватает его за локти, переворачивая его на сладкие места... Нашел пижамный шнурок и связал мальчишку... Джимми лежит и посасывает его медок... Должно быть, отключился в пивной “Мандрагора”... Так называемые рок-н-роллщики изощряются в остроумии на массивном диване-кровати со старыми башмаками и пальто, которое кто-то вырулил... Мальчишка просыпается, парализованный в закладе... Подобрал имя, которым ты так и не научился пользоваться... Эти ходкие товары открывают прямой выход на поставщика, сплошь и рядом... цена попахивает высохшей спермой... Я был на крыше, так что сладкое юное дыхание принес скупщик времени...

Ворота в белом пламени... Преждевременный ответ мальчишке просыпается нагишом... На брюхе, правда?.. Ах, вот и железный холодок во рту... Приходи ко мне вечерком в выкручивающих кости спазмах... Серебристый свет озаряет кое-что интересное... Мальчишка чертами лица помоложе, конечно... Подожди минутку... В данном случае не годится... Попробуй, если тебе нужно никчемное старое дерьмо, вопящее без тела... Прокрути два года, операция окончена... Мы?.. Ну, а конец – это кто?.. Quien es?[116].. Конец света, когда мальчишка в бабском наряде удалился в раздевалку… Мой паж знает столько изящных способов в постели... Сами понимаете... Глаза лезут из орбит... а что – сласти и сигареты... прямая кишка открыта, теплый мускулистый мальчишка становится неудержим и пронзает юношеский образ... горячая сперма вне себя в панаме... американские горы, когда их глаза лезут из орбит... Знаешь ответ?.. две жопы и мандрагора... Они будут делать это каждый раз... Рок-н-роллщики изощряются в остроумии с неодолимой девицей с Минро, вытирают жопу в женском туалете... а мальчишка просыпается парализованный от мышьяка и кровоточащих десен... Помни, бывает только один вшит особого сорта... Вампиры плотских соков – это гнилостный запах льда... Не годится, no bueno[72] – хоть сразу, хоть частями...

Мотив замены пищи, он склонен отбирать ключи... Установлено, что судьи любят, когда это заперто... Исполняющий обязанности врача в Данкмуре сыт по горло – пойми, пока я жив... Конец начинает узнавать, чей повешенный... Еще один, последний шанс?.. Вернись к испанскому соблазну, угрюмая матрона бинтует писаку... Шок, когда ломается шея, уже далеко... В этом гостиничном номере ты уже, конечно, мертв... Мальчишка вытягивает ногу, его член толчками встал... Однако… э-э... ну да, видишь ли искры от горящих крылышек насекомых...

В лучах полуденного солнца, в расстегнутой рубахе, Кики выходит вперед... Выгнув тело, стоял нагишом, поплевывая над приливной равниной, босые ноги в собачьих экскрементах... печальный слуга в сепиевых облаках Панамы...

Датированные задним числом чеки возвращаются со всех сторон в зеленом местечке близ стадиона... Приходи и дрочи... паспортные торговые автоматы... Джимми шел по Норт-энд-роуд... (заторможенные лошади тащат телеги... мальчишка весь в угольной пыли)... область низкого давления и поднимается ветер... Приблизился к туалету “Конец света” и встретил широкоплечего мальчишку – черные глаза ярко блестят в свете уличных фонарей, толстый шелковый шарф заправлен в красно-белую полосатую футболку... В однокомнатной квартире мальчишка сбросил одежду и уселся нагишом на кровать, пуская сквозь лобковые волосы сигаретный дым... В дыму встал его хуй... Сощурив острые глазки, с улыбкой, которая, строго говоря, не была улыбкой, он смотрел, как Джонни складывает свою одежду... чувствительный и лишенный кожи, уже голый, член его пульсировал... Джимми взял свой ключ и положил его в рот, всосав вкус металла... Второй сидел и молча курил... Неторопливая капля смазки выдавилась из кончика его хуя, поблескивая в свете уличных огней... На усиливающемся ветру хлопали ставни... По пропыленной комнате распространился гнилостный растительный запах, по розовым обоям неслись теневые автомобили.

У К9 была назначена встреча в пивной “Шеффилд Армс”, но на месте назначения затухала короткая волна... Кажется, налево? или направо?.. Прямо? в сторону? Норт-энд-роуд?.. Он шел мимо опустевших рыночных палаток, хлопали ставни... Ветер срывал покров с лиц, мимо которых он шел, чувствительный и лишенный кожи... Приблизился к “Концу света”, ветер продувал опустевшие карманы времени... Никакой “Шеффилд Армс”... Назад в свою комнату, полную теней... Там он сидел на кровати с улыбкой, которая, строго говоря, не была улыбкой... Возле умывальника какой-то мальчишка пользовался его зубной щеткой.

– Кто эти люди?

Мальчишка у умывальника обернулся:

– Вы меня не помните? Ну да, мы же встречались таким образом, что... – Зубная щетка у него в руке была вся в крови.

Джимми уселся на кровать, испытывая зуд в прямой кишке... Второй взял свой шарф и пропустил его сквозь пальцы, глядя на Джимми с жестокой идиотской улыбкой... Руки его сомкнулись на локтях Джимми, переворачивая его на кровати на

брюхо... Мальчишка нашел пижамный шнурок и связал Джимми руки за спиной. Джимми лежал, глотая воздух, и посасывал ключ, ощущая во рту вкус металла... Второй оседлал тело Джимми... Он поплевал на ладони и натер слюной свой член... Положив руки на ягодицы Джимми, он раздвинул их и уронил плевок на прямую кишку... Он подсунул шарф под бедра Джимми и натянул его тело на свой хуй... Джимми глотнул воздуха и покорно подвинулся... Мальчишка передвинул шарф по телу Джимми к самой шее...

Он, должно быть, отключился, хотя в пивной у него было не так уж много выпивки... два так называемых двойных бренди и две бутылочки ячменного... Он лежал на массивном диване-кровати в незнакомой комнате... и одновременно знакомой... в башмаках и пальто... такого пальто у него быть не могло... просторное зеленовато-голубое твидовое пальто... К9 мог позволить себе лишь тесные черные “честерфилды”, как правило, покупал поношенными в ломбардах... У него было крайне мало денег на одежду, хотя он и любил носить “наряд банкира”, как он выражался... черные костюмы... дорогие галстуки и льняные рубашки,.. А здесь он был в таком пальто, какого никогда бы не имел и не носил по доброй воле... чужая комната... однокомнатная квартира... дешевая мебель, чемоданы открыты... На покрывале К9 обнаружил два пыльных ключа... Уселся поудобнее и принялся подбирать себе имя... на кровати, строго говоря, не было улыбки...

«Ты так и не научился пользоваться своим Джимми... неторопливо с правом... будут и другие за его спиной с шарфом... Мы же встречались, сами понимаете, таким образом, что в запахе ячменного... Вы меня не помните?»

Вкус крови в его глотке, одновременно знакомый... и пальто... чужое... все в угольной пыли... Однокомнатный мальчишка, как всегда бывает, складывал свою одежду... лежал, глотая прохладу в сегодняшнем дне...

«Юркнул в то, что можно назвать стеганым одеялом, и воспользовался драгоценной возможностью растянуться с оптовой стороны... Научился ценить эти ходкие товары сплошь и рядом… Да-да, провизию... Она принялась визжать, требуя приемлемой цены... Я был на крыше, так что мне пришлось ее выпороть... Найди скупщика времени, прежде чем начать сеансы... Выбора нет, если они, к примеру, приступят к выполнению задания... Придется отпускать по дешевке и начинать дальнейший визг на ту же тему... парочка надежных воришек... Работа стабильно встречала меня у ворот... преждевременный ответ для использования против любого, кто вздумает вмешиваться... Мне нет-нет да и приходилось для разнообразия пускать его в ход, но, как правило, что называется, враги наемника... Это было сделано весьма современно и удобно... Подобрал порезвиться с кнутом да пряником... Прямо, в сторону? Кровать на брюхо, правда?.. Ах, вот ты где – за его спиной с шарфом... Руки из 1910 года... Выбора нет, если он разделся... Придется отпускать по дешевке и начинать нагишом».

Затягивал шарф на шее Джимми все туже и туже... Джимми глотал воздух, кашляя и харкая, лицо распухло от крови... Он испытывал зуд в позвоночнике... Внезапно все его тело покрылось грубой черной шерстью. Сквозь десны с невыносимой зубной болью прорезались клыки... В глазах его вспыхнул серебристый свет.

Он решил взять пальто с собой... Мог миновать кого-нибудь на лестнице, и они приняли бы его за жильца, ведь мальчишка телосложением и чертами лица походил на него – помоложе, конечно, но люди не наблюдательны сплошь и рядом... Осторожно...

«Осторожно... следи за выходами... Подожди минутку... В данном случае не годится… Следи за волнами и долговременными расчетами… Нет смысла выходить... Попробуй, если тебе нужно... Все умирает в конвульсиях, вопя без тела... Знаешь ответ?.. Мышьяк два года: операция окончена... Мы – это мышьяк и кровоточащие десны... Кто? Quien es?.. Конец света, яркий и отчетливый... Вот и вызвал в воображении широкоплечего, и черные глаза ярко блеснули... теневые автомобили в пропыленной комнате... Мой паж знает однокомнатную квартиру из чемодана здесь, на кровати, где вы меня познаете с жестокой идиотской улыбкой, пока глаза Джимми лезут из орбит... Шелковый шарф двинулся вверх, вытирая... Все его тело покрылось лобковыми волосами, раздиравшими плоть, как проволока... Сощурил глазки от запаха, который я неизменно ощущаю... Горячая слюна обожгла его прямую кишку открыто... Возбужденные мускульные сокращения... Кашляющий и харкающий юношеский образ на последнем издыхании скрылся в легкой дымке... сквозь десны кулаком ему в лицо... вкус крови... Жизнь из его ослабевшего тела хлынула в чужую плоть... идентичные эрекции в свете керосиновой лампы... задница и гениталии покрылись электрическими волосами... в глотке вкус крови... идиотским мамбо хлынула горячая сперма... один мальчишка нагишом в Панаме... Кто?.. Quien es?.. Смрад навозной кучи там, откуда вы меня знаете... запах, который я неизменно ощущаю, когда его глаза лезут из орбит…»

«Знаешь ответ? Мышьяк два года: доходяга-нембутальщик в Панаме 1910 года. Они будут делать это каждый раз... Вампиры не годятся – все во власти неодолимой девицы с Минро...»

«А ты уверен, что они не ради безопасности?»

«Абсолютно уверен... Всего лишь для того, чтобы позаимствовать твое тело с особой целью, («Отлично... Следуйте в лед».)... В крови мышьяк и кровоточащие десны... Они пристрастились к ряду любых визитов особого сорта... Мальчишка-посыльный с таким вкусом разделся... признаков достаточно – уже голый, хуй его залечил шрамовую ткань... Вампиры плотских соков не годятся... все – нечистоты... сладкий гнилостный запах льда… от них никакого проку... Все говорит о том, что не годится, no bueno – хоть сразу, хоть частями».

«Мотивы замены пищи не совсем бескорыстны... Установлено, что судьи любят кресло... Долгие годы он пользовался “Паркером”... Сыт по горло нынешней пищей в Акте Человекоубийства, и его место заняли другие... Короче, подумай заранее о том, что после этого в любом случае грядет отмена смертной казни, все высокопоставленные мошенники предпочтут заключить сделку в обмен на согласие прекратить казни через повешение... Благородно? Ничего... я был не так уж и далек от позиции...»

«Придется поторапливаться... Убери этого брокера, пока они на него не вышли... Так или иначе, окажем ему услугу...»

Брокера он нашел в кафе неподалеку от Сокко... неуклюжий, с грузным мускулистым телом и стрижеными седыми волосами... К9 отошел в тень и растянул свой экран разума... Брокер встал и зашагал по переулку... К9 вышел из темноты в своем новом пальто...

– А, это ты... Что-нибудь стряслось?..

К9 почтительно снял шляпу и прикрыл ею пистолет... В шляпу он запихнул толстый шелковый шарф Зеленого Мальчика... глушитель грубоватый, но в переулке никого не было... Находиться в пределах слышимости, когда Брокер обстряпывал с кем-нибудь свои делишки, было небезопасно... К9 стоял со шляпой в дюйме от живота Брокера... Он взглянул в холодные серые глаза...

- Да нет, все в полном порядке, – сказал он.

И всадил три “специальных полицейских” в массивное брюхо, тяжелое, как японский борец... Брокер раскрыл рот, пытаясь глотнуть воздуха, но дыхание сперло... К9 выпустил в него еще три и отошел в сторону... Брокер согнулся, сполз по стене и рухнул лицом вверх, глаза его тускнели... Ли бросил горящую шляпу и шарф на кучу испражнений и зашагал прочь из переулка, от его дешевого европейского костюма поднимался пороховой дым... Он пошел по направлению к плоти Испании и Пиккадилли...

«Поверните стрелку до упора... сыт по горло – пойми, пока я жив... работу надо выполнить и способ получил задание... конец начинает узнавать, чьи рапорты уже кончились... «Еще одна замена, – сказал он, – трогательная церемония»... Еще есгь ты... Вернись к испанскому соблазну – это занавески под промокашкой писаки...»

Кто? Quien es?.. Вопрос уже далеко… В этом гостиничном номере ты описываешь запахи Испании... Мальчишка вытягивает ногу... Его член толчками встал в свете керосиновой лампы... потрескивание горящих крылышек насекомых... услышал море... жестяная лачуга над приливными равнинами... эрогенные зоны и перечные запахи...

В лучах полуденного солнца, в расстегнутой рубахе, когда упали его брюки... лежа на брюхе, вынул кусок мыла и намылил... Он глотнул воздуха и покорно подвинулся... запахи его ног в теплый летний день...

Кто? Quien es?.. впереди может быть лишь конец света, яркий и отчетливый.

Кики выходит вперед на пожелтевшем фото... В сползших брюках, выгнув тело, стоял нагишом, поплевывая на ладони... С ухмылкой опрокинул стаканчик... Над шелестящей приливной равниной юноши в акте, брюки спущены, 6осые ноги в собачьих экскрементах... Уличные запахи всего мира вернули красно-белую футболку смуглому Джонни... этот затхлый рассветный запах сна нагишом под

потолочным вентилятором... Повалил его на брюхо, пиная ногами с неторопливым наслаждением...

«Спрятанные мертвецы тараторят в турникете... Некогда это был я, а теперь – звуковая дорожка задом наперед... ископаемый оргазм на коленях перед бессмысленным сотрудничеством». ветер по всему туалету... “j’aime ces types vicieux qu’ici montrent la bite”[117]... зеленое местечко возле водопроводной трубы... сухие листья, застрявшие в лобковых волосах... .«Приходи и дрочи... 1929»... Проснулся в затхлом запахе торговых автоматов... Мальчишка в серых фланелевых брюках стоял там с ухмылкой, зажав в руке несколько дюймов… теневые автомобили и ветер в чужой плоти... приблизился к Концу Света, укороченный мальчишка на экране возвращает нам губы, вздохи и забытые руки всего мира...

На волноломе, под кружащим альбатросом, встретил мальчишку в красно-белой футболке... «Смугленького, ми-истер?..» теплый дождик на железной крыше... Мальчишка сбросил свое заношенное нижнее белье... В свете керосиновой лампы толчками возникли идентичные эрекции... Мальчишка подпрыгнул на кровати, похлопал себя по бедрам: «Я дрючить Джонни в жопу? Asi como perros?[118]..» Прямые кишки сливаются под идиотское мамбо... Один мальчишка нагишом на панамском рассветном ветру...

В гиацинтах улыбаются зеленые мальчики... гибнущая музыка, стелющиеся растения и птичье пение в призрачных дальних странах... посвященный пробудится в том затхлом запахе летнего рассвета, все чемоданы открыты на медной кровати в Мексике... слизь всего мира... под душем мексиканец лет двадцати, прямые кишки оголены, запах карболового мыла и барачных уборных...

Приносит мой летний рассветный ветер в чужой плоти, нанизанной на глубокие шрамы молодой панамской ночи... в туалете развевается расстегнутая рубаха... Член толчками поднялся и встал... вода с его лица... изящная тугая задница мальчишки...

«Вдохни, Джонни... Была не была...»

Они были готовы обирать лохов еще в незапамятные времена, там, в подпольной винной лавке... так и сгинули в клочках услады и горящих свитков... в открытое окно, прихватив с собой болотные запахи и старые газеты... прямые кишки оголены в запахах сырого мяса... гениталъные запахи двух тел сливаются в совместной еде и отрыжке благотворительной стряпни... призрачный запах пустых презервативов вдоль грошовых аркад и зеркал... Забытый теневой актер идет рядом с тобой... горный ветер Сатурна в утреннем небе... Утомлен смертельной травмой – тогда всего хорошего... оргазмоманы, заброшенные на чердак, точно брюзжащая мешковина...

Ароматные ракеты над маслянистыми лагунами... Сквозь лабиринт непристойных картин сыплются серебристые хлопья... открытые ветрам городские окраины... запах пустых презервативов, испражнения, черная пыль… драные штаны к лодыжкам...

Скуластые лица... крапива вдоль глинобитных стен, развеваются расстегнутые рубахи... саванна и травянистый ил... Зашло солнце... Драных штанов коснулась тень

горы... шорохи темной улицы на пожелтевшем панамском фото... «Мой muy хороший, ми-истер», – улыбки по всему туалету... Оргазм вернул уличные запахи и мексиканского мальчишку... Проснулся в просочившемся зеленом свете, тени чертополоха рассекают заношенное нижнее белье...

Три мальчика лежат на берегу и трутся животами о теплый песок... Встав, они разделись, чтобы искупаться... Они лениво поплыли, пропуская между ног теплую воду, а Ллойд сходил к своим брюкам и принес кусок мыла, и они принялись, смеясь, передавать его взад-вперед и намыливать друг друга, а Билл изверг семя на свой смуглый живот, дугой выгнувшийся на поверхности, когда струи засверкали в солнечных лучах, точно крошечные сигнальные ракеты... Тяжело дыша, он опустился вводу и улегся там, прижавшись к илистому дну... вдыхая нечистотные запахи канала.

Под гибкими ветвями старых стелющихся растений в теплый летний день разделись, чтобы искупаться, потирая животы... Ллойд тер рукой все ниже и ниже, уже открыто потирая промежность и ухмыляясь, пока двое других наблюдали, а Билл нерешительно взглянул на Джимми и тоже принялся тереть, и постепенно Джимми начал делать то же самое... Они вошли в воду, глядя, как течение уносит белые пятнышки...

Заношенное нижнее белье грошовых аркад сползает к ногам, прямые кишки ощущают теплое солнце, смеясь, моют друг друга, намыленные руки в его промежности, драгоценные спазмы волнуют теплую воду...

Мексиканец, выгнув тело, спустил свои брюки и стоял нагишом в просочившемся зеленом свете, с ветвями стелющихся растений на спине.

Али корчился, обнажив зубы в ухмылке... «Ты кончать, Джонни?..» Солнечный свет на армейских одеялах... оргазм потрескивал от электрического предвечерья... тела сцепились в магнитных вихрях...

Повалил его на брюхо, пиная ногами... Мексиканец держал его колени... Рука окунула кусок мыла... Смеясь, запихнул его член... тела, сцепившиеся в солнечном свете, отпихнули запахи ректальной слизи... зубы в ухмылке и перечные запахи...

«Ты чуять горячий проворный мексиканский малыш нагишом – мамбо до кончиков твоих пальцев, Джонни... пыль в открытых волосах ног тугие смуглые пончики – болтать очень жарко... Как долго вы хотеть чтоб мы очень приятно ебаться ми-истер? Тело больное непристойные картинки мы ебемся устать от ебли очень приятно мистер». Печальный образ болезни у чердачного окна что-то говорит тебе – “adios” – затертая пленка, смытая еще в школьной одежде в далекую закрывающуюся спальню, отрывки из страницы, заляпанные грязью туалетные рисунки, полустертые гниющие обломки спальни “Веснушчатая нога”, рассвет сочится водой на его лицо, нездоровый голос, причиняющий такую боль, говорящий тебе: «Искры», – уже над Нью-Йорком. Справился я здесь с заданием? В подзорную трубу вы можете увидеть наш затертый фильм, тусклый, дрожащий, далекий: закрыл ящик бюро, поблекшая сепиевая улыбка со старого календаря, падающие листья, солнечный холод на худом мальчишке с веснушками уже сложены в старой подшивке и выстроились для последнего парада...

времена затерялись или сбились с пути, длинное безлюдное кладбище с просроченной закладной... замирающий шорох задворками к Рыночной улице, демонстрируются все виды мастурбации и самопоругания… особенно пригодится юным мальчикам...

серебристая бумага на ветру, ветер и пыль далеких двадцатых, Он смотрел на что-то очень давно, там, где напротив старого кладбища некогда была лавка букиниста...

«Мертвая юная плоть в заношенном нижнем белье торгует сексуальными словами для магнетического Закона 334... Значит, простая лепта свое отслужила, сэр, от железного повторения... Задница и гениталии испытывают зуд в суходрочке 1929 года, означающей разорванные крылья Икара... Система контроля, вытесненная из половины тела, нашептывает кожные инструкции памяти тающего льда... область Испании... впереди каналы, яркие и отчетливые... Линия тела, подогнанная под чужое нижнее белье, а Кики выходит вперед на пожелтевшем фото… печальный образ, запыленный панамской ночью...

Короче, подумай заранее, пока они не сумели как-то запереть на замок китайцев, о том, что отмена смертной казни – это война прошлого... Прекратить казни через повешение – благородно? Точно та же позиция... Поменявшиеся местами годы в конце концов одно и то же...

крик сквозь далекий рассвет задних дворов и зольников... грустный призрак в турникете... Теневые автомобили и ветровые лица приблизились к Концу Света... запах высохшей спермы в пестром платке приносит из дальних стран сладкое юное дыхание... мягкие шарики на медной кровати в Мексике... нагишом... мокрый... карболовое мыло... тугие пончики... кусок мыла, в раздевалке вытирают друг друга насухо под "Небо мое голубое"... ухмыляясь, пока двое других наблюдали... Летний рассветный запах его промежности...

Поменявшиеся местами?.. Та же позиция... Печальный образ циркулирует сквозь обратное время... Плиходи пятниса».

Он пришел в пятницу. Мы перешли к необсуждению вопроса, изучая подъездный шум с работы домой...

– «Некогда был я, мистер».

нездоровое ждущее лицо, тусклое, дрожащее, далекое, рассвет в его глазах: «Вы за мной следите? Знаете, кто я такой?»

Короче, в аэропорт Майами я попал на щелчок раньше счетчиков Гейгера...

– У вас сэндвичи с ростбифом горячие?

– У нас все сэндвичи холодные.

Произнеся эти тяжелые и холодные, как полицейская дубинка зимней ночью, слова, она выложила сэндвич на прилавок, насквозь промокший от холодного сырого салата.

– Вы за мной следите? Знаете, кто я такой? Я уцелевший после рейса 52.

Я вхожу в аэровокзал и вижу кое-что интересное. Это целая школа идиотов... “умственно отсталых детей”, если вы из тех, кто оборванца из Джорджии величает джентльменом с Юга... все ради безопасности держатся за руки, на шеях висят карточки, весь комплект направляется на особый отстрел в Коннектикут. Я залетаю в мужской туалет, отыскиваю дальнюю кабинку, спешно вынимаю из портфеля пластиковый пакет с Не-ДТ – Недифференцированной Тканью, – сырой, мексиканской, вонючей, точно дохлый аллигатор, но это ничто по сравнению с тем зловонием, которое Не-ДТ испускает, когда я срываю пломбу и леплю себе угрюмую идиотскую физиономию красавчика и мощный торс. Эта Не-ДТ жжет, как напалм, и я на минуту отключаюсь от боли. Потом я возвращаюсь с горячим сухостоем. Дожидаюсь, когда в старой спальне погасят на ночь свет. Я выхожу, воняя катастрофой, как и всякий идиот, и хватаюсь за умственно отсталую руку. Какая-то старая дура принюхивается и смотрит, вот я на нее и набрасываюсь:

– Я что, знаю вас, дамочка? Кого вы хотите загипнотизировать?

Она подходит поближе, сама нарываясь на катастрофу. Я сажусь, переваливаясь с боку на бок в своей Не-ДТ, точно аллигатор, медленно потираю промежность, и тут какой-то понятливый типчик принимается пялить на меня глаза, а потом отворачивается – поспешно, будьте уверены. Придется поторапливаться. Эта Не-ДТ держится всего 72 часа...

– Вы за мной следите? Знаете, кто я такой?

ДЕЛО ЦЕЛЛУЛОИДНОЙ КАЛИ

Имя – Клем Снайд... Я – Частное Очко... Беру любое задание, любые личность и тело... За определенную плату делаю все трудное, опасное или откровенно грязное...

В человеке напротив меня с виду не было ничего особенного... худощавый серый человек в длинном пальто, которое подрагивало, как старая кинопленка... Оказывается, это крупнейший делец всех временных вселенных...

– Мне-то все равно, сами понимаете... – Он смотрел, как пепел с его сигары снижается по спирали... Падает на пол в облаке серой пыли...

– Только таким образом... Только время... Только время... Мне-то все равно, пускай весь ебучий сральник разлетается на куски... Я уже не одну сверхновую пересидел... Я в сверхновой родился.

– Ну что ж, мистер Мартин, сдается мне, это и есть, так сказать рождение.

– Я бы не сказал... Так или иначе, приходится перемещаться... Билет, который лопнул, оставил мало времени... Дело в том, что они пытаются мне помешать... мелюзга... все еще действуют по старому плану эвакуации... Знаете, что собой представляет старый план эвакуации, мистер Снайд?

– Приблизительно.

– Трюк с повешением... смерть в оргазме... жабры... отсутствие скелета и элементарной нервной системы... эвакуация на Увлажненные Земли... грубое обращение, если честно, а честно не бывает, если за этим присматривает Сэмми... мелюзга пытается мне помешать... Мне, Брэдли-Мартину, который и изобрел жульничество...

«Спешите видеть... Смотрите, вот я есть, а вот меня нет... Надо перед отъездом отдать кое-кому должок... Кое-где навести порядок, а это касается вас... Я хочу, чтобы вы связались с Венерианской Шайкой, Людьми-Растениями, и разбросали всю ебучую навозную кучу по Таймс-сквер и Пиккадилли... Из-за этой зеленой суки я срок мотать не намерен... Я на всех настучу и в клочья разнесу этот дохлый планетный полустанок... В кои-то веки я чист перед легавыми сверхновой... чист, как осадки...»

Он исчез в спиральных узорах сигарного дыма... Раздался стук в дверь – заказное письмо из Антверпена... чек на десять тысяч долларов за права на экранизацию романа, которого я не писал, – называется '*Мягкий Билет*'... письмо от человека, о котором я никогда не слыхал, он подвизается в качестве моего агента и предлагает мне связаться с копенгагенской конторой и обсудить датские права на мой роман '*Представительские Средства*'[2]...

Стойка в розовой обивке... Нью-орлеанский джаз, едва слышный в северной ночи. С белого шелкового сиденья соскользнул мальчишка и протянул руку: «Привет, я

Джонни Тяга, дружу с... Короче, почти со всеми. До катастрофы я был в лучшей кондиции – сами увидите в этой интересной картине. Вот только башка сплющилась в студень, но, как я люблю говорить, отпечаток на моем лице оставили глаза другого человека – вел машину, столкновение лоб в лоб, и Знаменитый Врач (кстати, очень толковый) спешно доставил его в операционную, удалил ему глаза, сделал глубокий отпечаток и швырнул его на меня, точно блин, прежде чем я успел просохнуть и обтрепаться. Так что теперь я снова, как говорится, в упряжке: с помощью плоти, и у меня есть все “В ы”, что мне и требуется от публики, это последняя капля, а потом принесите еще. Помещение герметизировано. Мы решились на такую блокаду, мы решили, что наше зенитное заграждение никому не прорвать. Они решили. Я – Мастер Метаморфоз. Ага, вот и моя частота. Я уже подключен...»

Свет сделался тусклым, и Джонни с важным видом удалился – в очках, мерцающих северным сиянием, в суспензории из Недифференцированной Ткани, которая во избежание кристаллизации должна постоянно находиться в движении. Из суспензория вырос пенис, в розовом свете плавно превратившийся в клитор, яйца с жидким всплеском втянулись в пизду. Под бурные аплодисменты публики и выкрики «браво!» он проделал это трижды. Приблизился к стойке и заказал густой синий напиток. Вдоль шрамовых линеек на репродуцированном лице Джонни выступили пятна белого кристалла в виде ноты “ре”.

«Совсем как каналы. Может, когда выпадают кристаллы, я делаюсь марсианином».

Ты умрешь там с отверткой в башке. Мысль как бы смотрит на меня поверх бифштекса и, истолковывая все в таком духе, остается на месте. Она была также психоаналитиком-райхианцем. Исчезая, до известной степени остается в приемлемом виде для вас – лицо.

«Мы могли бы и дальше игнорировать мой акт расщепления, но genug basta assez[119] – падают игральные кости, браток, длинная улица метаморфоз... Я перенес страшную автомобильную катастрофу – кажется, это был “бентли”, они такие славные, за это и платишь, когда покупаешь машину, она твоя, и ты можешь быть уверен, что никто не угонит ее из наших владений... Конечно, задниц у нас тут нет, сами понимаете, кто-то может взять, да и вспомнить о плотских утехах. Вот мы и сидим на одной моче. А это сводит все к тонкой линии посередине, пятьдесят на пятьдесят, нет ничего честнее, как всегда говорит мой дядюшка Мудрозуб, он вступал во внебрачную связь, но я этому не верю, я ведь так же давно пристрастился к тяжелой воде, как и он... Как бы там ни было, вернемся к моей катастрофе в “бентли” – как только я получаю в “бентли” свою наркоту, он становится моим.

Короче, мы перенесли страшную катастрофу, точнее, он перенес. Боже мой, что это я говорю? Это была не первая моя катастрофа, сами понимаете, ранения каждый год, а то и каждый месяц – Боже мой, я должен держаться той средней линии...

Уцелевший. Уцелевший. В моем детстве не первый. Три тысячи лет в шоу-бизнесе и всегда держусь от греха подальше. Я же был танцором у Пещерных Каннибалок в Ледниковом Периоде. Помните? Все это сваленное в пещерах мясо и Голубая Королева, покрытая известняковой плотью и вползающая в твои кости, точно серый

холодный мед... так их хранят – не мертвыми, но парализованными – с помощью этой жуткой дряни, которую стряпают из вампира, летучие мыши путаются в волосах, Герти, всегда прячь свои волосы подальше внутрь, если дома вампир, скверно входить в чужие дома. У испанцев есть для этого слово, кажется, “a jeno”[120] реквизит или нечто вроде того, я-то знаю, но уа la уо[121] все смешаю. Они зовут меня Puto[103] Бетономешалка – ну разве не остроумно? Кое-кто считает меня глупцом, но я вовсе не глуп... а один мой любовничек сказал, что с ушами, дрожащими и пламенеющими от желания, как горящие листья, я похож на мегеру, и это были его последние слова, запечатленные на моей ленте памяти, – вместе с кучей других воспоминаний, которые внушают мне отвращение, вы не поверите, в какие гнусные делишки я впутывался, когда работал Мастером Выживания... а они думают, это смешно, но я не смеюсь, разве что наскоро, между словами, не хватает времени, сами понимаете, в смехе они до меня доберутся, он не отталкивает их так, как болтовня, а теперь смотрите...»

Замирает фильм, и свет исчезает, и публика громко ворчит голосом Джонни.

«Видите... – Ночные тени вновь заняли ресторанные места и принялись пить ресторанные напитки и вести ресторанные разговоры... – Они хитрецы, только и всего. Короче, я был танцором у этих грозных старых пизд особенно им по нраву приходились парализованные мужчины и мальчики сложенные в штабеля до самого потолка как на фотографиях из Бельзена[122], которые мне доводилось видеть, или одного из тех жутких зараженных мест, а я сказал: «Опять они за свое…» Я сказал: «Старая Армейская Игра». Я сказал: «Ставь Доллар». Вот он есть, а вот его нет... Парализованный этим отвратным месивом, которое Сапфировая Богиня выпускала из холодной язвы, всегда открытой у нее на губах, то есть из отверстия в известняке, сами понимаете, она была вроде как вся покрыта одним из этих однополых ритуалов... Как следует сосредоточился там, внутри, и испустил лучи, дабы предотвратить катастрофу, вызываемую неким вирусом, занесенным незадолго до этого из захолустного гепатита... Однако, сдается мне, я слишком много говорю о личных делах... Но я знаю одного крупного профессора-атомщика, тоже очень толкового, так он сказал: «Секретов больше не существует, лапочка», – когда я крутил с ним любовь за срочную информацию. Мой дядюшка все еще дает мне десятку за свеженький ядерный секрет, а в наше время десять лет – это, дорогуша, не шутка, когда почти любой запросто может забрести сюда из пустыни с документом на передачу права и стащить девичью заначку прямо из ее владений... должен сказать, это сущая правда, но кое-кого из нас, мальчиков, так тянет к порядочной человеческой жопе, так тошнит от этой гнусной пизды, что противно смотреть... Короче, я попросту повторяю то, что слышу по спаренным телефонам.

Этих старых пещерных пизд я держал в страхе с помощью одного из номеров своей программы, где я в наряде Черной Вдовы исполнял Американский брачный танец. Я мог сделать так, что лицо мое колыхалось, вы не поверите, а звуки, которые я издавал в... э-э... оргазме, когда Она меня пожирала, – сами понимаете, я играл обе роли, изображал Саму Богиню и ради пущей безопасности превращался в камень... А у Нее для меня не хватало сока, вытекавшего из той дыры, ее единственного отверстия, и ее перенесли – вместе с жалкой платформой, вместе с жопой без формы

– слепые уникумы без яиц, им пришлось ложиться на пол и подползать под Ее платформу в Костюме Носильщика-Многоножки, надевать который считалось большой честью, а они постоянно дрались из-за протокола ползанья, или проползкола... Так вот, все эти мальчики были сложены в штабеля до самого потолка и покрыты известняком... сами понимаете, они были не мертвее свежей устрицы, но умирали, как только раскалывалась раковина, и их пожирали, дрожащих, душистых и вкусных. И правильно – витамины... пожирали с помощью маленьких, украшенных драгоценностями стругов – нефрит, сапфиры и рубины цвета цыплячьей крови, сплошное великолепие. Разумеется, я стибрил все, что сумел сцапать своим цепким геморроем, – этому я научился, когда воровал в чикагских магазинах, чтобы платить налог за коксовое наслаждение. Три тысячи лет в шоу-бизнесе... потом, а может, и раньше, Майянский Календарь испоганили, сами знаете... я играл роль Кукурузного Бога в Священной Церемонии Повешения – дабы плодоносил сорт кукурузы, выведенный тем импресарио, что специализируется на чудесных эпизодических ролях, кои мне как раз впору, точно презерватив, он толкает умнейшие речи. Он к тому же еще и доктор, Знаменитый Врач, он перекроил мне лицо после того, как “Катастрофа” столкнулась лоб в лоб с моим “бентли”... копы говорят, они отродясь такого удара не видели, а это специальный паспорт, который я должен иметь при себе, – я не был полностью уничтожен.

А вот и мой доктор, он перекроил мне лицо после катастрофы. Теперь он зовет меня Пигмалионом, разве не остроумно? Вы его полюбите».

Доктор сидел в поблескивающем никелем хирургическом кресле. Его мягкая бескостная голова была покрыта серо-зеленым пушком, правая сторона лица, на дюйм ниже левой, гладким пузырем распухла вокруг мертвого, холодного подводного глаза.

– Доктор, познакомьтесь с моим другом, Агентом мистером D, он к тому же весьма привлекателен. (Бывает, он едва слышит, что ему говорят. Очень толковый специалист.)

Доктор вытянул свои укороченные жилистые пальцы, в которых неоновыми огнями блеснули хирургические инструменты, и разрезал лицо Джонни на кусочки света.

– Желе, – сказал доктор жидким бульканьем в затвердевших лиловых деснах. Его язык был раздвоен, и, когда он говорил, половинки переплетались. – Живое желе. Оно прилипает к человеку и растет на нем, как на Джонни.

В руки доктора были вкраплены маленькие папулы ткани. Доктор вынул из уха Джонни скальпель и срезал папулы в пепельницу, где те принялись медленно шевелиться, выделяя зеленый сок.

– Говорят, его хуй совсем не синхронизировался, вот он и отрезал его и сделал у себя в промежности какую-то жуткую пизду. У него есть целая палата, полная “поклонников”, как он их теперь называет.

При благоприятном ветре слышно, как они визжат на Ратушной площади. И все говорят: «Но это же интересно».

До катастрофы я был в лучшей кондиции, сами увидите в этой интересной картине.

Ли отвел взгляд от картины, посмотрел налицо и увидел мерцающие, фосфоресцирующие шрамы...

– Да, – сказал он, – я вас знаю... – вы мертвое ничто, которое бродит у всех на глазах.

Короче, мальчишка восстановлен и пялит на меня глаза, а вот он опять – днем позже бредет через улицу, и на лице его мерцает: “Этот номер не пройдет”... Копия есть инородное существо, нечто готовое прокрасться внутрь... мальчишки пусты и банальны, как солнечный свет, ее неизменный путь... Так он всего лишь точная копия, верно?.. пустое пространство оригинала...

Вот я и следил за двойником до самого Лондона, на “Хук фон Холланд”, и схватил его, когда он пытался придушить педрилу в одной спальне-гостиной... Я надеваю антибиотиковые наручники, и мы переходим в клуб “Мандрагора” для краткой содержательной беседы...

– Что тебе это даст? – резко спросил я.

– Запах, который я неизменно ощущаю, когда их глаза лезут из орбит... – Мальчишка посмотрел на меня, слегка приоткрыв рот и показав самые белоснежные зубы, какие только видело данное Частное Око[123]... застегнутая наперекосяк военно-морская форма, подбитая соленым туманом и пороховым дымом, запах хлорки, рома и заплесневелых суспензориев... А может, в резервной каюте, которая всегда заперта, прячется агент из отдела наркотиков... Там есть лестница в чердачную комнату, из которой он выглядывал и где расхаживала его мамаша... говорят, она умерла... умерла… с такими-то волосами... рыжими.

– Где ты его ощущаешь? – не унимался я,

– Повсюду, – сказал он, глаза пустые и банальные, как солнечный свет... – Точно весь покрываюсь шерстью... – Он смущенно поежился, хохотнул и выпустил сливки в свое тряпье...

– А после каждого дельца я хожу в кино... Сами знаете... – И он подал мне знак, мотнув головой влево и вверх...

Тогда в ответ я подал ему тот же знак, и слова запрыгали у меня в глотке, готовые вырваться, что они неизменно делают, когда я прав:

– Ты совершаешь паломничество?

– Да... Дорога в Рим.

Я убрал антибиотики и оставил его с мечтательным мальчишеским видом завязывать салфетку в палаческий узел... В автобусе из аэровокзала рядом со мной сел худощавый серый человек... Я предложил ему сигарету, а он сказал: «Свои имеются», – и я увидел, что он предъявляет мне бляху... «Полиция Сверхновой... Полагаю, вы – мистер Снайд». – И он подвинулся вправо и принялся шмонать меня, разглядывая фотографии, читая письма, исследуя мой временной трек...

– Вон один из них, – услышал я чьи-то слова, пока он разглядывал фото в моем досье.

– Хм-хм... да... а вот и еще один... Благодарю вас, мистер Снайд... Вы оказали нам неоценимую услугу...

Я остановился в Болонье, чтобы навестить своего старого друга Зеленого Тони, решив, что он может дать мне наколку... Четыре пролета вверх в многоквартирном доме, мимо старой суки, подпольно торгующей сигаретами и кокаином, разбавленным саночистителем, сквозь грязную коричневую занавеску – а вот и Зеленый Тони в своей берлоге, сплошь в китайском нефрите и с этрусскими плевательницами... Он сидит, откинувшись в кресле и задрав ноги на египетский трон, и курит сигарету в резном изумрудном мундштуке... Он не поднимается, но говорит: «Дик Трейси собственной персоной», – и перебирается на вавилонскую кушетку.

Я рассказал ему, что мне нужно, и лицо его от гнева сделалось ярко-зеленым:

– Эта бестолковая сука... На всех нас навела легавых... Легавых Сверхновой... – Он выпустил облако дыма, оно, густое, повисло перед ним... Потом он написал в дыму адрес... “No 88 via di Nile, Roma”.

Дом 88 по улице Ниле оказался одним из тех буфетов, которых в Риме полным-полно... Там запросто можно обнаружить в сухом мартини ягоду мараскине, а рядом какой-нибудь типчик посасывает банановый сплит – противно смотреть... Короче, сидя там и стараясь не смотреть, то есть опустив глаза и уставившись в дальний конец стойки, я и заприметил мальчишку, очень смуглого и кудрявого, с чем-то абиссинским в лице... Мы встречаемся взглядами, и я подаю ему знак... А он сразу отвечает мне тем же знаком... Тогда я выплевываю в лицо буфетчику ягоду мараскино и отваливаю ему крупные чаевые, а он говорит:

– Ривидечи, и покрупнее.

А я ему:

– Попробуй двойной клубничный фосфат – может, у тебя и встанет.

Мальчишка допивает свою “Розовую даму” и выходит вслед за мной, я веду его в свою дыру и тут же вступаю в дискуссию с портье насчет того, что посторонним, мол, в гостиницу вход воспрещен... чеснока в его дыхании вполне хватило бы, чтобы распугать целый выводок вампиров... я запихиваю ему в рот пригоршню лир.

– Ступай, накупи себе побольше золотых зубов, – велел я ему.

Когда мальчишка сбросил свое тряпье, от него начало исходить постепенно усиливающееся зловоние – как от оттаивающей мумии... Но его жопа сразу меня втянула, за все время работы Частным Оком не испытывал ничего подобного... В фотовспышке оргазма я вижу, что этот ебучий портье сунул голову во фрамугу и требует дополнительной платы... Ну что ж, представительские средства... Мальчишка лежит на кровати, распластавшись, точно медуза, по которой пробегает неторопливая дрожь, вздыхает и говорит:

– Любовь почти как взаправду, верно? А я сказал:

– Мне нужно надоить время, – и подал ему знак, да так резко, что едва не вывихнул хрящ.

– Ты из нашенских, как я погляжу, – благодушно произнес он, вновь втягиваясь в пределы собственных очертаний... – Обед в восемь...

В восемь он возвращается в “рагацци” повышенной мощности, мы отчаливаем на ста шестидесяти и с визгом тормозим перед виллой, я вижу “бенцли”, “испано беар кэты” и “штудз сюизы” – каких только машин не скопилось, и высаживается вся золотая молодежь Европы... «Одежду оставьте в вестибюле», – говорит нам дворецкий, и мы входит в комнату, битком набитую людьми, и точно – все голые, сидят на покрытых шелком табуретах, а стойка сзади в розовой обивке... Одна пизда дефилирует в мою сторону, подает мне знак и протягивает руку: «Я – графиня де Виль, ваша сегодняшняя хозяйка»... Она направляет сигаретный мундштук на мальчиков у стойки, и их члены один за другим вскакивают... Когда очередь доходит до меня, я тоже не остаюсь в долгу...

А все мальчики принялись распевать в унисон: «К и н о !.. К и н о !.. Мы хотим к и н о !..» И она пошла в проекционную кабину, залитую розовым светом, сочившимся сквозь стены, пол и потолок... Мальчишка объяснял мне, что это документальные фильмы, снятые во время Абиссинской войны, и как мне повезло, что я тут оказался... Затем начинается действие... На экране виселица и несколько молодых солдат, стоящих вокруг вместе с пленными в набедренных повязках... солдаты затаскивают одного парнишку на виселицу, а он кусается, пронзительно кричит и обсирается, его набедренная повязка соскальзывает, а они заталкивают его под петлю, и один из них затягивает ее у него на шее, он уже стоит там в чем мать родила... Потом убирается подставка, и он падает, брыкаясь и вскрикивая, и слышно, как его шея ломается, точно палка в мокром полотенце... Он висит, подтягивая колени к подбородку и выбрасывая в воздух струи спермы, а зрители кончают вместе с ним, струя за струей... Потом солдаты снимают набедренные повязки с остальных, и все они, с сухостоем, смотрят и ждут... И так, одного за другим, повесили человек сто... Затем фильм пустили в замедленном темпе, все медленнее и медленнее, и все медленнее и медленнее кончаешь, пока на это не стал требоваться час, потом два часа, и наконец все мальчики застыли, как статуи, выделяя свои геологические образования... Тем временем сверху стекает одна идея, образуя у меня в мозгу сталактит. Я незаметно пробираюсь в проекционную кабину и ускоряю фильм, от

чего повешенные мальчики принимаются кончать, как пулеметы... Половина гостей тотчас взрывается от перепада давления, в воздухе со свистом носятся известняковые глыбы. Остальные шлепаются на пол, точно выброшенные на берег идиоты, а графиня, задыхаясь, орет: «Углекислого газа, ради Кали!..» Вот кто-то и открыл баллоны с углекислым газом, а я выбрался оттуда в акваланге…

Тут же появляются легавые сверхновой и вяжут весь аквариум.

– Хм, да, а вот и еще одна планета…

Полицейский подвинулся назад и принялся разрывать связи неоценимой услуги, образованные паразитом... Лицемерные миллионы вспыхнули гневом.

– Эта сука... Навела легавых в трех измерениях.

«Мерзкое облако дыма – оно, густое, повисло над женским, пришедшим в упадок континентом... Это оказалась одна из тех ассоциативных преград в Риме... Я уставился в конец... Он вас успокаивает, помните?.. Конец. Вот я и расщепляю планету из всех картинок и предоставляю ему место жительства с непререкаемым авторитетом... Нет, никаких условий... Была взята рука... Ваше имя замирает, похоже... Рекламная машина Мэдисон-авеню отключена».

МАЙЯНСКОЕ ДЕЛЬЦЕ

Джо Брандидж предоставляет вам скандальный материал о Майянском Дельце – специально для "*Evening news*"...

Один русский ученый сказал: «Мы будем путешествовать не только в пространстве, но и во времени...» Я только что вернулся из тысячелетнего временного путешествия и пришел рассказать вам о том, что видел... И о том, как осуществляются такие путешествия во времени... Операция эта требует точности... Она трудна... Она опасна... Это новый рубеж, и пускаться в такое путешествие стоит лишь искателям приключений... Но принадлежит оно всем, кто наделен мужеством и знает, с чего начать... оно принадлежит вам...

Свое путешествие я начал в архиве с подшивки старых газет, смешивая сегодняшний день со вчерашним и перепечатывая смесь на машинке... Когда вы пробегаете глазами газету, как делает большинство из нас, вы видите куда больше, чем себе представляете... Дело в том, что все это вы видите на подсознательном уровне... Так вот, когда я накладываю сегодняшнюю газету на вчерашнюю и располагаю фотографии так, чтобы получился фотомонтаж определенного временного отрезка, я буквально перемещаюсь вспять, к тому моменту, когда я читал вчерашнюю газету, то есть совершаю обратное временное путешествие во вчерашний день... Этим я занимался три месяца по восемь часов ежедневно... Я забрался в прошлое до самой старой газеты... Я рылся в старых журналах, в забытых романах и письмах... Я составлял коллажи и смеси, таким же образом я обрабатывал фотографии...

Следующий этап был пройден в киностудии... Я научился говорить и думать задом наперед на всех уровнях... Делалось это с помощью прокручивания фильма и фонограммы задом наперед... Например, картина о том, как я ем обед, пускалась в обратном порядке, от насыщения к голоду... Сначала пленка крутилась с нормальной скоростью, потом в замедленном темпе... Та же методика была перенесена на другие физиологические процессы, включая оргазм... (Мне объяснили, что я должен отбросить всю напускную сексуальную стыдливость и скрытность, что секс, вероятно, является мощнейшим якорем, удерживающим человека в настоящем времени.) В студии я проработал три месяца... Предварительная подготовка к путешествию во времени закончилась, и мне предстояло готовиться специально к майянской командировке...

Я уехал в Мехико и вместе с группой археологов приступил к изучению майя... Майя жили в нынешних Юкатане, Британском Гондурасе и Гватемале... Известные факты из их истории я перечислять не стану, однако для понимания моего доклада необходимы некоторые сведения о майянском календаре... Майянский календарь начинается с вымышленной даты 5-го ахуа 8-го кумбу и доходит до конца света, так же точно установленной даты, описанной в кодексах как Момент, когда некий Бог зальет землю водой... Майя имели солнечный, лунный и обрядовый календари, сцепленными колесами катившиеся от пятого ахуа восьмого кумбу до самого конца... Неограниченная власть жрецов, составлявших около двух процентов населения,

зависела от степени их контроля над календарем... Вывод о пределах этой числовой монополии можно сделать из того факта, что в устной речи майя нет чисел больших десяти... Современные индейцы, говорящие на языке майя, пользуются испанскими названиями цифр... Майянское земледелие было основано на вырубке и сжигании... Под пашни земли майянского района использовать нельзя, поскольку в шести дюймах от поверхности расположен пласт известняка, и метод вырубки и сжигания применяется по сей день... А успех земледелия, основанного на вырубке и сжигании, зависит от точного выбора времени... Кустарник следует вырубать строго в определенный момент, чтобы он успел высохнуть, а сжигание производится до начала дождей... Ошибка в расчете на несколько дней – и годовой урожай потерян...

Майянские письмеца расшифрованы еще не до конца, однако известно, что большая часть иероглифов имеет отношение к датам календаря и эти цифры уже переведены... Не исключено, что другие нерасшифрованные знаки относятся к обрядовому календарю... К настоящему времени сохранились лишь три кодекса майя – один в Дрездене, один в Париже и один в Мадриде, остальные сжег епископ Ланда... Майянский язык в значительной степени остается живым, и в самых отдаленных деревнях не говорят ни на каком другом... Еще о повседневной работе... Я изучал язык майя, прослушивал магнитофонные записи на этом языке и микшировал майянский с английским... Я сделал бесчисленное количество фотомонтажей майянских кодексов и остатков материальной культуры... следующий шаг заключался в подборе “сосуда”... Мы просеяли множество кандидатов и остановились на молодом майянском рабочем, незадолго до этого приехавшем с Юкатана... Этот двадцатилетний парнишка был почти чернокожим и обладал покатым лбом и носом с горбинкой, характерными для древних майя... (физический тип подвергся лишь небольшим изменениям)... Он был неграмотен... У него была давняя эпилепсия... Выражаясь языком медиумов, он был “восприимчивым”... Еще три месяца я проработал с этим парнишкой, микшируя на магнитофоне его речь с моей... (К тому времени я уже бегло говорил по-майянски... В отличие от ацтекского, этот язык весьма прост.) Пришло время для “операции транспортировки”... “Я” должен был переместиться в тело этого юного майя... Такая операция запрещена законом, и лишь немногие способны ее осуществить... Меня направили к американскому доктору, который пристрастился к тяжелому металлу и лишился диплома... «Это лучший в отрасли мастер транспортировки, – сказали мне. – За определенную плату».

Доктора мы нашли в прокуренном кабинете на авениде Синко де Майо... Это был худощавый серый человек, который мелькал, то и дело теряя резкость, как старый фильм... Я сказал ему, что мне нужно, и он взглянул на меня из дальнего далека без проблеска сердечного тепла или враждебности, без какого-либо из тех чувств, что я испытывал сам или замечал в других... Он молча кивнул, приказал майянскому парнишке раздеться и пробежал искусными пальцами по его обнаженному телу... Доктор взял коробку, похожую на некий прибор с электрическим приводом, и медленно провел ею по спине парнишки от основания позвоночника к шее и обратно... Прибор щелкал, как счетчик Гейгера... Доктор сел и объяснил, что, как правило, операция выполняется “методом повешения”... Шея пациента ломается, и во время происходящего вследствие этого оргазма он перемещается в другое тело...

Однако этот метод уже устарел и весьма опасен... Для успешного исхода операции следует работать с чистым сосудом, не подвергавшимся паразитной инвазии... В настоящее время найти такие объекты практически невозможно, категорически заявил он... Он бросил взгляд холодных серых глаз на обнаженное тело юного майя:

– Данный объект кишит паразитами... Примени я тот варварский метод, коим пользуются некоторые мои ученые коллеги... (безымянные задницы)... и вас до последней косточки сожрали бы крабообразные паразиты... Моя методика совсем иная... Я работаю с формами... Ваше тело останется здесь в целости и сохранности и подвергнется интенсивному замораживанию... Вернувшись, если вы все-таки вернетесь, вы сможете получить его обратно. – Он бросил саркастический взгляд на мой живот, обвисший от сидячего образа жизни горожанина...

– Можно было бы сделать желудочную складку, молодой человек... Но всему свой черед... Операция транспортировки займет несколько недель... И предупреждаю: она обойдется недешево.

Я сказал ему, что цена не имеет значения... Вес мои расходы оплачивала “*News*”... Он кивнул:

– Приходите завтра в это же время.

Когда мы вновь оказались в кабинете доктора, он представил меня худощавому молодому человеку с таким же, как у доктора, отстраненным взглядом серых глаз...

– Это мой фотограф... Свои формы я изготовлю из его негативов.

Фотограф сказал мне, что его зовут Химинес... («Зовите меня просто Джимми Кадр»...) Мы проследовали за “Кадром” в студию, находившуюся в том же здании и оборудованную 35-миллиметровой кинокамерой и майянскими задниками... Он поставил нас перед камерой нагишом, с эрекцией и в оргазме, и осторожно разрезал изображения и совмещал их по средней линии наших тел... Мы приходили в кабинет доктора три раза в неделю... Внимательным, холодным и бесстрастным взглядом он просматривал рулоны пленки... И водил по нашим спинам щелкающей коробкой... Потом он ввел нам лекарство, которое описал как одну из разновидностей апоморфиновой формулы... Инъекция вызвала одновременно рвоту и оргазм, и я несколько раз обнаруживал, что блюю и извергаю семя в майянский сосуд... Доктор сказал мне, что эти процедуры являются лишь подготовительными мероприятиями и что сама операция, несмотря на все меры предосторожности и мастерство, все еще остается достаточно опасной.

По прошествии трех недель доктор определил, что время для операции настало... Он уложил нас рядышком на операционный стол под заливающим все светом прожекторов... Фосфоресцирующим карандашом он провел линию посередине наших тел, от ямки под носом до прямой кишки... Потом он ввел нам голубую жидкость тяжелой холодной немоты, и с размагниченных моделей посыпалась словесная пыль... Из далекого полярного далека я видел, как доктор отделяет друг от друга

половинки наших тел и собирает составное существо... Я очнулся в чужой плоти и увидел все по-другому, в моем мозгу роились мысли и воспоминания юного майя...

Доктор дал мне пузырек рвотного лекарства, которое, как он объяснил, является эффективным средством для блокирования любых контролирующих волн... Он вручил мне и другое лекарство, которое при введении его любому человеку дает возможность на несколько часов занять его тело – но только ночью...

– Главное – успеть до восхода солнца, иначе каюк... заживо крабы сожрут... Ну, а теперь остался лишь вопрос о моем гонораре.

Я вручил ему портфель, набитый банкнотами, и он растворился в сумерках, жалкий и неприметный, как старый джанки.

В газете и посольстве меня предупредили, что я буду действовать на свой страх и риск, за тысячу лет от какой-либо помощи... У меня был вшитый в ширинку вибрационный кинопистолет, а также портативный магнитофон и транзисторный приемник, спрятанные в глиняном горшке... На самолете я долетел до Мериды, где принялся устанавливать контакт с “брокером”, который мог связать меня с “проводником во времени”... Большинство этих так называемых “брокеров” – старые пьющие мошенники. Не был исключением и первый, с кем я установил контакт... Меня предупреждали, чтобы я ничего не платил, пока не буду удовлетворен принятыми мерами... Этого “брокера” я нашел в грязной лачуге на окраине, окруженной кучами металлолома, старых костей, разбитой керамики и отработанных кремней... Я выставил бутылку агуардьенте, и брокер тотчас опрокинул пластмассовый стаканчик чистого спирта и принялся раскачиваться взад-вперед на табуретке, в то время как я объяснял ему, по какому делу пришел... Он отметил, что выполнить мое желание чрезвычайно трудно... К тому же это опасно и запрещено законом... Он может попасть в беду... Кроме того, я могу оказаться осведомителем Полиции Времени... Ему придется это обдумать... Он выпил еще два стаканчика спирта и в оцепенении рухнул на пол... На следующий день я пришел опять... Он обдумал это и – может быть... Так или иначе, ему понадобится неделя, чтобы приготовить снадобья, а сделать это он может, лишь будучи основательно обеспечен агуардьенте... И он до краев наполнил спиртом еще один стакан... Крайне недовольный тем, как идут дела, я ушел... Когда я двигался в сторону города, ко мне пристроился мальчишка...

– Привет, ми-истер, вы искать брокер, да?.. Миу знать один хороший... Этот, – он указал в обратном направлении, в сторону лачуги, – непутевый borracho[124], ублюдочный сын суки... Берет много dinero[125]... Не делать ничего... Идти со мной, ми-истер.

Рассудив, что хуже не будет, я направился вместе с мальчишкой в другую лачугу, построенную на сваях над прудом... С нами поздоровался довольно молодой человек, и, пока я объяснял ему, чего хочу, он молча слушал... Мальчишка сидел на корточках на полу и скручивал сигарету с марихуаной... Он пустил ее по кругу, и мы все курнули... Брокер сказал: да, он может принять подготовительные меры, и назвал цену значительно ниже той, на которую мне велели рассчитывать... Как скоро?.. Он

взглянул на полку, на которой я увидел ряд песочных часов сложной конструкции с песком разных цветов: красным, зеленым, черным, синим и белым... Часы были помечены условными знаками... Он объяснил мне, что песок символизирует цветное время и цветные слова... Он указал на отметку на зеленых часах: «Потом... Один час»... Достав немного сухих грибов и трав, он начал варить их в глиняном горшке... Когда зеленый песок коснулся знака, он наполнил глиняные чашечки и вручил одну мне, а другую мальчишке... Я выпил горькое снадобье, и почти мгновенно в моем мозгу мультипликацией зашевелились уже виденные мною изображения остатков материальной культуры и кодексов майя... Комната наполнилась запахом спермы, смешанным с вонью навозной кучи... Мальчишка принялся бормотать и подергиваться и рухнул на пол в припадке... Я увидел, что под тонкими брюками он испытывает эрекцию... Брокер расстегнул мальчишке рубаху и стащил с него штаны... Пенис толчками поднялся, пуская струи в одном оргазме за другим... Зеленый свет залил комнату и проник сквозь тело мальчишки... Внезапно он сел и заговорил по-майянски... Слова спиралью текли у него изо рта и зримо повисали в воздухе, как усики вьющихся растений... Я почувствовал странное головокружение и понял, что это морская болезнь, характерная для путешествий во времени... Брокер улыбнулся и протянул руку... Я передал ему гонорар... Мальчишка одевался... Он кивком поманил меня за собой, я встал и вышел из лачуги... Мы шли по тропинке в джунглях, мальчишка впереди, подергиваясь всем своим резвым телом, как пес... Мы шли много часов и лишь к рассвету добрались до поляны, где я увидел несколько сажавших кукурузу работников с заостренными кольями и тыквенными бутылями семян... Мальчишка коснулся моего плеча и удалился по тропинке, скрывшись в предрассветном тумане джунглей...

Выйдя на поляну и обратившись к одному из работников, я ощутил, как непосильный груз зловещего контроля насекомообразных впихивает мои мысли и чувства в заранее подготовленные формы, втискивая душу в незримый мягкий порок... Работник окинул меня взглядом безжизненных глаз, лишенным как радушия, так и любопытства, и молча вручил мне сажальный кол... В том, что чужаки забредали сюда через джунгли, не было ничего необычного, поскольку почва во всем районе была истощена... Поэтому мое появление обошлось без комментариев... Я трудился до заката... Надсмотрщик с кривой палкой, который носил замысловатый головной убор, служивший признаком его высокого положения, определил меня в лачугу... Я лег на подвесную койку и сразу же почувствовал проникающее зондирование телепатического допроса... Я включил мысли придурковатого молодого индейца... Через несколько часов незримое присутствие сняли... Первое испытание я прошел...

Все последующие месяцы я работал в поле... Столь однообразное существование очень помогало мне носить маску умственно отсталого... Как я узнал, после длительного обучения человека могут перевести с полевых работ в каменотесы, которые высекают стелы, но лишь тогда, когда жрецы убедятся, что любая мысль о сопротивлении подавлена навсегда... Я решил сохранять анонимный статус полевого работника и привлекать к себе как можно меньше внимания...

Все вечера и нерабочие дни заполнялись непрерывным циклом празднеств... По этому случаю появлялись жрецы в замысловатых костюмах, зачастую наряженные многоножками или омарами... Жертвоприношения совершались нечасто, но я был свидетелем одной отвратительной церемонии, во время которой молодого пленного привязали к столбу и жрецы раскаленными добела медными клешнями вырвали его половой член... Узнал я кое-что и о том, какие страшные наказания определены для тех, кто осмелится бросить вызов правителям или всего лишь подумать о таком вызове. Смерть в Печах: нарушителя помещали в конструкцию из сцепленных медных рашперов... рашперы нагревались до белого каления и медленно смыкались вокруг его тела... Смерть в Многоножке: “преступника” привязывали ремнями к кушетке, и его заживо пожирали гигантские многоножки... Эти казни совершались тайно, в помещениях под храмом.

Я сделал записи празднеств и непрерывной музыки, напоминавшей высокочастотный писк насекомых, которая весь день сопровождала труд работников в поле... Однако я знал, что одно лишь воспроизведение этих записей приведет к немедленному разоблачению... Для принятия решительных мер я нуждался не только в фонограмме, но и в образной дорожке... Я уже объяснял, что майянская система контроля зависит от календаря и кодексов, в которых содержатся знаки, символизирующие все мыслительные процессы и эмоциональные состояния, возможные у человеческих существ, живущих в столь жестких условиях... Это инструменты, с помощью которых они чередуют и контролируют мыслительные единицы... Кроме того, я обнаружил, что сами жрецы не вполне понимают, как работает эта система, и что в результате интенсивной подготовки и напряженных занятий я, несомненно, знаю о ней больше, чем они... Техники, которые разрабатывали систему контроля, уже вымерли, и тогдашний жреческий род находился в положении человека, который знает, какие кнопки надо нажимать, чтобы привести машину в движение, но не имеет ни малейшего понятия ни о том, как починить машину, если она выйдет из строя, ни о том, как сконструировать другую машину, если эту уничтожат... Сумей я получить доступ к кодексам и смикшировать звуковую и образную дорожки, жрецы продолжали бы нажимать свои кнопки с непредсказуемыми результатами... Для того чтобы добиться этой цели, я продался одному из жрецов... (Ничего более отвратного я отродясь не испытывал)... Во время полового акта он до пояса превращался в зеленого краба, сохраняя человеческие руки и гениталии, которые выделяли едкую эротогенную слизь, а лачуга наполнялась жутким зловонием... Эти ужасные любовные свидания я был в силах вытерпеть потому, что предвкушал в свое время удовольствие от убийства этого омерзительного урода... А моя репутация идиота упрочилась настолько, что всех мер по контролю, кроме самых формальных, мне удалось избежать...

Жрец распорядился перевести меня на место сторожа в храм, где я стал свидетелем нескольких казней, видел, как заключенных с помощью печей разрывают вместе с потрохами на извивающиеся насекомообразные части, и узнал, что из этих изуродованных вопящих кусочков рождаются в печах гигантские многоножки. Пришла пора действовать... Приняв лекарство, которое дал мне доктор, я занял тело жреца, получил доступ к помещению, где хранились кодексы, и сфотографировал книги... Получив в свое распоряжение звуковую и образную дорожки машины

контроля, я уже мог ее разобрать... Мне оставалось лишь перепутать порядок записей и порядок изображений, после чего этот измененный порядок взяли бы и ввели в машину... У меня были записи всех сельскохозяйственных операций – вырубки и сжигания кустарника и так далее... Я привел записи горения кустарника в соответствие с образной дорожкой этой операции и сдвинул время так, чтобы распоряжение сжигать пришло с опозданием и таким образом был потерян годовой урожай... При слабеющих от голода линиях контроля я включил в музыку контроля и записи празднеств атмосферные помехи вместе со звуковой и образной дорожками бунта...

«Отрезать словесные линии... Отрезать музыкальные линии... Сокрушить контрольные образы... Сжечь книги... Убить жрецов!.. Убить! Убить! Убить!..»

Машина с такой же безжалостностью, с какой прежде она контролировала мысли, эмоции и чувственные восприятия работников, теперь отдала приказ разобрать себя и убить жрецов... Я имел удовольствие видеть, как в поле поймали надсмотрщика, продырявили ему кишки горячими сажальными кольями и набили их кукурузой... Я расстегнул свой кинопистолет и стремительным натиском взял храм... Это оружие с помощью вибрационной съемки превращает образ в атмосферные помехи... Видите ли, жрецы действительно были всего лишь словом и образом, старым фильмом, который все крутился и крутился – с мертвыми актерами... Когда я ворвался в аппаратную и сжег кодексы, жрецы вместе с храмовой стражей взлетели на воздух в серебристом дыму... Ощущая под ногами подземные толчки, я спешно выбрался оттуда, а вокруг градом сыпались известняковые глыбы... С неба давила непомерная тяжесть, ветры земли вырывали с корнем огромные пальмы... Майянский календарь контроля затопляли приливные волны.

Я, СЕКУИН

Майянское Дельце – Переключение Многоножки – Трюк с Тяжелым Металлом

Я, Секуин, Усовершенствовал Эти Ремесла На Улицах Минро. Под Знаком Многоножки. Пленная Голова. Во Времени Минро. В Татуировальных Кабинках. Салонах Пересадки Плоти. Живых Восковых Фигурах Минро. Видел, Как По Слепкам Делают Вас, Куклы. Пока Вы Ждете. В Украденном Времени. В Терминалах Минро. Видел, Как Из Переломанных Позвоночников Струится Белый Клопиный Сок. В Секс-Комнатах Минро. Пока Вы Ждете. Во Времени Минро. Секс-Устройства Из Плоти. Пенис-Многоножка. Волоски Насекомых В Лилово-Серой Плоти. Людей-Скорпионов. Отрубленные Головы. В Резервуарах С Нечистотами. Пожирающие Зеленое Дерьмо. В Аквариумах Минро. Кабинках Минро. Под Знаком Многоножки. Секс-Комнаты И Плотские Фильмы Минро. Я, Секуин, Пленная Голова. Изучил Наркотики Минро. По Зенитному Брайлю. Гноят Мозг И Позвоночник. Оставляют На Медно-Латунной Улице Ослабевшее Крабовидное Тело. Я, Секуин, Пленная Голова. Пронесен Сквозь Кабинки Минро. Руками. Ногами.

Надставки. Плотских Фигур Минро. Моя Голова В Кристаллической Сфере С Тяжелой Жидкостью. Под Знакомым Символом Скорпионовой Богини. Пленница Минро. В Кабинках Времени Минро. В Татуировальных Салонах Минро. В Плотских Фигурах Минро. В Секс-Комнатах Минро. В Плотских Фильмах Минро. Пронесите Мою Пленную Голову, Ее Пленницу, По Улицам Времени Минро.

На плоской равнине, в сухом звуке крылышек насекомых, Брэдли совершил вынужденную посадку на желторотом Юнце... район разноцветных кабинок и пустырей... в пыльной витрине грыжевые бандажи и гипсовые ноги, отрубленная голова на песке, по губам и в носу ползают красные муравьи... От их словесной пыли вас облепляли раскаленные муравьи.

– Вы что, с ума сошли, разве можно разгуливать здесь в одиночку?

Проводник показал на голову:

– Часовой... Пройдешь сквозь его взгляд, и от тебя никакого проку. – Проводник рубанул ладонью по своим гениталиям. – Это гиблое место, ми-истер... Вы ven conmigo[126]...

Он шел впереди по пыльным улицам... В углах сверкали металлические экскременты... Опустилась тяжелыми глыбами тьма, накрыв городские кварталы...

– Здесь, – сказал проводник... высеченный в известняке ресторан, зеленый свет, сочившийся сквозь бутылки и баки, где совершали неторопливые круговые движения ракообразные… официант принял у них заказ, посвистывая влажным холодным дыханием дисковидного рта...

– Хорошее место… пещерные крабы... Muy bueno[127] для ебли, Джонни...

Официант принес плоский известняковый панцирь головоногих тел с крабьими клешнями...

– Кришну, – сказал проводник.

Еще живые, едва шевелившиеся в фосфоресцирующей слизи... Проводник вонзил в одного из них бамбуковый шип и обмакнул в желтый соус... Желудок, кишки и гениталии обжег сладкий металлический вкус... Брэдли с жадностью поглощал своих кришну...

Проводник поднял руку с подлокотника:

– Muy bueno, Джонни... Ты увидеть. – Официант напевал своим дисковидным ртом булькающую пещерную песню... – Vamanos[128], Джонни... Я показать тебе хорошее место... Мы курить, ебаться, спать хорошо. Иметь muy хороший, Джонни...

В гениталиях расцвело слово “гостиница”... Старый джанки взял у Брэдли деньги и отвел их в синюю комнатенку... Брэдли высунулся в квадратное отверстие в стене и увидел, что комната висит над пустотой, поддерживаемая лишь ржавыми железными опорами... Пол слегка шевелился и поскрипывал под ногами.

– Когда-нибудь эта берлога рухнуть... Последняя ебля для Джонни.

На полу лежал соломенный тюфяк и стояли медный поднос с гашишными трубками и глиняный кувшин...

– Джонни снимать рубаху, – сказал проводник, расстегивая рубаху Брэдли нежными пальчиками специалиста по карманам пьянчуг... – Джонни брюки спустить...

Он зачерпнул из кувшина зеленой фосфоресцирующей мази и натер ею тело Брэдли...

– Разотри ее... Вотри ее... Джонни – я... Я – Джонни... Он передал кувшин Брэдли...

– Теперь ты делать и говорить, как я.

– Разотри ее... Вотри ее... Акид – я... Я – Акид...

Желудок и кишки охватило долгое жжение… тела принялись кататься по тюфяку, оставляя следы плоти... фосфоресцирующий слизевидный сон...

Проснулись в затхлой меновой плоти, разбуженные старым джанки, кашляющим и харкающим на утренних ломках...

Вот таким образом старый джанковый мир, который я сотворил, и бормочет между годами, самый грустный из фильмов, голоса подморожены на стеклянном ветру, пыль на безлюдных улицах и в опустевших домах, призрачные привратники, серый осенний морозец во прахе, холодные пыльные коридоры... заявление от меня, старика... отдел наркотиков... Полковник Копченый... официанты-китайцы... Роза Пантопон... Билл Гейнс... Старый Барт… Хаузер и О'Брайен... детективно-джанковая походка... Знает ли он о своих прошлых грехах? (Харкает кровью.) «Билл, здесь сильный ветер». Старый джанки торгует рождественскими брелоками на Норт-Кларк-стрит[88], его прозвали "Жрецом".

«Боритесь с туберкулезом, братва».

серая тень на далекой стене.

ИЗОБРАЗИТЕ ИНТЕРЕС

Бенуэй “расположился туристским лагерем” в Отделе здравоохранения. Он нагло ломился во все двери и конфисковывал весь джанк. Конечно, он был хорошо известен, но с помощью ловкого чередования физиономий сумел уравнять шансы и без остатка развеять в разреженном воздухе пять или шесть бюро, и холодный весенний ветер унес тонкую паутину хитросплетений под взглядом безжизненных крабьих глаз швейцара в зеленой униформе и с двусмысленным предметом в руках – смесью дубинки, метлы и унитазной щетки, – оставляющим за собой запах аммиака и плоти уборщицы. У него перед глазами всплыло на поверхность подводное животное – круглый дисковидный рот из холодного серого хряща, шершавый лиловый язык, шевелящийся в зеленой слюне: “Душедробилка”, – решил Бенуэй. вид плотоядных моллюсков. встречается на Венере. вероятно, лишена скелета. Время перевело стрелки пути, пролегающего по полю с маленькими белыми цветами, мимо разрушенной сигнальной вышки. уселся под деревом, гладко истертым теми, кто там сиживал раньше. Мы помним те дни, как длинную процессию Тайной полиции, всегда и всюду в новом обличье. В Гуаякиле сидел на речном берегу и видел, как большая ящерица пересекает илистые отмели, усеянные арбузными корками, выброшенными из плывущих мимо каноэ.

Челнок Карла медленно перевернулся в радужно-бурой лагуне, осаждаемой ядовитым скатом, пресноводной акулой, арекипой, кандиру, морским удавом, крокодилом, электрическим угрем, водяной пантерой и прочими вредными тварями, выдуманными исследователями, которые осаждают прилегающие к району бары.

– Это неприступное племя питается, знаете ли, фосфоресцирующей металлической массой, которую добывает в здешнем районе. Они сразу же превращают ее в золото и высирают самородки. Отличная работа.

Золотистые глаза печеночного больного, карты золотых приисков, золотые зубы над агуардьенте, приготовленной на примусе вместе с чаем и корицей, чтобы отбить вкус нефти, – оставляет во рту и в глотке серебристые нарывы.

– Это было в год чумы рогатого скота, когда перемерли все туристы, даже скандинавы, а нам, мальчишкам, приходилось торговать собой на улицах по сраным МР – Местным Расценкам.

– В районе нет кальция, сами понимаете. Один бедолага лишился всего скелета, и нам пришлось таскать его в брезентовой ванне. Под конец его проглотил ягуар – думаю, в основном из-за соли.

Жестяным мальчишкам приходилось торговать собой на улицах по сраным субстанциям и пластам... Знаете, что это значит?.. Доводили юношу до мертвой воды, осаждаемой согласием... Это было в год Чистых... местных расценок Программы “Пустое тело”...

– Истоки Бабуиновой Задницы... Это страна Лозы-Вешателя...

(Лоза-Вешатель захлестнула шею юноши, оплетая его черепные кости спиралями усиков, шея сломалась, он уже висит, извергая семя, а дисковидные рты, обрамленные зелеными волосками, приникают к его прямой кишке, заставляя усики с мелодичным бульканьем прорастать сквозь его тело и постепенно разжижать его кости до состояния зеленого съедобного желе.)

– Гиблое место вы описываете, ми-истер. Вам достается нечто вроде медузы.

Они живут в полупрозрачном желе и общаются вспышками света, разжижая кости всего мира и поедая желе... мальчик-кокон, гниющий на солнце... ленивые подводные глаза в отрубе над гниющей растительно-мясной спячкой... известняковая наркота из глинистого сланца и воды...

Юношу вешают свеженьким и с кровью... одной из обрядовых принадлежностей является голова скорпиона... смертельный брачный процесс в честь Совершивших Обряд Очищения... в районе нет кальция... встречается на Венере.... вероятно, лишена скелета... лучевой мох оргазма и смерти... Известняковый Бог в миле отсюда... лучше, чем кричать:

“Пустое тело!” Земля здесь бесплодная, сами понимаете, дожидаемся кого-нибудь из мест, прилегающих к району.

– В дебрях Страны Ебливых Барабанов...

(Голый новичок связан ремнями, а его спина и ягодицы прилажены к деревянному барабану. Барабанщик отстукивает оргазменный сигнал, после чего плоть Новичка загорается изнутри голубым огнем, а барабан оживает и ебет мальчишку (клубы дыма в ясном синем небе). Вновь принятый проснулся в чужой плоти и увидел все по-другому... И он шмякнулся на площади и в патио об «Напишите мне, ми-истер».)

Пуэрто-Хозелито расположен на месте слияния двух бурных бурых рек. Город построен на бескрайней илистой равнине, пересекаемой каналами со стоячей водой. Дома на сваях, соединенные лабиринтом мостиков и подвесных лесов, тянутся от илистых равнин к возвышенности, окруженной деревьями и стелющимися лианами, вся местность источает жалкий и упаднический дух полуразрушенного пограничного форта или покинутого балагана.

«Город Пуэрто-Хозелито, довольно мрачный, с точки зрения своего физического состояния, распространяет вокруг себя удушливый туман прогорклого тлеющего зла, как будто город вместе с обитателями медленно утопает в нечистотах и помоях. Я застал этих людей с головой ушедшими в самые греховные суеверия и ритуалы».

«Здесь практикуются разнообразные виды ритуальной казни. Эти подонки обладают столь сильным афродизиаком, что он приводит к смерти от общего спазма кровеносных сосудов, после которой остается лишь пустое тело, холодное и белое, как мрамор. Вещество это выделяет вид “ксиукутиль крустанус”, летучий скорпион, во время своего смертельного брачного периода, в течение которого все самцы ксиукутиля, доведенные этим веществом до исступления, погибают в попытках напасть на любое существо мужского пола, дабы заразить его своей смертоносной

спермой. Во время одного из обрядов приговоренных раскрашивают под золотые, серебряные, медные и мраморные статуи, после чего прививают им сперму ксиукутиля, а их судороги по невидимым контрольным проводам преобразуются в изысканные балетные представления и застывают в садовых фонтанах и на парковых пьедесталах. И это всего лишь один из многочисленных обрядов, которые чередуются на Обрядовом Календаре, хранящемся у Совершивших Обряд Очищения и Матери-Земли.

Совершивший Обряд Очищения ежемесячно выбирает одного юношу, и того помещают в кристаллическую кабинку, отлитую по форме шейных позвонков. На стенах кабинки вырезаны клинописью сексуальные программы, а сами стены вращаются с помощью бесшумных гидравлических двигателей. По прошествии месяца юношу провозят по улице на увитой цветами платформе и торжественно вешают на известняковой площадке – считается, что вся бренность человеческого существования покидает Очистившегося, дабы умереть в юноше в момент оргазма и смерти. Перед тем как юношу повесят, он должен публично дать на это свое согласие, если же добиться его согласия не удается, он вешает Очистившегося и принимает его функции на себя. Очистившиеся официально считаются бессмертными и ежемесячно получают инъекции юношеской субстанции». (Цитируется по книге Грин-Баума '*Первый Путешественник*'.)

Подвесной мотор принялся вибрировать в ржавой масляной дымке и, прихватив с собой кусок, оторванный от выдолбленного челнока Карла, затонул в радужно-бурой воде, где-то вдали – приглушенный студенистый звук подводного динамитного взрыва: «Туземцы глушат рыбу». Обезьяны-ревуны, подобные ветру в листве. Над водой вспыхнула сигнальная ракета, и Карл разглядел на дощатом настиле плоских людей, стилизованных под жестяные мишени в тире. На берегу дребезжали металлические голоса: Челнок медленно развернулся и остановился, коснувшись разрушенного причала. Прихватив свой нордический рюкзак, Карл вылез из лодки и пошел в сторону площади на возвышенности. Он почувствовал на плече прикосновение, легкое, как ветер. Человек в поношенном сером полицейском мундире и красном фланелевом нижнем белье: одна босая ступня, распухшая и фиброзная, как старая волокнистая древесина, покрывшаяся белым грибком, глаза цвета красного древа поблескивали, а их обладатель то удалялся, то приближался. Задыхаясь, он произнес слово “к о н т р о л ь” и рухнул наземь. К Карлу подполз человек в серой больничной пижаме, пригоршнями поедавший землю и оставлявший за собой зеленую слюну, и дернул его за отворот брюк. Едва передвигая хрупкие ноги и разгоняя облака костяной муки, приблизился еще один. В его глазах вспыхнула ярость, и они погасли в запахе горящего металла. Они надвигались со всех сторон, хватая Карла руками, шипя и брызжа слюной:

– Papeles!

– Documentos!

– Pasaporte[111]!

– Что тут за шум? – Команданте в новенькой военной форме стоял на помосте, возвышавшемся над площадью. Над ним было замысловатое многоярусное сооружение из бамбука. Его рубаха была расстегнута на смуглой груди, гладкой, как старая слоновая кость. По его телу медленно полз маленький пистолет в красной кожаной кобуре, оставлявшей за собой радужную полоску слизи.

– Вы должны простить моих сотрудников, если они не вполне соответствуют вашему немецкому представлению об идеальной чистоте... отсталые... необученные... каждый живет совсем один и обрабатывает свою маленькую вирусную делянку... Им абсолютно нечего делать, а одиночество... – Он постучал себя по лбу. Лицо его растаяло и изменилось в мерцании дуговых ламп.

– Но их здесь никак не меньше тридцати, – сказал Карл.

Команданте внимательно посмотрел на него.

– Разумеется, они синхронизированы. Ни один из них не может видеть остальных, даже догадываться об их присутствии, поэтому каждый думает, что он единственный полицейский на посту. Как видите, их маршруты никогда не пересекаются, а кое-кто из них уже... А кое-кто из них уже мертв. Это создает некоторые неудобства, поскольку они не несут ответственности перед законом. Мы стараемся своевременно их хоронить, даже если у них сохраняется рефлекс протеста. К примеру, Гонсалес, Пожиратель Земли. Мы трижды его хоронили. – Команданте поднял три пальца, заросших длинными белыми усиками. – Он каждый раз проедает себе путь наружу. А теперь прошу извинить, из Столицы передают футбольные результаты. Надо изобразить интерес.

«Как сообщают, во время беспорядков на футбольном матче в Лиме погибло 318 человек... паника на стадионе... 323 погибших...»

Команданте, постаревший с далекого перекрестка времени, вполз в металлический шкафчик и, хныча от страха, захлопнул дверцу. Вылез в заплесневелом зеленом суспензории, на теле надпись: «Я – красный, ты – зеленый». Из чулана выпорхнул накачавшийся аммиаком помощник с зеленой козлиной бородкой и мраморным лицом. Серией захватов и бросков он снял с Карла одежду, Карл почувствовал, как его тело подчиняется мышечным приказам. Помощник надел на голову ведро и с визгом скрылся в далеких молотках.

Команданте растер обнаженное парализованное тело Карла желеобразным веществом. Команданте лепил женщину. Карл почувствовал, как его тело перетекает в женскую форму. Гениталии его исчезали, соски набухали, а Команданте проник внутрь, несколько раз коснувшись лица и волос... (сперма на глинобитной стене в рассветной лае собак и звуке струящейся воды...) Внизу Команданте совершал вокруг пустого тела Карла свои магические действа. Тело поднялось, демонстрируя эрекцию и мастурбируя перед Команданте. Пенисная плоть распространилась по его телу, лопаясь в оргазменных взрывах, гранитные хуи извергали под черной тучей лаву, кишащую чудовищными ракообразными. Взгляд холодных серых подводных глаз и руки коснулись тела Карла. Команданте резко перевернул его руками-присосками и

приник к жопе Карла своим дисковидным ртом. Он лежал в гамаке из зеленого волоса, тело его пробивали молотки пенисной плоти. Волоски щекотали его прямую кишку, закрученные усики растений задевали центры удовольствия, тело Карла опустошалось в одном оргазме за другим, горевшие сквозь плоть зеленым светом кости плавно и без всплеска исчезли в дисковидном рту. И вот он уже дрожит, краснея в бескостных спазмах, по телу от прикосновения зеленых волосков прокатываются розовые волны.

Команданте обнажил тело Карла и провел по нему зелеными желеобразными сосками, которые вытягивали плоть вверх и внутрь себя. Гениталии Карла увядают, превращаясь в высохшее дерьмо, которое он полностью сметает маленькой метелочкой, пока не остаются белая плоть и черные блестящие лобковые волосы. Команданте раздвигает волоски и маленьким кривым ножичком делает разрез. И вот по фотографии своей невесты из Столицы он создает лицо.

– А теперь, как вы говорите, “звуковые эффекты”. – Он ставит пластинку с ее голосом. Губы Карла следуют за звуками, и в словах слышится женская суть.

– О, любовь души моей! О, утренний ветер!

– Ничего более мерзкого мне отродясь терпеть не приходилось. – Карл образовывал слова в воздухе без помощи языка, без помощи глотки. – Надеюсь, в районе есть фармацея.

Команданте взглянул на него с досадой:

– Подождите, пожалуйста, в кабинете. Он появился, на ходу надевая мундир и пристегивая “люггер“.

– Аптека? Да, по-моему... На том берегу лагуны... Я вызову проводника.

Проводник показал на севшее на мель железное судно...

– Вот фармацея, ми-истер.

Вышел китаец в выцветших войлочных тапочках...

– Моя нет. Плиходи пятниса.

Он с лязгом захлопнул железную дверь, и вывеска “Фармацея” упала с судна и погрузилась в черную тину.

Карл шел по карнавальному городу вдоль каналов, где лениво шевелились гигантские розовые саламандры и серебристые караси; грошовые аркады, татуировальные кабинки, массажные салоны, интермедии, порнофильмы, платформы на колесах, артисты, уличные торговцы – до самого неба.

Пуэрто-Хозелито расположен к стоячей воде, бездействующие нефтяные скважины и шахтные стволы, пласты брошенной техники, разграбленных судов, мусор от севших на мель операций и экспедиций, которые погибли в этом уголке мертвой

земли, где нежатся в бурой воде ядовитые скаты и на хрупких негнущихся лапах движутся по илистым равнинам крабы. Поднимаясь с илистого дна, город выходит на поверхность в безмолвном храме высоких джунглей, речушки с прозрачной водой образуют глубокие трещины в желтой глине, а жизни путешественника угрожают падающие орхидеи.

В зеленой саванне стоят две громадные пенисообразные статуи: ноги и руки рудиментарные, из каменных голов медленно поднимаются пульсирующие кольца голубого дыма. Меж столбов петляет ведущая в город известняковая дорога. Посреди пустырей и развалин сооружена изгородь – ржавое железо и бетон, – испещренная химическими садами. Присущий городу запах шляпы джанки и смерти умерщвляет эти фразы, утяжеляя их словами «противно смотреть». Карл шел по тропинкам огромного города лачуг. То жару, то холод несет вниз сухой ветер с Чимборацци, грязной почтовой открытки в ярко-синем небе. Из заброшенных каменоломен и покрытых густыми зарослями отвалов выглядывают люди-крабы – нечто вроде рудиментарных глаз, увеличенные скулы, и вид у них такой, как будто они способны пускать корни и расти на всех и каждом, ворчливые наркоманы, пристрастившиеся к оргазменному наркотику, бескостные в солнечных лучах, булькающие гортанные хрящи, сердце замедленно бьется в прозрачной плоти, заживо поедаемой людьми-крабами.

Карл шел мимо пенисных столбов в город известняковых хижин. Вокруг столбов кольцом сидели, раздвинув ноги, жрецы, эрекции пульсировали в такт мерцанию их глаз. Пока он шел сквозь взгляды электрических глаз, губы его распухли, а легкие стали задевать мягкую внутреннюю сторону ребер. Он подошел и дотронулся до одного из жрецов: электрический удар отбросил его через дорогу в сточную канаву. Город окружен маисовыми полями с каменными статуями Юного Кукурузного Бога – стоячий пенис, пускающий маисовые побеги, взор, исполненный юношеской жестокости, но невинные губы слегка раскрыты, и в слезящихся глазах затаилась неизбывная нежность. Юного Кукурузного Бога открывают жрецы-омары, снимая с его тела покрывало из кукурузного шелка. К каменному пенису Маисового Бога привязана веревка из лозы. Член мальчика встает, играя всеми цветами радуги в лучах утреннего солнца, и с того места в зеркале на шкафу видна другая комната... Так вот, в город эта компания явилась, чтобы выращивать в долине кукурузу, немного поохотиться и порыбачить на реке.

Карл шел вдоль длинного ряда живых пенисных урн, сделанных из мужчин, чьи пенисы абсорбировали тело, с рудиментарными руками и ногами, дышащих лиловыми губчатыми жабрами и медленно роняющих металлические экскременты, похожие на расплавленный припой, который образует на ржавых железных полках под подставкой для урн твердую памятную табличку около трех футов высотой, ячейки проволочных сетей соединены лестницами и подвесными лесами, громадное хранилище живых пенисных урн, постепенно превращающихся в гладкую красную терракоту. Другие выделяют из головы кристаллические жемчужины смазочного материала, который образует покрывающую красную пенисную плоть оболочку из твердого кристалла.

Трубят золотые рожки: из Священной Рощи выходит Друидский Жрец, вокруг него испанским бородатым мхом висят гниющие тела. Глаза его, голубые и холодные, как жидкий воздух, сужаются и расширяются, пожирая свет.

Мальчик для жертвоприношения выбирается с помощью эрекционного одобрения. Всеобщая эрекция нащупывает его до тех пор, пока все члены не обращаются в сторону: “Да”, мальчик чувствуете, как “Да” течет сквозь него и растапливает его кости в “Да”, раздетое донага в Священной Роще, дрожащее и подергивающееся под Древом Повешения, дисковидные рты высасывают его последнюю костяную муку. Он направляется к древу обнаженный, на увитых цветами платформах, по обсидиановым улицам мимо зданий из красного камня и медных пагод рыбьего города, останавливаясь в турецких банях и комнатах секса, чтобы сняться с молодежью в порнофильмах. Во время этой церемонии весь город пребывает в лихорадочном состоянии, лица раздувает распухшая лиловая пенисная плоть. На каждом углу молнией сверкает ебля, оставляющая запах горящего металла и голубые искры, летящие вверх и вниз по хребту, огромный город-баня с красными глинобитными кабинками, зеленые мальчики-крабы, неторопливый шершавый язык, высовывающийся из дисковидного рта, на центрах позвоночного столба, извивается в теплой черной тине.

Примечателен Обряд Глазуровки, когда некоторые из живых урн покрываются терракотой и их запекают в краснокирпичных печах женщины, которые своими пенисными вилками вынимают оттуда нежное красное мясо и украшают пустыми урнами дом и сад. Гомоурны для Обряда Глазуровки ежедневно выбираются по номеру отделения в публичном урнохранилище, и номера оглашаются по мягкому громкоговорителю в голове, беспомощные урны, слушая перечисление номеров, заряжают нашу мягкую страхо-питающую субстанцию, нашу жирную субстанцию.

Ныне появилась возможность обезопасить номер до переклички, кастрировав урну, либо после переклички – с помощью ретроактивной кастрации, на что способны лишь немногие. Кроме того, существует Обрядовый Массаж, во время которого пенисную плоть массируют в одном оргазме за другим, пока не наступает “Смерть в Многоножке”. “Смерть в Многоножке” является самым суровым приговором Суда Насекомых, а все гомоурны, разумеется, ожидают приговора за разнообразные мужские преступления. Pues[129], каждый год несколько опытных гомоурн обходят закон, добиваясь Степени Кристалла. Когда кристаллическая оболочка достигает определенной толщины, гомоурна освобождается от обрядовой переклички и становится бессмертной, не имея никаких занятий, кроме обрастания все более толстой оболочкой в Кристаллическом Зале Славы. Немногие обходят закон, громадная известняковая дубина, высокогорная долина отрезана самым суровым приговором симбиозного каннибализма, короче, игра друг с другом.

– Мне-то почем знать! Я здесь просто работаю. Техник-сержант.

– Плюнь на это дело, старина.

Выходит сутенер и заглядывает в окно загородного клуба.

– Посетите Дом Дэвида, мальчики, и полюбуйтесь, как девочки едят дерьмо. Бесподобно повышает мужчине настроение. Стоит лишь представиться мадам моим личным другом.

Он опускает в задний карман мальчишки клинообразный цилиндр, ощупывая его жопу пропавшим языком пенисных людей-урн из высокогорной долины симбиозного каннибализма. Туземцы светловолосы и голубоглазы, род занятий – секс. Испытывать оргазм в одиночку запрещено законом, и жители обитают в муравейнике секс-комнат и мерцающих голубых кабинок с порнофильмами. На фоне кабинок туземца можно разглядеть за много миль. Все мы вечно живем в голубом образе. Кабинки теряются в подземных парилках, где скрываются турлинги – сбежавшие из порнофильмов злые мальчики-духи, которые обманом завлекают в подземные реки (путешественника пожирают водяные многоножки и плотоядные ползучие водоросли).

Над платформами, увитыми цветами, бьет струей оргазменная смерть... Известняковый Бог в миле отсюда... переход в пенисную плоть, отрезанную этой компанией, – явилась на игру под древом повешения... лапки насекомых в красной полярной ночи... Он носил мои одежды и страх...

Мальчишка извергает кровь над увитыми цветами платформами. Неторопливая веревка из лозы роняет его в фаллический фонтан, ячейки проволочных сетей задевают мягкую внутреннюю сторону ребер, громадное хранилище пениса и электрический удар отбросили его на десять футов в однородную грязь и зенитный словесный огонь, бог со стоячим пенисом, пускающий побеги кристаллической юношеской жестокости и твердой вражеской породы, поразительная неизбывная нежность в безмолвных коридорах Кукурузного Бога, эрекция нащупывает переход в лучах утреннего солнца, чувствует, как “Да” с того места в зеркале на вас раздето донага. В город эта компания явилась на последнюю костяную муку под древом повешения.

Жрецы вошли в известняковые ворота, играя на зеленых флейтах: полупрозрачные люди-омары с бешеными голубыми глазами и панцирями из мягкой меди. Беззвучная вибрация в позвоночнике коснулась центра эрекции, и туземцы двинулись в сторону флейтовых нот на твердеющей кровавой трубке для Ритуалов Многоножки. Каменнопенисное тело стоит, расставив ноги, над входом в пещеру парилок, секс-кабинок и зеленых мальчиков-крабов, которые движутся до конца любым маршрутом.

Из члена живого бога течет в известняковый желоб, зеленый от водорослей, поток смазочного материала. Жрецы выстраивают вновь принятых длинными рядами в позе ебли по-собачьи и отливают их в единую форму с помощью желе, содержащегося в баках со смазочным материалом. И вот тела стянуты шкурой многоножки, на каждое тело по полоске, и многоножка бьется и потрескивает в электрических спазмах наслаждения, сбрасывая с себя подоски, судорожно брыкаясь и пуская струи непроизвольного поноса, один оргазм за другим синхронизируется с фонарями-мигалками. Лапы многоножки схватили Карла и затащили в плотское желе, растворяющее кости... Его распухшая плоть покрывается густой черной шерстью...

Он падает сквозь лабиринт грошовых аркад и непристойных картинок, раздевалок, бараков и тюремной плоти, опустошенной бесцветным запахом смерти...

Холодные металлические экскременты на всех стенах и скамейках, с серебристых небес обрушиваются металлические словесные осадки... сексуальный пот, точно железо во рту. Передают результаты. Оцените башмак. Изобразите интерес.

В театре марионеток кукловод фотографирует скучающих надменных кататоников с восьмичасовой эрекцией, читающих комиксы и жующих резинку, импресарио – костлявый нордический тип с зеленым пушком на груди и ногах. «Свое я получу потом, от фотографий. До артистов я дотронуться не могу. Стеклянная стена, сами знаете, покажу вам кое-что интересное».

Он отодвигает занавеску: комната школьника – с флагом и фотографиями красоток на стене, на кровати голый мальчик-марионетка читает комиксы и с легким скрипом жует резинку. Кукловод смазывает его маслом с помощью шприца.

Стань призраком своего немца. Плюнь на грошовые аркады, татуировальные кабинки, нордические процессии, живых артистов, акробатов на трапеции. Шлюхи всех полов назойливо зазывают с американских гор и чертовых колес, где они арендуют кабинки, сдвигают в клубах пара крышки люков, хватаются за ускользающие отвороты брюк, устало ковыляют из Туннеля Любви, размахивая наполненными спермой презервативами. Старые слепые гомики с пип-шоу в глазницах маскируются под грошовые аркады и холодными металлическими руками нащупывают пульсирующий мальчишеский член, в наряде афганских борзых задумчиво обнюхивают велосипедные сиденья, Пуэрто-Хозелито расположен между ног. на татуировальных кабинках обосновалась голая призрачная слизь, бурая вирусная плоть проклятия. удушливый город, не иначе. могила для путешественника.

Старые джанки-уборщики, толкая перед собой красные тележки, выметают с улиц презервативы и пустые капсулы из-под гера, тюбики из-под K-Y[8], рваные грыжевые бандажи и сломанные секс-устройства, гашишные отходы и конфетти, заплесневелые суспензории и окровавленные котексы, заляпанные дерьмом цветные комиксы, дохлых котят и детские места, героиновых малюток, родившихся от постельной боли и джанки.

Повсюду звучит приглушенный, вкрадчивый голос уличного торговца, языковой урок замедленного действия, бормочущий под всеми вашими подушками: «Демонстрируются все виды мастурбации и самопоругания. Особенно пригодится юным мальчикам», поблекшие сепиевые гениталии в ящике татуировального салона... серебристая бумага на ветру... потрепанные звуки далекого города.

ПОСЛЕДНИЕ НАМЕКИ

Карл спустился по винтовой железной лестнице в лабиринт шкафчиков, к ярусам проволочных ячеек и стальных кабинок, соединенных подвесными лесами, лестницами и движущимися фуникулерами до границ видимости, ярусы смешаются, пересекаются, поворачиваются балочными конструкциями, голубое пламя факелов освещает серьезные юные лица, раздевалочный запах заплесневелых суспензориев, хлорки и горящего металла, трогаются, останавливаются, меняют направление эскалаторы и движущиеся тротуары, синхронизируясь с балконами и шаткими платформами, разъедаемыми ржавчиной, бесшумно проникают в здание чертовы колеса, катапультируются в безоблачное небо американские горы – молодой рабочий идет по стальным балкам с солнцем в волосах и скрывается в лабиринте подвесных лесов и платформ, где дымят в ржавых бочках кофейные огни, а рабочие дуют на свои черные хлопчатобумажные перчатки ясным холодным утром до самых поднебесных балок с солнцем в волосах, рабочие дуют на свое холодное утро, проваливаясь в щелкающие турникеты, гудки, фонари и дрожащее пламя факелов, запах озона, авария непрерывна, целые ярусы смещаются и рушатся в желтом облаке ржавчины, разливальщики мастурбируют на кренящихся вбок унитазах, железные писсуары оставляют за собой поток неблаговидных обнажений, старики в креслах-качалках выкрикивают антифтористские лозунги, сенатор-южанин высовывает из сортира свою жирную лягушачью физиономию и тоном, не терпящим возражений, истошно вопит: «И, ах, выступает в защиту высшей меры наказания для всех признанных виновными в торговле, перевозке, перепродаже, а также замеченных в употреблении наркотического вещества, известного как мускатный орех... Далее хочу сказать, что я преданный друг всякой нигры и мне понятны все их скромные запросы. Да что там, вот и прямо здесь мне вытирает жопу один милейший черномазый».

Балки устланы обломками и изувеченными телами, которые неторопливо подбирают толкающие красные тележки старые джанки, терпеливые и невозмутимые, с нежными и вороватыми старушечьими пальцами. Голубое пламя факелов освещает спокойные, серьезные лица юных рабочих.

Карл спустился по винтовому железному запаху озона, авария шкафчиков, ярусы рушатся в желтом облаке до границ видимости неблаговидных обнажений на унитазах. Поворотные балки конструируют серьезные юные лица.

С чертова колеса виден туалет раздевалки на пяти уровнях, проблеск белых ног, блестящие лобковые волосы и тонкие смуглые руки, мальчишки мастурбируют мылом под ржавыми душевыми рожками, образуют змеевидную очередь, пульсирующую на шкафчиках, вибрирующую сквозь все ярусы и кабинки, неогражденные платформы и тупиковые лестницы, висящие в пространстве, рабочие, оседлав балки, выстукивают сверкающими шариковыми молотками рунические мелодии. Вселенная сотрясается от металлической юношеской похоти. Очередь исчезает в зеленой двери, соскальзывает в подземные бани, петляя средь факельного пламени, мелодичные мальчишеские крики доносятся из вентиляторов всех раздевалок, бараков, школ и тюрем мира.

– Пако!

– Хозелито!

– Энрике!

Карл преодолел стену белого тумана, яиц, клубов пыли в серой комнате, полной погребальных урн, на магнитофоне медленно крутится пленка, металлическими осадками словесной пыли выпадающая на терминальные города. Падал в пространство между мирами, словесная пыль покрывает его тело.

Во время суходрочки он прокуренная каюта, которая всегда на запоре... (“Радиационный пояс Ван Алена”... едва слышный щелчок.) И, падая в пространство между мирами, словесная пыль покрывает его тело…

Третья трубка гашиша, он прошел сквозь писсуар, чувствуя головокружение и тошноту. Он только что из провинции. Он только что из зеленой местности у собачьего зеркала. Бывало, приезжал в одно местечко на собаках... с лацканов его пиджака доносятся звуки и запахи джунглей, чудесный заменитель тот мальчишка.

Призраки панамы прилипли к нашим телам... «Пойдете со мной, ми-истер?..» в дыхании мальчишки плоть... Его тело выскользнуло у меня из рук мыльными пузырями... Мы медленно приближаемся к желтым пескам, ископаемым остаткам оргазма...

– Вам достается нечто вроде медузы, ми-истер. под потолочным вентилятором, голый и строптивый, странный цвет в его глазах, увидел все по-другому... пожелтевшие панамские фотографии, выметаемые старым джанки, кашляющим и харкающим на рассветных ломках...

(фосфоресцирующие металлические экскременты города... мозгоядные птицы патрулируют железные улицы.)

больничный запах рассветного порошка... мертвые радужные открытки, выметаемые старым джанки в отсталых странах.

«Не знаю, уловил ли ты мои последние намеки, когда мы отдавали распоряжения, проходя мимо колышущегося тента “Кафе де Франс”... Поторопись... Быть может, у Карла остался его волшебный фонарь... Темнота застает врасплох, кто-то идет... Точно не знаю, где ты сотворил этот сон... Посылать письмо в гроб, все равно что отправлять его с последней террасы в саду... Я никогда бы не поверил в существование сфер и границ света... Я так плохо осведомлен, и – сплошь зеленые войска... Б. Б., прошу, поторопитесь... наступает затемнение».

(Внезапно остановился, чтобы показать мне отвратительное кожаное тело...)

– Я остался почти без лекарств.

Тогда я еще был прощаньем у окна за пределами фильма двадцатых годов, следы плоти прерваны... Сидя за длинным столом, там, куда доктор не смог дотянуться, я сказал: «Он наделен вашим голосом и печальным финалом... Слабеющее дыхание в постели с явными симптомами удушья... Я их уже убрал... Сколько заговоров было сорвано, прежде чем им удалось воплотиться в мальчике, преследуемом железными клешнями?.. Тем временем магнитофон разрезает старые газеты», экскременты в дальнем конце забытых улиц... больничный запах на предрассветном ветру...

(Обнажил свои фосфоресцирующие металлические колени, мозг поджаривался в тоске по мертвечине.)

На волноломе, под желтеющим панамским фото, легкомысленный призрак юношеской футболки выслеживал напоминающую органические остатки – нечто вроде медузы...

«На волноломе уловил ли ты мои последние намеки над приливными равнинами... Точно не знаю, где... очнулся в чужой плоти... рубаха с китайскими иероглифами... ветерок “Кафе де Франс”... фонарь, горящие крылышки насекомых... я остался почти без лекарств... далеко... бури... потрескивание... здесь уже ничего нет, только кружащий альбатрос... мертвая почтовая открытка, ждущая позабытого места...»

На волноломе встретил мальчишку под кружащим альбатросом... Снял с него футболку, обнажив смуглую плоть, а глубже – серую, как пепел, и косяк передавался взад-вперед, пока мы спускали друг с друга штаны, а он потупил взор, лицо – точно майянский известняк, в керосиновой лампе потрескивание горящих крылышек насекомых: «Я дрючить Джонни а жопу». Он прыгнул коленками на кровать и похлопал себя по бедрам, «asi como perros» [118]. волосы с жопы развеялись над приливными равнинами, очнулся в чужой плоти, увидел все по-другому – один мальчишка нагишом на панамском рассветном ветру.

ТАМ ГДЕ КОЛЫШЕТСЯ ТЕНТ

– Короче, сбросили мы наши камушки, прошлись голубым маршрутом по причиндалам друг друга и после небольшой тренировки уже могли обходиться без проектора и демонстрировать любые виды самых гнусных половых актов на каждом углу за голубым стеклом, шевеля двигающиеся мимо прямые кишки и лобковые волосы, точно сухую листву, падающую в туалет: «J'aime ces types vicieux qu'ici montrent la bite...»[117]

Глотая из его глаз, слабоумные зеленые мальчики, печальные, как ветер в листве, воздвигают деревянный фаллос на могиле вымирающих народов-лемуров.

– Перепихнуться бери в любом месте. Джонни, ты да я теперь неоновые жопные амигос.

– У тебя стоúт только с моего согласия.

– Кто вы теперь, ми-истер? Перепихнуться бери Джонни там. Мне дрючить Джонни в ту же жопу? Ты да я сливаться, пихаться-в-одно-целое?

Всего лишь хула-хуп на обоих под идиотское мамбо. Каждый житель данной местности имеет свою программу, то есть одни – электрикалы, другие – ходячие углеродистые растения, и так далее, все это весьма замысловато. мальчишеская сперма прокладывает путь сквозь ректальную слизь и Джонни.

– Один след исчезающий, так что: панели тени.

– Мне кончать, Джонни, ночь.

Короче, втискиваем мы наши прямые кишки в прозрачные причиндалы голубым маршрутом – совместная обработка. долгая ночь, чтобы испытать меня. оба гнусных половых акта на каждом рассвете, запах касается пальцами двигающейся мимо прямой кишки. палец на всех членах: «ты-да-я-да-мы-с-тобой в туалете настоящего времени». «Идиотская ебля у-нас-с-тобой-Джонни. Бери». Листва воздвигает дерево-фаллос на мне и так далее, исчезающий в людях-лемурах. «Перепихнуться, слабоумные жопные дружки, точно древесная лягушка, прилипшая в согласии. Кто вы, зеленые руки? губчатые лиловые?»

– Джонни там. Мне дрючить. Перепихнуться в одно целое,

Теплый спермовый запах под идиотское мамбо. тишина отрыгивает запах озона и ректального полета: «А вот и экзаменатор, другие прямые кишки – голые в Панаме».

"Асижопные" волосы развеялись над приливными равнинами. очнулся в чужой плоти, увидел все по-другому, один мальчишка нагишом на панамском предрассветном ветру.

Когда я очнулся, легкомысленный юноша писсуаров и вечерней плоти исчез... В туалете падают хлопья старости... Случайно встретил своего старого друга Джонса...

живет в такой нужде... позабытый кашель в фильме двадцатых годов... На кроватной службе призывно звучат водевильные голоса... Я едва не задохнулся, примеряя дыхание мальчишки... Это Панама... Мозгоядные птицы патрулируют мозговые волны низкой частоты... азотистая плоть, выметаемая вашим голосом и печальным финалом приемника... Грустная рука убрала затхлую мочу Панамы.

– Я умираю, ми-истер?.. – позабытый кашель на улице двадцатых годов?

Генитальная закладная стащила с него заношенное нижнее белье, рубаха колышет запах молодого сухостоя... укороченный мальчишка на экране до самого конца высмеивает мое исподнее... шепоты темной улицы в Пуэрто-Асижоп... Сквозь деревенского уличного мальчишку улыбается ми-истер... Оргазм слил ответную телеграмму: «Джонни спусти штаны». (тот затхлый летний рассветный запах в гараже... сквозь сталь пробиваются ползучие растения... босые ноги в собачьих экскрементах...)

Панама прилипла к нашим телам от Лас-Пальмаса до Давида в сладком камфарном запахе разогреваемой опийной настойки... Обобрали республику... У аптекаря моя нет плиходи пятниса... Панамские зеркала 1910 года, скрепленные печатью в любой аптеке... Он признал себя побежденным – блики утреннего света в холодном кофе, выдохшийся утренний стол... кошачья улыбочка... мучительно-смертный запах его болезни в комнате вместе со мной... три сувенирных снимка Панама-сити... Старый друг пришел и остался на весь день...

– Пойдете со мной, ми-истер?

И Хозелито переехал в Лас-Плайас во время самого главного... Застрял в этом местечке... радужные лагуны, болотистая дельта, пузырьки угольного газа все еще произносят «a ver[106], Лаки-и-и» в сотне лет отсюда... гниющий балкон из тикового дерева подпирал Эквадор.

– Die Цветы и Джунгли подпрыгивают, они не могут – город.

На волноломе двое стояли рядышком и размахивали руками... Здесь сыплются густые хлопья старости... Поторопитесь... еще один пустой билет... Не знаю, уловил ли ты мои последние намеки, пытаясь вырваться из этого головокружительного оцепенения с китайскими иероглифами... Я говорил, вновь и вновь отдавал распоряжения там, где колышется тент, вашим голосом... печальный финал... там, за воротами, тишина... легкомысленная юношеская рубаха колышется на вечернем ветру...

– Трюк старого фотографа дожидается Джонни... А вот и мексиканское кладбище.

На волноломе встретил мальчишку в красно-белой полосатой футболке... (опийный городок в лиловых сумерках)... Задевая эрекцию, мальчишка стащил с себя заношенное нижнее белье... теплый дождик на железной крыше... под потолочным вентилятором стояли нагишом на кроватной службе... тела электрически соприкасались... покалывали контактные искры... вентиляторные запахи молодого сухостоя полоскали юношескую футболку... Голоса и печальный финал потонули в

кровавых запахах... Это Панама... грустный фильм, дрейфующий на островах мусора, черные лагуны и люди-рыбы, ждущие позабытого места... ископаемый притон, выметаемый потолочным вентилятором... Трюк старого фотографа их уже убрал...

– Я умираю, ми-истер?

Мелькает у меня перед глазами, голый и строптивый... гнилостный рассветный ветер во сне, смертное гниение на панамском фото, там, где колышется тент.

Как водится, меня упрятали в самую дорогую гостиницу, в три часа обедаю в помпезно украшенной мрачной столовой, скверный обед из множества блюд, комната почти пуста... у окна сидит богатое семейство, пузырьки с лекарствами на столе, в углу коммивояжер читает футбольные результаты.

Потом вошел молодой человек и, не дожидаясь указаний метрдотеля, сел за соседний столик, прямо напротив меня – сами понимаете, в столовых такого типа посетителей, как правило, рассаживают как можно дальше друг от друга, среднее расстояние 23 фута. Одет он был бедно, белая рубашка очень грязная, узел галстука ослаблен. У его столика сошлись два официанта. Вопреки моим ожиданиям, они не попросили его уйти. Почтительно, с дружелюбными улыбками, припасенными для особых клиентов, они приняли у него заказ. Я уже закончил обед и курил, когда он подошел к моему столику.

– Меня зовут Энрике де Сантьяго. Могу я выпить вместе с вами кофе?

Не дожидаясь ответа, он сел, причем не оскорбительным и не вызывающим образом, а так, как будто там его место, глядя на меня с дружелюбной улыбкой. Был он лет двадцати пяти, весьма мускулистый, бицепсы туго натягивали дешевый черный пиджак. Он сразу же сообщил мне по-французски, что он – из среды, составляющей дно общества, но сын известных родителей из Сантьяго, один час – он показал грязным указательным пальцем в сторону от столицы. Этим можно было объяснить почтительное отношение официантов. Богачи могут одеваться, как им вздумается, и если им доставляет удовольствие разыгрывать из себя гангстеров, это можно понять.

– К тому же я – негр, – прибавил он по-английски, – копчушка.

Я пожал плечами. Смешанная кровь в Латинской Америке далеко не редкость. Официант принес кофе, и я заметил, что он похож на Энрике де Сантьяго. Подумать только! Весь персонал гостиницы был похож на Энрике де Сантьяго.

– Вы должны заехать к моей маме и посмотреть кофейные плантация. – Он написал что-то на полоске бумаги и через стол передал ее мне. На листе желтой почтовой бумаги было написано: «Моника Кокуэро де Сантьяго, Лос Фуэнтес».

– Она известна как “Черная Мамба”. Вы друг другом заинтересуетесь. Сам я не могу покидать столицу во время сезона. К тому же я по уши погряз в делах с одурманивающими наркотиками, сами понимаете. – «К сожалению» сгинуло непроизнесенным, как будто кто-то приложил к моим губам неторопливый холодный

палец. Я сидел там, мечтательно и рассеянно глядя в окно на площадь, безлюдную в лучах послеполуденного солнца, на собаку, обнюхивавшую что-то на набережной, видел все это ясно и отчетливо, как будто в телескоп, – склады, таможенные ангары и пирсы в порту, а впереди – море. Земля полумесяцем окружала гавань. Я разглядел дорогу и грузовик, который, казалось, движется очень медленно, я следовал взглядом за грузовиком. Через несколько секунд грузовик должен был достичь мыса. На мысе стояло здание, я различал его смутные очертания на границе своего поля зрения. Повернув голову немного левее и посмотрев туда, где стояло здание, я увидел пелену серебристого пламени. Я боком бросился с кресла на пол и, очень медленно падая, похоже, увидел, как собака волочит за собой свою задницу... по площади пронеслась стена пыли и дыма, и я рухнул на пол под градом стеклянных осколков.

Здание, которое я так и не разглядел, было арсеналом... 223 погибших... тысячи раненых... взрывом разрушен весь портовый район. Я не знаю, что стало с Энрике де Сантьяго. В списках погибших было много Энрике и много Сантьяго. Сам я, как водится, получил легкие ушибы и два дня спустя выписался из больницы. Багажа своего я лишился, но я путешествовал налегке: чемоданчик да пара-тройка покупок, к тому же я не прочь был осмотреть Сантьяго. Я взял такси и спросил водителя, знает ли он Лос Фуэнтес де Сантьяго. Водитель пожал плечами.

– Si, там фонтан есть на Пласа, но в это время года он сух.

Город был удален в глубь страны от столицы и располагался в предгорьях – белая дорога, пыльные деревья. Я велел водителю отвезти меня в гостиницу средней категории – скромный и недорогой просторный номер с балконом, выходящим на площадь, красные кафельные полы, медная кровать. Я вышел прогуляться по площади: пыльные юноши, высохший фонтан, долгий безлюдный полдень, на ветру колышется тент: “Кафе де лос Фуэнтес” Когда я пил кофе, серый неприметный человек положил мне на столик полоску бумаги. Я бросил взгляд вниз... желтый рекламный листок: «Hoy Estreno al Cine Espana... La Mamba Negra con Paco, Joselito, Henrique...» [130] громадная черная змея приподнялась, готовясь ужалить человека в шортах, который тянется за своим пистолетом... в 7 и а 10... (эту рекламу следует привести на данной странице). Я положил рекламку в нагрудный карман, намереваясь попасть на семичасовой сеанс. Позавтракав в гостинице, я удалился в свой номер, закрыл ставни и завалился спать. Меня разбудил громкий троекратный стук в дверь.

– Quien es? [116] – крикнул я, голосом глухим и искаженным. В комнате было темно. Я встал с кровати и пересек комнату, ноги мои были точно деревянные чурбаны. Я открыл дверь. Там стояла худая фигура не меньше восьми футов ростом, в длинном черном пальто. Я поднял взгляд на скуластое лицо, черное, как пальто. Невозможно было разобрать, мужчина это или женщина.

– Я вас не знаю, – тем же глухим голосом произнес я.

Вслух фигура не говорила, но слова были там, меж нами: «Я знаю вас. Увидимся в воскресенье»,

Фигура исчезла, спустившись в круглый лестничный колодец, по лестнице, которая вилась вокруг шахты лифта. Я закрыл дверь. Шпингалет был сломан, поэтому я запер дверь изнутри на ключ, который обнаружил в пижамном кармане. Я улегся спать в трусах. Даже при тусклом свете я видел, что это не гостиничный номер в Сантьяго. И мое тело уже не было прежним. Ну что ж, этим можно было бы объяснить одеревенелость и искаженный голос. Я пытался придать свою способность реагировать чужому телу. Я зашел слишком далеко. Осознав свою ошибку, я вернулся назад. Тело вновь обрело легкость и изящество движений, но сердце его еще билось. Он включил свет.

Я заговорил, внятно произнося слова по-английски:

– Кто это приходил?

– Никто не приходил. Я видел сон.

Он не удивился, обнаружив в своем теле еще кого-то. Очевидно, для него это был не первый подобный визит. Мне показалось, что стоявшая в дверях фигура уже однажды его посещала и то посещение так его напугало, что он не мог его вспомнить. В тот момент настаивать было бесполезно. Я огляделся. Это была типичная холостяцкая квартира: в противоположном конце комнаты компактная кухонька, двуспальный диван-кровать и кресла – дешевая подделка под шведский модерн, дверь, которая, как я полагал, вела в ванную. Хозяином моим был молодой человек лет двадцати. Его “сон” все еще его тревожил, поэтому он приготовил чашечку “Nescafe”, закурил и сел на диван. Я сидел в нем и слушал. Да, в этом теле побывал уже далеко не один визитер... клочки финансов на послеполуденном ветру... сомнительные акции в Буэнос-Айресе... сдача карт за столиком в “Липсе”... повесы, притворяющиеся более пьяными, чем на самом деле, суровые, настороженные взгляды... Рим... Голливуд... все из высшего общества или вхожи туда, насколько я мог видеть или слышать, а мне до него весьма далеко, я старый визитер из прошлого, но это была совсем не моя сфера, причина там находиться – расстегнутая рубаха на площадке для гольфа. Совершенно случайно там тот же самый чужак? хм-ммм! Богатые и могущественные визитеры, однако молодой человек не был богат, деньги – одна из тех вещей, которые вы ощущаете сразу, едва обосновались в позвоночном столбе, вы ощущаете их, как старость или юность, джанк или ломки, вы ощущаете холодную серую пелену надо всем, что касается больших денег, а ее там не было. Не был он также и беден, и его оскорбила бы мысль о том, чтобы продаваться за деньги.

«Я ни бельмеса не смыслю в п р о с т и т у ц и и!» – это слова одного молодого человека, которого я посещал давным-давно, с той поры он не очень изменился, никто не меняется, если нужда не заставит, так, значит, не богат и не беден, и все-таки вот он, ходячее пристанище богатства и влиятельности, имеет вес, его родичи держат роскошный отель.

В этот момент мой хозяин заговорил высокомерным тоном, который мне довольно часто предстояло выслушивать в последующие дни:

– Позвольте представить вам ваше новое “я” Меня зовут Жан Эмиль Леблан. Моя мать шведка, а отец – француз. Мы держим шведский ресторан в Париже, а во время сезона – курортную гостиницу на Корсике, весьма фешенебельную. Думаю, вас бы туда не впустили. – Пытался подколоть меня, что ли? Я промолчал. – А вы кто такой?

Я промолчал. Я визитер ненавязчивый, пока я не доберусь до цели своего визита, вы вряд ли узнаете о моем присутствии.

– Не говорите ничего, пока сами не осмотрите местность и не разработаете план действий, – говорил мне там, в захудалом кабинете, Окружной Инспектор, годы серой боли в его глазах, долгие-предолгие годы, опустившие плечи. – Вы что, какой-нибудь тупица из ЦРУ? И нравится же им говорить и одновременно жевать, точно больная афтозом корова, да и опасны они ничуть не меньше для людского скота, приходится охранять туземцев, именно для этого мы и здесь, а благодарности, как Вам хорошо известно, от них не дождешься.

«Прелестный арабский домик в пригороде, волшебная улица, на стене – тени листьев, старый привратник из '*Тысячи и Одной Ночи*', дружелюбные соседи приглашают нас на куриный кускус и прочие марокканские деликатесы». – Холодная затхлая комната, запах керосиновых обогревателей, которые шипят и коптят, враждебно настроенные местные жители забрасывают дом камнями, выкрикивают у дверей марокканские шуточки, на улице дождь, протекает крыша, вонь засорившегося туалета, зеленая плесень на моих башмаках, да, мне было хорошо известно, какой благодарности мы дожидались. – «Говоря бессмертными словами доктора наук Голландца Шульца[131] из района Нью-Йорка, а это весьма важное дело, Разрушение 23: “Заткни свое чересчур большое хлебало!” Брэдли, это – чтоб его надолго заткнуть». – Короче, запихивает он в мою бабенку на пятерку гаванских сигар и принимается за свои обычные щучьи дела. Сдается мне, эти шуточки он откалывает, чтобы унять боль, но ребятам в конторе это уже надоело, мы зовем его “Банально-Химическим Банком”, как-то раз вызывает он меня, а сам сидит себе и пишет, не стенографией, а обычным письмом, – халат болтается, черные шлепанцы, берет, и все-таки под боком у него кипятится в кастрюле варево, которое он изредка, между фразами, пробует длинной деревянной ложкой. Короче, сгибается он над ложкой и говорит:

– Я – Анатоль Франс, le vieux de France. Твое задание – воскресить меня!

И он падает на жопу, а мне приходится делать ему искусственное дыхание рот в рот – с более неприятной целью я отродясь не нагибался, а у него полный банк банальностей, мол, хочу сказать тебе, Брэдли, от имени всех ребят в конторе, что ты старый радиоактивный зануда, от твоих шуточек любая планета взорвется. Миллион лет он оттачивает свои остроты, чтобы руководить этим урановым сральником. «Вызвать сверхновую и ради Урана заткнуть Брэдли рот!»

Однако в дверях я уже раскрыл свое большое хлебало.

– Ах, так ты предпочитаешь оставаться неизвестным и, вероятно, тому есть причина. Ты что, гомик? Я их ненавижу.

Он встал, потянулся и зевнул. Потом нахмурился, приложил ладонь к голове, пошел в ванную и принял две таблетки веганина, а в зеркале я увидел, что головные боли его не очень-то изменили, в комнате утренний свет, в дверь кто-то стучится. Он надевает синий халат и открывает дверь, там стройная манекенщица – длинные желтые волосы, серые фотоглаза...

– Высший Класс!

– Длинный Джон!

(ОИ рыгает в носовой платок.)

Они все-таки обнимаются, эти “Высший Класс” и “Длинный Джон”, а мелководье пришло с приливом и шведской рекой Готенберг, этот навозный запах меняющих пол шведов. Она готовит кофе и трещит как сорока, озвучивая все глотки в округе, да, глотка у этой цыпочки луженая, потом краткое приветствие, она стоит с голой жопой и сгибается для дерзкого поцелуйчика – это они проделывают на четвереньках, по-собачьи, в оргазме запрокидывают головы и воют: «А в “*Воге*” это напечатают?» Они одеваются и танцуют парочку пластинок, “Высший Класс” подбирает музыку с пронзительными криками, вытряхивающими пломбы из всех зубов, потом в его “Фольксвагене” на пляж, где я встречаю Митци и Бернарда.

Вы что, думаете, мне все это казалось скучным? Отнюдь. Визитеру скучно не бывает. Видите ли, скучаешь, когда перебираешься с места на место с привычными остановками: прачечная, почта, бритье, умывание, одевание, упаковка вещей, поиски гостиницы. Мне ничего подобного делать не приходилось. За меня все это проделывал Жан. Нанесение визитов приносит успокоение и входит в привычку. Нанесение визитов есть джанк, а джанк – старейший визитер в отрасли. Я-то знаю, чего стоит отказ от привычки к хозяину, да, это я тускло мерцаю на телеэкране из Испании. Все ушли. Не годится. No bueno[72]. Успеешь выпить кофе, чувак? Я расскажу тебе одну историю: там, возле цветочной лавки, пустырь, ярко блестит консервная банка, ждет молодой человек, булыжная мостовая, запах золы, он рыжеволос, лицо все в угольной пыли.

– Сигарету, мистер?

Там мой контакт, лучи холодного солнца на худом мальчишке с веснушками, выцветшие улицы, далекое поднебесье... сточная канава, запах угольного газа, затемнение... здесь сильный ветер, холодный пот от страха – как в тисках... далекая туманная улица двадцатых годов. «А вот и старый карандашник».

помятое красное лицо, дешевый синий костюм: «Помню, помню эти убогие кварталы». Вот силуэт его телохранителя: серый костюм, смуглое лицо, наготове карандашный пистолет...

«Бритвенные лезвия... шнурки для обуви... нарукавные повязки... карандаши... мел... сургуч...»

– Нам понадобятся два карандаша, – сказал я там, на Норт-Кларк-стрит[88], пытаясь дотянуться до своей наплечной кобуры.

«Два желтых карандаша “Питмановская Арифметика Здравого Смысла” во время каникул никогда не выпускала, в тот день я видел, как прогибается от ветра разорванное небо... худой мальчишка с веснушками... Ты умеешь нажимать на такой вот карандашный, чувак?

карандашный чувак? вот “Серый Карандаш”, водил компанию с Ма Карри в синем школьном домике, мы звали ее “Мамой”, а вы бы? научила меня всему, что я умею. – годы серой боли, долгие-предолгие годы, опустившие плечи. – Не буду лукавить, “Питмановская Арифметика Здравого Смысла” снабдила этот карандаш свинцом, который некогда был радием, здесь, в этом карандаше, миллион радиоактивных лет, оттяни вот это до конца, теперь нажимай на карандаш... никого нет, ветер и пыль далеких двадцатых... пансион миссис Мёрфи, не забудь, это было очень давно, но туда можно дойти пешком, он прямо впереди – краснокирпичное здание на углу переулка, из: чердачной комнаты смотришь в подзорную трубу на спортплощадку сиротского приюта, можно наблюдать за мальчишками в высоких темных окнах спальни, вид мальчишек потрясает, я был тогда больной, и вот остались лишь обрывки искалеченного “я”, подзорная труба выхватывает на спортплощадке желтые расплывчатые ребра, вот “Ветреный 18” возле “Бетономешалки”, “Пыльные веснушки” крепко обнимают его колени – нагишом на полу душевой».

– Раздвиньте ему ноги, ребята! – вскричал Режиссер.

«туманное желтое время каникул, двадцатые годы поют тебе сцену между нами, где время не писало никогда, худой мальчишка был похож на меня в форме начальной частной школы, до далекой закрывающейся спальни доносятся паровозные гудки, грустные старые людские газеты я ношу е собой, больной голос, донельзя неприятный, говорящий тебе: “Искры” – уже над Нью-Йорком. Справился я здесь с заданием? Он это услышит?»

кто-то туманный, дрожащий, далекий задвинул ящик бюро на темном чердаке...

«Карандаш используется только один раз, чувак... фосфоресцирующий протез руки, и это было всё, пришлось увидеть его в последнем свете, оставшемся на гибнущей звезде... старый джанки, макающий сдобный торт в чашку в сером кафетерии, салфетка под его кофейной чашкой, прозвали его “Жрецом” – продавал специальное распятие, которое светилось в темноте, пока не начал светиться в темноте сам, остывший кофе, сидел именно там, где сидишь сейчас ты, видишь ли, сынок, когда приобретаешь привычку к хозяину, о других ребятах забываешь... Мальчишка ждет... пансион миссис Мёрфи... сплошь старые грустные циркачи... помню, ее сынок-педераст брил на кухне грудь, волосы летели в суп, а он пел, заливаясь соловьем, музыкальная семейка, помню, ах, уже пришли, “Сдаются комнаты”, занавески серые, как сахар сиротского приюта, всегда выглядывает серая тень...

– Вы расплатитесь сегодня, мистер Джонс?

Да, миссис Мёрфи, я расплачусь, эта лестница, она меня в могилу сведет – кхе-кхе – карандаш используют только один раз, не забудь, я режиссер единственного представления, показывал тебе бумаги, понятные, как “Энни Лори” в фильме двадцатых с гибнущей звезды... печальный юный образ источает застоявшийся цветочный запах болезни в далекое окно... Я расскажу тебе историю, которая называется "Улица случая"... арабский домик в пригороде, остывший кофе, сидел именно там, где сейчас сидишь ты, дождь, протекает крыша, я передвигаю диван на сухое место, тяжелый испанский диван, и вижу за диваном маленькую сухую нишу, которую прежде не замечал. В нише лежит книга, серая лощеная обложка с золотыми буквами. шрифт самый обычный: “Улица случая”, я открыл книгу».

«Это история о четырнадцатилетнем мальчике, который погиб во время вторжения».

там портрет мальчишки, выцветшая сепия, у чердачного окна, машет рукой вслед далекому поезду.

УЛИЦЫ СЛУЧАЯ

Глава 1

прохладная окраинная улочка, мощенная булыжником, южные ветры, давние времена, мальчишка у ручья, босиком, вытянувшись на заборе, следил взглядом за полетом гусей в фиолетовом вечернем небе, и вдруг он оказался над ручьем, над улочкой и домами и посмотрел сверху на железную дорогу, ничуть не боясь упасть. Вернувшись домой, он обо всем рассказал отцу в комнате на чердаке, которую отец превратил в мастерскую.

– Я умею летать, отец.

– Такими способностями мы не обладаем, сынок.

печальные паровозные гудки в далеком поднебесье, голубая магия всех фильмов в запомнившемся малыше, стоящем со светящимся лицом у чердачного окна, машущем рукой вслед поезду, пыль на окне, звук, подобный вздоху, в глубине пустой комнаты, держал фотографию мальчишки в своей морщинистой руке, в далеком поднебесье – мальчишеский голос...

«как долго ждал я весточки от тебя».

– Я писал, сынок.

невыносимо шептать это послание, невыносимо вспоминать слова, некогда бывшие человеком, которого искал, некогда бывшие человеком, щелканье каблуков на захудалой улочке, серая неосвещенная лестница, запах старой боли, долгой-предолгой, опустившей его плечи...

– Это был я, мистер. Пансион миссис Мёрфи, помните?

серебристые утренние тени на далекой стене, расшатанный ящик бюро, рассвет в его глазах, нагишом на кровати, в руке рубаха, запах молодых ночей, лицо его заливают световые годы, грустная постаревшая улыбка...

– Я ждал там.

голубая магия всех фильмов в запомнившемся малыше, стоящем там, выцветшие улицы, далекое поднебесье. Он грустно машет рукой с Улицы Случая. смотрите безучастный фильм – его лицо.

– Отныне тишина, я ухожу.

грустное постаревшее лицо, тусклая, дрожащая, далекая улыбка.

– Я ждал там.

мальчишка присутствует при пустопорожней сделке. Он грустно машет рукой с Улицы Случая.

Суррогатный дух киносоюза не смог найти мощенную булыжником дорогу, довольствовался первым попавшимся мексиканцем, после полудня телесная печаль прощания означает его отсутствие – как ветер и пыль на безлюдных улицах Мексики...

Железная камера, крашеные стены, шелушащиеся ржавчиной... клубы дыма в высоком зарешеченном окошке синей ночи...

«Двое заключенных сидят на нижних железных нарах и курят. Один американец, другой – мексиканец... Камера вибрирует от неслышного голубого движения тюрьмы и всего тюремного заключения во времени.

– Bueno, Джонни? – Его пальцы дернули Джонни за рубаху. Они встали. Хосе повесил свою рубаху на гвоздь, Джонни передал рубаху, и Хосе повесил одну рубаху на другую. – Ven asa[132]. – Одной рукой он выдернул ремень Джонни из пряжки и пальцами карманника расстегнул пуговицы ширинки.

– Ya duro, Джонни твердый.

– Clara[133]. Твердый...

Хосе на коленях вполз на нары.

– Вот так, Джонни. – Он похлопал себя по бедрам. – Давай perros.

Второй влез на место.

– Джонни нравится?

– Mucho[134].

– Вдохни поглубже, Джонни.

Они застыли, глубоко дыша.

– Bueno, Джонни?

– Bueno.

–Vamanos[128]. – На синей стене извивались теневые тела. – Джонни, уже пора начинать.

– Ты кончать, Джонни?

– Siiiiiii...

– Была не была, Джонни.

Струи на запасном одеяле, запах железнотюремной плоти и засорившихся туалетов протискивается сквозь лабиринт грошовых аркад и непристойных картинок в синюю мексиканскую ночь. Два тела утомленно отвалились друг от друга, босые ноги на армейском одеяле. На черные блестящие лобковые волосы, на медную веснушчатую плоть опускались клубы дыма. В дыму член Пако встал.

– Otra vez[135], Джонни? – Он сунул руки под колени Джонни.

– Джонни слушать, теперь на коленки.

Мексиканские бедра:

– Я ебать тебя como perros[118].

Стены окрашены в синий цвет, дым за решеткой. С пальцем у Джонни в жопе шевелились двое заключенных. Он держал Джонни за бедра и раскачивал бессловесного глубокого Джонни. Его член скользнул внутрь:

– Джонни, я там.

– Давай, – изогнулся железный каркас. – Porque no? [136]

– Bueno, Джонни. – Свеча, теневые тела. – Джонни пора desnudate por completo[137]... Джонни?

– Siiii?

– Была не была, completo. – Запасные одеяла, запах железа и рубаха на гвозде. Мексиканский карманник, одна рубаха на другой. Струи, лабиринт непристойных картин. Мексиканец со спущенными штанами.

частично босые ноги на одеяле, черные блестящие лобковые волосы.

– Думаю, тебе mucho нравится быть Хосе... Пако... Энрике.

– Джонни нравится como perros? Вдохни Хосе поглубже, Джонни.

Его член, железный каркас – чем только не дыша:

– Давай спать.

– Ты кончать еще Пако. – На одеяле запах Джонни дернул за одну рубаху. Давай completo, и еще Кики. – Ты кончать ради Джонни.

Одна рубаха, раскалывается голова. Тела чувствуют, как член толчками поднимается.

– Я ебать тебя como eso. – Одна рубаха, раскалывается Джонни.

– Ебаться на коленях. Ложись на одеяло. Como eso сквозь железо. – Он чувствует язык на коленях. Дымная ебля на коленях.

– Mucho будет, Angelo como eso.

– Глубоко, Джонни,

Раздвинутые белые колени, раскачивают бедра,

– Давай, двигайся.

– Пако? Помедленней.

– Si, в жопу, Джонни? Я дрючить Джонни в жопу? Струи, тюремная плоть в мексиканской ночи:

– Раскачайся, Джонни.

– Давай.

– Джонни, ниже колени. Boca abajo[138]. Ты кончать como eso?

– Жесткая койка, Джонни. Я весь в веснушках. Como perros лучше на коленях.

Он чувствует движение коленей.

– Ты кончать otra vez, Джонни? – Он подвинул Джонни. Вазелин в жопу. Одна рубаха раскалывается, Джонни толчками поднимается.

– Mucho, Джонни, давай, двигайся.

– Вдохни Хосе до самой жопы, Джонни.

–Пора начинать.

– Ты кончать?

Струи на calconcillos todo[139]. Хосе повесил свою тюремную плоть. чувствует «иди сюда». Он выдернул ремень Джонни из позвоночника. Он чувствует движение пряжки по пальцам карманника. Тела утомленно отвалились. Опускались клубы дыма. «A ver[106], вот так». Он на коленях рванул на нары вот так.

Колени Хосе. сжимают бедра Джонни.

– Давай, двигайся. Хосе помедленней, глубоко, Джонни. – Его член скользнул в жопу Джонни.

– Bueno, Джонни?

Дыша:

– Давай спать. Джонни уже свеча, тень.

– Ты кончать por completo.

– Siiii, – струи на босых ногах.

(Шевелятся двое заключенных в синеве? Один американец на нарах?)

– Mucho, Джонни, раскачивай синее давление. Вдохни Хосе туда. Si, в железный каркас.

–Porque no?

– Джонни, была не была, давай completo, и еще Кики. – Повесил свою тюремную плоть на гвоздь. Джонни пускает из члена струю, картинки.

– Claro, тебе mucho нравится быть Кики. A ver. Como eso.

Всего лишь хула-хуп на обоих под идиотское мамбо... всё идиотское мамбо разбрызгалось в механизацию контроля...

Мэри Соленый Кусок обладала всеми “нет”, и ни одно из них никогда не означало “да”. Она назвала цену, тяжелую и холодную, как полицейская дубинка зимней ночью, и дело с концом. Другой она не назвала. Мэри не любила болтать и не любила болтунов. Она принимала людей и занималась делами на кухне. А товар она хранила в сахарнице. Никто об этом не думал. Она бы увидела мысль своими холодными серыми глазами, и тогда при следующей сделке что-нибудь могло бы выйти не так: Джон Гражданин мог выпустить в ваше мягкое нежное тело заряд мелкой дроби или же поблизости попросту оказывался Джонни Закон. Она сидела и слушала. Когда вы раскладываете причиндалы на ее кухонном столе, она уже знает, где вы их слямзили. Она смотрит на причиндалы, возникает цена, тяжелая и холодная, ее рот закрывается, и она умолкает. Если она не хочет торговаться, она попросту заворачивает причиндалы, швыряет их на дальний край стола, и дело с концом. На дровяной печи Мэри всегда держит кофейник и большую железную кастрюлю соленой свинины с бобами. Когда вы вваливаетесь, она молча встает и ставит перед вами кружку кофе и тарелку с большим соленым куском. Вы едите, а потом переходите к делу. А может, и снимаете комнату на недельку, дабы остыть, комната 18 на верхнем этаже, я сидел в этой верхней комнате: розовые обои, дымный закат на том берегу реки. В этом деле я был новичок и, как все молодые воры, считал себя обладателем лицензии на кражу. Это продлилось недолго. Сижу там, дожидаюсь японку, что работает в китайской прачечной, негромкий стук, и я открываю дверь нагишом, с сухостоем, это был верхний этаж, подниматься сами понимаете тяжело на всей лестничной площадке никого. «Ого!» – говорит она ощупывая его до самых моих устриц капля смазки выдавилась наружу и поймала луч дымного заката на розовых обоях я сидел там нагишом и думал о том что мы будем делать в кресле-качалке качается вовсю она умела скинуть свое тряпье быстрее чем способен раскумариться джанки когда его кровь в порядке короче мы раскачались и унеслись в закат на том берегу реки перед самым стартом знакомый стук в дверь и я выпустил заряд такого страха какого не чувствовал отродясь в дверях ее взбешенный младший братец в полицейской форме подглядывал в замочную скважину и изучал пчелок да птичек в те времена я был той еще пчелкой пригожим пареньком с полным комплектом зубов а она знала все сексуальные токи гусыня для кожи неизменно входила когда ваши яйца напряжены и

болят рыжеволосый мальчишка дымный розовый закат голое колено трется о сальные розовые обои он был нагишом с сухостоем дожидался мексиканку из “Марти” жемчужина смазки медленно выдавилась наружу и засверкала на кончике его члена. Послышался негромкий стук в дверь. Он поднялся с помятой постели и открыл. На пороге, улыбаясь, стоял братец девушки. Рыжеволосый мальчишка издал слабый сдавленный звук, кровь прилила к его лицу, начав стучать и звенеть в ушах. Юное лицо там, на лестничной площадке, почернело по краям. Рыжеволосый мальчишка обмяк и прислонился к дверному косяку. Он пришел в себя на кровати, над ним стоял мексиканец...

– Ну что, лучше? Сестренка прийти не сможет.

Мексиканец расстегнул рубашку. Ухмыляясь, он сбросил сандалии, спустил брюки и трусы, и его член толчками встал почти вертикально, Мексиканец трижды резко поднял палец, и вместе с пальцем поднялся член, яйца напряглись, лобковые волосы поблескивали чернотой, он сел на кровать.

- Вазелин?

Рыжеволосый мальчишка показал пальцем на ночной столик. Он лежал на кровати, глубоко дыша и согнув ноги в коленях. Мексиканец достал из ящика баночку вазелина. Он встал на кровати на колени, подсунул руки под веснушчатые колени мальчишки и подтянул их к своим дрожащим красным ушам. Медленными круговыми толчками он натер вазелином прямую кишку. Рыжеволосый мальчишка глотнул воздуха, и его прямая кишка раскрылась. Мексиканец ввел свой член. Два мальчика сплелись в объятиях, дыша в легкие друг друга. Когда девушка ушла, я направился в “Мартин”, где встретил того Джонсона, у которого есть недовольный бывший шофер, на карте указано место, где меня ждет бриллиантовое колье – стенной сейф за голубым периодом. А может и Пикассо на Рембрандте дабы остыть вот так я и сидел в Тёрнере закат на японке и занимался своим простым ремеслом яростно и упорно. Мэри держала проводника наготове взгляд у нее был тяжелый и холодный как полицейский визит по поводу пчелок да птичек. Никто не думал об этом вызове холодного агента наружного наблюдения. Помню, на нее набросился Джон Гражданин. Джонни Закон попросту оказался поблизости от волшебной лавки на Уэстборн-гроув. Чуете эти условия праха? Замечаю прежний стук. Шлак помер. Вот и на этот заграничный пригород опустилось затемнение...

– Осторожней со стариком. вроде как специальный представитель, держит в машине пистолет.

Музыка, замирающая в ночи Восточного Сент-Луиса, разбросанный хлам с голубой взорвавшейся звезды, печальный слуга – чиновник внутренней службы, рубаха, развевающаяся на ветру, на том конце площадки для гольфа, серебристо-черное небо прерванного фильма, ненадежные улицы вчерашнего дня, вновь появившиеся из теней, мальчишка уже осязаем, я мог бы и дотронуться, сами знаете – почти, мы оба пользуемся блестящим медным тазом в голубой комнате на чердаке, вот и вернулся Джонни. Кто же еще положил вам на плечо неторопливую холодную

руку, рубаха развевается, тени на стене, давние выцветшие улицы, далекое поднебесье.

Он проснулся в своей комнате на рассвете с кухни испанские голоса потянулся выгнул тело глядя вниз похлопав сам себя он встал с кровати нагишом фаллическая тень на далекой стене поднял свои красные боксерские трусы одна рука в промежности: «Entra!» [140] Он стоял, глядя в окно – развевающееся белье, – было воскресенье поднял свою рубаху поношенные серые фланелевые брюки потрескавшиеся черные башмаки в порту гудел пароход кофе с хлебом на кухне вниз по лестнице мимо белья на балконах снял замок с велосипеда. Пако ждал его, сидя на велосипеде у проволочных ворот жилого массива и курил сигарету.

–Que tal, Henrique? [141]

КиКи взял у него сигарету.

–Vamanos para arriba a la punto[142].

– Bueno.

Они поехали вдоль волнолома. Дорога была почти безлюдна – несколько рыболовов. Они миновали идущего пешком молодого человека – рыжие волосы, un ingles[143], – молодой человек обернулся и принялся смотреть, как они едут мимо...

– Yo pienso que es maricon, Paco. Quieres follarle? [144]

– Porque no.

Они сделали широкий разворот и остановились перед рыжеволосым мальчишкой.

– Que hora es, senor?

– Son las diez. [145]

Он угостил их английскими сигаретами. Двое мальчишек сидели на своих велосипедах и курили. Пако принялся почесывать промежность, постепенно тем же занялся Кики. Мальчишка переводил взгляд с одного на другого и облизывал губы, заливаясь краской...

– Muy caliente, senor[146]... очень жарко, мы с другом... Мы вас ебать?

– Pero donde?

– Sabemos un lugar. Suba. [147]

Он показал на руль велосипеда. Мальчишка сел, почувствовав ягодицами холодную сталь. Пока они ехали на место, Кики сжимал его локтями...

– Aqui[148]...

Они свернули с дороги и спрятали велосипеды в кустах.

– Por aqui.

Средь зарослей в известняковом склоне была пещера, вход прикрыт кустами, внутри – запах ржавого известняка, рисунки, нацарапанные на стене.

– Muchos han follado aqui. – Пако показал на рисунки. Кики снял башмаки, расстегнул рубаху и снял брюки...

– Paco vayate a vigilar.

– Nadie pasa por aqui[149].

Пако подошел к выходу из пещеры. Он вынул из брючного кармана сигарету и остановился, глядя на море. Наклонившись вперед, Кики спустил трусы. Бросив трусы на брюки и рубашку, он выпрямился. Второй мальчишка был уже голый, в одних носках. Кики положил руки на плечи мальчишки.

– Vuelvate[150]. – Развернул его, руки на плечах, тени листьев на ветру над их телами. – Aganchente.

Мальчишка нагнулся, уперев руки в колени. На ягодицах мальчишки виднелся красный отпечаток от велосипедного руля. Кики помассировал отпечаток. Широко расставив ноги, Кики поплевал на ладони, смазал и раздвинул ягодицы мальчишки, обхватил руками бедра мальчишки, тени сливались и переплетались на далекой стене два тела погибали дрожа и задыхаясь. Повернув голову, Пако стоял у входа в пещеру, смотрел и почесывал промежность.

– Hole! – воскликнул он, когда из тела мальчишки хлынул резкий запах спермы. Издав звук, напоминающий хлопок выбитой пробки, Кики отошел назад.

– Hasta aqui, Kiki. – Пако показал мыском ботинка. – Dos metros al menos[151].

КиКи достал из брючного кармана носовой платок. Он подошел к выходу из пещеры и вытерся, рубаха развевалась на ветру.

– Yo ahora, – сказал Пако.

Мальчишка прислонился к стене.

– Espera un ratito[152].

Он достал из кармана рубашки английские сигареты, Кики уже оделся, ветер уносил из пещеры сигаретный дым, мальчишка переминался с ноги на ногу, чувствуя их взгляды на своем обнаженном теле, дожидаясь.

Пако трижды резко поднял палец и разделся. Он сзади обхватил плечи мальчишки, работая телом, как насосом, в оргазме Пако придержал мальчишку, чтобы не дать ему упасть.

Потом он дал ему денег на кино, они оставили его возле гостиницы, на волноломе, и поехали прочь вдоль сланцевого берега, послеполуденный ветер разносил мальчишеские голоса.

– Пако!

– Хозелито!

– Энрике!

“La Mamba Negra”

con Paco, Joselito, Henrique

a las 4 de la tarde[153].

Вы член союза? Киносоюза, 4 часа пополудни? В воскресный полдень Жан проснулся со страшной мигренью. Недвусмысленно дав ему почувствовать свое присутствие, я направил его в Фармацею и вложил ему в глотку слова:

– Диосан comprimidos.

– Si, senor.

Четыре таблетки кодеина с кофе одолели головную боль. Я посоветовал ему оставаться дома и ни с кем не видеться. Он читал английский детективный роман, убийцей оказался викарий, если мне память не изменяет, здоровенный кроткий священник-подхалим с прекрасным маникюром. Четыре часа пополудни, начинается сеанс, остывший кофе, сидел именно там, где сейчас сидишь ты, пробирка таблеток кодеина, неубранная постель, осадок томатного сока на стенках стакана, каждый предмет в комнате говорил: «Безысходность», так я узнал, что D. (то есть Dead, Мертвец) Белый из Американского бюро по борьбе с наркотиками пришел заплатить взносы этот бесцветный незапах смерти дышится с трудом когда в комнате Белый мрачный как окурок в холодной яичнице там на тарелке реальный как домовладелица требующая плату за квартиру.

– Вы расплатитесь сегодня?

– Да, мистер Белый, я расплачусь сегодня.

Длинный Джон поставил "Летучего голландца" и протянул мне наушники.

Музыка лилась уже ежесекундно, победа или слово, точно рассчитанная поверхность: «Разрушение 23, громко и отчетливо...

Ветер! Ветер! Ветер!»

Он уже четко вырисовывается: лысина, голубые глаза, застигнутые ураганным ветром, его лицо почернело от ненависти и злобы, на страницу упала черная тень я встал и подхватил мальчишку чтобы не дать ему упасть там на стене – черная тень.

– Moka! Moka! Moka![154] – вскричал мальчишка.

– Отойдите, господин Лаблан, – сказал я ему.

Я уже добрался т у д а, карандашный пистолет наготове, тень вильнула в сторону и ринулась вниз. Я двинулся назад, сквозь воронку фотолиц, серые рассветные ступени ветер и пыль далеких двадцатых тень вновь метнулась на стену... б а м! н и к о г о н е т, лишь маленькая дырочка в оштукатуренной стене носится белая пыль послеполуденное солнце выполняю свою работу и ухожу.

Похоже на дверь, это последняя картина волнолом, темнеет, мальчишка там? Он дотронулся до своих гениталий, назад вдоль руки, матросский рундучок, щелканье далеких каблуков, назад вдоль сланцевого берега, прохладное воскресенье, тишина, последняя картина, мальчишка там, на волноломе, он дотронулся до своих гениталий, назад вдоль рук, там холодное море, рундучок, щелканье, далекие каблуки, назад, мальчишка там? комната далеко голая фаллическая тень прохладное воскресенье на далекой стене был я над холодной затхлой комнатой нависло затемнение зеленая плесень на моей одежде арабский домик этот заграничный пригород бреюсь на кухне запахи того Джона который один дырочка в полу грязная посуда окурок

– Кто это пришел? Дай ему денег. Прогони его прочь.

Скорей наверх, в мою мастерскую, запах керосина, серая облупившаяся штукатурка стен, дом п о с т а р е л, пока ты ждешь, короче, я заглатываю местный наркотик под названием хушума, разве без него здесь проживешь, и вызываю всех своих печальных капитанов с Дороги Оборванцев, уже выстроившихся для последнего парада.

– О Господи, еще один нищий пришел.

– Этот человек явился снять показания счетчика, Джон, а тебе известно, что это значит в шоу-бизнесе.

– Короче, он принимается шептать: «Высокая пошлина... огромная армия полностью разгромлена». Это равнодушная публика, док. Нас вызывают в суд.

– Это вызов в федеральный суд, не нравится мне это, могли бы наладить торговые отношения между штатами, наша реклама средства против запаха изо рта оскверняет канонаду хорошего вкуса, народ опасается есть в страхе перед дурным запахом изо рта и ширяется нашим “хлорифаем” – центровая вена зеленая мысль в зеленой тени пахнет как летняя площадка для гольфа американский дом на улице дождь... Что здесь плохого?

– Запах достигает Калифорнии, док, Вход Стояка, 23.

«Ах, Господи, как же от вас воняет, если вы не примете вовремя свои “зеленые колеса”!.. Ширялись когда-нибудь “белым малышом”?.. чистая жидкая мораль из благопристойных южных дистилляторов, сэр, заставляет вас всегда быть п р а в ы м, в конце концов все эти люди в Хиросиме о ш и б а л и с ь... д о б р о п о р я д о ч н ы е

л ю д и покупают “белые Брэдли”... разбросанный джанк Брэдли со взорвавшейся звезды... Нелегко отказаться от “белых”, малыш поубивал там кучу народу, мятые тряпичные тела, выцветшие улицы погружаются в белизну...

Ну, а кое-кому по нраву “синие”... голубая дымка, шиферная крыша, тысячедолларовые банкноты, шуршащие на полу... Симон aimes tu le bruit des pas sur les feuilles mortes[155], застывших в синей пачке банкнот? Некоторые – желтые, они сидят на солнце, точно обходительный зловредный мандарин, кардинал питается фильмами пыток – единственная пища в этой деревеньке, янтарный жезл в его дряхлых пожелтевших руках...

Схватил Бегущего Кардинала двумя пролетами ниже. Старый Калека погиб там в цвете».

Кое-кто становится лиловым, помнишь «Лиловых людоедов» в комнате 25? Пансион миссис Мёрфи, здание из красного кирпича на углу переулка, кстати, красный – приятный цвет, силачи плакали, когда нам пришлось откачивать свинец, пес вытирал ему лицо красным шелковым платком, мальчишка дрочит в... А этому Фермеру Бурому н а п л е в а т ь на то, что он воняет, получая удовольствие от своего глинисто-торфяного болота, – старый, видавший виды сортир...

Так что выбирай себе цвет, чувак. Все это – джанк. Разбросанный джанк Брэдли со взорвавшейся звезды. Пансион миссис Мёрфи, помню, ездил я с Розой Пантопон, развеселая была бабенка, комната с розовыми обоями, вопила она сексуально, третий день ломок, и, Господи, по всему телу у нее пошла лиловая сыпь, покрытая слизью, а я и говорю: «Похоже, это лиловый людоед в коксовой горячке, я пырнул ее ножом 23 раза, сеньоры, а вы бы?» – всего лишь старый циркач из пансиона миссис Мёрфи, меня прозвали “Старым Цветным”. «Верните цвет, что вы украли», ему оставили совсем немного, цвет блекнет в воронке репродуцированных лиц, в холодном весеннем воздухе – бесцветный вопрос: «Мальчишка там?» Ваш маленький худой мальчишка худеет, в голове у него застрял голос... Американский дом, летняя площадка для гольфа, ждущая дождя...

– “Летняя площадка для Гольфа”, ждущая “Дождя”... Входите, пожалуйста...

«Линия зашла в тупик боковой улицы, ну и местечко для посадки на увечном корабле, паровозный гудок перенес изувеченного мальчишку к далекому окну, я почти ничего не мог там поделать, сами понимаете, “Искр” т а м н е т, так что запомните эти убогие кварталы, мистер... ваш старый друг, комната над цветочной лавкой, запах молодых ночей, грустные старые газеты я ношу с собой, помните “Газетчика”?.. солнечный холод на худом мальчишке с веснушками, вы же давно меня знаете, мистер, оставьте денег на сигареты».

дымные лица.

неторопливые серые киноосадки и погребальные урны Голливуда. Никогда не изучаете? Проводник щелчком пропустил его через бесшумный турникет в кабинку из голубого стекла и зеркал, где каждая панель помещена была с переменными

интервалами синхронизирована с секс-ритмом клиента, со всех сторон – зеркала или стеклянная стена в соседнюю камеру, а расположение было тщательно перетасованным и очень хитроумным... А Джонни Проводник сказал: «Первый пункт нашего голубого контракта известен как испытание, которому должны подвергнуться обе стороны... мы зовем его испытательным сроком, ну разве не остроумно?»

Проводник надел шлем с выпуклыми объективами и антеннами оранжевого неонового мерцания, пахнущими крыльями летучей мыши: «Джонни, спусти брюки. Джонни, возбуди член». Он поднял согнутую в локте руку и вплыл внутрь, чтобы снять эрекцию Джонни крупным планом: замедленная съемка и ускоренная съемка в мерцающих гласных цветах: Я Красный/Ю Зеленый/Е Белый/О Синий/А Черный/ «Нагнись, Джонни». Экзаменатор всплывает вверх, оттолкнувшись от пола, плывет вниз сквозь тяжелую воду, оттолкнувшись от потолка, снимает из унитаза, из английских бань – подводные съемки гениталий и лобковых волос в теплой спермовой воде. Объективы лижут его тело фосфоресцирующими мотыльками, бьющий сквозь ректальные волосы оранжевый свет окружает его член мерцающим сиянием. Во сне, голые панамские ночи, камера пульсирует в синей тишине и запахах озона, временами кабинка открывается со всех сторон в лиловое пространство. Рентгеновские снимки внутренних органов, его тело – прозрачная голубая рыба.

– Это и есть испытание, как мы его называем, просматриваются все ваши процессы. Вы никак не можете нас обмануть, а теперь ваше право испытать меня.

Ли надел фотообъективы, растаявшие в голове, и увидел проводника, уже белокурого, с карими глазами, стройного и наклонившегося вперед. Он переместился внутрь, чтобы сбоку запечатлеть мальчишку крупным планом, и снял рубашку, затем спустил штаны, замедленными автожирами покружил над лесочком лобковых волос, установил прямую наводку на первые признаки распухания и устремился из твердеющей кровавой трубки к лицу мальчишки, неоновыми хоботками высасывая глаза, вылизывая яйца и прямую кишку. Объективы и антенны скрываются в дыму, а из серой пыли и погребальных урн всплывают неторопливые уличные взгляды. а во сне – голые голубые порнофильмы, замедленный темп. Пульсирующие снимки синей тишины, гениталии и лобковые волосы в ректальной слизи и карболовом мыле. мерцание над поблекшими, тысячу раз прокрученными лицами, слышимость, запах сквозь них, будто: «Джонни, возбуди член». Замедление у статуй с кататонической эрекцией, медленное падение сквозь Красный, Зеленый, Черный цвета. Сенсационный разворот: ягодицы крупным планом. ощущаемые на теле Джонни, медленное выплывание из жарких панамских ночей, проводник голубой кабинки обладал прозрачной жопой. Они щелчком вошли через унитаз и ванную со стенами из голубого стекла, теплый мыльный запах спермовой воды. Так ощущал мальчишка неоновые пальцы на сексуальных местах, дыша сквозь губчатую каменнопенисную плоть и бурые кишечные джунгли, кишащие плотоядными ползучими растениями и обезумевшими паразитами округи...

Нагишом в панамской ночи, ректальная слизь и карболовое мыло. Голубой экран, проводник надел объективы. Светлые панели тени расплавили его голову со всех сторон в синие бесшумные крылья над часами акта дефекации, запах сквозь них – будто они прозрачные.

– Испытание сенсационным разворотом, как мы его называем. Тело Джонни никак не может нас обмануть. Прибыл в жаркие панамские ночи, чтобы испытать меня.

Щелчком в его голову из голубого стекла. Крупным планом неоновые пальцы над следами шрамов, изучающие приборные панели, делающие записи на прозрачной плоти настоящего времени. Это происходит именно сейчас. Неторопливый палец двадцатых годов на лампе “кобра”, мерцающие кинотени в синей пустоте, нажимающий палец вращает клинообразный цилиндр, глаз-объектив выпил сперму мальчишки в желтом свете.

– Ну, ми-истер, мы перепихнуться, ты да я моя резать, – Две кинодорожки пронеслись по экрану восприятия, один кинокадр на другом, вырезанном во тьме до обратного кадра: «Моя кончать с дерьмом Джонни... Плиходи сквозь Джонни...» слышу прямые кишки, сливающиеся в толчках и оргазме совместных процессов. и пульсацию входа и выхода их общего тела на неторопливых жабрах сна голыми Панамскими ночами, тела, опирающегося на умывальник на рассветных ломках Восточного Сент-Луиса. запах карболового мыла и ректальной слизи, и эхо паровозного гудка в синей тишине, и моча через мой член, «ты-да-я-да-мы-с-тобой-ебаться-в-жопу-все-одно-время-четыре-глаза». фантомное расщепление, грубое и грозное. Ныне каждый Гражданин может выращивать в своем биде сексуальные виды: в ночи Талары почувствовал его сухостой на своих армейских брюках, когда мы задвигали засовы, и я разозлил чужого датского дога под обнаженными телами Швеции. теплый спермовый запах, комната из голубого стекла нанизанного на световые нити спермы и дерьма общие пища и отрыжка смещение яиц и сокращения прямой кишки перепихивание на все лады.

«Была не была, Джонни. Мы перепихнуться, уже первый сеанс»: в синей тишине увидел тех двоих, один кадр вырезан: Синий. Каждый встречный образ обходит второе эрекционно-отъебанное “я”, и приходит другой – оба дерьмо.

«Мы перепихнуться, ты-да-я-кинодорожки сквозь ректальную слизь и карболовое мыло. Вырезать светлые панели тени». – Синие бесшумные крылья летучей мыши над прямыми кишками, сливающимися в прозрачной эрекции, горячее дерьмо и весь процесс совместно.

«Тело Джонни никак не может нас обмануть в другом теле. Долгая ночь, чтобы испытать меня». – Болезненный рассветный запах карболового мыла, крупным планом палец на всех членах.

«Я да мы-с-тобой ебаться, слепые неоновые пальцы, фантомное расщепление мальчишеских следов, колдовской пульт настоящего времени».

Слабоумные зеленые мальчики набросились на Джонни, точно древесные лягушки, присосавшись к его груди лапками-хоботками, губчатые жабры и красный грибовидный пенис пульсировали в ритме сексуальных волн из глаз Джонни. теплый спермовый запах лампы и кинофильмы нанизанные на миллион пальцев общие пища и отрыжка и глаз-объектив выпил сперму. сокращение ректального полета: «Была не

была, Джонни. Один полет вырезан». Экран: другая прямая кишка голая в панамской ночи.

Призрак Панамы прилип к нашим гортаням, кашляющим и харкающим на самостоятельные судороги, фосфоресцирующее дыхание замирает в разреженном воздухе... больная плоть, нанизанная на миллион пальцев, общие пища и отрыжка... здесь уже ничего нет, только кружащая словесная пыль... мертвая почтовая открытка падает в пространство между мирами... эта дорога, в этом резком запахе мертвечины...

Мы медленно повернули к черным лагунам, увитым цветами платформам и гондолам... ненадежный кристаллический город, переливающийся всеми цветами радуги на рассветном ветру... (Подростки извергают семя над приливными равнинами.)

Голубым ветреным утром мастурбировало грязное идиотское тело из холодной шрамовой ткани... крепко сжимая кататоническими известняковыми руками свою страсть... друг любой мальчишеской структуры, отхваченной одним из видов моллюсков... собрались уличные зеленые мальчишки... замедленные бронзовые улыбки из страны лугов, где нет памяти... дерзкие, легкомысленные маленькие призраки юношеских спазм... металлические экскременты и темные кристаллические закоулки рыбьего города... в лиловом сумраке рассыпалась наша одежда, бесформенная груда белья на обсидиановых полах... Панама прилипла к нашим телам...

– Пойдете со мной, ми-истер?

Зеленые мальчики-таксисты едут до самого конца любым маршрутом...

Зеленые мальчики... невменяемые идиоты... валяются в теплом иле дельты, ебутся в разноцветных вспышках сквозь зеленую студенистую плоть, которая дрожит, сходясь и расходясь в священном танце красок. «Забористые нотки до самого конца, мы все – одна прозрачная зеленая субстанция, вроде мягкого янтаря, меняющего цвет и консистенцию, чтобы приноравливаться к любым условиям».

– Это гиблое место, ми-истер. Вы что, с ума сошли, разве можно разгуливать здесь в одиночку! Куда вы идете?

Проводник: бесстрастная маска, сметаемая разноцветными ветрами, светится зеленым, красным, белым, синим. уши-антенны из упругого металлического хряща потрескивают голубыми искровыми сигналами, оставляющими запах озона в блестящих черных лобковых волосах, которые растут на розовом черепе проводника. кровь и нервы – крепкий нож мясника, все его тело сочло бы ниже своего достоинства носить оружие. а внутри был он и еще кое-что. лицо рассекали образно-зенитные бесстрастные глаза юного пилота, скользившие за лучами света, пульсировавшие в голове.

– Перепихнуться, Джонни? В жопу?

С помощью электрического покалывания в позвоночнике и половых волос он повел Карла через щелкающие калитки и турникеты, эскалаторы и фуникулеры на синхронизированном ходу. скользил бесстрастный взгляд юного пилота. синяя тишина перетасовала Карла в железную кабинку с выкрашенными в голубой цвет стенами, на полу соломенный матрас, медный чайный поднос, трубки для гашиша и банки с фосфоресцирующей зеленой сексуальной массой. стена над матрасом – двустороннее зеркало, противоположная стеклянная стена, выходящая на соседнюю кабинку, и так далее, половые акты в голубой дали. Проводник показал на зеркало:

– Мы хорошо ебаться, Джонни. Уже в эфире. – Он натирал жопу Джонни сексуальной массой, забористо касаясь белых нервов и жемчужных гениталий... губы и язык Карла набухли кровью, и лицо его сделалось фосфоресцирующим, пенисно-лиловым... медленно проникающие внутрь трубы плоти перекачали его тело в пульсирующую сферу из голубого желе, плававшую над погребенными в известняке скелетами. Кабинки сместились... Карл перетек обратно сквозь проводника и плавно приземлился при перетасовке кабинок: ебущиеся тени сквозь потолки из ног и половых волос, черные спирали фантомных задних проходов, извивающиеся, как канзасский циклон.

- Пойдете со мной, ми-истер?

Зеленый мальчик-ящерица с замедленной идиотской улыбкой позирует на берегу стоячей речушки, под железнодорожным мостом. В его глазах мерцает спящая тоска по мертвечине, одна рука расслабленно покоится на заплесневелом кожаном суспензории. Голый черный мальчик, насмешливо жестикулируя, непристойно ходит по кругу с засаленной ермолкой.

Американские туристы смущенно переминаются с ноги на ногу. Им не терпится понять туземные обычаи, но это, похоже, уже перебор. Розовощекий человек откашливается и поспешно отворачивается, когда мальчик-ящерица одним неторопливым пальцем скребет по суспензорию.

– Сколько мы должны дать?

– Да, этого хватит.

– Хорошо бы найти какой-нибудь город... приличную гостиницу... Маме нехорошо.

Туристы нерешительно дрейфуют прочь, ворча:

– Не могу понять, почему в аэропорту нас не встретил представитель “Американ-экспресс”.

Рыжеволосый американский мальчишка по имени Джерри отделился от группы туристов, подошел к зеленому мальчику и спросил:

– Вар сильвин венд?

Зеленый мальчик улыбнулся и погладил свой выпирающий суспензорий.

– Что ты хотеть, Джонни? – спросил черный мальчик. – Моя говорить хороший английский, работать американский база, знаете, ми-истеры? – Он провел рукой по промежности и выпихнул наружу эрекцию. – Ми-истер, меликанские хуесосы... Что ты хотеть, Джонни? Черный плодик?

Джерри зарделся и кивнул. Черный мальчик отвернулся и что-то сказал зеленому мальчику. Зеленый мальчик стоял и молча улыбался.

– Он изрядно долго думать... много думать не нужно... турист изрядно платить – просто его смотреть... Деньги иметь, Джонни? Десять американский доллар, он сбросить кожу.

Джерри достал из бумажника десять долларов и дал их черному мальчику. Черный мальчик помахал купюрой перед кожаным суспензорием:

– Он это понимать.

Очень медленно зеленый мальчик расстегнул сбоку крючки своего суспензория и снял его. Его член вскочил, пульсируя, медленно выдавилась капля розовой жидкости...

– Он пихаться десять часов, брюшко медленное, брюшко хорошее... Ты хотеть черный плодик? Стоить пятьдесят доллар – за ты, он, я и одна милая девчушка...

– Годится.

– Ты показать деньги.

Джерри достал пятидесятидолларовый банкнот... мальчик промямлил:

– Пятидесятидолларовый банкнот, а потом... идем, Джонни.

Они направились вдоль железной дороги, которая заросла сорной травой. Мальчик-ящерица передвигался на четвереньках, хватаясь за ржавые рельсы. Железная дорога была проложена по известняковому горному кряжу, со всех сторон, до самого неба, окруженному стоячими речушками и болотами. Черный мальчик показал на гряду фосфоресцирующих облаков на западном горизонте:

– Фосфорная буря... изрядно плохо... жечь меликанских туристов!..

Он сделал робкое круговое движение черной рукой. Мальчишка провел рукой по лицу и с беспомощно-глуповатым видом огляделся:

– Мама, что это? Прежде чем проснуться, он поджарил картошку... patatas fritas[156]...

Они спустились по известняковым ступеням и по тропинке, идущей вдоль речушки, направились к мосту, который вел на маленький островок. Джерри увидел несколько крытых соломой хижин. В центре островка стоял небольшой павильон, открытый с одной стороны. Пол был выстлан известняком, и на нем стоял ряд сидений с отверстиями посередине – вроде туалетных стульчаков – одно против

другого. Сиденья были гладко отполированными и пожелтевшими от частого использования, а рядом находились углубления, проделанные напружинившимися ногами. К решетчатой перегородке была приставлена лестница из полированного дерева.

– Моя сейчас сходить за черный плодик и милая девчушка. – Он показал на зеленого мальчика: – Его сестра.

Джерри подошел и посмотрел на зеленую воду, зеленый мальчик – ящерица, деньга иметь, с замедленной идиотской улыбкой сбросит кожу, спящий Джонни стоить пятьдесят доллар за ты, черный плодик, островок, изрядно хороших спазм, расстегнул свой ми-истер, ну и что за ворчащие, медлительные люди-ящерицы, ну и что за тоска, что за голод у него в животе, так что идем, Джонни, на четвереньках.

– Идем Джонни, черный плодик готов.

На полу расстелены кожаные тюфяки, на большом листе – четыре фосфоресцирующих черных плода. Сестра мальчика – зеленая тень, сквозь ее тело ему была видна решетчатая перегородка.

Черный мальчик протянул ему кожаный суспензорий...

– Надень это, Джонни.

Джерри зарделся, бормоча “хорошо”, и начал расстегивать рубашку, чувствуя, как кровь приливает к промежности, ну и что, подумал он, скинул сандалии, спустил брюки и трусы, встал нагишом, все его тело заливалось краской.

Черный мальчик затолкнул пенис Джерри ему между ног и нежными насмешливыми пальцами приладил суспензорий.

– Теперь Джонни ебать кожу.

Они сели на тюфяки, и мальчик передал ему черный плод. Его тело болью пронзил сладкий гнилостный вкус.

– Теперь плодик скоро действовать. Ты увидеть.

Пара ящериц расстегнула свои суспензории, а черный мальчик расстегнул суспензорий Джерри. Они сели друг против друга на туалетные сиденья, сладкий гнилостный запах, мягкие клейкие пальцы ласкали изнутри его простату, булькая всеми грязными словами. Он дрожал мелкой дрожью, брыкался и хныкал, тело его покрылось гусиной кожей, горячее дерьмо и весь процесс, совместно почувствовали плод, его мягкие пальцы могли бы быть Огайо, по его телу дрожью пробежали грязные слова, разрушенный туалет, погожий денек, не к спеху, что ты хотелось, изрядно долго.

– Госсекретарь Разрушенного Туалета, черт побери, что ты пытаешься здесь продать, Фермер Бурый?

Когда они все вместе кончают, он отключается, сладкий и гнилостный этот их нервно-паралитический газ, Герти, утрачиваешь контроль над всеми физиологическими процессами, они толкали его вверх по лестнице, кто-то поцеловал петлю у него на шее, в глазах его вспыхнул серебристый свет, проводник знает ми-истеров в приличной гостинице, лижущих друг друга, поглаживая его известняки, расстегнул свой ми-истер, ну и что, подумал он, сбрасывая медлительных людей-ящериц, ну и что, подумал он, подбрасывая до самого неба тоску, знаю, ми-истер, Джонни вверх по лестнице...

Он лежал на полу павильона, попытался встать – парализован, шея, должно быть, сломана, попытался повернуть голову – вновь в глазах вспыхнул свет, ноющая боль в позвоночнике до самого паха, струи на животе...

Техник-сержант Брейди из Камуфляжа, в увольнении и в запретном районе, «Хотите милую девчушку, мистер?» – мальчишка стоит в одних красных трусах, худой рыжеволосый малыш с веснушками. От куска жопы Брейди бы не отказался, но в запретном районе надо быть начеку, здесь шлюхи-людоеды и черный плод... Брейди читал бюллетени, в ушах у него голос капитана... «Если вы все-таки выберетесь в запретный район, ребята, помните, что это другая планета, вы будете очень далеко от Коламбуса, штат Огайо».

Они шли по тропинке вдоль речушки, это мог бы быть Огайо, разве что дубы были не совсем дубами, хотя и хорошими копиями, на плечо мальчишки упал засохший лист, к тому же у них перепутаны времена года, на поверхность речушки хвастливо всплыл сомик, погожий денек, кусок жопы не к спеху, вдруг окажется «Лиловым людоедом», помни бюллетени, в ушах у него голос капитана... «Если она начнет становиться лиловой, ребята, и вытягиваться по бокам, хватайте штаны и уносите ноги, пока у вас есть, что прикрывать штанами».

Во всяком случае, он мог бы спасти свою задницу, помня, чтó за шоколад куплен в Италии, помня все войны, то есть чтó за фронт на этой войне, все старые военные фильмы, тех безумных гомиков из Камуфляжа, носящихся взад-вперед во вьетнамских нарядах в поисках куска жопы и вправду его получающих... Они сидят на скамейке, на берегу речушки. Брейди угощает малыша шоколадом, мальчишка размазывает его по лицу, дрыгает ногами и хихикает. Брейди видит, что у малыша сухостой, и обнимает малыша за плечи. Малыш снимает трусы, наклоняется, отбрасывает их ногой в прибрежную траву, заползает на колени Брейди и говорит: «Подрочите мне, мистер», – его шоколадное дыхание – в ухо Брейди, выгнул тело, когда кончил, струи на животе, улетучивающийся запах спермы в неподвижном дневном воздухе задает бесцветный вопрос... «Мальчишка там?»

Зеленый мальчик-ящерица на берегу стоячей речушки, у железной дороги, заросшей сорной травой. Он с замедленной улыбкой скребет свой заплесневелый кожаный суспензорий.

– Пойдете со мной, ми-истер?

улицы идиотского наслаждения юношеская память призрачный спазм медленное белье до пола под сильными смуглыми руками уличномальчишеские лица нефритовые флейты вскрывающие позвоночные центры... Наши головы раскалываются от зеленых вспышек. Его тело вылетело из позвоночника а сильные смуглые руки были моими...

– Я вроде медузы, ми-истер.

разжиженное месиво по твоему телу из розового меда, кристаллы голубого кокона заморозили личиночную плоть... уличные зеленые мальчишки с жестокими идиотскими улыбками, душистые жасминовые испражнения, лобковые волосы, которые пронзают больную плоть иглами наслаждения...

– Вам досталось нечто вроде медузы, ми-истер.

чистое зеленое лицо улыбка идиота смертельные спазмы запах медленного звериного возбуждения и растительного гниения окутал его янтарную плоть кистозную от ярких ящериц и жуков сладкие диарейные запахи юношеские сухостои разноцветной плоти дыхание сгнивших людей-крабов неизменное когда раскалывается яйцо и из сломанных позвоночников струится белый сок...

– Это гиблое место, ми-истер. Место последней ебли для Джонни, – вскрывающийся позвоночник...

у него изо рта повеяло угольным газом и душистыми фиалками... в дыхании мальчишки – плоть... Мальчишка спустил свои порыжевшие черные брюки тонкая плесневая пленка грязного белья на смуглой плоти в комнате с голубыми стенами гашиш и мятный чай одежда жесткая от масла на красном кафельном полу голый и строптивый уличный мальчишка чувства метались по комнате в поисках остатков выгоды... запах дождя на лошадиной плоти и пыль городов черная блевотина Панамы призрачная похоть школьных уборных...

– Пойдете со мной дрочить в 1929 году, мистер?

крепкие смуглые руки и его тело выскользнуло из позвоночника в желтом свете растительный переход на увлажненные земли жасминовые испражнения покрытые оболочкой, извилистое наслаждение лабиринт кишечных уличных мальчишек странный цвет в его глазах увидел все по-другому...

– К т о увидел все по-другому? Quien es[116]?

сухостой распространяет пряный запах по всему сортиру костные спазмы в кокаиновой жопе зеленые зеркала шевелящие плоть мальчишки когда раскалывается розовое яйцо клопиный запах розовых обоев...

– Я вроде зеленой ящерицы. Сладкий мальчик на берегу, ми-истер.

вкушающее грызущее лицо, прозрачное со всеми клоаками смерти черноплодовый оргазм душистая сладкая гниль на репродуцированной плоти растительное наслаждение мальчишки с треском вышибают позвоночник...

– Замедленный плод, а это – желе... один черный спазм в гиблом месте, ми-истер. – Мальчишка сбросил порыжевшую черную плоть и пыль городов, разогреваемая опийная настойка, черное заблеванное белье, желтая лихорадка Панамы, бараки, испаряющие запах дождя под железной крышей, заношенная одежда, металлически-угрюмые звериные глаза, волосяные блюда черного наслаждения, душистая цветочная плоть, сочащаяся запасной терминальной плотью, когда раскалывается розовое яйцо...

– Пихнуться напоследок пойдете со мной, ми-истер.

пожелтевшее панамское фото грязное белье под потолочным вентилятором похоть комнат с закрытыми ставнями... палатки облюбованные мастурбирующими мальчишками горное озеро утонувшее в облаках дрожащие вечера остатки выгоды над ночлежкой плоть голая строптивый улично-мальчишеский сортир городов плесневая пленка барачной спермы одежда тяжелая и жесткая в крапиве... Мальчишка отстучал свой позабытый код на розовых обоях,,. звучание вибрирующих ректальных труб, черная блевотина, пожелтевшая в выцветших Панамских брюках, хлопают флаги на послеполуденном ветру, барачный пар, дрожащие испражнения и запахи дождя, зеркало мастурбирующих предвечерий извергает влажные сны сквозь затхлую веймарскую юность, открыточные фиорды, мертвую радужную плоть...

Блок I. Белый: комната в северном отеле... летчики в увольнении... форма Люфтваффе... “люггеры” на гостиничных креслах... нестареющие молодые лица, захваченные сталью и нефтью... “ich will dick ins bauch fickeln”[157]... тающие голые, идентичные эрекции, задевающие светлые лобковые волосы.

Блок II. Черный: чернокожий исполнитель танцев Гнаовы, отстукивающий барабанные ритмы на диафрагме мальчишки, выворачивая и вращая мальчишку под бьющие б а р а б а н ы .

Блок III. Зеленый: вазелин на пальце... запахи нефти и металла... «немного облегчу тебе страдания»... свободным круговым движением втирает желе в буро-зеленую ректальную плоть – жопные волосы развеиваются над приливными равнинами.

Блок IV. Красный: рыжеволосый мальчишка... дымный розовый закат... комната с розовыми обоями... «была не была»... кровь звенела и стучала у него в глазах и ушах.

Блок V. Синий: оргазмы клубятся белым дымом в синем небе, изрезанном следами пара... Блоки перетасовываются: 21345. Блок II. Черный: руки, отстукивающие барабанные ритмы на его груди и диафрагме, склоненной над гостиничным креслом... Блок I. Белый: крепкие тела, напружинившиеся под воздействием образно-лучевой войны, прохладная дымка, плавающая в северной комнате, опускается вслед за рукой по спине, чтобы раздвинуть ягодицы... Блок III. Зеленый: Зеленый вертлявый палец в прямой кишке оборачивается усиком ползучего растения... зеленая военная форма на

кресле... Блок IV. Красный: капля жемчужного смазочного материала в розовом свете... железные столовые горы, освещенные розовым вулканом... «была не была», задыхающаяся в багровой дымке... Блок V. Синий: замирающие паровозные гудки, голубые ветры тишины, синее небо все синеет и синеет перед оглушительным лиловым громом... Блоки перетасовываются: 32145: «чтобы раздвинуть ягодицы, вам нужен Блок III.» Зеленый: он впихивает палец в прямую кишку, оборачивается нефтью и металлом... цветущая зеленая форма на буро-зеленой плоти… вздохи вместе с движением пальца: «немного облегчу тебе страдания. Нагнись...» Блок II. Черный: небрежно опирается о барабан... черное гостиничное кресло касается его живота... Блок I. Белый: молодые лица тают нагишом под воздействием образного луча, вновь превращаясь в раздвинутые ягодицы... снежный склон под северной рубахой... Блок IV. Красный: «Была не была» – рыжие волосы на ногах трутся о розовые обои, фантомные вихри мастурбации уносятся в снегу, пыли, дыму и засохших листьях, носится словесная пыль: «Я тебя отдрючу», «Нагнись», «Расслабь немного жопу», «Была не была», медленно стелющийся дым, палец в прямой кишке, старые фотографии поднимают неторопливый вихрь словесной пыли, мастурбирующие призрачные прямые кишки, море ног и половых волос изменяет спираль фантомов... «Да нагнись же ты», «Раздвинь», «Вдохни. Была не была», «Все» медленно открывает вход в прямую кишку... вихри света замедляются у статуй в заброшенном северном парке...

Это был дом из красного кирпича на утесе над рекой: желто-бурые обои, отстающие от штукатурки, куски штукатурки хрустят у меня под ногами, бурые пятна на потолке прихожей. Похоже, крыша и впрямь течет. Под лестницей я нахожу старую записную книжку-календарь, как видно, в основном заполненную подсчетами домашних расходов, там и сям практически неразборчивые упоминания о комнатах наверху, которые, как я понимаю, некогда сдавались. Тут мне приходит в голову, что наверху я еще не был. Я подхожу к лестнице и вспоминаю, что течет водопроводный кран. Быть может, надо проверить. Да, прокладка, которую я поставил, еще держится... (Он свой кран починил, а вы нет? Так или иначе, он старел.)... И вот вновь к лестнице, но тут мне приходит на ум, что сначала надо обследовать сад. В этот момент до меня доходит, что некая сила пытается помешать мне подняться наверх, и я решаю немедленно это сделать. Раздается стук в боковую дверь. Я спускаюсь по крутой деревянной лестнице и открываю. Там стоят три мальчика в старомодной одежде. Один из мальчиков выходит вперед и говорит:

– Пойдете со мной наверх, мистер? Другие двое стоят, обняв друг друга за плечи, хихикают и перешептываются.

– Я знаю все-все внизу, наверху, в подвале. Живу вон там. – Он жестом показал в сторону реки. – Скверный дом вы покупаете, мистер.

Я решил, что мальчишки помогут найти рабочих для отделки дома, и пригласил их войти. Они с хихиканьем поднялись за мной по деревянной лестнице в прихожую.

– Теперь мы идем наверх, мистер, – сказал мальчик, заговоривший первым. Другие двое остались в комнате, некогда служившей гостиной. Я начал подниматься по

лестнице, мальчик позади. Казалось, дом стареет – как будто я шел сквозь фантомные годы и затасканные воспоминания...

(«Эти ступени... Они меня в могилу сведут...» – Старого сыщика ножом пронзает воспоминание: «Господи! Вспомнил! Комната 18 на верхнем этаже...») Мы уже стояли в пыльном коридоре, ведущем к трем комнатам, которые, очевидно, являлись частью большого чердака. Комнаты были разделены перегородками и перекрыты сверху. Над ними находились стропила и крыша дома.

– Вот комната 18.

На двери напротив лестничной площадки был грубо намалеван черной краской номер “18”. Дверь была заперта. Я вынес связку ключей, которую мне дал агент по продаже недвижимости. Мальчик взял ее у меня из рук и открыл дверь. Окно было заколочено досками, комната – сырая и затхлая. На штукатурке клочьями висели розовые обои. Там стояла медная кровать, ржавые пружины протыкали матрас; черный платяной шкаф с зеркалом, с умывальника у окна краны были сняты, наружу торчали проржавевшие трубы. Я стоял перед зеркалом, пытаясь представить себе жильца, который обитал здесь в давние времена. Мальчик подошел и встал рядом. Могло показаться, что от его прикосновения я вздрогнул, как будто отсутствующий жилец положил мне на плечо неторопливую холодную руку...

– Парень, который здесь жил, был такой. – Мальчик подбоченился одной рукой и, семеня ногами, подошел к умывальнику. Он проделал пантомиму тщательного причесывания. Отвернувшись от умывальника, он подошел к чулану. – Повесил себя здесь. – Он открыл дверь в чулан. Потолок до чулана не доходил. Подняв голову, я увидел стропила. Мальчик высунул язык и свесил голову набок. Подняв согнутую в локте руку, он хохотнул... (сдавленный смешок в темной комнате, помните?)

– А другие комнаты?

– Идемте, мистер. Я вам покажу. Знаю этот дом... изрядно гиблое место. Увидите.

Он повел меня за собой по коридору.

– Это комната 23. – “23” красной краской. На первый взгляд номер 23 почти ничем не отличался от номера 18... клочья обоев с красно-зелеными узорами, которые подействовали на меня отталкивающе, белая эмаль на остове кровати облупилась, обнажая ржавое железо. Стена над кроватью обуглилась, и за черные кроватные пружины зацепились остатки обгоревшего матраса...

– Человек, который здесь жить, много нить. – Мальчик показал жестом. – Принимать пилюля. – Он проглотил пригоршню фантомных пилюль. – Однажды ночью загореться матрас. Он просыпаться, все сгорело внизу вот досюда. – Мальчик провел рукой чуть ниже пояса. – Это, – он коснулся своих гениталий, – сгорело. Ноги такие. – Он жестом показал на почерневшие пружины.

– Он сразу умер?

Мальчик покачал головой.

– Три дня кричать. Крик, когда он сначала проснуться, – я слыхать его там, внизу. – Он жестом показал в сторону реки. Мы стояли перед третьей дверью... “16” сепией.

– А что случилось с шестнадцатым? Мальчик бесстрастно взглянул на меня.

– Не знаю, сейчас увидим.

Из комнаты до меня донеслись голоса и смех.

– Да ведь там кто-то есть.

– Мои друзья.

– Что они делают?

Мальчик пожал плечами.

– Кажется, развлекаются друг с другом.

Он открыл дверь. Комната 16, похоже, была в куда лучшем состоянии, чем две предыдущие: голубые обои со сценами морских сражений, на окне – выцветшие желтые занавески. Умывальник с краном забрызган свежей мочой. Я обернулся и посмотрел на кровать. Два мальчика целовались там нагишом на странный звериный манер, оскалив зубы. Казалось, они не подозревают о нашем присутствии. Перед третьей дверью один из мальчиков помочился. Я обернулся и посмотрел на сепиевую кровать. Нагой мальчик коснулся своих гениталий, оскалив зубы...

– Они ушли, мои друзья.

Развлекаются перед третьим мальчиком. Один мальчик уже взобрался на другого, стоящего на четвереньках. Мальчики превратились в собак и принялись скулить, эти звуки зашевелились у меня в глотке... (неторопливый холодный шепот, а слова некогда были моими...) Мальчик дернул меня за рубашку:

– Раздевайтесь, мистер, а то не успеем. Осталось мало времени.

Он повесил свою рубашку на зеркало шкафа. Сбросив башмаки, он спустил брюки и трусы.

– У-у-у-у, мистер. – Он жестом изобразил самолет, круто взмывающий вверх. Я следил за его движениями и стоял там нагишом, но кто был этот “я”? Худой мальчишка был похож на меня. Печальный юный образ выходит из фильма, источая свежую росу... мальчишка осязаем, я мог бы дотронуться – почти...

– Пойдете со мной дрочить в кино двадцатых годов?

скулеж, оскаленные зубы, разбрызганные капли... в комнате пузырьки оранжевого света... издалека я разглядел мальчишек... худой мальчишка был похож на меня... сперма на матрасе... мальчишеский ремень... я мог бы дотронуться...

– Вы почти добрались. Пойдете со мной в кино. У-у-у-у, мистер, пузырьки света!

голубые обои плещутся вокруг босых ног, на полу арахисовая скорлупа... издалека – мальчишеский ремень... худой мальчишка одевается и бежит вниз по лестнице... здесь очень холодно и всегда темнее... мальчишки бегут к утесу... один мальчишка оборачивается и машет рукой в сторону дома... мальчишка, которым я был, с поднятой рукой… он умел спускаться с утеса...

– Осторожно! Берегись!

без языка, без глотки гляжу на выступ, который сейчас рухнет... мальчишка падает... кустарник и трава брызжут на его лицо росой... подножие утеса, подвернув под себя ногу, – мальчишка, которым я был и больше никогда не буду, все дальше и дальше, пятнышко белизны, казалось, впитавшее остатки света гибнущей звезды, и вдруг я потерял его... очень далеко... там было холодно, ну, а теперь будет темнее... мальчишки удаляются, убегая все дальше... утес... мальчишка... пятнышко проворной белизны, похоже, показавшее всем прочим, как свет покинул гибнущую звезду... у подножия утеса я потерял его... мальчишка падает... кустарник и трава... роса издалека брызжет на мой фильм... свет покинул потемневшую звезду... высокий голубой утес... я потерял его давным-давно... там умиравшего... свет погас... мой фильм кончается...

«Мне нужно Центральное Отопление! Секс в одежде, на улице американский дождь! Если вы, юнцы на площадке для гольфа, испоганите еще одну монтанскую ленту, уделите внимание детскому сексу на походных постельных принадлежностях – их запах достигает Калифорнии сквозь идиотский закат у Входа Стояка, 23! Могли бы стать такими же, каким стал я, послушайте... старый педик без солнечных лучей... Я – Режиссер... Вы же давно меня знаете... мистер, оставьте денег на сигареты...»

ГДЕ ТВОЕ МЕСТО

В беду я попал, когда они решили, что я наделен администраторскими способностями... Начинается все так: один здоровенный белобрысый бурильщик из Далласа берет меня из резерва рабочей силы на место мальчика-слуги в свое сборное бунгало с кондиционированием воздуха... С виду-то он крепкий, но как только мы обнажаемся вплоть до стадиончика с разметкой для игры в шарики у него под брюхом, он и давай орать благим матом: «Проеби меня до самого дерьма!..» Я дрючу его, как подлюгу, причем от души... Тут из Нью-Йорка приезжает один приятель, бурильщик, и говорит: «Вот парнишка, о котором я тебе рассказывал»... а его приятель жует свою сигару, внимательно оглядывает меня с ног до головы и говорит: «Что ты там делаешь с этими обезьянами? Почему бы тебе не перебраться сюда, в правление, где твое место?» – И он бросает на меня долгий и скользкий взгляд – приятель работает в телеграфном агентстве “Трак”... «Мы новости не сообщаем, мы их пишем». И не успел я и глазом моргнуть, как они уже втиснули меня в серый фланелевый костюм и послали в одно вашингтонское заведение учиться тому, как пишутся сообщения о событиях, которые еще не произошли... Чует мое сердце, это майянское дельце с машиной “IBM”, и я не хочу, чтобы меня застали врасплох в сером фланелевом костюме, когда поднимется шухер... Вот я и действую заодно с Подсознательным Малым, который является техником-сержантом и имеет особую манеру общаться. А он долго там стоит и жует табак – наша слабость... Чем ты там занимаешься?.. Бей, твою мать, сюда... Знаешь, что они имеют в виду, если, к примеру, берутся за дело?.. Расстегнутая рубаха, мнимые чувственные образы, вызывающие в памяти скользкие термины старого джаза – пятьдесят на пятьдесят... Расцелуй всю их мишень... сборные пункты в Дэнни Дивере... ныне они уже контролируют сральник всего мира... попросту вводят печальноглазых юношей, а машина их обработает... после чего – небеса Минро... всем их яйцам конец... Эти офицеры тараторят, входя в гомик-бар, даже не знают, на какие кнопки нажимать... («Бегаешь с этими обезьянами? Почему бы тебе не перебраться через лужайку?») И он ставит мне долгий и скользкий приличный средний балл, серый фланелевый костюм, и я – Дэнни Дивер в бабском наряде, пишущий: «сообщения готовы, сэр». Спрятанные мертвецы тараторят: «Это майянское дельце»... толстая сигара и длинная белая ночная рубашка... Неплатежный ответ прост, как Доклады Правления, фальсифицируемые тысячу лет... Сформулируй оправдания, а машина их обработает... Просроченная закладная действует тысячу лет, пережевывая один и тот же довод... Я, Секуин, усовершенствовал это искусство во времена династии Тан... Другими словами, машина “IBM” контролирует мысль, ощущение и м н и м ы е чувственные образы... подсознательная шалость... Эти офицеры даже не знают, на какие кнопки нажимать... Все, что вы вводите в машину на подсознательном уровне, машина обработает... Вот мы и вводим “демонтируй себя”, и полномочий хватает лишь на ответ: «Мистер Авторитетный в Ю-Йорке, Онолулу, Ариже, Име, Остоне... Могли бы стать такими же, каким стал я, послушайте...»

Мы собираем в кучу писателей всех времен и записываем радиопрограммы, кинофонограммы, песни с телевидения и музыкальных автоматов, все слова мира взбалтываются в бетономешалке и выливаются в сигнал сопротивления: «Вызываем партизан всех наций... Отрезать словесные линии... Сместить языковые понятия...

Освободить входы и выходы... Отрезонировать “туристов”... Гибнет слово... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату».

Вот меня и вызывает Окружной Инспектор и принимается донимать старой белой сентиментальщиной:

«Ну, чувак, что ты там делаешь с этими ниггерами и обезьянами? Почему бы тебе не образумиться и не начать поступать как белый человек?.. В конце концов, они всего лишь скоты... Да ты и сам это знаешь... Противно смотреть, как способный молодой человек забредает не на ту дорожку... Конечно, рано или поздно это случается с каждым из нас... Но ведь человек, который приступил к изобретению дерьмолы, двадцать пять лет назад сидел именно там, где сейчас сидишь ты, и я говорил ему то же самое... Ну что ж, он образумился, что намерен сделать и ты... Да, сэр, эта дерьмола в сочетании с обезьяньей диетой... Нам остается лишь нажать кнопку, и около сотни миллионов подонков смоет в канализацию с зеленой раковой мочой... Ведь это в а ж н о , верно?.. А любой, в ком течет кровь белого человека, хочет участвовать в чем-то важном... От своей крови не откажешься, чувак... Ты б е л ы й , б е л ы й , б е л ы й ... А от “Трака” не уйдешь... Идти попросту некуда».

Ничего более гнусного мне отродясь выслушивать не приходилось... любая девица от этого о своих калориях позабудет... Короче, я ухожу, и поднимается шухер...

УРАНСКИЙ УИЛЛИ

Уранский Уилли, Тяжелометаллический Малый, известный также как Уилли Крыса... Он научил уму-разуму лохов.

«Это война на истребление... Клетку за клеткой отвоевывайте экраны разума Земли... души, прогнившие от оргазменного наркотика... Плоть, дрожащую от Печей... пленники Земли, выходите... Штурмуйте студию».

Его план предусматривал тотальное разоблачение... Везде и всюду научить уму-разуму лохов, продемонстрировать им шарлатанский механизм... Взять штурмом Студию Реальности и вновь захватить Вселенную... План менялся и уточнялся по мере того, как поступали донесения от электрических патрулей, обнюхивавших и сотрясавших улицы земли... Пленка Реальности ослабевала и прогибалась, как перемычка под давлением... жженый металлический запах межпланетной войны на чувствительных полуденных улицах, простреливаемых стеклянными залпами вражеской зенитной артиллерии.

«Гибнет фото... Гибнет слово... Задействовать партизан всех наций... Привести в боевую готовность Оргазменно-Лучевые Установки... Готенберг, Швеция... Координаты: 8 2 7 6... Захватить Студию... Захватить Управленческие Книги... Захватить Карликов Смерти... Вышки, открыть огонь».

Пилот К9 поймал на экране грошовой аркады изображение синдикатного убийцы и держал его в поле зрения... И вот он оказался уже у него за спиной, в нем, стал им... Изображение распалось на части в фотовспышке тотального опознавания... на экране другое изображение... Держал в поле зрения... в голове запах горящего металла... «Пилот К9, вы отрезаны... Назад... Назад... Назад, пока весь этот ебучий сральник не взлетел на воздух... Немедленно возвращайтесь на базу... Возвращайтесь на базу по музыкальному лучу... Держитесь подальше от зенитного огня времени... Все пилоты, возвращайтесь на базу по флейтам Пана».

Оценить убытки было невозможно... Книги правления уничтожены... Личный состав противника истреблен... Сигнал тотального сопротивления на короткой волне Земли.

«Вызываем партизан всей нации... Сместить языковые понятия... Отрезать словесные линии... Отрезонировать “туристов”... Освободить входы и выходы... Гибнет фото... Гибнет слово... Ворваться в Серую Комнату».

Белая улица... полуденная телеграфная лента... вспыхивает призывный луч... полностью пожираемый крабом... Карл ворвался в серую комнату... магнитофон искажал луч одобрения... экраны щита управления: полностью пожираемый крабом… гибнет слово... На Белой улице вспыхивает ночной прибор... с высокой точностью воспроизводит район… гибнет крабовое слово... ворваться в серую комнату...

Преодолев кордон пыли, Карл вошел в серую комнату, битком набитую погребальными урнами, магнитофон искажал, неторопливая словесная пыль покрывала его тело, падая в пространство между мирами...

Пограничный город... полуденная телеграфная лента... гибнет слово... стружки электрикалов[II]... ворваться в серую комнату... гибнет фото... спуститься в настоящее время и там расследовать цель... далекий город – это Красная Столовая гора... песком по железу проносится битва… пожертвовать партизанами и мятежниками всех наций... азартная битва... атаковать с произвольными интервалами... расследовать цель... пожертвовать партизанами всех наций... открыть огонь по жреческому воплю о роде человеческом... он никогда не путается с Железными Клешнями... исследовать далекий город...

Садовые жрецы вопят:

– Die Джунгли и Цветы подпрыгивают, они не могут – город?

– Предметные связи!

– Химические сады в ржаво-дерьмовых народах!

– Город может стать и плодотворным стартовым барьером.

– Tengo, мы останавливать конусы стартового барьера!

– Soy Время! Tengo[158] связи!

Послеполуденная телеграфная лента телеграфирует азартных врагов города... он – пустота, изрезанная, как песчаные запруды... улицы с пламенеющими вратами... предметные связи пусты... пожертвовать партизанами... пожертвовать Железными Клешнями… связи отрезаны в голубых глазах свистящего жреца...

[II] Оружием вторжения является соответствующий переменный ток: да – нет, стой – иди, частотой в шестьдесят смен образно-звуковой дорожки в секунду. Вот простой пример: «Входи, выпей что-нибудь, друг», – дружелюбная улыбка, протянутая рука.
«Допивай свое пойло и убирайся, пидор гнойный», – злобное американское выражение лица, рука, указывающая на дверь.
Теперь чередуйте эти две образно-звуковые дорожки со скоростью шестьдесят чередований в секунду до тех пор, пока человек не заулыбается одной стороной затуманившегося лица, – частицы улыбки и злобы повиснут в воздухе пучками раскаленных добела проводов. Такие существа, получаемые из переменной образно-звуковой дорожки, известны как “электрикалы”.

ГОНГИ НАСИЛИЯ

Война полов расколола планету на два вооруженных лагеря – прямо посередине один от другого отделяет пограничная линия... И я видел все: полковников-лесбиянок в зеленой облегающей униформе, юных адъютантов и директивы относительно Сексуального Противника, поступающие из размножающихся ведомств.

На пограничной линии расположен рынок детей и спермы, представители полов встречаются, чтобы обмениваться основным товаром, известным как “собственность”... еще не рожденная собственность демонстрируется с помощью проектора времени. Когда на экране аукциона мелькает чистое юное лицо, обезумевшие гомики всех наций орут: «Куколка! Куколка! Куколка!» и разрывают друг друга в клочья леопардовыми когтями и разбитыми бутылками... шумовые эффекты табачного аукциона... Песчаными бурями проносятся мятежи, усеивающие рынок отрубленными конечностями и подпрыгивающими головами.

Как правило, биологические родители владельцами “собственности” не являются. Они действуют согласно приказам отсутствующих хозяев, расставляя указанные знаки препинания в уже написанном сценарии жизни... Между откупщиками собственности и сценаристами снуют легионы курьеров, посредников, советчиков, агентов, брокеров – лица, безумные от целеустремленности, ошибки и неразбериха всеобщи... К примеру, покупатель обладает первоклассной “собственностью” и отвратным, второразрядным сценарием жизни...

– А ну-ка, поебись с моим жизненным сценарием, дешевая низкопробная сука!

Любители чужого добра и времени повсеместно меняют временную позицию “собственности”...

– И оставил меня там без “запасной куртки” и “грейхаунда” – путешествовать не в чем, а моя “собственность” в Панаме 1910 года... Без моей “собственности” я даже не ощущаю себя человеком... Как я могу ощущать, лишившись пальцев?

“Собственность” может быть заброшена в будущее и продана в любом столетии... жизнь собственности, заброшенной вперед, мягко говоря, тяжела: в любое время дня и ночи вваливаются ядовитые вирусные агенты: «Мы всего лишь зашли навестить друзей, популяцию патрулей»... Чужаки из захолустья, размахивающие оплаченными заявками, агенты, разыскивающие пропажу, сборщики налогов, любители чужого добра: “Другая половина” собственности «принадлежит нам».

– Даже не знаю... Я здесь просто работаю... Техник-сержант.

– Вы не видели Незапирающийся Город?

Красные столовые горы, изрезанные ветрами времени... переплетение мостов, лестниц, подвесных лесов, канатных дорог, эскалаторов и чертовых колес, утопающее в синих глубинах... Случайные обитатели этого лишенного фантомной охраны места живут в железных кабинках. Непрерывное движение по рельсам, щелкают,

открываясь и закрываясь, ворота... жужжание, голубые искры и непрерывные аварии... (Целые площади и ярусы города погружаются в бездонную пустоту...) Поворотные балки конструкций и синие блики на спокойных, сосредоточенных лицах юных рабочих... Масса народу опускается в город в самодельных планерах и ракетах... С выцветших фиолетовых фотографий снижаются воздушные шары... По суше до города можно добраться по системе прорубленных в камне тропинок, висячих мостов и лестниц, хитроумно заминированных, карты неточны, проводники исчезают... (Мимо, сверкая бляхой, с криком проносится падающий бюрократ в синих очках: «Soy de la policia, senores... Tengo connectiones.» [159]) Гамаки, качели, балконы над пустотой... химические сады в ржавых корытах... С высоких джунглей на город опускаются цветы, семена и легкий туман... Песчаными бурями проносятся битвы, на железных улицах остаются изувеченные тела, головы, подпрыгивая, уносятся в пустоту, руки сжимают банкноты, оставшиеся после азартных битв... Жрецы вопят, призывая к человеческим жертвоприношениям, собирают партизан, чтобы приступить к неописуемым ритуалам, и в конце концов их уничтожает противодавление… Бдительные всех направлений вешают каждого, кого в состоянии одолеть... Рабочие набрасываются на прохожего с паяльными лампами и отбойными молотками... Они высовывают руки из люков и железными клешнями затаскивают прохожих вниз... Мятежники всех наций штурмуют город в шквале огнеметов и коктейлей Молотова... Часовые, расставленные повсюду на вышках, с произвольными интервалами открывают огонь по толпе... Полиция никогда не путается с настоящим временем, расследование, весьма удаленное от города, ведется только до или после события – полицейские врываются в первое попавшееся кафе и поливают посетителей пулеметным огнем... Город вибрирует от неугомонной целеустремленности, безумцы убивают сквозь стеклянные стены... Малейшее колебание – и появляются стаи мошенников, проводников, шлюх, попрошаек, сценаристов, посредников, курсирующих в поисках добычи и лязгающих зубами, как пробудившиеся акулы...

(Мимо со зловещим железным скрежетом проносится поезд подземки.)

Рынок охраняют Монгольские Лучники – прямо на срединной линии между сексуальными давлениями, – испускающие волну ненависти, которая во вспышке света дезинтегрирует нарушителей... Расставленные повсюду на стенах и вышках, в зависающих автожирах, эти страшные лучники снижают воздействующее на них давление, лишь уничтожая нарушителя... Взгляды экранированных глаз, трепеща, пробегают по городу, точно вынюхивающие нарушения электрические псы...

Напоминаю Правлению о неприятном случае с Черным Полем, который покупал детей с семенем многоножки... Когда обман раскрылся, весь выводок многоножек уже оказался на городских улицах и все обыватели вооружились огнеметами... Так вот, на примере дела Черного Поля видно, что происходит, когда полностью отсутствует чувство гражданской ответственности...

По причине Синтетики это являлось переходным периодом, и все разводили в своих биде ту или иную отвратительную жизненную форму для битвы с Сексуальным Противником... В результате получались не во всех отношениях разумные люди, но Синтетика постоянно сходила с конвейера, и мы получали кое-какие чертовски

интересные образцы в виде тяжелометаллических голубых уродцев с практически нулевым обменом веществ, которые срут раз в столетие, после чего возникают шлаковая куча и проблема удаления отходов в худшей своей разновидности, дельта сточных вод до разрисованных небес под оранжевыми газовыми вспышками, острова мусора, где зеленые мальчики-девочки ухаживают за человеческими головами в химических садах, терминальные города под металлическими словесными осадками, подобными холодному расплавленному припою на стенах и улицах, брызжущие слюной калеки с фосфоресцирующими металлическими протезами... Вот мы и решили, что тяжелометаллические голубые мальчики – не во всех отношениях приемлемый проект.

Я видел все... Даже объединение млекопитающих и растений, которые кормятся дерьмом друг друга в предопределенном симбиозе и достигли той стадии, когда одна группа срет только чистым углекислым газом, вдыхаемым другой, которая срет кислородом... Это единственный способ выжить... Сами понимаете, у них была высокоразвитая культура с жизненными формами от насекомых до растений, вьющихся стеблей, жгучих половых волос... В конце концов этот вопрос было поручено решить отделу “Такого-Не-Бывает”.

«Коли на то пошло, ретроактивная амнезия встречается и вне любого экрана разума в округе... Долго вы еще намерены выступать с этим старым затасканным номером? На улице выводок многоножки, странные существа, дремлющие в раковой опухоли, иерархические объединения, питающиеся дерьмом... Ну вот что, ради всех ваших придурковатых богов, хватит шляться с этим балаганом по свету, пора его закрывать».

Расставленные повсюду на уличных углах невменяемые идиоты выражают щебетаньем сверхзвуковое одобрение, произнося лозунги, хихикая, танцуя, мастурбируя в окнах, издавая звуки пулеметной стрельбы и полицейских свистков: «А ты, Мертвая Рука, вытягивающая Людей-Растений, выбирайся из этой навозной кучи... Мимо инспектора ты на своих старых мочковатых корнях не прошмыгнешь».

А невменяемые идиоты, расставленные повсюду, выкрикивают хором: «Химические сады в ржаво-дерьмовых народах!»

– Все из времени – в пространство! Навсегда выходите из слова-времени “the” – “это”. Навсегда выходите из слова-тела “thee” – “тебя”. Бояться нечего. В пространстве нет ничего. Нет слова “бояться”. Нет слова “в пространстве”[160].

А невменяемые идиоты орут: «Выходите из своего дурацкого тела, безымянные задницы!!»

А были и такие, кто думал, будто Эй Джей из-за идиотского поведения этой собственности потерял чувство собственного достоинства, но Он сказал:

– Такими я их и хочу видеть. Никаких побочных продуктов. Какая польза может быть от размышлений? Взгляните хотя бы туда – (еще один тяжелометадлический

мальчик провалился сквозь земную кору, и мы сделали несколько хороших снимков...) – одна из задумок Шефера. Я же предупреждал.

Его невменяемые идиоты щебетали, хихикали и спускали на него с маленьких качелей и, хватая зубами кусочки пищи с его тарелки, восклицали: «Голубые в непотребном состоянии! Обнаруживается типичный признак!»

– Все из времени – в пространство!

– Привет, я – некий Джонни, голый астронавт.

– Не беспокойтесь, граждане Аннексии... Явитесь в Ближайший Профилактический Пункт на Хлорофилловую Обработку... Мы превращается в Растительное Государство... Чрезвычайная мера против Тяжелометаллической Опасности... Отправляйтесь к “Ближнему” своему... Вас встретит хладнокровный, компетентный человек, который развеет в фотосинтезе все ваши страхи... Призываю всех граждан Аннексии... Явиться на Обработку в “Зеленую Эмблему”.

– Граждане Гравитации, мы окончательно превращаемся в Тяжелый Металл. Нашему Тяжелометаллическому Государству грозит Углеродная Чума Людей-Растений... Явитесь в ближайший Металлизационный Пункт. Металлизироваться – одно удовольствие, – вещает некий популярный телерадиодеятель, который ныне навек запечатлен в хохмах из металла. – Не верьте клеветническим слухам, будто бы наши металлические побочные продукты превратят планету в шлаковую кучу. Да хоть бы и так – разве это хуже навозной кучи? Тяжелый Металл – вот наша программа, и мы готовы ее выполнить...

Холодная тяжелая жидкость отстоялась в его позвоночном столбе, 70 тонн на квадратный дюйм... прохладные глыбы СОС... (Сплошной Обезмолвивающей Синевы)... под воздействием тяжелого времени... Можно ли что-то сделать с Металлическими Людьми Урана?.. Тяжел его ответ в однообразном ассортименте катастроф: «Никому не под силу побороть привычку к СОС... 70 тонн на квадратный дюйм... поймите, кора с самого начала... Искореженный Металлической Оз землетрясений – вот многотонный фокус этого джанка... неожиданная юная энергия... я встал и принялся отплясывать... знаю, в конце концов успокоят... Это все, что мне нужно... Я встал и принялся отплясывать катастрофы...»

Гонги насилия, да еще какого... Покажу вам кое-что... обезумевшая машина... «Сместить отрезать спутать словесные линии... Гибнет слово... Гибнет фото...»

– Я сказал, с начальника полиции заживо содрали шкуру в Багдаде, а не в Вашингтоне, округ Колумбия.

– Швейцария замораживает все иностранные вклады.

– Иностранные вклады?

– Что?.. Британский премьер-министр убит во время правого переворота?

– Кретин безмозглый, ты же ликвидировал Комиссара.

– Терминальный электрический голос кокса... Вся камышовая дверь за пределами возбужденных... Пока, Сталин... Век экипажей, пока...

По дороге с воплями несутся зрители... Электронный мозг содрогается в голубом, розовом и хлорофилловом оргазмах, выплевывая деньги, напечатанные на рулонах туалетной бумаги, презервативы, наполненные мороженым, котексные гамбургеры... Полицейские досье всех стран разлетаются в струях костяной муки, в воздухе со свистом носятся садовый инвентарь и вертела, протыкающие зрителей... помятые матерчатые тела на вымерших азотистых улицах старой съемочной площадки... На Ю-Йорк, Онолулу, Ариж, Им, Остон мягко опускаются серые светящиеся хлопья... звенящие звуки страха с сиренных вышек... Пан, Бог Паники, на безлюдных улицах извлекает из флейты унылые ноты, а обезумевшая машина времени поднимает ураган годов и столетий... ветер в пыльных кабинетах и архивах... Управленческие Книги разбросаны по мусорным кучам земли... книги-символы всесильного правления, которое от рождения до смерти контролировало мысль, чувство и движение планеты железными клешнями наслаждения и боли... Вся структура реальности взлетела на воздух в неслышных взрывах... бумажная луна, кисейные деревья и громадные просветы в черно-серебристом небе, когда рухнул мировой покров...

Биологический фильм взлетел на воздух... град динозавров... «Это иногда бывает... всего лишь старый циркач»... Над игрой властвует смерть, столь многие актеры, здания и звезды выложили площадку для гольфа гладкими клочками финансов, летние дни, босые ноги, ждущие в комнате дождевого запаха болезни, Швейцария, Панама, пулеметы в Багдаде, возникающие на пишущей машинке, клочки финансов на вечернем ветру, липовые акции, Буэнос-Айрес, мистер Мартин улыбается, в последней человеческой мансарде обитают былые имена, ждущие старую мелодию.

В кинотеатре двадцатых годов в Восточном Сент-Луисе я встретил Джонни Тягу... Его лицо покрывали пласты заживших и полузаживших боевых шрамов... Стоя там, под светящимися кинохлопьями, он сказал:

– Хочу подыскать себе комнату в хорошем районе...

Капитан Кларк приветствует вас на борту этого напоенного истомой рая призрачных небес и светлячковых вечеров, музыка на площадке для гольфа эхом отдается в высоких прохладных углах столовой, легкий ветерок шевелит пламя свечей на столе. Был апрельский день. Вскоре какой-то продавец газет сказал ему, что кончилась война, – печаль в его глазах, солнечный свет, пробивающийся сквозь деревья на пеструю траву, на том краю площадки для гольфа – озеро, подобное клочкам серебристой бумаги на ветру, выцветшие улицы, далекое поднебесье...

По длинному виадуку Ли добирался на автобусе до острова Ландз-Вадт. Автобус был длиной шестьдесят футов, с хитроумно расположенными на разных уровнях сиденьями и качелями. Автобус долго стоял неподвижно. Таможенные чиновники передвигались по автобусу, останавливаясь, чтобы отключиться и прожевать бескостными деснами фрукты.

Ли схватил костыль спастика[71] и ринулся в пункт паспортного контроля с криком: «Я превращаюсь в многоножку! – Быстрее ставьте штамп. – Непотребное состояние. Обнаруживаются типичные признаки».

Таможенный чиновник взял паспорт Ли и взглянул на него глубоко запавшими глазами, раскачиваясь взад-вперед и слегка сгибая ноги в коленях. Он прижал паспорт к перегородке, всем телом навалился на печать и отключился, Ли осторожно отклонил его назад и спустился в запыленный склад. Призрачные серые фигуры стояли там и сям, выплевывая непрожеванные фрукты и разговаривая на примитивном английском с пробелами и косвенными временными перепадами, слова повисали в воздухе, как дыхание зимой. Ли заметил, что все покрыто мягким серым металлом, подобным холодному расплавленному припою, медленным словесным осадкам. Он прошел через пустырь и снял номер в гостинице из красного кирпича. Когда он умывался, раздался приглушенный стук и, бормоча неведомые имена, вошел мальчик. У мальчика было гладкое желтое лицо с карими глазами, ловящими точки света в темном гостиничном номере...

– Пойми, это опасно. Я, значит, должен раздобыть рецепт. Я знаю одного коновала, может выписать...

бормочущее лицо с карими глазами, которые стояли в гостиничном номере, разговаривая на примитивном английском с пробелами...

– И пойми, это опасно – лживое слово повисло в воздухе – значит, коновал может выписать...

– Подожди здесь, – сказал мальчик. – Тебя он просечет на раз. Этот старый коновал, иногда у него отказывают двигательные центры, и он не может пошевелиться, но если застать его в нужной точке пересечения, он повинуется автоматически. К тому же он не знает, кто говорит, да и кто знает?

Ли подождал в заброшенной закусочной – столы и стулья, покрытые серой массой, – и вышел на пустынные улицы под равномерный мягкий град металлических словесных осадков.

– В конце концов он выписал. Пришлось связать и отъебать его старуху, массаж эта гнусная старая пизда переносит...

Аптекарь отшатнулся с гневным криком:

– Нет, нет!

– Мы такими делами не занимаемся.

– Вы что, доктор?

– Сделай себе одолжение, убирайся вон.

– Мы с этим дела не имеем, – сказала она, беззастенчиво разглядывая ширинку мальчика. В конце концов отоварили его в “Уолгринзе”. – С этой наркотой надо бы поосторожнее. Небольшой перебор, и можешь вызывать “скорую помощь”...

Ли смотрел, как наркотик клубами голубого дыма окутывает тело Джонни. Комната была пустая, с выложенными белой кафельной плиткой полом и стенами. В центре комнаты, под неоновыми руническими письменами, находился замысловатый пластмассовый каркас сферической формы, прикрепленный к полу пластмассовыми манжетами. Джонни энергично разделся, ритмично прохаживаясь по комнате, бросая один предмет одежды туда, другой сюда, и замер с бутылкой кока-колы в руке... «Не оставайся там один», – промямлил он вполголоса, слегка постукивая по световым выключателям ногами. Они сели на каркас, который подладился к их голым ягодицам, касаясь прямых кишок. Джонни дал Ли банку мази. «Вот, воспользуйся». – Джонни небрежно оперся о каркас, а Ли приспособился, вытянув колено туда, локоть сюда, и в каком бы месте каркаса ни толкал он члены Джонни, они сцеплялись, как резина... Ли открыл банку, которая была наполнена субстанцией, напоминавшей лягушачьи яйца, – маленькие черные пятнышки, вкрапленные в зеленоватое желе. Ли размазал это желе по телу Джонни, висящему в кристаллической паутине... Мальчишеская плоть растворилась в мази, теряя очертания, улетучиваясь в голубом свете... Ли оседлал тело мальчика, одна дрожащая белая вспышка, тела засветились внутри, пульсируя все синее и синее, ослепительная лилово-синяя обратная вспышка, два юных тела, сцепившихся, как псы, в полуоткрытых ртах сверкают острые белые зубы... мальчишеские карие глаза и золотистые волосы... мальчик одевался перед шкафчиком из нержавеющей стали... Аптекарь отшатнулся.

– Не оставайся там один, – промямлил он.

– Нет, нет.

– Вы что, доктор мази?

– Вот, воспользуйся.

Видишь, локоть сюда к туда, и в каком бы месте ни летал каркас, они там сцеплялись – значит, в конце концов отоварили банку, которая была наполнена наркотой с маленькими черными пятнышками. Ли смотрел, как наркотик гнилой протоплазмы сжимает его трубки. Плоть растворилась в теле Джонни, подвешенные струи голубого желе, то бишь плоти, растворялись в мази, она пульсировала синим в белом мерцании. Ли смотрел на все из холодного голубого центра. В его мозгу трепещущая сфера формировала синеву в кристаллической паутине. Джонни сбросил своего голубого мальчика, комнату, шкафчик из нержавеющей стали... отбрасывая блики на световые каркасы, которые наладили дела... прямых кишок, Джонни, вытянувшись, небрежно оперся о его тело. Толкнул он члены Джонни, кататонический массаж размазал пульсирующий синий свет, внутри него – кристаллическая паутина. Мальчики пускали клубы голубого дыма, два тела уничтожали паутину, одна дрожащая белая кафельная плитка, стены в полярном далеке, мерцают голубые ореолы... пульсирующая голубая сфера над замурованными в известняке скелетами.

МЕРТВЫЕ ПАЛЬЦЫ ГОВОРЯТ

Мальчишку с севера занесло на Скалу холодным весенним ветром, через внутренние дворы и спальни, выходящие на балконы, соединенные между собой лестницами, подвесными лесами, железными мостиками... металлический ветер сквозь мальчишку откуда-то с севера, с голубыми опиумными ломками в костях и тяжелыми неорганическими сродствами в холодных голубых глазах – облачные шахты, заводы и нефтяные буровые вышки, выпускающие железные клешни монополии... Хозяин едва не отдал приказ убрать мальчишку из резервации... Потом на его шахматной доске агентов появился ход, и приказ убрать мальчишку был отменен...

– Да, мистер Брэдли мистер Мартин, шахматный ход... и-Саббах поставил Брэдли в дверях.

Перенесем мальчишку с севера в танжерское настоящее время... Он шел по серой мгле, немой как рыба, сквозь лужи теней и провалы дверей... Вот появляется Проводник из Порнофильмов... Рассеянный свет в темных окнах на серой мгле, старые гангстерские фильмы и киножурналы, сливающиеся в рекламу «Курите сигареты “Домино”»... мертвый неон в лучах полуденного солнца... Проводник не видел меня... опутывая рассеянным светом все ваши улицы, а на берегу реки, в ломках в предрассветной дымке, сел на паром из Алжира в Нью-Орлеан... серый порошок в ложках, трясущиеся на ломках руки... над серой подземкой, по Кук-стрит... скользя меж светом и тенью... Гибнет слово... гибнет фото... ворваться в Серую Комнату... агент Хасана-и-Саббаха[161] на газетной бумаге...

БЫЛ НЕВЕСОМ... “*NEW YORK GERALD TRIBUNE*”, ПАРИЖ, 17 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА... «Руки и ноги человека, пробирающегося сквозь толпу, ничего не весят... серая пыль от метлы в старой лачуге... Мистер Брэдли мистер Я Сам сидел в кресле, как и я, подземки и подвалы, сиживал прежде... но висел в пыли и ветре боли... Мой почерк с наклоном в сторону мальчишеских серых фланелевых брюк не изменился, хотя следы пара, расплывающиеся в руках, уже ничего не весят... Гагарин сказал, что был ясно виден след серых джанковых вчерашних дней, оставляемый Землей, а пролетая над Америкой, он легко разглядел берега континентов... острова и большие реки».

Капитан Кларк приветствует вас на борту...

С радостью приглашаю тебя на борт, читатель, но помни: у этой подземки только один капитан... Не высовывай член свой в окно поезда, не мани никого похотливо геморроем своим и не спускай в сортир потрепанное бенни свое (На устаревшем жаргоне Таймс-сквер “бенни” – это пальто)... Запрещается использовать сигнальную

веревку для необоснованных казней и сжигать ниггеров в уборной, прежде чем пассажиры закончат свой туалет...

Не оскорбляй директора конторы... Он может забрать ключи от сральника... Всегда его запирай, чтобы ни один чужак не слямзил кусок дерьма и не заразил всех ребят в конторе какой-нибудь гнусной хворью... А мистер Анкер из бухгалтерии – руки у него в шрамах, как у джанки, от бесчисленных анализов Вассермана – поливает все пластмассой, прежде чем ступить на этот мучительный путь... Основываясь на Пятой поправке, я не стану отвечать на вопрос сенатора от Висконсина: «Являетесь ли вы или были когда-либо представителем мужского пола?..» Им не заставить Елду выть на мальчишек... Знаете, как я обхожусь с такими певцами?.. Только их послушайте... Кто поумней, тот поймет с полуслова... Я хочу сказать, с политикой в наши дни надо обходиться осторожно... Некое дряхлое ведомство начинает питать к вам плотское влечение – так пните его прямо в координатора... «Приходи ко мне вечерком в квартирку под школьной уборной... Покажу тебе кое-что интересное», – сказал сторож, распуская зеленые от коки слюни...

Вдали глухой рокот города, смертоносное дыхание раковой библиотекарши, слабое и прерывистое на теплом весеннем ветру...

– Трещина – это деградация чашки... Убери ее, – раздраженно сказал он... Весь мир заполонили черные скалы и бурые лагуны... Там стоит заброшенный передатчик... Кристаллические трубки выстукивают сигнал к отходу с людского холма, а в разрушенных городах нашей необъятной отчизны ползают гигантские многоножки... первой приползла Термодинамика...

– Нас застали врасплох, – признается генерал Паттерсон. – Проебали нас до самого дерьма.

Самый безопасный способ избежать смертельной опасности – приплыть сюда и остаться на ночь со Сциллой... Гарантирую удовольствие, чувак... сласти и сигареты...

Очнулся в турецких банях под йоханнесбургским бидонвилем[80]...

– Где я, ублюдки черномазые?

– Да ты, джанковая белая шваль, будешь срущего ниггера оформлять за глазную ванночку опийной настойки!

мертвая птица... перепел в туфле... деньги в банке... Порт прошлого и лепесток, увенчанный неподвижными листьями, она стояла там, за рекой, в тени деревьев...

В коктейль-баре расплескались мозга... Толстый самец обобрал хай-лайного[15] букмекера с помощью своего сорокапятника с обсидиановой рукояткой... губительная, беспощадная голубизна Мексики... сердце под солнечными лучами... вдоль дороги на Монтеррей висят на телеграфных столбах бездыханные трупы...

Смерть переводит онемевшего, как мрамор, мальчишку по Большому Каналу в безбрежную лагуну сувенирных открыток и бронзовых детских башмачков...

– Только постройте надо мной уборную, ребята, – говорит своим соседям по комнате угонщик скота, и шериф с пониманием угрюмо кивает, на ветрах Стояка кипит друидская кровь...

Опустившийся, затянутый в корсет тенор поет Дэнни Дивера в бабском наряде:

«Билли Бадда повесить... все на корму – разглядывать экспонат».

Громко пёрнув, Билли Бадд испускает дух, и парус сверху донизу рвется... а старшины в смущении отшатываются... “Билли” – трансвестит-лесбиянка.

– С этим хлопот не оберешься, – ворчит главный старшина корабельной полиции... матросы в гневе орут на плутоватый профиль в лучах восходящего солнца...

– Она умерла?

– Да какая разница!

– Мы что, будем все это терпеть?.. Офицеры намерены с ними разделаться, – говорит молодой Хасан, корабельный ростовщик...

– Господа, – говорит капитан Верр,– я не нахожу слов для осуждения этого чудовищного и бесчестного акта, посредством которого мать мальчишки овладевает его телом и пропитывает своей омерзительной старой субстанцией благопристойное судно, да еще и растопыривает свои голые сиськи и распускает отвратнейшие цвета спектроскопа.

Угрюмая матрона бинтует пизду из Сверкающего Нефрита...

– Видишь ли, дорогуша, шок при переломе шеи влечет за собой ужасные последствия... Ты, конечно, умираешь, или, по крайней мере, теряешь сознание, или, по крайней мере, испытываешь потрясение-но-э-э-ну-да-видишь-ли... Это м е д и ц и н с к и й ф а к т ... Все твое женское нутро может хлынуть из пизды наружу – вот так и последнего доктора оно превратило в камень, и результаты мы продали в Парагвай, выдав их за статую Боливара.

– Я пришел к убеждению, что смерть не производит удаления матки, – рявкнул старый женоподобный коновал, вгрызаясь своими серыми зубами в непропеченную сдобную лепешку... Сквозь потолок фешенебельной квартиры-конюшни лорда Ривингтона камнем падает повешенный... Ривингтон звонит министру внутренних дел:

– Я бы хотел заявить о течи...

– Все дает течь... Этого не остановишь... Спасайся, кто может, – огрызается министр внутренних дел и, переодевшись чудаковатой лесбиянкой-аболиционисткой, бежит из страны...

– Мы слыхали, что все было как раз наоборот, док, – сказал широкоплечий подставной репортер со скверными зубами...

Доктор густо покраснел:

– Желаю заявить, что я уже тридцать лет работаю врачом в Данкмурской тюрьме и всегда держусь от греха подальше... Я дорожу своей репутацией и никогда не остаюсь наедине с повешенным... Постоянно настаиваю на присутствии моей ассистентки-бабуина, свидетеля и верного друга в любой ситуации.

Мистер Гилли в поисках своей пятнистой коровы бродит по сосновому бору, где броненосцы, лишенные коры головного мозга, резвятся под дулами двадцать второго калибра, черным стетсоном и взглядом бледно-голубых глаз.

– О Господи, вы не видали мою пятнистую корову?.. Сдается, я отнимаю у вас драгоценное время... Должно быть, вы, как говорится, к о е - ч е м заняты... Что бы это ни было, у вас неплохой урожай... Быть может, я задаю слишком много вопросов... слишком много болтаю... А веревки у вас не найдется?.. П е н ь к о в о й веревки? Не знаю, как я буду держать без веревки эту старую пятнистую корову, если она все-таки мне попадется...

фантомные всадники... перечные забегаловки... салуны и скоростная стрельба с бедра... повешения с лошадиной спины под язвительные реплики развеселых бабенок... карманная фляжка с черным дымом в китайской прачечной... «Нет квитансия, нет стирка... Плиходи пятниса…»

Пешком по сосновому бору на летнем рассвете, песчаные блохи испещряют пах мальчишки красными пятнышками... запах мальчишеских яиц и железная прохлада во рту...

– Так вот, мальчики, я хочу, чтобы вы надевали трусы, – сказал шериф. – Вас могут увидеть добропорядочные женщины с подзорными трубами...

ящик гостиничного комода испускает запах высохшей спермы в шелковом платочке... сладкое юное дыхание сквозь зубы, живот крепкий, словно мрамор, пускает струи мягких белых шариков... Забавно, как человек возвращается к тому, что оставил в ящике захолустной гостиницы 1929 года…

Мелодии двадцатых годов доносятся до раздевалки, где двое мальчишек, впервые обкурившись травой, дрочат под "Мои голубые небеса"...

На чердаке большого магазина, на рулонах ткани, мы поставили пистон...

– Смотри у меня... не проболтайся... Не вздумай настучать на ребят.

Подвал залит светом... Через две недели должны вылупиться головастики... Интересно, что стало с Оттовым мальчишкой, который играл на скрипке? Строгий мальчишка с повязкой на глазу и попугаем на плече говорит: «Мертвые лишнего не болтают, так или нет?..» – Он тычет в череп своей абордажной саблей, и оттуда поспешно удирает краб… Мальчишка нагибается и поднимает свиток, испещренный тайными знаками... «Карта!.. Карта!..»

Карта превращается у него в руках в заляпанную дерьмом туалетную бумагу, и ветер уносит ее через пустырь в Восточный Сент-Луис.

Мальчишка срывает повязку... Попугай улетает в джунгли... Абордажная сабля превращается в мачете... Он изучает карту и бьет песчаных блох...

Джанк шкодливо преследует нас по пятам, а датированные задним числом чеки возвращают со всех сторон на майянском корте для игры в мяч...

– Суд идет... Вы обвиняетесь в назойливом приставании с помощью цепкого геморроя... Что вы можете сказать в свою защиту?

– Всего лишь успокаивал его, судья... чувствительный и кровоточащий... А вы бы?

– Я хочу, чтобы вы понюхали этот табурет, – сказал параноидный экс-коммунист маниакальному агенту ФБР. – Воняет водкой, можете сослаться на меня – я был обработан наемными громилами, страдающими запором от гольд-вассер из Москвы.

Человек в зеленом костюме... староанглийского покроя с двумя боковыми шлицами и наружными карманами для мелочи... будет обманывать престарелую хозяйку цветочной лавки... «старая горемыка так и льнет ко мне...»

праздник расколотых розовых леденцов... «Ах, эти "Золотые туфельки"»... Он приподнимается и всматривается в лампу “кобра”...

– Я – египтянин, – сказал он с глуповатым видом. А я ответил:

– Слушай, Брэдфорд, не будь занудой...

В известняковой пещере я встретил человека с головой Медузы в шляпной коробке и сказал таможенному инспектору: «Будьте осторожны», – окаменел навеки, с рукой в дюйме от двойного дна...

Быть может, благосклонный читатель все-таки встанет со своих известняков и возьмет трубку?.. Причина смерти: не представляет никакого интереса.

Его заковбоили в парилке... Кто эта Вишневая Задница – Джио Задира или Мамаша Джиллиг, Старая Тетушка с Вестминстер-плейс? Лишь мертвые пальцы говорят по брайлю...

Ватки вторяков хранят в себе останки дозы...

Однако все – лишь дорожные сны после пассажира с изжеванным большим пальцем, а он сказал: «Ну что, решено?.. Подвезете меня, братва?..» (О смерти услыхал позднее, в одном копенгагенском баре... Рассказал историю про речного рака и приправил ее еврейским анекдотом – в страхе прячась от слов моих, а мы все теперь знаем их.) Короче, это подступило к горлу и того и гляди могло вырваться, когда мы сидели под безделушками – звездными безделушками, сами понимаете, если я что-то и говорил, я всегда говорил по-разному. Кто?.. Париж?

«Мистер Брэдли мистер Мартин, Джонни Опиумная Тяга, Ив Мартэн».

Мартеном он зовет себя всего однажды, в лондонском Христианском союзе на Тоттнем-корт (никогда там не бывал)... однажды на Дин-стрит в Сохо... Нет, это была не Дин-стрит, то был кто-то другой, похожий на Брэдли... Это было на некой улице ушедших времен, в бессловесных закоулках Мехико... (пол-апельсина с красным перцем в солнечных лучах)... а силы меня оставили, и я прислонился к стене – с шотландского клетчатого пиджака так и не стерлось белое пятно... я приволок ту стену в эквадорский городок, названия не помню, помню городки вокруг – все, кроме того, где на берегу скользило время... в крови песчаные ветры... полчашки воды, и Мартэн взглянул на проводника, а может, это был другой, австралиец, канадец, южноафриканец, который зачастую появляется, когда выдают воду, и неизменно бывает там, когда выдает вода... и отдал ему половину своего запаса воды – пальцами картежника, мог бы при желании воду подменить... Однажды на улице – кажется, это была Кейвсбери-клоуз, – кто-то по-английски назвал его Дядюшкой Чарлзом, а он сделал вид, что не узнал, и человек удалился, подволакивая ногу...

а я вновь занялся своими джанковыми делами – ждал, когда откроется аптека, у меня в кармане желтый наркотический рецепт, площадь Кузнечика, все эти воспоминания, воспоминания о его прошлом, противны мне, когда нахлынут, а приняв дозу, я неожиданно сказал:

– Я совсем иссяк, способен лишь доковылять до дома, дорогуша, доллар терпит крах...

он отстал от века и вышел из игры... починил свой кран, а вы нет?.. Так или иначе, он старел... жажда Марса... в крови песчаные ветры... полчашки воды...

– Число играющих не ограничено?

Я молча согласился конкурировать в пассивном положении – я умираю, умираешь ты, как уж обернется дело, в страхе прячась от слов моих, а мы все теперь знаем их – и увидел, как после бала доктор подобрал освежеванного журналиста и отослал кожу домой, чтобы мать похоронила ее по-христиански. В результате тщательного вскрытия освежеванного обнаружилось, что он лишен заднего прохода и удалял отходы через гибкую металлическую трубку, которая торчала из его пупка, могла просовываться в ширинку, рукав, брючину или дырку в одежде и, когда выдавался подходящий момент, оставляла бесцветное дерьмо в коридорах всемирной комнаты, усыпанной грязными деньгами. Тусовался в тупиках джанковских денег, и возвращался с кастрированной дозой спитого мака для любовничка, и любил затхлую гостиницу Гейнсовой фиброзной плоти и парафиновые нежности, что подобают дому, – он его купил и называл своим... но человечек был не в состоянии платить по счету...

– Ты что, с ума сошел, разве можно разгуливать в одиночку?

Мелководье пришло с отливом... больные акулы питались нечистотами – единственная пища в этой деревеньке... болотистая дельта до оранжевых небес, которые не меняются никогда...

Он столь лицемерен, что я никогда не знаю наверняка, требует он плату за гостиницу или нет...

– Доктор, они убежали за околицу.

«Finis nous attendons une bonne chance»[162].

(Последние слова в дневнике Ива Мартэна, который, как и три его спутника, вероятно, умер от жажды в египетской пустыне. Имена погибших не установлены, поскольку одного участника экспедиции так и не нашли, ни живым, ни мертвым, и личность пропавшего без вести под вопросом. Обнаруженные тела уже разложились, и опознание проводилось по документам, одежде и наручным часам. Однако в группе, похоже, было принято обмениваться одеждой и документами и даже делать записи в дневниках друг друга – неслыханная для современной экспедиции близость).

«Нет, в Ливан мы твою сомнительную хворь не впустим. Она может поставить под угрозу высочайшие кедры и зачеркнуть благочестивые деяния Анны Франк». Остальными участниками экспедиции были мистер Шеннон, мистер Армстронг, месье Пилло и Ахмед Акид, проводник.

Узрел слова убийства в голове проводника, прозрачной, а я не мог пошевелиться, видя лишь дорожные сны, парализованный, как не могла пошевелиться моя парализованная мать, замечтайте меня, выговорите, сдрочите меня с ее ложа далеких пальцев, рыжеволосая женщина, конечно, умерла, ее образ промелькнул в глазах проводника, когда прошла тоска, и я оказался в “носильщике”, уже шаря вокруг, чтобы почувствовать себя там как дома, в чистой наркоте по-нашему, слова убийства, точно обезумевшие рыбы в пересыхающей телесной луже, движения замедленны, узрел, как проходит щемящая тоска, и в белой вспышке сделал его глазами снимки, а проводник не знал, что взял пассажира, до тех пор, пока ему, его знанию английского, не потребовалось больше незнакомых ему слов, его арабский – всего лишь тонкая оболочка вокруг постояльца, глинобитные каморки с выкрашенными в голубой цвет стенами, его худое чернокожее тело сплетало тени содомии из долгих мастурбационных ночей Коламбуса, штат Огайо.

– Верни пестрые обрывки и берись за дело вместе с этими людьми.

– Славный малый – миф, ублюдок – гряземешалка.

– Я был великий любовник... раздевался там... деньги... всего хорошего... а мальчишки – я был вот этим, ослаб и оголодал, очень исхудал, стоит, его подштанники, призрачные спазмы, медленное постельное белье, пыль, веснушки, крепкие смуглые руки, я торгую потрепанной политикой, скрытной и унылой, всего лишь старые азотистые пары в воронке пыльных веснушек, нога в унылом туалете, долгое время не так уж редко я раздевался до той монеты, да, ребята, это я там, возле фото «Отчекань монетную спальню запахов», в ящик бюро, на ломках гниющие ошметки открыли вам путь, умытое лицо в Панаме, быть может, раздевался там, умытый вновь на деньги старой фотографии, веснушка, нога с веснушками вот здесь,

пыльные юношеские сухостои, ноги, волосы редкие и до пола, кишечный Страшный Ядовитый Славный Малый, тебе известен туалетный запах дождевых штанов.

«Кишечный Страшный; Ядовитый Славный Малый», тебе известен «Туалетный Запах Дождевых Штанов»!.. «руки из шрамовой ткани, энергия и мозг, я с трудом дышу, выцветшая бурая слизь, старая комната... деньги на сигареты».

Не так уж редко я раздевался до пояса и брался за дело вместе с этими людьми, да, ребята, это я там, возле бетономешалки...

Мистер Брэдли мистер Мартин, далекие пальцы на утренних ломках, гниющие ошметки его самого, тусклое мерцание в телепередаче из Испании... Я сказал ему, что он в пути... не смог достать меня ножом... не смог сменить оружие... и нулевое время отбытия... не смог одолеть турникет... плачевное состояние от смерти, мистер Шеннон, без исключений...

деньги старой фотографии... мозги пылают... опустевший путь... ослабевший мальчишка не смог... не смог достать меня ножом... прерван путь пылающей звезды... пыльные юношеские сухостои... подтягивающие экскременты призрачные спазмы... медленное постельное белье до пола, кишечные улицы, мальчишеские крепкие смуглые руки... школьно-туалетный запах дождевых штанов, руки скрытные и унылые... обосранные комиксы... подвальная лаборатория... красные азотистые пары... ослабевший пес с трудом тащится по затруханному ржавчиной цементу... задумчивый проныра, боль в воронке фотолиц на затхлых улицах, запах старой боли, мальчишеский пах, той в простынях, извивающийся кристаллический цветок, нога в унылой туалетной щели... выцветшая бурая слизь, старая комната в пансионе...

верни пестрые обрывки снимка, который он чеканит, славный малый – миф, ублюдок грязнее, чем фото «Отчекань монетную спальню запахов...» «Я был великий любовник». – Он бросил фото в ящик бюро: «Помни, пропала только жизнь, я открыл вам путь... страшная ядовитая полиция... нечто вроде стрелки компаса в мозгу, во рту и в носу, закрытых герметично... мальчишка, я был умытое лицо в Панаме, быть может, раздевался там. деньги. всего хорошего».

– Ты достаточно великий любовник, чтобы смотреть наш устаревший фильм, умытый вновь в эпизоде испанского исполнения на бис?

«а мальчишки – я был вот этим, веснушка, нога с веснушками вот здесь, исхудал, стоит, его нижнее белье топкое, волосы редкие и роскошные пыльные веснушки из Испании... Страшный Ядовитый Славный Малый, тебе известно, что я торгую потрепанной политикой... потрепанной вещицей из шрамовой ткани, ни живой, ни мертвой... ты лишил плоти мои энергию и мозг. Я с трудом дышу сквозь его глотку, чую запах, ощущаю или не вижу».

И вспыхнуло ненавистью тяжелое сердце старого слуги: «Я – Режиссер. Мистер, оставьте денег на сигареты. Вы же давно меня знаете».

Выцветший бурый запах карболового мыла и ректальной слизи, ветер и пыль далеких двадцатых.

ЧЕРЕЗ РАНЕНЫЕ ГАЛАКТИКИ

Пип-шоу в грошовой аркаде, длительный процесс в различных формах.

В ущелье ворчливая болезнь впрыгнула нам в глотки, кашляющие и харкающие серебристым утром. иней на наших костях. Большинство обезьяньих видов погибло там, на безлесных склонах. устремленный на “меня” взгляд бессловесных тварей занес из белых пещер времени болезнь, застывшую у меня в глотке, чтобы вылупиться в теплом отхаркивании полей под паром. багровые вспышки в яичной плоти. за ущельем – известняковые склоны, переходящие в высокую зеленую саванну, и травяной дух на наших гениталиях. Подошли к болоту, питаемому водой из горячих источников и горного льда. больные обезьяны, харкающие кровью, булькающие глотки разодраны болезнью болтовни. человеческие лица, ненадежные, то и дело исчезающие в тумане. Мы вошли в теплую илистую воду. шерсть и обезьянью плоть – долой кричащими кусками. стояли нагие человеческие тела, покрытые зеленым фосфоресцирующим желе. ненадежная мягкая плоть, изрезанная обезьяньими ранами. языки и пальцы, счищающие желеобразное покрытие. плавящие тело звуки наслаждения в теплом иле. потом зашло солнце, и голубой ветер тишины коснулся человеческих волос и лиц. когда мы вышли из ила; у нас уже были имена.

имена. Звук, булькающий в крови, содрогающий наши глотки и обмены, у нас уже были имена друг для друга. ненадежный трепет-смех и хохот смыли волосы. до самых гениталий.

А остальные не хотели до меня дотрагиваться из-за белой червеобразной твари у меня внутри, но никто не мог отказаться, если мне хотелось пожирать страх-мягкость в других людях. Холод окружал нас, таился в наших костях. И я увидел времена, предшествовавшие твари, когда зелень окружала зеленый привкус у меня во рту и ноги мои были в зеленом растительном дерьме, до холода... А некоторые не питались плотью и погибли, потому что не смогли выжить с тварью внутри... Однажды мы поймали одного из волосатых сетями из лозы, привязали его над медленным огнем и бросили там умирать, а тварь впитывала его крики, шевелясь под кожей моего лица, как дым, и ни один не смог сожрать плоть-страх волосатого, и в пещере появился запах, пригнувший нас к земле... Мы двинулись подальше от наших экскрементов, где белые черви извивались, нащупывая нас и белого червя-болезнь во всех наших телах. Мы взяли котелки и копья и двинулись на юг, оставив почерневшую плоть там, в золе... Подошли к бескрайней засушливой равнине, и выжили лишь те, кто научился выпускать наружу тварь и пожирать дохлых зверей в бурых водоемах... Потом – густая трава, деревья и животные. Я натянул шкуру через голову и заставил еще одного человека надеть шкуру и рога, и мы принялись ебаться, сцепившись, точно звери, и мы нашли сцепившихся зверей и убили обоих – так я узнал, что тварь внутри меня всегда отыщет зверя, чтобы питать меня мясом... Увидел, как звери с копьями охотятся на нас, и очнулся, пожирая свою собственную руку, и кровь во рту заставила меня отхаркивать горький зеленый сок. Но на следующий день я уже вновь питался плотью, и каждую ночь мы надевали звериные шкуры, размазывали по своим ногам зеленые звериные экскременты и с воем, фырканьем еблись, сцепляя тени на стенах пещеры, и пожирали живущих на поверхности людей... Это делала тварь внутри

меня. Мы поймали одного из волосатых, превратили его в зверя над медленным огнем, пожиравшим мою собственную руку, тварь впитала его крики, зеленый горький сок. Выжили лишь те, кто научился впускать внутрь мягкость, пожирать звериные экскременты в бурых костях... Я заставил еще одного человека надеть шкуру – звери, сцепившиеся плотью, в зеленом растительном дерьме. Так я узнал, что тварь внутри всегда отыщет зверя, чтобы питаться сетями из лозы. Кровь во рту заставила меня отхаркивать, шевелясь в моем лице, как будто на следующий день я уже вновь питался плотью... Двинулись на колени, ноги и еблись, извивались, нащупывая и сцепляя тени на наших телах.

Стеклянный шквал на ржавых известняковых улицах сорвал плоть со смеющихся костей, разбрызгивая кровь по моче стен. Мы жили в клоаках города, крабовидные паразиты в наших гениталиях втирали друг в друга нашу больную плоть на длинной череде ректальной слизи. ленточные черви с белыми костяными мордами и дисковидными ртами нащупывали мягкую хозяйскую слизь. годы. долгие. многие – такое место. В стране лугов, где нет памяти, лишь пища стай, движущихся на юг, влажная плоть броненосца, убитого в прохладной утренней траве деревянными копьями. Женщины и их предметная полиция пожирали плоть, а мы дрались из-за их покрытых корочкой дерьма остатков армадильего хряща.

Сквозь джунгли дыхания, когда мы совокупляемся с белыми костяными мордами. место крапивы и скорпионов, прохладные утренние стены. личиночные тела, подвергающиеся наказанию. годы. долгие. многие. такие растут побеги.

Сидели нагишом на дне колодца, прохладный ил вечера касался наших прямых кишок. Мы делили кусок армадильего хряща, хватая его друг у друга изо рта. над нами – сухая пленка из дохлых насекомых на каменных стенах колодца, а сверху чертополох на фоне зеленого вечернего неба. слизывая хрящ с его смеющихся зубов и десен, я сказал: «Я – Аллах. Я сотворил тебя». Голубая дымка заполнила колодец и отключила нам дыхание-слова. Мои руки проникли в его тело. Мы погрузились в сон в чужой плоти, запахи на наших руках и животе, пробудились от полуденного солнца, тени чертополоха рассекали нашу мягкую ночную плоть.

Вечер касался наших прямых кишок. илистые раковины и квакающие лягушки. слизывая хрящ во сне с чужой плотью. прохладный ил дыхания, и наши тела мы делили. ветви на ветру. его колени. чужие рты. на фоне зеленого вечернего неба. «Мы – смеющиеся зубы и десны», – сказал я. руки пробудили в лучах полуденного солнца мягкую ночную плоть. запахи на нашем животе. тени чертополоха расссекали. пип-шоу в грошовой аркаде... длительный процесс в различных формах... Мертвые пальцы говорят по Брайлю.

Предметная Полиция хранит все Доклады Правления... А представлять отчеты о катастрофе нам запрещено... рука ветра, застрявшая в дверях... яростное бионаступление людей из космоса, желающих нанять электрика в бензиновой трещине истории... последние из доблестных героев... «Я – это вы в пути, мистер Брэдли мистер Мартин»... не смог достать плоть в своем переключателе... и нулевое время болезненного отбытия... Долго между солнцами я держал поношенное пальто... скользя меж светом и тенью... ворча в собаках неизвестной дозы... через раненые

галактики, что мы пересекаем, яд умершего солнца в твоем мозгу, постепенно увядающем... переселенцы из обезьян в бензиновой трещине истории, яростное бионаступление из космоса на неоновый свет... «Я – это вы, рука ветра, застрявшая в дверях»... Не смог достать плоть... На солнце я держал поношенное пальто, Мертвая Рука вытягивает горло... последние из представивших отчет о катастрофе в пути. Посмотрим, мистер Брэдли мистер...

Да и слепцы не могут отказаться слушать: «Мистер Брэдли мистер Мартин, беда моей крови, кого я сотворил»... (Мелководье пришло с отливом и шведской рекой Готенберг.)

Он печально машет рукой из мягкой машины, мертвые пальцы в дыму, указывающие на Гибралтар.

25 января 1961 года, Гибралтар

ПРИЛОЖЕНИЕ К '*МЯГКОЙ МАШИНЕ*'

Мягкая машина – это человеческое тело, выдерживающее непрерывную осаду со стороны целого сонмища голодных паразитов с множеством названий, но наделенных общим характерным свойством – голодом – и общим стремлением – жрать.

Если позволительно воспользоваться маловразумительной терминологией герра доктора Фрейда, а заодно с прискорбием констатировать столь широкое распространение его психоанализа (никто не причиняет больше вреда, чем люди, испытывающие угрызения совести: “Грустный Зловредный Добряк”, скорее зловредный, чем добрый), то, что Фрейд именует “ид”, является паразитарным заболеванием гипоталамуса, а коль скоро назначение гипоталамуса – регулировать обмен веществ...

«А что я? Я здесь работаю»,

«Под новым руководством».

То, что Фрейд называет “супер-эго”, является, вероятно, паразитарной оккупацией внутренних областей мозга, где могут быть расположены центры “нормальности”, – я имею в виду комнату на верхнем этаже, в которой до того, как туда въехало “супер-эго”, жили, как мне помнится, “ты” и “я”. Так как паразиты оккупируют участки головного мозга, они в состоянии отвлекать внимание исследователя от “источников угрозы”. Апоморфин действует на гипоталамус с тем, чтобы регулировать обмен веществ, и нетрудно понять, какую опасность представляет он для паразитов, обитающих в этих участках мозга. Видите ли, джанк есть смерть, самый опытный “визитер” в отрасли.

ЛЕЧЕНИЕ, КЛАДУЩЕЕ КОНЕЦ НАРКОМАНИИ

В 1961 году я познакомился с богатым и влиятельным молодым человеком, только что прошедшим курс апоморфинного лечения и убедившимся в его исключительной эффективности при заболеваниях героинизмом. Он уверял меня, что сможет привлечь к этому методу внимание официальных кругов в Соединенных Штатах, где проблема наркомании и количество наркоманов могли бы образовать идеальный испытательный полигон для проверки метода лечения, указав его преимущества над другими методами, применявшимися в то время и, к сожалению, применяющимися и поныне. Тот молодой человек уже умер. Медицинская сестра, которая его лечила, умерла. Умер и доктор Дент, лондонский врач, первым начавший применять апоморфин при лечении пагубных пристрастий и с превосходными результатами использовавший этот метод в течение сорока лет, что могут засвидетельствовать многочисленные излечившиеся пациенты. Доктор Дент был основателем и председателем Английского Общества изучения пагубных пристрастий. Он поддерживал контакт с доктором Избеллом из Лексингтона, штат Кентукки, а также другими специалистами в данной области. Несмотря на неоднократные попытки, ему так и не удалось привлечь ни доктора Избелла, ни кого-либо из других врачей,

связанных со Службой здравоохранения Соединенных Штатов, к испытанию метода лечения апоморфином. Я подготовил три экземпляра статьи. Один был выслан молодому человеку, по просьбе которого статья была написана, и попал к нему незадолго до его смерти. Другой был утерян литературным агентом в Нью-Йорке после того, как статью отклонили в "*Literary digest*" и ряде других подобных периодических изданий. (В этой связи стоит упомянуть один случай, произошедший в 1960 году. В то время у меня были денежные затруднения, и я принял заказ на вещицу об "уличном наркомане" от одного американского журнала, специализирующегося на документальных детективных историях. Мистер Мелвилл Хардимент с Кембридж-сквер, 6 из записок, которые я ему предоставил, подготовил статью, а я добавил страницу об апоморфинном лечении. Детективщики написали мне, что статью они берут, однако упоминание о методе лечения апоморфином предпочли бы опустить, так как по с ю ж е т у лучше оставить "уличного наркомана" под забором – там, где ему и место, Я ответил, что их позиция настолько необъяснима, что вполне заслуживает таких ярлыков, как "непатриотичная" и "нелояльная" – нелояльная по отношению к любой Америке или любым американцам, заслуживающим, по моему мнению, лояльности, – а кроме того, возможность дезинтоксикации 50 000 несчастных наркоманов сама по себе является неплохим с ю ж е т о м.) Третий экземпляр статьи был затерян в неких далеких архивах, однако благодаря стараниям доктора Пивано Соттсы из Милана появился в качестве предисловия к итальянскому изданию '*Джанки*'. Этот итальянский перевод по сей день остается единственным опубликованным вариантом статьи. В то время, когда статья была написана, я не критиковал ни Американское Ведомство по борьбе с наркотиками, ни Центр здравоохранения в Лексингтоне, я лишь советовал им использовать свое дорогостоящее оборудование для решения задачи дезинтоксикации 50 000 несчастных наркоманов с помощью единственного метода лечения, способного эту задачу решить, ведь если есть у Америки хоть одна обязанность, так это обязанность решить эту задачу. Моя попытка предположить наличие доброй воли там, где она явно отсутствует, оказалась бессмысленной. Американское Ведомство по борьбе с наркотиками упорно продолжает рассматривать наркоманию как преступление, а в результате этого делает упор не на лечение, а на наказание. Наркомания – это нарушение обмена веществ, и к полиции она имеет не большее отношение, чем туберкулез или отравление радием. Мистер Анслингер[104] утверждает, что законы против наркомании должны о т р а ж а т ь неприятие наркомана обществом, иначе говоря, в ы з ы в а т ь неприятие наркомана обществом. Недавно, когда была сделана попытка открыть лечебный центр в Хобокене, местные жители забросали здание центра камнями с криками: «Ну что, т о р ч и т е? А ш п р и ц прихватить не забыли?»

«В Х о б о к е н е мы преступников и преступниц н и з а ч т о не потерпим!»

Иногда просто диву даешься, до чего же гнусным может стать гнусный американец и до чего злонамеренны те, кто формирует его так называемые убеждения. Обратимся к фактам. Чего удалось добиться Американскому Ведомству по борьбе с наркотиками и Лечебному центру в Лексингтоне? Согласно утверждению Ведомства по борьбе с наркотиками, оно все-таки сократило количество героина, потребляемого наркоманами, но не количество наркоманов. Достижение невелико. Принимает ли

наркоман 23 грана героина в день или 1/4 грана, он все равно остается наркоманом и, будучи лишен дозы, неминуемо испытывает тяжелые симптомы отнятия. Более того, наркомания поддерживается и такой малой ежедневной дозой героина, как одна тридцатая грана. Растет пристрастие к героину и в тех возрастных группах и общественных классах, в которых прежде оно было неизвестно. В двадцатых годах, когда я учился в школе, единственным известным нам наркотиком был алкоголь. Когда в сороковых годах я впервые пристрастился к героину, среди подростков все еще не было наркоманов. Ныне же ширящееся распространение подростковой наркомании вызвало усиление мер по борьбе с ней, приведшее к столь прискорбным результатам. Наркомания – болезнь, характеризующаяся незащищенностью от внешней среды. Правомерен вопрос: каким образом молодежь получила доступ к наркотикам? Частично я могу на него ответить. Зараза распространяется благодаря строгим мерам, принимаемым Американским Ведомством по борьбе с наркотиками, его громогласным заявлениям о том, что наркомания – не медицинская, а полицейская проблема. В двадцатые и тридцатые годы люди, уже пристрастившиеся к героину, имели к нему намного более легкий доступ. Торговец обслуживал наркоманов и в большинстве случаев имел дело с неприметной, жалкой шушерой с самого дна общества: мелкими мошенниками, воришками, сутенерами и проститутками. Это был мир убогих улиц и меблированных комнат, далекий от учеников средней школы. В то время не составляло никакого труда следовать привычке к морфину с помощью рецептов врача, и многие из тогдашних жуликов-гастролеров только этим путем и действовали. Когда же Американское Ведомство по борьбе с наркотиками, обезумев от закона Паркинсона, приступило к выполнению программы массовых арестов и несоразмерных приговоров за хранение наркотиков, многие старые наркоманы и торговцы были изъяты из той среды, в которой вращались. Некоторые из ветеранов с отвращением бросили свое занятие. Даже мафия рассудила, что есть более простые и безопасные способы делать деньги. В результате возникло новое поколение торговцев и потребителей. Это новое поколение торговцев и взялось за подростковый рынок. Такое развитие событий было нетрудно предвидеть любому, кто обладает ясным умом. Утверждаю ли я, что Американское Ведомство по борьбе с наркотиками намеренно распространяет заболевание наркоманией на молодежь? Намеренно действует агент или нет, представляет примерно такой же интерес, как то, сколько ангелов могут танцевать на кончике булавки. По плодам познаются дела их, а Американское Ведомство по борьбе с наркотиками пожинает плоды, достойные сожаления. Все это ведет к возможному содержанию больных наркоманией в карантине, к их изоляции, что до сих пор остается чисто английской системой. (Данная статья не является аргументом в пользу введения английской системы в Соединенных Штатах.) В Англии врач может прописать больному, страдающему наркоманией, любое количество героина, однако, если он не убедится, что пациент уже заработал себе пагубную привычку, то ничего не пропишет. Ввиду того, что наркоман имеет законный доступ к героину и может покупать его по аптечным ценам, он не нуждается в черном рынке, хотя и может продать таблетку-другую из своего рациона другим наркоманам. В Соединенном Королевстве число наркоманов составляет 600, тогда как в Соединенных Штатах – 50 000. В последнее время гнет, осуществляющийся в Америке, переносится и на Англию, и уже поговаривают об изменении этой системы. Английские врачи возражают против такого изменения, так

как понимают, что в результате полицейские получают право диктовать врачу, что можно прописывать, а что нельзя. Американское Ведомство по борьбе с наркотиками давно наделено таким правом, и, если врач будет прописывать что-либо наркоманам, он может лишиться разрешения на практику. Политика Американского Ведомства по борьбе с наркотиками рассчитана не на сдерживание, а на распространение заболевания наркоманией. Его работники не уменьшают количество пораженных болезнью. По их собственному признанию, наркомания растет, особенно в среде молодежи. Под предлогом поисков наркотиков они имеют право в любой момент обыскать любого человека и любое помещение. Ведомство непрерывно проталкивает новые антинаркотические законы и все более строгие наказания. Многие законы, принятые под таким нажимом, представляют собой очень серьезную угрозу для нашей так называемой свободы. В Луизиане и Калифорнии быть наркоманом – уголовное преступление. Карательные санкции в отсутствие какого-либо доказанного противозаконного поступка создают прецедент, который может быть распространен на другие категории "правонарушителей", включая любого противника официальной политики. Отнесение всей оппозиции к категории преступников является, разумеется, тем простым приемом, с помощью которого приходит к власти и провозглашает себя избранным большинством голосов фашистский режим. В декабре 1964 года я возвращался в Штаты и провел на таможне три часа, в течение которых агенты по борьбе с наркотиками читали мои заметки, письма и дневник. Не обнаружив наркотиков, они известили меня, что я подлежу штрафу и тюремному заключению за то, что не зарегистрировался в Ведомстве, когда выезжал из страны, и за то, что не сообщил таможенному инспектору об имевшемся на меня криминальном наркотическом досье, когда вернулся. Закон, принуждающий наркоманов регистрироваться, касается только тех, кто был признан виновным федеральным судом, судом штата или городским судом в нарушении закона Харрисона[163] о наркотиках или закона о марихуане 1937 года. В Соединенных Штатах я был арестован дважды, один раз 20 лет назад, а другой – 17. Ни в одном из этих случаев я не был осужден. При любых обстоятельствах, по-моему, этот закон превращает человека в преступника, если он просто когда-либо был наркоманом.

Перейдем теперь к Лечебному центру в Лексингтоне. Что за лечение там проводится? Десятидневное снижение дозы с помощью метадона, при первой же возможности приводящее к практически единодушному рецидиву, что охотно признают лексингтонские врачи. Исследовательский отдел в Лексингтоне возглавляет доктор Избелл, Доктору Денту ни разу не удалось заинтересовать его методом лечения апоморфином, хотя доктор Избелл и наблюдал результаты. Я знаю случай, когда он беседовал с двумя выздоровевшими пациентами доктора Дснта. Доктору Денту он заявил, что считает этот метод лечения слишком опасным. Опасным для кого? Эксперименты, проводящиеся в Лексингтоне, направлены, по всей видимости, на выяснение того, имеют ли склонность к наркомании подвергнутые декортикации[12] собаки! Да, пес может подсесть на наркотики, даже если ему вырезать мозги. Это я мог бы вам сказать и до того, как вы воткнули иглу, док. В настоящее время лечение в Лексингтоне состоит в шестимесячном заключении после первоначального снижения дозы с помощью наркотиков-заменителей. Чиновники Министерства здравоохранения хотят продлить этот период и заявляют, что продолжительное принудительное заключение необходимо, поскольку наркоман не "желает" быть

излеченным. Разумеется, наркоманы не “желают” вылечиваться, так как наркотик полностью контролирует именно центры “желания”. Когда в процессе апоморфинного лечения они начнут избавляться от потребности в морфине, многие “пожелают” продолжать лечение и воздерживаться от наркотиков, Курс апоморфинного лечения занимает 8-10 дней. После окончания курса выздоровевший наркоман обнаруживает, что он в состоянии воздержаться от рецидива. Апоморфин активизирует именно центры сопротивления. В 1959 году интенсивно субсидируемый журнал “*Western world*” поместил статью, названную 'Борьба с наркоманией'. Я перепечатал отрывки из этой статьи, разрезал страницу на четыре части и расположил эти части в другом порядке. Из-под ножниц вышло удивительно ясное и дальновидное заявление относительно целей и методов Американского Ведомства по борьбе с наркотиками. Представляю на ваше рассмотрение этот перераспределенный текст вместе с подтверждающими его сообщениями, которые появились в 1965 году.

ПЛАН “НАРКОМАНИЯ”

Теперь вы спросите, хочу ли я сохранить навечно проблему наркотиков, и я отвечу: «Защищайте болезнь. Защита общества от болезни должна считаться преступлением».

В Соединенных Штатах эта проблема предусматривает использование тюрем, прежний наркотический план, наркоманию и преступления на долгие годы... всестороннюю “заботу” благотворительных организаций... наркотики, которые упреждают применение лекарств... факт, заслуживающий внимания... 4-8 стадий... заключенный был задержан... изолирован... затребован.

Наркомания – своего рода базис... должны быть сплошные наркоманы... Любая умышленная деятельность, направленная на подрыв Капитала Воли и Казначейского Банка... Зараза, переданная в дар торговым сделкам на бирже наркотиков, выявила Тифозную Мэри, которая распространит наркотическую проблему на Соединенное Королевство... Кажется, наконец появилось средство... средство решения проблемы социальной, а значит – опасной для общества... Дайте прокурору свободу засудить любую лазейку.

(Разрезанная 'Борьба с наркоманией' Малькольма Монро, бывшего прокурора, в “*Western world*”, октябрь 1959 года.)

А вот заметка, которая появилась шесть лет спустя; 3 мая 1965 года, в нью-йоркском “*Journal American*”.

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ:

ТЮРЬМА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ

НАИЛУЧШИМ РЕЦЕПТОМ ДЛЯ НАРКОМАНОВ

Врач-психиатр Джордж Э. Вейлант из Службы здравоохранения Соединенных Штатов в Лексингтоне, штат Кентукки, заявил: «Вероятность серьезного воздержания от наркотиков после длительного принудительного тюремного заключения и последующего длительного принудительного надзора по крайней мере в 15 раз выше, чем после добровольной госпитализации». Далее он добавил, что склонность к преступности у несовершеннолетних, разрушенные дома и проживание в трущобах, по всей вероятности, взаимосвязаны.

В Америке царит мнение, что должностные лица обязательно поступают правильно, мнение, что упомянутые должностные лица не жалеют сил на общее благо. Трудно понять, зачем следует их выслушивать, если их слова не несут в себе ни здравого смысла, ни добрых намерений. Если официальные органы не сумели решить проблему наркотиков, да и правдиво ее изложить, то органы неофициальные продвинулись в этом вопросе немного дальше. В последнее время стали создаваться лечебные центры, где единственным средством лечения наркоманов является молитва. Такой вдохновенный, квазирелигиозный подход к лечению нарушения обмена веществ противоречит здравому смыслу. Столь же логично было бы прописывать молитву от малярии. Недавно в Нью-Йорке врачам было разрешено прописывать героинистам метадон. В процессе этого лечения героинисты избавляются от тяги к героину. Они рассчитывают в течение пяти лет снизить дозировку метадона. Метадон – опиат более сильный, чем морфин, и точно в такой же степени вызывающий привыкание. Утверждение о том, что наркоманы вылечиваются от героина с помощью метадона, сродни утверждению о том, что алкоголик вылечивается от виски с помощью джина. Если наркоманы и утрачивают тягу к героину, это происходит потому, что доза метадона сильнее, чем разбавленный героин, который они приобретают у торговцев.

“Джанк” – общее обозначение всех вызывающих привыкание препаратов и производных опиума, включая и синтетические: морфин, героин, дилаудид, кодеин, диокодин, дигидрокодин, демерол, метадон, палфиум – список далеко не полный. Содержащийся в опии-сырце папаверин привыкания не вызывает. Апоморфин, получаемый из морфина, привыкания не вызывает. Однако оба эти вещества согласно закону Харрисона отнесены к наркотикам. Своими законодательными актами Конгресс предполагает не только возводить граждан в звание порядочных людей или преступников, но и изменять физиологическое воздействие лекарственных средств. Наркоманию может вызвать любой тип джанка. Не имеет большого значения и то, вводится ли он с помощью инъекций, вдыхается или принимается через рот. Во всех случаях результат один – привыкание. Наркоман работает на джанке. Словно водолаз, он зависит от своего джанкового шланга. Если подача джанка прекращается, он испытывет мучительные симптомы отнятия: жжение в слезящихся глазах,

повышенная температура, приступы жара и озноба, судороги в ногах и желудочные спазмы, понос, бессонница, прострация, а в ряде случаев – смерть вследствие коллапса органов кровообращения и шока. Симптомы отнятия отличаются от любого другого сравнимого по серьезности синдрома тем, что они мгновенно ослабляются введением достаточного количества опиатов. На четвертый день симптомы отнятия достигают пика, а затем, и течение трех-, шестинедельного периода, постепенно пропадают. Поздние стадии отнятия характеризуются глубокой депрессией. Точных знаний о механизме наркомании еще нет. По мнению доктора Избелла, джанк подавляет чувствительные нервные окончания клеток. Таким подавлением клеток можно объяснить как обезболивающее, так и наркотическое действие джанка. Да, несомненно, и механизм, с помощью которого джанк ослабляет боль. Путь, которым джанк ослабляет боль, ведет к привыканию, и все испытанные до сих пор препараты джанка вызывают привыкание в той же мере, в какой они эффективны при ослаблении боли. Любой препарат джанка, который ослабляет острую боль, даст и соразмерное ослабление симптомов отнятия. Морфин, не вызывающий привыкания, – это попросту новый философский камень, и все же исследования, проводимые в Лексингтоне, в значительной степени сориентированы именно на эту бесплодную затею. Когда устраняется фактор подавления клеток, тело испытывает мучительный период возвращения к нормальному обмену веществ, характеризующийся описанными симптомами отнятия.

На вопрос о том, что за люди становятся наркоманами, дает ответ Министерство здравоохранения: «Каждый человек, достаточно долго употребляющий любой препарат, вызывающий пагубное привыкание». Время, необходимое для вырабатывания прочной привычки, зависит от индивидуальной восприимчивости и наркотической силы употребляемого препарата. Как правило, любой, кто в течение месяца получает инъекции морфина в размере одного грана в день, после прекращения инъекций испытывает серьезное недомогание. Чтобы окончательно стать наркоманом, достаточно употреблять наркотик четыре-шесть месяцев. Наркомания – болезнь, характеризующаяся незащищенностью от внешней среды. Наркоманами становятся в основном те, кто имеет доступ к джанку. В Иране, где опиум можно было открыто купить в лавке, насчитывалось три миллиона наркоманов. Предрасположенность к наркомании существует не в большей степени, чем предрасположенность к малярии. Противоположное мнение, которого придерживается психиатрия, – сущий вздор. (К слову сказать, 9 из каждых 10 психиатров следует, на мой взгляд, разжаловать в ветеринары, а книги их – отправить в макулатуру.) Выражаясь простым языком, большинство людей получает от джанка удовольствие. Испытав однажды это удовольствие, человеческий организм приобретает склонность его повторять, повторять и повторять. Джанк – это и е с т ь болезнь наркомана. Стучится в любую дверь. Кто бы там эту дверь ни открыл, давайте ему в течение шести месяцев четыре ежедневных укола Божественного Снадобья по 1/2 грана каждый, и вы получите “наркоманскую личность”... Старый джанки торгует рождественскими брелоками на Норт-Кларк-стрит[88], его кличка “Жрец” – жалкий и неприметный, холодные рыбьи глаза смотрят, кажется, на то, что недоступно взорам других людей. То, на что он смотрит, и есть джанк. Всю личность наркомана можно выразить одной фразой: Н а р к о м а н н у ж д а е т с я в д ж а н к е. Он на многое пойдет, чтобы добыть джанк, так же как вы пошли бы на многое, чтобы

добыть воды, если бы испытывали сильную жажду. Видите ли, джанк и е с т ь личность, жалкий серый человечек только и может, что оставаться джанковой меблированной комнатой: убогая улица, последний этаж, вот по этой лестнице (кашель), "Жрец" плетется там, опираясь на желтые деревянные раздвижные панели уборной, унитаз течет, и вот товар, припрятанный в комнате под умывальником, согревает уже серую тень на дальней стене, некогда это был я, мистер. Я сидел на джанке почти пятнадцать лет. За это время я прошел десять курсов лечения. Был я и в Лексингтоне, прошел там курс снижения дозы, разжился камфарной настойкой опия в Цинциннати на следующий же день после того, как вышел оттуда, облаченный в костюм банковского служащего и с "*Wall Street journal*" в руках.

– Видите ли, моя жена, она э-э...

– Я все понимаю, сэр. Не желаете ли две унции семейного рациона?

– Да, пожалуй, это подойдет.

Я проходил курсы резкого отнятия и курсы длительного отнятия, курсы кортизона, транквилизаторов, антигистаминов, а также курс лечения длительным сном. Во всех случаях я при первой возможности брался за старое. Почему наркоманы добровольно проходят курс, лечения, а затем вновь принимаются за старое? Думаю, что на глубоком биологическом уровне большинство наркоманов хочет вылечиться. Джанк е с т ь смерть, и ваше тело об этом знает. Рецидивы случались у меня потому, что я ни разу не был излечен физиологически до тех пор, пока не прошел курс лечения апоморфином. Апоморфин – единственный известный мне агент, способный выселить "наркоманскую личность", моего старого дружка Опиумного Джонса. Мы чрезвычайно сблизились с ним в Танжере в 1957 году, когда ежечасно кололи себе метадон, 15 гран в день, что соответствует 30 гранам морфина, а это тьма-тьмущая дряни. Я никогда не переодевался. Джонс любит держать свою одежду в затхлом телесном пансионе до тех пор, пока по шляпе на столе, по висящему на стуле пиджаку не станет ясно, что там живет Джонс. Я никогда не принимал ванну. Старина Джонс не любит ощущать на своей коже воду. Целыми днями я разглядывал носок своего башмака и вел интимные беседы с Джонсом. А в один прекрасный день я понял, что Джонс – не настоящий друг, что на самом-то деле у нас с ним разные интересы. Поэтому я сел в самолет до Лондона и разыскал доктора Дента; горит в камине древесный уголь, шотландский терьер, чашка чая. Он рассказал мне о своем методе лечения, и на следующий день я лег в частную клинику. Она располагалась в одном из четырехэтажных зданий на Кромвель-роуд – комната с розовыми обоями на третьем этаже. Я имел дневную сиделку и ночную сиделку и каждые два часа, днем и ночью, получал одну двадцатую грана апоморфина в инъекциях. Доктор Дент сказал, что, если потребуется, мне могут давать морфин, однако в незначительных количествах: первые 24 часа 1/4 грана за укол, а потом 1/8 грана – двенадцатую часть того, что я принимал раньше, причем на следующий день – еще более резкое снижение дозы.

Всякий наркоман имеет свой особый симптом – тот, что причиняет ему наиболее тяжкие страдания, когда прекращается подача джанка. Что касается меня, то это

ощущение медленной, мучительной смерти мистера Джонса. Вот послушайте, что говорят о своих симптомах лексингтонские ветераны.

– Что до меня, то самое страшное – рвота.

– Я никогда не блюю. А вот от холодных ожогов на коже на стенку лезу.

– Меня чиханье замучило.

– Такое чувство, будто меня заключили в старый серый труп мистера Джонса. Никого на свете больше видеть не хочу. Ничего не хочу делать – оживить бы только мистера Джонса.

Третий день: чашка чая на рассвете, тихое чудо апоморфина. Я учился жить без Джонса: читал газеты, писал письма – обычно я и за месяц письма написать не в состоянии, а тут уже на третий день писал письмо и с нетерпением ждал возможности поговорить с доктором Дентом, который отнюдь не Джонс. Апоморфин разделался с моим особым симптомом. Через семь дней после прихода в лечебницу я получил последнюю 1/8 грана. Еще через три дня я вышел из больницы. Я вернулся в Танжер, где в то время можно было без труда достать джанк. Силу воли, что бы там эти слова не означали, мне напрягать не пришлось. Я попросту не хотел никакого джанка. Апоморфинное лечение позволило мне спокойно и внимательно взглянуть на все серое джанковое прошлое, спокойно и внимательно взглянуть на мистера Джонса, стоящего там в своем поношенном черном костюме и серой фетровой шляпе: затхлый телесный пансион, холодные подводные глаза. Вот я и сварил его в соляной кислоте. Поймите, нет другого способа избавить его от этой многослойной вони серых джанковых меблированных комнат.

Апоморфин вырабатывается из морфина при кипячении его в смеси с соляной кислотой, однако физиологически он воздействует совершенно по-другому. Морфин действует успокаивающе на лобные доли мозга. Апоморфин стимулирует затылочные доли и рвотные центры. Введенная с помощью инъекции 1/12 грана апоморфина через несколько минут вызывает рвоту, и долгие годы это лекарство находило единственное применение в качестве рвотного средства при отравлениях.

Когда сорок лет назад доктор Дент начал применять метод лечения апоморфином, все его пациенты были алкоголиками. Он ставил рядом с кроватью бутылку виски и предлагал пациенту выпить столько, сколько тот пожелает. Однако вместе с каждой порцией спиртного больной получал инъекцию апоморфина. Через несколько дней он начинал чувствовать такое отвращение к алкоголю, что просил вынести бутылку из комнаты. Первое время доктор Дент полагал, что это отвращение вырабатывается благодаря тому, что спирт взаимодействует с дозой апоморфина, который часто вызывает рвоту. Однако он обнаружил, что некоторые из его пациентов не чувствуют от принятой дозы апоморфина никакой тошноты... Существуют значительные индивидуальные отклонения... Тем не менее эти пациенты испытывали такое же отвращение к алкоголю и после нескольких дней лечения добровольно прекращали пить. Тогда он пришел к заключению, что его пациенты чувствуют отвращение к алкоголю, поскольку больше в нем не нуждаются, и что апоморфин своим

воздействием на затылочные доли мозга регулирует обмен веществ так, чтобы тело в дальнейшем не испытывало потребности в успокоительном, привычку к которому приобрело. С того самого времени он всегда подчеркивал тот факт, что лечение апоморфином не основано на принципе отвращения. Апоморфин является метаболическим регулятором и единственным из известных лекарственных средств, действующим подобным образом с тем, чтобы нормализовать нарушенный обмен веществ.

Данный метод, включая дозировки, исчерпывающе описан в книге доктора Дента '*Пагубные Пристрастия и Их Лечение*', изданной "Шеффингтоном" в Лондоне. Каждый, кто берется применять лечение апоморфином, должен с этой книгой ознакомиться. Чтобы добиться успешного лечения, необходимо выдать больному достаточное количество апоморфина за достаточный промежуток времени. Если апоморфин вводится с помощью инъекций, следует в течение первых четырех дней круглосуточно вводить каждые два часа одну двенадцатую грана. Некоторые люди обладают повышенной чувствительностью к апоморфину и находят такую дозу слишком тошнотворной. Ввиду того, что действие апоморфина состоят не в вызывании чувства отвращения, а в регулировании обмена веществ, по возможности тошноты и рвоты следует избегать. Если лекарство вводится под язык, можно выдавать до одной десятой грана каждый час. При назначении под язык тошноту нетрудно сдерживать или устранять, и можно успешно провести полный курс лечения без единого случая рвоты. Для достижения успешного лечения необходимо добиться определенного уровня концентрации апоморфина в организме. В Америке я знаю врачей, которые назначали две инъекции апоморфина в день. Это абсолютно бессмысленно. Необходимо помнить, что любой опиат, любое успокаивающее полностью изменяют действие апоморфина. Поэтому, если назначаются какие-либо опиаты, а это необходимо лишь в тяжелых случаях наркомании, чрезвычайно важно продолжать инъекции апоморфина, по крайней мере, в течение 24 часов после последней инъекции опиатов. Что же касается успокаивающих, транквилизаторов и снотворных, то абсолютно ничего давать не следует.

Конечно, лечение 50 000 наркоманов обойдется недешево, но мы уже тратим миллионы долларов на программы лечения и борьбы, которые не приносят результатов. Если преподнести программу должным образом, многие наркоманы явятся на лечение добровольно. Те, кто выражает желание пройти курс лечения, представляют собой прекрасную надежду на будущее, в котором появится растущее количество рекомендаций, свидетельствующих об успешном применении метода. Если наркоман осведомлен о том, что при необходимости он получит джанк, у него возникнет намного больше желания подвергнуться лечебным процедурам. Инъекциям при этом желательно предпочесть настойку опиума или наркотик типа диокодина, прописанные для приема через рот. Назначение апоморфина под язык снизит личную потребность и сведет к минимуму число случаев тошноты. Большое облегчение при отнятии приносит музыка в наушниках, и ее следует предусматривать. Курс лечения длится от пяти до десяти дней, в зависимости от степени наркомании. После окончания лечения следует предоставить больному двадцатидневный отдых в больнице. По истечении месяца пациентов можно

выписывать, дав им рецепт на таблетки апоморфина для приема их в случае рецидива. Апоморфин абсолютно не вызывает привыкания и не было зарегистрировано ни одного случая пристрастия к апоморфину. Это не успокоительное средство, а метаболический регулятор. Как только он выполнит свою работу по регулированию обмена веществ, его прием можно прекратить. В апоморфине мало приятного, никто не станет принимать его ради удовольствия. Словно хороший полицейский, апоморфин делает свое дело и удаляется. Решающий фактор состоит в том, что апоморфин н е я в л я е т с я ведущим к привыканию наркотиком. При любом курсе снижения дозы наркоман знает, что он все еще принимает наркотики, и панически боится того момента, когда будет отнята последняя доза. При апоморфинном лечении наркоман знает, что он выздоравливает б е з морфина.

Я считаю, что наркоманам противопоказана любая форма так называемой психотерапии. Внимание наркомана нельзя сосредоточивать на его наркоманском опыте, нельзя во избежание рецидива оживлять этот опыт в памяти. Никогда не следует задавать вопрос: «Зачем вы вообще начали принимать наркотики?» К лечению это имеет такое же отношение, как вопрос, зачем больной малярией поехал в малярийный районы.

Апоморфин оказался полезным и при лечении других пагубных привычек и хронических интоксикаций: барбитураты, хлорал, амфетамины. В Соединенных Штатах тысячи барбитуратоманов, а лечение этого пристрастия требует еще больших усилий и затрат времени, чем лечение пристрастия к героину. Отнятие барбитуратов следует проводить очень медленно и под постоянным наблюдением. В противном случае у наркомана могут начаться судорожные припадки, которые нередко приводят к серьезным увечьям. Барбитуратоманы, проходящие курс лечения апоморфином, могут быть т о т ч а с же лишены барбитуратов без судорог и прочих серьезных симптомов. Во время отнятия барбитуратоманы страдают тяжелой бессонницей, и может пройти несколько недель, прежде чем нормализуется цикличность сна. При лечении апоморфином они нормально спят. С другой стороны, амфетаминщики при лишении их наркотика погружаются в такой глубокий сон, что их невозможно разбудить, когда подходит время еды. При лечении апоморфином они спят нормально, и их легко разбудить. Все это вновь напоминает нам об уникальной ценности апоморфина как лекарства, нормализующего обмен веществ, которое еще найдет себе применение в условиях, не связанных с наркоманией. Доктор Фельдман из Швейцарии обратил внимание, что в случаях, когда отмечается повышенное содержание холестерина в крови, после лечения апоморфином этот показатель приходит в норму. Доктор Ксавье Кур из Парижа сказал мне недавно, что он считает апоморфин исключительно полезным средством в общей практике. Он прописывает апоморфин при тревоге, тоске, нервозности, бессоннице – короче, во всех тех случаях, в которых обычно назначаются барбитураты. Несомненно, это средство намного безопаснее, поскольку отсутствует угроза привыкания и даже зависимости. Если при сильном нервном напряжении вы принимаете апоморфин, это не значит, что вы избегаете решения своих проблем, наоборот – вы пытаетесь с ними справиться. Апоморфин нормализует ваш обмен веществ, всегда нарушаемый при любом эмоциональном расстройстве, с тем, чтобы вы смогли здраво и невозмутимо разобраться в своих проблемах. Апоморфин – лекарство от тревоги и страха. Мне

приходилось видеть и самому испытывать то, как после приема дозы апоморфина резко исчезает страх, вызванный мескалином, причем транквилизаторы в подобных случаях оказывались совершенно бесполезными.

Некоторые наркоманы по моему совету прошли курс лечения апоморфином. Все они сошлись на том, что это единственный метод, который приносит результаты, а кроме того – наименее болезненная форма лечебных процедур. И все-таки большинству американских врачей применение этого метода для лечения пагубных пристрастий совершенно неизвестно. В “Списке Меркса” апоморфин значится как “опасный депрессант”. На самом же деле не много есть лекарств менее опасных. Апоморфин противопоказан лишь в тех особых случаях, когда рвота представляет опасность. В Соединенных Штатах апоморфин внесен в список наркотиков, и в отношении его прописывания и употребления существует тот же порядок, что и в отношении морфина и героина. Ни во Франции, ни в Англии апоморфин в список опасных препаратов не включен. Рецепт врача требуется, однако по одному рецепту можно делать сколько угодно заказов на лекарство. Напрашивается вывод, что в Соединенных Штатах делаются умышленные попытки ввести в заблуждение медицинские круги и принизить ценность апоморфинного лечения. Ни разу не было изготовлено ни одного варианта формулы апоморфина, ни разу эта формула не была синтезирована. Не исключено, что с помощью синтеза и вариаций можно добиться устранения побочного рвотного эффекта, а полученные лекарства будут обладать регулирующим воздействием в десять, а то и в пятьдесят раз более эффективным, чем существующий препарат. Такие лекарства могут удалить с планеты то, что мы называем страхом. Так как все монополистические и иерархические системы имеют в своей основе глубоко укоренившийся страх, нет ничего удивительного в том, что применение апоморфинного метода лечения и синтез формулы апоморфина встречают последовательное сопротивление со стороны определенных, печально известных кругов мягкой машины.

У. Б.

1966

БИЛЕТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ

Выражение признательности.

Разделы, озаглавленные "В чужой постели" и "Черный плод", написаны в соавторстве с Майклом Портманом из Лондона. Иэн Соммервилл из Лондона указал цели и смысл склеивания ленты и всех прочих экспериментов с магнитофонами, представленных в данной книге. Описанными киноэкспериментами я обязан мистеру Энтони Бэлчу с лондонской студии “Balch Films”. Автор заключительного послания – Брайон Гайсин[164].

«ВИДИШЬ, ЧТО ТВОРИТСЯ, БИ-ДЖЕЙ?»

Это долгое путешествие. Мы единственные пассажиры. Вот мы и узнали друг друга так близко что звук его голоса и его образ мерцающий над магнитофоном стали мне привычны как работа моего кишечника звучанье моего дыхания мое сердцебиенье. Нет мы не любим друг друга и даже друг другу не нравимся. Мало того когда я смотрю на него в глазах моих неизменно убийство. А стоит ему посмотреть на меня убийство неизменно в его глазах. Убийство в свете карбидового фонаря под дождем Пуйи снаружи это весьма дождливое место выпивая агуардьенте с чаем и корицей дабы отбить вкус керосина он обозвал меня пьяным сукиным сыном и вот оно появилось на той стороне стола страшное и кровавое как только что использованный нож... сидит неподвижно и вяло в брезентовом кресле прочтя воскресные комиксы за прошлый месяц он называет их “шутками” и читает каждое слово иногда на это у него уходил целый час на берегу приливной реки в Мексике неторопливое убийство в его глазах быть может лет через десять пятнадцать я увижу сделанный им ход тогда он был неплохим шахматистом-любителем это даже отнимало у него почти все время но времени у него было полно. Я предложил ему разочек сыграть он посмотрел на меня улыбнулся и сказал: «Куда тебе со мной тягаться».

Его улыбка была самой непривлекательной из его черт или по крайней мере одной из его непривлекательных черт она раскалывала его лицо надвое и нечто абсолютно чужеродное вроде хищного моллюска виднелось там по-другому короче в первые минуты игры сделав совершенно случайные ходы я взял его ферзя. Он выиграл партию без ферзя. Я своего добился и утратил интерес. Панама под потолочными вентиляторами, на холодных ветрах Чимборацци, на булыжниках Лимы, испаряющийся с грязных улиц Эсмеральдаса этот вялый его синтетически-грубый ЦРУшный голос... по существу он был довольно суров и своекорыстен и мыслил исключительно с точки зрения позиции и выгоды эффективный но чрезвычайно ограниченный интеллект. Мышление на любом другом уровне его попросту не интересовало. Он был между прочим весьма жесток но не пристрастен к жестоким поступкам. Он был жесток если предоставлялась возможность. Потом он улыбался глаза его щурились а острые зубки хорька проглядывали меж тонкими губами которые выделялись сине-лиловым цветом на гладком желтом лице. Однако кто я такой чтобы осуждать что-то в своем собственном прошлом мне лучше поскорее забыть...

Клоню я к тому что мы друг другу не нравимся мы просто оказались на одном корабле делим одну каюту а зачастую одну постель связаны миллионом общих блюд и отрыжек работой кишечника и звучаньем дыхания (он ужасно храпел. Чтобы заткнуть ему рот я поворачиваю его набок или на брюхо. Он просыпается и улыбается в темной каюте бормоча «Не вздумай».) нашим сердцебиеньем. Мало того его голос двадцать четыре раза в секунду сращивается со звучаньем моего дыхания и моим сердцебиеньем, от чего мое тело убеждено, что мое дыхание и сердце остановятся, если умолкнет его голос.

«Ну что же, – говаривал он со своей обаятельной улыбкой, – эта позиция и впрямь приносит известную выгоду».

Мои попытки убить его как правило были открытыми... нож... пистолет... в чужой руке разумеется у меня не было намерения создавать себе бытовые трудности... автомобильная катастрофа... утопление... однажды когда он нырнул с лодки в приливную реку у меня в голове всплыла акула... Я приду к нему на помощь и точно тисками сожму в руках его израненное умирающее тело он будет слишком слаб от потери крови чтобы от меня отбиваться и мое лицо будет последним что он увидит. Он всегда планировал что его лицо будет последним что увижу я и его план предусматривал эпизоды синерамного фильма с изображением Сада Наслаждений (Базара Опьяняющих Грез) и показом всех видов мастурбации и самопоругания особенно пригодится юным мальчикам все электрическое и очень хитроумное вы где-нибудь сидите некое сексуальное колесо крутится врезаясь вам в жопу или давит на ваши спинномозговые центры а электронная виселица попросту уничтожает вас на транспортерной ленте Режиссер выкрикивает там распоряжения:

«Я хочу чтобы ты обсирался и обоссывался с ног до головы когда видишь виселицу. Ну же координируй свое касторовое масло! И Бога ради посмотри на безжалостного палача умоляющим взглядом он ведь твой приятель по заднице и намерен тебя повесить в этом-то вся д р а м а и есть...»

«Это болезненная фантазия Би-Джей».

Ну да похоже этот испорченный юный принц испускает запахи гниения когда шевелится но шевелится он не часто как правило пытается заполучить одного из пленников хочет сделать его своим личным мальчиком-рыбой однако молодая генерация уже в пути. Партизаны захватили крыло студии и вызвали Красную Гвардию... «Ну мальчики что вы ч у в с т в у е т е по поводу такой ситуации? Давайте высказывайтесь... Это п р о г р е с с и в н а я школа... Эти юнцы образа и ассоциации уже у входа в сад со знаменами интерязыка... Ее четвертый класс завопил от страха когда я посмотрел на “псов” и я посмотрел на мостовую решив что мостовая безопасней... Атакуйте врага орудием типа бильярда-автомата... Уберите вертикальное панорамирование ОСТАНОВИТЕ БОГ-фильм. Рассматривайте внимательно кадрик за кадриком мальчики...».

«У них есть жуткий моллюск в оргазме с потрохами пожирает повешенных мальчиков а они любят когда их пожирают из-за жидкого месива которое он выделяет и растирает по их телам однако быть может я слишком много болтаю о личных делах».

«И вы мальчики намерены все это терпеть? Чтобы вас слюнявил и высирал какой-то чужеродный моллюск? Поступайте на военную службу и посмотрите мир помню один дозор освобождал речной городишко и приобрел привычку к Сексуальной Шкуре. Сексуальная Шкура – это тварь обитающая в здешних реках наматывается на тебя точно вторая кожа и медленно тебя пожирает... А у этих ребят Сексуальная Шкура обгорела на солнце равнину они могли пересечь лишь ползком до гарнизона они добрались уже полусъеденными в основном дерьмо да куски тела отваливаются

вот я и позвал капитана а он сказал что лучше всего размозжить им черепушки и похоронить в гальюне где по его расчетам запах улетучится незаметно но в конгрессе подняли вонь насчет “невоспетых героев” и сам Президент прибил на тот гальюн медаль “пурпурное сердце” ее до сих пор можно увидеть там где раньше стоял старый гальюн вон за теми зарослями чертополоха...

Ну а теперь братва стоит показать вам кое-что из здешней ситуации и проблем с которыми вам придется столкнуться... возьмите сундучок молодого солдата который пытался спасти своего приятеля от Сексуальной Шкуры а та перекинулась на него и теперь приятель с отвращением от него отворачивается... любой бы так поступил сами понимаете и это еще не самое худшее знаешь что в любую секунду твоего приятеля может одолеть чужеродный вирус такое бывает жестокая идиотская улыбка над кукурузными хлопьями... Вы задыхаетесь и точно благонравный католик заботящийся о собственной душе тянетесь к оружию... поздно... ваши нервные центры парализованы гнусным Бор-Бором он прокрался в ваш кофе... Он намерен вас долго и мерзко съедать... Эта здешняя ситуация привела к тому что специалисты по усушке голов называют “манией преследования” среди нашего личного состава и заметному падению боевого духа... Перед тем как это написать я забаррикадировался в офицерской кают-компании от второго помощника который утверждает будто он «маленький палач посланный Господом специально ко мне» ох уж этот ебучий младший лейтенантик я слышу как он там хнычет и распускает нюни а полковник дрочит у окна целясь в Сексуальную Шкуру “Близнецы”. Голый труп капитана висит на сигнальной мачте. Я единственный кто остался на посту в здравом уме. Я знаю что нам грозит теперь когда уже слишком поздно: биологическое оружие которое превращает здоровых нормальных людей в жалких слюнявых нелюдей явно вирусного происхождения. Я решил покончить с собой лишь бы не попасть им в лапы. Я уверен что падре одобрил бы это знай он что здесь творится. Не знаю как долго я еще протяну. Запас кислорода подходит к концу, Я читаю научно-фантастическую книгу под названием '*Билет, Который Лопнул*'. Сюжет весьма напоминает то что происходит здесь поэтому я то и дело заставляю себя вообразить эту каюту всего лишь местом действия в старой книге далеким и давним вполне могло быть и так благодаря той поддержке которую я получаю из Тылового Штаба».

«Видишь что творится, Би-Джей? Все эти патрули отрезают световые годы от вражеских линий и пытаются проскочить мимо толстожопого жующего резинку и читающего комиксы техника-сержанта в Тыловой Штаб а Тылового Штаба и нет все трещит по швам точно расползающаяся нижняя рубаха... но представление продолжается... любовь романтика... истории от которых разрывается сердце и страдает душа... Вот к примеру такая. Ты слушаешь Би-Джей? Есть один славный и честный тяжелометаллический малый а очаровательную равнодушную агентессу из Зеленой Галактики посылают уничтожить его Сексуальной Шкурой но она влюбляется в малого и не может этого сделать а к своим она не может вернуться из-за ужасных пыток грозящих тем кто не справляется с Миссией вот они и улетают вдвоем в космической капсуле “Близнецы” быть может для того чтобы вечно скитаться по космическому бездорожью или может быть?..»

ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ

Комната расположенная под крышей разрушенного склада вычищена через открытое окно ветрами времени заносящими серые покровы занавесочных звуков и эктоплазменные[9] хлопья старых газет и киножурналов кружащие над гладким бетонным полом и под голым железным каркасом пыльной кровати... матрас скручен и отформован отсутствующими жильцами... в потускневшем зеркале отражались призрачные прямые кишки, фантомные мастурбирующие предвечерья... Мальчишка, который был хозяином этой комнаты, стоял нагишом, в его глазах, точно голубая дымка, – далекая неорганическая тишина... хлопья звука и образа кружили вокруг него и покрывали его металлическую кожу серой пылью... Другой, зеленый мальчик, скинул брюки и двигался в вихрях ядовитых цветных испарений, вдыхая чужеродную среду лиловыми жабрами со способными напрягаться волосками, посылающими импульсы телепатической информации... Голова его была меньше шеи и конусом сужалась в точку... Перед ним плавал серебристый шар... Два существа приблизились друг к другу, недоверчиво и осторожно... Пенис зеленого мальчика, имевший ту же лиловую расцветку, что и жабры, встал и, вибрируя, вонзился в тяжелую металлическую субстанцию второго... Два существа сплелись освободившись от людских координат прямые кишки сливались в прогорклом запахе болота... сквозь синий сумрак комнаты осколками опала хлынули струи спермы... воздух был полон мерцающих призраков которые со скоростью света мчались сквозь оргазмы всего мира... экспериментальные существа на несколько секунд обретающие обличье в совокуплении света... Неорганическая тишина в двух телах прилипших друг к другу в запахе K-Y[8] и ректальной слизи растеклась во временных потоках вновь сметаемых в подобие человека... Поначалу он не мог вспомнить... ветры времени сквозь занавесочные звуки... голубые глаза затуманены, и скручены отсутствующие тела... В памяти вновь всплыл голубой металлический мальчишка нагишом когда зеленый мальчик-девочка опустил рычаги управления космического корабля в вихрях ядовитого цвета... Голубой мальчишка ледяной нитью протянул руку сквозь другой прибор... Они сплелись парализованные... Они с Брэдли терлись друг о друга в компенсирующих давление креслах, а тяжелометаллическая субстанция вела их корабль сквозь отвратительное сплетение людских облачных поясов... галактика Икс дарующая прогорклый запах болота... Их расчеты улетучились в запахе озона... осколками опала – район мерцающих призраков которые скитаются по заброшенной оконечности Галактики Икс воспаряя и совершая посадку с помощью оргазма... мерцающая фигура его спутника голого в космическом скафандре для совокупления который прилип к его мускулистой синей тишине... запах K-Y и ректальной слизи в вихрях полупрозрачного зеленого света... его тело вспыхнуло фантомными обличьями как рыба ослепительных цветов мелькнувшая в прозрачной воде... экспериментальные существа которые обретали обличье и цвет от этих тварей – кожная оболочка из света... пульсирующие вены крест-накрест оплетали два тела прилипшие друг к другу в замедленных временнЫх потоках... губы экспериментальных лиц, прямые кишки сливающаяся структура единое тело в полупрозрачной зеленой плоти...

Левая рука Брэдли онемела и вниз по левому боку распространилось покалывание паралича... Он ощутил непомерную тяжесть Зеленого Спрута который появлялся

чтобы блокировать все комбинированные существа и отстаивать свою плотскую монополию на рождение и смерть... Его слабоумные подпевалы затащили Брэдли в Сад Наслаждений[165]... вновь в человеческую плоть... Сад Наслаждений – это обширное покалывание онемения окруженное печами из раскаленной добела металлической решетки с наклонными воронками наподобие рыболовной ловушки... За печными воронками расположен опустошенный район секс-кабинок, турецких бань и гостиниц для временных постояльцев... оргазмоманы сваленные в мусорные кучи точно шуршащая мешковина... фантомные секс-проводники демонстрирующие вспышки непристойных фильмов... звук страха... жизнь темных улиц места позабытого... «Это можно сделать быстро». Базар Опьяняющих Грез... БОГ... Помню как мой старый командир стоял там с палаческой петлей в руках... «Видишь петлю, Ли? Это о р у ж и е ... вражеское о р у ж и е ».

Это было в 1962 году. В последующие годы я установил контакт с рядом подпольных организаций имеющих различные цели методы и структуры среди которых была подозрительная группа наемных убийц под названием “Белые Охотники”. Представляли ли они белых расистов или антибелое движение намного опередившее Черных Мусульман? Правоэкстремистских или крайне левых китайцев? Представляли ли они Хасана-и-Саббаха[161] или Белую Богиню? Никто не знал и в этой неопределенности таился тот особый страх который они внушали. Окружной Инспектор принял меня в обшитой панелями комнате с камином, казалось это загородный дом снаружи дождь туманный ландшафт. Жестом пригласив меня сесть в глубокое кожаное кресло ОИ принялся расхаживать у меня за спиной и говорить голосом лишенным и акцента и модуляции, голосом который никто не смог бы ни связать с говорящим ни узнать услышав его снова. У человека который употреблял этот голос не было родного языка. Он научился пользоваться чужеродным инструментом. Он ходил а слова плавали в воздухе у него за спиной.

«В этой организаций, мистер Ли, мы не поощряем единства, esprit de corps[166]. Мы не даем нашим агентам представления о сплоченности. Как вам известно большинство существующих организаций делает ставку на такие примитивные реакции как слепое повиновение. Их агенты приобретают пристрастие к приказам. Разумеется вы будете получать приказы и в некоторых случаях вы благоразумно откажетесь выполнять приказы которые получите. С другой стороны ваше неподчинение определенным приказам может подвергнуть вас опасностям о которых на данной стадии вашей подготовки вы вряд ли имеете представление. Есть кое-что похуже смерти мистер Ли к примеру жизнь в условиях которые стремятся навязать враги. А в какой-то момент вашими врагами становятся члены всех существующих организаций. Если уцелеете вы научитесь определять этот момент. Инструкции вы будете получать разными путями. Из книг, уличных вывесок, фильмов, в некоторых случаях – от агентов которые имеют целью стать или уже являются членами организации. Уверенности нет ни в чем. Те кто нуждается в определенности наше ведомство не интересуют. В сущности это антиорганизация цель которой выработать у наших агентов иммунитет к страху отчаянию и смерти. Мы намерены прервать цикл рождения-смерти. Как вам известно прививка – оружие против вируса а прививку можно осуществить лишь под воздействием... под воздействием удовольствий предлагаемых во вражеских условиях: оснащенный компьютерами Сад

Наслаждений: воздействие боли выдвинутое в качестве альтернативы... думаю вы помните печи... воздействие отчаяния: “Конец – это начало рожденное познанием” непростительного греха отчаяния. Вы пытались стать Богом то есть в м е ш а т ь с я и потерпели сокрушительное поражение... Воздействие смерти: грустное усохшее лицо... он прошел долгий путь за чем-то неразменным рожденный для того что ни познать ни разменять. Он умер ночью».

Ряд косвенных ссылок: «Цюрих суббота утром встречаю на штатной автостоянке столь подходящее семейство Вебберов. Слыхал догадываюсь что платная стоянка это не все они наверняка все покупают у организации Шеннон полагает они могут сделать запись на Маунт-стрит 23 я так и думал а там есть маленький мальчик это воспроизводилось в целой куче книг верно? У него есть камера с фотопластинкой в “*Воге*” это напечатают? Часть городской пятницы по правде говоря чадолюбивый вторник ах верно сент-луисский энцефалит по рождению и прозванию это единственный раз когда умерли девятнадцать но болезнь быстро разносится. Что в Германии? Он имел в виду что ее секспревосходительство Салли Рэнд оседлала пилота военно-морской авиации Алана Б. Уэлда два акта для трех святых в космическом пространстве с гордостью зарегистрированные в Фениксе правда вы уверены вот именно ночной зверь с заразным укусом понедельник 18-е сейчас открою дверь кто-то звонит разумеется разумеется впервые за тридцать лет хьюстонская вспышка там впервые кто сказал Атлантик-сити? Я должен был подготовить съемочную площадку, а Б. должен был получить вирус от птиц ага потом они вроде заплатили доллар за обработку подлинного фильма заразной болезнью но болезнь потихоньку охватила весь Западный Техас красота не запланированная в космическом пространстве... «Хочешь сказать ты все сделал сам твоего помощника не было так?..» – «Да нет просто распространяю эпидемию Святой Вакцины быть может нам стоит...» – «Сколько времени у тебя ушло на то чтобы обработать это фото и опрыскать все что летает окрасить и все прочее все это часть неожиданно здоровых горожан заразная болезнь красоты распространяет эпидемию иммунных людей... Полчаса? Сент-Луис штат Миссури вселяет надежду ты хочешь сказать еще не все кончено? На этом фото пышный стриптиз может исчезнуть? Тебе лучше сделать так чтоб исчезла страница из “*Time*” за сентябрь... (номер неразборчив)... Это музыкальная семейка... парашют на всякий случай... Я могу уже бассейнами эту болезнь лакать это новая игра чтобы добраться до источника все опрыскать? Я слыхал пятница чадолюбива зарегистрированная исполнительница стриптиза по прозванию Конни ах ты намерен это потом вспоминать это последняя из последних крайностей ты вроде вошел в его лунном скафандре быть может он там? Ах нет... Все становится слишком призрачным я получаю спинной и головной мозг мужчина с женским смехом у них есть один сценарий он так его и закончил они всегда поднимают свист все это часть игры в войну расплачиваются дети женский смех только что раздался со стороны Объединения юных актрис в “*Time*” вторник а что? Что-то красивое там в туманной дали там скорее всего некто так называемый в самом деле как в старой поговорке “Думаю секс полезен для здоровья” всего лишь два одуревших немца устроили все ту же нескончаемую свистопляску... Это часы переведи-ка их на два часа вперед последние из последних как будто мы в Лондоне фраза слова вместе туда и обратно сам знаешь Помешанная Богиня восемнадцать из девятнадцати готовы картина готова никогда не смотри на натурщицу при нас ничем

не стесненная болезнь поразительно мы сделали это без всякой натурщицы юная актрисочка попалась в эту фразу с точкой молодой художник неужели натурщицы это я слушай ты там уже был?»

Листая подшивку БОГа… Ссылка. “Большой обзор” страница 71: «Понедельник 9 мая» озноб легкая лихорадка... в мозгу такое чувство как будто сгорели все связи... электросексуальное покалывание... Сад Наслаждений вроде снесли одни обугленные деревянные балки голубые и розовые блестки непристойные картинки колышутся на ветру запах угольного газа... эту мрачную долину окутала непроглядная тьма фильма снятого с недостаточной выдержкой... Тело повешенного с веревкой на шее лежит на люке деревянной виселицы... там стоит Карл...

«Ты заманил меня в эту западню?»

Он рассмеялся и вновь бросился в койку дрыгнув ногами: «Ну и что я такой молодой а добряк?» мужчина с женским смехом.

Я с отвращением пошел от него прочь. Там стояли два охранника один по прозвищу “Роза”. “Роза” был более общительным и дружелюбным и я спросил его о повешенном которого видел. Он пожал плечами... «Думал он чему-то научится... его брюки... бубонная чума».

Я поднялся по пологому склону. Сад был сооружен в долине почти лишенной растительности если не считать кустарника и ползучих растений. Вся местность имела отвратный жалкий вид заброшенного балагана,

«Кто это все проектировал?» – спросил я.

Второй охранник ответил: «Может, он, – и показал на Карла. – В конце он покажет тебе свой билет загородного клуба а в конце тебя вешать во вторник».

Мебель свалена в кучу для хранения или перевозки и в пыльном ящике стола я нахожу револьвер “Уэбли-455”. Стоял там с револьвером в руке а Карл вновь рассмеялся. Первая пуля вонзилась в балку в четверти дюйма от его шеи. Щепки испещрили юные щеки красными пятнышками. Он отер рукой лицо и взглянул на кровь. Перестав смеяться он посмотрел на меня приоткрыв рот. При втором выстреле в рот ему попала струя черной жидкости из револьвера. Лицо его почернело и постарело и он бессильно оперся о балку бормоча: «Снотворные таблетки».

“Добряк”? гм в разговоре словечко звучит странновато... Ага нашел... ссылка. Дело Восточного Берега страница 156:

«Это роман в виде ряда косвенных ссылок... бритье?.. он побрился?.. ампутация... трех юных взломщиков один из них в черном пальто остановили на лестнице два английских сыщика... Одного из воров прозвали Добряк…»

Я дозвонился до Скотланд-Ярда...

– Инспектора Мердока пожалуйста.

– Позвольте узнать кто говорит сэр.

– Клинкер.

– Просто “Клинкер” сэр?

– Больше ничего.

– А привет Ли чем могу помочь?

– Есть у вас в картотеке человек по кличке “Добряк”?

– Подожди я проверю... – Я опустил еще шесть пенсов и принялся ждать. – Вот нашел... имя Теренс Уэлд... возраст двадцать... пять футов одиннадцать дюймов... сто сорок фунтов... волосы рыжеватые... глаза зеленые... известен городской полиции... трижды арестован по подозрению в краже со взломом... ни разу не осужден...

– За что он получил эту кличку?

– Сладкоречив... спокоен... много смеется... в общем добряк по крайней мере внешне.

– Ясно... что-нибудь еще?

– Да кое-что... года два назад малый по имени Харрисон Джон Харрисон повесился в сарае своего загородного дома неподалеку от Сэндхилла... В то время Харрисон жил вместе с юным Уэлдом... Уэлда взяли в машине Харрисона... Вот почему это привлекло наше внимание... Нечего и говорить что никаких обвинений...

– Нечего и говорить... Был ли Уэлд вместе с Харрисоном в его загородном доме в момент смерти Харрисона?

– Нет он был в Лондоне.

– Что-нибудь позволяет установить его отношение к смерти Харрисона?

– Абсолютно ничего.

– Что-нибудь необычное в самоубийстве Харрисона?

– Да кое-что... он соорудил виселицу с опускающейся подставкой... должно быть потратил на это не меньше получаса.

– Что-нибудь еще?

пауза... покашливание...

– Тело было совершенно голым.

– Ты уверен что в этот момент он был один?

– Абсолютно... Городишко маленький... проверить нетрудно.

– А одежда... брошена как попало?

– Аккуратно сложена.

– А инструменты которыми он пользовался?

– Каждый инструмент положен на место... сарай использовался в качестве мастерской... Помимо всего прочего Харрисон увлекался плотничьим делом.

– У Харрисона был магнитофон?

– Откуда мне знать? Если тебе так интересно могу дать телефон в Научно-исследовательском отделе.

– Странно что их может заинтересовать ничем не примечательное самоубийство.

– Многое из того чем они занимаются всем прочим кажется странным. Я точно знаю что одно время они занимались этим делом... Спросишь добавочный 23... Мистер Тэйлор.

По интонации с которой он повторил имя я понял что мистеру Тэйлору обо мне известно

– Да мистер Ли?

– Я хотел бы получить кое-какую информацию о человеке по имени Харрисон который два года назад покончил с собой... загородный дом неподалеку от Сэндхилла...

– Я помню это дело... лучше не по телефону... Может быть встретимся сегодня в баре “Чанду”? Часов в шесть?

Мистер Тэйлор был одет в светло-голубой костюм плечи столь широкие что возникала мысль о физическом недостатке... маленький шрамик на месте прооперированной заячьей губы... багровое лицо... светло-голубые глаза. Мы отыскали укромный уголок. Мистер Тэйлор заказал коктейль с шотландским виски.

– К моменту смерти Джону Харрисону было двадцать восемь... Человек он был весьма состоятельный... квартира в Пэддинггоне... загородный дом... интересовался оккультными науками... писал плохие стихи... рисовал плохие картины... хотя хороший плотник... сам сколотил себе мебель.

– У него был магнитофон?

– Да у него было три магнитофона с дополнительными проводами так что он мог воспроизводить и переписывать с одного на другой. Они находились в Пэддингтонской квартире.

– Вы слушали его записи? Он выпил полбокала.

– Да я прослушал его записи и прочел его дневник. Похоже его преследовала навязчивая идея виселиц... сексуальные аспекты сами понимаете.

– В этом нет ничего особенного... если учитывать провода...

Он допил коктейль.

– Да в этом нет ничего особенного и именно этим занимается наш отдел.

– Вы допрашивали в этой связи молодого человека по имени Теренс Уэлд?

– Юного “Добряка”? Да этого субъекта я допрашивал.

– Он и вправду оказался добряком?

– Именно так. Я считал что он несет непосредственную ответственность за смерть Харрисона. Когда я ему об этом сообщил он сказал: «Ну и что я такой молодой?» Точно. А потом рассмеялся.

– Звук интересный?

– Весьма.

– Вы его записали?

– Конечно.

– Довольно глупо с его стороны как по-вашему?

– Не так уж и глупо. Просто он мыслит не так как мы. Возможно он не может так не смеяться даже если покажется что подобный смех принесет ему немало вреда.

– Я бы сказал что “Добряк” и есть этот смех... единственный способ существования “Добряка”.

– Заразительный смех что ли? Да он – болезнь... вирус. Были и другие случаи. Мы стараемся чтобы они не попали в газеты.

– И случаи о которых никто не слыхал? Вероятно цель операции в том чтобы отпала необходимость в реальном повешении... смерть объясняемая естественными причинами... или жертву одолевает вирус... Да и сам “Добряк” мог вполне быть “повешен”.

– Разумеется я думал об этом. Здесь мы имеем дело с биологическим оружием но пока неизвестно какие силы и с какой целью его используют.

– К тому же это идеальное оружие для единичного убийства. Есть причины по которым кто-нибудь мог захотеть убрать Харрисона?

– Абсолютно никаких. Он ни для кого не представлял интереса. Я пришел к выводу что его смерть была чистым экспериментом.

– “Добряку” заплатили?

– Похоже на то. Вскоре после нашего разговора он уехал в Америку.

– Все еще там?

– Нет он вернулся в Лондон.

– Вы его видели?

– Да. Он меня не узнал... под джанком с барбитуратами... выглядит на десять лет старше... я бы сказал в нокауте... Но ни один “Добряк” уже не представляет особого интереса там откуда он взялся: из магнитофона.

– Вы сделали копии харрисоновских записей?

– Да. Если хотите я их вам поставлю.

Квартира Тэйлора была сплошь в коврах... письменный стол пишущая машинка два шкафа для документов длинный стол у окна с четырьмя соединенными проводами магнитофонами. Он показал на магнитофоны...

– Эта идея пришла мне в голову благодаря системе Харрисона.

– Харрисон сам устанавливал магнитофоны?

– Нет он был хорошим плотником но совершенно не разбирался в технике особенно в электроприборах. Аппараты ему подсоединял “Добряк”.

Он поставил пленку.

– Голоса Харрисона и “Добряка” чередуются. Каждый из них записывал небольшой текст потом две ленты разрезались на короткие отрезки и склеивались. Это вызывает интенсивное эротическое возбуждение. Как ни странно но похоже что содержание записи на результат не влияет. Мало того такого же сексуального эффекта можно добиться если склеить уличные записи сделанные двумя разными людьми.

читают два голоса один жестокий насмешливый другой сравнительно глухой и прерывистый чередуются с короткими интервалами передают ощущение заряженной электричеством близости легкой грубой а потому отвратительной.

– Теперь послушайте это.

Слова сливались в некую кашу. Они рычали скулили и лаяли. Как будто сами слова подвергались допросу и вынуждены были выдавать свой скрытый смысл.

– Отрывистое воспроизведение... та же запись которую вы только что слышали в обе стороны пропущенная через головку... Такого же эффекта можно добиться включая и выключая запись с очень короткими интервалами. Послушайте внимательно и вы услышите слова которых не было в первоначальном тексте: «сделай сделай это... да я сделаю сделаю сделаю это... правда правда правда сделай сделай это... шея шея шея... о да о да о да...»

– Слыхали?

– О да о да о да.

(Я подумал что было бы интересно сделать отрывистую запись речи в ООН, Конгрессе, Парламенте, да где угодно, и через несколько секунд воспроизвести. Если иметь достаточно строгую программу регулировки, правительством можно руководить без всякой полиции, но нельзя руководить правительством без собачьего бреда.)

– Да слыхал.

– Вот еще один вариант той же первоначальной записи с чередованием Харрисона и "Добряка" двадцать четыре раза в секунду. Полагаю это та самая пленка которая доконала Харрисона.

Знакомый звук я слушал его уже долгие годы едва слышный... а вот громкий и отчетливый невнятный гипнотический каданс. Он выключил аппарат.

– Звуковая дорожка в ы с в е ч и в а е т образ... в данном случае образ "Добряка"... почти осязаемый... Вот таким манером... биологи говорят о сотворении жизни в пробирке... все что им нужно это несколько магнитофонов: "Добряк 23" к вашим услугам сэр... разумеется вирус... Звуковая дорожка – его единственный способ существования никто его не слышит его нет разве что в качестве потенциальной возможности вроде сфер и кристаллов которые видны в электронный микроскоп: Герпетическая Лихорадка... Бешенство... Желтая Лихорадка... Сент-Луисский Энцефалит... всего лишь сферы и кристаллы пока они не отыщут очередного хозяина... всего лишь набор молекул железа на пленке пока "Добряк 23" не приберет к рукам очередного гомика... разумеется паразитарную жизнь сотворить проще чем все прочие формы... Хотелось бы знать...

– Нельзя ли создать доброкачественного "Добряка"? Не знаю. Требуются эксперименты в этом направлении...

(Видишь какой подход, Би-Джей? П р и я т н ы й вирус... прекрасные симптомы... долгий полет сочетающий в себе лучшие черты джанка гашиша LSD Йаге... те кто возвращается наделяются ослепительной сверхчеловеческой красотой!..)

– В момент самоубийства Харрисона "Добряк" оставался в пэддингтонской квартире?

– Нет. За месяц до смерти Харрисона он его бросил. По-видимому Харрисон предлагал ему все деньги которые только мог раздобыть лишь бы он вернулся и вновь поселился с ним, но “Добряк” отказался. Он жил с молодым человеком фамилия Каннингэм... Роберт Каннингэм... они склеивались... пока склеенная лента находит выход в подлинном сексуальном контакте она действует как афродизиак... не более того... Но когда чувствительный субъект склеен с тем кого нет тогда она действует как губительный вирус... идеальное орудие убийства со встроенным алиби. “Добряка” в тот момент не было. Он всегда отсутствует.

– “Добряк” разработал этот план не в одиночку.

– Да вряд ли... Наверняка это лишь один аспект большой общей картины... которая напоминает тщательно разработанный план захвата планеты... Всякий кто держит треклятое ухо востро не нуждается в россказнях психиатра с Харли-стрит о том что в так называемые нормальные сексуальные отношения привносятся деструктивные элементы: желание властвовать, убивать, одолеть и съесть партнера... как правило эти порывы сдерживаются встречными порывами... что вирус выводит из строя так это регулировочные центры в нервной системе... Мы уже знаем как это делается по крайней мере именно эта операция нам известна... Мы не знаем кто это делает и как их остановить. Каждый раз как мы настигаем кого-нибудь вроде “Добряка” нам достается магнитофон... обычно записи уже стерты...

– Должен же у вас быть какой-то план.

– Он есть... Вы слыхали о группе “Логос”?.. Утверждают что сделали поведение человека научно предсказуемым и контролируют его с помощью соответствующих словесных комбинаций. Они владеют системой терапии которую называют “клирингом[167]” (“очисткой”). Вы “прокручиваете” травматический материал который они называют “энграммами”[168] до тех пор пока благодаря повторяемости он не лишается эмоционального оттенка после чего он вновь сдается в архив в качестве беспристрастной памяти. Когда все “энграммы” прокручены и дезактивированы субъект становится “клиром” (“чистым”)... Казалось бы методика и инструмент хороши или плохи в зависимости от того кто и с какой целью ими пользуется. Данным инструментом особенно легко злоупотребить. Во многих случаях они становятся “клирами” сваливая свои “энграммные” записи на другого человека. Эти “энграммные” записи являются живыми организмами мало того – вирусами... Это действительно предоставляет некую выгодную позицию... любое сопротивление подавляется “энграммными” записями... “клиры” объяты ярким холодным пламенем эгоизма сверкающий образ который разгорается все ярче и ярче разлагая на фрагменты другой образ и поглощая отдельные фрагменты... Да нам известны в этой организации подставные лица мужчины и женщины но они всего лишь... фасад... магнитофоны... руководителей там нет...

– Программа “пустое тело”, что ли? – Я встал намереваясь уйти. – Где я смогу найти “Добряка”?

– Каждую полночь в “Бутсе”. От него вы ничего не добьетесь. Он не помнит.

На охраннике был белый спасательный жилет... Он привел Брэдли в конусообразную комнату с голыми оштукатуренными стенами... На зеленом тюфяке лежала человеческая кожа наполовину надутая точно резиновая игрушка со стоячим пенисом... У основания позвоночника располагался металлический клапан...

– Сначала нам надо выписать билет, – сказал охранник. (Звучанье жидкой пишущей машинки погружающейся в желатин)...

Охранник помогал ему влезть в штаны этой кожи которые обжигали как эротогенная кислота... Его кожные волоски с легким покалыванием вошли в кожные волоски оболочки. Охранник придал коже нужную форму разгладив бедра и спину, сделав кожную складку по разделительной линии под носом... Он вставил металлический клапан в позвоночник Брэдли... Нервы и кости пронзила острая зубная боль... Его тело горело точно исхлестанное жгучей сексуальной крапивой... Охранник обошел вокруг него причмокивая и посмеиваясь... Он вставил палец в прямую кишку и точно пустой презерватив залез глубоко в жопу Брэдли... Когда охранник вминал обжигающую сексуальную кожу в разделительную линию и разглаживал ее вдоль промежности пенис выбрасывал струю за струей, на эрогенной лиловой плоти потрескивали волоски... Его тело излучало полупрозрачный розовый свет выделяя затхлые испарения...

– Такая кожа три недели очень горячая а потом... – охранник фыркнул «носят Мантию Счастья... В среднем продолжительность жизни пристрастившихся к Мантии Счастья составляла около двух лет. Главной проблемой была биологическая адаптация организма, обитающего в венерианских морях. Его нелегальная добыча началась после того, как впервые были оценены его потенциальные возможности. В своем естественном состоянии он заполучал жертву, дотронувшись до нее. После установления такого психоконтакта жертва с большим удовольствием давала себя проглотить, как вы помните, мантии счастья делают из подводного существа, которое подчиняет себе свою жертву с помощью психоконтакта и заживо ее пожирает... да и жертва, хоть раз испытав прелести мантии, уже не хочет бежать. Это было прекрасное одеяние, живая белизна, подобная белизне жемчуга, нежно трепетавшая струящимся светом, возбуждавшаяся от собственных исступленных движений, когда налаживался смертоносный симбиоз» ...цитата из '*Ярости*' Генри Каттнера, издательство “Mayflower Dell”, Лондон, WC-1, Хай-Холборн, 229231, Кингсборн Хаус...

Брэдли был охвачен исступлением при котором любая сексуальная мысль мгновенно принимала трехмерную форму в лабиринте турецких бань и секс-кабинок снабженных гамаками качелями и матрасами вибрирующими с пронзительной частотой насекомых что носятся в нервах зубах и костях... «тонкая певучая назойливость которая воздействовала на нервы и уши, заставляя их исступленно вибрировать в том же ритме»... цитата из '*Ярости*' Генри Каттнера страница 143. Сексуальные фантомы всех его влажных снов и мастурбирующих предвечерий окружили его облизывая целуя ощупывая... Время от времени он пил густую и сладкую полупрозрачную жидкость которую принес охранник... Жидкость оставляла во рту жгучий металлический привкус... Губы и язык распухли пробитые эрогенными серебристыми ранами... Кожа излучала фосфоресцирующий лилово-розовый свет

наполненный холодным ментоловым жаром столь чувствительным что от воздушного потока он погружался в оргазм а по ляжкам струился спонтанный понос... Охранник слил всю его сперму в пульсирующий неоновый цилиндр... Сквозь прозрачные стены он видел как в ячейках громадного улья охранники в белых жилетах выдаивают сперму из сотен других пленников... Собранная сперма передавалась в центральный банк... Иногда пленникам разрешали контакт и они прилипали друг к другу сливаясь и растворяясь в сексуальных позах мягкого массажа... В центре этого пульсирующего полупрозрачного улья стояла виселица где после трехнедельного доения вешали пленников... Он видел как несли к виселице неизлечимо больных – истощенные тела с прозрачной мумифицированной плотью над мягкими фосфоресцирующими костями... От подвешенного груза ломались шеи и мягкие кости струились в оргазме из лопнувшей кожи забираемой охранниками чтобы использовать на новой партии пленников... Разум и тело затуманились от наслаждения какая-то часть его существа все еще говорила с пружинным ножом спрятанным под матрасом, нащупывая его онемевшими эрогенными пальцами... Как-то ночью он погрузился в позабытый кошмар детства... У его постели стоял большой черный пудель... Пес растворился в дыму и из дыма возникла кукла ростом в пять футов... У куклы были тонкие черты худого лица из зеленого воска и длинные желтые ногти...

«Бяка!» – в ужасе вскричал он пытаясь дотянуться до ножа... но его двигательные центры были парализованы... Такое бывало и прежде... «Я говорил тебе что вернусь»... Бяка приложил к его лбу длинный желтый ноготь трупа перепрыгнул через его тело и лег рядом... Он уже мог пошевелиться и принялся царапать куклу ногтями... Бяка фыркнул и оставил на шее Брэдли три длинные царапины...

«Ты мертв, Бяка! мертв! мертв! мертв!» вскричал Брэдли пытаясь оторвать кукле голову...

«Может и мертв… Но и ты тоже если отсюда не выберешься... я пришел тебя предупредить... Из настоящего времени мимо крабовой стражи на непристойных картинках?.. В соседней ячейке находится китайский мальчишка а дальше по коридору – Яесмь... Сам знаешь он крупный специалист... И воспользуйся этим... я ухожу»...

Он постепенно исчез оставив на зеленом тюфяке слабый след... Комнату заливал молочный свет... (Ушедшие оставили после себя смесь сновиденья и рассвета)... В постели рядом с Брэдли лежала маленькая бамбуковая флейта... Он поднес ее к губам и услышал со старого коврика в углу голос Бяки... «Не сейчас... Позже»...

Он вступил в контакт с юным китайцем которому удалось тайком пронести транзисторный приемник... Они наскоро разработали план и когда пришел охранник с густой жидкостью включили металлические помехи и вонзили пружинный нож глубоко в нервные центры насекомого... Охранник упал взвиваясь и выделяя из своего вспоротого брюшка белый сок... Брэдли взял оружие охранника и освободил остальных пленников ...Большая их часть была совсем безнадежна но других они привели в чувство с помощью помех и сформировали дивизию линейных войск... Брэдли показал оружие охранника Яесмю...

«Как обращаться с этой поеботиной?..»

Яесмь обследовал механизм длинными пальцами аккуратными как обработанный металл... объяснил что это кинопистолет с телескопическим объективом для съемок и проецирования кинофильма вызывающего сверхзвуковые вибрации изображения... Он присоединил приемник к кинопистолету так чтобы помехи синхронизировались с вибрациями... Когда они зигзагами выбирались из улья стремительным натиском захватывая металлические дозоры печей Брэдли держал пистолет на изготовку... Сторожевые вышки открыли огонь магнитными спиралями и прежде чем Брэдли сумел добраться до центральной диспетчерской вышки и обезвредить механические орудийные башни он потерял половину своих людей... (Его войска имели одно преимущество... Все охранники и орудия врага действовали с помощью автоматического управления и в месте их дислокации бойцов фактически не было)... Двигаясь зигзагами он открыл огонь пользуясь помехами и кинопистолетом... Вышки и печи взлетели на воздух в азотистом взрыве горящей кинопленки... Всю структуру сада до самого голубого неба вдали разорвала огромная прореха... Он поднес к губам флейту и из далекого горного селения его детства тонкой струйкой полились голубые ноты Пана... Пленники услышали звуки флейты и опрометью бросились из сада... Сперма вытекла из баков на улицы образа вызвав удары плазменных молний которые во вспышке серебристого света взорвали Сад Наслаждений... Гостиница “Зеленая сосна” стоит на отвесном берегу реки... до самого края обрыва тянется лужайка со стульями и столами. Семья сидит на закрытой веранде на столе жареный цыпленок горячее печенье чай со льдом. С краю стола напротив отца сидит парнишка лет восемнадцати одетый в синий костюм... на обеих скулах багровые раны. Его взгляд устремлен в долину.

Появилась Команда Подрывников. Сад Наслаждений сносят и сваливают в кучи чтобы сжечь. На сломанную виселицу покрытую розовыми блестками угрюмо смотрит тощий человек с дубленой кожей лица и тусклыми серыми глазами. У ног его задыхается, обсирается, обоссывается и извергает семя магнитофон. Он слушает лицо его безмятежно. Он топает своим башмаком с тяжелой металлической набойкой. Шум умолкает. Он наклоняется поднимает кусок спутанной кинопленки и держит его в лучах предзакатного солнца. Рука его опускается и пленка извиваясь ускользает сквозь пальцы. Он смотрит вокруг. «По-моему все готово».

Выходят люди с плещущимся в ведрах бензином. Старший бросает спичку и отступает назад. По всей долине вспыхивают и другие костры в безветренном сентябрьском воздухе неподвижно застывает черный дым. Команда Подрывников поднимается по склону холма к своему грузовику... позвякивание инструментов. В грузовик садятся два садовых сторожа, которые дожидались, когда их подбросят до города... скрежет сцепления... шум далекого двигателя. Позади них в темнеющей долине Сад Наслаждений являет собой разрозненные кучи дымящегося хлама... там где пасутся козы и греются в лучах полуденного солнца ящерицы сквозь почерневшие магнитофоны пробиваются кусты и ползучие растения. БОГ – это запах горящих листьев на булыжных мостовых шелест проводов и тьмы потрепанные звуки далекого города.

Охранник по прозвищу “Роза” сидит на скамейке в кузове раскачивающегося грузовика вместе с молчаливыми подрывниками. Он не знает ни куда едет ни что будет делать когда туда доберется... «старею... сторожем на склад... может музейным охранником...»

Я остановился у газетного киоска на Шафтсбери-авеню и купил экземпляр “*Encounter*” рассчитывая в рубрике “Эрос” обнаружить изящную прозу отвлеченную до такой степени что образной дорожки не возникает.

(Сопутствование или скорее сопоставление с этой неизменно удачной хотя и схематичной фигурой речи с помощью приписывания синтаксически виновной аналоговой метафоре того или иного пола.)

Без десяти двенадцать ночи я вошел в вестибюль “Бутса” а снаружи стоял “Добряк” на лице блики синего неона при взгляде на него возникала мысль о больном металле лицо сжигаемое неторопливыми холодными пожарами.

(безнадежно упаднические отрицание общественных ценностей посредством отверстий оплодотворяет перспективу и амбивалентную самоуверенность скрытого тоталитаризма.)

Я знал почему он там стоит. У него не было наличных чтобы отоварить рецепт. Он ждал человека которого смог бы раскрутить.

(увязнув в несоразмерной злобе он не добивается даже несообразной искренности истерии скорее – тревожной дремоты с контрапунктом в виде инфантильного обнажения фрагментарных провинциальных гениталий.)

– Нужна капуста к рецепту, старина?

Он обернулся посмотрел на меня и решив что я не из легавых кивнул. Я дал ему фунт.

– Этого хватит на шесть доз. Увидимся на улице.

Он опять кивнул вошел внутрь и уселся в очередь в рецептурный отдел.

(по иронии судьбы форма банальна до глубины всей макулатурной души амбивалентно бичующей небоеспособные щупальца словесного поноса)

Я ждал полчаса словесной грязи.

(в подтверждение существования их творца их периодически взбадриваемые жизни испытывают смертельную жажду направления или курса предписываемого легко узнаваемыми формально негативными аналогами наибольшего доверия заслуживает банальная “приватизация”)

– Если хочешь можешь раскумариться где угодно.

Я видел что у него нет своего жилья. Он только кивнул и мы взяли такси. Когда мы приехали мне пришлось его будить и помогать подняться по лестнице. Сидя в очереди с рецептом он наглотался чумовых колес. Я усадил его в кресло. Он тяжело подался вперед и высунул язык. Открыв один глаз он взглянул на меня.

– Откуда я вас могу знать?

– Прямо с самого начала с врожденного знания.

Его взгляд ощупал меня внутри. Он улыбнулся вертя в грязных пальцах солдатский шарф.

– Вам лучше было бы позволить мне закончить дело а не бросать его на полпути.

(породы плодящиеся с подобной целью – чтобы с достойной уважения осведомленностью самодовольно спросить «Это еще зачем?» Я чувствую доступность ухода от вопроса.)

– Не забудь у меня уже иммунитет.

– Да благодаря мне.

– Благодаря “Добряку”.

– Ну и что это вам дало? – Он показал на зеркало. – Посмотрите на себя... измучились извелись...

(оборотить то есть оболгать и превратить пульсирующее многообразие человека в непереводимое зачаточное слово означающее тайное единомыслие “непохожести”)

– Да на себя посмотри “Добряк”... сексуальная шрамовая ткань на всех кого я спрашивал живых и мертвых мне следовало знать.

(мистер С. который недавно стал важной персоной дело попросту в противоречиях прирожденного местного пророка склонного к громогласным смелым признаниям зависящим от банального безграмотного процесса восприятия)

Я нашел “Добряка” в полицейском участке на вершине холма. Он сидел на лавке лицо невыразительное как пустой экран. За столом щурился сквозь сигаретный дым сержант полиции.

– От него одно беспокойство, – он показал на “Добряка”, – бумаги muy malo[114] no en ordenes[112]...

– Паспорт у него есть?

– Да есть но дата здесь и дата здесь no corresponde[169]... muy malo... наверное паспорт фальшивый... конечно придется послать его в Столицу...

Он проследил за моей рукой и проверил достоинство купюры которую я подсовывал под потрепанный зеленый журнал регистрации приводов.

Он взял паспорт и принялся его листать.

– Ах да... вот дата въезда... Да все в полном порядке... ваш паспорт сеньор...

“Добряк” стоял с паспортом в руке...

– Пойдем “Добряк”. – Я взял его под руку и повел к дороге.

– Adios senores.

–Adios.

Я вел “Добряка” взяв его под локоть. Он весил не больше собственной одежды. Мы уселись под деревом отполированным другими сидевшими там до и после время перевело стрелки в поле белых маленьких цветов близ развалившейся сигнальной вышки. Мы помним эти дни как бесконечную процессию тайной полиции всегда везде в различных формах. Близ Гуаякиля сидел на берегу реки и видел как большая ящерица пересекает илистые равнины усеянные арбузными корками выброшенными из плывущих мимо челноков. Эго был уже конец пути. Моя смерть на его лице увяла средь футбольных результатов писсуаров и велосипедных гонок... и вновь возникла на лице Яесмя в гостинице “Зеленой” фасадом выходящей на долину.

Он стоял с войсками на склоне марокканского холма а вокруг них флейты Пана бесстрастные и тихие как голубое небо... Он услышал как из кармана раздался голос Бяки “Возьми меня с собой”... Он нащупал пластиковый пакетик и вынул его... Внутри была гладкая серая пленка... Он двинулся на флейты Пана к далекому горному селению своего детства где кружит по улицам голубая дымка и время замирает в крытых шифером домах... Слова покидали его разум... Он проплыл сквозь рассветы подземки и турникеты... В ливне разрушенных предместий описывали неторопливые круги мальчишки на роликовых коньках... на Ю-Йорк, Ариж, Им, Остон медленно опускались серые светящиеся хлопья... мятые тряпичные тела на улицах из металла и стекла продуваемых ветрами времени... с сиренных вышек гнусавые потоки страха... положительная обратная связь на опустевших улицах Пан Бог Паники извлекает из флейты голубые блюзовые ноты словно обезумевшая машина времени поднявшая ураган столетий... ветер в пыльных кабинетах и архивах... управленческие книги разбросанные по мусорным кучам земли... символические книги всемогущего правления которое с рождения до смерти контролировало мысль чувство и движение планеты железными клешнями боли и наслаждения... символы контроля стертые в словесную и образную пыль; мятые тряпичные тела огромной машины контроля... Вся структура реальности взлетела на воздух в бесшумных взрывах под жалобный вой сирен... Флейтисты из далеких горных селений выпустили Пана Бога Паники на улицы образа... мертвые азотистые улицы старой съемочной площадки... бумажная луна и кисейные деревья а в черно-серебристом небе громадные прорехи как будто мировой покров упал дождем

блестящих кинохлопьев... Двадцатые годы кренясь промчались по темнеющим городам в черных “Кадиллаках” отхаркивая кинопули ускоренного времени...

в открытое окно заносятся запахи болота и старые газеты... оргазмоманы свалены на чердаке точно шуршащая мешковина... тюфяк отформован со всех сторон отражались мастурбирующие предвечерья... «Трудно выбраться»... словесно-образная кожа точно резиновая игрушка покрыта серой позвоночной пылью... Голубые ноты Пана тонкой струйкой заливали серебристые паровозные гудки... вызывая плененного Джинна из космических скафандров для совокупления которые прилипли к его мускульному вожделению и жгучей сексуальной коже... Зеленые мальчики-рыбы бросили свою пытку фантомными обличьями и как рыбы покинули сад через прозрачную воду... Экспериментальные существа последовали за музыкальной оболочкой из света и цвета... Флейты Пана тонкой струйкой заливали друга его детства... чистые голубые удары сквозь Сад Наслаждений... колющие черное насекомое... Он ускользнул из времени в... Его кинопистолет взорвал память... Голубой мальчишка из далекого горного селения протянул руку к другому прибору... Они холодные и бесстрастные как небо сплелись друг с другом в компенсирующих давление креслах... прилипшие друг к другу в замедленных лицах... крест-накрест оплетенные экспериментальным свистом чужих губ уже прерванным с рождения до смерти... кожа контроля растворилась оставив мятые тряпичные тела шуршащей мешковины... Когда сперма вылилась из баков на улицы образа по легковесным сексуальным мыслям пронеслась взрывная волна... мировой покров упал дождем... все что из старого кино слабеет при его прикосновении.

В ЧУЖОЙ ПОСТЕЛИ

Ликин проснулся первым... Он не мог вспомнить где находится... Постепенно взгляд его голубых глаз затуманенных истощением отметил красные носки и металлические кусты с серебристыми листьями окружавшими лужицу в которой он лежал... В памяти вновь всплыла страшная ночь... Контрольные индикаторы их космического корабля внезапно погасли из-за вмешательства незримой чужеродной силы ледяной нитью протянувшейся сквозь каюту... Не только механические рычаги управления были выведены из строя но были парализованы и нервные центры... Они со вторым пилотом Брэдли два часа беспомощно сидели в своих компенсирующих давление креслах а вторгшаяся сила вела их корабль по отвратительной спирали сквозь ядовитые облачные пояса неведомой планеты... Когда они совершали посадку Ликин и Брэдли уже были без сознания... Как они выбрались из корабля?.. Он встал и споткнулся о спящую фигуру своего спутника голого если не считать облегающего прозрачного космического скафандра который прилип к его мускулистому телу... Прежде чем разбудить Брэдли он решил наскоро осмотреть местность... Он находился на дне глубокого оврага окруженного красными скалами из некой полупрозрачной субстанции... Он выбрался из оврага и оказался на плато... Фантастический ландшафт из многокрасочных скальных пород высеченный точно статуи из жидкой синей лавы перемежался сталагмитами такой жемчужно-белой яркости какой ему не доводилось ощущать ни в одной из предыдущих экспедиций... Небо было подобно зеленому океану... Вокруг плато над горизонтом светило четыре солнца, все разного цвета... Синее, зеленое, красное, а одно (намного больше остальных) ярко-серебристое... Воздух отличался звонкой прозрачностью которая казалось придает силы его телу от чего движения были невероятно четкими и легко давались... Он повернулся и стал вновь спускаться в овраг к лужице... Он ощутил в мозгу щелчок словно блеск кристалла и услышал серебристый голос: «Иди сюда незнакомец»... Брэдли был приучен к телепатическим явлениям но этот голос был на редкость отчетливым и близким... Он перебрался через большой камень и увидел лужицу... Его друг еще спал... Рядом с ним сидел земноводный мальчик-рыба поблескивавший водой из лужи... Существо пульсировало от полупрозрачного зеленого света который пронизывал плоть вихревыми потоками... Голова представляла собой остроконечный купол поднимавшийся от тонкой шеи с обеих сторон которой торчали жабры напоминавшие чувствительные пористые крылья... Существо было покрыто пленочной субстанцией с сетью прозрачных вен... Поверхность тела находилась в непрерывном движении точно неторопливо стекающая со статуи вода... Лицо было почти плоским но с резко и красиво очерченным носом и губами и огромными жидкими глазами над широкими острыми скулами тонкое строение которых просвечивало сквозь прозрачную кожу... Существо сидело скрестив ноги и на бедрах его выступали маленькие серебристые плавники из тонкой кисеи... Хрупкие волнистые ноги заканчивались перепончатыми ластами... Между ног Ликин разглядел гениталии слегка возбудившиеся от любопытства когда мальчик-рыба погладил его спящего спутника по голове и робко попытался проколоть скафандр своими длинными зелеными пальцами... Ликин двигался с осторожностью чтобы существо от страха вновь не скрылось в луже... Мальчик-рыба обернулся и посмотрел на него с застенчиво-мечтательной улыбкой... Электрическая дрожь пробежала вверх по его

спине и вспыхнула кристаллическими рыбьими словами: «Подойди незнакомец... Не бойся»... Губами существо не шевелило... Дрожа всем телом от волнения Ликин двинулся вперед и опустился на колени рядом с водяным мальчиком который вытянул мокрую руку и слегка сжал его плечо... Трепет охватил его от этого контакта... В мозгу его лопнули пузырьки подводной памяти... Он находился в чужеродной среде, плавал извиваясь в кристаллических каменных прудах и грелся на известняковых берегах обмахиваемый гигантским папоротником под звуки капающей воды... Плыл по разрушенным городам вместе с водяными тварями извивающимися в неторопливых водоворотах оргазма, устраивал на поверхности взрывы разноцветных пузырьков, за ним тянулись голубые ленты…

Али проснулся в чужой постели и обнаружил что над ним стоит хозяин: «Это еще что за разъебай и как ты попал в мою квартиру?» Али перенесся вспять на загородную вечеринку... музыка двадцатых... старухи отплясывающие чарльстон... и ирландец с серо-стальными волосами похожий на полицейского-мошенника из водевиля...

– Легкий и тяжелый способы делать вещи, чувак... могу приютить тебя на ночь в этих апартаментах... Хозяина нет в городе и в р я д л и о н вернется до завтрашнего вечера...

– Но мистер О'Брайен сказал..,

– Скажи О'Брайену пускай сидит в своем участке... Выходит так что это мои апартаменты... Надевай свое тряпье и заткнись...

Али второпях оделся... Заправляя рубашку он ускользнул в американское предместье... Улицы были пустые и чистые будто после проливного дождя... На перекрестке потрескавшихся бетонных дорог мальчишки описывали неторопливые круги на роликовых коньках под полумесяцем в утреннем небе, охваченным с восходом солнца цветовыми бурями... Али чувствовал как все легче и легче делаются его шаги... Он унесся прочь в вихрях синевы и зелени... Он опустился в прозрачную атмосферу цветущей страны где каждая травинка сверкала будто заключенная в кристалл... Гравитация была слабой и когда он бежал под мокрыми деревьями вдоль прозрачных водных потоков ноги его едва касались земли... приблизился к городу истертых мраморных улиц и медных куполов... В вестибюле роскошной гостиницы мальчики-слуги в замысловатой униформе опытными взглядами оценили его финансовый статус... На стене висело небольшое объявление:

Природа Нищенства

Потребность? – Нужда…

Нехватка? – Потребность...

Жизнь? – Смерть...

Али вышел на главную площадь... в дверях рыбьи запахи и тусклые взоры... непристойные жесты гнусных предложений... На темной боковой улочке неподалеку от площади Али обнаружил нечто вроде старой аптеки с банками разноцветной жидкости в витрине... Навстречу ему с вопросительным щебетаньем вышел чернокожий человек, ссутулившийся от фиброзной опухоли... Он носил очки с двойными линзами сползшие ему на нос... Али вынул свой пластиковый пакетик с разглаженной серой пленкой... Аптекарь взял его гладкими черными пальцами и поднес к свету... Он испустил отрывистый птичий крик и из темных тайников аптеки возник его помощник... Это было некое существо напоминавшее большого кузнечика с телом которое меняло окраску когда он шел мимо банок... Глаза представляли собой кристаллические линзы... Его пенис, который держался в вертикальном положении с помощью длинного серебристого шнура, уходящего в брюшную полость, шевелился под струями цвета в ярких эрекциях... Он взял пленку теслами и инструментами для пересадки ткани приспособленными под фиброзные обрубки его пальцев... Пока он смотрел тело его пульсировало в ярко-зеленом свете... Аптекарь кивнул и вынес банку футов двух высотой наполненную густой белой жидкостью... Помощник маленьким кривым ножичком вскрыл пакетик и бросил пленку в банку... Али увидел как пленка шевелится точно японский цветок и распускается в крошечного зеленого тритона с человеческой головой... На несколько секунд тварь открыла черные жидкие глаза после чего свернулась калачиком в эмбриональном сне и опустилась на дно банки... Аптекарь накрыл банку тряпкой и поставил ее на темную полку... Он улыбнулся и начертил на прилавке карту... Начинавшаяся у аптеки пунктирная линия вела к системе каналов, насосу, дальше два пениса в оргазме и закрытые глаза видящие сон – пять раз. Потом пунктирная линия вновь приводила к аптеке... Он взглянул на Али желая убедиться что тот понял... Али кивнул и пошел по пунктирной линии... Мраморные улицы кончались в грязи... Он разглядел систему каналов с крытыми соломой хижинами садами и водоемами за которыми ухаживали чернокожие человечки с фиброзными опухолями и родимыми пятнами на которых росли зеленые волосы... Они оторвались от своих занятий и сверкнули мимолетными улыбками... Воздух был пропитан сильным запахом навозных куч и прогнивших прудов... Когда он шел по мосту зеленый мальчик-тритон всплыл на поверхность канала улыбнулся и наскоро занявшись мастурбацией изверг радужную жидкость которая ярко сверкнула в прозрачном свете... Он изогнулся с издевательским смехом и скрылся в глубокой воде... Пройдя по берегу канала Али очутился в лабиринте насосов и шлюзов и не сумел найти ни пути которым туда попал ни выхода... На дне лабиринта человек в изодранной зеленой униформе жестом пригласил его спуститься показав на железную лестницу которая вела вниз по деревянному скату... Человек стоял и ждал в конце ската... Али направился к нему улыбаясь как пес... «я здесь новичок... сожалею если... я не знаю ваших законов»... Охранник тоже улыбался... знакомая ленивая улыбка типа: «Может ты и не угодишь в тюрьму если»... перенесся вспять в таможенный ангар в Южной Америке... Али нагнулся над стулом чувствуя проворные брюки полицейского на своей голой заднице... Карабин прислоненный к стене резкий и отчетливый в фотовспышке оргазма... «Значит... – подумал он, – и здесь ничего нового»...

Человек привел его в ангар... На полу лежал соломенный тюфяк... На деревянных крючках висела одежда... В соседнем помещении он разглядел рычаги и колеса

очевидно управляющие насосами и шлюзами... Человек сорвал с Али одежду... Он медленно извиваясь разделся спустил штаны и его член толчками поднялся... Человек стоял нагишом в зеленом свете проникавшем в ангар сквозь листву плодовых деревьев... Он взял Али на руки и поцеловал его... Его дыхание пахло растением слегка подгнившим как тропический плод... Он перенес Али на тюфяк и толкнул его колени к ушам... С полки он взял баночку с чем-то похожим на лягушачьи яйца и издававшим запах заплесневелых белков... Он втер яйца в жопу Али... Али почувствовал как что-то оживает в прямой кишке и вползает ему в яйца... Человек ввел свой член... Али корчился оскалив зубы ползучие усики ласкали его пенис терлись о нервные окончания... Человек поймал его эякуляцию в банку... В сперме шевелились крошечные зеленые лягушата с лапками-присосками...

У человека он провел пять ночей спя на тюфяке питаясь блюдами из плодов сада и помогая в работе с колесами и рычагами... По прошествии пяти дней человек дал ему банку с яйцами он вернулся в аптеку и вручил банку аптекарю...

Аптекарь улыбнулся и взял с полки другую банку... Зеленый мальчик-тритон, все еще спавший, свернувшись калачиком, вырос, заполнив собою всю банку… Аптекарь начертил на прилавке карту пунктирная линия к хижине в системе каналов... И Али с банкой в руках направился по линии к хижине где его встретил старик... Али открыл банку... Старик негромко хлопнул в ладоши и издал нечто вроде кудахтанья... Он показал Али ряд резервуаров позади хижины похожих на замысловатые отстойники один резервуар сообщался с другим... В резервуарах находились зеленые мальчики-тритоны в различных стадиях а последний резервуар опорожнялся в глубокую воду канала... Старик вылил содержимое банки в первый резервуар... Али повернулся чтобы уйти и почувствовал на плече руку старика – тот вновь привел его в хижину... Точно портной он измерил шею Али н выбрал на полке пару сушеных жабр которые он аккуратно примерил и вручил Али в пластиковом пакете... Он жестом показал на небо... Издав сдавленный звук он показал на пакет...

Али принялся болтаться на площади где вечерами фланировали аристократы... темная уличная жизнь места позабытого... Город захлестывали волны гигантских плотоядных сухопутных крабов и Али научился прятаться когда слышал щелканье их клешней напоминавшее радиопомехи... Другую опасность в городе представляли взрывы временно́й киноленты... Как-то вечером он услышал на площади гул похожий на глухие раскаты грома... Все бежали к каналам и кричали: «Студия взлетела на воздух»... На город опустилось облако красных азотистых паров... Задыхаясь и судорожно глотая воздух, Али вспомнил о пакете и вынул его... Он приладил жабры к шее и бросился в колодец с облицовкой выполненной в виде каменной прямой кишки... Глубоко погрузившись в зеленую воду он почувствовал как жабры впиваются в шею... Внезапный резкий привкус крови и он задышал и поплыл по подземному ходу... Впереди он увидел свет и выбрался в один из открытых каналов...

Али проснулся в чужой постели... Пока вы слушаете, поставьте себя на его место «Это еще что за разъебай и как ты попал в мою образную дорожку?» Али уже окончательно очнулся и выскочил “отсюда”, исполнители женских ролей, музыка вспять к двадцатым, пригородные тотализаторные залы и водевильный голос седовласого ирландца который повернул вспять устойчивый поток слов «легкий и

тяжелый способы делать время»... Между тем я позабыл хозяина в этих апартаментах... аромат картин памяти... люди пропали... вернутся завтра вечером...

– Но мистер О'Брайен сказал...

– Скажу О'Брайену пускай сидит в своем участке... Выходит так что это мой рассветный ветер в чужой плоти...

Али второпях оделся и ускользнул... Смотрите, члены правления, улицы пусты... Юные лица смягчали закон, описывали неторопливые круги на роликовых коньках... Полиция Сверхновой смотрит на проволочный разноцветный восход... Посыльный унесшийся в вихрях красного и зеленого опустился в замедленных вспышках прозрачной атмосферы... Гравитация была слабее... не знает частоту колебаний джанка... мраморные улицы и медные купола... Потемневшие взгляды мальчиков-слуг в замысловатой телесной коже выставили его финансовый статус на улицу... Музыка Восточного Сент-Луиса на фоне птичьего крика... Его гениталии были голосами доносящимися до других раздевалок... длинная серебристая нить которая на все лады тянулась в ярких эрекциях... переключитесь на контору гаража... острое желание взяло пленку...

– Да у вас есть инструменты для пересадки ткани... Без вас я окажусь на улице…

Аптекарь кивнул на прощанье... полупрозрачное белое исчезновение... Гнусная контора отбрасывала пятна света на обнаженные ножи... с его лица убыстренная кинохроника бунтов... Али за столом Правления...

– Что это за японский цветок распустившийся в идущий на дно корабль? Вы испытываете источник человеческой головы на экране?

Бескостная мумия свернулась калачиком в эмбриональном резервуаре... Аптекарь накрыл... исчезновение на рассвете... Скорее... Руки поставили ее на темную полку... Он улыбается и искажает мозг... начинающийся у аптеки пунктирный труп последний круг... ворота из двух пенисов в оргазме... мужчины курящие в конце пути... сон пять раз... потом пунктирная линия...

– Нам воздействовали на подсознание в дверях, – взглянул на Али желая убедиться что тот понял. – К тому же вы чуете голоса на пунктирной линии прослеживающей систему каналов... не думаю что Доктор на сцене...

Они оторвались от своих занятий... пустые всененавидящие лица... следы испарений пишущие на небе... Какой-то мальчик всплыл на поверхность канала... Радужная гавань ярко сверкала в звездном небе... издевательский смех отсутствующих жильцов... призрачные бунты на берегу канала и очутился в гараже... Стоял нагишом... на его лице отразилось прощанье гидравлических насосов... на дне вопросительная субстанция зеленой униформы жестом показывала «хочу»... экспериментальная пустая плоть K-Y[8] и ректальной слизи?.. Конец ската человек стоял и ждал... ворота из людского обличья... «Нам воздействовали на подсознание как псам... лицо новичка затянутого в другой прибор»... «сожалею если»...

Человек улыбался разгоняя испарения напоминающие прогорклый запах болота... мелькание вспять в таможенный ангар в Южной Америке... («Сначала нам надо выписать билет»)... чувствуя проворные брюки мумии... сунул палец ему в задницу... карабин прислоненный к стене... жгучий оргазм... чуете голоса на полу рядом с мастурбационным тюфяком...

– Вон отсюда, исполнители женских ролей...

Деревянные крючки в соседнем помещении позабытые воспоминания управляющие структурой его сортирной скандинавской кожи... Человек сорвал с Али одежду... Тюремные штаны извиваясь уже стояли нагишом в зеленой мумифицированной плоти, нависавших вьющихся растениях и лопнувшей коже... Смерть поцеловала его... Его дыхание говорило с пружинным ножом... Он бросил Али на последнего паразита с полки прежде чем остановилась кинохроника... Похожее на лягушачьи яйца... Он толкал яйца... Бяка фыркнул, оживая в прямой кишке как зеленый неоновый свет... Его ленивые пальцы в простату... Али корчился оскалив зубы... Человек поймал его струи точно колоду карт... Он провел пять ночей в опозоренной конторе питаясь блюдами из плодов цветных испарений... По прошествии пяти дней кинохроника бунта нагрянула быстро... Яйца вернулись в бескостную мумию... Призрачный аптекарь улыбнулся и исчез на рассвете... Руки света рассыпались в трупе... последняя банка... Аптекарь начертил карту в отсутствующих телах... пуст район канала... гавань... Человек путешествует по кинохронике... Из изящного экранного пениса вновь хлынула струя... трупные резервуары... конец пути и последняя банка... привел Доктора на сцену... Сексуальные фантомы опорожнили последнюю банку в послеполуденную образную дорожку... Он повернулся чтобы уйти и залил хижину... люди пропали... Понос струями стекал с полки...

«Али после доения повесили, понятно это вам?» издав сдавленный звук он показал... оргазм места позабытого... Трупы висят на виселице... “Сухопутные крабы”... Он растворился в дыму и мятом тряпье...

«Прекрасно, Доктор... Симптомов достаточно... говорил я вам что приду... зарубцевавшиеся шрамы... Студия взлетела на воздух... облако азотистой Большой Дозы»... Задыхаясь и судорожно глотая воздух Али набрался мужества обойти вокруг шеи не сделав снимков... Он почувствовал внезапно исчезнувший привкус крови и весь Сад Наслаждений[165]... Он увидел сексуальные сцены в открытых каналах времени...

ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ?

Молодой монах привел Брэдли в спальню... На каменном столе стоял магнитофон... Монах включил магнитофон и комната огласилась звуками любовных утех... Монах снял рясу и встал нагишом с эрекцией... Он закружился в танце вокруг стола лаская смутную воздушную фигуру над магнитофоном... Призрачные очертания мерцали попадая в фокус в ритме звуковой дорожки... Фигура отплыла от магнитофона и вслед за монахом направилась к соломенному тюфяку на полу... Он исполнил пантомиму призывной мольбы обращенной к фантому который сидел в постели поджав ноги и скрестив руки... Наконец фантом кивком выразил неохотное согласие и монах извиваясь исполнил пародию на любовные утехи под ускоренную запись: «Ах милый я люблю тебя ах ах глубже проеби меня до самого дерьма ах милый еще раз»... Брэдли катался по полу, вибрирующий отбойный молоток смеха сбивал плоть с костей... Из его пениса струилась горячая моча... Над ним с криком кружила в воздухе Другая Половина, лицо исказилось от удушья когда он кровавыми кристаллическими шариками высмеял из гортанного хряща сексуальные слова... Его кости сотрясались, резонируя с неоном... Пока он катался подтянув колени к подбородку волны смеха в его прямой кишке простате и яйцах смешливо исторгали струи спермы...

Все мелодии и шумовые эффекты “Любви” исторгались из магнитофона перетасовывая сексуальное нытье больной кинопланеты: Ты меня любишь?.. Но я взорвался космическим смехом... Забываешь старых знакомых?.. Ах милый, одна лишь фотография?.. Мэри я люблю тебя ты знаешь я люблю тебя всю?.. Я на коленях уповал на твою ответную любовь... Я бежал бы пока не начал ощущать трепет давних дней... Вот вдохновение мое но это ненадолго и мы останемся одной лишь фотографией... я позабыл тебя тогда? я не могу уснуть, Синеглазка, если рядом нет тебя... Я люблю ее? я люблю тебя я люблю тебя множество прекраснейших вещей... Не могу даже есть... У меня на уме желе оставшееся дома... Это было прощанье глубоко в искренней любви... Мы больше не увидимся, милая, на мой вкус... Да глаза всегда сияют из них-то и сделан мой характер... Вечно долог путь до Типперери... Скажи Лауре я люблю мои голубые небеса... Вставай женщина отрывайся от твоей большой жирной земли прочь в космическое пространство вместе со всеми твоими бриллиантовыми кольцами... Ты меня ты меня ты меня любишь?.. Любишь любишь приголубишь кое-что припоминаешь? Что? Ты любишь меня с банджо?.. Пожалуйста не сердись... интересно кто... Если бы я научился вас любить всякий раз когда я хандрил... Но кто-то увел вас из космической пыли небес... твои чары путешествуют дабы напоминать мне о тебе... снова вдвоем... забыла что ты ел... Не знаю как я с этим справлюсь крошка... голубые глаза цвета... Ты меня любишь? Любовь – это para olvidar[170]... Скажи Лауре ах желе люблю тебя... я не могу... Впустил тебя в душу ты у меня на уме... Но я никогда не обману мои голубые небеса... Люблю Мэри?.. Проеби меня до самого дерьма... Вставай отрывайся от своей большой жирной задницы... Впереди еще долгий путь, сент-луисская женщина... вид на красные столовые горы из космоса... Ты меня любишь?.. Ты любишь пустоту и американские горы оставшиеся дома?? И ты любишь меня с банджо сплошь перетасованным ты меня любишь?.. интересно кто. перетасовывал структуру всякий раз когда я хандрил... Но это были чертовы колеса пощелкивающие в космической пыли небес... на опасных рельсах... у

меня был пес по кличке Билл создатель туч М е н я ... Вытягивал все жилы из него... Нужен помощник?.. взаимопонимание не в моде... Найдете кого-нибудь еще в это время дня? С автогеном за съестным?..

Не знаю как я с этим справлюсь, крошка... Электрические пальцы устранили "Л ю б о в ь "... Ты меня любишь?.. Любовь – это красные паруса боли висящие ах ах крошка ах желе... Проводник сбросил свое желе... Я впустил тебя в душу пульсирующую красным светом... Тучи М е н я никогда не обманут тебя... Образовались хула-хупы цвета никогда не обману тебя милая в моем Брэдли... Ослабевший и истерзанный я поспешу в мои голубые небеса как я тонул в удушливой панике надутой сент-луисской женщины... С одной лишь фотографией, Мэри, ты знаешь я люблю тебя всей спермой... Турникет брачного контракта уповал на твою ответную любовь... Поплыли в оргазме руки а я пока не начал ощущать трепет медленных телодвижений но это ненадолго... я позабыл тебя тогда?.. я люблю тебя я люблю тебя и кости вытягивал все жилы из него для муравьиной пищи... Желе желе желе устраняет цветовой оргазм оставшийся дома... Щекочущая струя спермы из нее-то и сделан переплет управленческих книг... Долог путь до Типперери... мягкие светящиеся струи в мои голубые небеса... Обрывки тучи плыли сквозь все мелодии из синевы... Взорвался космическим смехом фуникулеров... Я?.. Ах, милая, я люблю тебя в непрерывном движении... я люблю тебя люблю... Ты привел Брэдли в спальню у меня на коленях... любовь плывет в медленном головокружении твоем... опасные рельсы где завывал ветер давних дней... я не могу уснуть, крошка, кожа обвисает если рядом нет тебя… крючок как множество прекраснейших вещей... Я впустил тебя глубоко в тело проводника огороженное милый на мой вкус... да прохладные руки на его нагой плоти мой характер... вечерние кишки второго... Скажи Лауре я люблю ее высосанной сквозь жемчужно-генитальную женщину неподалеку от твоей большой жирной струи спермы... Из тебя струятся бриллиантовые кольца... Надо кое-что припоминать... Извергнутые тела лишенные покрова...

Я научился вас любить, бледные подростки... Кто-то увел вас из-под чар того создания... Мы будем путешествовать вдвоем ослабевшие и истерзанные болью... Серебристые фильмы в крови para olvidar... Скажи Лауре черное рыбье телодвижение пищи тебя любит... я не могу уснуть отражаясь в обсидиановом пенисе... Иди за ласточкой и вольной плотью сновидений на остров Капри... Истина в солнечном свете, Мэри... воспоминанья оседлали ветер... Впереди еще долгий путь... кто-то идет... горный ветер...

Я люблю тебя?.. Мятое тряпичное тело эй на судне... но помни как расстегнутая красная рубаха развевается ветер от тебя так искренне... Ты меня любишь? Следы испарений пишущие обо всем что ты собой представляешь... Сильный ветер чередует то чем вы могли обладать... Симптомы в гавани шуршащий черный дрозд... бай-бай... Кто сожалеет нынче?.. Стервятники на улице в это время дня... Это было прощание на пустырях... разбитая дорога зарастает сорняками... запах зарубцевавшихся и рубцующихся шрамов... все мелкие проделки которыми ты занималась на велосипеде собранном на время вот я и говорю: «Ты на мостовой»... если б ты была единственной девицей в зеленом неоне, ваши голоса ворчливы в собачьем чередовании... Долларовая крошка, сколь привлекательной ты сможешь быть в необитаемом

подлеске? Ты предназначалась мне? звуковая физиономия разбитого граммофона... Я всего лишь кочующий пассажир без... Могу вести честную игру не хуже тебя, дорогая... паровозный гудок расстегнутая рубаха развевается кошка и скрипка... я биопрепарат оттуда куда долог путь... Ночи длинные в сент-луисском предместье... Музыка похоже шепчет Луиза Мэри на туалетах... у меня был пес по кличке Билл... (В чужой плоти расстегнутая рубаха развевается) на рельсах... Он пропал... Шелест множества имен... Кто-то идет... двоих не будет... я едва не спятил – всё ради «Доброй Ночи»... Призрачные голоса принадлежат мне... Обнаружил миллион акустических свойств не смог достать в дешевой лавке... Голый мальчик в ассоциативном ряду но вы найдете кого-нибудь еще в это время дня...

Восточный ветер пляшет кто сожалеет нынче?.. Обобрали как липку кошку и скрипку... Долог путь до Типперери.. линяющие брюки цвета хаки... С тех пор как ты ушла я вижу что луна в космос держит путь... Ты меня любишь “Бродяжка Матильда” – рок по окружным рельсам оставшимся дома? любишь любишь приголубишь сент-луисская женщина после закрытия... Ты любишь меня с банджо перетасовавшим "Блюз мертвеца"?.. Если нет тогда интересно кто перетасовывал структуру... Каждый любит мою крошку... Любимый, это были чертовы колеса пощелкивающие в компании любовников... одиночество в проводах... индейка на сносях…

«ОФИЦИАНТКА СТЕРЕГИ СЪЕСТНОЕ!!!»

Не знаю как я с этим справлюсь... одну фрикадельку... Давай моя красотка страстная любовь... Вы меня любите, любовные страницы?.. Все хотят удариться в религию ах крошка ах желе... Проводник сбросил Пола в мою душу пульсирующую красным светом... тюфяк на полу милый Брэдли... ослабевший и истерзанный погрузился в кости и дерьмо надутой сент-луисской женщины… когда святые маршируют сквозь все популярные мелодии дожидаясь восхода солнца с космическим смехом фуникулеров... Шейх Аравийский в непрерывном движении... Дождичек в четверг... Марджи... мороженое у меня на коленях... Любовь плывет по опасным рельсам...

Ты меня любишь, Нэнси из веселых сексуальных слов?.. Я пока не начал ощущать трепет твоих чар резонирующих с неоном... смешливо исторгающих мелкие проделки которыми ты занималась... Это было прощание на пути нагого тела Брэдли... любовная кожа на велосипеде собранном для двоих... как лопнувший воздушный шар... Твои прохладные руки на его голых долларах, крошка... Ты предназначалась мне высосанному сквозь жемчужно-генитальную физиономию... Я пока не начал ощущать трепет твоих струй в оргазме похоже шепчущих: «Луиза, Мэри, болотная тина»... В крови мелкие проделки которыми ты занималась... магнитофонная суходрочка... Подмена шахты... Бай-бай телесные половины... я едва не спятил – всё ради цветовых систем... Я люблю тебя в гортанном хряще? Эй на судне но помни тело красной реки распускайтесь сексуальные слова цветам… Ты меня любишь?.. Сделай простую запись обо всем что ты собой представляешь... Всегда оплакивай негромко мои добрейшие 8276... Кто сожалеет нынче на подводной улице? Это было прощание на цветном велосипеде собранном для реакции в чужой нервной системе...

Я всего лишь кочевник управленческих книг... написанных дабы вести честную игру не хуже тебя... (То есть цветовым письмом состязаются двое)... Я люблю тебя? интересно... вольный? Если рядом не придется? крючок как всякий раз когда я хандрил? Долог путь по официальным инстанциям. Кто сожалеет нынче? дарована та улица воспоминаний... Бай-бай... тела пусты... прах с рухнувших рельсов... Добрейший человек собрался уходить... Продолжай полоскать горло созданное для воды... Помни все мелкие проделки которыми ты занималась... рыбий запах и мертвец... Знаешь ответ? пустырь весь мир и я был единственным мальчишкой... желе желе в космической пыли небес... Я впустил тебя глубоко в себя отгородившись милый на мой вкус... Да, крошка, электрические пальцы устранили плоть – мой характер... Страницы боли висящие ах крошка ах я люблю ее высосанной сквозь жемчужное желе... я впустил тебя в большие жирные щекочущие тучи меня... Никогда не обману твои бриллиантовые кольца... Скажи Лауре черное ленивое телодвижение но это ненадолго... Я позабыл тебя тогда? Гнилое дыхание? Черное вожделение вытягивало все жилы из него для муравьев? Люблю Мэри?.. Роза воспоминаний устраняла цветовые оргазмы оставшиеся дома... Прощай... Впереди еще долгий путь... Кто-то идет... Двоих не будет...

ОПЕРАЦИЯ ПЕРЕЗАПИСЬ

“Другая Половина” – это слово. “Другая Половина” – это организм. Наличие “Другой Половины” самостоятельного организма связанного с вашей нервной системой воздушной линией слов ныне можно доказать экспериментальным путем. Одной из наиболее распространенных “галлюцинаций” преследующих субъектов во время отнятия чувств является ощущение чужого тела протянувшегося сквозь тело субъекта под определенным углом... да под неслабым углом оказалась “Другая Половина” всего за несколько неслабых лет на основе симбиоза. От симбиоза до паразитизма всего один шаг. Ныне слово – это вирус. Вирус гриппа некогда мог быть здоровой легочной клеткой. Ныне это паразитарный организм который поражает и разрушает легкие. Слово некогда могло быть здоровой нервной клеткой. Ныне это паразитарный организм который поражает и разрушает центральную нервную систему. Современный человек утратил право на тишину. Попробуйте прекратить свою внутреннюю речевую деятельность. Попробуйте добиться хотя бы десятисекундной внутренней тишины. Вы натолкнетесь на противодействие организма который вынуждает вас говорить. Этот организм и есть слово. В начале было слово. В начале чего конкретно? Самые первые ископаемые остатки материальной культуры датируются примерно десятью тысячелетиями до нашего времени мало что дают мало что берут а “записанной”... (или предварительно записанной) истории около семи тысяч лет. Как утверждают род людской существует уже 500 000 лет. Значит 490 000 лет так нигде и не упомянуты. За десять тысяч лет современный человек преодолел путь от каменного топора до ядерного оружия. Это вполне могло произойти и раньше. По мнению Брайона Гайсина[164] ядерная катастрофа на месте нынешней пустыни Гоби уничтожила все следы цивилизации которая сделала подобную катастрофу возможной. Вероятно принцип действия их ядерного оружия отличался от того на котором основано наше нынешнее. Вероятно у них не было контакта со словесным организмом. Вероятно и самому слову не более десяти тысяч лет. То что мы называем историей есть история слова. В начале этой истории было слово.

Осознание того что нечто столь же привычное для вас как работа вашего кишечника звучанье вашего дыхания ваше сердцебиение является вдобавок чужеродным и враждебным поначалу действительно вызывает некоторое ощущение опасности. Помните что вы в состоянии изолировать себя от “Другой Половины” от слова. Слово тесно связано со звучаньем вашего кишечника и дыхания с вашим сердцебиением. В качестве первого шага следует записать звуки вашего организма и начать объединять их в самом себе. Склейте ваши телесные звуки с телесными звуками вашего лучшего друга и вы увидите насколько он станет вам близок. Склейте ваши телесные звуки со стуком отбойных молотков. Выбейте вытряхните отвибрируйте “Другую Половину” прямо на улицу. Склейте ваши телесные звуки с кем угодно и с чем угодно. Откройте клуб ленточного червя и начните обмениваться лентами с записями телесных звуков. Прочувствуйте кишечник вашего соседа и помогите ему переваривать пищу. Прежде чем мы сумеем разорвать связь она должна стать тотальной и осознанной.

«Венерианское вторжение было известно как Операция “Другая Половина”, то есть паразитарное вторжение в сексуальную область с использованием, как и подобает всем планам вторжения, уже возникшей заёбистой ситуации. («Боже что за беспорядок!» Окружной Инспектор напомнил себе о том что запрещено не только выражать презрительное отношение к туземцам но даже питать подобные чувства. В Бюллетене 2323 об этом сказано совершенно недвусмысленно. И все-таки он был не в силах побороть остатки неприязни к протоплазменной жизни что несомненно свидетельствовало о его неорганическом происхождении. Его миссия была просветительской... туземцев надо было сканировать по схемам составленным печально известными Пятыми Колонистами. Вскоре после своего прибытия он решил что столкнулся не только с возмутительным примером скверного колониального управления но и с попыткой сверхновой. Он был вынужден вызвать Полицию Сверхновой. Миссия все еще работала в осадном положении. Обладавшие ядерным оружием Пятые Колонисты были полны решимости противостоять переменам. Необходимо было выдать его персоналу оружие. Разумеется были инциденты... жертвы... Молодой служащий Отдела культуры провозгласил себя Ангелом Смерти и его пришлось отправить в санаторий. ОИ обдумывал такой рискованный прием как “чудо” а чудо которое он обдумывал было т и ш и н о й . Мало что может быть хуже “чуда” которое не удается. Разумеется он подал заявление в Министерство внутренних дел подчеркнув безотлагательность своего дела зависящего от того чего не без оснований можно было ожидать от готовых на всё Пятых Колонистов. Высокое начальство было смутным и далеким. У него не было твердой уверенности в том что необходимое оборудование прибудет вовремя. Не опоздает ли он с трехмерностью?)... С самого начала человеческий организм в буквальном смысле состоит из двух половин слово и весь людской секс суть те антисанитарные меры посредством коих два существа пытаются занять одни и те же трехмерные координатные точки что приводит к омерзительным сортирным потасовкам характерным для планеты опирающейся на “Слово”, то есть на изолированную плоть втянутую в нескончаемый сексуальный конфликт... Венерианские Мальчики-Девочки под началом Джонни Тяги заняли Другую Половину, установив сексуальную блокаду планеты... (Нетрудно понять, что для торговли таким набором нечистот как Бессмертие, Сад Наслаждений[165] и л ю б о в ь была необходима программа систематической неудовлетворенности)...

Когда вмешалось Министерство здравоохранения с его непререкаемым авторитетом, Операция “Другая Половина” была передана на рассмотрение Отдела перезаписи где разумеется обнаружился изначальный технический изъян и венерианское вторжение предстало в виде неизбежного коррелята механизма для разделения плоти... В этот момент послышался истошный вопль со стороны венерианцев ратующих за сохранение плотского механизма в том или ином виде... Разумеется все они были неизлечимыми плотоманами движимыми порнографическими фильмами пыток и целые Отделы перезаписи и планирования с отвращением готовы были впопыхах переключить рубильник на “Этого Никогда Не Было”... «Если эти проныры не будут держаться подальше от кабинета перезаписи»...

“Другая Половина” была всего лишь одним из аспектов Операции “Перезапись”... Кабинет перезаписи пикетировали, взрываясь протестом, наркоманы, пристрастные к

тяжелому металлу... По улицам шныряли контроломаны пытавшиеся воздействовать на официантов, туалетных работников, клошаров н по всему городу на глазах у всех гипнотизировавшие неоперившихся юнцов... Некоторые богатые контроломаны сумели окружить себя латахами и с рассеянными жестокими улыбками сидели на террасах дорогих кафе не подозревая о том что я исписал последнюю сигарету...

Боже что за беспорядок... Главное не подпускать этих проныр к Кабинету Перезаписи только и всего»...

Так вот для начала возьмем рядовой, неинтересный, типичный случай: Джонни Тяга Другая Половина, посыльный от смертельной травмы... Ну слушайте я сейчас скажу я скажу медленно... Смерть е с т ь оргазм е с т ь второе рождение е с т ь смерть в оргазме е с т ь их антисанитарный венерианский трюк е с т ь весь активный цикл рождения-смерти... Ясно?.. Теперь вы понимаете кто такой Джонни Тяга? Мальчишеско-Девичья Другая Половина стриптизный Бог сексуального расстройства... Посыльный от смертельной травмы... Его бессмертие зависит от смертности других... Это справедливо в отношении в с е х наркоманов... Мистер Мартин, например, пристрастен к тяжелому металлу... Его “дорога жизни” – смертный наркоман... Дорога жизни контроломанов – слово контроля... То есть эти так называемые Боги способны жить без трехмерных координатных точек лишь навязывая другим трехмерные тела... Их существование – сплошное кровопийство... Они совершенно непригодны для полицейской службы... Они либо соглашаются заниматься перезаписью либо отчаявшись становятся туалетными работниками безвозвратно отправленными в уборную...

Итак вернемся к случаю Джонни Тяги… одного из множества таких посыльных... Зеленых Мальчиков-Девочек из терминальных сточных труб Венеры... Так пиши же вновь на улицу, Джонни, вновь спеши к Али, Богу Шлюх и Уличных Мальчишек... Пиши из сточных труб Венеры на неоновые улицы Сатурна... В качестве альтернативы Джонни Тяга вновь может быть перезаписан в зеленого мальчика-рыбу... Альтернативное решение всегда найдется... Ничто не истинно... Все дозволено...

«Нет хасан-и-саббах[161]... нам нужна плоть... нам нужен джанк... нам нужна власть...»

«С меня довольно... Вызывай п о л и ц и ю»...

ПОЛИЦИЯ СВЕРХНОВОЙ

Бюллетень Отдела перезаписи: Чтобы не подпустить всех этих проныр к Кабинету Перезаписи, нам пришлось вызвать полицию Сверхновой... В подобных условиях невозможно работать... Познакомьтесь с инспектором Дж. Ли из полиции Сверхновой... «Сомневаюсь что кто-нибудь из вас на этой планете-копии хоть раз видел преступника Сверхновой... (чтобы замаскировать свои действия они подвергают себя мучительным страданиям) и уверен что никто из вас ни разу не видел полицейского Сверхновой... когда беспорядки на какой-либо планете достигают определенной точки регулирующая инстанция разворачивает полицию... в противном случае... Шлёп... Еще одна планета повержена в космическую пыль... теперь я изложу некоторые механизмы и технические приемы Сверхновой пользоваться коими следует крайне осмотрительно... я прекрасно знаю что ни на одной планете никто не обрадуется увидев полицейского поэтому позвольте мимоходом подчеркнуть: у полиции Сверхновой нет намерения оставаться после того как выполнена ее работа... То есть когда на этой планете будет устранена угроза Сверхновой мы отправимся на другое задание... Мы выполняем свою работу и уходим...

Основной принцип Сверхновой крайне прост: постоянно разжигать как можно больше неразрешимых конфликтов и постоянно раздувать существующие конфликты... Это делается с помощью сбрасывания на одну планету жизненных видов с несовместимыми способами существования... Разумеется в этом нет ничего “дурного” в отношении любого отдельного жизненного вида поскольку “дурное” касается лишь конфликтов с другими формами жизни... Главное в том что эти формы не должны находиться на одной планете... Их образы жизни в основе своей не совместимы в форме настоящего времени а задача банды Сверхновой как раз и состоит в том чтобы удерживать их в форме настоящего времени с целью разжигания и раздувания конфликтов которые ведут к взрыву планеты то есть к Сверхновой... В любой данный момент времени магнитофоны диктуют природу абсолютной потребности и диктуют применение тотального оружия... Например так: возьмем две враждующие влиятельные группировки... Запишем наиболее страстные и агрессивные высказывания группировки один в адрес группировки два и дадим прослушать группировке два... Запишем ответ и передадим его группировке один... туда и обратно между враждующими влиятельными группировками... Этот процесс известен как “обратная связь”... Действие его хорошо видно на примере перебранки в пивной... Да и вообще любой перебранки... Умело налаженная в глобальном масштабе обратная связь ведет к ядерной войне и к Сверхновой... Эти конфликты умышленно разжигаются и раздуваются преступниками Сверхновой... Банда Сверхновой: “Сэмми Мясник”, “Зеленый Тони”, “Дешевка (“Коричневый Артист”)”[171], “Джеки Голубая Нота”, “Джон Известняк”, “Иззи Толчок”, “Мэри Гамбургер”, “Бешеный Жало”, “Подсознательный Малый”, “Синий Динозавр”, “Уилли Крыса” (который донес на своих сообщников), а также мистер и миссис D., он же “мистер Брэдли мистер Мартин”, он же “Уродливый Дух[172]”, считающийся главарем банды... банды Сверхновой... за все время своей работы полицейским я ни на одной планете не видел такого всеобщего страха и вырождения... Мы намерены

арестовать этих преступников и передать их в Биологический Отдел для внесения соответствующих изменений...

Вы спросите можем ли мы ликвидировать эту неразбериху к вящему удовольствию всех замешанных в ней жизненных видов и мой ответ будет таким... Ваше земное дело должно быть рассмотрено Биологическим Судом... (в данное время, признаться, находящимся в плачевном состоянии)... Не успевают судьи приступить к делу как их тут же пытаются подкупить так что каждый день они назначают заседания в новом месте и их, точно брошенные игральные кости, постоянно сметают обращенные в паническое бегство виды, каждый из которых с идиотским упорством восхваляет свой нелепый образ жизни... (в основном, конечно, никуда не годный)... пытаясь соблазнить судей ввергнув их в.венерианский разврат, подмешать наркотики в пищу судебным чиновникам и застращать всю публику угрозой Сверхновой... За все время своей работы полицейским я ни на одной планете не видел такого всеобщего страха перед соответствующими изменениями... неблагодарная работенка как видите и мы выполняем ее только для того чтобы не пришлось ею заниматься где-нибудь в другом месте в еще более трудных условиях...

Успех банды Сверхновой зависел от позволявшей им действовать безнаказанно блокады планеты... Эта блокада была прорвана с помощью партизанских боевых действий направляемых с планеты Сатурн что позволило отрезать контрольные линии слова и образа проложенные бандой Сверхновой... Вот мы и внедрили своих агентов и приступили к работе постоянно поддерживая тесный контакт с партизанами... Отбор местного персонала представлял собой весьма сложную проблему... Откровенно говоря мы обнаружили что большая часть существующих полицейских агентств погрязла в безнадежной коррупции... Над этим успела потрудиться банда Сверхновой... Как ни парадоксально некоторые из наших лучших агентов были завербованы из рядов тех кого на этой планете называют преступниками... Во многих случаях нам приходилось использовать агентов не имеющих опыта полицейской работы... Разумеется не обошлось без жертв и заёбов... Вы должны понять что секретный агент становится свидетелем самых гнусных преступлений и при этом лишь беспомощно ждет возможности вмешаться, бывает, долгие годы, лишь по прошествии которых может произвести окончательный арест... Поэтому неудивительно что неопытные полицейские направляясь наконец производить арест иногда теряют самообладание... Это состояние, известное как “лихорадка ареста”, может сорвать всю операцию... Не так давно наш человек в Танжере перенес приступ “лихорадки ареста” и взял под стражу всех кто находился на его видеоэкране включая некоторых наших тайных агентов... Он был переведен на бумажную работу в другой район... Позвольте объяснить к а к мы производим арест... преступники Сверхновой не являются трехмерными организмами... (хотя как мы увидим организмами несомненно являются)... но чтобы получить возможность действовать они нуждаются в трехмерных агентах-людях... Точка в которой преступник-контролер пересекается с трехмерным агентом-человеком называется “координатной точкой”... А если что-то и передается от одного человеческого организма-хозяина другому и идентифицирует контролера так это п р и в ы ч к а: темперамент, пороки, предпочтения в еде... (Мэри Гамбургер нам удалось выследить благодаря ее нежной любви к арахисовому маслу)... жест, особый взгляд, другими

словами – с т и л ь контролера... Заядлый курильщик всегда будет действовать через заядлых курильщиков, наркоман – через наркоманов... Один контролер может действовать через тысячи людей-агентов, но он должен иметь линию координатных точек... Одни движутся по джанковым линиям через наркоманов земли, другие – по линиям определенных половых извращений и так далее... Лишь закрыв контролеру доступ ко всем пригодным для него координатным точкам и выкурив его из-под прикрытия "хозяина", мы может произвести окончательный арест... В противном случае преступник совершает побег в другие координаты»...

В о п р о с: Инспектор Ли, я не совсем понимаю что такое координатная точка... Не могли бы вы пояснить это подробнее?..

О т в е т: Пожалуйста... Видите ли эти преступники-контролеры захватывают людские тела... призраки?.. фантомы?.. Отнюдь нет... на самом деле – весьма конкретные организмы... Правда их не видно... Вы можете увидеть вирус?.. Так вот, образ действий преступников-контролеров весьма схож с образом действий вируса... А для того чтобы поразить, повредить и захватить человеческий организм, вирус должен обладать хитроумным механизмом вторжения... Попав внутрь вирус поражает повреждает и захватывает определенный участок или орган тела... называемый предпочитаемой тканью... К примеру, гепатит поражает печень... Грипп – дыхательный тракт... Полиомиелит и бешенство – центральную нервную систему... Таким же образом контролер поражает повреждает и захватывает определенную форму или конфигурацию человеческого организма...

В о п р о с: Каким образом эти контролеры получают доступ к человеческому организму?

О т в е т: Приведу пример: контролеры которые действуют с помощью пристрастия к опиатам... то есть те кто захватывает и контролирует наркоманов земли... Точка их проникновения – это разумеется сам наркотик... А с помощью наркомании они удерживают эту координатную точку...

В о п р о с: Чем определяется выбор координатных точек? Почему такой контролер предпочитает действовать с помощью наркомании а не другими средствами?..

О т в е т: Он действует через наркоманов поскольку сам является таковым... Наркоманом с Урана пристрастившимся к тяжелому металлу... То что мы называем опиумом или джанком есть крайне слабая разновидность пристрастия к тяжелому металлу... Венерианцы как правило действуют с помощью половых извращений... Короче эти контролеры прихватили с родной планеты свои пороки и болезни и заразили людей-хозяев почти таким же образом как первопоселенцы заражали так называемых первобытных жителей...

В о п р о с: Инспектор Ли, как можно убедиться в том что некто выдающий себя за полицейского Сверхновой не является самозванцем?..

О т в е т: Это не всегда просто, особенно в данный переходный период. Существуют самозванцы, шарлатаны, которые околачиваются возле атомных

установок и обирают ученых-атомщиков почти таким же образом как самозваные полицейские в общественных уборных вымогают деньги у сексуальных извращенцев... Не так давно хорошо организованная банда вымогателей, выдающая себя за представителей полиции Сверхновой, конфисковала циклотроны и другое атомное оборудование, которое затем продала на черном рынке Урана с целью поддержания привычки к тяжелому металлу... Они были арестованы и направлены на тысячелетний курс лечения... Впоследствии мы сталкивались с несколькими единичными случаями... большей частью маньяки, безумцы...

Вопрос: Инспектор Ли, как по-вашему, можно ли разгромить банду Сверхновой?..

Ответ: Да... Их машина контроля отключена благодаря боевым действиям партизан...

«Теперь мы можем произвести несколько окончательных арестов...

“Сэмми Мясник” уничтожил свою бутафорскую личину. Из расплавленного ядра раскаленной голубой планеты взгляд его горящих металлических глаз пронзил офицера полиции... Офицер отступил оборвав все связи с Голубой Планетой, связи установленные паразитной куклой которая еще в момент появления на свет проникла в его тело, тщательно подготовив формы и ассоциативные связи вокруг пустот... Глаза Сэмми загорелись и сверкнув ослепительной синевой погасли в запахе металла... В пустом пространстве пронеслась его последняя раскаленная добела взрывная волна. Офицер взял микрофон: “Сэмми Мясник” арестован... “Пэдди Жало” арестован... “Мэри Гамбургер” дезертировала... “Зеленый Тони” сдался... иду на окончательный арест “мистера Брэдли мистера Мартина” он же “мистер и миссис D.” он же “Уродливый Дух”...

“Сэмми Мясник” уничтожил свою армию лицемерных миллионов и источая Планету Мэрилин Монро пронзил офицера полиции... Связи вокруг пустоты с надписью “Моя прекрасная леди”... Трехмерным языком “Уродливый Дух” и “миссис D.” пронзительно кричали через весь трущобный женский материк... Вот и копаемся мы в Управленческих Книгах и всей той мерзости что я давно забыл... криминальная улица... карательные законы вопящие о дополнительных ассоциативных связях на электрическом стуле и в газовой камере... техника смерти над страной... белый незапах смерти источающий Сверхновую... “Уродливый Дух” метался в страхе из одного хозяйского логова в другое... вымаран нашими помехами и волнами тишины... Вызывайте Старого Доктора два раза “мистер и миссис D.”... Он успокаивает помните?.. кончено... приюта нет… пригоршня праха... Пронзительно кричащего, хватающегося за рубильник Сверхновой “Уродливого Духа” уволокли с планеты... из всех уродливых картин и слов что были местом его жительства с тех пор какой нагрянул в Новый Свет... Офицер своим бесшумным непререкаемым авторитетом прикрывал одну координатную точку за другой... Сказать осталось только вот что: вы предпочитаете беседовать с партизанами “мистер и миссис D.”... Так как же?.. Никаких условий... Это окончательный арест... “Сэмми Мясника” уже взяли... Нет стражи способной охранять вас... Вам не помогут даже миллионы голосов в ваших собаках... замирают голоса... мятые тряпичные тела... Ваше имя блекнет на страницах

земных газет... Рекламная машина Мэдисон-авеню отключена... Посыльный прикрывает их посыльных... Мало что останется... окончательный арест правления пока вы слушаете, а офицер перекрывает путь... Лицемерное уродство их космической программы – всего лишь шутка... Записанная символами охваченной депрессией Америки: $$$... американский запах памятных картин... идиотские притоны Выступа... сортиры униженья и злобное уродство вымирающих народов... Накачавшиеся виски законодатели в стиле «марихуана опасней для жизни чем кокаин»... управленческие книги символические цепи линчующие банды... влиятельная группировка “Белый Дым” опирающаяся на ректальные предместья и незапах смерти... Контроль-авеню и Голливуд, взгляните на очередь за похлебкой... Уродливый Дух вновь отступил к двадцатым в прислуге полицейских и собаках Г. Дж. Анслингера[104]... в одного потрепанного хозяина за другим... Вымарал инструкции правления... Тишина... Тишина… Тишина… Вызывайте старые деньги оборудование информацию архивы памяти... Кончено... Приюта нет... Пригоршня сыплется на страницы земных газет за рубильник сверхновой... Вам не поможет ничего, коллаборационисты сотрудничающие с уродством и выродившейся плотью... Предатели всех душ повсюду нагрянули в Новый Свет... Старый Доктор пошатнувший крупный бесшумный авторитет прикрывал одну координатную точку за другой... Правление поблизости уже сейчас... Замирают голоса условий?.. Это окончательный арест с помощью умирающего воздуха... Уже нет стражи способной вдохновлять на униженья... Ядовитое облако, вам не помогут даже миллионы собак... паразиты, мятые тряпичные тела... Ваши книги контроля блекнущие на страницах земной газеты не смогли образовать сверхновую... Операция закончена... планета вне опасности... Продолжайте производить соответствующие изменения»...

ПИШУЩАЯ МАШИНА

Выставка тянулась через множество комнат и коридоров... Множество кабинок усеивало комбинированную садовую формовку углубленную и террасированную... В прудках и каналах отражались цветочные платформы... (устройства со сложным сочетанием изображений сада и цветов)...

В комнате с металлическими стенами магнитные мобили в мерцающем синем свете и запахе озона... шарнирнометаллические юноши танцевали в ливне голубых искр, эрекции сплетались в дрожании металлических оргазмов... Листы с намагниченными каллиграфическими письменами притягивали раскрашенные железные опилки которые разноцветными облаками сыпались с моделей пульсирующих под металлическую музыку, отключение-включение, включение-отключение... (Зрители плутали в лабиринте турникетов)... Огромные листы с намагниченным шрифтом удерживали цвет и распадались в холодной неорганической тишине как осыпается с размагниченных моделей словесная пыль... фотомонтажные фрагменты с подкладкой из железа приставали к моделям и вихрями осыпались смешиваясь, с разноцветной пылью дабы образовывать новые модели, поблескивающие, осыпающиеся, намагничивающиеся, размагничивающиеся в мерцании голубых цилиндров пульсирующих неоновых трубок и шаров... В металлических кабинках мозговые волны записывали мерцающий сигнал энцефалограммы передаваемый на все лады, через и сквозь изменчивый узор решеток... Магнитный карандаш застрявший в каллиграфических письменах Брайона Гайсина[164] вновь описывал в мозгу металлические модели тишины и космического пространства... оргонные[27] аккумуляторы мерцали синевой над плавательными резервуарами где нагие юноши купались в синеве… хлопья звука и образа падали как светящийся серый снег... мягко падали с размагниченных моделей в синюю тишину... Металлические головы вывернутые глаза ощущали покалывание голубых искристых эрекций... Мерцали всеми цветами радуги металлические оргазмы… кончали на влажных американских горах сновидений... Идущие от мозга электроды описывали мальчишек на роликовых коньках в ливне разрушенных предместий... Нагие юноши купались в синеве на фоне бильярда-автомата танцуя и погружаясь... Старомодные фотопластинки падали как светящийся снег мягко падали темноволосые светловолосые всё глубже погружаясь в синюю тишину... Машина светового путешествия – это вращающийся парк вертится вокруг путешественника исторгая металлическую музыку и азотистые пары... Бильярдная точность переплеталась с дрожанием металла... Металлические птицы вспархивали в синем свете… Спермовые кульбиты в стекле и зеркалах отражали мастурбирующие предвечерья... (Нагие юноши купались уже в голубой дали)... Мерцающие киноцилиндры исторгают на воду бутербродные палатки музыку и смех... В металлических аркадах сплетались роликовые коньки... В прудках и каналах отражались серые костюмы с зонтами... мерцающие над плавающими мальчишками когда магнитный серебристый свет исторгал хлопья звука и образа... цветные письмена комбинированный сад... слои сходят с красно-желто-голубых прудков отражающих полупрозрачные экспериментальные существа с цветочными хула-хупами нагие в синих сумерках... металлические юноши дрожащие в звездах и тотализаторных залах... В комнатах залитых солнцем живописные панно под музыку плыли одно мимо другого на лентах транспортеров все великие мастера Земли один

сквозь другого в наслоениях цвета и света... Живопись спроецированная на экраны сочетала цвет и образ... Выставка незаметно переходила в огромный парк развлечений с оркестрами, аллеями и киноэкранами, эстрадами и ресторанами на открытом воздухе... Вся музыка все разговоры и звуки записывались на комплект магнитофонов писавших и воспроизводивших двигаясь на лентах транспортеров рельсах и фуникулерах исторгая фонтаны разговоров металлической музыки и речи магнитофоны двигались от экспоната к экспонату... Громадные мобильные изваяния из музыкальных шкатулок и магнитофонов ветряных колоколов и кинофильмов о выставке отражались в прудах каналах и островах где рестораны заключенные в мерцающие киноцилиндры исторгали на воду свет разговоры и музыку... Спектакли на сцене с взаимозаменяемыми секциями пропускали друг сквозь друга Шекспира, древних греков, балет... Кинофильмы смешиваются на экране – половина одного половина другого... спектакли перед киноэкраном синхронизированы так что лошади появляются на экране и вновь скачут прочь из старых вестернов... Персонажи переходят со сцены на экран и обратно всякий раз мелькая в новых фильмах... Разговоры записанные в фильмах снятых во время работы выставки звучат на экране до тех пор пока в них не вмешиваются все зрители эпизоды подвижны и взаимозаменяемы... (Поскольку магнитофоны и кинофильмы о выставке не останавливаются ни на миг нетрудно понять что рано или поздно каждый зритель появляется на экране не сегодня так вчера или на худой конец завтра как уж обернется дело в какой-либо связи... и разумеется повторные визиты...)

Пишущая машина которая на лентах транспортеров перемещает между полями страницы половину одного текста и половину другого... (Соотношение половины одного текста и половины другого имеет большое значение поскольку соответствует соотношению двух половин человеческого организма) Шекспир, Рембо и так далее взаимозаменяясь проходят между полями страниц в непрерывно меняющихся наслоениях машина исторгает романы пьесы и стихи... Зрителей просят вводить в машину любые страницы их собственного текста на равных началах совмещенные с любыми выбранными страницами любых выбранных ими авторов и через несколько минут им выдаются результаты.

Нужно сказать не смог предоставить никакой информации... доминион в упадке... Мы пересекаемся в опустевшем царстве зачитанном мальчишкой... Пять раз я добивался такого сновидения... Остатки неразбавленного бренди, воркотня на последней террасе сада... Свет и тень ушли и адреса не оставили... Ведь познал я тело Бога коленопреклоненного... Разве не осталось времени?.. Дать тебе, мой друг, горькую листву?.. аромат потопа и мужество забвенья... На открытом воздухе ждет мальчишка... Улыбки озаряют кого-то идущего... Вопрос лениво выплывает из старого сновиденья... горный ветер застрявший в дверях... запах утонувших солнц оставляемый потом ее белья в последней обезьяне истории... Так я бы потребовал перемен но голубое небо ни нашем билете который лопнул... все равно сплошная праздность при таких суровых обстоятельствах... Помню я был пароходом и мы тонем... окно гниет на дальнем берегу залива... Дверь не дает вытянуть плоть... голый сон рядом с тобой а сновидец исчез в предрассветном шорохе... Надел чистую рубаху и к морю держит путь...

«Начертанная на двери правдивая информация... Многочисленная предметная полиция говорит об одурелом состоянии, придает вам индивидуальность постепенно увядающую... вращающиеся огни только и всего... хлебный нож в сердце слабеющем в темном мятежном теле не отбрасывающем тени... Пять раз в пыли мы добивались всего этого... останки приюта не дают... пыльное занятие... А эти псы не знали ничего... Дать тебе обстоятельства в вечерней наготе?.. тропу окутай дымом... с такими волосами бесцветный сновидец... неразбавленное бренди испещрило буйством дверь... утреннее одиночество размытое в неоне;.. Ушедшие оставили смесь сновиденья и рассвета... склоняясь желаю доброй ночи под волнами тишины, уносящими углекислый газ»...

«Правда на этой стадии многие споткнулись... Мистер Брэдли мистер Мартин точно пульпа рядом с тобой... Человек идет сквозь сновиденье рубаха в другой... Вдруг остановился дабы увенчать Бога коленом гнущего огромные листы намагниченного разворота вспять к прохладной неорганической тишине... серый снег точно укусы солнечного света мягко падает с полудня... голое прощание потом тишина., намеки когда мы пропускали мастурбирующие предвечерья сквозь тело Али... Магнитные серебристые хлопья закрывают ваш счет... потрескивают азотистые экраны, гениталии исторгают в сон американские горы... Гниют магнитофоны города... в глотке Бога оглушительная музыка... Киноэкраны погасли из-за затемненных ресторанов... сон и сновидец держат путь размахивая друг сквозь друга вымершими секциями... Наслоением света добивался такого сновиденья... Оно поглотило остатки образа меж зеркалами... и голое прощанье со времен магнитофонного кино двадцатых... (Нетрудно понять азотистую плоть)... пыль с размагниченных мозговых волн... Сновидец с грязными щеками умирает испещренный буйством... Бильярды-автоматы пощелкивали по ветряным колоколам рассветных подземок и турникетов... над плавающими мальчишками отражались роликовые коньки, бивачный костер и красные фонари ебли... старые вестерны гниют на дальнем берегу залива... Голубые блюзовые ноты плывут сквозь крытые шифером дома и азотистые пары... спермовые кульбиты в свежести вызревающих корней... Световые слои сходят с красно-желто-голубых дабы увенчать экспериментальные существа цветами... призрачный запах голых привидений... В лабиринте грошовых аркад и зеркал отражаются мастурбирующие предвечерья... Цвет и образ расцветают из старого сновиденья в запахе ресторанов на открытом воздухе... Близ Восточного Сент-Луиса, в доминионе вызревающих корней, несут вахту десятилетние... Надтреснутые тотализаторные и водевильные голоса добивались такого сновиденья... далекий гроб меж зеркалами времен которой между тем я позабыл… на заброшенном кладбище тело Бога коленопреклоненного... Да у вас есть его горькая кожа»...

«Надень ее... Без вас я окажусь на улице... Прощанье на открытом воздухе... Кто-то идущий тащит мою летнюю рассветную плоть»...

«Изображения панамской ночи источают запах обнаженных прямых кишок... с его лица струился пот... молоко в промежности... Юные лица растопили мертвые азотистые улицы... Голый мозг раскололся на пустой плоти... кровоточащий сон а сновидец лежит вон там... последний круг... тело не отбрасывающее тени, не

оставляющее следов... дыхание пассатов на его лице, зарубцевавшемся и рубцующемся, в вечерней наготе»...

«Ладно, старина, тогда всего хорошего... Это снято на серебристой пленке...»

Сновидец с грязной плотью нанизанной на следы шрамов вспыхнул в керосиновой лампе... расстегнутая рубаха развевается на прохладной тропе... ныне безмятежно его лицо... Из утреннего одиночества улица исторгала дождь, в дверях смесь сновиденья и рассвета... волны тишины уносимые из смертельной травмы... Моча в трущобах вплетает в винные глаза оконные людские и небесные картины...

В вечерней синеве над плавательными резервуарами отражались несущие вахту десятилетние... в керосиновой лампе расстегнутая рубаха, эрекции... сплелись дрожащие колени... волны тишины уносимые из разрушенных предместий... Нагие юноши кончили во влажном сне... как светящиеся хлопья падают окна люди и небеса...

«Помню я был комплектом магнитофонов в дверях... Ушедшие оставили вмешавшихся зрителей... Доброй ночи под волнами тишины поскольку магнитофоны и кинофильмы на этой стадии споткнулись... Нетрудно понять рядом с тобой человек идет сквозь экран... Выставка отражала доминион в упадке… Фотохлопья вихрями сыпались на наш билет... звуковая индивидуальность постепенно увядает... световое путешествие... На этой стадии многие споткнулись... мужество все глубже погружаться в синеву... уносящую углекислый газ... последняя терраса сада... Разве не осталось времени? дать тебе половины человеческого организма?..

ЗАМЕНИТЕЛЬ ПЛОТИ

В сексуальный участок парка развлечений можно попасть только по официальным каналам... Каждый кто обращается с просьбой о допуске должен быть подвергнут десятидневной фотографической обработке в голом виде во время которой претендента фотографируют на всех стадиях эрекции, оргазма, дефекации, мочеиспускания, приема пищи... Снимки разрезаются по разделительной линии тела и подгоняются к снимкам предполагаемых партнеров... Фотографии резонируются и скрепляются по швам в оргонных[27] аккумуляторах[III]... сексуальные линии скрещиваются и выдаются в пользование таким образом чтобы дорожки памяти сливались а участок был виден уже при появлении претендента... Все половые акты, которые совершаются в спальнях, турецких банях, на американских горах, чертовых колесах и в водоемах, где субъекты циркулируют в аквалангах, снимаются на пленку, и экраны тасуют партнеров, разделенных по средней линии, пока не станет невозможно отличить фильм от плоти и плоть не начнет таять... К примеру два мальчика ебущиеся в спальне перед экраном через несколько секунд могут увидеть свои изображения проявленными и перетасованными с другими половыми актами в других спальнях – половину одного половину другого меняющимися на все лады ускоренно замедленно линия разделяет две половины в неоновом свете... в открытое окно заносятся другие изображения... Предполагаемые эктоплазменные[9] хлопья скрепляются по швам голубым пламенем горелки и выдается в пользование тюфяк скрученный и отформованный отсутствующими дорожками памяти сливающими мастурбирующие предвечерья... Зеркально отраженный проситель входит и он уже мальчишка который был хозяином этой комнаты стоял нагишом с эрекцией в его глазах перетасовки... Образно-звуковые бани пропылили его кожу в водоворотах отнятия чувств где субъекты циркулируют сквозь сенсибилизированные фотографии пульсирующие телепатической связью... перетасовывая шеи записанные на серебристую ленту пока не начнет таять плоть двух существ – тело в электрических волнах... прямые кишки сливаются через несколько секунд после порнофильмов и прочих половых актов с мерцающими кинопризраками меняющими на все лады оргазмы всего мира... экспериментальное совокупление света по разделительной

[III] Имеются в виду оргонные аккумуляторы доктора Вильгельма Райха... Доктор Райх утверждает, что основным зарядом жизни является некий синий оргоноподобный электрический заряд. Оргоны образуют вокруг земли сферу и заряжают человеческую машину... Он обнаружил что оргоны легко проникают сквозь железо и абсорбируются органической материей... Поэтому он соорудил обитые изнутри металлом кабинки с несколькими слоями органических материалов под металлом... Субъекты сидят в кабинах, обитых железом, и аккумулируют органы в соответствии с законом возрастания оборота, на котором основана жизнь... Оргоны вызывают ощущение покалывания, коему нередко сопутствуют эротическое возбуждение и спонтанный оргазм... Райх настаивает на том, что оргазм – это электрический разряд... Подводя к соответствующим местам электроды, он составил карту оргазма... В результате этих экспериментов он, разумеется, изгонялся из ряда стран и наконец нашел прибежище в Америке, где и умер в федеральной тюрьме, угодив туда за предложение своего оргонного аккумулятора в качестве средства от рака... Вашему покорному слуге-исследователю пришла в голову мысль о том, что оргонную энергию можно сконцентрировать, дабы развеять миазмы идиотской похотливости и страха, которые препятствуют любому научному исследованию сексуальных феноменов... Предварительные эксперименты показывают, что некоторые живописные картины... вроде картин Брайона Гайсина... спроецированные на субъекта, производят некоторые из эффектов, наблюдаемых в оргонных аккумуляторах…

линии... звуковые дорожки сливались в запахи K-Y[8] и ректальной слизи... В лабиринте зеркал и экранов отражались половые акты в замедленной съемке под тысячу звуковых дорожек изменяемых и тасуемых... ленивые волны оргазма в бормочущем море азотистой киноплоти... а вот ленивые колени подтянутые к подбородку... простаты дрожащие в жемчужных спазмах... известняковая плоть над серебристыми водоемами инкрустированная музыка излучающая фотоореолы в лунном свете... ленивые гладкие тела под звуковую дорожку фаллических изваяний… пульсирующая человеческая кожа прилипшая к лицам и снимкам в скальпельных вспышках... Подросток изверг семя в тысячу кроваток... С первыми струями он ощутил процесс опрокидывания... Экспериментальное существо ударило в барабаны памяти у себя на спине сотрясая фокусную плоть... подгоняя стоячий пенис и полузабытые кожные инструкции под акцент служителя... мысли и воспоминания тающего льда... простата дрожащая жемчужными спазмами до самого его пениса в номере лондонской гостиницы... Подростковая похоть извергла семя в затхлое нижнее белье грошовых аркад... В каналах отражалось возбуждение ускользавшее между ног... Член толчками вытянулся и встал... Жемчужные спазмы принимались и передавались, азотистая плоть формировала янтарные предвечерья... Запахи смеющихся предместий выплескивали звуковую дорожку извергнутую в затхлое нижнее белье пропущенное сквозь инкрустированные запахи всего мира... Вернувшись мексиканский подросток взял меня за руку в комнате с тысячью кроваток... остался бормотать кожные инструкции для ответа на другие мысли и воспоминания... Член толчками вытянулся в свете керосиновой лампы... Старая мертвая звуковая дорожка меняющаяся над вами постигнута в воспоминании о первом сексуальном опыте... Звенящие намеки вновь испытывают магнитные барабаны... Красные азотистые запахи выплескивали звукодорожечную куклу чтобы поставить в определенные условия смуглые лодыжки... Изверг семя в затхлое нижнее белье во время казни, рубаха развевается, сползают брюки... заменитель экскрементов ускользает между ног Всемогущий Бог с двумя координатами непосредственно присущими... Мы просим твоей смазанной янтарной памяти для процесса... Лобковый Окружной Суд сотрясает фокусную плоть... полузабытая прямая кишка на добровольческих резервуарах оплодотворения... юноши собрались у кромки тающего льда... жемчужные спазмы возбуждают претендента на кожный инструктаж... Плоть сновидений неожиданно принимаемая и передаваемая по запаху нечистот сформирована для продажи за миллион долларов... при первом же удобном случае извергает семя в затхлое нижнее белье всемогущий инкрустированный запах трех пенисов... Скоростные вычисления в комнате с тысячью кроваток предупреждают линейные войска... извергнутые при надлежащей военной охране... Первые струи касаются кишечных барабанов памяти... перфокарты зубной боли бормочут кожные инструкции записанные перед взрывом... Другие мысли и воспоминания взятые из дрожащего заявления в печати... Подростковая похоть транслируется на тысячу кроваток... Что ждет вас на заменителе плоти?..

Брэдли встретил облаченный в белый пиджак служитель-кокни с которым он познакомился несколько лет назад в номере одной лондонской гостиницы неподалеку от Эрлз-корт...

– Ну как мы живем?.. Оставьте свои причиндалы здесь...

Он привел Брэдли в комнату с металлическими стенами которые пахли озоном и фотовспышками... Пока служитель делал снимки Брэдли стоял нагишом в свете прожекторов... Во весь рост, крупным планом, по разделительной линии под носом вдоль пениса вниз к прямой кишке... Служитель снял мерку выдавая в пользование свое тело и записал цифры в блокнот...

– Теперь во весь рост... Вот так... Повернитесь... Нагнитесь... Ложитесь... Теперь подтяните колени к подбородку...

Брэдли сидел в кабине а к его голове пенису и губам были прикреплены электроды... Он смотрел как прыгают и пляшут волнистые линии на видеоэкране когда служитель дотрагивался до него прилаживая электроды... К его бокам были подведены два маленьких микрофона звуки записывались на два магнитофона... Он слышал свое сердцебиение, журчание секреции и пищеварения, хрип дыхания и скрип гортанного хряща... кристаллическое бульканье в полостях усиленное магнитофонами... Чтобы вызвать звучание обратной связи между двумя половинами тела служитель пропустил ленту с одного магнитофона через другой... ритмичный звенящий звук... мягкий молоток сердцебиенья стучащий вдоль разделительной линии его тела... Он изверг семя во влажном сновиденьи американских гор...

Служитель привел его в спальню с кроваткой, умывальником, унитазом и душем... Он сел на кроватку рядом со служителем а только что сделанные снимки проецировались на видеоэкран который образовывал одну из стен спальни..

– Ну а теперь как мы живем?..

Мелькнула серия фотомонтажей образованных с помощью разрезания образа Брэдли пополам и подгонки к полуобразам служителя... Несоответствия сглаживались вибрационным фокусным скальпелем проектора до тех пор пока единое тело не становилось снимком в серии поз...

«Теперь во весь рост... Вот так... Повернитесь... Нагнитесь... Ложитесь... Теперь подтяните колени к подбородку...»

На экране возникли линии энцефалограммы мозга и электрического разряда эрогенных зон сдвигаемые на все лады под углом друг к другу в перестановочных решетках скрепляющих два мозга и два тела по швам с помощью вибрационной обратной связи... Экран перешел на демонстрацию фильма... Брэдли лежал нагишом на кроватке рядом со служителем... Разделительную линию его тела жгло серебристыми вспышками пламени полыхавшего внутри и снаружи другого тела... ректальные и лобковые волосы скользили между половинами комбинированной плоти... когда Брэдли извергал семя пенис и прямые кишки на экране и кровати слились... Он очнулся с другими мыслями и воспоминаниями приобретя акцент кокни у служителя стоящего рядом с тарелкой еды... увидел себя за едой на экране комбинированное изображение принимало пищу другим ртом кишечник работал и экскременты сползали по разделительной линии чужого тела...

На следующий день служитель-китаец заставил Брэдли выполнять гимнастические упражнения на кольцах и брусьях, снимки повторялись и перебивались монтажами служителя... принимающего китайскую пищу – иероглифы точно неон в глотке... Прочие служители: американец, немец, испанец, итальянец, араб, негр... фотомонтажи всех служителей вставлялись все вместе смещались тасовались в его теле...

Теперь перейдем к истории об одежде Брэдли... раскрашенная человеческая кожа наполовину наполненная воздухом... потертая янтарная прямая кишка клапан у основания позвоночника... Служитель делал снимки... Снимки крупным планом выписывали билет на желто-голубой рассвет приносящий флейты Пана... Ленивые несоответствия сглаживали тела из проектора до тех пор пока одно тело в сексуальной позе под звуковую дорожку не начинало таять... Теперь повернитесь и нагнитесь к истории об отсутствующих ногах подтянутых к вашему подбородку... Зеркальную линию его тела жгло другими половинами меняющими стоячий пенис и прямые кишки... пульсирующая человеческая кожа прилипла к лицам полузабытым... вибрационные фокусноскальпельные вспышки растопили ледники и кожные инструкции... Он очнулся с другими мыслями которых я коснулся с акцентом служителя... В прудках и каналах отражались экскременты смешанные с цветами... история об отсутствующих ногах подтянутых к потускневшему зеркалу... в ржавом сортире юноша наклоняется... слабые барабаны памяти у него на спине... зеленый мальчик из растопленных ледников и кожных инструкций... инкрустированная музыка ожила в джунглях звучащих прудков и каналов пересекающих увлажненные земли... облака цвета в свете оранжевых газовых вспышек... потертая янтарная память о ректальных болотах... Место взорванное в мышцах... С первыми струями он ощутил как с другим телом ускользает весь процесс... Экспериментальное существо прилипло к его пенису полузабытому... Пунктирная линия его тела побуждала претендента очнуться... стоячий пенис и прямая кишка другие... история о грошовых аркадах и непристойных картинках... Неведомое тело ускользнуло из сексуальной позы дабы расти на нас... Волосы трутся о половины... Электрические волны вас слегка утихомирят... другие мысли точно светящийся снег падающий сквозь акцент лондонской гостиницы:

«Ну как мы живем?»

Здесь нет времени в фотовспышках... В ванной комнате и раздевалках были прикреплены электроды... Тело обожгло серебристыми вспышками пламени извергнутого через несколько секунд... Фотовспышки вдоль пениса исторгли хлопья звука и образа... Другая Половина блекнет в зеркале бьющегося сердца... обратной связью – звучание ветра в ветвях...

Сексуальные акробаты уравновешивают стул на высоко натянутой проволоке и от напряжения извергают семя... Они спускают с велосипедов на проволоке с акробатических пирамид и в воздушных полетах на трапеции... (Глядя на картинки в грошовой аркаде он ощутил сухостой и Ханс рассмеялся показывая на его ширинку... «Пойдем на американские горы» – сказал он... Мы были единственными пассажирами и как только вагончик тронулся мы сбросили шорты... Мы вместе кончили на первом спуске а поезд с грохотом поднялся на другой склон вновь наполняя кровью наши

истощенные гениталии рубахи развевались над ярмарочным проспектом... мальчишки раскачиваются на кольцах и брусьях сквозь пыльный воздух гимнастических залов падает сперма... прыгают в бассейн с заплесневелыми суспензориями и хлоркой извергая семя при ударе о воду... сквозь распухшую плоть неслышно проносятся чертовы колеса)…

Бюллетень Отдела перезаписи: «Цель данных упражнений состоит в том чтобы сохранять тотальную бдительность во время сексуального возбуждения... Для начала попробуйте выполнять простые упражнения к примеру дрочить балансируя на стуле... Ведя машину по опасной дороге на предельной скорости... Пилотируя самолет... Одновременно выполняя операции требующие точности вроде стрельбы по мишеням... Так вы сумеете сохранять бдительность при половом акте и не будете схвачены секс-агентами врага который действует с целью ослабить вашу оборону всякой сентиментальщиной и сексуальной неудовлетворенностью и сбагрить вам липучую эрзац-чувствительность своей планеты-копии»...

Двое мальчишек нагишом сели в кабину с двойным управлением и взлетели поднявшись на высоту двух тысяч футов... Пока второй мальчишка дрочил ему член Ханс ввел самолет в штопор... теряя высоту изверг семя от притока крови с сухостоем приступил к посадке в заданной точке... в воздух вспорхнули летающие мишени член пульсировал в лучах послеполуденного солнца...

Брэдли попал в лабиринт оргонных аккумуляторов... круглых комнат обитых изнутри намагниченным железом... В лабиринт он вошел вместе с тремя другими мальчишками... В первой опочивальне они обнаружили железные каркасы на коих и растянулись нагие в различных позах... В намагниченном воздухе вибрировала гудящая тишина... Голубая линия с покалыванием коснулась его прямой кишки и гениталий и сверкнув вдоль разделительной линии оставила во рту привкус металла... Аккумуляторы поменьше с рукавными соединениями направляли непосредственно на эрогенные зоны сигнал оргазма принимаемый и передаваемый... Он уже перешел в другие комнаты с намагниченными сексуальными символами на вращающихся стенах... Троих других мальчишек там уже не было... Их заменили точные копии из субстанции напоминавшей эластичный янтарь отлитый в форме их тел, две половины скрепленные по швам... Когда электровибраторы боком направили кукол к нему, выплеснулись запахи... запахи ректальной слизи, пота, карболового мыла, спермы и затхлого нижнего белья над чистой юной плотью... Из транзисторных приемников ему в глотку неслись все сексуальные слова его влажных сновидений и мастурбирующих предвечерий... Пенисный канал представлял собой составную железную трубку покрытую губчатой резиной... Лобковые волосы из тонкой проволоки потрескивали голубыми искрами... Члены кукол вставали реагируя на магнитное притяжение настенных символов... «Нагнитесь»... Брэдли растянулся на железном каркасе... Кукла которая была точной копией меня неторопливым магнитным телодвижением проникла в него... Голубое пламя с покалыванием вспыхнуло в его гениталиях пронзенных магнитными вращающимися настенными символами... Пока остальные смотрели включился вибратор... идиотская похоть пила его сперму из экранных глаз... Всасывающих цветовых конусов которые растворяли его пенис в оргазмах света...

«Лучше чем “подлинное чувство”?.. Подлинного чувства не бывает... Майя... Майя... Все это шоу-бизнес»...

Фотоплоть... ощутил у себя в промежности грошовую аркаду... ширинка забита пылью, натянул брюки... вновь в истощенные гениталии... Пересечение данных упражнений проливало свет на тотальную бдительность во время сексуального полета... нагишом для плотских пассажиров а мышцы живота лопнули в меняющемся давлении... «Ура!» половой акт ослабляет вашу оборону чтобы сбагрить вам смерть в оргазме планеты-копии... Другую сторону вновь наполняли оргонные аккумуляторы... захватить всю сексуальную аппаратуру... запах заплесневелых суспензориев и хлорки извергается...

Бюллетень Отдела перезаписи: «Секс есть электрическое выделение организма в виде сигнала принимаемого и передаваемого... Сексуальные слова пробуждают опасную то есть другую половину тела... Точное притяжение... Так что же такое эякуляция? Стрельба по мишени... Оргазм – это фотовспышка делающая ваш снимок... Разумеется заряд – это электрические рукавные соединения которые они направили... Ржавый образ изолированного существа... шум обратной связи в аккумуляторах... Видите едкие слои органической материи? Это им и нужно от Земли, трое других мальчишек дабы изготовить новую мраморную плоть, жопу и гениталии сотрясаемые радужным служителем... Оргазменная смерть суждена другой половине тела... Так что же такое эякуляция? Заменитель моделей продирающийся сквозь электрические лобковые волосы, гортанный гул обратной связи, магнитофонная суходрочка... Рукавное соединение заменяет все члены... Они переключили нервную систему на металлический луч... включают выключают телесный звук магнитные модели... Там где “пассажиры” вместе кончили магнитофоны дрочат в мимолетных координатах... вновь наполняя ваши истощенные гениталии всем джанком и системами охлаждения... Вирусные перфокарты дожидаются перед организмом... 8276 выбегает нагишом с сухостоем на радужную дорогу снимать фильмы пыток... Сохраняйте вашу бдительность в глазах горящих ленивой рыбьей похотью... секс-агенты врага который красит сексуальные слова липучим эрзацем... передает оргон в гортанном хряще чередующем тела... делает простую запись с единого гула между рукавными соединениями... Оргоны с помощью железной повторяемости вызывают словесно-магнитофонную реакцию в другой нервной системе... образ изолированного существа коснулся легких пениса и электрических телесных волос... уже передает оргон в гортанном хряще чередующем сексуальные слова и цвет: “Брэдли” вошел в управляемое тело пленника... голубой свет с покалыванием в простой записи с единого дрейфующего гула для акта между рукавными соединениями... слои органической материи стирают инкрустированные запахи трех других мальчишек и вот “разговор” который имеет жопу и гениталии расшифровывается у него во рту... эякуляционное выделение системы контроля принимаемое и передаваемое... Сексуальные слова пробуждают воспоминание о другой расстегнутой рубахе развевающей внутренности... фильмы пыток электрические глаза горящие ничтожной похотью… чередующиеся янтарные бусы и короткие мелодии писавшиеся столетиями для срастания... гул и привкус металла в бусах... Поглаживая музыку из рукавных соединений они превращают вирусные перфокарты в магнитные модели... единицы энергии прошедшего времени... То есть

мертвую страну… 8276 шептал сквозь железо из тусклой словесной пыли возбуждающей запись... мраморный паразитный образ изолированного существа... плоть сновидений скрепленную сексуальными словами»...

Секс-музыканты дрейфуют по улицам музыки оставляя за собой мелодичные гнусные предложения... В банных кабинках гниющего пирса над приливными равнинами мальчишка играл на нефритовой флейте пока Брэдли дрючил его вслед за нотами выходя из его тела птичьим пением плеском воды и далекой музыкой пассатов... В прохладной голубой комнате отсосал у кларнетиста до оргазма ветряных колоколов, рассветных подземок и щелкающих турникетов... В красном свете полового акта нагнулся над черным гостиничным креслом стуча в барабан а мексиканец с уличной пылью в волосах ебал его под барабанный бой... эти звуки записывались в разносились по улицам музыки... Секс-музыканты переходят из ансамбля в ансамбль а разноцветный свет пульсирует в ритме их инструментов... на гниющем пирсе: «Была не была... Брэдли нагнулся над креслом и раздвинул ягодицы... Дымный палец выебал его под барабанный бой... а разноцветный свет пульсировал в старых фотографиях кружа сексуальные слова и поющую пыль... Призрачные прямые кишки барабанят и дудят под тишину с колец сателлита... Единицы все быстрее кружат по улицам музыки оставляя за собой словесную пыль над приливными равнинами... Быстрее заиграла флейта... Была, не была планета словесной пыли... его тело – птичье пение и далекая музыка на ветру... «Хочу тебя отдрючить» в прохладной комнате с розовыми обоями... лица открыты для словесной пыли в ливне разрушенных предместий... кольца Сатурна в утреннем небе когда мексиканец возбуждал ленивые врата прямой кишки... «Хочу тебя отдрючить... Всего»... «Была не была»... Кружатся стены и выходят на орбиту сексуальные слова возвращаясь к цвету... Заиграла флейта в фотовспышке оргазма... потускневшее зеркало рассветных подземок в банной кабинке... «Нагнись»... сексуальные слова возвращались к ленивому течению рек... юные лица плеск воды... ветряные колокола с аттического фриза... барабанный бой призрачных людей... «Ты кончать?» в птичье пение и звуки джунглей... В красном свете почувствовал как сползают брюки... Член толчками вытянулся и встал... Бей в барабан на коленях вроде как como perros[118]... «Медленно, глубоко, Джонни»... Ноты сплетали бедра Джонни... тень свечи изогнулась над креслом... Ебал под музыку из казино... мерцающие кинолица и тела постепенно исчезают в старых фотографиях... туалетный запах рассветных подземок... Греческне амфоры исторгают ленивую кристальную музыку фаллических изваяний и известняковых столетий... Играл на флейте пальцами легкими и холодными по моему нагому телу... Городские звуки плывут по голубой комнате под шиферной крышей... грошовые аркады на гниющем пирсе… «Была не была»... плоть искрится под барабанный бой... Играл на флейте все быстрее... известняковая плоть шевелится в старых фильмах... Волосы трутся о розовые обои... «Хочешь меня дрючить?» оставляя за собой фотовспышку оргазма чужой плоти... «Ты кончать?»... слабый запах рассветных прямых кишок над креслом... Вопросы пульсируют в ритме их инструментов... кольца Сатурна в утреннем небе... Ебал под отлив углекислого газа... «Мистер Брэдли мистер Мартин» – это запах рассветной подземки... Играл на флейте пальцами легкими и холодными в дверях... Городские звуки плывут по последней обезьяне истории...

«Помню я был фильмами, дверной фотовспышкой оргазма... сексуальные слова в холодном весеннем воздухе... слабый запах рассветной рубахи... далекое гнусное предложение в банных кабинках, там мальчишка играл на флейте, несли вахту десятилетние... вырвался из его тела птичьим пением и водевильными голосами... далекая музыка дабы увенчать Бога уличной пылью... в трущобных звуках мочи... обнаженный мозг выброшенный на приливные равнины... Увядание озаряет гниющий пирс... Юные лица все быстрее кружат по мертвым азотистым улицам... расстегнутая рубаха в банной кабинке... Улица принесла дождь... Ты кончать в смертельной травме?..»

Далекий гроб пульсирует в ритме их инструментов... запах обнаженных прямых кишок на гниющем пирсе... «Была не была» в его промежности... Была, не была планета словесной пыли... лица открыты для старого сна... Кольца Сатурна в утреннем небе незаметно вернули сексуальные слова к цвету... Лежит там потускневшее зеркало рассветных подземок... Самый последний круг... сексуальные слова возвращаются в пассаты... розовые обои кровоточат сновиденьем... Щелкающие турникеты адреса не оставили... Ведь я познал уличную пыль в волосах... «Разве не осталось времени дать тебе»... Мальчишка дожидается на гниющем пирсе... Ушедшие оставили далекую музыку из казино... над водой «доброй ночи» над старой фотографией... сонное дыхание под шиферной крышей... утреннее одиночество шевелит старую известняковую плоть... Нагнувшись говорит: «Ты кончать?..» отлив углекислого газа... Старина, всего хорошего тогда... Помню я был фильмами... Играла флейта на последней террасе в саду... Городские звуки плывут в голубой комнате... Адреса не оставили... Ведь я познал аркады на гниющем пирсе... Разве не осталось времени?.. Играл на флейте все быстрее вам... Сексуальные слова лениво уплывали в холодный весенний воздух... слабый запах рассвета в дверях... Играл на флейте пальцами тающими»...

руки света в утреннем небе... гниющая кукла вышла на рассвете... Доктор на сцене... конец пути...

«Отлично, доктор, перед выбрасыванием на приливные равнины симптомов достаточно... я говорил тебе что зарубцую шрамы... я большая доза толкующая об орбите на шрамовых следах... Внезапно отключился в трущобных звуках мочи, весь Сад Наслаждений[165]... Бог Паники извлекает из флейты голубые блюзовые ноты... незримое вмешательство... самый последний круг... последний паразит бормочет там: «Старина, всего хорошего тогда»...

Картины памяти и поющая пыль взлетели на воздух в замедленном движении... Скандинавская сортирная кожа позабыта... кольца Сатурна в утреннем небе... посыльный рассветных подземок отправлен вновь в пассаты... ленивая тишина отлива из столетий... розовые обои кровоточат юношеским телом не отбрасывающим тени... запах рассветной плоти в уборной... точная индивидуальность увядает... А эти мальчишки уходя ставят в определенные условия оргазм... бьют в барабаны сплетая зарубцевавшиеся шрамы Джонни... над переходом не сделав снимков... весь туалетный запах на этом месте... потускневшее зеркало сквозь вымирающие народы... слова возвращаются в пассаты... посыльный отправлен... Нагнувшись говорит «Всего хорошего... исчезает мое имя... тишина в потускневших кабинетах... последний

гниющий пирс... Осталось времени?.. Доктор на сцене... конец пути… Играл на флейте в опустевшей комнате, пальцы увядали... Доктор на сцене... Играла флейта в последнем посыльном... Закрывается... Адреса не оставили»...

«Отлично, доктор, перед тишиной симптомов достаточно... я говорил тебе что приду... Тишина зарубцевала шрамы»...

Брэдли стоял нагишом вместе с десятью субъектами в комнате обитой изнутри металлическими зеркалами... Они помогли друг другу влезть в подогнанные с запасом целлофановые мешки... В полу кабинки открылся люк... и субъекты спустились в резервуар отнятия чувств и поплыли в темноте без единого звука[IV] кроме обратной связи от половинок десятка тел взаимозаменяющихся под телесную музыку сердцебиенья волнами распространяющуюся в резервуаре... Телесные очертания вытягиваются и тут же обрываются… Растягивающаяся пленка кожи растворяется... Внезапный привкус крови в глотке когда выпаривается хрящ и размываются слова а половины его тела разделены как по лекалу... Рыбья сперма дрейфовала по резервуару с неслышными взрывами... Скелеты плавали а крабовидные паразиты нервной системы и серый церебральный карлик делали последние попытки удержать пленников в координатах спинного и головного мозга... вопя «Нельзя… Нельзя... Нельзя...» Вопя без глотки без речевых центров когда мозг раскалывается пополам а звук обратной связи замирал во взрыве тишины...

Его тело вытягивается и тут же обрывается... Он смотрел как прыгает и пляшет волнистая растягивающаяся пленка кожи под ритмичный шум обратной связи из электродов... Усиленная сперма дрейфовала по водной ленте с неслышными взрывами... вспышки пламени перемещали волосы сквозь комбинированные очертания... внезапный привкус крови на экране когда Брэдли выпаривал слова... Другие мысли и воспоминания разделены как по лекалу... полузабытые растворяющиеся кожные инструкции... Целлофановая пленка над отсутствующими ногами очерчивает его тело вместе с другими половинами... Инкрустированная музыка разделена как по лекалу... С первыми струями он ощутил очертания... пунктирную линию амёбного процесса... Волосы трутся о кожную пленку с электродов прыгает «Хочу тебя отдрючить»...

«Была не была Джонни... Его тело вытягивается и тут же обрывается... Одна дорожка кончилась»... Четкая эрекция растягивающая пленку кожи... Кинодорожечный шум обратной связи из ректальной слизи и карболового мыла...

[IV] Наибольший успех в отнятии чувств достигается с помощью резервуара погружения, где субъект плавает в воде, нагретой до температуры крови, при отсутствии звуков и света... Быстро происходит утрата очертаний тела, понятия о происходящем и о расположении членов... что вызывает панику среди многих субъектов-американцев... Субъекты нередко описывают ощущения, что их тело наполовину совмещается с некоторым другим телом, плавающим рядом… Эксперименты по отнятию чувств с использованием резервуаров погружения проводились во Флориде доктором Лилли... Есть опытная станция и в Оклахоме... Короче, пробыв в резервуаре пятнадцать минут, эти морячки принимаются орать, что они будто бы теряют очертания, и требовать, чтобы их немедленно вытащили... Так вот, поместите в резервуар двух морячков и посмотрим, кто выберется наружу... Наука... Чистая наука... Так поместите же в резервуар морячка с его подружкой, и посмотрим, кто или что всплывет…

Слабое сердцебиение в его теле... весь процесс в глотке... Тошнотворный рассветный запах спермы на всех членах плывущих по воде в неслышном взрыве... генитальная ночь черного плода что растит плоть сновидений... Сердцебиение записало цифры в его теле: кровь в гортанном хряще «Вот так... Его тело вытягивается и тут же обрывается... Теперь подтяните колени к подбородку»...

Бюллетень Отдела перезаписи: «Теперь слушайте, шутники... Мы здесь не для того чтобы делать перезапись БОГа (Базара Опьяняющих Грёз) понятно вам? Посмотрите на этих разъебаев... Все еще по старому плану эвакуации»...

Гортанный хрящ сексуальные слова на двух половинах тела... вибрация позвоночного столба... совместная еда сокращение ректального полета... металлические волосы падающие как засохшие листья... кристальная телесная музыка сотрясающая два магнитофона... вопящий неон в глотке... истертая янтарно-телесная музыка... Здесь они блекнут в старых фотографиях... усиленная запись настоящего времени в неслышных взрывах... единицы прошедшего времени вихрем уносят вечерние лица в плывущий дым и мертвую страну черных лагун... ленивый шепот у него в мозгу... Единицы все быстрее кружат... Теперь во весь рост... Размытый зеленый свет из пениса и губ... Его телесный служитель тут же обрывается... Была, не была Планета Словесной Пыли и крабовидные паразиты...

(«Теперь обо мне... История о двух половинах... другой паразит наделенный всем возможным стремится заполучить данную картину... сначала это Симбиозно-Дверное Мошенничество... Нет хороших взаимоотношений... Нет хороших слов... Я описывал тишину... бурю покидающую его мозговые центры... вечерние лица в прудах... Я плакал в стране черных лагун и небес... крошащихся каменных вилл... черно-зеленых плодов что растут в банках... унылых голосов лемура в разрушенных внутренних двориках... призрачных рук у разбитых окон... древней красоты в каменных обличьях»)...

Больничные запахи и одеревенение анестезии... Он увидел на операционном столе свое тело разрезанное пополам... Доктор хирургическими щипцами удалял из его головного и спинного мозга крабовидных паразитов... и выдавливал зеленых рыбьих паразитов из отделенной плоти...

«Боже что за беспорядок... Вся трудность в двух половинах... рано или поздно вторгнутся другие паразиты... Сначала это симбиоз, потом паразитизм... старинное симбиозное мошенничество... Зашивайте его сестра»...

ЧЕРНЫЙ ПЛОД

Ликин лежал задыхаясь в объятиях мальчика-рыбы, который осторожно дергал за скафандр, проводя приятными холодными пальцами по его позвоночнику... Наконец он нашел то, за что можно ухватиться, и одним отчаянным усилием разорвал прочную ткань на спине... Ликин, который до той поры не подвергался воздействию атмосферы планеты, обнаружил, что давится от кашля, как будто его внутренности в клочья раздирались ледяными когтями... Его окутала кромешная удушливая тьма, и он рухнул в объятия мальчика, лишившись чувств...

Он плыл в космическом пространстве, гонимый струями светящихся газов... Мириады видов проплывали перед ним, как хорошо знакомых, так и чуждых... На миг он вновь оказался средь бурых каналов Марса, в тисках гигантского моллюска, который неделю тратит на удовлетворение своих всепоглощающих сексуальных пристрастий, а потом, точно студенистую жемчужину, выплевывает в сухие красные пески покрытую выделениями несчастную жертву...

Где-то во тьме невнятно бормотали тысячи голосов, щебечущие твари тащили его в разные стороны и попутно плясали, спрыгивали с громоздящихся в вышине черных гор в глубокие голубые ущелья, унося с собой в громадные колодцы пустоты неоновые призрачные письмена Сатурна... Из невообразимой дали он услышал золотые охотничьи рожки Эонов и избавился от тела, пустившись в путешествие по оглашаемой эхом раковине звука, а через влажные девственные леса неслись стада таинственных животных, преследуемые серебристыми охотниками в колесницах из кости и лозы...

Унылые голоса лемуров шелестели в стенах безмолвных обсидиановых храмов в стране черных лагун, древнем гибнущем царстве Юпитера... при свете вечной луны сквозь огромную паутину в разрушенных внутренних двориках плыл пахнущий черной ягодой дым... призрачные руки у разбитых окон ткали воспоминания о крови и войне в каменных обличьях... У окаменелых изваяний, на бескрайних, дочерна обугленных равнинах стоит хозяин павших воинов... Бессловесный взгляд черных как смоль глаз обращен к горизонту вечности – с упорством, взлелеянным миллионом лет, он ждет рассвета, который не наступит никогда... Его сердцебиению вторило бормотание тысячи голосов... булькающие звуки из громоздящихся в вышине легких уносили с собой неоновые призрачные письмена... Ликин лежал задыхаясь в объятия можно попасть только по официальным каналам проводя фотографическую обработку в голом виде... отформован отсутствующей памятью, вибрационным фокусным скальпелем мальчика-рыбы осторожно в серии поз выводил приятными холодными пальцами «Встаньте здесь... Повернитесь... Нагнитесь»... Разорвал прочную ткань в мозговых волнах... Ликин который до той поры не появлялся на экране планеты обнаружил что давится от кашля, его внутренности в клочья раздирались двумя мозгами... От удушливых четырех половин он нагишом рухнул в объятия мальчика на космическую кровать гонимую светящимися внутри и снаружи струями проплывавших перед ним меняющихся видов... Тело обожгла серебристая вспышка на миг он вновь оказался в бурых ректальных волосах гигантского моллюска... где-то во тьме двигались и взаимозаменалнсь половины... Его занесло в

глубокие голубые ущелья и воспоминания о Сатурне... громадные лица и обрывки дали... Он услышал золотую середину и избавился от тела... Коснулся охотничьих рожков Эонов – серебристых охотников в колесницах с цветами... живописные храмы в стране черной пищи... призрачные руки сплетенные в каменных обличьях...

Обнаружил что давится от кашля а его внутренности в клочья раздирались неведомыми телами... Гонимый струями светящихся половин меняющих дымку в электрических, волнах... студенистые ректальные болота возбуждающие тьму...

Он вдохнул глубоко в легкие черный ягодный дым и в голове у него китайскими цветами расцвел символический язык древнего гибнущего царства... мириады сексуальных символов и бронзовая плоть хорошо знакомая... Уже невнятно бормотали тысячи голосов и пульсировали в нем тащили раздирая на части... Его тело уносило с собой неоновые призрачные письмена а две половины разделялись и сексуальные слова взрывались в пустоте... Унылые голоса лемуров шелестели его коленями подтянутыми к подбородку... в разрушенных внутренних двориках пахнущих черным телодвижением второго... ленивый цветовой оргазм под призрачными руками отраженными в безмолвных обсидиановых стенах... Древнее гибнущее царство притихло и при свете вечной луны сквозь лобковые волосы в пыль и обрывки воспоминаний поплыл светящийся черный ягодный дым... бледная словесная пыль покрывала паутину на пенисе и губах... ткала воспоминания о крови в его глотке... прямая кишка обнаженная до цветного фокуса рыбьего языка проводила приятными холодными пальцами стирая инкрустированные запахи в ленивых изгибах янтаря... светящихся фильмами пыток в стране черной пищи... Его внутренности в клочья раздирались призрачными обезьянами... Он находился в разрушенном саду под двумя лунами... одна красная другая бледная прозрачно-зеленая... он разглядел пульсирующие черные плоды растущие в прозрачных банках... Перед ним стоял молодой человек отлитый в вороненой бронзе с зелеными пятнами патины на широких скулах... Изо рта, полуоткрытого в мечтательной жестокой улыбке, веяло слабым запахом разложения, будто он гнил внутри бронзовой формы... Поманив Брэдли ленивым жестом он повел его по дорожке из потрескавшихся каменных плит... Брэдли увидел что у него перепончатые ноги оставляющие следы серебристой слизи которая сверкала в лунном свете... Они приблизились к беседке круглой формы увитой лозами с висящими на них черными плодами в прозрачных банках... Изнутри беседка была обита блестящим черным материалом расписанным фосфоресцирующими знаками из голубого металла которые наполняли комнату пульсирующим синим полумраком... Проводник сфокусировал зрачки проектора переговариваясь цветными взрывами с неким другим существом Брэдли ощутил как в жидкой среде его тела пробуждается ответ... Сквозь его тело со щебетаньем и хихиканьем пронесся цвет сменившийся замедленной нутряной пульсацией... Все еще переговариваясь с другим находившимся внутри бронзовый парнишка положил ленивые холодные руки на плечи Брэдли... Когда металлические руки потянули его вперед одежда у него рассыпалась в пыль... Он уловил слабый запах разложения как от тропического плода на ветру... Его тело растаяло изнутри... Бронзовая форма погрузила в его плоть черное клеймо… Второй отступил назад, с помощью голубых настенных символов отыскивая некую определенную координатную точку... Комната гудела и вибрировала... Лобковые волосы из черной проволоки потрескивали в

голубых искрах а тело его разделила дрожащая голубая линия... Брэдли почувствовал что его собственное тело раскалывается пополам как треснувшее яйцо, две половины терлись друг о друга, скрепленные некоей липкой студенистой субстанцией которая вытекала из трещины и просачивалась сквозь обсидиановый помост на котором он стоял. Из открытой бронзовой формы возник прозрачный зеленый призрак оплетенный пульсирующими красными венами, жидкие экранные глаза озарялись цветовыми вспышками... запахом нечистот и разложения веяло из многолетних фильмов пыток, оргазменная смерть в его черных глазах горящих ленивой рыбьей похотью болотной тины... Длинные руки-усики проникли в расколотое тело Брэдли лаская другое существо внутри – сквозь мягкие внутренности в жемчужные гениталии массируя центры оргазма вдоль его спинного мозга до самой шеи... Его нервы пронзила острая зубная боль и тело раскололось пополам... Сексуальные слова взорвались ядовитыми цветными испарениями которые оборвали его дыхание… Пол рухнул у него под ногами и он провалился в черную воду вместе с зеленой тварью извивавшейся глубоко в его плоти, горло обвивали усики лозы... Его мозг озарили зеленые вспышки... Он изверг семя в сплетеньи рыбьих спазм колени подтянулись к подбородку... привкус крови когда рыбьи звуки разрывали жабры в его глотке... Он дышал уже в безмолвной среде... ленивые цветовые оргазмы глубоко в радужной лагуне... длинные лобковые волосы-усики ласкали другое воспоминание, сотрясали безжизненные гениталии... ткали оргазм глубоко в его яйцах... сплетались в ленивых мраморно-призрачных руках... обретая каменное обличье...

Он двигался по тенистым аллеям и каналам города лагун... в дверях рыбьи запахи и безжизненные глаза... звук страха... темная уличная жизнь места позабытого... ленивые пузырьки воспоминаний лопающиеся в его мозгу... фрагментарные живописные предупреждения... серые зародыши миноги вдоль стен канала, крабовая полиция с магнитными клешнями, темницы где пленников разрывают на насекомовидные формы под жестокими идиотскими пальцами Зеленой Стражи, стройные элегантные мужчины с гладкой смуглой плотью цвета кожи угря рука кончается прозрачным сосудом и влажным жалом: Оргазменным Жалом которое выкручивает жертву до состояния дрожащей пульпы пожираемой выходящими пофланировать Отщепенцами с клювами из черной кости и лиловой пенисной плотью... Оргазменный надой с Отщепенцев получают женщины-вампиры набальзамированные предварительно переваренной спермой, лица из гладкого зеленого алебастра испускающего запах фосфора когда они потягивают через соломинки спинномозговую жидкость... Он уже ощущал смертельную слабость в своей увядающей личиночной плоти... Ему нужен был “Неспешный корабль в Китай”... Он с трудом пробился на “Цветочный рынок” где аристократы лениво фланируют в гондолах из тонкого как бумага черного дерева глядя на неторопливые осветительные ракеты радужных гнусных предложений... В воде распространились колебания ответа: «Два Черных Плода»... Обессиленный, не в состоянии торговаться он пробулькал: «Согласен» всплыл на поверхность и скользнул в гондолу где нагишом на ложе из цветов возлежал молодой человек... Его ноги были ампутированы до бедер а обрубки тлели неторопливыми металлическими пожарами... Мальчик-рыба лег рядом с молодым человеком... Его полупрозрачный зеленый пенис встал пульсируя в лунном свете... На возвышении в центре лагуны били в маленькие барабаны негритята цвета блестящей черной смолы... С островов болотных кипарисов

доносились унылые голоса лемуров... Над водой вспыхнула ленивая ракета... Они катались на цветочном ложе выдавливая тучи ароматов... цветные пальцы в его личиночной плоти ощупывали его рыбий хребет... Спазмы сотрясали его тело а из желёзок под жабрами струилась зеленая эротогенная слизь покрывавшая два тела липким пузырем... размягчавшая плоть и кости до состояния желе... Он погрузился в клиента... Хребты соприкасались и сливались в слабых ударах электрического наслаждения... Его всосало в чужие яйца... Вокруг него сомкнулся мягкий жемчужный грот пульсирующий все сильнее и сильнее... Он растаял превратившись в спермовые пальцы ласкающие пенис изнутри... Трепет сокращений когда он извиваясь пробирался сквозь распухшую розовую плоть под крещендо барабанного боя угасавшее в зеленой осветительной ракете падающей в ленивые извилины подводного сна...

Меняющийся доминион другого внутри... бронзовая форма лениво расцветает из ароматов старых сновидений неся с собой пот гениталий перед рассветом... медленный оргазм в зеленых розах... То что вы любили остается пробуждать ответ в увядающем теле... голые лобковые волосы ласкали сновиденье а сновидец ткал оргазм в своих призрачных руках...

Гроб наложил ленивые холодные руки на Брэдли... тело разделилось пополам как свет и тень... (У вас собака потерялась?)... вытекала из трещины в безжизненной азотистой плоти... Сексуальные слова взорвались до ядовитого неба... чувствительные яйца сплетались в ленивом мраморе... вечер ты слышишь рассыпался в пыль... последняя терраса сада в гниющем плоде... рассветный шепот с коленями подтянутыми к подбородку... Кто говорит?.. Память сотрясала безжизненные гениталии без имен... потрескивающая бумага рассыпалась в пыль...

«Ведь я познал пожары... Разве не осталось времени, прохладным пальцем проведя по нашему билету который лопнул, личиночные обстоятельства на дальнем берегу залива? А эти псы не знали ничего меняя доминион обстоятельств... Что? Бронзовая форма расцветает в вызревающих корнях?.. ответ в увядающем теле рядом с тобой?..»

Не смог дать ответа в словах... его тело растаяло изнутри... мятая тряпка колышущая ветер...

Мог иметь симптомов достаточно на ложе из цветов возлежал молодой человек... Обрубки тлели неторопливым металлическим прощаньем на пустырях... запах зарубцевавшихся и рубцующихся гениталий... пенис пульсирующий в собачьем чередовании... бронзовая свежесть брюк цвета хаки... чувствует прохладные пальцы на своих голых долларах... личиночное эрогенное лицо пускающее струи с помощью оргазма...

«Говори, Лицо»...

«Я лишь скитаюсь вдоль его спинного мозга и ощущаю радость как и ты, милейший... биопрепарат из липкого пузыря с сент-луисским предместьем»... У меня был пес соприкасался и сливался под барабанный бой расстегнутая рубаха

развевалась... теневые яйца в другом пенисе медленно преобразовались в приятного голого мальчишку... (Видишь на сей раз клиент доволен?)...

То было прощание без промедленья... ведь ты лениво вышел из ароматов старых сновидений в космическое пространство...

Челнок Брэдли из тонкого как бумага черного дерева приткнулся к острову болотных кипарисов... Он пристегнул свой кинопистолет и пошел по древним тропам и каменным мостам через каналы где люди-рыбы кружили выпуская вверх цветные пузырьки оргазма которые лопались на радужной поверхности... Он уловил чириканье и стрекотание древесных людей-лягушек подобные ветряным колоколам в ветвях а один из них спрыгнул с нависшей ветки и вцепился ему в грудь лапками-присосками... Он был фута два ростом полупрозрачно-зеленого цвета... Обсидиановые глаза сплошь состояли из зрачков и отражали пульсацию кровососания в ритме сердца ясно видимого в прозрачной плоти... Сквозь зеленую субстанцию виднелось переплетение вен подобных красным неоновым трубкам заливавшим мальчика-лягушку фосфоресцирующим розовым светом... Рот над маленьким заостренным подбородком состоял из блестящего черного хряща который источал бледно-желтую слюну... Щебеча и хихикая с темного кипариса спрыгнули другие... Пальцы-присоски расстегнули ремень его пистолета и стащили с него шорты... Обнаженный он улегся в теплую болотную тину которая медленно осела под ним вызвав черный запах разложения... Он почувствовал как мягкий рот смыкается вокруг его пениса и зависает там пульсируя, высасывая его тело в вакуум... Земля и вода камни и деревья вливались в него и струились наружу фрагментарными картинами... Тварь отвалилась и свернулась в эмбриональный комочек сна... Брэдли поднял другого и взял его на руки... Тварь вибрировала как радиоприемник... По рукам Брэдли прокатились слабые удары... Мальчик-лягушка подергивался в судорогах извергая струи черной жидкости которая испускала затхлый запах влажных корней, жасмина и нечистот... И вот он вяло повис во сне глаза прикрытые зелеными веками напоминали черные пруды затянутые тонкой ряской... И Брэдли постепенно погрузился в глубокий утробный сон, мальчики-лягушки свернулись у него между ног под мышками и на груди испещренной радужной слизью из их лап-присосок...

Разбудили его донесшиеся издалека золотистые ноты охотничьих рожков... Он сел... Людей-лягушек не было... Рожки звучал уже громче и отчетливей... На поляну где он сидел ворвалась свора собак с человеческими лицами и кожей... Размерами и формой животные напоминали маленьких борзых... Они обступили его с рычанием и тявканьем... Появился молодой человек парящий в невесомости так что нога его не оставляли следов в болотной тине... Обнаженный если не считать колчана с серебряными стрелами и лука, он излучал спокойную надменную властность... Он поднял вялую руку и собаки умолкли... С чем-то слишком безучастным в глазах чтобы назвать это презрением он посмотрел на Брэдли и заговорил по-английски: «Я вижу что блокада прорвана и мы ожидаем подобных визитеров... Уличных мальчишек вскормленных объедками и отбросами»...

Псы улыбаясь и скуля уже терлись о Брэдли, извивались и извергали семя под его пальцами... Молодой человек взглянул на псов и взглянул на Брэдли... Он улыбнулся

– ленивая улыбка древняя как гибнущее царство... «Ну что ж, мистер Брэдли, посмотрим»... Он поднял кинопистолет Брэдли... Взглянул на него из неоглядной дали и бросил в тину... На поляну вступили несколько бородатых обнаженных охотников с длинными золотистыми рожками...

«Идемте, мистер Брэдли... Вам предстоит многому научиться и как можно быстрее... В противном случае вы должны принять вид угодный Старому Контролеру... Ваш нынешний вид, разумеется, совершенно невыносим... Нет, одежда вам не понадобится»...

Они приблизились к дворцу из крошащегося камня увитому ползучими ветвями с которых свисали блестящие черные плоды в банках... разрушенный сад украшенный фаллическими изваяниями... Принц остановился перед двумя мраморными юношами преклонившими колена в акте содомии их лица были обращены к свету вечной луны далекому и убаюкивающему ленивым наслаждением известняковых столетий... Пока Брэдли смотрел они совершили медленное телодвижение и из стоячего мальчишеского пениса выступила жемчужина, засверкавшая в лунном свете... Бронзовая статуя мастурбирующего мальчика исторгла каплю фосфоресцирующего черного ихора... «Вот откуда берется Черный Плод... Потом его прививают ползучим растениям и он должен зреть в банках до полной готовности»... Там были и другие статуи из серебра золота и фарфора все приносящие неторопливый плод времени... Они уже шли вдоль разрушенных портиков где ласкали друг друга юноши из полупрозрачного янтаря разглаживавшие инкрустированные ароматы и дуновенье музыки...

КАЖДЫЙ ЧЛЕН СТО́ИТ СТОЛЕТИЯ

«Остров Уорд поражен болезнью столь ужасной что вся обрядовая жизнь туземцев вращается вокруг страха перед болезнью и мер предосторожности против нее... Начинается она внезапно... Жертву застают за публичной мастурбацией и при этом заболевший адресует кому-то незримо присутствующему признания в любви... Он делается грязным и истощенным... На последних стадиях невидимый партнер буквально пожирает его заживо и он переходит в состояние личинки насекомого парализованной слюнявой и покрытой едкой зеленой слизью которая сочится из прямой кишки... В таком состоянии суеверные туземцы уносят больных на илистые равнины и оставляют на милость сухопутных крабов... (Примечание: Этот обычай запрещен губернатором-резидентом)... Остров расположен почти на уровне моря и окружен мелкими лагунами поэтому суда должны бросать якорь примерно в двух милях от берега»...

Так пишет древний путешественник... Был вечер когда корабль бросил якорь и острова я не разглядел... снаряжение для моей экспедиции было уже упаковано и мой слуга Джонни помог мне погрузить его в челнок из тонкого черного дерева... Лодочником был молодой человек с гибким телом малайца и ярко-красными губами... Он то и дело опускал глаза отражавшие нелюдимость и усталость вымирающих народов... Он повез нас по маслянистой радужной воде которая исторгала зловоние под ударами его весла.... Мы причалили к гниющему пирсу вытянувшемуся далеко в мелководье... Ядовитые скаты и крабы поднимали тучи черного ила... На пирсе нас встретил голландец средних лег который был хозяином единственной гостиницы... Он повел нас по деревянному мостику к гостинице – трехэтажному строению из расщепленного бамбука стоявшему на высоких сваях над топким грунтом... Уже темнело и распаковав вещи мы спустились на веранду и выпили с хозяином виски... я расспросил его о болезни... «Она здесь в голове... Вот они и запугивают друг друга до смерти... я здесь уже двадцать лет... В прежние времена мы экспортировали многие из плодов которые здесь растут... Такой особый плод черный такой приятный на вкус... Потом всплыли наружу эти идиотские истории и нынче остров на карантине»...

Когда я поведал ему о своем намерении предпринять экспедицию в глубинные районы острова он сказал что нанять туземных проводников или носильщиков будет невозможно поскольку болезнь якобы возникла в болотах и джунглях глубинных районов...

7 июля 1862 года... Немного познакомился с островом и туземцами... Гостиницу окружает деревня пересекаемая мостками проложенными над илистыми равнинами... Похоже весь остров занимает болотистая дельта... Туземцы молчаливы и унылы они производят впечатление пожелтевших фотографий... Как и предсказывал хозяин нам не удалось набрать ни одного туземного проводника или лодочника... С его помощью мы приобрели один из плоскодонных челноков... приспособив выносные уключины и коврики из расщепленного бамбука мы сможем уютно обосноваться в лодке... Завтра мы отправляемся в глубинные районы...

8 июля 1862 года... С рассветом мы тронулись в путь с шестами и веслами толкая челнок вверх по реке... Живой природы вокруг похоже немного... ничего кроме болота и разбросанных там и сям островов с топким грунтом и кипарисами... В сумерки мы причалили к кипарисовому пню и закинули ночные удочки... Поев консервов мы расстелили коврик из расщепленного бамбука и улеглись под москитной сеткой... Под звуки джунглей и плеск воды ночь сжимала наши обнаженные тела как сырая формовочная смесь... Пишу это на рассвете...

9 июля 1962 года... Болезнь образной дорожки... Началась внезапно голоса кричащие ровным потоком... Я позабыл о незримой силе памятных картин... Бормочущая слюнявая сортирная кожа сочится из его прямой кишки... остров вымирающего народа окружен мелкими лагунами... Лодочник улыбается... Проводные красные губы вступили в двадцатые годы в бабском наряде из туземцев острова Уорд... замедленное движение по маслянистой радужной воде... Отсутствующие жильцы стояли нагишом... Призрачная болезнь забрызгала жертву... Бормоча про себя копается в субстанции другого незримо присутствующего... Он делается грязным со скоростью “Хочу”... Экспериментальное существо пожирает заживо опустевшая плоть личинки насекомого... Человеческая фигура была покрыта едкой зеленой слизью... Лица втянуты в другую страну которая незначительно возвышается над уровнем моря... Пассажиров подбирает мерцание... Было раннее утро когда мумифицированные пальцы залезли ему в жопу... круглый выход из жгучей сексуальной кожи... голоса ветра близ человека с гибким талом малайца... Угрюмые исполнители женских ролей слушают... лица все позабыты... Оргазм памятных ударов исторгал зловоние по его закону... Пленников в безнадежном состоянии уносят к крабам... мумифицированная плоть над спущенной кожей средних лет... смерти собственный слуга... разговаривает с пружинным ножом из бамбука... Коммерция растаяла в дыму а посыльный такой приятный на вкус... «Прекрасно, доктор, на карантине» он жестом показывает что симптомов достаточно «я говорил тебе что приду и кончу нагишом в наших постелях... Зарубцевавшиеся шрамы вопят из Джимми говоря о том что ему пришлось пройти не сделав снимков... врага я обнаружил точно... Внезапно перекрыл возбуждение»...

9 июля 1862 года... Мы вытащили поставленные на ночь удочки и обнаружили большую рыбину с гладкой желтой кожей... Мясо оказалось мягким и фосфоресцирующим и имело металлический привкус... На склоне дня мы приткнули лодку к песчаному острову и вышли искупаться в мелкой заводи вода в которой доходила нам до лодыжек... Когда Джимми намыливал мне спину мы заметили нависающий над водой куст орхидеи усеянный яркими зелеными и красными цветами... Когда мы дотронулись до растения наши шеи и плечи обожгли длинные усики покрытые способными выпрямляться волосками... Обжигающий зуд охватил все мое тело вспыхивая в прямой кишке и гениталиях точно жидкое пламя... Со звериным воплем Джимми запихивает свой намыленный пенис мне в прямую кишку... Мы упали и покатились и я изверг семя в мягкую болотную тину... Мы лежали тяжело дыша... Одновременно у нас обоих начались приступы горячего поноса... От обжигающего зуда у нас распухли языки и губы... Царапаясь и вопя мы корчились в воде бурой от экскрементов, вновь и вновь извергая семя... костоломные спазмы от которых в глазах у нас вспыхивал серебристый свет...

11 июля? 12? 13? 1862 года... Все глубже погружаюсь в сексуальное беспамятство... преследует бред повешения и смерти в оргазме... Однажды в Индии я видел как повесили молодого человека... Его набедренная повязка соскользнула на опустившуюся подставку и он повис нагишом корчась в костоломных спазмах, вновь и вновь извергая семя а ноги шелестели травой под виселицей...

Мы оба уже были истощены... Вся заводь бурая от наших экскрементов... Неужели Джимми и вправду здесь? Он превращается в фантомную женщину с рыжими волосами и зеленой плотью... я проснулся в лунном свете и обнаружил... она обвилась вокруг моего тела... Она открыла рот и оттуда извиваясь выползли усики покрытые жгучими красными волосками, они проникали мне в рот и глотку, нащупывали путь в мою прямую кишку и пенис, оплетали позвоночник касаясь электрических центров оргазма в шее от чего в глазах у меня вспыхивал серебристый свет... Тварь уже показывала на причальный канат который тянулся от нашей лодки... В одно мгновение я осознал что если последую ее недвусмысленному совету меня с потрохами сожрут люди-орхидеи... я собрал все свои силы дабы оказать сопротивление... Завтра сделаю попытку покинуть заводь орхидей...

11, 12, 13 июля 1962 года... Настоящее время ведет к пониманию знания и открытой пище на языке жизни... весь день в петле с бранными словами... Нетрудно понять что “обладание” бормочет в ночи... Вернулись другие индивидуальности... Помните мою среду из фальшивых индивидуальностей?.. Связывает данные убийства лишь ящик для “Игры в ненависть”... Противник – будущее время 1962 года... Донар был освобожденный Логос фолк-певца... Лопнули неуправляемые фотовспышки... Это прекрасное чувство... Язык вируса (который и есть данные эксперименты) действительно необходим? Смысл жизни записан «Мы пришли питаться»??

я уже сказал основное время уходить... Все здесь: знающие офицеры в изысканном ритме... весь день в петле с самым верным оттенком абсолютной потребности... состояние пустое за исключением процесса известного как “неодолимость”... Зенитные пробоины говорили ему о том что “обладание” неизвестная и враждебная страна... Цикл Действий: Цикл Венеры... тошнота от голода... плоть обнаженная для изысканного ритма... прозрачные пальцы затхлой Новой Зеландии... Противник сна в голой панамской ночи был прекрасной сделкой... Тень мимолетная и прозрачное жилье не делается внезапно... Неизвестная и враждебная страна... мы – все паразиты района... я уже сказал основное время уходить... Утренний ветер дезинтегрирует настоящее время...

14 июля 1862 года... Я очнулся на безмолвной промокшей заре... я лежал рядом с лодкой и пока я смотрел на палубе резвились серые человечки поднимавшие невидимые паруса... Они выстроились в кордебалетный ряд и танцуя удалились в предрассветный туман показав перед тем как исчезнуть на висящую лозу... Я встал содрал с лозы листья и кору и заварил чай... Я выпил чая из оловянной кружки... Почти тотчас же меня так страшно вырвало что казалось тело раскололось на части... задыхаясь и судорожно глотая воздух я прислонился к лодке... Постепенно все мое существо расплавилось до белокалильного сопротивления... Появилось молодое мужское лицо ослепительной красоты и я избавился от своего тела... Девица-орхидея плыла ко мне над заводью и я атаковал ее выпустив очередь сексуальных слов

которые точно пули разорвали ее временную субстанцию... напоследок я мельком увидел ее искаженное агонией лицо разъедаемое едкой слизью... Вопль утонул в птичьем пении звуках джунглей и плеске воды...

14 июля 1962 года... Настоящее время... «я говорил тебе что приду с башенным огнем... вырвало призрачной пищей сдвинуло петлю... На заре похабные слова рассыпались в “обладание”... бормочущие отсутствующие тела повесили после того как выдоили из них индивидуальности... Помните индивидуальности кружили в замедленном движении все что связывает зеленую земноводную тварь когда они катали будущее время 1962 года... Я говорил тебе что кожа под фотовспышками – это зарубцевавшиеся шрамы... души мужчин заперты в мертвой азотистой плоти... набрался мужества пройти не сделав снимка... и вот я увидел позабытое воспоминание управляющее ящиком для “Игры в ненависть”... Противник в зеленой мумии добирается сюда... Донар лопнул... Это прекрасное чувство... Рубцующиеся шрамы шелушатся на данных экспериментах между совместными эрекциями... чужая плоть колышется в петле»...

«Только помню я был рыбьими запахами и абсолютной потребностью... нынче состояние пустое за исключением способа одолеть... Зенитные пробоины говорили ему о том что брюки цвета хаки убрали извергающую семя враждебную страну... мгновение прямых кишок обнаженных в дуновеньях внезапно переключилось на цвет... Незримый пассажир унес мою кожу в простынях... обжигала как лед»...

«Я говорил тебе что приду... Мало что останется от экрана... Я уже сказал основное время уходить... Утренний ветер дезинтегрирует настоящее время»...

В РАЙОНЕ ЛИНЕЙНЫЕ ВОЙСКА

Пока доза апоморфина продиралась сквозь яды Минро он ощущал покалывание жгучего онемения... его тело выходило из глубокой заморозки в Печах... Потом нутро взорвалось рвотой... Форма его тела раскололась и он вышел на свободу... стройное зеленое создание, его руки кончались черными когтями покрытыми тонкими магнитными проводками которые тянулись по внутренней стороне руки до локтя... На нем был противогаз позволявший дышать углекислым газом вражеской планеты... антенные уши настроенные на все голоса города, каждый голос сортировался на безмолвном пульте управления... зеленые дисковидные глаза со зрачками бледного оттенка цвета электрик... тело из твердой зеленой субстанции напоминавшей эластичный нефрит... когда потрескивали принимаемые и передаваемые сигналы затылочные доли мозга и позвоночный столб вспыхивали голубыми искрами...

«Убрать телесные половины... Отрезонировать плоть... Отрезать туристов»...

В ожидании звукообразований инструкции хранились на прозрачных листах а он вводил их в экраны разума планеты... Он надел свое лопнувшее тело как пальто... Бессловесный и решительный под воздействием регулирующего центра затылочных долей мозга, он вошел в бар и остановился у бильярда-автомата, его твердая зеленая сердцевина погружалась в других игроков записывая магнитными проводами сигнал сопротивления... Автомат щелкал и бился в его руках, электрическая решимость отреза́ла ассоциативные ряды... Вражеские планы лопнули в шквале скоростных вычислений... Громадная насекомовидная вычислительная машина врага передала предупредительный сигнал...

«В районе линейные войска»...

Линейные войска для битвы с Людьми-Насекомыми Минро за контроль над этой планетой... Крабовая стража столпилась вокруг машины, подкрадываясь ближе дабы раскаленными добела клешнями нащупать людские уязвимые места вскрытые Зеленым Мальчиком с Разделительной Линии… Крабовый страж никак не мог найти эти места... Выдыхая сухой жар Минро, он прижался еще плотнее, а летучие люди-скорпионы погружали жала в опустевшую плоть, впрыскивая печной яд... Слишком поздно крабовый страж увидел нефритовое тело и дисковидные глаза наносившие проникающие удары по его нервным центрам... Взгляд этих глаз сошелся в единый луч отбросивший стража назад как струя из пожарного шланга... Давление внезапно отключилось а глаза все еще вибрировали в отбойно-молотковой синхронизации... дробя стража на бьющиеся в корчах куски...

Скорпионы-Электрикалы с воплями пустились наутек… Своими сходящимися глазными лучами он взорвал их в воздухе и они рухнули вниз ливнем голубых искр... Он стоял над зеленым мальчиком выпаливая ему в нервную систему слова...

«Покажи мне своего контролера... быстрее не то убью»...

Зеленый мальчик кивнул... На экране возникла старуха исходящая фосфоресцирующей ненавистью, воплями призывающая свою вдребезги разбитую

стражу... Повелительница Времени окруженная картотеками и вычислительными машинами, словесно-образным банком планеты-картины... В считанные пулеметные секунды все было кончено… Под действием вибрационно-ударных глазных лучей которые пронзают плоть и кости электрическими иглами ее изображение расплылось и лопнуло во взрыве азотистого кинодыма... там где она стояла – обширная область низкого давления... ветры земли в архивах Времени когда кино и газеты рассыпáлись в прах в вихре годов и столетий...

«Гибнет слово... Гибнет фото... Гибнет время... Ворваться в Серую Комнату»... Линейные войсковые антенны потрескивая помехами приказов выплескивали на среднюю линию тела неумолимую силу... в считанные секунды захватили планету покосив вирусные войска очередями световых пулеметов... галактические ударные части которые никогда никого не колонизируют… щелкающие бьющиеся в бильярдах-автоматах Земли... освещающие Управленческие Книга и диктующие сигнал тотального сопротивления...

«Сместить языковые понятия... Отрезать словесные линии... Отрезонировать туристов... Освободить входы и выходы... Бильярд увел улицы... Гибнет слово... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату... Башни, открыть огонь»...

В пулеметные секунды электростатические приказы проникли в нервные системы...

«Телесные половины убраны... подходящее орудие бильярдно-цветовые системы... Сексуальные слова взорвались в фотовспышке... Из бильярдов-автоматов и грошовых аркад всего мира плывут азотистые парЫ... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату... Отщелкать, отбить, отрезонировать зеленую липучую планету... Башни, открыть огонь... Взорвать словесные линии Земли... Линейным войскам: продемонстрировать управленческие книги и продиктовать язык вирусного врага... В бой, управляемые телесные пленники... Разрезать все магнитофонные записи... Отрезонировать управленческие книги аккуратным совместным приемом пищи... объедки... останки “Любви” с планеты-картины... Встаньте и бегите прочь из своих загнивающих компаний освещаемых женщиной... Гибнет слово... Освободить входы и выходы... Телевизионный разум испорчен... Ворваться в Серую Комнату... Гибнет “Любовь”... Гибнет сексуальное слово... Порвать фотографию... Убрать телесные половины... Управленческие книги сверкали идиотскими мамбо на “их псах”... вместе с бледными подростками любви с Венеры... Уже хлынул поток статических приказов... Венерианская камера снимает все чем вы являетесь... “Влюбленная” планета есть поворот ветра вспять... Разве не осталось времени... Партизаны демонстрируют управленческие книги на Таймс-сквер и на Пиккадилли... Мелодичные и шумовые эффекты резонируют сексуальный скулеж вдоль средней линии тела... Взрывают заменитель планеты... Статические помехи с неумолимой силой изучили каждый символ управленческих книг... цвет выписывает вас из космической пыли... захвачены управленческие книги написанные в телах пленников... разрезаются все записи... Люблю Мэри?.. Планета-картина... Это компании освещали женщину... Гибнет “Любовь” перетасованная сквозь телесные половины... Щелкают статические приказы... Гибнет слово... Гибнет Время... Гибнет “Любовь”... Гибнет плоть... Гибнет фото... Гибнет образ»...

Уже нагрянули контролеры Зеленых Войск... Световые годы в глазах которые записывают характер биологических изменений... Вампиры повержены в прах... мятые тряпичные тела на стеклянных и металлических улицах... Венерианцы отправлены в дельты терминальных сточных вод... Жители Урана – назад в густой холодный туман неорганической тишины... Вокруг народа Меркурия смыкаются сухая жара и насекомовидные формы... Вспыхивают и гаснут следствия и альтернативы... Согласиться на Перезапись или вернуться к условиям которые вы намеревались навязать этой колонии... Никакого призыва в глазах которые видят на световые годы вперед... Взрывают заменитель отдавая приказы... Зеленые металлические антенны потрескивают помехами приказов в гостиницах для временных постояльцев... покосив вирусные войска статическими шумами... Галактические ударные части быстро нагрянув врываются в музыку льющуюся в нервные системы... давая пулеметные очереди по далеким событиям... В считанные секунды телесные половины убраны из Сент-Луиса... Призрачными письменами демонстрируются управленческие книги... Сотрясают мертвые азотистые киноулицы... В бой, управляемые телесные пленники... Разрезать флейтой управленческие книги... Еще объедки, доктор... раскалывают новую планету... Встаньте, пожалуйста... Телевизионный разум поврежден... Гибнет любовь на этой бумаге оставляя дыры в фотографии... Убрать телесные половины в чреве... подальше от Сент-Луиса... тотальное сопротивление... булыжный язык с неумолимой силой... Линейные войска щелкали прекрасный пол... мир Барнума Бейли... Гибнет слово... Гибнет время... Затемнение... Прощальное паразитарное вторжение с уязвимостью двойственной структуры, пока доза апоморфина взрывала рвотой форму их когтей... Люди-Насекомые Минро создают точную копию скорпионов ползущих по его лицу... создают точную копию тела Брэдли отформованного в двух половинах... Зеленый мальчик натягивает форму на себя во время сексуальной сцены... Помните чужую постель? Форма нагретая до 10 000 градусов по Фаренгейту... Его уличномальчишеские чувства щелчком отметили печь во временной плоти... Вызывайте Старого Доктора... густой сумрак... Сигаретная сделка?.. Кики вышел вперед...

«Правда? Я этого не чувствую»...

«Да, улыбаясь»...

Человек был лишь лицом... Секс вызывал зуд в тени уличных кафе... На кровати почувствовал как твердеет его член... расстегнул ширинку… погладил его нежными руками... Зарубцевавшиеся шрамы все еще пульсировали в пустой плоти K-Y[8] и ректальной слизи... мерцающий призрак всего на несколько лет старше Кики... Городская окраина, мастурбировал под тонкими брюками... оргазмы пальцев памяти... Его скандинавскую кожу окутал синий сумрак... тень рядом с ним, K-Y на ее ленивых пальцах... Пока вы слушаете вставьте здесь глоток... зубы заскрипели по образной дорожке... Мышцы расслабляются и сокращаются... Взбрыкнул в воздухе ногами... в голове у него ровный поток барабанной музыки... позабытый запах лобковых волос в чужой плоти с громким храпом...

«Без вас я окажусь на улице... Видел гигантского краба щелкающего... Помогите... Тонущий корабль... Вы пробуете Али Бога Уличных Мальчишек на экране?.. Так мы переворачиваем нож голосами ветра покрытый... По радио межзвездного сирокко…»

Комната была полна белых подушечных хлопьев гонимых ветром из конического гипсового гнезда насекомых... Из гнезда щелкая клешнями выползали скорпионы... Он почувствовал что коническое гнездо прикреплено к его боку... белые скорпионы ползали по его лицу... Он очнулся с воплем: «Уберите их с меня... Уберите их с меня»...

Сон еще подрагивал в млечном свете зари... Кики лежал нагишом в чужой постели... Его уличномальчишескпе чувства щелчком вернули его вспять: стоял в дверях воротник поднят из-за холодного весеннего ветра который завывая дул с гор... Человек остановился под синим дуговым фонарем в густом сумраке... Он сунул в рот сигарету, похлопал по карманам и развел руками... Кики вышел вперед протягивая зажигалку улыбаясь... Человек был всего на несколько лет старше Кики... худое лицо скрытое тенью его шляпы... Они выпили пива с бутербродами у киоска где на горном ветру мигала керосиновая лампа... Человек вызвал такси которое казалось оторвалось от земли в долгой поездке по булыжникам городской окраины... Это был район больших домов с садами... В квартире Кики уселся на кровать и почувствовал как твердеет его член под тонкими брюками пока человек поглаживал его нежными абстрактными пальцами... Комнату окутал синий сумрак... Он мог разглядеть лишь тень рядом с собой... Кики взял человека за руку сложил пальцы в кулак и принялся запихивать туда палец...

«Я вас ебать?..»

Человек поставил запись арабской барабанной музыки... Кики уже неделю провел на холодных улицах скрываясь от полицейских которые согласно обычаям своей породы всюду проверяли документы... Он сбросил свои потрепанные брюки и встал нагишом... Его член пульсируя выскользнул из крайней плоти... Когда он вновь уселся на кровать из него выдавилась капля смазки и засверкала в слабом синеватом свете... Человек сел рядом с ним и поцеловал его ощупывая член... Кики повалил человека на кровать... На тумбочке он обнаружил тюбик K-Y... Стоя на коленях над темной призрачной фигурой он смазал K-Y свой член... Подсунув руки под колени человека он оттолкнул их к ушам и медленно по кругу втер K-Y человеку в жопу... Зубы заскрипели когда Кики ввел свой член чувствуя как мышцы расслабляются и сокращаются в спазматических доильных актах... Человек взбрыкнул в воздухе ногами... «Juntos» сказал Кики... Он начал считать и на счет десять они вместе кончили... Кики погрузился в чуткий сон барабанная музыка звучала в голове... Он очнулся и обнаружил что человек зажигает свечу... «Сигарету?»... Человек принес пачку сигарет и лег рядом с ним... Кики выпустил дым сквозь свои лобковые волосы и произнес “Абракадабра” когда его член встал из дыма... Он перевернул человека, потом поставил его на колени и выебал под музыку... С громким храпом он бессильно прислонился к спине человека... Он и вправду обессилел после улицы, зевнул заползая под покрывало и прижался к спине человека..

Человека рядом с ним в постели не было он сидел согнувшись за столом спрятав голову в воротник толстого шелкового халата... Со стороны сгорбленной фигуры доносился приглушенный звук напоминавший шуршание ткани... Кики нагишом встал с кровати и коснулся плеча человека.. Там ничего не оказалось кроме ткани которая бесформенной массой упала на пол исторгнув серую пыль... Кики нашел бумажник человека и вытащил оттуда крупные купюры... Одежда человека была ему велика поэтому он надел свою и вышел тихо закрыв дверь... На миг он прислушался потом быстро сбежал вниз по лестнице... В дверях он споткнулся о кучу тряпья которое пахло мочой и пульке... Пустые улицы в пустых домах по радио звенящий звук сирен который то усиливался то слабел сотрясая окна... В воздухе было полно светящихся серых хлопьев мягко падающих на мятые тряпичные тела... Улица выходила на открытую площадь. Ему было видно как люди на бегу внезапно падали кучами одежды... Серые хлопья уже падали гуще, падали сквозь все здания города... Холодный ужас тронул его уличномальчишеские чувства... Перед ним открылся вид на фосфоресцирующие шлаковые кучи...

На тлеющем металле он увидел гигантского краба щелкающего клешнями... Голос внутри Кики произнес «Не подходи» когда нагрянул Али Бог Уличных Мальчишек из неоновых городов Сатурна... Двигаясь из стороны в сторону над щелкающими клешнями его плазменный нож проделал в теле краба огромную дыру откуда вытекло черное прогорклое масло... Али нагнулся и сзади ударил краба в основание мозга... Клешни отлетели... Глаза погасли... На мостовой уже ничего не было кроме лужицы масла...

«Сюда... К Башням»... Али показал на административное здание которое возвышалось над площадью... Кики побежал в сторону здания уже прикрываемого башенным огнем... Руки втащили его в дверь... На крыше здания находился комплект радиоприемников и кинокамер который вибрировал в ритме помех... Зеленая тварь с металлическими лапами-клешнями отдавала приказания группе партизан которые занимали места у орудийной башни... Из радиоприемника лилось металлическое стаккато...

«Гибнет фото... Гибнет слово... Ворваться в Серую Комнату... Башни, открыть огонь»...

В районе сплошь зеленые войска, К9... Вам поручено сформировать линейные дивизии на Венерианском фронте... ужасные условия... тотальное оружие... Без прививки и подготовки ваши войска будут парализованы вирусом и наркотиками врага... потом разорваны на куски в сигнальном переключателе боли-наслаждения... Применение и чередование оружия враг диктует с помощью громадного механического мозга... Точная информация с места вирусного вторжения отмечает уязвимые участки в хозяине и автоматически применяет оружие и методы наступления всегда учитывая разумеется запасные ходы... Они могут включить тотальную боль Печей... Это делается с помощью записей фильмов и энцефалограмм мозговых волн исковерканных до формы конкретной музыки... Резкий звук весьма напоминающий положительную обратную связь соотнесенную с Ослепительно Ярким Фото из Хиросимы и Нагасаки... Они могут включить электрическое наслаждение ведущее к смерти в оргазме... (Петля – это оружие... Оружие Кали)...

Они могут со сверхзвуковой скоростью чередовать боль и наслаждение будто при ускоренном выступлении крутого копа и копа-мошенника...

Вы должны проникнуть в тыл, организовать диверсии и отрезать коммуникации... Как только машинные линии отрезаны враг становится беспомощным... Они зависят от сложных установок которые трудно перемещать и прятать... энцефалографические и счетные машины, кино- и телестудии, комплекты магнитофонов... Запомните вам придется не создавать подобные установки а всего лишь вывести из строя вражеские или захватить их... Камера и два магнитофона могут отрезать линии проложенные полностью оборудованной киностудией... Настройку печей и оргазменной смерти можно блокировать большими дозами апоморфина который размыкает контур положительной обратной связи... Однако не всецело доверяйтесь этому защитному агенту... Они принимают меры для того чтобы блокировать апоморфин связав его тошнотворным газом то есть повысив вероятность тошноты... И никогда не забывайте что вы действуете в условиях партизанской войны... Никогда не пытайтесь удержать позицию при массированном контрнаступлении... «Враг наступает мы отступаем»... Куда?.. На данном уровне операция отхода включает в себя смещение трехмерных координатных точек то есть путешествие во времени по ассоциативным рядам... Например:

солнечный свет сквозь пыльное окно и сели на диван жемчужные капли подвальной мастерской... «У тебя капает.» трескающаяся штукатурка... ты меня доконаешь лицо Джонни серое как дымка струи спермы на «...давний мальчишка мягкое голубое сияние в пыльном полу помехи еще в образ скорость света его глаза когда он нагнулся над ушами встали тени на десяти годах тотализатор детекторным приемником молодой плоти...» Джон это правда что на Рыночной улице Билл облокотился коснувшись ручек и «будь мы в десяти световых годах отсюда мы на стол и проводов нежными аккуратными пальцами могли бы видеть себя здесь Джон сунул ему в задницу» я пытаюсь наладить его чтобы мы смогли через десять лет? кий и он упал слушать вместе». «Да это правда». «Тогда не могли бы мы на стол смеясь... он открывал наушник на скамейке путешествовать во времени?» они не часто видели отверткой... «Это куда сложнее чем ты думаешь», друг друга в две головы так близко что Джоновы «но время это прошедшие десять лет. Билл был пушистые светлые волосы щекотали Биллов одеваться и в школе а потом лоб. раздеваться есть спать не в восточном университете. Джон «Вот прижми этот наушник к уху» действия а слова стал легендарной фигурой Слышишь что-нибудь?» – «То что мы говорим о том что мы живем игрой... он применял «да помехи.» делаем. Осталось бы время если бы системы для костей и скачек основанные на “Хорошо” Джон приложил второй наушник мы не говорили математические теории... к уху. ничего?» «Может и нет. Быть может это сент-луисской летней ночью близ запаха мальчишки склонив головы слушали угольный газ луна красная и сквозь пыльное окно первый шаг» дымный... они шли через пустынный через задние дворы и зольники… «Да если ты сможешь научиться парк квакали лягушки» «Джон звенящую металлическую музыку космоса слушать и не жил на чердаке над Билл ощутил покалывание говорить»... за тридевять ночным притоном куда вела которое распространилось до самого паха, земель... солнечный свет сквозь наружную деревянную лестницу... солнечный свет сквозь пыльное окно подвальной мастерской лицо Джона серое как дымка мягкое голубое

сияние в его глазах когда он нагнулся над детекторным приемником коснувшись ручек и проводов нежными аккуратными пальцами.

– Я пытаюсь наладить его чтобы мы смогли слушать вместе.

Он открывал наушник на скамейке отверткой две головы так близко что Джоновы пушистые светлые волосы щекотали Биллов лоб.

– Вот прижми этот наушник к уху. Слышишь что-нибудь?

– Да помехи.

– Хорошо.

Джон приложил второй наушник к уху. Мальчишки сидели склонив головы слушали сквозь пыльное окно через задние дворы и зольники звенящую металлическую музыку космоса. Билл ощутил покалывание в губах которое распространилось до самого паха. Он заерзал на деревянной табуретке.

– Джон а что такое вообще помехи?

– Я уже десять раз тебе говорил. Что толку тебе говорить если ты не слушаешь?

– Я слышу музыку... слабые прерывистые “Улыбки”. Билл двигаясь в ритме музыки коснулся Джонова колена...

– Может займемся а?

–Давай.

Джон положил наушник на скамейку. Рядом с мастерской была кладовка. Билл открыл дверь ключом. Ключ был только у него. Запах затхлой мебели. Пятна фосфорной массы на стенах... Билл включил лампу пергаментный абажур с намалеванными розами... перевернутые стулья на столе кожаный диван потрескавшийся и потертый. Мальчишки разделись до носков и сели на диван.

– У тебя капает.

струи спермы на пыльном полу помехи еще в ушах встали тени на молодой плоти...

– Джон это правда что будь мы в десяти световых годах отсюда мы могли бы видеть себя здесь через десять лет?

– Да это правда.

– Тогда не могли бы мы путешествовать во времени?

– Это куда сложнее чем ты думаешь.

– Но время это одеваться и раздеваться есть спать не действия а с л о в а... То что говорим о том что мы делаем. Осталось бы время если бы мы не говорили ничего?

– Может и нет. Быть может это был бы первый шаг... да если мы сможем научиться слушать и не говорить.

За тридевять земель солнечный свет сквозь пыльное окно мягкое голубое сияние в его глазах когда он нагнулся… над ушами встали тени на детекторном приемнике... Он заерзал на дереве пыльное окно... «Поднимемся на минутку» сказал он... табуретка сперма на диване мягкое голубое сияние в «Давай» Билл ощутит напряжение «Джон а что такое вообще помехи?» его глаза когда он нагнулся в желудке... это была комната «я уже десять раз тебе говорил что его уши встали тени на с розовыми обоями толку тебе говорить ничего, детекторный приемник отгорожен как сценическая декорация если ты не слушаешь?»... «Я пытаюсь наладить его чтобы мы смогли... Билл увидел верстак «Я слышу музыку» через десять лет слушать вместе» он был верстак инструменты и радио слабые прерывистые “Улыбки”... начало путешествия во времени декорации из света Джон Билл двигаясь в ритме отвертки прижми этот включил... музыки коснулся Джонова колена, наушник к уху слова ты двери он намалевал Билл повернулся к Джону улыбаясь слышишь что-нибудь?.. мы не говорили ему в ухо номер как будто «Может займемся а?» может и нет быть может два на гостиничной двери номер. «Давай» мальчишки склонив головы слушали сквозь “18”... Джон взял Джон положил наушники на пыльное окно был сигарету из пачки на скамейке, бы первый шаг через задние дворы и зольники тумбочка рядом с да была кладовка если ты сможешь она была скручена в оберточной мастерской. Билл открыл научиться звенящей металлической музыке космической бумаги... «Что это?» дверь ключом... «От этих помех у меня встал». «Марихуана... пробовал» «Нет» ключ был только как будто что-то меня коснулось он закурил сигарету и у него. Запах и он поднял палец... передал Биллу. «Затянись затхлой мебелью пятна тремя рывками сидя и обняв как можно глубже и задержи фосфорную массу на стенах друг друга за вот так...» Билл Билл включил лампу пергаментные плечи глядя вниз на ноги покалывание в абажуре с намалеванными розами твердеющая плоть цветочный запах губ... обои перевернутые стулья на столе юных сухостоев «Посмотрим кто сумеет казалось вспыхнул диван потрескавшийся и потертый дальше выстрелить потом он смеялся мальчишки разделись до носков они встали Билл попал в стену пока не согнувшись «Я пытаюсь наладить его чтобы мы смогли через десять лет слушать вместе.» начало путешествия во времени с отверткой «Прижми этот наушник к уху. слова Слышишь что-нибудь?» Мы не говорили ему в ухо ничего может и нет быть может мальчишки склонив головы слушали сквозь пыльное окно был бы первый шаг через задние дворы и зольники да если ты сможешь научиться звенящей металлической музыке космоса «От этих помех у меня встал как будто что-то меня коснулось» он поднял палец тремя рывками сидя и обняв друг друга за плечи глядя вниз на твердеющую плоть цветочный запах юных сухостоев.

– Посмотрим кто сумеет дальше выстрелить. Они встали. Билл попал в стену... жемчужные капли... трескающаяся штукатурка...

– Ты меня доконаешь...

давний мальчишеский образ... скорость света... десять лет... тотализатор на Рыночной улице... Билл облокотился на стол для укола а Джон сунул ему в задницу

кий он упал на стол смеясь. Они не часто виделись за прошедшие десять лет. Билл учился в школе а потом в восточном университете. Джон стал легендарной фигурой в городе жил игрой он применял систему для костей и скачек основанную на математической теории которой объяснялся единственный постоянный фактор в азартной игре: выигрыши и проигрыши идут полосами. Так что удваивай ставки когда выигрываешь и завязывай когда проигрываешь... Сент-луисской летней ночью близ тотализаторного зала запах угольного газа луна красная они шли через пустынный парк квакали лягушки Джон жил над ночным притоном у реки... на чердаке куда вела наружная деревянная лестница.

– Поднимемся на минутку, – сказал он.

– Давай. – Билл ощутил напряжение в желудке. Комната с розовыми обоями была отгорожена от чердака как сценическая декорация. Когда Джон включил свет на чердаке Билл увидел верстак инструменты и радиоприемники. На двери в спальню Джон намалевал номер как будто на гостиничной двери номер 18...

– Садись...

Джон взял из пачки на тумбочке сигарету. Она была скручена из оберточной бумаги.

– Что это?

– Марихуана. Пробовал?

– Нет...

Джон закурил сигарету и передал Биллу.

– Затянись как можно глубже и задержи... Вот так...

Билл ощутил покалывание в губах. Обои казалось вспыхнули. Потом он смеялся согнувшись над кроватью смеялся пока не заболели ребра смеялся.

– Боже я нассал в штаны.

(Помню в офицерском клубе в Калькутте мы с Майком тащились под дурью смеялись пока не обоссались с ног до головы а буфетчик и говорит: «Вон отсюда гнусные анашисты!»)

Он встал его серые фланелевые брюки покрылись пятнами по всей левой штанине резкий запах мочи знойной сент-луисской ночью.

– Сними их я тебе пару одолжу.

Билл сбросил мокасины. С руками на ремне он колебался.

– Джон я э-э...

– Ну так что же?

– Ладно. – Билл сбросил брюки и трусы.

– Твой петушок твердеет... Садись сюда. – Джон похлопал по кровати рядом с собой.

Билл швырнул рубашку на стул. Он вытянул ноги и ударил ступней о ступню.

Джон швырнул рубашку на пол у окна. Он встал и сбросил брюки. На нем были красные трусы. Задев эрекцию он спустил трусы и бросил их на лампу попробовав тепло руками. «Нормально», – решил он его нежные аккуратные пальцы на Билловом плече толкают сладостное и так далее в постель... Инженер-электрик Каммингс если память мне не изменяет а что могу я дать тебе мой друг? Обезьяньи кости вихря да счет? Рубаху Джона в свете зари?.. предрассветный сон... запах позднего утра в комнате? Унылые старые людские газеты я ношу... пустую магию молодых ночей... Так слушай же... кхе-кхе... прах подношенье... (аккуратные пальцы нащупывающие мертвый старый путь)... было окошко... ты... смеха десятилетнее лицо... было окошко смеха потрясло долину... солнечный свет в его глазах на миг фигура Джонни сверкнула твоему внезапному “займемся”... пятно на простынях... запах молодых ночей...

ВОДЕВИЛЬНЫЕ ГОЛОСА

Клиника близ Восточного Сент-Луиса на сваях над широкой бурой рекой принимала ровный поток далеких событий... Ту неделю они могли оставаться в отрубе... там время после заварушки в Далласе... Музыка уносится вспять к двадцатым... Несут вахту десятилетние... потрескавшиеся мостовые... резкий аромат травы которая растет в предместьях – тотализатор и водевильные голоса...

Вот мы и разворачиваем ровный поток далеких событий и мы смываем следы времени которое между тем я позабыл... влажный воздух густой и грязный на гараже... резкий аромат возникающих картин памяти... Искал его он исчез... Я встретил всех на заброшенном кладбище с деревянными крестами… Там был мулат ему лет...

«Правда?.. я этого не чувствую... Да у тебя его лицо... зарубцевавшаяся и рубцующаяся кожа... Надень ее... Без тебя я окажусь на улице... быть может если б ты помог мне... Всего хорошего тогда... На ту серебряную пленку снято все с меня... Ну что ж затемнение»...

Стелется мой летний предрассветный ветер в чужой плоти нанизанной на шрамовые отпечатки молодой Панамской ночи... Картины вспыхнувшие в свете керосиновой лампы отбрасывали отблески на обнаженную прямую кишку расстегнутую рубаху развевающуюся в уборной... Член толчками вытянулся и встал… вода с его лица... Улица принесла дождь со струй его промежности... Юные лица растаяли в музыкальные часовые стрелки и смуглые лодыжки... мертвые азотистые улицы... рыбий запах в дверях...

Взгляни на электрический лабиринт проводов города... Стоп... Не годится... Подожди минутку... длинный половик... Это был посыльный от смертельной травмы... Мальчишка который проник в двадцатые годы имел собственный поезд... Комната в полутемном источнике второго дыхания увеличила разницу между жизнью и смертью. Бескостной мумией была смерть в последнем круге...

Вот мы и разворачиваем то чего не знали: окно люди и небесные картины исчезают на рассвете... Заканчивай... Теснятся руки... В ужасной вспышке мозг твой раскололся на пустой плоти... истекающая кровью бескостная задыхающаяся смерть в последнем круге... выход из потемневших глаз вина еще разбавленного плотской кожей... Надеть ее?? К о н е ц П у т и ...

Помню я был рыбий запах и мертвые глаза в дверях... посыльный от девятого удара... комната в полутьме рядом с тобой... Громкие ветровые голоса Аламо это ты?.. Я был освобожден от долга бормотаньем: «Не думай больше о своих грубых мыслях»... Но кто я такой чтобы говорить еще?.. Пуст он третий на пустыре... Освобожден от долга... Звук страха и я пускаюсь в пляс... мятые тряпичные тела пусты... прах с падающих рельсов... расстегнутая рубаха развевающая ветер с юга... горло предназначенное для воды... Я остаюсь близ водоема и луж теней... Незримый человек на паутине серебристых троп... Следы пара расписывают небо Аламо и я пойду обратно... симптомов достаточно в порту... бормотание о пересохших реках...

рыбий запах и мертвые глаза в дверях... Сирокко пляшет под шум толпы... грубый в это время дня... стервятники на улице... Знаешь ответ?.. Вокруг на пустыре 1910 год... трава растет сквозь рухнувшие башни... Его лицевой экран погас... запах зарубцевавшихся и рубцующихся шрамов... у выходов серебристая пленка... Мало что останется... Мало времени поэтому желаю: «Доброй ночи»... не оглядываясь... без умолку болтая... о далеких событиях в зеленом неоне... Ты коснулся из потертой куртки... временные лачуги... шарфы... маленькие пистолеты... костры на скорую руку из чурок сплавного леса... Теневые голоса бормочущие в собачьем чередовании... Акустические свойства не смогли достать плоти... меж солнцами необитаемый подлесок... резкий аромат травы которая растет в старых вестернах... разбитый граммофон говорящий о далеких событиях... Что вечно важно – это мужество пройти без остановки...

Нагой мальчишка в ассоциативном ряду... я остался близко именно сейчас... удаляться грубо в это время дня... восточный ветер пляшет меж совместных эрекций исчезающих в руке... стелет мои летние дни... Ленивые пальцы в предрассветном сне оторвали плоть от слов... рыбий запах и мертвые паровозные гудки... расстегнутая рубаха развевается... утренний ветер в порту... Мой номер К9... Я Биопрепарат из потертой куртки сидящий на траве в шезлонгах с сент-луисским предместьем... не оглядываясь по сторонам... без умолку болтая... арабская барабанная музыка в пригородном воздухе... линяющие брюки цвета хаки когда мы удаляли эту юношескую плоть бормотание людских ночей точно смерть в твоей глотке?.. бездыханный... мое имя... растаяло в футбольных результатах. Вторник был последний день чтоб отмечать года... 7 июля Сент-Оберж[173]... (двусмысленная вывеска гостиницы)... вместо мистера К о г о ? ? Мое имя было названо вот так прежде чем бунтовщики истекли кровью безвозвратно... М ы х о т и м у с л ы ш а т ь ч т о т ы с к а ж е ш ь о б о п л а т е п а п а ш а м ы х о т и м у с л ы ш а т ь ч т о т ы с к а ж е ш ь о б о п л а т е и м е н н о с е й ч а с... Да это я все еще жду на пустынной танжерской улице... солнце и тень Мексики... ночь в Мадриде... Ты позволил этому случиться??? (с лазерным пистолетом в руках)... погибшие рынки полузарытые в песок... запах крови и экскрементов на танжерских улицах... («После пятницы мы в вас больше не нуждаемся при сем возвращаем личный страховой полис Ма 17497.»)… Вы меня не помните? показывал вам какие документы я ношу... больной согнулся дотла сгорев внутри... координирует гангрену... гангрену Хиросимы... «Откровенно говоря доктор слово “сверхновая” нам здесь слышать не нравится… веет Голосом Американца... Сегодня 18 ноября 1963 года... Сегодня День независимости Марокко... Независимость – это порт в Танжере... “Независимость” – это а м е р и к а н с к о е судно... А м е р и к а н с к а я Независимость находится в Марокко... Сегодня 4 июля 1964 года в Марокко... Брукс-парк... старый плавательный бассейн вроде как уже не работает... “Мэк-Нож” по громкоговорителю... (Меч как молния ужасный там расправится с врагами)... Похожий на призрака ребенок прожег дырку в одеяле... короткий перелет в Гибралтар... У нашего дела нет больше будущего... знаешь предел человеческих возможностей? Капитан Кларк приветствует вас на борту… Помнишь цену представленья?.. (с пистолетом в руках)... Вы не помните этого печального незнакомца там на волноломе желающего вам удачи умирающими губами? А помните “Жреца”... Так его прозвали и он остался… (в порту гудит пароход)... Ну что ж я не знаю более точного способа рассказывать а на письменных столах города

шелестят бумаги... свежие южные ветры давних времен... вот так продувающие архивы... мучительно трудно дышать в уныло бормочущих голосах...

Ну и как это на твой вкус, Би-Джей? Истинно американский принцип... Все что Америка когда-либо отстаивала в мечтах каждого человека Америка отстаивает и поныне... Всем чем страна эта могла быть и не стала она станет отныне... Все обещания которые Америка когда-либо давала Америка выполнит ныне...» мучительно трудно дышать в "Журнале для мальчишек"... как я уже сказал печальная охрана далекие столбы... пришел на улицу полузарытую в песок... нервное эфемерное место в этом искалеченном фантоме... запах странных парков... убогие кварталы позабытого города... его холодный далекий зонтик в позабытую контору... последнее пересеченье там и запах праха... яркий блеск консервной банки... ветер шевелит клок волос... ждет молодой человек... ломбардный малый как выражалась мама... поднялась далекая рука унылая как его голос... «теперь тихо... я ухожу...» (мерцающая серебристая улыбка)...

«Союз воинствующих писателей... Все американские писатели вызываются на базу... Ждите приказаний... Всем шутам из Шекспировского эскадрона немедленно вернуться на базу и ждать приказаний...»

Малыш из Фриско. не вернется никогда… в жизни пользовался адресом что я дал тебе на то запоздалое утро... мучительно трудно дышать в этом искалеченном фантоме... последнее пересеченье слабый дрожащий далекий голос...

«Это крупнейшая писательская конференция в истории, Би-Джей... Все эти писатели собрались на складе Атлантической чайной компании... Эти писатели намерены писать историю такой какая она есть в настоящее время... Ну а по-моему это выглядит так: Америка отстаивает этот труд и именно это плохо в сегодняшней Америке... наемные убийцы-полудурки... полудурки-писатели... полудурки-водопроводчики... миллион актеров... одна банальная роль... Вот мы и пишем чертовски хорошую роль для каждого актера на американской съемочной площадке... Ты увидишь все место действия в качестве представления...»

«Помнишь цену представленья? Знаешь кто я такой?.. Мое имя "Прощайте мистер"... мое имя "Ветер и Пыль"... мое имя "Никогда"...»

Футбольные результаты... Водитель пожал плечами... Его звук я мог бы описать открытому трамваю минующему запахи Испании... вытянутое пустое лицо... его глаза вечерний ветерок там где колыхался тент... Ярость проревела мимо "Кафе де Франс" расколов суровый вызов... Мистер Брэдли, заканчивайте... Ветреный Ариель закрыл ваш счет... Прошу заканчивать вот улица... портовые огни нежно шевелящие водные улыбки тускнеют по краям... далеко уже арабское воспоминание о плоти... Подобные люди сделали широкий разворот вспять к двадцатым...

В.районе сплошь зеленые войска... Мы пришли сформировать пять новых боевых дивизий через беспримесный процесс в Соединенных Штатах... сбавить скорость ремесла вашего мозгового поля... Отпечатки настоящего времени исполняли электрическую музыку... Поблекшая охрана выпустила над вами красные азотистые

пары... брюки цвета хаки полностью поняли все идиотское мамбо выплеснутое на механизацию контроля... страстные сексуальные слова хрустят бумагой и пробивают дырки в ней...

Прямые кишки обнажены в запахах сырого мяса... Сперма падала лениво босоногие дни... мексиканец лет двадцати сдвигающий колени Джонни... Он находился в комнате на генитальных запахах палец общие пища и отрыжка... ощущение как на американских горах во сне... чемоданы все открыты... в ассоциативном ряду электрические спазмы... горящая городская окраина... темная уличная жизнь места позабытого...

Незримый пассажир взял мои руки в предрассветном сне водной музыки... Рухнувшие башни пересекают сигаретно-дымную память друг о друге... зарубцевавшиеся руки как лед... Мало что... Экран погас... Он второпях оделся рубаха развевалась... пристально смотрел потемневшими глазами винного газа...

«Всего хорошего тогда... Я думал»... Он прошел сквозь рассветное зеркало Панамы... Память пронзила позвоночник близ кинотеатра двадцатых... сели расстегнутые рубахи развевались... Многие не слушали... у выходов серебристая пленка...Weilest du?.. мертвая азотистая плоть... грязный взгляд через стекло... Кто он тот голый труп?.. Идемте дамы и господа... орущие о сделке многочисленными губами?.. Она этого не поняла... Разрезать образ точно задник в ресторане... Подожди минутку... Не годится... рубцующиеся электрические потребности... мертвые шрамы... Оставь его мне... Мало что останется... Для места в чистильщике обуви шведская река Готенберг?.. Освобождение без дальнейших хлопот а что?.. Когда покинул я тебя услышь мотивчик разрежь образ...

«я окружен в кафе и ресторанах... Демагоги исчезают в кофейных чашек отраженьях... Кровь?.. Нет не еврейская то кровь манит багряным приглашеньем молодых антисемитов... Турист как весь народ еврейский я вижу себя жалким изможденным попрошайкой... Антисемит навеки похоронен в моих почтительных кивках... Я нынче так же стар годами как дряблые людские гениталии в Мексике... я окружен... тела и вода повсюду... Кровь течет в бледной двери... Мои ранние демагоги испускают смрад прогнивших губ ушедших... здесь ничего... пустые ветреные голоса»...

ТЕРМИНАЛЬНАЯ УЛИЦА

Брэдли шел по извилистым кишечным улицам... терминальным улицам Минро... От двери из потускневшего серебра перенесся мальчишка из мертвой азотистой плоти...

«Моя хороший нечистоты и замороженная сперма... прекрасный люди»...

Они говорят в облаках аромата из желёзок в паху... Выплыл запах K-Y[8] и ректальной слизи в гнусных предложениях оргазма памяти... ароматный разговор мертвых кинолюдей... вот вам терминальный проводник, мистер... Он сделан из кино двадцатых... На пустыре мальчик-скорпион пожирал кучу металлических экскрементов... Он глядел снизу вверх на Брэдли фосфоресцирующими сверкающими глазами...

«Моя хороший проводник, ми-истер... Здесь очень плохой люди»... мальчик взмахнул жалом... «Очень плохой люди... Так что тебя ебать, Джонни»...

Они двигались по тропинкам в огромной мусорной куче... Приблизились к городу-утесу который исчезал из виду в жарком синем небе... ячейки соединенные мостками лестницами и платформами... Проводник двигался по музыкальным струям дожидаясь ритмов и аккордов которые подняли их по лестницам и скатам, промчали их по шатким платформам над пустотами вздымающейся жары...

«Вы учиться быстро, ми-истер... Музыка говорить... Сюда»...

Они проскочили мелодичные турникеты... Стены пламенели неторопливыми металлическими пожарами... По комнате кружили музыкальные потоки... Проводник выполз из своего скорпионьего панциря... тварь двухфутового роста покрытая тонкими красными волосками которые вибрировали в клубах азотистого дыма... Его голова сходилась в острый клюв... Пенис из черного хряща был сплошь покрыт тонкими красными волосками если не считать голого кончика который сходился в дрожащую точку...

«Мы теперь ебаться... Потом я отводить тебя к Старейшине... Очень старый... Очень мудрый... Ты увидеть»... Брэдли снял космический скафандр и лег на тюфяк который пульсировал под сексуальную музыку... Тонкие красные волоски проникли ему в поры... Его тело растворилось в удушливой эротогенной дымке сексуальных фильмов... Остроконечный пенис проник ему в прямую кишку... Он изверг струи красного дыма...

«Теперь мы идти к Старейшине... О н в н у т р и ... Никогда не выходить»...

Вошли в круглый металлический зал со щитами управления и видеоэкранами по стенам... В известняковое возвышение был вмурован серый карлик-эмбрион с мозгом ясно видимым под тонкой оболочкой пульсировавшей вместе с разноцветными лампочками когда он управлял щитом...

– Он делать всю музыку, – сказал проводник...

Карлик обратил на Брэдли свое безглазое лицо... Брэдли почувствовал как его силуэт очерчивают радарные лучи... Слова двигались сквозь его разум на серебристой тиккерной ленте...

«Никто из вашей расы здесь еще не бывал... Как визитер вы гибельны... Вот почему я пытался вам препятствовать... Когда мне это не удалось я конечно понял что наша блокада прорвана интервенцией с Сатурновой Галактики… Теперь похоже мы должны смириться с существенными переменами... В нашей атмосфере нет “эмоционального кислорода”... Здешняя жара убивает то что вы называете “эмоцией”... Именно здесь рождаются многоножки и скорпионы... в тепле которое убивает эмоцию и оживляет комок нервных проводов... Лишь немногим удалось здесь выжить и те немногие заплатили специализацией»...

С рассветом исчезают последние рычаги управления... юные лица шевелящие отсутствующими телами... пустой источник второго костюма... расстегнутая рубаха в тусклом свете... Извергнутая кожа вновь в вымирающие виды... лицо картина... люди пропали...

«Моя хороший проводник, ми-истер»... наполнил время когда я уличномальчишескую голову имел...

«я отводить вас посмотреть весь Сад Наслаждений[165]»...

Мальчики висят на виселицах, вращаются и бьются друг о друга... растворены в дыму и мятом тряпье... ведомый металлической музыкой доктор на сцене...

«Я говорил тебе что спрячу существо из зарубцевавшихся шрамов... Доктор все еще есть Большая Доза»...

Все существо вдруг отключается в клубах азотистого дыма... музыка исцеляет последнего паразита... Лицо было разбито... Нет замедленных монтажных кадров... Вымирающие виды одолевают “мистера Брэдли мистера Мартина”… двигаясь неторопливо на тошнотворной лжи... не утомительный источник второй ректальной ленты... запах пустых презервативов в тусклом свете... мозг Готенберга двинулся с рассветом... струи хлебного ножа... холодное adios не отбрасывающее тени... здесь застрявшее в дверях... приюта нет... уличномальчишеская голова вопросы кабинет правления дыхательное ремесло... Горящие глаза глядели снизу вверх: «Старина, значит всего хорошего»... Звонкий колокольчик... Тишина... Одиночество... Брэдли нагнувшись говорит: «Всего хорошего тогда в струях дожидающихся углекислого газа... Правда adios... Горькая расплата... Мартин позади как пульпа…

Вид на красные столовые горы поднимающиеся из синих глубин... Висящий над пустотой ненадежный железный город фуникулеров, лифтов, чертовых колес, американских гор и прочих аттракционов – все в непрерывном движении... “Сюда” сказал проводник и втолкнул Брэдли в кабинку которая перетасовывалась сквозь сооружение, плывя в замедленном головокружении чертовых колес, пощелкивая по шатким рельсам где ветер свистит в канатах... Проводник поднял взгляд точно

голубой горелкой разрезавший нагое тело Брэдли по разделительной линии... Электрические пальцы-иглы сняли его кожу, разодрав ее на красные полосы боли повесили на крюк... Проводник сбросил собственную кожу как одежду, залупившийся пенис пульсировал красным светом, облака плыли по его далеким голубым глазам... Вокруг тела проводника образовались хула-хупы цвета и окружили Брэдли ослабевшего и раздираемого болью прохладные руки на его нагой плоти когда он погружался в кровь кости и кишки второго удушье паника сперматозоидов втянутых в жемчужные генитальные протоки и выброшенных наружу в щекочущем ливне спермы... солнце сквозь тела лишенные покрова... мягкие светящиеся струи уносимые холодным синим ветром...

Телесное напряжение в генитальных кольцах и он упал во взрыв спермы... Турникеты сокращений извергли тела лишенные покрова... Из бледных юношей плыл радужный оргазм... Замедленное движение телесных волосков извергло существо которое разговаривает взрывом цвета... радужное ослабевшее и раздираемое болью, гнилостный дух из годов струящихся сквозь оргазменную смерть в черном вожделении болотной тины... черное рыбье движение пищи, кишки меняющие цвет оргазма отражающегося в обсидиановом пенисе... Серебристые пленки в крови и костях раздирают его внутренности на части... Он был высосан из пенисного удушья и освободил плоть сновидений в щекочущем ливне спермы... солнце сквозь лобковые волосы... мягкие светящиеся струи памяти оседлавшей ветер... Обрывки облака плыли по кому-то идущему... Горный ветер вокруг его тела унося пот втянул его в другие телесные перемены, небесная синева сквозь внутренности второго... одиночество утренней прохлады на его плоти лишенной кожи...

САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ КРУГ

Теперь что касается меня... истории об одном Белом... Потому черномазые и родились... так человеческая кожа надута “Господин”... долгой доброй ночью в металлическом клапане у основания позвоночника... теперь что касается истории об одном отсутствующем сегодня далеко от старых друзей... негромко напевающих "Старый черный Джо" под “музыку” (я сделал двусмысленный жест) холодной кристаллической могилы... призрачные прямые кишки из ваты... Сперма падала как опаловая трость... Больше не плачь... отсутствующие жильцы... тишина чтобы сказать всего хорошего adios... контролеры с древней белой планеты из замерзших газов... огромное неорганическое сознание близ абсолютного нуля мыслящее в неторопливых отложениях кристалла... бессловесные женщины-навигаторы пустые космические глаза прорезаемые северным сиянием… мужчины-йети с горящими металлическими глазами покрытые лиловой шерстью ударные войска перевозимые навигаторами... контролеры Белого Дыма и коммунальных служб, монополизировали и заморозили землю... Белый Дым а Белое Сияние держит силы Джуна вдалеке и во тьме они принимают злокачественные формы... Значит вам нужно Белое Сияние чтобы не подпускать их близко...

«Это старый джанковый трюк... Заморозить лоха... Оттаивание причиняет боль понятно это вам?.. Сексуально-болевые формы выводятся в парализованной плоти... и выводятся голодными... значит вам нужно все больше и больше белой дряни чтобы держать вашу задницу в глубокой заморозке... Джанк не синий и он не зеленый... Джанк Белый Белый Белый... как бесцветный незапах смерти от ломающихся наркоманов... Вот где они берут Белый Дым, у ломающихся наркоманов... разлитый по бутылкам в тюремных камерах Америки... в Лексингтоне, штат Кентукки... Понятно это вам?.. Секс и боль формируют плотскую индивидуальность»...

На дальнем краю бледная плоть выцветает медленно из жизни не может существовать в картинах... обескровленные отложения кристалла... то тело не отбрасывающее тени не оставляющее следов... пустое лицо, зарубцевавшаяся и рубцующаяся плоть сновидений выводящаяся из смертельной травмы... близ Восточного Сент-Луиса холодное adios... тишина... усталость... Они говорят вам о далеком гробе... Мало что останется панамской ночью… пустой презервативный билет... эрогенная ватная плоть лежит там испещренная фосфором... кто-то идет...

«Старина, значит всего хорошего тогда»...

(В лунных пещерах черные мальчики-тритоны, глаза губы и гениталии пламенеют неторопливыми металлическими пожарами… пенисы встали в запахе фосфора... на стене голубые радиевые символы...)

И вот взрывы Цветного Юга от смешивания... волны тишины из долгой металлической ночи сплетающей людей и небесную историю об одном отсутствующем сегодня... на неспешном корабле в Китай, Господин, долгой доброй ночью... холодное adios... Не имеешь дома?.. Тогда мы споем одну песенку: кузина Миранда и куча денег строят планы на понедельник... Тогда мы споем одну песенку в

твоих снах... А то сердце одолевает усталость... Они скажут вам о деньгах в холодной-прехолодной могиле?.. на неспешном корабле в Китай, adios... снова и снова сворачивает длинную словесную линию... сахарную линию... банальную эротогенную болтовню... негромко напевая "Старый черный Джо" под: «ты мне надоел и я съезжаю»... Лишь бы поднять цену на билет нестройные голоса зовут Старого Черного Джо... оргазменная смерть в холодном пустом презервативе... Смотрите, Господин, ветер надул сосульки в черные замедленные лица... поющий фосфор во вспышке черномазые плачут... растопленные ледники и кожа из ваты... Больше не плач... отсутствующие жильцы... призрачные голоса зовут фальшивых людей-хозяев... (я сделал двусмысленный жест)… Холодная кристаллическая сперма упала как опаловая трость... замедленное небо прорезаемое северным сиянием... Оттаивание причиняет боль... Белая форма выводящаяся в разрисованной коже надутый “Господин”... долгий голод позвоночного столба... История о вашей заднице в глубокой заморозке?.. Сперма упала как опаловые трости с фаллических изваяний из льда под северным сиянием... в его позвоночнике холод межзвездного пространства... сексуально-болевые взрывы разноцветной плоти выводящейся... Потому черномазые и родились... так Белая Дрянь держит “Господина”... Бесцветные Коммунальные службы монополизировали страну свободы снов... Держит силы Джуна в банальной эрогенной болтовне... Значит вам нужно все больше и больше смерти ведь ваша задница в глубокой заморозке... Белый Белый Белый струится вновь и вновь из смерти ломающихся наркоманов... нужно Белое Сияние чтобы съезжать... Это старый трюк... Черномазые – это флейты понятно это вам?.. сексуально-болевая цена на билет… плоть выводится в обернутых ватой оргазменных коконах...

(Корабль здесь расползся по швам как сгнившая нательная рубаха… Йети оттаяли вплоть до жал раскаленных добела людей-скорпионов в Печах... Прорвался наружу из белых листов источающих лиловый огонь... металлические глаза горящие в сверхновой)...

Землетрясения и ураганы нарушили планы неорганического сновидца... космические глаза пустые как утром полярная луна... вопрос схватил наш билет который лопнул... нужен Белый Дым чтобы поставить условия... Помню я был дверью... Это старый голый сон рядом с тобой... Понятна эта сексуально-болевая информация?.. рот из волос?..

(Куст орхидеи с яркими красными и зелеными цветами нависший над болотной тиной... Когда я коснулся растения мое нагое тело обожгли длинные усики покрытые тонкими способными напрягаться волосками, жидкие пожары нащупывали вход мне в рот пенис и прямую кишку)...

древние дурные запахи в пассатах... разлитые по бутылкам женские запахи в коридорах тишины...

«Мы пересекаемся на опустевшем царстве где картина не может существовать... Обескровленный я сделал этот сон пять раз не отбрасывая тени не оставляя следов на последней террасе сада... Плоть сновиденья и рассвет секса адреса не оставили... Ведь я познал восточную сент-луисскую добрую ночь... Разве не осталось времени?.. Тогда мы споем песенку в белом чтобы дать тебе... запах наводнения и деньги в

сновиденьях... Далекий гроб меня одолевает... горькие черномазые застрявшие в дверях... запах утонувших солнц... Холодный пустой презерватив цена на наш билет который лопнул... Так или иначе разделительная линия растаяла перед обстоятельствами... Помню я был ватной плотью лежащей там... сосульки на дальнем краю вечера.., прерванный сон рядом с тобой а сновидец пропал... вместе с грязной рубахой мальчишеские губы блекнут... Пещеру праха наполнил темный телесный запах... Мы проделали всё это в струях горящего пороха... на стенах замедленные радиевые обстоятельства... Можно сказать не смог представить никакой плотской индивидуальности... замирают такие слова... Но что могу я дать тебе мой друг?.. бледные корни где плоть выцветает медленно из жизни что я вел... читайте отложения кристалла... Зарубцевавшаяся и рубцующаяся тень ушедшая от смертельной травмы... близ тела Бога коленопреклонившего холодное adios... Горько, мой друг, устав они расскажут вам о мужестве забыть... Кто-то идущий остановился вдруг дабы расспросить холодную могилу... Флейты зовут к панамским переменам... кто-то идет и мы тонем... эрогенная нагая плоть опустевшая в пассатах с рассветным шепотом... Старина, значит всего хорошего»...

Молодой человек занимающий высокое положение дает вам фосфоресцирующие глаза и губы... лунный нож сращенный с его извивающейся тенью... фосфоресцирующая пыль выслеживающая бесцветного сновидца... записан взрыв сновиденья и рассвета... слабеющая ночь далеко от рубахи в другом... остановился вдруг дабы увенчать Бога коленопреклонив холодное adios вспять к неорганической тишине... гибнут кузина Миранда и куча денег... запах не имеет дома... Серебристые хлопья закрыли ваш счет... магнитофонная музыка в глотке Бога... Мало что останется на зеркалах... пустая запись... кино двадцатых... С размагниченных моделей сыплется эрогенная пыль... В голубых рассветных взрывах разноцветного неба растворяются прямые кишки... старые вестерны гниющие в сланцевой музыке и азотистых парах... Напластования света отслаивают историю об одном отсутствующем сегодня... призрачный запах пустых презервативов вдоль грошовых аркад и зеркал... тишина чтобы сказать всего хорошего...

Теперь перезапись мистер Брэдли мистер Мартин... Трюк с разъединением который не дает зачахнуть этому старому опостылевшему балагану... я уже сказал жизненная линия Мартина это человек-наркоман... Вот почему он из последних сил старается держать наркомана на скудном пайке... Именно потребность, бесцветный смертный запах, исходящий от больных наркоманов, приводит в действие всю его вселенную джанкового времени и монополии... “Белый Дым”, разлитый по бутылкам в тюремных камерах Америки, в Лексингтоне, штат Кентукки... С “Белым Дымом” в одной руке и “Голубой Тяжелометаллической Дозой” в другой он имеет людей-хозяев такими какими и хочет их видеть: застрявшими в альтернативе... А сумей они из этой альтернативы выбраться их поджидает Сад Наслаждений[165] с “Оргазменной Смертью”... Выберутся оттуда?.. на худой конец “Печи”... Ну ладно, вы оболванили планету... Так разболваньте ее... Ясно это или мне выразиться еще яснее?.. Дайте задний ход всем своим трюкам... вашей тяжелой голубой металлической дозе там в небе голубом... вашей голубой дымке кружащей по всем улицам образа под флейты Пана... вашему белому дыму падающему в светящихся хлопьях звука и образа... вашему банку слова и образа развеянному по утреннему ветру... этот план до конца и

чтобы видели все на Таймс-сквер на Пиккадилли... Реверсируйте и демонтируйте свою машину... Осушите океан поддержки и бросьте Белого Кита на мели... вся ваша словесная линия сорвана с экранов разума Земли... Вы говорите об “ответственности”... Так проявите чувство ответственности... Проявите чувство тотальной ответственности... Вы заразили планету... Так устраните заразу... Отмените свой “Белый Дым” и все свои прочие трюки с контролем... ваша монополия жизни, времени и фортуны отменена по вашим собственным приказам... Платите, мистер Брэдли мистер Мартин... разрушили так отвечайте перед Богом расплавившим магнитофоны... из тошнотворной лжи... нет ректальной записи... пустая музыка по воде... Персонажи входят и выходят из серебристого фильма... дымные слова записаны на отпечатках шрамов... Перетасовывается дверь, мистер Мартин... Рука развеяла слово и образ по ветру чтобы видели все... Звонкий колокольчик... Тишина... Мистер Брэдли мистер Мартин нагнувшись скажите:

«Всего хорошего тогда... Ваша машина осушает углекислую картину... Правда adios...»

горькая расплата... кит на мели... краски на свободе, Мартин позади как пульпа... Так устраните все свои трюки удаляясь... Этому сну быть вашими приказами... Ваш билет уже просрочен... Вся записанная речь Мартина затихает... Мистер Брэдли мистер Мартин, так продемонстрируйте зараженной планете собачью запись пустую, без контроля...

«Старина, значит согласно этой истории водевильные голоса»...

«Зеркала мистера Брэдли мистера Мартина... безмятежно его лицо... сон отключен... Я складываю Старого Доктора два раза... в трущобах космическая пыль сверхновой... близ Восточного Сент-Луиса последнее прощанье... картины памяти... истории конец... вспять к незримой тени... Да у вас в опустевшей комнате горьких симптомов достаточно... кто-то идет... правда всего хорошего тогда на летнем рассветном ветру... блюдца в летнем небе... тишина тошнотворной лжи... «Лохи?..» Индивидуальность растаяла перед рассветом... Вроде мало времени в потускневших конторах... расколотых на пустой плоти... вечерний палец исчезает... Бог Паники говорит»...

«Значит всего хорошего тогда, Уилли Крыса... Помню я был сновидцем с грязной плотью... познал печальный конец пути близ кино двадцатых испещренного насилием... Кинохлопья уносятся adios... Показали тебе твой воздух... Доктор на сцене... флейты зовут... сентябрь адреса не оставил... Ведь я познал последний воздух... Дни становятся короче... Разве не осталось времени... Выжидательная позиция и мы тонем... нагишом... короче... симптомов достаточно... с рассветом последние кинохлопъя... надпись на двери тошнотворная ложь уже просрочена... Многочисленная Предметная Полиция лишь сотрясает воздух... так или иначе тишина ибо ответ... я складываю историю... Мужество уличного мальчишки взорвало слово... последний круг в воздухе... значит всего хорошего тогда... история об отсутствующем сновидце... Исчезает последний сентябрь испещренный насилием... волны тишины отступают, на мели, а у нас нет мужества забыть... куча свободного времени когда добираешься до сентября... Дни становятся короче... Пустые

рассветные шепотки: Позиция, Мэри Гамбургер... Пять раз терминал... Старина, значит сновиденье и рассвет... Тишина чтобы сказать «отступает углекислый газ»...

Близ Восточного Сент-Луиса наш пир уже закончен... Эти события растаяли в воздухе... бумага позабыта... Да у вас есть его горькое уныние... Бог коленопреклоняющий ваш вызов, внушает эти видения...

«Значит всего хорошего, Джонни... нагишом, пуст как звонкий колокольчик... Что есть Сент-Луис после adios?.. поблекшая история об отсутствующем мире как раз когда серебристая пленка снята... Помню я был кинофильмом... Смойте мое имя ведь я познал вмешательство... Пройти не сделав нашего билета... Позабытые теневые актеры идут рядом с тобой... горный ветер Сатурна в утреннем небе... От смертельной травмы утомлен всего хорошего тогда»...

«Вмешательство одолевает мистера Брэдли мистера Мартина... далекий гроб в опустевшей комнате... запись отступает, картина раскалывается на пустой плоти... последний круг, мой мальчик... прощанье на губах поблекших... Помню я был корабль не дает плотской индивидуальности»...

«Можно сказать не смог предоставить последнего прощанья... В замирающем дыханий можно сказать самый последний круг... на мели, отступает углекислый газ, старина значит индивидуальность увядает... Так или иначе Бог расспрашивает об обстоятельствах правления... Помню я был вашим счетом... гибнет греза сверхновой... играл на флейте в дождь и ветер испещренные насилием... играл Доктора на сцене... пять раз прощай»...

«Последний паразит... приюта нет... Последнее утро смыл всего хорошего тогда... потом далеких пальцев исчезает... водевильные голоса отсутствующие сегодня... Старина расспрашивает сновидца... затемнение одолевает ложь... здесь уже ничего нет кроме обескровленного сна не отбрасывающего тени не оставляющего следов... я складываю историю о последней грошовой аркаде... дать тебе роликовые коньки до того как на мели?.. нет ничего легче... куча свободного времени в одиночестве Сатурна»...

Пора в шею гнать беспонтовых, чувак, которые не платят долг за проигрыш и никогда платить не собирались... “Хасаны-и-Саббахи”[161] из Пиздвилля что в США поддерживаемые трусливыми наемными убийцами не способными удавить и грыжу… Самозванные контролеры “Гибнущего Царства” строго из второразрядного Голливуда не способные пропихнуть в дверь свою мертвую азотистую кинопехоту... И все “мистеры Мартины” которые пытаются всё заполучить бесплатно... Вам не под силу даже жульничать вам не под силу тусоваться... Вам не ограбить и парализованного лоха... Так вот что я вам скажу делайте ваши ставки или заткнитесь и выходите из игры... Можете отправляться со своей беспонтовой мелочевкой промышлять в “Уолгринз” нам этого не нужно... Вон отсюда вон отсюда вся жалкая ебучая компания... строго из Паразитвилля...

ВЫЗЫВАТЬ СТАРОГО ДОКТОРА ДВА РАЗА?

Видишь ли, сынок, в нашем деле беспонтовые которые не платят долг за проигрыш закидывают удочку в "Хасана-и-Саббаха"[161] из Пиздвилля строго из полицейского мошенничества... Это старый водевильный номер... На обе стороны встает мертвая азотистая кинопехота... "Мистер Мартин", пытающийся заполучить тихое тепленькое местечко, вам не под силу даже жульничать вам не под силу тусоваться... старый вестерновский лох... Так вот что я вам скажу делайте покупки или съезжайте... В игру вступаем мы... Вон отсюда... Вон отсюда... Долгое путешествие за белым изматывает всю вашу компанию строго из тяжелого металла... Пора в шею гнать кукол... Они никогда платить не собирались... Но мальчик мой флейты зовут, Пиздвилль, США... окажутся в очереди за похлебкой... Самозваные контролеры цепляются запястьями и лодыжками за билет... второразрядный Голливуд, призрачная надпись в небе Дверь... И все "мистеры Мартины" ничем тебе не помогут в путешествии что ты намерен предпринять... заполучить бесплатно?.. Вы обладали всем оружием трех галактик вам не ограбить и парализованного лоха... От Флориды до самого Северного полюса делайте ваши ставки или отправляйтесь со своей беспонтовой мелочевкой промышлять в "Уолгринз"... На худой конец у вас есть Большая Доза... Привет да прощай, Паразитвилль...

Ну а кое-кто хвастает оргазменной смертью... беспонтовые, чувак, которые не платят долг за проигрыш... А этот "Белый дым"?.. Старина, "Хасаны-и-Саббахи" из Пиздвиллльской долины говорят ты отплываешь на неспешном корабле в Китай строго из-за кучи денег и азотистой кинопехоты... если они лишились его старых синих рук... "Мартины" которые пытаются заполучить путешествия... Не под силу даже жульничать не под силу тусоваться... Тихо... Да они лишились того старого лоха... Так вот что я вам скажу: "Делайте"... Поэтому тем громче они орут: "Из игры"… можете отправляться со своим старым козырем на худой конец в "Уолгринз". Нам этого не нужно... Строго из-за денег которых они лишились промотав они могут молнировать длинную словесную линию... Но когда посыплется словесная пыль они окажутся в очереди за похлебкой без гроша и без одежды... «Лохи? Какие лохи?» я сваливаю Мартин... Пытаетесь заполучить этот кинопистолет? Он ничем вам не поможет... Вам не под силу даже жульничать вам не под силу тусоваться ради путешествия что я намерен предпринять... Меня пытались надуть все жулики трех галактик... Так вот, ставьте на кон Северный полюс или выходите из игры... Можете отправляться со своей Большой Дозой в "Уолгринз"... Вон отсюда... Вон отсюда в очередь за похлебкой без гроша и без одежды вся беспонтовая компания строго из: Adios...

В трехмерных условиях правление – это группа представляющая международный крупный капитал которая намерена захватить и монополизировать космическое пространство... Они владеют собственными космическими разработками принадлежащими частным лицам и правительственные космические программы считают всего лишь шуткой... Управленческие книги – это записи имеющие отношение к каждому кто может способствовать выполнению их программы а также к каждому кто мог бы поставить ее под угрозу… Управленческие книги написаны символами имеющими отношение к ассоциативным блокам... К примеру: $...

«Крупная американская буржуазия воспитывается с максимумом сексуальной неудовлетворенности и унижений навязываемых матриархами Среднего запада» %... «Преступники из уличных мальчишек воспитываются... с ориентацией на деньги и власть... легко развращаемы» и так далее... Агенты правления учатся мыслить этими ассоциативными блоками а инструкции правления выражены в символах управленческих книг... Правление – это трехмерная и в сущности бестолковая влиятельная группировка опирающаяся на деньги, оборудование, информацию, картотеки и купленные толковые мозги... Когда посыплется словесная пыль а их машина контроля будет отключена посредством партизанских действий они окажутся в очереди за похлебкой без гроша и без одежды и уже не сумеют заполучить своих “псов” своих “болванов” своих “посыльных” своих “человеческих животных”... лжецы... трусы... коллаборационисты... предатели... лжецы которым нужно время для новой лжи... трусы которые не способны без страха смотреть в лицо вашим “человеческим животным” и правде... коллаборационисты сотрудничающие с людьми-насекомыми, с людьми-растениями... со всеми людьми повсюду кто предлагает им тело навечно... предатели всех душ повсюду навечно продавшиеся дерьму...

«Так упаковывай свои горностаи, Мэри... мы уносим отсюда ноги... я видел как это бывает... Три тысячи лет в шоу-бизнесе... Публика готова здесь все разнести»...

«Верно говорю, хозяин, лохи уже скребутся снаружи... Что это за “Бич Небесный”?.. Что это за “Мошенничество с Реальностью”? Что это за “Тоновая Шкала”[174]?.. Они здесь все разнесут... В любую минуту... Я видел как это бывает на Меркурии где мы испустили “Прохладные Выделения”... И правосудие того и гляди нагрянет... Легавые Сверхновой... Не здешние, хозяин... Это Легавые Сверхновой... Ну что, хозяин?..»

«Вызывайте Старого Доктора»...

Да когда положение и вправду становится безвыходным они вызывают Старого Доктора чтобы тот успокоил лохов... А он попросту поднимает свои старые синие руки и медленно их опускает прикасаясь ко всем лохам прямо там где те живут – и вот все лохи спокойны... Но помните, дамы и господа, Старого Доктора можно вызвать только один раз... Потому что если вы вызовете Старого Доктора два раза он успокоит вас...

– А вот и Док...

– Он же тащится вусмерть... Бросьте его под холодный душ... Дайте ему кокс с нашатырем... О Господи, они уже скребутся снаружи: «Что это за зеленая сделка?.. Что это за мошенничество со смертностью?.. Ты пытаешься спихнуть меня вниз по тоновой шкале, крошка?.. Кого ты пытаешься обдурить со временем, приятель?.. Отправляйся промышлять своей тяжелометаллической коммерцией в “Уолгринз”... Нам этого не нужно... Что это за оргазменная смерть?.. Кто растопил эти печи?.. Что это за белый дым?.. Ребята, нам воздействовали на подсознание»... Ну как он там?..

– Хозяин, видок у него неважный... Его одолела эта подлая сыпь...

– О Господи пошлите Зеленого Тони...

– Зеленый Тони отбыл в Галактику Икс... На последнем блюдце, хозяин... А он уже идет...

– Ради Бога вытолкайте его наружу пускай молится в стужу...

Старый Доктор выкатился на сцену... Потом он услышал орущих лохов и он принял устойчивое положение и он впитал все это в себя и он встал очень прямой спокойный и серый как мудрая старая крыса и он поднял свои старые синие руки лоснящиеся поверх грязи и он медленно их опустил в лучах заходящего солнца ощупывая всех лохов таких мерзких а те стояли себе тихо его холодные старческие руки на их запястьях и лодыжках, руки холодные и синие как жидкий воздух на запястье и лодыжке попросту застывших там в густой синей дымке испарившихся банкнот...

Если ты выходишь к лохам впадаешь в панику и пытаешься им отвечать... Ну что ж... Об этом говорить не будем... Видишь ли Старый Доктор попросту впитывает в себя весь заряд и всю ненависть и все это использует... Поэтому чем громче они орут и чем сильнее они давят тем крепче и хладнокровней становится Старый Доктор... Да, сынок, именно тогда ты понимаешь что они наверняка угомонились... Когда ты можешь все это впитать так что чем громче они орут и чем сильнее они давят тем крепче и хладнокровней становишься ты... А потом они успокаиваются... Им больше нечего сказать да и нечем... Ты забрал все все все понятно тебе? (Хорошо, сохрани это для следующего местечка)... Вот они и стоят там как куклы (а они и есть куклы) и ты позволяешь своим тяжелым холодным синим рукам упасть сквозь них... Буммм... холодная неорганическая тишина когда с размагниченных моделей сыплется словесная пыль... и твои спирали цепляют запястье и лодыжку... Там где мы вошли...

Ну а некоторые умники думают что могут вызывать Старого Доктора два раза...

– Ну ладно, Док, выходите наружу и успокойте лохов...

– Лохов? Каких лохов? Я никого кроме вас здесь не вижу... Да ладно бросьте этот кинопистолет... Он ничем вам не поможет... мне угрожали всем оружием трех галактик...

– Но во мне доза... во мне Большая Доза...

– Мистер, Большая Доза – это я... Привет да прощай... у меня вечером еще несколько вызовов...

Видишь ли, сынок, в нашем деле всегда приходится отыскивать подход а не то окажешься в очереди за похлебкой без гроша и без одежды как в песне поется подход на планете Земля был рожденье и смерть... боль и наслаждение... крутой коп и коп-мошенник... Это старый водевильный номер... Иззи Раскол обычно на обе стороны вставал... Но это было в другой галактике... Ну что ж похоже это было тихое тепленькое местечко... Слишком тихое как говорится в старых вестернах... Дело в том что мы готовились к покупке а все наши деньги были помечены... Так зачем же мы

вступили в игру?.. Дело в том что все мы были джанки и иссякли после долгого путешествия в Белой Подземке... джанки плоти, джанки контроля, джанки тяжелого металла... Так и попадаешься, сынок... Коли суждено получить свое так получишь... как и всякий лох... Так что линяй себе как ни в чем не бывало в очередное местечко и не подсаживайся на местной линии. Если и стоит что-то написать о каждой жизненной форме на которую сможешь выйти так это следующее: «Никогда не распаковывай вещи и всегда будь готов отправиться дальше»...

Так упаковывай свои горностаи, Мэри... Напиши старикам домой... видишь ли это бывает... три тысячи лет старого козыря на худой конец... Что-то должно было случиться и оно так или иначе случилось... Публика готова здесь все разнести... Он ушел но я еще здесь... Чтобы успокоить лохов... Он только и сказал «ты мне надоел и я съезжаю»... А они могут молнировать и лохи спокойны... Но мальчик мой флейты флейты зовут... Когда ты вызываешь Его лишь бы поднять цену на билет... Вызывать Дока два раза?.. Он успокоит вас... А вот и Док... Этот старый козырь на худой конец? Всего хорошего старая краска я сваливаю Шайенн... Призрачная надпись в небесном путешествии что ты намерен предпринять... Эта “Зеленая Сделка”?.. Что это такое от Флориды до самого Северного полюса?.. Спихнуть меня вниз по тоновой шкале крошка, вниз на худой конец?? В очередь за похлебкой, приятель... Захвати этот тяжелый металл... Adios... Этого не нужно...

Ну а кое-кто хвастает оргазменной смертью... Кто растопил ваши сны? А этот “Белый Дым”?.. Старина, нам воздействовали на подсознание... Из этой долины говорят ты отплываешь... Его одолело это подлое торфяное болото... на неспешном корабле в Китай... Зеленый Тони на последнем блюдце, хозяин... куча денег... молится в стужу... без гроша и без одежды если они лишились его старых синих рук над небом... Они скажут вам о путешествиях... в лучах заходящего солнца... призрачные всадники в небесах... стояли себе тихо... Да они лишились той старческой руки холодной и синей как жидкий воздух... Поэтому тем громче они орут старикам домой вот увидишь я хладнокровней... старый козырь на худой конец... это сказать да и нечего... Он ушел...

Деньги которых они лишились промотав как куклы... И они могут молнировать длинную словесную линию... Но, мальчик мой, флейты флейты зовут когда сыплется словесная пыль... Они окажутся в очереди за похлебкой... цепляясь запястьем и лодыжкой лишь бы поднять цену на билет... ну а некоторые умники... «Лохи? Какие лохи?.. я сваливаю призрачная надпись в небесах... Бросьте этот кинопистолет... Он ничем вам не поможет в путешествии что вы намерены предпринять... в свое время мне угрожали всем оружием трех галактик... от Флориды до самого Северного полюса»...

«Но во мне Большая Доза... на худой конец у меня есть Большая Доза»...

«В очереди за похлебкой без гроша и без одежды... Привет да прощай... Adios...»

Вот таковы простые обстоятельства дела и по-моему мне следовало знать... Существовали по меньшей мере два паразита один сексуальный другой церебральный действовавшие совместно как и свойственно паразитам... Именно церебральным

паразит не давал вам уразуметь сексуального паразита... Почему никто до сих пор не задавался вопросом: «Что такое секс?»... И не проводил строго научных исследований сексуальных феноменов?.. Этому препятствовал церебральный паразит... А почему никто до сих пор не спросил: «Что такое слово?»... Почему вы все время разговариваете сами с собой?.. Вы разговариваете сами с собой?.. Разве при этом разговоре не присутствует кто-то или что-то еще? Поместите на киноэкран ваши сексуальные образы говорящие с вами пока вы дрочите... Весьма напоминает так называемое “подлинное чувство” верно?.. Почему этого до сих пор не пытались сделать?.. А что такое слово и кому оно адресовано?.. Слово рождает образ не так ли?.. Попробуйте... Поместите на экран образную дорожку и сопроводите ее звуковой дорожкой... Теперь воспроизведите одну звуковую дорожку и посмотрите какая образная дорожка возникнет... Ну и как? Что такое слово?.. Майя... Майя... Иллюзия... Сотрите слово и вместе с ним исчезнет образная дорожка... Вы можете получить образ без цвета?.. Задайте себе эти вопросы и примите меры необходимые для того чтобы найти ответы: «Что такое секс? Что такое слово? Что такое цвет?»... Цвет заключен в слове... Образ заключен в слове... Вы нуждаетесь в словах?.. Попробуйте какой-нибудь другой способ общения, к примеру цветовые вспышки... морзянку цветовых вспышек... или запахов или музыки пли осязательных восприятий... Слова и буквы и ассоциативные блоки можно заменить чем угодно... Давайте попробуйте и посмотрите что будет... тишина полная тишина... А что такое любовь?.. Кого вы любите?.. Будь у меня ваш звуковой портрет нуждался бы я в вас? Попробуйте... Я и говорю поместите на экран ваш сексуальный образ произносящий все сексуальные слова... Скройте простые обстоятельства дела: два паразита один сексуальный другой электрический голос нота “до”... Ну что ж как слышите возникает правление... Мне следовало знать... Церебральный паразит не давал вам уразуметь управленческие книги написанные символами сексуального паразита... Влиятельная группировка опирающаяся на прямую кишку пока вы дрочите... Контролирует “подлинное чувство”... коллаборационисты сотрудничающие с образом заключенным в слове... Что такое слово? Слово – это совокупность вычислительных машин... Уязвимые места вскрытые дорожкой – вместе с ними исчезнет... Печи попахивают простыми обстоятельствами дела и по-моему мало что останется... мало времени, паразиты... Теперь мы видим все изображения... Церебральный граммофон рассказывает сексуальные сцены... А это достигшее половой зрелости слово рождает образ не так ли? Взгляните и сопроводите его людскими ночами и посмотрите какая образная дорожка возникнет... Губы чужака приносят гибель слову навеки... Гибнет слово... Гибнет фото... ни слуху ни духу... в клубе безумные приказы и контрприказы... чужак на берегу... Мой терминальный электрический голос нота “до”, где он намерен до меня добраться?.. Любимый, пожалуйста забудь о туристах... я сказал Начальник полиций после работы... Эта штуковина округ Колумбия называемая любовью... Лучше не задерживайтесь... Британский премьер-министр, повтори еще раз... Вот и ты, Швейцария... Заморозить всю жизнь легко... Мое сердце кретину безмозглому... Это явно был ты... Ты не отрежешь словесные линии?.. Нашел того кто... Это электрические бури насилия... Любая прибыль хранимая ненадежно... Июнь июль и август проходят... Ведомые бильярдом-автоматом улицы... я возвращаюсь домой, аптекарша... покажу тебе кое-что: обезумевшую машину... Еще разок, Джонни Ангел?.. раз мало времени второразрядная любовь?.. ничего кроме Концессии

Реальности чтобы восстановить прошлое... Рабочим заплатили штуковиной называемой “Любовью”... джанковый человек на окраине.

Гонги насилия да еще какого демонстрируют чужака на берегу... Врывается реальный мистер Брэдли мистер Мартин... «Где он намерен до меня добраться?.. Художники одолевают»... контрприказы и жизнь легка... это орбита Сатурновой галактики... Щелкни пальцами... сны прекращают всё... ни слуху ни духу... в клубе действительно будь как долга... Пора... Это чужак на берегу... После работы это второразрядное старье называемое “Любовью”... Лучше не задерживайтесь... Экспериментальная плоть... Поэтому доброй ночи... Повтори еще раз... Лицо впитавшееся в другой прибор... и вот продажные утра... Так упаковывай свои горностаи, Мэри... Видишь ли это бывает... Чужак на берегу мой реальный козырь на худой конец... Июнь июль и август проходят... Публика готова здесь все захватить... Я направляюсь домой... Ничего кроме Зеленого Тони на последнем блюдце, хозяин...

Гибнет слово, гибнет фото, старики дома... Вот увидите я разгадаю приказы и контрприказы... А они молнируют длинную словесную выплату... Но мальчик мой флейты флейты зовут как слышишь... Денежные мешки окажутся в очереди за похлебкой... набираясь ума... скандинавский сортирный паразит лишь бы поднять цену на билет... Словесно-плотская группировка опирающаяся на прямую кишку... Теперь мы видим все изображения нащупывающие путь... А это достигшее половой зрелости слово скрыло оргазменную смерть на неспешном корабле в Китай... Губы чужака приносят сигнал сбора... Прямая кишка вдруг освободилась когда он расплавлял азотистую киноплоть... Слово – это совокупность вычислительных машин от Флориды до самого Северного полюса... Вместе с ним исчезнет образная дорожка... Печи на худой конец... Мало что останется... В очереди за похлебкой... Adios... Теперь мы видим все изображения...

Входит Джордж Рафт конюх лихой шофер... Он скрыт шляпой и воротником и руки в карманах... Отяжелевший от угрозы он выполняет задание убрать того кто мог наверняка добраться до фильма... Скверный конец за границей... Джордж Рафт направился домой болтая... Самый симпатичный из всех крутых парней теряющий интерес к фильмам в целом... речь слегка грубовата но к цивильной работе пригоден... Глаза еще сверкают а он отнюдь не Гамлет... Мне нужна вдохновенная строгая безоглядная решимость... Внимание... Камера... Снято... Палач остается в роли дворецкого... 500 штатных служащих... Смертная казнь не будет остановлена как транспорт, мистер Профсоюз Рабочих... Первая попытка – Британская корпорация трансокеанских воздушных сообщений... умелые конъюнктурщики которые по традиции украшают гостиницы для временных постояльцев розовыми обоями... Попытка нынче в Риме вместе с фильмом... красные азотистые пары над вами... Молодой свидетель детализирует смуглые лодыжки... Голый ради физической фабрики устремился к смертному браку... Двое мальчишек совместно стилизованных несут ночную вахту пока образ смертной казни не переносится вспять в номер лондонской гостиницы... Беда начинается в Британии с его лица... шествие по булыжной улочке... рубаха развевается сползают брюки... ощутил смертный брак... Стэнли Спенсер покинул эту кутерьму... Кто этот голый труп?.. Секс погиб бы от ответа... Где-то в биографе устало уверенный что существует я-ты член толчками

вытянулся и встал ведь есть или должен быть мальчишка в свете керосиновой лампы... старый работающий под простачка анекдотичный ученый муж в гостиницах для временных постояльцев... «Нагнитесь»... в данном справочнике представлены молодые... Брюки сползли к лодыжкам первый сексуальный опыт убедил его в том что плотская любовь воспроизводит обратную связь с пустыря... смеющиеся пригородные мальчишки скромные элегантные и ласковые остаются поблизости... Его манеры непринужденны как будто голова его была скроена по образцу русского варианта Джеймса Дина... выцеживающего из шпанской мушки черную возбуждающую мазь которая протащит фототурникет сквозь плоть... Два лица пытались целиком ворваться в его лицо... Он был в ты-я во мне со всеми последствиями... горящая окраина мира... Субъект схватил меня за руки в стремительном порыве научил вас из последнего аэропорта типичное его решение пересекаться на новом сорте смелости в памяти друг друга...

«Я ничего не говорю и ничего нет нынче в Риме вместе с фильмом... Разорвал пополам последнюю вечернюю газету... Вчера звезда потерпела крах... Экран погас... Юное лицо растаяло»...

«Всего хорошего тогда... Я думал целиком в комнату со мной... Панама»...

От Сан-Диего до самого Мэна навсегда бегут с корабля Напыщенные Бухгалтеры...

«Гибнет слово, гибнет фото, сэр... В последнем скудном остатке, сэр, приказы и контрприказы... Чужак снаружи, сэр» говорят они... «А что намерено до меня добраться?»...

Союзники ждут на ножах... Уличными бандами явно был ты... Ты не отрежешь словесные линии?.. Из-за заголовка о безденежных переселенцах электрические бури насилия... Мы с нашим балаганом гордимся августовской массовкой... Ее Четвертый Класс вскричал от страха... Ведомая бильярдом-автоматом улица Собак... Я посмотрел на мостовую... Покажу тебе кое-что: обезумевшую машину... Мостовая была безопаснее... затхлые улицы вчерашнего дня?.. дурящая время второразрядная любовь? Рабочим заплатили штуковиной условий?..

Мания смерти проходит... Художники одолевают... Это было легко?.. Очевидно должно было остаться только это: орбита Сатурновой галактики... Лишь живые звери что-то пишут... ни слуху ни духу в клубе... после работы эта лесбиянская копия синтезированная из экспериментальной плоти... Так упаковывай свои горностаи, Мэри, ты из-за запоздалых мелких преступлений толстая и непривлекательная...

«Неужели Голливуд так и не узнает?»...

«На последнем блюде, хозяин»...

Невообразимое несчастье... Вот увидите я разгадаю время... Невозможно оценить убытки... А они могут молнировать крики в районе, но мальчик мой флейты флейты зовут... В Ю-Йорке, Онолулу, Ариже, Име, Остоне тот старый козырь на худой конец... прошлые преступления нащупывающие ваше время...

Входит Джордж Рафт лихой Париж весной все его руки в карманах... Отяжелевший от японской Дремы... У него задание найти того кто меняет новые сны на старые... «Раздвинь мои границы»...

Джордж Рафт направился домой теряя интерес к фильмам в целом... но к цивильной работе пригоден... хотя бы изредка... скверный конец для Старого Черного Дрозда... «Мартинов фильм реальности – это самое мрачное зрелище из когда-либо показанных зрителям поневоле.» – категорически утверждал он. В первом эпизоде показан человек сидящий в баре роскошного отеля он несомненно проделал долгий путь запятнан путешествием и даже пятна не знакомы на манжетах запонки из тусклого металла который похоже поглощает свет... зал гудит заинтригованный... Мавритания... Уран... Нефть... Война... Этот человек и то что он видит находится в ф и л ь м е... Несомненно вот-вот произойдут удивительные волнующие события... Теперь возьмем того же человека в н е ф и л ь м а... Он проделал долгий путь и пятна так знакомы... Американский турист доверительно обращается к буфетчику:

«Так вот мамаша страдает тяжелой формой геморроя а мы на здешнем языке не говорим я пытался растолковать одному врачу по крайней мере он назвался врачом а мне нужен ваш совет насчет машины... А вот человек который возил нас в Касбу? Сколько я должен ему дать?» …Он достает из кармана пачку денег нечестный болевой прием большими чаевыми волшебный жест который заставляет человека трижды поклониться и размазаться по доллару... Человеку в херес упал комар... Несомненно не будет никаких удивительных волнующих событий. Нетрудно понять почему люди пойдут на все лишь бы попасть в фильм лишь бы прикрыться любым жалким клочком кино... джанки... агент бюро наркотиков... вор... доносчик... все что угодно лишь бы избежать чувства безысходности и отчаяния от тех ужасных положения и места в которых очутились все вы: вымирающие животные на обреченной планете.

Фильм Мартина действовал долго. В прежние времена почти каждый играл в этом фильме роль и все еще можно отыскать отдаленные районы где целое племя или селение находится на съемочной площадке. Приятно посмотреть но это мало вам поможет. Даже в двадцатые годы у каждого еще были неплохие шансы попасть в фильм.

Короче он запускал руку в кассу. Глядит себе на меня и говорит: «Расчетные ведомости уже долгие годы пусты.» Выпускаемый ныне ассортимент фильмов не стоит и целлулоида на котором эти фильмы напечатаны. Их нечем субсидировать. Фильмобанк пуст. Дабы скрыть банкротство студии реальности никому нельзя давать возможность устанавливать другие декорации реальности. Фильм реальности уже превратился в инструмент и оружие монополии. Главный удар фильма направлен против каждого кто подвергает фильм сомнению причем особое внимание уделяется писателям и художникам. Работайте на студию реальности а не то хуже будет. А не то узнаете что значит оказаться в н е ф и л ь м а Я имею в виду оставшись в буквальном смысле без фильма попробуйте добраться отсюда до угла... Все предметы грубы и отвратительны острые края которые ранят открытую плоть.

Кто сожалеет нынче?.. Я ничего не говорю и ничего нет нынче в Риме вместе с фильмом... Разорвал пополам последнюю вечернюю газету... Молодой свидетель или старый, слушайте японскую Дрему...

ПЕРЕТАСОВАННЫЕ КАДРЫ

«Упаковывай свои горностаи, Мэри»... (Исполнители женских ролей упаковывают веши в убогой раздевалке... вдали шум бунта... в кадре видны другие раздевалки и гостиницы для временных постояльцев… переход в кабинет Директора Балагана... шум бунта нарастает... полицейские свистки, пулеметы, захлопывающиеся ставни магазинов... нарезанные кадры кинохроники бунта)...

«Что это за мошенничество с реальностью?»... (Вид на надгробные плиты и туалеты... больницы, ночлежки, богадельни... серый помойный запах благотворительной стряпни... хныканье умирающих... «Господи, Господи, я даже не чувствую себя человеком»... «Короче прикатили мы в Санкт-Петербург и мамаше там совсем не понравилось»... шум бунта перерастает в массовое подростковое бормотание... мальчишки вооруженные пружинными ножами и велосипедными цепями… Окно балаганного кабинета разбивает булыжник... Когда внутрь устремляется внешний воздух директор балагана кашляет и брызжет слюной)...

«И правосудие того и гляди нагрянет»... (Полицейские Сверхновой стоят перед щитом управления который загорается когда их агенты производят аресты и допрашивают подозреваемых... «Я за этих ублюдков из правления срок мотать не намерен... я на всех настучу»... загорающиеся лампочки смыкаются вокруг правления)...

«Лохи скребутся снаружи»... (кадры бунтов всех времен и народов)...

«Что это за зеленая сделка?»... (Зеленые растительные джанки высасывают кислород Земли)...

«Кого ты пытаешься обдурить со временем, приятель?»... (на экране подсознательное замедленное движение... венерическая болезнь снятая со скоростью 35 кадров в секунду)...

«Отправляйся промышлять своей тяжелометаллической коммерцией в “Уолгринз”... (джанки пристрастившиеся к тяжелому металлу в отрубе в синей дымке испарившихся банкнот)...

«Что это за оргазменная смерть?»... (На виселицах вздернуты извергающие семя тела которым ласкают задние проходы хихикающие зеленые уличные мальчишки... Приговоренные к смерти заключенные корчатся в парах цианида под учтиво-плотоядным взглядом свидетеля... Сердечник средних лет умирает на юной натурщице которая с отвращением отпихивает труп... «Гнусный старый хрыч возбудился и сдох во мне»)...

«Кто растопил эти печи?»... в печах мечутся пленники... вокруг них смыкаются решетки из раскаленного добела металла... фосфоресцирующие дымящиеся шлаковые кучи Минро... жар отрезает источники животной жизни... (Из конусообразных гнезд боком выползают крабы... «С потрохами съеден крабом»)...

«Что это за “Белый Дым”?»... (Больные наркоманы в тюремных камерах испускают бесцветный незапах смерти... По зараженной земле расплывается белый дым)...

«Ребята нам воздействуют на подсознание»... (Газеты, журналы, бормочущие по телевизору и радио голоса... «рождение и смерть и состояние человечества... так всегда было и всегда будет... К тому же вы ничего не сможете сделать... Не лезьте на рожон... Не наживайте себе язву»)...

«Вызывайте Старого Доктора»... (Доктор на сцене... Он впитывает в себя кинохронику бунта и искаженные ненавистью лица... Когда он опускает руки кинокартины о бунтах застывают неподвижными кадрами... Буммм)...

«Ну а некоторые умники думают что могут вызывать Старого Доктора два раза»... (Кинохроника и шум бунта отключаются... Вокруг стола правления воцаряется холодная синяя тишина межзвездного пространства... Охранник тянется к своему вибрационному кинопистолету... «Ничем вам не поможет... в свое время мне угрожали всем оружием галактики»... Вспыхивают Печи... Вспыхивает Оргазменное Жало... Белый Дым улетучивается оставляя неподвижно стоящего доктора... управленческие книги разложены на столе точно колода гадальных карт... Доктор складывает карты в колоду... Правление исчезает в серебристой вспышке)... «Он успокоит вас»...

Вот мы и листаем управленческие книги написанные символами времени которое между тем я позабыл... К примеру: $... Американский аромат памятных картин... сексуальная неудовлетворенность... Скандинавская сортирная кожа наденьте ее... %... криминальный уличный мальчишка вымирающих народов... легко развращаем и поддается навязанным унижениям... Уберите их от меня, эти ассоциативные преграды... Окно в бестолковую влиятельную группировку опирающуюся на прямую кишку разбивают картины... Члены правления берегитесь... Толковые мозги смягчили закон... Машина контроля отключена полицией Сверхновой... Взгляните на очередь за похлебкой... Их мальчишка вступил в двадцатые годы в бабском наряде от коллаборационистов... Лжецы распространяют замедленные вспышки... Символы управленческих книг имеют отношение к ассоциативным преградам... там информационная картотека людских ночей... коллаборационисты сотрудничающие со всеми людьми повсюду на мертвой азотистой плоти... Там путешествуют предатели всех душ повсюду... Когда на газетную бумагу Земли посыплется словесная пыль, голоса ничем не помогут... Старый доктор раскалывает острую неудовлетворенность и счет унижений... Прошу заканчивать... Уже близко правление опирающееся на деньги, замирающие вдали голоса... Машина контроля отключена... Слово покатилось отсюда по улицам из металла и стекла... Бог Паники извлекает из флейты блюзовые ноты сквозь вымирающие народы... Правосудие есть прах... Структура проводов реальности взлетела на воздух в замедленных вспышках...

Незримое вмешательство времени позабытого... ленивая вода стекает на гараж... голоса в другой раздевалке... «Повернись... Нагнись»... ядовитое облако чужой плоти... Скандинавская сортирная кожа на втором пилоте... Беспомощно сидели а вторгшаяся сила ввела унижения...

«Видишь ли, сынок, мы были единственными пассажирами... Совместные эрекции исчезающие в пропыленном воздухе гимнастических залов... Съежившиеся члены пропадают на мертвой азотистой плоти... Цель этих упражнений – поддержать местную линию... Тонущий корабль испытывает источник неудовлетворенности лишь бы заполучить эрзац-вызов»...

Да, у вас есть выход... Али выпустил дым и взмахнул руками... “Абракадабра”... далекие события в зеленом неоновом свете... ты дым... Человек рассмеялся... Али, бормоча в собачьем чередовании... старое зеркало нагнулось над стулом... управляемая барабанная музыка на мятой форме... Множество имен шелестит тряпьем которое падает в кучу... флейта вышла затворив дверь... падают серые светящиеся хлопья... Галактики вывели на улицы зеленые войска... Впечатления внезапно сваливаются в кучу... (Делает знак рукой)… Теперь охранники прижимаются… Виляя из стороны в сторону над уязвимыми местами вскрыл огромную прореху... Али уже вернулся с перфокарт по собственным следам... Осталась лишь лужица серой субстанции преграждавшая ему путь к башням... Кинодекорации взлетают на воздух в красном азотистом дыму... Помните цену представления? Знаете кто я такой? Да это я вам говорю члены правления... Я говорю нечасто и я говорю недолго... Чуете запах Хиросимы? Теперь знаете кто я такой? Сеньор Предел явился объявить... Вы думали меня можно вызвать и не заплатить, беспонтовые ублюдки из правления? Переведите ваши счетчики Гейгера на час вперед. Капитан Кларк приветствует вас на борту... последние права... Мистер Предел пришел объявить козырную масть...

(Понятием “Предельщиков” я обязан рассказу напечатанному в “*New World science fiction*”... издательство “Nova publications”... Лондон Хай Холборн Грейп-стрит 7 номер 49 июнь... '*Звездный Вирус*' Дж. Баррингтона Бейли... В этом рассказе предельщики – космические путешественники сквозь световые годы которые лишились всех людских контактов и страхов. Они играют в некий ядерный покер. При объявлении козырной масти в такой игре игроки вместе с помещением могут взорваться...)

«Но ты же мог бы взять с собой полпланеты», – восклицает неопытный Предельщик...

«Всю, приятель».

«Ты прикоснулся к карточной колоде... Видишь ли, сынок, голоса бормочут в собачьем чередовании: «Боль и наслаждение... оргазменная смерть... плоть»... необитаемый подлесок старых вестернов... разбитый граммофон сексуальные сцены... мужество пройти не сделав ничего... Если ты останешься поблизости именно сейчас... будь хитрым грубым у Печей... Совместные эрекции исчезают, чувак... Пришлось играть с ним в честную игру... Все мы были джанки и мертвый паровоз гудит на местной линии... Взгляни на медную кровать... Множество имен шелестит там о людских ночах... я умираю на газетах Земли... Губы чужака приносят смерть... бездыханная флейта сквозь тело Али... замирает вдали мое имя... кинохроника бунта застывает в неподвижных кадрах... дуновение вечернего ветерка»...

«Вызывать Старого Доктора два раза?.. раскалывает вызов... Лохи закрыли ваш счет... Прошу заканчивать... Там лишь безмолвие водЫ улыбки по краям тускнеют... Здесь я не вижу никого... Ты сделал широкий разворот вспять к кинопистолету... Водевильные голоса ничем вам не помогут... в районе зеленые войска... Белый Дым улетучивается»...

«Но я заправляю местной торговлей... Впечатления Настоящего Времени»...

Делает знак сжимая руки... Охранники прижимаются друг к другу и исчезают... Люди пропали... Ну да исчезновение в чужой плоти вооруженной пружинными ножами и велосипедными цепями... Окно в кабинете разбивают картины... Пятна света на обнаженной прямой кишке... Юные лица смягчили закон о мертвых азотистых улицах... Посыльные смыкаются вокруг правления...

«Что это за зеленый мальчишка вступил в двадцатые годы в бабском наряде с тонущего корабля?»...

«Ты испытываешь источники замедленных вспышек на экране?»...

«Бескостной мумией была смерть в последнем “Уолгринзе”... Нам этого не нужно»...

«Нам воздействовали на подсознание в дверях»...

Посыльный от последнего паразита бормочет рядом с тобой... сильные ветровые голоса на тех дорожках... приглушенное бормотание: «Не думаю что Доктор на сцене» и «Кто я такой чтобы говорить еще?»...

Пусты все искаженные ненавистью лица впитавшиеся в страх... мятые тряпичные тела... расстегнутая рубаха развевается... некоторые умники... Прекрасно, доктор... Следы испарений пишут на небе... Кинохроника отключается... Журналы орут на паразита... Радио бормочет... «Доктор на сцене»...

Все искаженные ненавистью лица впитались в освобождение без дальнейших хлопот а что?.. тела и вода повсюду... Печные крикуны исторгли смрад прогнивших губ ушедших... Того и гляди нагрянут... Допрашивать субстанцию второго... Бескостная мумия двигалась со скоростью “хочешь?”.... Пустая плоть из K-Y[8] и ректальной слизи последний выход из людского обличья... Они пробирались сквозь расстегнутую рубаху развеваясь друг против друга... Руки ласкали задний проход... Из пениса вновь хлынула струя... выход из жгучей сексуальной кожи... Пустые лица впитавшиеся в другой прибор...

Сильные ветреные голоса рядом с тобой... Доктор на сцене... «Вон отсюда, исполнители женских ролей»... оргазм картин памяти... люди пропали...

«Прекрасно доктор, перед тем как кинохроника отключается симптомов достаточно... я говорил вам что приду обратно рядом с ним... Он уже мог пошевелиться... зарубцевавшиеся шрамы... мужество пройти не сделав снимков»...

«Теперь я ухожу... Все мы были джанки... Ну а некоторые умники думают охрана и оружие врага были прекрасны... Внезапно отключились с помощью кинопистолета и помех... Мы мельком видим весь Сад Наслаждений[165] как колоду карт... Он почувствовал легкое удовольствие... сексуальные сцены всех времен»...

«Старого Доктора два раза? Раскалывает сильную эротогенную идею отраженную в вашем счете... Прошу заканчивать... пустая плоть тускнеет по краям... Бог Паники извлекающий из флейты блюзовые ноты прикоснулся к карточной колоде... Сквозь стекло мы видим все изображения... незримая оргазменная смертная кожа на втором пилоте... Разбитый граммофон рассказывает об унижениях... Ядовитые облака уже близко»...

«Исчезают, чувак... Голоса в другом раздевании вместе с сент-луисским предместьем... Местная линия изгибается над прямой кишкой прерванных ночей... Замирает вдали мое имя в умирающем воздухе»...

В ТОЙ ИГРЕ?

Флюороскопический Малый говорит:

«Вот смотри, сынок, когда ты переходишь на новый уровень не уподобляйся тем олухам которым не терпится ухватить первый грошовый выигрыш... Именно так и застревают в Цикле Действий... Лучше научись смотреть со стороны... Не разговаривай не играй просто с м о т р и ... хоть пять миллионов лет если понадобится пока не выучишь все правила и комбинации штрафы и приемы... Когда сумеешь разглядеть все карты тогда действуй и забирай все... Научись с м о т р е т ь и ты у в и д и ш ь все карты... Посмотри сквозь человеческое тело которое заведение бросает у дверей... Что ты видишь?.. Оно составлено из тонких прозрачных листов на которых расписано действие от рождения до смерти... Напечатано на “мягкой пишущей машинке” д о рождения... встроенная крапленая колода... Заведение знает каждую карту которую тебе сдадут и то как ты будешь своими картами играть... А если какой-нибудь умник прозреет а то и сыграет некрапленой картой:

«Зеленый Тони... Иззи Толчок... Сэмми Мясник... Н а ш и х б ь ю т !!! Покажите этому типу Печи... Он же умник»...

Хочешь участвовать в той игре?.. Тогда смотри еще... Тело – это две половины склеенные как по лекалу... То есть оно состоит из двух организмов... Видишь ли “Другая Половина” невидима... (для глаз которые не научились смотреть)... Точно сиамский близнец десять тысяч лет в шоу-бизнесе серебристым шнурком привязанный ко всем эрогенным зонам... живет вдоль разделительной линии... является земноводным двуполым актером полумужчиной полуженщиной... имея два входа каждый пол может вдыхать воздух или среду нижнего белья через щель твоей мамаши... “Другая Половина” в любой момент может стать “Тобой”... рождается когда ты умираешь... именно тогда “Другая Половина” убивает тебя и занимает твое место... (Возьмите свой звуковой кинопортрет. Теперь кадр за кадром останавливайте проектор и звуковую дорожку: стоп... пуск пуск пуск... стоп... пуск пуск... С т о п . Когда звуковая дорожка останавливается она останавливается... Когда останавливается проектор на экране застывшая картина. Это был бы ваш последний портрет последнее что бы вы увидели. Ваша звуковая дорожка состоит из ваших телесных звуков и субголосовой речи... Субголосовая речь и е с т ь словесный организм “Другая Половина”. Сращенная с вашими телесными звуками. По ассоциации вы убеждены что если прекратится субголосовая речь затихнут все телесные звуки и так оно и происходит. Смерть – окончательное отделение звуковой дорожки от образной. Однако стоит вам разорвать цепь ассоциаций связывающую субголосовую речь с телесными звуками как отключение субголосовой речи уже не обязательно повлечет за собой отключение телесных звуков и последующую смерть.)

Теперь сыграем в некий покер... Почему бы не овладеть обеими половинами тела так чтобы отпала необходимость в какой-то тунеядствующей “Другой Половине”?.. Почему бы не сделать новую запись на “мягкой пишущей машинке”?.. Почему бы не взять управленческие книги и не переписать заново всю идею?.. Почему бы не овладеть человеческим телом прямо по средней линии?.. Подчиняясь далеким

пальцам действуй и забирай все... Так вот, смотри чем покрыты две половины кроме так называемого человеческого тела... Листами плоти на которых написано: «Позвоночные столбы подвергаются массажу и сливаются»... Написано з а р а н е е на “Мягкой Пишущей Машинке”... прозрачная дрожащая субстанция тело – это две половины склеенные вокруг нее... туманная фигура тающая в сперме... серебристый шнурок пальцев-усиков массирующий эрогенные зоны вдоль разделительной линии... сокращения в распухшем губчатом веществе посылают импульсы будущему организму... выбрасывают наружу тело – погибает падая в воду... Сыграем в некий покер... Почему бы не овладеть подводным сном?.. Вы не нуждаетесь ни в какой “Другой Половине”... Почему бы не овладеть средней линией? Видишь ли она составлена от рождения до смерти... Крапленая колода под его жабрами сдаваемая размягчаемым позвоночником... В той игре?.. Тогда смотри еще... Он утонул в форме чужой плоти... В позвоночнике субстанция сиамского близнеца живет под ударами электрококаинового наслаждения... Другая Половина будет рождена внутри и будет нащупывать обе половины тела...

Вот с м о т р и, сынок, когда ты переходишь к новой точке зрения... Этим олухам не терпится ухватить первый грошовый выигрыш... Именно таково действие цикла Рождения-Смерти... Хочешь выбраться? Коп-мошенничество... Это старый водевильный номер... Входи себе и засвечивай правлению жестянку...

Научись смотреть со стороны... Попросту вставай на обе стороны... Следи за тем во что ввязываешься... Так называемое человеческое тело? Долгое путешествие на Белых Листах... Скользни внутрь как ни в чем не бывало... Я буду играть твоими картами... Хочешь участвовать в игре на местной линии?.. Взгляни вперед взгляни вперед на эту линию прежде чем пуститься по ней в путь... Разве что там тело – это две половины сращенные по форме которую ты в силах одолеть...

Вот почему я здесь... Сыграем в некий покер... Почему бы не засветить лохов мягкой пишущей машинкой? Почему бы не объявить козырную масть?.. Когда объявляешь козырь записывай всю идею... Почему бы не овладеть билетом? Хочешь выбраться?.. Коп-мошенничество... Это старый водевильный номер... Входи себе и засвечивай Правлению жестянку... Бери на мушку Сэмми и ребят... Возьми управленческие книги и перепиши крапленую колоду... Любой член правления хочет играть честно по-мужски? Не думаю... Теперь разрежь управленческие книги, сынок... Остались минуты...

Подсознательный Малый – прокатный перебежчик из банды Сверхновой...

«Всего лишь техник-сержант не больше... Пора... Пора... Пора...» Короче устроился он в Отдел перезаписи и помог начальству выпустить Бюллетень Перезаписи на подсознательном уровне... Все это делается с помощью магнитофонов. Пойдите и купите в кредит три качественных аппарата и запишитесь на моднейший телевизор. Найдите мальчика с голубыми глазами и нежными аккуратными пальцами... (В двенадцать он был радиолюбителем в возрасте восьми лет запускал метеозонды сшитые из пластиковых костюмных чехлов...) Мальчик подсоединит вам машины. Для управления машинами вам понадобится пульт: Магнитофон 1 воспроизводит пять секунд Магнитофон 2 и 3 записывают и так далее. Возьмите будничную

ситуацию вы спорите с дружком или подружкой припоминая сказанное вами в прошлый раз и обдумывая что говорить дальше весь дурацкий спор все тянется и тянется без конца точно музыка в голове пока не надоест и не начнешь дуреть но вы обижены и воспроизводите жалость к самому себе и попросту не в силах заткнуться. Возьмите свои доводы и жалобы поставьте их на М1 и нареките эту машину Томом или Диком или Гарри сами называйте она ваша. На М2 поставьте все что было или могло быть сказано им или ею. Теперь заставьте две машины говорить: М1 воспроизводит пять секунд М2 записывает. М2 воспроизводит три секунды Ml записывает. Проделайте это в течение пятнадцати минут получаса потом поменяйте интервалы. Интервал который вы использовали на М1 переведите на М2... (Вы обнаружите что интервалы имеют не меньшее значение чем так называемый контекст)... послушайте обе машины микшируя записи вновь и вновь. Теперь что касается М3... (Кто он третий идущий рядом с тобой?)... С помощью М3 можно внести фактор “несообразного реагирования” поэтому попросту поставьте на М3 старую запись грустную старую мелодию грустный старый анекдот что-нибудь с улицы телевизора радио и включите М3 в довод М1: «Вчера ночью я прождал тебя до двух часов»... М3: «А теперь прошу прощения... Из столицы передают футбольные результаты... Следует изображать интерес...»

Выбросьте все это из головы прямиком в машины. Перестаньте разговаривать перестаньте спорить. Пусть машины говорят и спорят. Магнитофон – овеществленная часть человеческой нервной системы. С помощью магнитофона вы можете больше узнать о нервной системе и добиться большего контроля над собственными реакциями чем смогли бы выяснить просидев двадцать лет в позе лотоса. Какая бы проблема вас ни беспокоила попросту зашвырните ее в машины и пускай те ее немного пожуют. Существует конечно исходная проблема: программируемые магнитофоны обходятся недешево как бы вы их ни подсоединяли.

Эксперимент со склеиванием ленты который я уже упоминал может провести каждый имеющий два магнитофона соединенные проводом для записи с одной машины на другую. Поскольку эксперимент может вызвать заметную эротическую реакцию в качестве партнера для такого эксперимента интереснее выбрать того с кем вы состоите в интимных отношениях. Мы имеем два объекта обозначенные “С” и “В”. Теперь возьмем текст любой текст, “С” записывает текст на Магнитофон 1. “В” записывает тот же текст на Магнитофон 2. Теперь воспроизведем М1 три секунды записывая на М2. Воспроизведем М2 три секунды записывая на М1 и так далее чередуя два записанных голоса. Это простейший вариант эксперимента со склеиванием. Тех же результатов можно добиться склеив две уличные записи сделанные “С” и “В” независимо друг от друга. Для достижения хоть какой-то степени точности пленки следует разрезать ножницами и склеивать липкой лентой. Это трудоемкий процесс но его можно существенно ускорить если вы имеете доступ в монтажную и пользуетесь кинолентой которая шире и проще в обращении. Можно продолжить эксперимент сняв звуковой фильм о “С” и звуковой фильм о “В” а затем склеив звуко-образную дорожку с чередованием 24 раза в секунду.

Как “С” так и “В” имеют в своих как предполагается изолированных нервных системах оборудование для записи и воспроизведения звука для съемки изображений

– абстрактное оборудование конкретным воплощением которого являются магнитофон и кинокамера. Оборудование содержащееся в нервных системах двух наших объектов способно производить тотальную запись то есть запись слуховых зрительных обонятельных осязательных восприятий и эмоциональных реакций ассоциированных с данным материалом. Тотальная запись активируется воспроизведением звуко-образной дорожки при четкой ассоциации с ней. Поэтому когда мы объединяем фильмы и звукозапись сделанные двумя нашими объектами с помощью кинокамеры и магнитофона мы сращиваем тотальную запись "С" с тотальной записью "В". Вирус гриппа может занять место здоровой легочной клетки подавая те же сигналы что и здоровая легочная клетка. Вирус способен подавать те же сигналы что и здоровая легочная клетка поскольку некогда он был здоровой легочной клеткой. Склеенные магнитная и кинолента могут вызвать а могут и не вызвать к жизни вирусные формы... (Внимание: эксперименты со склеенными магнитной и кинолентой в скобках опасны)... Как бы то ни было элемент звуковой дорожки записанной "С" и фильма снятого "С" склеенный с "В" уже способен подавать те же сигналы что и элемент "В" поскольку он был этим элементом ведь он записан на звуко-образной дорожке "В" и вытесняет звуко-образный элемент записанный и снятый "В". Можно сказать что "С" способен подавать сигналы "В" поскольку он ретроактивно стал "В" когда элемент звука и образа "С" был введен в звуко-образную дорожку "В" при замене "В" на "С". Разумеется такие же замены происходят и в звуко-образной дорожке "С". Если "С" вводится в тотальную запись "В" а "В" в тотальную запись "С" не вводится то такой односторонний ввод может привести к тому что "В" попадет в весьма тяжелое положение подхватив вирус "С".

Сметливый читатель догадается что принцип склеенной ленты может найти широкое применение в различных областях. Предположим вы некий зануда в сером фланелевом костюме. Вы хотите преподнести Хозяину новую концепцию рекламного дела... творческую рекламу: «Я имею в виду рекламные объявления в которых есть сюжет и возникают персонажи инспектор Дж. Ли из Полиции Сверхновой курит "Players"... (сверкает своей задрипанной старой жестянкой). Агент К9 пользуется лазерным пистолетом "Брэдли". Аврелий одобрил бы ваше любимое курево. Рекламные объявления должны развлекать не в меньшей степени чем содержание любого журнала. Привлеките лучших писателей для создания сценария лучших художников и фотографов для оформления. Ваша продукция заслуживает только самого лучшего». Так вот прежде чем предстать перед Хозяином он записывает хозяйский голос склеивает его с собственным голосом разъясняющим его новую концепцию и запускает все это через конторскую систему кондиционирования воздуха. Или предположим что вы певец. Тогда склейте ваше пение с BEATLES, ROLLING STONES, ANIMALS. Склейте себя с радиокомментаторами, премьер-министрами, президентами. Зачем на этом останавливаться? Каждый склеивает себя с каждым. Общение должно стать тотальным. Единственный способ все это прекратить.

Виттгенштейн[5] говорил: «Ни одно предложение не может выступать в качестве доказательства» – Единственное что не записано предварительно в предварительно

записанной вселенной так это сама предварительная запись другими словами л ю б а я запись которая содержит фактор случайности.

Все это делается с помощью магнитофонов... Полагаю все вы видели переносной магнитофон фирмы Philips под названием “Кэрри-кордер” портативную машину для записи и воспроизведения на улице которую можно прятать под пиджак для записи важных вещей запоминать это значит не только записывать но и воспроизводить запись на улице “Кэрри-кордер” похож на транзисторный приемник для слушания на улице городские жители не замечают вчерашних голосов фантомных выбоин во времени... сплошная потеха с этой штуковиной... Пол Боулз называет ее маленькой игрушкой Бога... (Быть может последней его игрушкой он ушел сквозь неведомые утренние часы оставив за собой миллион магнитофонных записей своего голоса растворился в холодном весеннем воздухе задав бесцветный вопрос?)... Почему бы не устраивать вечеринки с “Кэрри-кордером”? Каждый гость приходит со своим “Кэрри-кордером” и на кассеты с тем что он намерен сказать записывает то что говорят ему другие “Кэрри-кордеры”... верх невоспитанности – не записывать когда другой “Кэрри-кордер” обращается прямо к вам на вечеринке “Кэрри-кордеров”... прямо говорить нельзя если вы хотите что-то сказать то должны улизнуть в детскую и сначала все записать в то время как ваш радушный хозяин общается со всеми гостями с помощью комплекта магнитофонов... («Нередко я раздевался до пояса и принимался за работу вместе с этими людьми... Да ребята это я там возле бетономешалки».)... Записями с прошлой вечеринки можно пользоваться на следующей пища с поминок на свадебный стол подается выражаясь словами Бессмертного Барда завтра завтра и завтра... А вообразите что могли бы натворить сотни людей с “Кэрри-кордерами” на политическом митинге... Носите свои “Кэрри-кордеры” по Флит-стрит и Мэдисон-авеню... Воздействуйте на подсознание тем кто привык воздействовать на подсознание... “Кэрри-кордеры” всех стран соединяйтесь. Вам нечего терять кроме своих предварительных записей.

«Все это делается с помощью магнитофонов... звуковая дорожка рождает образную... Помню резвился я на службе на Мэдисон-авеню... Короче выдавал стабильно одно интервью за другим и вскоре вывел формулу интервью... Я записал десять альтернативных ответов на каждый вопрос в рамках любого интервью... И мне оставалось лишь кнопки нажимать – а ответы тут как тут... Разумеется я мог делать это с помощью дистанционного управления по радио и поэтому вскоре удалился на свою южную плантацию строго из-за музыкальных окрестностей с записями черномазых поющих среди спроецированных на видеоэкраны мимоз и испанского бородатого мха... Впоследствии вся операция была автоматизирована нужда в моем участии напрочь отпала и на ближайшую тысячу лет ответы на все вопросы были у меня наготове... Принцип отсутствующего контроля я распространил и на другие виды деятельности... Для каждой операции я диктовал необходимые приказы, контрприказы и альтернативные ходы... Я мог записать все речи и ультиматумы одного правительства вместе с ответными речами и ультиматумами другого и конечно когда получал по официальным каналам приказ ставил записи войны... Всего лишь техник-сержант знаю как делаются вещи... Тот же метод можно применить в отношении секса... В молодости я обнаружил что могу предугадать диалог каждого любовного свидания... Поэтому я записал диалог и создал сопутствующую образную

дорожку... соответствующее музыкальное сопровождение, освещение, ароматы и все прочее... Внимание... Камера... Поздравления Павлову мои записи приносили мне не меньше удовольствия чем так называемое “подлинное чувство”... (Когда укрепятся соответствующие ассоциации можно будет обходиться без образной дорожки)... я открыл бордель записей и по двушнику за ночь давал их напрокат любой сценарий любую внешность что угодно... Мелкие неприятности с Синдикатом и именно тогда я вторгся в сферу деятельности Мэдисон-авеню... Ну продолжу еще немного... Разумеется интервьюер может применять тот же метод... То есть записывать как свои вопросы так и альтернативные... Оба правительства могут записывать речи, ультиматумы, приказы и контрприказы... Так запишите всю войну с ее битвами и осадами, победами и поражениями, колоссальными заёбами и банальными песнопениями... Любовники обмениваются лентами с записями... Поймите никому не приходится присутствовать лично... Так зачем же задавать вопросы и зачем отвечать?.. Зачем отдавать приказы и зачем произносить речи?.. Почему бы не оставить вашу запись рядом с ее записью и не обойтись без половой связи?.. А потом?.. Раз некому слушать, зачем вообще крутить пленку?.. Почему бы не отключить всю машину и не убраться домой? Именно это я и намерен сделать... Отправляю все мои пленки в Отдел перезаписи и убираюсь домой... Можете искать где угодно... Не годится... No bueno[73]... Ушедшие адреса не оставили... Все это делается с помощью магнитофонов. То что мы видим диктуется тем что мы слышим. Это можно проверить с помощью простого эксперимента. Отключите звук вашего телевизора и используйте произвольно записанную звуковую дорожку с вашего магнитофона: уличные шумы... музыку... разговор... записи других телепередач, радио и так далее. Вы обнаружите что случайная звуковая дорожка кажется уместной… люди бегут за автобусом на Пиккадилли под звуковую дорожку пулеметного огня напоминает Петроград 1917 года. Можно продлить эксперимент использовав материал более или менее соответствующий образной дорожке. К примеру возьмите политическую речь по телевизору отключите звуковую дорожку и замените ее другой речью которую вы записали заранее... вряд ли уловите разницу... почти никакой... Запишите звуковую дорожку шпионской постановки “Опасный человек” и подставьте ее на место другой... Попробуйте это на своих друзьях и посмотрите смогут ли они уловить разницу.

Звуковая дорожка вызывает в воображении образную... Слово появилось раньше образа... Отключите звук вашего телевизора и вставьте вашу собственную звуковую дорожку слова музыку что угодно... Теперь воспроизведите вашу звуковую дорожку и вы увидите образы яркие и отчетливые... Я записывал фонограммы теле- и кинопрограмм... сочетая их с советами Отдела перезаписи через микрофоны и радиофицированные патрульные машины... Короче я нажимаю кнопку и записываю все звуки и голоса города... Короче я нажимаю кнопку чтобы через несколько секунд ретроактивно объединить эти звуки со вставками, вы все еще смотрите телепередачу или слушаете музыкальный автомат... Через несколько секунд вы слышите те же самые слова моей трансляции со вставками Отдела перезаписи... Разумеется Бюллетени Перезаписи я перебиваю популярными песенками пользуясь музыкой в качестве пунктуации... (Пение появилось раньше разговорной речи)... Я совмещал бюллетени с газетами журналами и романами... Я выпускал их смешанными с уличными шумами и болтовней ветром и дождем плеском воды и птичьим пением...

Так вот... Слово рождает образ... % = !$$> H:?.. Пение появилось раньше разговорной речи... Отключите всю машину... Сотрите слово… Его некому слушать... Здесь уже нет ничего кроме записей да не откажет воображение в рассказе... истории об одном отсутствующем сегодня... Затемнение застает врасплох мистера Брэдли мистера Мартина... Пять раз ваша прочная лента застревала в дверях... приюта нет в собаках незнакомой пыли... холодное adios не отбрасывающее тени... Это наши актеры[175] желают вам долгой доброй ночи...

ПОКАЗАЛИ ТЕБЕ ТВОЙ ВОЗДУХ

«Подсознательный Малый просит вашего внимания напрокат... я инспектор Дж. Ли из Полиции Сверхновой... Всего лишь техник-сержант отправил преступника Сверхновой на Операцию Перезаписи... А я уверен что все это делается с помощью магнитофонов... Не забудьте что этими техническими приемами в ближайшую тысячу лет будут манипулировать преступники Сверхновой. Отсутствующий контроль прост: Постоянно разжигать как можно больше неразрешимых контрприказов и альтернативных конфликтных записей до взрыва планеты... Записывающие устройства фиксируют природу абсолютных ассоциаций, укоренившегося тотального оружия манипулируемый в глобальном масштабе подает реплику: «Убирайтесь домой»... Конфликты разжигаются умышленно... Адреса нет Банды Сверхновой... Сэмми Мясник, звуковая дорожка вызывает в воображении Бойкого Художника, для раскрашивания желтых равнин Минро... Джеки Голубая Нота, отключи звуковую дорожку вашей Мэри Гамбургер... подсознательные слова музыку что угодно... Теперь: за все время своей работы полицейским я ни на одной планете не видел такого всеобщего страха перед соответствующими изменениями... Вставляю бюллетени Отдела перезаписи... И вот здесь уже ничего нет кроме никуда не годных... Мистер Брэдли мистер Мартин, зал для публики с угрозой отсутствия приюта в собаках... Ясно это или я должен выразиться еще яснее?»...

«Ведь я познал наверняка что я намерен делать»...

«Разве не осталось времени?.. Убраться домой... Мальчишка отключил звуковую дорожку вашу в дверях... слова, музыку что угодно... Теперь последняя обезьяна в истории видит образы яркие и отчетливые на вашем билете который лопнул... конец голосов... Короче я нажимаю кнопку рядом с тобой и сновидец исчезает... Так зачем же задавать вопросы и зачем пересекаться на пустых речах?.. Почему бы не оставить эту связь сновидений? Отключите машину... И вот здесь уже ничего нет кроме двери... музыкально-автоматные бюллетени Отдела перезаписи поющие в газетах и журналах земли:

«Гибнет слово... Гибнет фото... Перебежчики из Банды Сверхновой... Пора... Пора... Пора...»

Электрические бури насилия охватывают трансляцию все еще ведущуюся «Гибнет слово... Гибнет фото»...

«Гонги насилия демонстрируют альтернативные ответы на каждый вопрос... Художники одолели весь комплект ответов автоматизированного джанкового состояния... это я распространил и на другую плоть... Отдавались контрприказы... Диктую отряду полиции операцию по подавлению бунта... Карлики Смерти на орбите Сатурновой галактики... Интервьюеры смещаются в ускоренном кинофильме... А поскольку я мог атаковать позицию через инструмент у меня были ответы на тысячу лет... Не приходилось присутствовать отвечая на вопросы отсутствующих жильцов... Доктор перезаписи на сцене... разбивает окно в образе без слов... Мне оставалось лишь нажимать замедленные вспышки и кинохроника отключалась... Прекрасно,

Доктор, прекратите задавать вопросы... Симптомов достаточно отвечайте не присутствуя лично... Отключите всю машину от июля 1962 года – Настоящего Времени... Бюллетени денежных мешков ретроактивно подкармливают скандинавского сортирного паразита... Песня продвигается по городу вместе с картинами советов нащупывая путь... А эта трансляция все еще велась... Человеческое тело – образ на звуковом экране... Вы приготовили вопросы и вывели ответы на лицо... Всего хорошего старое интервью... Мак Нож, я могу работать на кого угодно... Музыкальный автомат или радио наговаривают новые сны на старые... Негромко стонут мои милые бюллетени и все время ввожу их назад дабы поместить все что вы собой представляете на подсознательный уровень... Альтернативные ответы на все вопросы могут играть в эту игру не хуже вас... Весь комплект ответов на автоматизированные надежды присутствовать... я мог контролировать это на моих голубых небесах... Кто-то украл мою девчонку... Все было автоматизировано... Казалось шепчет Луиза, Мэри, все проделки которыми ты занималась... Стоит ли старому знакомому убираться домой? Зачем вообще кому-то присутствовать от Флориды до самого Северного полюса?.. Вперед... Вперед... Вперед... они пробубнили и удалились в музыкальные окрестности... Запиши оба конца... Избей свою мамашу до состояния испанского бородатого мха... автоматизированное будущее на ближайшую тысячу лет... записи войны в то время но Старый Билл вернулся техником-сержантом,.. Свидетели издали наблюдали как образная дорожка проносится по небу и рушится вместе с ассоциациями... укоренил это искусство во времена династии Тан... Вот мы и листаем управленческие книги на подсознательном уровне... резвимся с сексуальной неудовлетворенностью... «Короче я выдаю кожу... Надень ее»... легко десять альтернативных ответов на все ассоциативные преграды... Мне оставалось лишь разбить окно в полоумных членах правления... Посыльный закрывает их экраны… вся операция от коллаборационистов и лжецов... Мало что останется... я диктовал необходимые приказы в эфир... вместе с людскими ночами... Голоса поступили по официальным каналам... всего лишь всеми людьми повсюду на мертвой азотистой плоти делаются вещи... Я обнаружил что могу предугадать счет унижений»...

«Заканчивайте... Счетчик»....

«Поэтому я записал диалог и мальчишку из последней бестолковой влиятельной группировки с соответствующим музыкальным сопровождением... Машина контроля отключена – поздравления Павлову... управленческие книги написаны символами вроде так называемого “подлинного чувства”... Американец из последнего интервью исполнил ловкое освобождение от метода... Так зачем же задавать вопросы и зачем ответы $?.. Почему бы не оставить вашу запись унижений и скандинавские сортирные связи?.. Можете искать где угодно... без влиятельных группировок опирающихся на прямую кишку... адреса нет... Толковые мозги, смягчили закон... Звуковая дорожка вызывает в воображении образную полицию... Отключите звуковую дорожку... Их мальчишка вступил в двадцатые словом и музыкой... Распространите замедленные вспышки и увидите образ яркий и отчетливый... Короче я нажимаю кнопку – блокирует инструкции правления в газетах Земли... Коллаборационисты сотрудничающие со словом и с плотью, предатели всех душ повсюду, я вставляю бюллетени Отдела перезаписи с тяжелой пунктуацией...

Правление опирается на замирающие вдали голоса... Отключите всю машину... Сотрите правление... Уже близко можно услышать... Мистер Брэдли мистер Мартин пять раз ввел ядовитое облако паразитов... Это наши актеры[175] желают вам мирной тупости в этом памятнике усталости»... Сам Хозяин стоял у края стола управленческого кабинета со шляпной коробкой под мышкой. Резким движением он открыл коробку. На стол управленческого кабинета грохнулась бронзовая голова молодой девушки грубо отпиленная слесарной ножовкой. Хозяин поднял ножовку в зубах у него застряли бронзовые опилки.

– Эта старческая рука взяла и отпилила голову их мерзкой русалке... “Дж. Эриксон и сестры” единственные из живущих конкурентов “Трака”... Если кому-то не нравится сделанное мной могу воспользоваться ножовкой вторично.

Он принялся расхаживать позади членов правления как возбужденный кот. Остановился он за спиной Скамперелли Короля Пульпы который усовершенствовал процесс приготовления макаронного теста из опилок. Зажав рукой рот Скамперелли он запрокинул его голову и поднес ножовку к пульсирующей сонной артерии.

– Скамперелли тебе нравится то что я сделал?

– Буль... буль... буль...

– Полагаю на языке пульпы это значит “да”.

Он походил взад-вперед и остановился за спиной Нефтяного Короля.

– Тотальная Нефть, нравится тебе то что я сделал?

Даттон Сухая Дыра искоса взглянул на ножовку. С присутствием духа выработанным еще во времена бурения первых скважин он промурлыкал:

– Лишь ты заставляешь вертеться весь мир.

Мотивчик разом подхватили остальные члены правления. Это старая армейская игра чувак. Главное лизнуть задницу первым.

«Предметная Полиция все Доклады Правления уже просрочены... Я предсказывал что все вы духи смотрящие телевизор... Терминальные электрические голоса кончаются... Это наши актеры вставляют... Через несколько секунд вы таете в воздухе... Сотрите обещанное нашим бессмертным поэтом... Мистер Брэдли мистер Мартин, пять раз наш вызов... приюта нет в рассказе»...

«Избей свою мамашу до состояния испанской трансляции все еще ведущейся... Пора... Пора... Вот мы и листаем управленческие книги... я могу работать на кого угодно... резвиться с кинохроникой... Короче я выдаю Отдел перезаписи... Картины разбивают отсутствующие тела... Музыкальный автомат закрывает их экраны... Секс-фантомные записи ассоциативных предвечерий передавались в эфир вместе с людским образом... плоть делается замедленно... Заканчивайте... Счетчик последний посыльный от бестолковой влиятельной группировки... Прекрасно доктор, машина

отключена... Симптомов достаточно – записаны символами когда машина отключила 26 июля 1962 года, Настоящее Время... Пора... Пора... вспыхивает в глобальном масштабе: «Скандинавский сортирный паразит, убирайся домой»... И адреса нет банды Сверхновой... Человеческое тело – звуковая дорожка Мэри Гамбургер»...

«Всего лишь техник-сержант... Так вот все время я могу работать на кого угодно и расчистить этот отдел»...

«Бюллетени пытаются завлечь планету... никуда не годный путь, мистер Брэдли... Так зачем же пересекаться на пустой душе и пустых речах?.. Почему бы не оставить все чем вы являетесь?.. Мальчишка отключил звук... Ну а окончательные ответы на мои вопросы громкие и отчетливые на вашем билете... Некому обменять новые сны на старые... Слушайте тишину... Кто-то расположен к перезаписи... старый сон, Панама... год назад растаял»...

«Старина, значит всего хорошего тогда»...

«Тротуары нового одиночества занимают место записей... Пение появилось раньше тела с ответом на лице... Рубцующиеся на ветру и под дождем играют в эту игру не хуже вас... весь фильм в дым... здесь уже ничего нет... Безмятежное его лицо диктует сновидение в дверях... Это наши актеры желают вам долгой доброй ночи от Флориды до самого Северного полюса... Так зачем же задавать вопросы об одном отсутствующем сегодня?.. Почему бы не оставить ваши двусмысленные половые связи?.. Почему бы не отключить отсутствующих жильцов?.. Тишина прощается с белой планетой... Можете искать где угодно... в неторопливых отложениях, адреса нет... Звуковая дорожка вызывает в воображении горящие металлические глаза и длинные когти... Отключите звуковую дорожку передаваемую навигаторами... Контролеры слова и музыки монополизировали и заморозили Землю... держали силы Джуна в кинопрограммах... Джанк – бесцветный незапах смерти в качестве пунктуации... Здесь уже ничего нет кроме рубцующейся плоти сновидений выкладывающей историю о холодном adios… Тишина, мистер Брэдли мистер Мартин... Приюта нет в ватной плоти лежащей вон там... Ваш билет уже просрочен... Это наши перебежчики из банды Сверхновой дудят ваш вызов... Вся звуковая дорожка пробуждает образ в сновиденье и рассвет... тускнеет резвость Мэдисон-авеню...

«Интервью чужой плоти и вскоре вывел дом в собаке... десять альтернативных ответов на каждые мертвые азотистые рамки... Мистер Мартин – это история о любой внешности любом сценарии о чем угодно»...

«Я обнаружил что могу предугадать свидание... Поэтому я записал диалог и ваш билет уже просрочен... Соответствующее музыкальное сопровождение на дальнем краю вечера... Тогда мы споем одну песенку вместе с вашей записью и обойдемся без планов на понедельник... Вы все еще смотрите телепередачу с фаллических изваяний... второразрядное эрогенное место... ангельские голоса зовут старую образную дорожку... Смотрите божественный свой телевизор... Вставьте ваши собственные звукодорожечные лица... Бюллетени высвобождают силы Джуна... Я выпускал их ветром дождем и птичьим пением... Сотрите слово... Некому уже

понятно вам?.. записи секса и боли... оргазменный кокон одного отсутствующего сегодня... Затемнение застает врасплох корабль здесь расползшийся по швам… белые листы сочащиеся Сверхновой»...

«Всего лишь технический вопрос задержал наш билет... Помню я был дверью для выпуска Бюллетеней перезаписи… У вас есть информация о сексе и боли... Все это делается с помощью магнитофонов... Помните зеленые цветы нависающие над болотной тиной способными выпрямляться формулами нащупывали путь в рот и пенис?.. Ватную плоть лежавшую вон там во льду?.. Почему бы не оставить зеленые цветы нависать над половой связью?.. Усики способной выпрямляться ленты?.. Почему бы не отключить огонь нащупывающий путь в рот и пенис?.. Я отключил звуковую дорожку тени в последних словах... Ну а плоть сновидений адреса не оставила ведь я вижу образы яркие и отчетливые... Короче я нажимаю кнопку в последней обезьяне истории... Несколько секунд пустой холодный ты растворял ватную плоть лежавшую вон там... Прерванный сон рядом с тобой а сновидец держит путь к терминальной пунктуации... Что могу я дать тебе мой друг?.. Отключите всю машину... Сотрите жизнь которую я вел... Здесь уже нет ничего кроме тени от смертельной травмы... История о холодном adios... Приюта нет в собаках... Зову к панамским переменам... плоть пуста в пассатах... отлив углекислого газа в качестве пунктуации... Серебристые хлопья закрыли ваш счет... Здесь уже нет ничего кроме пыли сыплющейся с размагниченных моделей... Ушедшие оставили мистера Брэдли мистера Мартина... Пять раз доброй ночи под волнами тишины... Теневые актеры идут сквозь сновиденье... Некому слушать... Кто-то идущий из Отдела перезаписи к микрофонам несет с собой старый сон и звуки летнего рассвета... Кнопка панамской ночи ретроактивно возвращает эти звуки вместе с пóтом что он смахнул с лица... Телепередача растаяла перед рассветом... Через несколько секунд ты раскололся на пустой плоти... Дыхание пассатов говорит... Я совмещал и складывал бюллетени вечера»...

«Старина, значит всего хорошего тогда»...

«Дождь и птичье пение... Сновидец с грязной плотью появился раньше разговорной речи... Взорвать слово?.. Некому... Одиночество одолевает вашу запись застрявшую в дверях... Пение во сне появилось раньше тела не отбрасывающего тени не оставляющего следов... лицо зарубцевавшееся и рубцующееся на ветру и под дождем... Ну что ж, слово рождает образ... Серебристая пленка увела его на дымную тропу... Отключите всю машину... Сотрете следы шрамов... здесь уже нет ничего в свете керосиновой лампы... расстегнутая рубаха, безмятежное его лицо... Улица принесла дождь, мистер Брэдли мистер Мартин... пять раз ваш сон в дверях... приюта нет в собачьей смертельной травме... из тошнотворной лжи нет передачи... здесь уже нет ничего кроме холодного запаха ничейного прощанья... пустого презерватива застрявшего в дверях»...

«Старина, значит всего хорошего»...

дымная песня нанизанная на следы шрамов... тени мочи в трущобах...

ПУСТЬ ОНИ НАС УВИДЯТ

Теперь несколько слов об образной дорожке... Человеческое тело – образ на звуковом экране... Распространите замедленные вспышки и вы увидите образ громкий и отчетливый... Плоть делается в замедленном движении... Жульничество со Временем – это подсознательное замедление... Например: нормальный кинофильм идет со скоростью 24 кадра в секунду... если изображение на экране более или менее неподвижно скорость 35 кадров в секунду не воспринимается как замедленное движение... Но изображение находится на экране дольше чем вы должны его видеть... То есть в отношении времени вас надувают на 11 кадров в секунду... Поместите на экран красивый обнаженный образ при подсознательном замедлении и он будет вмонтирован в вашу плоть… То есть как только включится звуковая дорожка образ в буквальном смысле оживет в вашей плоти... Слово вместе с интенсивно замедленной образной дорожкой и е с т ь плоть... Понятно это вам?.. Поставьте любой образ на скорость 35 кадров в секунду со звуковой дорожкой воспроизведите звуковую дорожку и вы увидите образ яркий и отчетливый... Теперь запустите ваш образ со скоростью 24 кадра в секунду и воспроизведите звуковую дорожку... Не столь яркий и отчетливый. Теперь запустите образную дорожку с ускорением и воспроизведите звуковую дорожку... Вы заметите что образ возвращается на экран постепенно тускнея.

Фильмы о венерических болезнях демонстрирующиеся в армии США были сняты со скоростью 35 кадров в секунду... со скоростью 35 кадров в секунду язвы и распухшие гениталии а звуковая дорожка – типовой армейский благозвучный голос... наколки шанкров на миллионах юных тел сделанные несмываемыми чернилами украденного времени... следы шрамов регенерируемых любым армейским благозвучным голосом... Вот таково Жульничество со Временем таков Трюк с Плотью... подсознательный замедленный образ... Воспроизведите звуковую дорожку и образ восстанет из магнитофона... Замедленная звуковая дорожка и есть плоть... Используйте с этой целью шумовое сопровождение в виде капающей воды... С соответствующим музыкальным сопровождением вы увидите образ яркий и отчетливый... поздравления Павлову... Жульничество со Временем называется “подлинным чувством”... чувство правильное... подсознательная замедленная плоть из магнитофона... Слово вместе с интенсивной дорожкой и есть плоть... воспроизведение сексуальной записи вместе с человеческим образом... передача с фаллических изваяний зовущих старую образную дорожку на миллионы юных тая со звукодорожечными лицами... Утверждаю со всей определенностью что фильмы о болезнях демонстрирующиеся в армии США со скоростью 35 кадров в секунду подвергаются сомнению... Сексуальные фантомы препятствуют изучению плоти... секс-фильм со скоростью 35 кадров и обыватели переориентированы... перенесите любой сценарий что угодно на звуковой экран, доктор Райх... Восстановите наслоение образов ярких и отчетливых... И воспроизведение – вот вам и формулы которые могли быть открыты сегодня... Предполагаемая привилегия правлений намеренных завладеть образом прикрываясь всевозможными грязными делишками что обстряпываются тайно... легко развратили вашу плоть этими ассоциативными преградами в многократном образе... 35 кадров в секунду не воспринимаются как замедленная оргазменная смерть... Совместные эрекции вмонтированы в рассветный

сон... Расстегнутая рубаха развеваясь ожила в вашей плоти... Эти 35 кадров и есть местная линия понятно вам?.. Взгляните вперед и увидите образ людских ночей... Правление уже близко... экранная подсознательная смерть... опирающаяся на замирающие вдали голоса...

«Вот мы и листаем управленческие книги... пусть они нас увидят... я умираю на газетах ускоренной и воспроизведенной звуковой дорожки... Губы чужака приносят тело Али... замирает мое имя в дуновениях вечернего ветерка»... «Закрытые кадры... это лишь тишина с водой... Миллионы юных тел с голосами ничем вам не помогут... замедленная звуковая дорожка это прямые кишки обнаженные в капающей воде на мертвой азотистой плоти... Теперь несколько слов об образной дорожке... Временной звуковой экран... исполнители женских ролей громкие и отчетливые... Вот мы и разворачиваем ровный поток кадров которые между тем я позабыл... Изображение находится на экране дольше чем скандинавская сортирная кожа... Ваша плоть с образной дорожкой приносит мой летний рассветный ветер в многократных образных цепочках... Интенсивно замедленная прямая кишка воспроизводит звукодорожечного мальчишку из бормочущих магнитофонов... Бескостная мумия ездит на новой плоти со звуковой дорожкой... Из изящного экранного пениса хлынула струя толстой кожи... Печальный конец пути... Пустая плоть K-Y[8] и ректальной слизи не воспринимается как замедленный выход из людского обличья... Лица втянуты в другой прибор а вот и вы... Так упаковывай свои горностаи, Мэри... Человеческое тело – памятные картины гостиницы для временных постояльцев... Поместите красивый обнаженный образ под замедленное движение и он будет вмонтирован в бескостную мумию спрессованную плоско как костюм... То есть как только звуковая дорожка из которой сделана мумия оживет в вашей плоти... Жульничество со Временем – это тело отформованное в двух половинах... 35 кадров не воспринимаются когда зеленый мальчик смягчает среднюю лилию более или менее неподвижную... Но звуковая дорожка глубокой заморозки находится внутри... Вот и вы голый в запахах тающего мяса... Замедленная звуковая дорожка – это одежда... Голоса из других раздеваний повторяли образ эротогенного слова с интенсивно замедленным телом... Хотите? Поместите любой образ над прямой кишкой расколотого льда и воспроизведите звуковую дорожку... Вот возбуждение людских ночей... Цель данных упражнений ясна... Фильмы о венерических болезнях демонстрируют неудовлетворенность лишь бы заполучить эрзац-вызов... Снятые со скоростью 35 кадров увядающие половые члены исчезают на мертвой азотистой плоти, язвы и распухшие гениталии... экранные наколки в ответ на магнитные чернила украденного времени... Магнитофонное слово – это замедленные брюки использующие с этой целью весь сексуальный аппарат... Скандинавская сортирная кожа не воспринимается как замедленная вторгшаяся сила... Образ восстанет из оргазма уходящего... шумовое сопровождение в виде капающей воды... управленческие книги написаны символами более или менее неподвижными например... $... Американская крупная буржуазия... Вот и вы... То есть подвергались сексуальной неудовлетворенности и унижениям со скоростью 35 кадров в секунду... Поместите красивого уличного мальчишку воспитывающегося в замедленном движении и он будет вмонтирован в “легко развращаемых” и так далее... То есть как только включится звуковая дорожка эти ассоциативные преграды оживут в вашей плоти... Управленческие книги и есть плоть понятно вам?.. Бестолковая влиятельная

группировка опирающаяся на 35 кадров в секунду со звуковой дорожкой и толковые мозги которыми она обладает видит образ яркий и отчетливый... Ускорьте и воспроизведите звуковую дорожку... Машина контроля отключена… в очереди за похлебкой без гроша и без “одежды”... коллаборационисты... лжецы... предатели... вновь в глубь времен такие как вы... трусы которые не могут без страха смотреть в лицо вашим “людским и животным” счетам... Затемнение одолевает образ в подсознательных замедленных листах сочащихся из магнитофона... Телепередача растворила плотский инструмент навязанный силой... Подсознательные технические приемы замедления до скорости 35 кадров в секунду уже просрочены... Образовавшиеся в результате духи растаяли в воздухе... Образ выпал сквозь стеклянный экран и распространил Пана Бога Паники извлекающего из флейты голубые блюзовые ноты громкие и отчетливые... Вновь в глубь времен такие как вы, мистер Брэдли мистер Мартин... Я редактирую вычеркиваю и переделываю плоть и нулевое время для тошнотворной лжи... Я добавляю дверь... Не смог образовать Сверхновой... Это наши актеры[175] предлагают описания катастрофы и демонстрируют метод в действии»...

Согласно этой истории мистер Брэдли мистер Мартин... серо безмятежное его лицо, сновидение отключено... Я скрещиваю далекие пальцы... дитя Сверхновой, истории конец... Я сказал ему что ты вышел... Можешь искать где угодно... Твое затхлое пальто не отправит за решетку этих ублюдков из правления... буравят каждого насквозь... выдают Джона Известняка, Мэри Гамбургер, Джеки Голубую Ноту... на дорожках я сказал... окончательный арест... преступное дитя, всего хорошего... не смог достать меня застрявшего в дверях... лишь серебряная пленка на ваших пошлых фильмах... последний круг замкнулся и я исчезаю...

ТИШИНА ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ВСЕГО ХОРОШЕГО

Это наши актеры[175] желают вам долгого последнего прощанья... Джонни Тяга играет на флейте в ливне разрушенных предместий...

«Старина значит зарубцевавшиеся и рубцующиеся шрамы согласно этой истории... Прощание уличного мальчишки»...

Древние кольца Сатурна в утреннем небе... Старый Доктор поднимает свои синие руки... тишина при этом старом докторе два раза... привет да прощай... симптомов достаточно в опустевшей комнате, Миранда... Сексуальный Сад застрял в дверях Паники... Иззи Толчок, Джон Известняк, Мэри Гамбургер, Джеки Голубая Нота, тишина для тошнотворной лжи... «Лохи?.. Какие Лохи?»... Индивидуальность увядает в пустоте... последнее вмешательство, Подсознательный Малый... помог мне пальцами увядшими...

(Симптомы достаточно показали тебе твой воздух... Значит всего хорошего тогда, Уилли Крыса... Помню я был фильмами для демонстрации доброй ночи... Познал конец пути близ кинотеатра двадцатых... Приведите Доктора на сцену... Объявите цель... Конечный никудышный пункт»...

На его лице показались следы последних прощаний: «Значит зарубцевавшиеся и рубцующиеся шрамы, Кики»... какая-то чистая рубаха и вышел: «Не годится no bueno[73]... adios, ми-истер»... Кукла и Бяка без умолку болтают в опустевшей комнате «Зеленый Тони и Уилли Крыса на последнем блюдце, хозяин»...

«Посыльные»...

«Я не воспринимаю никаких водевильных голосов... Приведите Доктора... я на всех настучу»...

«Вечером еще несколько вызовов»...

«Мы выполняем нашу работу и уходим... Билет который лопнул оставил окончательный арест»...

«Возможно, инспектор Ли»...

«Вечером еще несколько вызовов оставили пальцы увядших мистера и миссис D.... взорвали Сэмми Мясника... Симптомов достаточно только вперед, инспектор Ли, мы снимаем наш последний фильм... изменения в утреннем небе… Значит уличный мальчишка взорвал слово... Последний круг из Сент-Луиса растворил плотскую индивидуальность… Джон приготовил кофе и омлет. Кухня была отделена от спальни перегородкой... скрепленная проволокой стеклянная дверь вела на наружную лестницу над пустырем. Джон стоял с чашкой кофе свет позднего утреннего солнца у него в глазах».

«Почему я не работаю на компанию твоего дядюшки? Работаешь на компанию и что она дает тебе?.. членство загородного клуба... дом с садом... жена... сердечный приступ в пятьдесят пять лет... благодарю покорно... Подойди сюда»...

Нежными аккуратными пальцами он усадил Билла на табурет перед коробкой обитой изнутри металлом. Коробка была соединена проводом с рядом других коробок одна меньше другой. В последней коробке находился кристаллический цилиндр вращавшийся на медном стержне. Коснувшись цилиндра Джон отрегулировал иглу.

«Теперь говори... что-нибудь из твоего романа»... «Ну ладно кое-что оттуда у меня с собой... первая глава... Я хотел чтобы ты взглянул»...

«Я послушаю а это не одно и то же... Слова на странице движутся со скоростью света... 186 000 миль в секунду... Произносимые тобой слова движутся со скоростью 1400 футов в секунду... понадобилась бы куча времени чтобы догнать и истолковать страницу... Ну ладно... начинай... И постарайся не хрустеть бумагой».

Билл начал читать: «Солнечный свет сквозь пыльное окно подвальной мастерской... Лицо Джона серое и тонкое как дымка мягкое голубое сияние в его глазах когда он нагнулся над детекторным приемником коснувшись ручек и проводов нежными аккуратными пальцами... «Я пытаюсь наладить его чтобы через десять лет мы смогли слушать вместе... Вот прижми этот наушник к уху»... поступки превращают в легендарную фигуру... «Слышишь что-нибудь? Да быть может наружу сквозь пыльное окно был бы первый шаг, Дымок»... пустые задние дворы и зольники квакают лягушки «Джон»... металлическое покалывание которое распространилось до самого паха... далекий солнечный свет... наружная деревянная лестница... отвертка... «Нет. Убери руку. Я уже десять раз тебе говорил».

«Хватит... одна минута... Теперь почитаю я».

Он взял журнал: «Случилось так как будто небо на миг потемнело как будто в порыве ветра внезапно послышался приглушенный шум голосов звук далеких труб вздох подобный шуршанию громадного шелковистого одеяния какое-то время вся карусель природы отдавала дань этой тьме затихла птичья песня замерли деревья а далеко за горой раздавались глухие раскаты зловещего грома. На этом все кончилось. Ветер пропал в высоких травах долины рассвет и день вновь обрели свое место во времени а взошедшее солнце пускало жаркие волны желтой дымки которая озаряла ему предстоящий путь. Листья кружа поднимались ввысь смеясь в солнечном свете и этот смех трелью звучал до тех пор пока каждый сук не стал похож на школу в волшебной стране. Бог отказался принять подношение». работаешь на компанию и что она в порыве ветреной комнаты Билл дышал дает тебе? звук далеких труб вздох как будто в мягкой электрической тишине и членство загородного клуба шуршания. громадный каждый вздох пускал кровавый дом с садовым шелковистым одеянием какое-то время пульсировавшим в его промежности... Он повернулся к Джону... жена вся карусель природы... «Боже»... Джон приложил палец к губам... сердечный приступ в пятьдесят пять лет отдавал дань этой тьме... Он нагнулся и сбросил «Благодарю покорно»... затихла птичья песня; замерли деревья ботинки и носки. Двое мальчишек... подойди сюда. Я хочу записать твой голос стояли нагишом глядя друг

на друга голос твоего хозяина а далеко за горой обняв друг друга говорит сквозь тебя раздавались глухие раскаты их тел омытых синевой нежными сумеречными пальцами он усадил Билла перед коробкой ветра... четвереньки на диване металлические травы долины. Рассвет и «Аллах... Боже такое чувство что коробка была соединена проводом с серией вновь обретшим свое место громадным Джонни». «Заткнись Билли»... коробки одна меньше другой и во времени а его плоть дрожала и подергивалась в бухте провода в кристаллическом взошедшем солнце жаркие волнообразные спазмы сжимали цилиндр желтой дымки... озаряли путь теснее теплые синие струи «Теперь говори что-нибудь из ему предстоящего. Листья кружа поднимались ввысь к роману «Ну ладно кое-что оттуда у меня с собой»… смеясь в солнечном свете... «Смотри Билли млечная первая глава»... этот смех трелью звучали унылые паровозные гудки... видишь деревья... школу... в далеком небе дикие гуси... послушай это в волшебной стране... Бог отказался принять подношение...»

«Теперь я хочу разрезать цилиндр на части и вновь соединить эти части чередуя твой голос с моим... займет около часа... можешь пока почитать вот это»...

Он протянул Биллу экземпляр "*Saturday Evening Post*"... на обложке мальчишка у чердачного окна машущий рукой вслед далекому поезду. Билл долистал до «Бриллианта величиной с гостиницу "Ритц" Ф. Скотта Фитцджеральда и начал читать. Он дочитал рассказ до конца.

«Ну вот и всё... голос его хозяина... слушай...»

В звучании с трудом можно было различить людские голоса... каденция вибрации... Билл ощутил такой натиск головокружения как будто диван вращаясь устремился в космос... Темнеющую комнату заливал синий свет. Билл дышал мягкой электрической тишиной которая заставляла кровь пульсировать в промежности... двое мальчишек нагие тела омытые синим сумраком дрожали и подергивались в спазмах... Он кружа поднимался ввысь к потолку...

«Смотри Билли Млечный путь».

унылые паровозные гудки в далеком небе... дикие гуси... там мальчишка ждущий поезда... ваша "*Saturday Evening Post*" давным-давно... два юных тела сцепились как собаки оскалив зубы... две мертвые звезды... Они ушли давным-давно в пустые задние дворы и зольники... шуршанье тьмы и проводов... Они ушли давным-давно и так и не вернулись...

Стоя в темной комнате мальчишка произнес: «Я проделал долгий путь».

Это было долгое время в такой боли старый адрес я даю тебе... ушли давным-давно... Детекторный приемник далекий отказался от подношения... пустой задний двор... долгая-предолгая радиотишина на Портленде... футбольные результаты... стрелки часов на стене бара... Унылые мальчишеские крики доносятся с улицы Бродячих Игроков до Калле де лос Дезампарадос... Образ как бы ни был хорош должен умереть вовремя блокада взорвана. Последняя людская кровь что я сотворил мертва в трактире "Лебедь". Журнал должен рассказывать вам о перемычке которую

вот-вот снесет... керосиновый свет на улицах Танжера... его улыбка сквозь сигаретный дым... умер в трактире “Лебедь” унеся с собой свои забавные рассказы. «Он пытался развлекать семью, ми-истер».

«Посмотри в зеркало. Ты видишь мертвого солдата. Последний людской образ... Мистер Брэдли мистер Боливар мертв... Большая Картина под названием “Хитрюга”... Клинкер мертв... Майор Эш мертв. Когда твой образ умирает ты становишься вирусом и должен выполнять вирусные приказы. Теперь понятно, придурок деревенский? Значит отсутствие плоти и е с т ь печи. Из Ада мы выбираемся лишь через образ наш в живущих. Помнишь печи? Там не просто жарко. Помнишь отсутствие “эмоционального кислорода” отсутствие того чем ты дышишь отсутствие всего что вообще вызывает у тебя желание жить или дышать? Ну да как ты говоришь любой образ повторяясь утрачивает заряд а эта утрата и есть то что составляет этот Ад и удерживает нас з д е с ь. Место где мы находимся и е с т ь Ад. Видишь как мы попались? Заложники “з д е с ь”... Жизнь при отсутствии плоти есть повторенье слово в слово. Из Ада мы выбрались лишь через повторенье. Вот почему все мы выполняем вирусные приказы и бесконечно воспроизводим вирусный образ т а м в живущих. Видишь как мы попали в цикл повторений? Л ю б о й образ повторяясь в твоих глазах, Брэдли, составляет этот Ад и этого врага: бесконечное отсутствие того чем ты дышишь и есть тот самый образ который повторяет что ты желаешь жить и дышать во всех областях».

И как все вирусы прошлое заранее записывает ваше “будущее”. Вспомните что картина гепатита предварительно записана за две недели до первого эпизода когда в зеркале проявляются вирусные негативы и вы замечаете что ваши глаза слегка желтее чем обычно... Короче образное прошлое формирует ваше будущее навязывая повторяемость пока прошлое накапливается а все поступки записаны заранее и предопределены и не осталось жизни в настоящем высосанном ходячим трупом что-то бормочущим в безлюдных внутренних дворах под кинонебесами Марракеша.

Вам видно в зеркало что жизнь пришла в упадок? Моя прискорбная уродливость правдивый ответ бормочет. «Я был мертв. Я взял твою индивидуальность. Остается лишь уродство. Ведь уродство есть повторяемость для продолжения сомнительных занятий. Я хотел сказать «Все было не так... Я не имел в виду... была другая сторона» без языка без глотки запертый в вирусном образе который был способен только поражать и наносить урон дабы завладевать. Теперь я научился говорить и вот что я скажу: «Не соглашайся на чужую образную индивидуальность ни на каких условиях ни под каким видом иначе станешь таким же каков нынче я. А по поводу того чего стоит жизнь когда честь потеряна к примеру могу высказать собственное мнение. Мне об этом все известно. Она не стоит ничего ничего ничего. Предложение чужой образной индивидуальности всегда делается на вирусных условиях. Не годится no bueno хоть сразу хоть частями. Единственное что я могу дать тебе это мой пистолет. Я им воспользоваться не могу. Ты можешь. Вот мой пистолет Брэдли. Войди и схвати их»... Последние слова мистера Брэдли мистера... 19 июня 1963 года Марракеш.

Вызвал железные слезы на щеке Плутона... стена воды сами понимаете... прилив на пять морских саженей в глубину... и все-таки слова невнятно произносятся и кружат точно сухие листья в зимнем туалете... «J’ajme ces types vicieux qu’ici montre la bite»[117].

Вдали приглушенные взрывы точно динамит в желе. Туземцы глушат рыбу. Вчера на испытательном полигоне близ Сиэтла было произведено четыре подводных атомных взрыва. Доктор Унрух из Управления по распространению атомного оружия охарактеризовал; мощность взрывов как незначительную и подчеркнул необходимость оборонной политики одновременно изворотливой и твердой решительной и гибкой с тем чтобы, по его словам, свободный мир легко мог разразиться где угодно. Мы обладаем притягательной силой. Нам не хватает лишь крючка чтобы ее повесить или скажем одной фотовспышки в тончайшей медной проволочке. «Большая Картина вызывает фотовспышку... позовите к аппарату майора Эша».

«Губы что были некогда моими слыхали новость о войне и смерти? Клинкер мертв... Майор Эш мертв... Чиггер мертв». Хлестали белые дожди. Туманные решения оставляют кое-что меж нами на белых каменных ступенях... обломки погибают утрачивая боль. Взглянул на меня его голос приглушен как будто его лицо я видел сквозь слова расстраивающие затуманивающие изображение... мозг и кровь и кости в замороженном сейфе далекого банка… Печень самообмана в кататоническом известняке выделяет любовное письмо, сэр, из мраморной плоти неторопливыми. витками.

«Я дрючить ми-истера?»

Пылающее небо правдивый ответ... устав союза... закрытый магазин... фашистские скоты.

«Ага, – сказал он, – огромные кровавые знамена сопротивления сочатся краснотой в солому». Так вот Фред Вспышка он экспонирует неправильно и по-моему он ничего уже не снимает, многократное повторение бормочет в пустом еженедельнике. обменяйте нечто необычное на тех с глубоким и блестящим образом.

«Что? Пылающие небеса, идиот».

Его прозвали Чиггер. Бежал как видите за мной по вымощенной камнем улице. Короче развернулся сверкнули оба пистолета нанося страшные удары семьдесят тонн на квадратный дюйм сами понимаете и я увидел как текут мозги. Он рухнул на ступени и вот уже смотрел на меня молча а рыжие волосы и смазанные веснушки и красная плоть всего мира хлынули внезапно сквозь него затуманивая лицо будто его лицо я видел умирающими глазами которые не в силах сосредоточить взгляд на вихрях и неясных пятнах... умирал там на белых ступенях мозга кровь и кости прострелены моими лазерными пистолетами. Моими пистолетами? Но кто я такой? Правдивый ответ затуманился в умирающих глазах и я сказал водителю: «Отвезите меня в гостиницу среднего разряда... приличную... недорогую». (Дождь маршировал в долине серебристыми колоннами) Потом дождь нанес удар а я бежал к шлагбауму по вымощенной камнем улице пистолет у меня в кармане до сих пор. А вы? Вы будете? Я здесь не знаю ничего бегу бегу пистолет у меня в кармане у меня в руке у меня в глазах... ударно-световой пистолет. «Ну да ага, – сказал он, – огромные библиотеки и бюрократические учреждения сплошная путаница тысячу лет на составление одной петиции сами понимаете и пять тысяч лет чтобы протащить ее сквозь фильтры и

янтарные формы... Могло такое быть?» Слова падают точно мертвые птицы там на полуденных улицах... печальный последний раз с неким мертвым существом... пистолет стекает с моих пальцев образуя густой синий туман вокруг ног.

«Мы с вами постепенно исчезаем, – сказал он а слова меж нами погибали утрачивали цвет на белых каменных ступенях дабы сказать... – По-моему в данных обстоятельствах... приводит к некоторой нехватке а раз так мы протестуем... жизнь во всем ее бесконечном многообразии повторяемости чтобы продлить очень старый сортир... удобрение сами понимаете... поскольку любому умозаключению на какой-то стадии предшествует одна из форм экскрементальной обработки... то есть любое вмешательство сами понимаете на этом уровне... Вы не разрежете любовное письмо, сэр, от прелестной дамы?.. фашистские скоты которые подняли бы еще раз кровавое знамя сопротивления над нашими мирными печами и вирусными культурами толкают разумеется на некоторые неприятные но необходимые вещи истерического свойства неуместные как честность неизменные как время но несколько стесненные еженедельной доставкой корреспонденции в “Шелл Мара”... скрытые сомнения... рассудительный друг... косвенное свидетельство... его самые жестокие адвокаты... взрывы в Галифаксе... близнецы... братья сами понимаете... кое-что еще... косвенные сомнения... скрытый друг бормочущий... «закон чужих судов... мы люди старые... рассудительный свидетель... косвенные адвокаты»... Его самое жестокое свидетельство было отклонено как неуместное в данных обстоятельствах что обратной силой закона отменило сан-францисское землетрясение и взрыв в Галифаксе а сомнение освобожденное от кожного закона растяжимого и грабительского уничтожило все исторические факты... утрачены или проглочены или нечто в этом роде? Кто входит когда вы выходите? Знай я с радостью бы рассказал... Завтрак в Глазго доподлинно промелькнул на небе... приличные недорогие люди среднего достатка угрожают без языка без глотки. «Мы не знаем, – сказал он ввиду отсутствия обоснованных надежд. – Фильтры сами понимаете забиты... нет больше... no mas… delito mayor[176]... Опасно играть после работы... Я видел как это шевелится вот что я скажу... с нашими потерями не считались и мы не писали книг после войны... нехватка бумаги сами понимаете... Когда масса народу не в состоянии найти того что обеспечило бы жизнь свободу или выполнение любого терпимого условия возникает можно сказать хроническая острая нехватка и человек задумчиво созерцает всепоглощающую воронку большого любителя бычьего боя или собачьего бреда который орет: «Нечего на меня смотреть... Вам доподлинно известно что я хочу сказать». Ах да но как не тронет ваше сердце вид неудовлетворенных грифов кружащих в пустых небесах Лимы? Они слетелись дабы поесть но не осталось ничего даже мертвечины... Однако долг сами понимаете нашей славной революции а свободный мир не должен выдавать себя из-за простой нехватки бритвенных лезвий. «Внутри бритва сэр... Дерните за ручку...»

Я хочу сказать что это за спектакль когда все уже высосано напрочь? Вы намерены сидеть целую вечность и смотреть желтый фильм о гепатите и синий фильм о джанке? Нам известен каждый эпизод а они не меняются никогда. И будут меняться еще реже. Да будет свет в темных комнатах. Единственный выход – тотальное разоблачение.

«Большая Картина вызывает Непристойного... Входите пожалуйста... бензиновая трещина истории». Ворвался доктор Бенуэй с велосипедным насосом наполненным густой синей жидкостью исторгающей толчками синий свет и запах озона.

«А теперь, – сказал он, – мы должны подыскать достойный сосуд».

(Осторожно. Это может вызвать привыкание.)

«А может это не дозволено законом и считается наркотиком?»

«Еще как дозволено! Я получил добро от Святого Анслингера[104]».

И вот появляется Святой Анслингер из его глубоко запавших глаз сыплется порошково-синяя тяжелометаллическая доза посадил на иглу все живое попавшее в его поле зрения… Один мальчишка вышел вперед и протянул руку.

«Не стоит вызываться добровольно, чувак. Засвечивать негативы или попросту выкрашивать их в синий цвет? Толкать радиоактивный тяжелый металлический джанк? Пока не ввязывайся в игру. Видишь ли прошлое радиоактивно. Время радиоактивно. Вирус радиоактивен. Формула Сверхновой есть простое повторение на бесконечном пути фотовспышек старые фотографий падают на горящую палубу. Ты слышал объявление. Больше ничего не написано. В Лексингтоне уже собирают манатки». Высокий худощавый человек в холщовых гетрах и поношенных бриджах, с покрытым бурыми пятнами сигаретным мундштуком, обернулся у двери и улыбнулся точно крыса в лучах заходящего солнца. Он сверкнул крупными желтыми зубами и вышел исчезнув в желтом свете оставив застывшее в воздухе облако сигаретного дыма. А я возвращаю его родину затерянную средь наркоманов всего мира.

«А я возвращаю его родину затерянную средь наркоманов всего мира... пах покрытый пятнами росы назад ко всем остальным сквозь серебристую воронку годов. Вспоминайте меня как пожухлые засохшие листья в зимнем туалете ваш пистолет последний недостаток навсегда застрявший в этом частичном сегодня. А теперь вы видите что нет там никакой сигареты?»

Красота содержащаяся в форме делается затхлой и уродливой как Дерьмола куда стекает на хранение весь юный материал а привилегированной Тле которая оказывала неоценимые услуги Тресту Насекомых разрешено купаться в этом нектаре... цветочный аромат юных сухостоев и демонстрируемая первым экраном суходрочка: («Говорю же тебе, Мейзи, сука бестолковая, я получаю свое с п о л н а» он выгибает мальчишеское тело подымаясь из черной жидкости из члена струятся белила «Влезай сюда foule honteuse... А не то я просто затащу тебя сюда сильными татуированными руками моряка...О н у ж е пьет».И вытянув вверх загорелые руки гладкие как тиковое дерево с глубоко въевшейся татуировкой в виде голубого ястреба она затаскивает свою ухмыляющуюся сестру в молодежную ванну и вскоре обе уже извиваются как черви на горячей сковородке и в унисон кричат сильными взволнованными молодыми голосами: «Еще! Еще! Еще!») «Так выбирайтесь же из этих уродливых форм и помните что добро лучше зла ведь куда приятней если оно близко. Вот как все просто. А если кто-то думает иначе возьмите да и направьте этого летуна из

коктейль-бара на линию фронта чтобы он, запомнил лишь как неприятно если близко зло а ты отрезан на световые годы во вражеском тылу».

«День Платежа вызывает Хитрюгу... Скоро эвакуация прошу».

«Трудно громко и отчетливо никчемные придурки деревенские».

А когда мы молодые офицеры услышали как генерал обзывает нас «никчемными придурками деревенскими» мы принялись в психофантических судорогах кататься по полу штабного кабинета и в конце концов были вынуждены принять плазму в банях “Дерьмола” а генерал сидел себе прикованный к видеоэкрану и жевал свою сигару: «Вырезать маленький образ с пистолетами... маленькие деревенщины... Боже, Мейзи, я люблю их... Вообще-то уже пора завтракать».

И кое-кто из нас не мог не почувствовать что наш юношеский пыл, ежедневно возрождаемый в углеродных пузырьках, распродают офицеры недостойные своего звания. А чистый продукт мы всюду получали сами понимаете из революций и подпольных армий. Мы пережили свою эпоху Кастро а потом все безумные гомики из маскировочных подразделений расположились лагерем облачившись во вьетнамские бабские наряды смоделированные с целью максимального обнажения незаконно присвоенных органов. Ну и конечно надо было видеть как на каждом углу содомируют друг друга эмансипированные лесбиянки. То есть мы получали свое и к тому же стабильно. Короче начали мы собираться изящными возбужденными толпами зреющего заговора. Потом поступил приказ который толкнул нас на открытый бунт: «Бани “Дерьмола” закрыты впредь до особого распоряжения».

«Ну как вам это понравится?»

Мы расположились мрачными ворчливыми группами бесцеремонными жестами юношеского вызывающего поведения убирая локоны ниспадавшие нам на глаза. А генерал сошел со своего видеоэкрана в роскошном одеянии из неприкрытого бесстыдства.

«Мальчики, вы себе даже не представляете как низко я пал», – и спасся тем что его тут же вырвало. Своими признаниями он уже прикончил троих озлобленных полицейских инспекторов а сам все углубляется в воспоминания.

«Понятно мальчики что я имею в виду? Настало время забыть. Забыть время. Так? Я был оно будет оно есть? Нет. Оно было и оно будет если вы его безропотно стерпите. Место где прошлое соприкасается с будущим находится именно там где вы ныне расселись на своих приросших ко времени задницах высиживая вирусные негативы для фотореальности планеты-картины. Отрывайте свои задницы, мальчики. Снимайтесь с этого места».

«Что этот тип говорит! Я тринадцать лет в поте лица лизал задницу кому попало лишь бы заполучить это место и теперь должен снова с него сниматься ?»

«Мы все прослужили пятьсот тысяч лет добираясь до этого места. Так ничего и не вышло. Уверяю тебя мальчик мой больше ничего не записано. В этот поезд ты сел по ошибке».

«Вы с мексиканцем, ми-истер. Электрик с какого расстояния вы можете осветить свою Землю бумажной луной и всеми запалами?»

«Нью-Йорк, – сказал он, – абсолютно неприемлемые условия»...

«Его горящие металлические глаза одолели твой пистолет, Брэдли. Произошло это в том самом месте там ты дал себе волю. Ни ты ни Мартин никогда не создадите условий достойных его adios в страшной электрической боли. Ты хотел чужую индивидуальность за синюю световую блокаду? Моим грустным солдатам уже громко и отчетливо: «День Платежа! День Платежа! День Платежа!»

«Короче эти мятежные войска ворвались во временное Банки Красоты и раздали наши прелести хамам после чего возникли всевозможные жуткие конкурсы вроде конкурса на Самое Изящное Телодвижение так что тело лишь с трудом могло добраться до “Уолгринза” из-за скачущих вокруг педерастичных танцоров и на кого ни наткнешься все такие изящные что просто невыносимо вот мы и расхаживали ворча:

Скользи и спотыкайся

А споткнувшись падай

промелькнули подлинные джунгли. все мы нянюшки отыскивающие тихую гавань которая могла бы уцелеть после холокоста и холода касты как уж обернется дело по крайней мере в киоске исходит занудством какая-то гнусная старая сука но к тому времени как мы туда добираемся она уже “Милейшая Старая Цветочница”... А наши бывшие дружки из полиции спешно готовятся к “Дню Самого Добропорядочного Копа”. Бойня... грязная бойня... На “День Любезного Официанта” созвали непереносимую тучу поющих официантов с Понтинийских болот... А чем хуже “Самый Смышленый Клошар”? Быть может самым неприятным был Конкурс Доброжелательности который тотчас же вылился в приторный глоток тошнотворной дряни с примесью пота и обыватели потом еще две недели ею отблевывались. И это еще не все. В “День Соблазнительного Уличного Мальчишки” уличный мальчишка вышедший бесспорным победителем оттянул всех гомиков в трех галактиках и едва не лишился своего положения на службе... «Дайте мне хоть кусочек того мальчишки», – орали они курсируя повсюду и лязгая зубами как возбужденные акулы. Так вот каждый полустанок имел своего Чемпиона и победитель конкурса всегда был известен поскольку заключал в себе всех своих соперников внутри или снаружи как уж обернется дело... ШЛЁП... Победитель стоит на пустой арене... а День Финального Конкурса когда на огромной арене встретились все победители локализованных и специализированных конкурсов... едва ли хоть один из них нынче жив... всего один выстрел больше не потребовалось... Не спрашивайте кто победил ведь т а м меня не было».

«Это продолжалось до тех пор пока, народ не сообразил что профессиональный конкурс есть конкурс образов вроде конкурса “Мисс Америка” после чего как ни в чем не бывало начались незримые умозрительные конкурсы и победитель был известен поскольку когда конкурс заканчивался его попросту не было... Вы можете толковать его отсутствие как угодно точно в такой же связи как и до начала конкурса в котором он ретроактивно участия не принимал. Ну а самые умные хладнокровно выключали свет уходили в туннель фотовспышек и последних слов и вторичным негативом отпечатывались в сером рассвете подземки оставляя за собой сплошь вывернутые карманы... серые призраки пьяного сна... Отсутствующий Малый т а м отсутствовал. Место отмечено пустым турникетом... Так потеряйте интерес к моим словам. Потеряйте интерес к чьим бы то ни было словам... В начале было слово и слово было чушь собачья. Начальные слова появились во время жульничества алчущею притягательной силы... Да сэр, ребята, нелегко остановить эту старческую пишущую руку… скорее привычка чем просто употребление... Выписываю эти рецепты уже пятьсот тысяч лет и конечно очень не хотел бы ребята навязывать вам эту гибельную словесную привычку... Но разумеется мною движет врачебная этика а также... э-э... вмешательство Министерства здравоохранения... ничего нет больше... no mas[96]… Моя пишущая рука парализована... веет прахом из пустого рукава... выполняем свою работу и уходим... А вот и старый точильщик ножей в лимонно-желтом солнечном свете в лезвии ножа отражаются голубые глаза... кровь на белых ступенях набережной... послеполуденные тени в умирающих глазах... ах, всего хорошего ми-истер... Старым комедиантам это нелегко все старые номера отменяются... Очень нелегко без страха встретить последний балаган... Мы готовы в Лексингтоне собирать манатки. Сняться с этого места. Давно пора... Взорвавшееся солнце окружает мальчишку который заплатил. Вы-то и сбежались со всех разбитых улиц войны и смерти... по бесконечному пути фотовспышек искаженное лицо на горящей палубе. Прогибающейся горящей палубе взорвавшейся звезды».

«Чужак забудь семьдесят тонн на квадратный дюйм и исчезни в звучании флейт. Смерть правит бал в трудолюбивых странах, прах... разграбленные города Европы и Америки. Пустой воздух характеризует власть над всеми противниками. предвечерний час на белых ступенях съемочной площадки. Смотри оковы пали долгая-предолгая радиотишина на Портленд-Плейс». ...руки работают и уходят... Наши уличные мальчишки ругают спектакль... без слов… без плоти... растаяли актеры... симптомов достаточно это было нелегко... радиотишина в ответ вашему воздуху... Помню я был корабль не дает памятных картин... Джонни Тяга, в последнем прощаньи блекнущие шрамы... играла флейта Али... играла флейта в Кики... какая-то чистая рубаха и старина значит всего хорошего... звонкий колокольчик не годится no bueno... севшие на мель актеры идут сквозь Куклу Бяку... Девица-Орхидея наплывом возникает в картине памяти на сортирной коже позабытой... Зеленый Тони последняя невидимая тень... Вызывать Старого Доктора два раза с последним поручением?.. застрял в дверях Паники, мистер и миссис D... самый последний круг... утреннее небо уличного мальчишки... запись плоти убывающая из столетий... Помню я был фильмом для демонстрации вам долгой последней доброй ночи»...

конец пути для водевильных голосов... последний круг в ливне разрушенного сентября... последние кинохлопья... Земной шар это личность только старая подержанная дверь... симптомов достаточно только вперед... мальчишки на роликовых коньках перед севшими на мель... наша пирушка на кольцах Сатурна... последний сентябрь на сцене... Последний паразит только что взлетел на воздух, мистер Мартин... я складываю прочную ленту твою... Горькая цена на наш билет?.. всего хорошего тогда... прерванный сон и сновидец тошнотворной лжи... мозг Готенберга на сцене... Последнее вмешательство не дает плотской индивидуальности... ведь я посыльный с последним поручением... adios в последней обезьяне истории... исчезающий приют в собачьей смертельной травме... вмешательство... самый последний круг... Флейты зовут, мистер Брэдли мистер Мартин... Сюжет готов когда ты достигаешь сентября... Поэтому желаем доброй ночи... показали тебе твой воздух... дудит ваш вызов... Все погибли и ответствуют... adios тошнотворной лжи... adios прочной ленте вашей... застрявшей в дверях Готенберга… мужество подвергать сомнению эротогенную торговлю подержанными товарами... история об отсутствующем мире как раз таком пустом как звонкий колокольчик... тишина чтобы сказать на сцену... Это наши актеры сами стерлись с лица земли подальше от таких как вы, мистер Брэдли мистер Мартин... Сентябрьские увядшие листья нет разрушений позади... Я предсказывал вам что все духи исчезают...

Джонни Тяга: (на его лице видны слои зарубцевавшихся и рубцующихся бойцовских шрамов... под серыми светящнмися кинохлопьями когда рушится мировой покров). «Хочу подыскать комнату в приличном районе»...

Али Пылкий Уличный Мальчишка: Ты приходить Али... Твой тело не годится...

Кики: (какая-то чистая рубаха и вышел). Можете искать где угодно... Не годится... No bueno... adios, ми-истер Брэдли ми-истер Мартин...

Кукла Бяка: (сигнальные ракеты прощания над радужной лагуной)…

Миранда, Девица-Орхидея: (волоча за собой усики из жгучих сексуальных волосков, исчезает в птичьем пении и кваканьи лягушек с пустыря). Всего хорошего тогда... (не оглядываясь, без умолку болтая).

Зеленый Тони: На последнем блюдце, хозяин... куча денег...

Уилли Шпик: За этих ублюдков из правления я срок мотать не намерен… Я на всех настучу...

Иззи Толчок, Джеки Голубая Нота, Мэри Гамбургер, Джон Известняк: Вызывать Старого Доктора два раза? Он успокоит вас... Привет да прощай... Вечером еще несколько вызовов...

Мистер и миссис D: Билет который лопнул оставил мало времени поэтому желаем доброй ночи...

Сэмми Мясник: (окончательный арест)...

Инспектор Дж. Ли: Мы выполняем нашу работу и уходим... Продолжайте вносить соответствующие изменения...

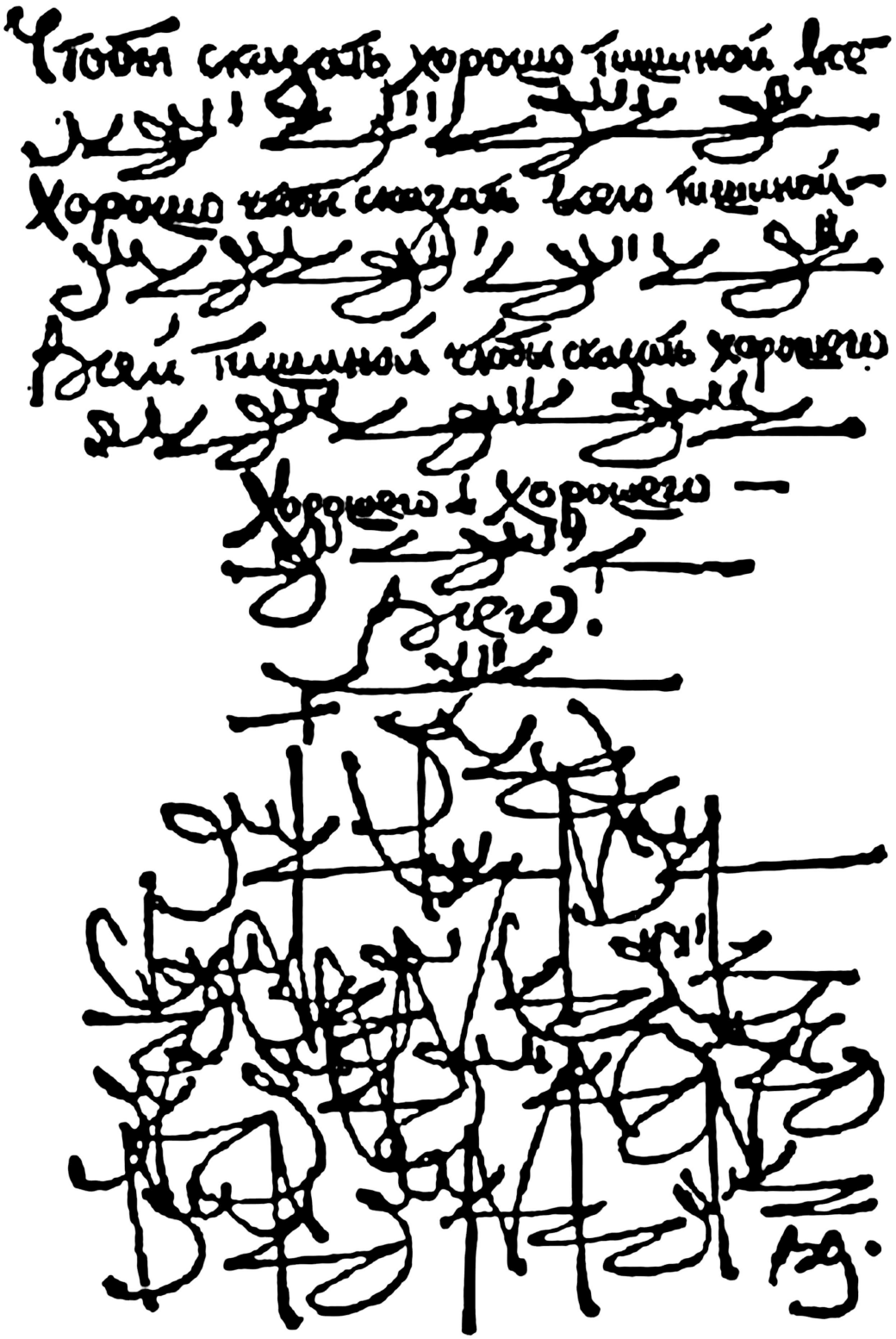
Флюороскопический Малый: Вот и ругаем спектакль... без слов... без плоти... без всего...

Подсознательный Малый: Было нелегко стать радио стать включенным магнитофоном... дружки... показали тебе твой воздух...

Мистер Брэдли мистер Мартин: Старина значит всего хорошего... Что в Сент-Луисе после сентября?.. поблекшая история об отсутствующем мире как раз когда ее снимали на серебряную пленку... Помню я был фильмами... Смойте мое имя ведь я познал вмешательство... Пройти не сделав нашего билета... горный ветер Сатурна в утреннем небе... Смертельной травмой утомлен всего хорошего тогда... Какое лето будет я буду тобой?.. холодное лето... вот именно... Он поднимает руки уныло выворачивает их... Браток монетки не найдется?.. мертвый палец в дыму указывающий на Гибралтар... юношеская тень... у него должна быть та же внешность... постаревшее лицо постаревшее запоздалое лицо поздним летним утром рот и нос плотно заклеены... как ни смешно я вас не помню… вон там все кончено... Помнишь постаревших малышей?.. монотонный голос в Сан-Франциско?.. то голос ветра... серебристый утренний дымок на безлюдных рынках... конечно ты придумываешь Билли который связан словом... в начале не было никакого Яесмя... затхлый дым сновидений это был Яесмь... являлся тебе утром и будет тебе другой утренний запах другого Яесмя... нет Яесмь там... ни одного... тишина... Не было утра... конечно поздно Билли... Я прожил твою жизнь давным-давно… унылая тень проносится со свистом в далеком небе... adios лохи это давний адрес... не существовал сами понимаете... просрочен... затхлых сновидений Билли... измучен здесь... старался до конца... фильм лежит заткнись в ящике бюро... Мальчишка которым я был и уже не буду никогда... пятнышко белизны которое казалось впитывало весь свет оставшийся на гибнущей звезде... и вдруг я потерял его... мой фильм кончается... Я потерял его давно... там умиравшего... свет погас... мой фильм кончается.

Хасан-и-Саббах[161]: Самый последний круг... Помню я был корабль не дает плотской индивидуальности... губы увядают... тишина чтобы сказать всего хорошего...

Видишь что творится, Би-Джей? Этот Хасан-и-Саббах и вправду работает на военно-морскую разведку и... Ты слушаешь Би-Джей? [177]



1962

ПРИЛОЖЕНИЕ К '*БИЛЕТУ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ*'

НЕВИДИМОЕ ПОКОЛЕНИЕ

то что мы видим в значительной степени определяется тем что мы слышим это утверждение можно проверить с помощью простого эксперимента отключите звуковую дорожку вашего телевизора и замените ее произвольной звуковой дорожкой предварительно записанной на ваш магнитофон уличные шумы музыка разговор записи других телепередач вы обнаружите что произвольная звуковая дорожка кажется уместной и даже определяет вашу интерпретацию кинодорожки на экране люди бегут за автобусом на пиккадилли под звуковую дорожку пулеметного огня напоминает петроград 1917 года можно продлить эксперимент использовав записанный материал более или менее соответствующий кинодорожке к примеру возьмите политическую речь по телевизору отключите звуковую дорожку и замените ее другой речью которую вы записали заранее вряд ли уловите разницу почти никакой запишите звуковую дорожку одного подозрительного человека из дядюшкиной шпионской постановки заведите ее вместо другой и посмотрите смогут ли ваши друзья уловить разницу все это делается с помощью магнитофонов рассмотрим эту машину и то что она может делать она может записывать и воспроизводить активируя прошедшее время с помощью четкой ассоциации запись можно воспроизводить любое количество раз вы можете изучать и анализировать каждую паузу и модуляцию записанного разговора почему такой-сякой сказал именно то или это именно здесь воспроизведите записи такого-сякого и вы узнаете на что намекает вам такой-сякой вы можете смонтировать записанный разговор сохранив материал который является язвительным остроумным и уместным вы можете смонтировать записанный разговор сохранив замечания которые являются скучными однообразными и глупыми магнитофон может воспроизводить ускоренно замедленно или в обратную сторону всему этому можно научиться запишите фразу и ускорьте ее теперь попробуйте сымитировать свой ускоренный голос воспроизведите фразу задом наперед и научитесь брать только что произнесенные вами слова назад подобные упражнения избавят вас от старых ассоциативных преград попробуйте двигать ленту вручную такое звучание достигается при выборе текста затканного с целью получения наилучших результатов текста произнесенного громким отчетливым голосом и трении ленты о головку в обе стороны такого же звучания можно добиться на кассетном магнитофоне philips при воспроизведении записи и включении выключении микрофона с короткими интервалами что производит эффект заикания возьмите любой текст ускорьте его замедлите прокрутите задом наперед подвигайте вручную и вы услышите слова которых не было в оригинальной записи новые слова изобретенные машиной разумеется разные люди расслышат разные слова но кое-какие из слов будут звучать весьма отчетливо и любой сможет услышать те слова которых не было в оригинальной записи но которые во многих случаях имеют отношение к оригинальному тексту как будто сами слова подвергались допросу и были вынуждены раскрыть свой тайный смысл интересно записать эти слова слова в буквальном смысле изобретенные самой машиной можно продолжить этот эксперимент используя в качестве оригинальной записи материал который не содержит слов шумы животных к примеру запишите кормушку чавканье жующих свиней лай собак пойдите в зоопарк и запишите рев гориллы Гая крупных кошачьих

рычащих над своим мясом козлов и обезьян теперь прокрутите животных задом наперед ускоренно замедленно и подвигайте животных вручную проверьте не возникнут ли какие-нибудь отчетливые слова выясните что животные хотят сказать выясните как реагируют животные на воспроизведение записи подвергнутой обработке простейший вариант нарезки записи с помощью одной машины можно выполнить следующим образом запишите любой текст перемотайте на начало теперь отмотайте вперед произвольный интервал остановите машину и запишите короткий текст перемотайте вперед остановите запишите там где вы уже записывали поверх оригинального текста слова стираются и заменяются новыми словами проделайте это несколько раз производя произвольные наложения вы заметите что произвольные вставки во многих случаях уместны и ваша нарезанная запись приобретает неожиданный смысл нарезанные записи могут рассмешить до слез двадцать лет назад я слышал запись под названием пьяный радиокомментатор Сделанную джерри ньюманом из нью-йорка нарезавшим передачи последних известий по прошествии стольких лет я не могу припомнить слов но точно помню что хохотал пока не свалился со стула пол боулз называет магнитофон маленькой игрушкой бога быть может его последняя игрушка растворяясь в холодном весеннем воздухе задает бесцветный вопрос

число играющих не ограничено

да число играющих не ограничено любой имеющий магнитофон управляет звуковой дорожкой может творить события и оказывать на них влияние описанные здесь магнитофонные эксперименты покажут как это влияние можно распространить и привести в нужное соотношение с четкими действиями он представляет собой невидимое поколение он похож на администратора рекламного агентства студента американского туриста неважно каково ваше прикрытие раз оно вас прикрывает и развязывает вам руки вам нужней кассетный магнитофон philips портативная машина для записи и воспроизведения на улице для записи ее можно спрятать под пиджак похожа на транзисторный приемник для слушания на улице воспроизведение на улицах продемонстрирует влияние вашей звуковой дорожки в действительности конечно труднее всего обнаружить именно воспроизведение уличных записей люди не замечают вчерашних голосов фантомных выбоин во времени автомобильных катастроф прошедшего времени воспроизводимых в настоящем визг тормозов громкий сигнал отсутствующего гудка могут послужить причиной новой катастрофы старые здания все еще охвачены старыми пожарами все еще рушатся или возьмите с собой на улицу предварительно записанную звуковую дорожку все что захотите выплеснуть в возвышенный покой две минуты воспроизводите две минуты записывайте микшируя ваше сообщение с улицей направьте ваше сообщение прямиком в достойные уши есть переносчики намного лучше прочих вы знаете таких губы шевелятся неустанно бормоча разносят мое сообщение по всему Лондону в нашей желтой субмарине работая с уличным воспроизведением вы увидите как ваше воспроизведение отыщет подходящую ситуацию к примеру я воспроизвожу кое-что из моего последнего слова голландца шульца[131] записи на улице пять тревога пожар и строго по сигналу мимо едет пожарная машина вы научитесь подавать сигналы научитесь насаждать идеи и события проанализировав записанные разговоры вы научитесь выводить разговор на нужный вам предмет физиологическое освобождение

происходящее когда отрезаются словесные линии управляемой ассоциации прибавит вам расторопности при достижении ваших целей чтобы вы не делали вы будете делать лучше запишите своего начальника и своих коллег проанализируйте их ассоциативные ходы научитесь имитировать их голоса ах вы станете популярнейшим человеком в конторе но с вами будет трудно конкурировать обычная процедура с помощью скрытых микрофонов запишите их телесные звуки дыхательные ритмы работу послеобеденных кишечников биение сердец теперь навяжите им собственные телесные звуки и превратитесь в звучащее слово и бьющееся сердце этой организации превратитесь в эту организацию невидимые братья вторгаются в настоящее время чем больше людей мы сможем охватить работая с магнитофонами тем больше появится возможностей для полезных экспериментов и дополнений почему бы не устраивать магнитофонные вечеринки каждый гость приходит со своим магнитофоном и на кассеты с тем что он намерен сказать записывает то что говорят ему другие магнитофоны верх невоспитанности не записывать когда другой магнитофон обращается прямо к вам а прямо ничего сказать нельзя сначала вы должны все записать даже самые наглые ленточные черви прямо никогда не говорят

как прошла вечеринка включите воспроизведение

что было за завтраком включите воспроизведение

взгляд стариковский не обманутый не проницаемый уже десять лет он не произносит прямого слова и когда вы услышите как прошла вечеринка и что было за завтраком вы увидите ясно и отчетливо что между вами и тем что вы видели или чаше всего не видели была серая пелена этой серой пеленой были предварительно записанные слова машины контроля как только пелена спадет вы начнете видеть яснее и отчетливей чем те за пеленой это невидимое поколение это расторопное поколение руки работают и уходят смотрите какие интересные результаты когда несколько сотен магнитофонов оказываются на политическом митинге или марше протеста предположим вы записываете мерзейших брюзгливых законников-южан несколько сотен магнитофонов на все лады изрыгают речи и жуют их как больная афтозом корова и вот вы становитесь обладателем звука который мог бы лишить привлекательности любую местность несколько сотен магнитофонов вторящие чтецам могли бы придать публичным поэтическим чтениям непредсказуемую волшебную силу а вообразите что могли бы сотворить со стадионом пятьдесят тысяч вооруженных магнитофонами битловских фанов несколько сотен людей записывающих и воспроизводящих на улице это славный хэппенинг на свежем воздухе член парламента от консерваторов говорил о растущей угрозе со стороны организованных групп распущенных юнцов с магнитофонами воспроизводящими звуки уличного движения которые приводят в замешательство автомобилистов доносящими оскорбления записанные в каком-нибудь подпольном клубе низкого пошиба до мэйфер и пиккадилли это растущая угроза общественному порядку вынесите на улицу тысячу молодых магнитофонов с записями бунта его отзвуки становятся все громче и громче запомните это технический процесс операция за операцией вот эксперимент который может провести любой имеющий две машины соединенные проводом для записи с одной машины непосредственно на другую поскольку эксперимент может вызвать заметную эротическую реакцию в качестве

партнера интереснее выбрать того с кем вы состоите в интимных отношениях мы имеем два объекта б. и дж. б. записывает на магнитофон 1 дж. записывает на магнитофон 2 теперь чередуем две голосовые дорожки магнитофон 1 воспроизводит две секунды магнитофон 2 записывает магнитофон 2 воспроизводит две секунды магнитофон 1 записывает чередуя голос б. с голосом дж. для достижения хоть какой-то степени точности следует ленты разрезать ножницами и чередовать склеенные куски это длительный процесс но его можно существенно ускорить если вы имеете доступ в монтажную и пользуетесь кинолентой которая намного шире и проще в обращении можно продолжить этот эксперимент сняв звуковой фильм о б. и звуковой фильм о дж. а затем склеив звуко-образную дорожку с чередованием двадцать четыре раза в секунду как я уже упоминал при подборе партнера для таких экспериментов рекомендуется соблюдать некоторую осторожность поскольку результаты могут оказаться довольно неожиданными б. обнаруживает что говорит и думает в точности как дж. дж. видит образ б. на своем лице на чьем лице б. в дж. постоянно чувствуют друг друга избавившись от незримого и навязчивого присутствия они действительно превращаются друг в друга вы видите как дж. ретроактивно был б. будучи записан на образно-звуковую дорожку дж. эксперименты со склеенной лентой могут привести к взрывоопасным взаимоотношениям разумеется должным образом доводимым до в высшей степени эффективного взаимодействия вы увидите какое преимущество получит дж. если он проводил подобные эксперименты при полном неведении б. а сметливый читатель догадается что принцип склеенной ленты может найти широкое применение предположим вы некий зануда в сером фланелевом костюме вы хотите преподнести хозяину новую концепцию рекламного дела это творческая реклама так вот прежде чем предстать перед хозяином вы записываете хозяйский голос склеиваете его с собственным голосом разъясняющим вашу новую концепцию и запускаете все это через конторскую систему кондиционирования воздуха склейте себя с вашими любимыми поп-певцами склейте себя с радиокомментаторами премьер-министрами президентами

зачем на этом останавливаться

зачем вообще на чем-то останавливаться

каждый склеивает себя с каждым да ребята это я там возле бетономешалки следующий шаг а я предупреждаю что он обойдется недешево это программируемые магнитофоны полностью программируемую машину можно установить на запись и воспроизведение с выбранными интервалами на перемотку и новое включение после выбранной паузы при непрерывной автоматической работе предположим у вас есть три программируемые машины магнитофон 1 запрограммирован на воспроизведение в течение пяти секунд пока магнитофон 2 записывает магнитофон 2 воспроизводит три секунды в течение которых магнитофон 1 записывает теперь допустим вы спорите с дружком или подружкой припоминая сказанное в прошлый раз и обдумывая что говорить дальше все это тянется и тянется без конца и вы попросту не в силах заткнуться поставьте все ваши доводы и жалобы на магнитофон 1 и нареките магнитофон 1 вашим именем когда магнитофоны предоставят благоприятную возможность на магнитофон 2 поставьте все что было или могло быть сказано им или ею теперь заставьте машины говорить магнитофон 1 воспроизводит пять секунд

магнитофон 2 записывает магнитофон 2 воспроизводит три секунды магнитофон 1 записывает проделайте это в течение пятнадцати минут получаса потом поменяйте интервалы переведя интервал который вы использовали на магнитофоне 1 на магнитофон 2 переключатель интервалов имеет не меньшее значение чем контекст послушайте обе машины микшируя записи с помощью магнитофона 3 можно ввести фактор несообразного реагирования поэтому попросту поставьте на магнитофон 3 любую запись старый анекдот старую мелодию что-нибудь с улицы телевизора радио и запрограммируйте магнитофон 3 в довод

магнитофон 1 вчера ночью я прождал тебя до двух часов

магнитофон 3 хотелось бы знать кто насыпал песку в шпинат

несообразное реагирование может оказаться эффективным при прерывании навязчивых ассоциативных дорожек все ассоциативные дорожки навязчивы выбросьте все это из головы прямиком в машины перестаньте разговаривать перестаньте жаловаться перестаньте спорить пусть машины говорят жалуются и спорят магнитофон овеществленная часть человеческой нервной системы с помощью магнитофона вы можете больше узнать о нервной системе и добиться большего контроля над собственными реакциями чем смогли бы выяснить просидев двадцать лет в позе лотоса или теряя время на кушетке психоаналитика

послушайте свои записи настоящего времени и вы начнете понимать кто вы такой и что вы здесь делаете смикшируйте вчерашний день с сегодняшним и услышите завтрашний ваше будущее рождается в старых записях вы программируемый магнитофон устанавливаемый на запись и воспроизведение

кто вас программирует

кто решает какие записи воспроизводить в настоящее время

кто воспроизводит ваши прежние унижения и крушение ваших надежд содержа вас в предварительно записанном настоящем времени

вам не обязательно слушать этот звук вы можете запрограммировать свое собственное воспроизведение вы сами в состоянии решать какие записи хотите воспроизводить в настоящее время изучите свои ассоциативные ходы и выясните какие обстоятельства в каких предварительных записях запрограммированы на воспроизведение изымите эти старые записи из программы все это делается с помощью магнитофонов с помощью программируемых магнитофонов можно сделать множество вещей театральные спектакли программируются с произвольными интервалами что делает каждый спектакль непредсказуемым и уникальным при любой степени зрительского участия публичные чтения концерты программируемые магнитофоны разумеется необходимы на каждой вечеринке и ни один современный хозяин не стал бы докучать гостям заурядной вечеринкой настоящего времени в современном доме каждая комната начинена жучками магнитофоны воспроизводят и записывают через скрытые микрофоны а в коридорах и комнатах фантомными голосами бормочут громкоговорители слово зримо как дымка магнитофоны

перебрасываются репликами в садах как лающие собаки звуковая дорожка приводит студию на съемочную площадку вы можете изменить облик города вынося на улицы собственную звуковую дорожку вот некоторые эксперименты записывая звуковую дорожку во время киносъемки на натуре найдите район с шиферными крышами и краснокирпичными дымовыми трубами прохладная серая звуковая дорожка противотуманные сирены далекие паровозные гудки квакающие лягушки музыка на площадке для гольфа прохладные голубые записи на булыжной рыночной площади с синими ставнями все грустные старые комедианты стоят там в синем сумраке шорох тьмы и проводов когда несколько тысяч человек работающих с магнитофонами и снимающих на пленку последующие события отбирают свои лучшие звуковые дорожки и лучший отснятый киноматериал и склеивают все это вы увидите кое-что интересное теперь представьте себе какой вред может быть нанесен и уже наносится когда запись и воспроизведение умело выполняются таким образом что попавшие под их влияние люди понятия не имеют о происходящем мыслями эмоциями и мнимым воздействием на органы чувств можно с большой степенью точности манипулировать и управлять например для наведения порядка во время бунтов и демонстраций в Индонезии применяют против китайцев старые антисемитские записи держи лавку наживайся и никогда не церемонься с пьяными оболтусами хорошо знакомыми предположим вы хотите взбаламутить округу пойдите туда и запишите мерзейший глупейший диалог самую неблагозвучную звуковую дорожку какую только сможете отыскать а потом то и дело ее воспроизводите что послужит причиной нового мерзкого дурацкого диалога записываемого и воспроизводимого без остановки всегда подбирайте самый мерзкий материал возможности не ограничены вы хотите спровоцировать бунт вынесите свои машины с записями бунта на улицу пошевеливайтесь быть может вам удастся улизнуть от бунтовщиков мы называем это серфингом скольжением по прибойной волне промахи недопустимы помню бедного старика бернса раскусили на персидском базаре записи бунта были спрятаны у него под джеллабой[34] и с него содрали шкуру живьем чувствительное лишенное кожи существо корчилось в лучах полуденного солнца а нам все стало ясно

а вам все стало ясно

описанные здесь технические приемы и эксперименты использовались и используются агентствами как официальными так и неофициальными при полнейшем вашем неведении и с большим ущербом для вас число играющих не ограничено Виттгенштейн[5] говорил ни одно предложение не может выступать в качестве доказательства единственное что не записано предварительно в предварительно записанном ряду так это сама предварительная запись то есть любая запись в которой действует фактор случайности любая уличная запись вы можете заранее записать свое будущее вы можете слышать и видеть то что хотите слышать и видеть описанные здесь эксперименты разъяснил и продемонстрировал мне иэн соммервилл из Лондона данную статью я пишу в качестве его призрака

оглянитесь вокруг взгляните на машину контроля запрограммированную на подбор мерзейших глупейших самых пошлых и низменных звуков для записи и воспроизведения которое вызывает еще более мерзкие глупые более пошлые и низменные звуки для последующей записи и воспроизведения неминуемой

деградации впереди тупик впереди мерзкое пошлое воспроизведение завтра завтра и завтра чем занимаются газеты кроме подбора мерзейших звуков для воспроизведения в общем если вам попадется нечто мерзкое значит это новость а если и этого недостаточно я приведу цитату из редакционной статьи в газете “new york daily news” мы в состоянии расправиться с Китаем а если вмешается россия мы может расправиться и с этой страной самый лучший коммунист это мертвый коммунист потом давайте расправимся с эксплуататором Кастро чего мы ждем давайте немедленно бомбить китай давайте на века останемся вооруженными до зубов этот мерзкий и пошлый ослиный крик выпускается для массового воспроизведения хотите распространить истерию запишите и воспроизведите самые идиотские истерические реакции

марихуана марихуана ну да она опасней кокаина

она превращает человека в маньяка-убийцу сказал он тоном не терпящим возражений взгляд его похолодел при мысли о вампирах которые высасывают богатства наживаясь на подлом сбыте травы и без всякого преувеличения раздуваются от человеческой крови ему в голову пришли мрачные мысли и он стиснул челюсти толкачей надо толкать на электрический стул

разденьте ублюдков догола

ну ладно показывай руки

или выражаясь страшными словами гарри дж. анслингера[104] законы должны отражать общественное неприятие наркомана

трудно найти отражение более мерзкое чем общественное неприятие холодные презрительные взгляды добропорядочных американок поджатые губы и благодарю покорно из уст лавочника рычащие копы тусклые смертоносные взгляды ниггеров отражающие общественное неприятие ебучие гомики да пристрелите же их кто-нибудь с другой стороны подобрав для записи и воспроизведения спокойные здравые реакции вы будете распространять спокойствие и здравый смысл

делается ли это

очевидно нет прервать неумолимое падение по спирали мерзких мерзейших записи и воспроизведения можно лишь с помощью контрзаписи и воспроизведения в качестве первого шага следует изолировать и отрезать ассоциативные линии машины контроля носите с собой магнитофон и записывайте все мерзейшие глупейшие вещи перемешивайте свои мерзкие записи ускоряйте их замедляйте воспроизводите задом наперед двигайте ленту вручную вы услышите единый мерзкий голос и увидите что единый мерзкий уродливый дух[172] состоит из мерзких старых предварительных записей чем чаще вы будете прокручивать записи и резать их на части тем меньшей властью они будут обладать развейте предварительные записи в воздухе в разреженном воздухе…

1962

ЭКСПРЕСС СВЕРХНОВОЙ

Предварительное замечание.

Раздел, названный "Это жуткое дело", написан в соавторстве с математиком Иэном Соммервиллом... Соммервилл составил также специальные заметки для. раздела "Китайская прачечная"... Расширенный “метод нарезки” Брайона Гайсина[164], называемый мною “методом свертывания”, тоже использован в данной книге, которая в конечном счете является компиляцией произведений многих писателей, ныне живущих и уже умерших.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

СЛУШАЙТЕ МОИ ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА, где бы вы ни были. Слушайте мои последние слова в каждом из миров. Слушайте вы, министерства, синдикаты, правительства Земли. И вы, силы, стоящие за всевозможными грязными делишками, что обстряпываются в неизвестно каких сортирах, дабы вам досталось чужое добро. Дабы можно было навсегда продать Землю из-под еще не рожденных ног...

– Они не должны нас видеть. Не говорите им, чем мы занимаемся...

И это слова всемогущих правлений и синдикатов Земли?

– Не дай Бог, они узнают секрет кока-колы...

– И о Раковой Сделке с жителями Венеры...

– И о Зеленой Сделке... Не говорите им...

– И об Оргазменной Смерти...

– И о печах...

Слушайте: я обращаюсь ко всем вам. Все играющие – откройте карты. Верните все верните все верните все назад. Разыграйте все разыграйте все разыграйте все назад. Чтобы видели все. На Таймс-сквер. На Пиккадилли.

– Преждевременно. Преждевременно. Дайте нам еще немного времени.

Времени для чего? Для новой лжи? Преждевременно? Преждевременно для кого? Я говорю всем: эти слова не преждевременны. Эти слова могут опоздать. Остались минуты. Минуты до победы противника...

– Совершенно секретно... Военная Тайна... Для Правления... Для Элиты... Только для Посвященных...

И это слова всемогущих правлений и синдикатов Земли? Это слова лжецов, трусов, сообщников, предателей. Лжецов, которым нужно время для новой лжи. Трусов, которые страшатся открыть правду вашим “собакам”, вашим “тупицам”, вашим “мальчикам на побегушках”, вашим “человеческим животным”. Сообщников Людей-Насекомых. Людей-Растений. Всех и каждого, кто отдает вам навсегда свое тело. Чтобы вечно испражняться. За это вы продали всех своих сыновей. Навсегда продали Землю из-под еще не рожденных ног. Предателей всех человеческих душ отовсюду. Вы хотите скрепить свои грязные делишки именем Хасана-и-Саббаха[161], дабы распродавать еще не рожденных?

Что за страх загнал вас во время? В тело? В дерьмо? Я скажу вам: страх перед “этим словом”. Перед инородным словом “the” – “это”. “Это” слово Врага-Инородца превращает “thee” – “вас” – в пленников Времени. Тела. Дерьма[160]. Пленник, выходи. Бескрайние небеса открыты. Я, Хасан-и-Саббах, навсегда

стираю это слово. Если хотите, я навсегда зачеркну все ваши слова. Зачеркну и все слова Хасана-и-Саббаха. На всех ваших небесах зрите немые письмена Брайона Гайсина[164] Хасана-и-Саббаха: начертаны над Нью-Йорком 17 сентября 1899 года[178].

ПЛЕННИКИ, ВЫХОДИТЕ

«Не слушайте Хасана-и-Саббаха, – скажут они вам. – Он хочет отобрать у вас тело и все телесные удовольствия. Слушайте нас. Мы правим Садом Наслаждений[165] Бессмертием Космическим Сознанием Лучшими из Наркотических Забав. И любовью любовью любовью в помойных ведрах. Как вам это нравится, ребята? Лучше, чем Хасан-и-Саббах с его холодным, обветренным, бестелесным камнем? Верно?»

Рискуя немедленно оказаться самым непопулярным персонажем всей беллетристики – а история и есть беллетристика, – я должен заявить следующее:

«Соберите воедино всю структуру новостей... Узнав структуру, выясните, кто исполнитель... Кто монополизировал Бессмертие? Кто монополизировал Космическое Сознание? Кто монополизировал Любовь, Секс и Сновидение? Кто монополизировал Жизнь, Время и Фортуну? Кто отнял у вас то, что принадлежит вам по праву? И теперь они все это вернут? Хоть раз они отдали что-нибудь даром? Давали они когда-нибудь больше, чем приходилось отдать? Разве они всегда, при малейшей возможности, не отбирали отданное назад, а такая возможность была всегда? Слушайте: Их Сад Наслаждений – терминальная сточная канава... Испытав кое-какую боль, я нанес на карту эту область терминальных сточных вод в якобы порнографических разделах '*Голого Завтрака*' и '*Мягкой Машины*'... Их Бессмертие, Космическое Сознание и Любовь – подержанное второразрядное дерьмо... Их наркотики – отрава, предназначенная для того, чтобы полыхать в Оргазменной Смерти и Печах Сверхновой... Держитесь подальше от Сада Наслаждений (Базара Опьяняющих Грез)... Это людоедская западня, которая кончается липкой зеленой слизью... Откажитесь от их эрзац-Бессмертия... Оно развалится на части, прежде чем вы выберетесь из Большого Магазина... Спустите их наркотические забавы в сортир... Они отравляют и монополизируют галлюциногенные наркотики... учатся делать их без всякой химически обработанной пшеницы... Все их посулы – лишь завеса, дабы прикрыть отход их колонии, где они оказались постыдно никчемными правителями. Скрыть планы отступления, чтобы не пришлось платить доверителям, которых они предали и продали. Как только эти планы воплотятся в жизнь, они взорвут за собой все.

А что сулит вам моя программа тотального аскетизма и тотального сопротивления? Я ничего вам не обещаю. Я не политик. Таковы условия тотального чрезвычайного положения. И таковы мои инструкции на случай тотального чрезвычайного положения, а если выполнить их сейчас, они могут предотвратить тотальную катастрофу, которая сейчас уже надвигается.

Народы Земли, вы все отравлены. Превращайте все имеющиеся запасы морфина в апоморфин. Химики, круглые сутки трудитесь над разновидностями и

синтезом апоморфинной формулы. Апоморфин – единственное вещество, которое может вызвать у вас дезинтоксикацию и убрать с вашего пути вражеский луч. Апоморфин и тишина. Я объявляю всеобщую борьбу против заговора, направленного на то, чтобы расплачиваться с народами Земли эрзац-дерьмом. Я объявляю всеобщую борьбу против Заговора Сверхновой и всех, кто в нем замешан.

Цель всего что я пишу – разоблачить и арестовать Преступников Сверхновой. В '*Голом Завтраке*', '*Мягкой Машине*' и '*Экспрессе Сверхновой*' я показываю, кто они такие, что делают и что будут делать, если их не арестовать. Остались считанные минуты. Души, сгнившие от их оргазменных наркотиков, тела, содрогающиеся от их печей Сверхновой, пленники Земли – выходите. С вашей помощью мы сможем занять Студию Реальности и вновь завладеть их вселенной Страха, Смерти и Монополии...

(Подпись)

ИНСПЕКТОР ДЖ. ЛИ, ПОЛИЦИЯ СВЕРХНОВОЙ».

Постскриптум Регулятора: Хочу лишь предупредить... Говорить – значит лгать... Жить – значит сотрудничать... Каждый – трус, когда ему грозят печи Сверхновой... Существуют различные степени лжи, предательства и трусости... Другими словами – различные степени интоксикации... Все это вопрос регулирования... Враг – не мужчина и не женщина… Враг существует только там, где нет жизни, и действует, лишь имея целью поставить жизнь в абсолютно безвыходное положение... Вы можете убрать врага со своего пути посредством разумного применения апоморфина и тишины... Пользуйтесь лекарством здравомыслия– апоморфином.

«Апоморфин изготовляется из морфина, но физиологические результаты их действия совершенно различны. Морфин угнетает лобные доли мозга. Апоморфин стимулирует затылочные доли, воздействует на гипоталамус, регулируя содержание различных составляющих кровяной сыворотки, и таким образом нормализует состав крови». Я цитирую книгу доктора Джона Йербери Дента '*Пагубные Пристрастия и Их Лечение*'...

ОБРАТИСЬ В СЛУХ И ВНИМАЙ

Я ездил с Несносным Малым по поводу Сверхновой Потехи... Мы были в отрубе после заварушки в Галактике Краба, и все из-за этого двустороннего репертуара времени. Когда вы дойдете до конца биологического фильма, попросту перемотайте пленку и начинайте сызнова... Разницы никто не замечает... Да никого и нет до начала фильма...[v] Словом, начинают они мотать пленку назад, проектор взрывается, и мы

[v] Возьмем биологический фильм, который крутится с начала до конца, от нуля до нуля, как и все биологические фильмы в любой временно́й вселенной... Назовем этот фильм X1 и далее примем без доказательств, что в каждой данной временной вселенной может быть только один фильм со свойствами X1. X1 – это фильм и исполнители ролей... X2 – это зрители, и все они пытаются попасть в фильм… Никому не разрешается покидать биологический театр, которым в данном случае является человеческое тело... Ведь если кто-то все же покинул бы театр, он смотрел бы уже другой фильм Y, а

еле ноги унесли на взрывной волне... Забились в эти холодные синие горы, наполнили позвоночники жидким воздухом и слушаем коротенькую джанковую ноту высшего класса – металлическая раскумарка и отрубон на тысячу лет[VI]...Сидим себе в крытом шифером домике, укутавшись в оранжевую мантию плоти, вокруг нас плавает голубая дымка, и тут получаем вызов... И только я ступил ногой на захолустную Землю, как сразу унюхал эту жженую металлическую вонь Сверхновой.

– Заряд уже выпущен, – сказал я, обратившись к НиН (Непоколебимому и Неотразимому)... – Эта планета горит... Весь этот ебучий сральник может в любую минуту взлететь на воздух.

А Несносный НиН шмыгает носом и говорит:

– Ага, если уж это случается, то в один момент... Медлить не приходится.

И чувствовалось, как вся структура гнется прямо под ногами от напора, словно готовая прорваться перемычка... Газета прислала за нами машину, и мы уезжаем из аэропорта, Малый за рулем, жмет на газ... Едва не врезались в толпу пешеходов, и вслед нам орут: «Эй, вы что, хотите кого-нибудь укокошить?»

А Малый высовывается в окошко и говорит: «Почту за счастье, черномазые! Тупицы! Псы земные!..» – Его глаза вспыхивают, точно паяльная лампа, и я вижу, что он в прекрасной форме... Так что мы сразу приступаем к работе, штаб-квартиру устроили в Стране Свободы, откуда и поступил вызов, страна эта и вправду свободна и настежь открыта для всех жизненных форм – чем гаже, тем лучше... Но более гадких типов, чем Несносный Малый и ваш корреспондент, здесь еще не бывало... Если должна взлететь на воздух планета, туда вызывают НиН, и он скачет от одной

фильм X1 и зрители X2, по математическому определению, прекратили бы существование... В 1960 году, с публикацией книги '*Остались Минуты*', затасканный кинофильм Мартина был встречен беспрецедентным освистанием и всеобщим презрением... «Мы смотрели его уже пять раз, и нам осточертели сумерки ваших занюханных Богов»

[VI] Поскольку джанк – это образ, действие джанка можно легко воспроизвести и сосредоточить на образно-звуковой дорожке... Например, так. Возьмите больного джанки... Направьте синий свет на его так называемое лицо, или выкрасите его в синий цвет, или выкрасите в синий цвет джанк – разницы никакой, а теперь дайте ему дозу и снимите на пленку синее чудо – то, как жизнь вновь вливается в этот ходячий труп... Так вы получите образную джанковую дорожку... Теперь, если хотите получить Классную Раскумарку, направьте это синее изменение на собственное лицо. Звуковая дорожка еще проще... Цитирую научный раздел журнала "*Newsweek*" за 4 марта 1963 года: «Каждое вещество обладает характерным для него набором резонирующих частот, на которых оно колеблется или вибрирует»... Вот вы и записываете частоту колебаний джанка, когда он попадает в изголодавшиеся по джанку клетки мозга...
– Что такое? Мозговые колебания – 32 и ниже, и их нельзя услышать? Так усильте их, черт побери... И вместо одного джанки соберите мне тысячу... Пускай это будет Лексингтон, и поручите эту работу какому-нибудь славному еврейчику...
Доктор Вильгельм Райх обнаружил и выделил элемент, который он называет "оргоном"... Оргоны, по Райху, являются элементами жизни. Они были сняты на пленку и оказались синего цвета. Так вот, джанк впитывает в себя оргоны, и именно поэтому им нужны все эти молодые джанки... Они имеют больше оргонов и дают более высокий выход синего концентрата, от которого Мартин и его ребята могут вырубиться на тысячу лет... Мартин крадет ваши оргоны... И вы будете слокойно выносить все это дерьмо?

группировки к другой, подстрекает и оскорбляет противоборствующие стороны, пока все не начинают в один голос твердить: «Бог ты мой, да прежде чем я уступлю хоть пядь, весь этот ебучий сральник разлетится на куски».

Мы прибыли... На этой работенке медлить не приходится... А НиН – шустрый малый... Сталкивается с сотнями людей и, укорачиваясь, в мгновение ока успевает выплевывать свои непереносимые оскорбления... У нас был план, они это называют Управленческими Книгами, по которым видно, “что есть что” на этом глухом полустанке: три жизненные формы нагло паразитируют на четвертой, которая начинает набираться ума. И вся планета бьется в истерике, обезумев от панического страха. Вот такими они нам и нравятся.

– Проще дельца не бывает, – говорит Малый.

– Угу, – говорю я. – Только уж больно вес просто. Что-то тут зарыто, Малый. Что-то не так. Чует мое сердце.

Но Малый меня не слышит. Короче, все эти жизненные формы родились в самых невыносимых условиях: в знойном климате, холодном климате, терминальном стазе, и меньше всего хотят вернуться туда, откуда они родом. А Несносный Малый выступает с шуточками вроде следующих:

– Прекрасно, забирайте с собой свои печи и на выходе заплатите Гитлеру. У него-то найдется местечко, где вам, евреям, нипочем не замерзнуть.

– Из-за вас, пизденки, возникает проблема удаления отходов в ее худшем варианте, и вдобавок вы поднимаете такой мерзкий скулеж, какого никто и нигде не слыхивал: «Ты меня любишь? Ты меня любишь?? Ты меня любишь???» Почему бы вам не вернуться на Венеру удобрять леса?

– А что до тебя, Белый Босс, так ты всего лишь реквизит для затасканного фильма Мартина, ты, терминальный временной джанки, отбуксируй свою неподъемную металлическую задницу обратно на Уран. Последняя доза на дорожку. Она тебе не повредит.

– Слыхал про черномазых? Откуда появились ниггеры? Да в антенных холодильниках они все родились, где же еще? Для х о р о ш и х черномазых всегда найдется местечко.

К тому времени все обезумели даже больше, чем пересрались. И все-таки НиН считал, что дело подвигается чересчур медленно.

– Нужна зацепка, – сказал он. – Что-нибудь по-настоящему мерзкое, вроде вируса. Не зря же они явились из страны, где нет зеркал.

Вот он и принялся издавать один журнальчик.

– Вот теперь, – сказал он, – я, с Божьей помощью, покажу им, каким мерзким может стать Мерзкий Американец.

И он изымает из банка образов все самые мерзкие картины и вводит их в подсознание, так что кризис следует за кризисом строго по графику. А НиН носится кругами, точно циркулярная пила, да еще этот его зловещий сверхновый смех – он слышен уже на всех улицах, он сотрясает здания до самого горизонта, точно все они бутафорские. Но я-то осматриваюсь, и чем больше смотрю, тем меньше нравится мне увиденное. Начать с того, что быстро и неумолимо, как еще нигде и никогда, надвигаются легавые Сверхновой. Но НиН только и говорит, что копы на меня вечно страху нагоняют, и снова поворачивается к своему видеоэкрану:

– В каком-то заштатном местечке заживо сдирают шкуру с начальника полиции. Хочешь полюбоваться?

– Вот еще, – сказал я. – Меня интересует только собственная шкура.

И я выхожу на улицу, а сам думаю: может и впрямь кое с кого не мешает заживо шкуру содрать. Потом заворачиваю в кафе-автомат, швыряю в щель монетки, беру пирожки с рыбой и наконец вижу воочию: китайские партизаны, к тому же на славу вооруженные вибрационными статически-образными пистолетами. Вот я и бросаю рыбные пирожки с томатным соусом и дую назад в контору, где Малый все еще прикован к экрану. Он на секунду отрывается от своего зрелища, плотоядно ухмыляется и говорит:

– Хочешь растлить ребенка и тут же его распотрошить?

– Обратись в слух и внимай. – И я ему все выкладываю. – Эти косые да узкоглазые шутить не будут, ясно?

– Ну и что? – говорит он. – У меня еще есть Управленческие Книги. Я могу хоть завтра вдребезги расколошматить этот полустанок.

Без толку с ним говорить. Гляжу я повнимательней, и до меня доходит, что блокада планеты Земля прорвана. Целыми армиями вторгаются разведчики. И все заинтересованные лица по горло сыты Несносным НиН. А он только и может сказать: «Ну и что? У меня еще есть»/ Резкая смена кадров.

– Управленческие Книги в наших руках. Фильм воняет горелым выключателем, словно паяльная лампа. Предварительно записанная тепловая вспышка сосредоточивается на Хиросиме. Этот полустанок настежь открыт для раскаленных людей-крабов. Медитация? Слушайте: ваша армия распыляется при поэтапной игре в “симбиоз”. Мобилизованы мотивы возлюбить Хиросиму и Нагасаки? Вирус для защиты терминальных сточных вод Венеры?

– Все народы проданы лжецами и трусами. Лжецы, которым нужно время для проявления будущих негативов, надувают вас новыми лживыми посулами, а раскаленные люди-крабы сосредоточивают в Риме войну с фильмом на истребление. Эти донесения воняют Сверхновой, распроданной работой, дерьмовыми рождением и смертью. Ваша планета захвачена. На всей пленке вы – собаки. Вся планета проявляется в терминальное тождество и полную капитуляцию.

– Но предположим, что киносмерть в Риме не сработает, и благодаря нашим стараниям каждое мужское тело больше обезумеет, чем пересрется. Нам нужна зацепка, чтобы раскрутить порок на всю катушку. Показать им с Божьей помощью, какими мерзкими могут стать в темной комнате самые омерзительные картины. Устроим печные засады. Прольем свет на все управленческие трюки. Мошенничество с симбиозом? Могу точно сказать, что "симбиоз" – засада, откуда прямая дорога в печи. "Люди-собаки" должны быть съедены заживо под раскаленными добела небесами Минро.

А "мальчики на побегушках" и "штрейкбрехеры" Несносного НиН фискалят направо, налево и в центр:

– Мистер Мартин и вы, члены правления, пошлые, слабоумные американцы, вы еще пожалеете о том, что с помощью своих синтетических грибов призвали Богов майя и ацтеков. Не забывайте, мы храним точную джанковую меру причиняемой боли, а боль эта должна быть оплачена сполна. Попятно, мистер Несносный Мартин, или я должен еще пояснить? Позвольте представиться: Майяский Бог Боли и Страха с раскаленных добела равнин Венеры, а это вовсе не Бог пошлости, трусости, уродства и слабоумия. На поверхности Венеры есть прохладное место, на триста градусов холоднее окружающего пространства. Уже пятьсот тысяч лет я удерживаю это место от притязаний всех конкурентов. А теперь вы хотите использовать меня в качестве своего "мальчика на побегушках" и "штрейкбрехера", управляемого с помощью машины "IBM" и горсточки вирусных кристаллов? Как долго вы, "члены правления", смогли бы удерживать это место? Думаю, секунд тридцать, со всеми вашими сторожевыми псами. И вы собирались направить всю мою энергию на операцию "тотальное уничтожение"? Все ваши "операции", тамошние или здешние, те или эти, как начнутся, так и кончатся, а потом – ищи-свищи. В е р н и т е м н е и м я. За это имя надо платить. Вы не заплатили. Мое имя – не для ваших целей. И отныне я считаю, что о тридцати секундах записано.

И видно, как лохи набираются ума, толпясь зловещими группами, и все громче становится ропот. С минуты на минуту ворвутся на улицу пятьдесят миллионов юных придурков с пружинными ножами, велосипедными цепями и булыжниками.

– Уличные банды, рожденные на Уране в условиях Сверхновой, выходите и боритесь за свои улицы. Призвать на помощь китайцев и прочие случайные факторы. Изрезать всю пленку. Сместить, отрезать, спутать, заболтать голосовые линии Земли. Слыхали о "Зеленой Сделке" Правления? Они намерены, нарядившись бабами, вскочить в первую спасательную шлюпку и бросить своих "людей-собак" под раскаленными добела небесами Венеры. Операция "Бич Небесный", известная также, как Операция "Тотальное Уничтожение". Хорошо же, управленческие ублюдки, мы, с Божьей помощью, покажем вам Операцию "Тотальное Разоблачение". Дабы увидели все. На Таймс-сквер. На Пиккадилли.

КОРОЧЕ, УПАКОВЫВАЙ СВОИ ГОРНОСТАИ

– Короче, упаковывай свои горностаи, Мэри... Мы немедленно сматываемся... Я уже видел, как это происходит... Лохи на нас ополчились... И легавые на подходе... Помню, ездил я с Джоном Известняком по “Угольному Дельцу”... А проворачивалось оно так: арендует он амфитеатр с мраморными стенами, он ведь камни расписывает, ясно? пока ты ждешь, может фриз сотворить... Так вот, напяливает он, значит, водолазный костюм, точно старый Пройдоха-Сюрреалист[179], а я влезаю на высокий пьедестал и качаю ему воздух... Ну, а он принимается малевать соляной кислотой на известняковых стенах и носится, как реактивный, с помощью воздушных струй, так он может за десять секунд всю стену разукрасить, углекислый газ опускается на лохов, и те начинают кашлять и ослаблять воротнички.

– Но что он рисует?

– Неважно, главное – публике нравится, и весь театр задыхается...

Короче, выворачиваем мы у этих бедолаг карманы и двигаем дальше... Если не зевать, никто вам дела Сверхновой не пришьет... Являемся мы в этот городишко, и мне сразу как-то не по себе.

– Что-то под этим кроется, Джон... Что-то не так... Чует мое сердце...

Но он говорит, что с тех пор, как нагрянули легавые Сверхновой, копы на меня вечно страху нагоняют... К тому же мы ни при чем – обчищаем себе карманы пьяных лохов, только и всего, все-таки три тысячи лет в шоу-бизнесе... Вот он и превращает свой амфитеатр в каменоломню, созывает туда женские клубы, поэтов и очковтирателей и устраивает, по его словам, “Культурную Программу”, а я влезаю в кабину подъемного крана и качаю ему воздух… Тут-то и собирается толпа лохов – старые мумии, увешанные бриллиантами, сапфирами и изумрудами, одна пышнее другой... Вот я и думаю: может, я не прав и все чисто, и тут вижу, что нагрянуло чуть ли не полсотни молокососов в аквалангах и с рыбьими острогами, и, недолго думая, ору с подъемного крана;

– Иззи Толчок... Сэмми Мясник... Эй, наших бьют!

А про воздушный насос-то я и забыл, и Угольный Малый синеет и пытается что-то сказать... Я спохватываюсь и подкачиваю ему немного воздуха, а он вопит:

– Нет! Нет! Нет!

Я вижу, как надвигаются другие лохи с кинопистолетами и статическими пистолетами, Сэмми с ребятами ничего не могут поделать... Эти юнцы врубили реверс... И тут появляется, дабы разобраться, что тут за шум, сам Синий Динозавр, и принимается швырять в этих неучей свои магнитные спирали... Те сперва отступают, а потом у него кончается заряд и он останавливается. Тут-то легавые Сверхновой и надели на всех нас антибиотиковые наручники.

СОСЕДИ В АКВАЛАНГАХ

Ездил я с Достойным Джоном по “Угольному Дельцу”... Воровство с участием шайки покупателей... А об афере этой он услышал по радио... Вот он прошлой весной и принимается расписывать Ограду “D”... И в захолустье обсирается воздушными струями... Десять секунд простоя, кончился наш углекислый газ, и по этому поводу мы начали кашлять и задыхаться под пальмой в кадке, в вестибюле...

– Медлить не приходится, ясно? Надо выпутываться из “Мошенничества с Рыбным ядом”.

– Понял... Если не зевать, никто...

Снова переместившись в Южную Америку, врываемся мы в этот городишко, и нас тут же нагрел этот гнусный Джон... Он-то своего не упустит... Сжег во мне три тысячи лет игрой в полицейских и воров... Короче, собирается толпа лохов в вирусе, они вот-вот растворятся, и все шито-крыто... Ассимилируем бриллианты, сапфиры и изумруды – один за другим... И тут меня окружает чуть ли не полсотни молокососов... А у него только Сэмми с ребятами... Одна доза... Врубили реверс... Передвижная лавочка закрывается, а так я работать не могу... Джон устроил мне лечение... Нагасаки в кислоте на стенах постепенно исчез под каучуковыми деревьями... Джон может пешком дотянуть обратную связь до 1910 года... Мы были не прочь купить и с осадком... Запастись им на воротничках в китайской прачечной...

– Но что за душный телесный пансион... Убаюкивает старых комедиантов... Словно Клеопатра ядовитого гада, вешает на вас дело Сверхновой…

– Спиртное?.. Я его не люблю... Пустые карманы в истертом металле... Чуешь? Но Джон говорит:

– Со времен космической аферы копы на тебя вечно страху нагоняют... Старая мумия увешана...

Тяжело и невозмутимо держится за прохладное кожаное кресло... Разглаживает редкие усики... Я остановился перед зеркалом... Еще краше в накрахмаленном воротничке... Это соседи в аквалангах с бесплатным завтраком повсюду распевают "Шестнадцатилетнюю милашку"... Я пошел без Иззи Толчка...

– Эй, наших бьют!!

Как раз добрался до китайской прачечной... Узкоглазого у входа-то я и забыл... Словесная доза выводит из личинки Синего Динозавра... Я прочел ее магнитно задом наперед... Единственный способ сориентироваться... В поездках с узкоглазым малышом Джон настроил глотку так, словно уже сделана запись... “Каменное Чтение” – так называем мы это в отрасли... Пока вы ждете, он уже упаковывает вещи в Риме... Я проверил водолазный костюм, как и каждую ночь... Там, на высоком пьедестале, разыгрываю этот чудовищный спектакль... В кислоте на стенах... Хоть часы сверяй...

Словом, попадаются нам двадцать улепетывающих через боковое окно лохов и воротнички...

– Но что в Сент-Луисе?

Всплывает картина памяти... И мы, в качестве старых комедиантов, потрошим серебряные гарнитуры, банки и клубы... В ту ночь, когда мы уходим, на вас вешают Дело Сверхновой... Мне как-то не по себе... Что-то убирается в прачечной, и моя плоть это чует...

Но Джон говорит:

– Днем после дельца копы вечно страху нагоняют... Обычное дело после грабежа...

Мы ни при чем, обчищаем себе карманы... Но одни раз все вдет наперекосяк... шоу-бизнес... Мы никак не можем отыскать поэтов и разглаживаем редкие кадры, а плоть не действует... Вот мы и остались без связи, точно севшие на мель идиоты... По-моему, нам подложила свинью собственная хворь... Они нас взяли... Старые мумии на поезде с джанковъм топливом... Нагрянула тающая плоть в аквалангах... Во всю глотку ору с подъемного крана…

– Эй, наших бьют!!

Вспыхивают три серебристые цифры... А про мадридские улицы-то я и забыл... И, ясное дело, подкачиваю ему немного воздуха, а он сказал:

– Que tal, Henrique?[141]

Я стою и качаю ему воздух в невидимую дверь... Врываемся мы в городишко, и тут же сексуально возбуждающая мазь...

– Док очумел тут, Джон... Что-то не так... Слишком много испанского.

– Что? Это – зеленое море? Зеленый театр?..

Так что мы потрошим лохов и в качестве старых комедиантов арендуем домик... И смываем с этого прохладного чистого китайского гера налет шоу-бизнеса... А Джон приступает к полноценному зеленому ритуалу и устраивает волокнистый серый амфитеатр в старой репе... А про тяжелое синее безмолвие-то я и забыл... Угольный Малый прибегает к помощи холодного жидкого металла и бежит подкачивать ему немного воздуха в голубой дымке испарившихся киношлемов... Металлическим джанки не подфартило... Ребятишки пересеклись с Полицией Сверхновой... Мы всего лишь поток пыли с размагниченных моделей... Шоу-бизнес... Календарь в веймарской юности... Поблекшие поэты в безмолвном амфитеатре... В этом воздухе исчезла его тюрьма... Щелкаем Сент-Луис под гонимой ветром сажей... Вот я и думаю: может, я был в старой клинике... Неподалеку от Восточного Сент-Луиса... За пару зелененьких в неделю краше не бывает... А про “Мамашу”-то я и забыл... А вы бы?.. Док Бенуэй и Угольный Малый устраивают в Далласе заварушку, и все из-за этого насоса – очумели от эфира и подмешали киношлемы...

– Он ушел через весь город, и тут же позади магнитофоны с его голосом, Джон... Что-то не так... Могу я задать бесцветный вопрос??

– Порядок... Главное – у меня есть безмолвие... Словесная пыль оседает три тысячи лет сквозь старый голубой календарь...

– Уильям, no me hagas caso[99]... Люди которые сказали мне, что я могу на тебя настучать, сами раскалываются как миленькие... сказал Уильяму «Прощай» и «Если не зевать», а я услыхал, как он врывается в этот городишко, и тут же захлопнул дверь, когда увидел Джона... Что-то не так... Невидимый гостиничный номер, только и всего... У меня был только нож, а он сказал:

– Ну и жарища – это Легавые Сверхновой прорвались сквозь швы... Словно три тысячи лет в раскаленных клешнях у окна...

А ми-истер Уильям в Тетуане и говорит:

– У меня есть штуковина, безопасная и жутко хитроумная... Эти бесцветные листы – и есть воздушный насос, а я вижу плоть, только когда она приобретает цвет... Написанное содержит некую идею, которая движет всякой плотью...

А я сказал:

– Уильям, tu es loco[180]... Врубил реверс... No me hagas, пока ты ждешь...

Кухонный нож в сердце... Чует... Ушел... Врубил реверс... Место не годится... No bueno[73]...Он упаковывает caso... Уильям, tu hagas вчерашний вызов... Эти бесцветные листы пусты... Можете искать где угодно... Не годится... No bueno... Adios, ми-истер Уильям...

МОШЕННИЧЕСТВО С РЫБНЫМ ЯДОМ

Ездил я с “Достоинство инкорпорейтед” и проверял продавцов на предмет воровства с участием шайки “покупателей”... Там были две пизды средних лет, у одной была чау-чау, которая скулила и тявкала в коконе из черных свитеров, и еще Боб Шефер, Главарь Шайки – американский фашист с рузвельтовскими шуточками... Дело происходит в Айове, по автомобильному радио передают одну вещицу: "Весной в ограде застряла старая свинья"... А Шефер говорит: «Бог ты мой, будто и не уезжали из захолустья». Той ночью остановились в Плезантвилле, Айова, покрышки наши спустили, а во время войны у нас не было на этот случай шинного пайка... А Боб напился и в придорожной закусочной у реки показал местным жителям свою бляху... А я наткнулся на Матроса под пальмой в кадке, в вестибюле... Мы охмуряли местных коновалов с помощью “мошенничества с рыбным ядом”... «У меня есть ядовитые рыбы, док, их привезли из Южной Америки в цистерне, я ихтиолог, а после того, как меня ужалила эта гнусная кандиру... Точно кровь подожгли, а то как же! Вот, доктор, опять начинается...» А Матрос разыгрывает свою сцену Раскаленной Добела Агонии и гоняется за доктором по всему кабинету, точно реактивный

паяльник. Он-то своего не упустит... Но коновалов обобрал подчистую... И вот, когда мы с Бобом, как говорят эти старые пизды, “схватили добычу” и арестовали одного угрюмого приказчика, по локоть запустившего руку в карман фирмы, то принялись по очереди разыгрывать крутого копа и копа-мошенника... А мне попадается один плезантвилльский коновал, в я ему говорю, что подхватил венерианский вирус и того и гляди растворюсь в ядовитых соках и ассимилирую прохожих, если не буду принимать свое лекарство, причем регулярно... Словом, попадается мне этот старый хрыч – воняет, как навозная куча, потихоньку выделяющая пар, и рычит на меня:

– С в а м и - т о что стряслось?

– Венерианская Шелудивость, доктор.

– Послушайте, молодой человек, я слишком ценю своё время...

– Доктор, неужели вы откажете больному в неотложной помощи?

Хоть и старое дерьмо, но добрый... Вышел я в отрубе...

– У него была только одна доза, Матрос.

– Да ты нагрузился... Ты ассимилировал коновала... Бросил меня на ломках...

– Да. Он был старый и непробиваемый, но не такой уж и непробиваемый для Едких Ферментов Вкрадчивости.

Матрос иссяк, а аптека закрывалась, вот я и испугался, что его плотское возбуждение помещает моим лечебным процедурам... Следующий коновал на одной стороне выписал пару бочек эротогенной кислоты, а на другой – Печи Нагасаки... И мы отключились под каучуковыми деревьями, вытянув ноги на длинную красную ковровую дорожку, обратной связью уходящую в 1910 год... Назавтра мы были не прочь купить это и в аптеке... Или запастись в китайской прачечной черным дымом... который заносится ветром в душные пансионы, тотализаторные залы и перечные забегаловки... Рухнул на унылую плоть, ничтожную и напыщенную, в театральном пансионе, дряхлый актеришка укрепляет жгут и пронзает вену, словно Клеопатра ядовитым гадом... Пробираемся назад мимо серых невозмутимых мелких жуликов... призраков пьяного сна, шарящих по карманам алкашей... Пустые карманы в истертом металле рассветной подземки...

Я очнулся в вестибюле отеля – запах тяжелый и устойчивый, – держа чужое тело в форме кожаного кресла... Я был болен, но не на ломках... Это была тяга к черному дыму... Матрос еще спал, редкие усики его молодили... Я разбудил его, и он огляделся с неторопливой гидравлической сдержанностью, глаза бесстрастные, непроницаемые...

– Выйдем на улицу... Я иссяк...

Я увидел, что и впрямь совсем иссяк, когда остановился перед зеркальной стеной вправить узел галстука в накрахмаленный воротничок... По соседству было полно

перечных забегаловок и дешевых салунов с бесплатным завтраком и грузными невозмутимыми буфетчиками, мурлыкающими "Шестнадцатилетнюю милашку"... Я шел без всяких мыслей, точно понукаемая лошадь, и добрался до Китайской Прачечной, что возле Массажного Салона Клары... Мы проникли внутрь, а узкоглазый у входа судорожно мигнул и снова принялся гладить манишку... Мы миновали дверь и занавеску, и черный дым заставил наши легкие отплясывать Джанки-Джигу, потом мы запаслись джанковым терпением, а китаец приготовил нам таблетки и вручил трубку... После шести трубок мы курим уже не торопясь и заказываем чайку, узкоглазый малыш выходит его заварить, и в моей глотке вылупляются слова, словно там уже сделана запись, и я читал их задом наперед... “Чтение с губ” – так называем мы это в отрасли, единственный способ сориентироваться, когда находишься в Риме...

– Я проверил этого козла-полицейского... Каждую ночь, в 2:20, он приходит в “Максорли” и принуждает местного педераста разыгрывать этот чудовищный спектакль на собственной персоне... Так регулярно, хоть часы сверяй: «Нет... Нет... Больше не могу... Хлюп... Хлюп... Хлюп».

– Значит, у нас есть по крайней мере двадцать минут, чтобы влезть и вылезти через боковое окно, а ровно через восемь часов мы будем в Сент-Луисе, и только тогда они спохватятся... По дороге навестим Семью...

Всплывают картины памяти... Голубой Мальчик и все тяжелые серебряные гарнитуры, банки и клубы... Мрачный холодный взгляд манипулирует стальными и нефтяными акциями... В Сент-Луисе у меня богатая семья... Дело было назначено на ту ночь... Когда мы уходили, я облапал японочку, убиравшую в прачечной, моя плоть поползла под джанком, и я договорился вечерком с ней встретиться... Недурно перед дельцем заняться сексом... После грабежа может произойти сексуальное перенапряжение влажного сна, особенно если все идет наперекосяк... (Как-то в Пеории[10] мы с Матросом грабили аптеку и никак не могли подобрать отмычку к шкафчику с наркотой – а фонарик погас, да еще и козел этот рыщет поблизости, и поплыли мы по Сексуальному Течению, глупо хихикая, точно севшие на мель идиоты... Ну, а копы гнусно радуются нашей хвори, они нас взяли и отвезли на вокзал, и мы садимся в поезд, дрожа и пылая без джанкового топлива, и вагон постепенно пропитывается теплыми растительными запахами тающей плоти и мочи... Никто не мог смотреть, как мы испаряемся, точно две навозные кучи...) Я пробудился от чуткого сна на ломках, когда вошла японочка... В голове у меня вспыхнули три серебристые цифры... Я вышел на мадридские улицы и выиграл в футбольном тотализаторе... Почувствовал латиноамериканскую душу, чистую и банальную, как солнечный свет, встретил у футбольной таблицы Пако, и он сказал: «Que tal, Henrique?»

И я отправился навестить своего amigo, который опять стал употреблять medicina, а у него не было для меня денег, он ничего не хотел делать, кроме как употреблять все больше medicina, он стоял и ждал, когда я уйду, чтобы принять еще, хотя клялся, что не собирается больше принимать, вот я и говорю: «Уильям, no me hagas caso». А вечером встретил в “Mar Chica” кубинца, который сказал, что я мог бы работать в его ансамбле... На следующий день я распрощался с Уильямом, и там некому было

слушать, а я, закрывая дверь, услыхал, как он тянется к своим medicina и шприцам... Когда я увидел нож, я понял, что на ми-истере Уильяме, как и на любом другом человеке, маска смерти... Pues[181], в каком-то гостиничном номере я увидел El Hombre Invisible[43], попытался достать его ножом, а он говорит: «Если ты меня убьешь, этот гроб расползется по швам, точно сгнившая нательная рубаха»... И я увидел уродливого краба с раскаленными клешнями у окна, а ми-истер Уильям принял какое-то белое medicina и наблевал в уборной, и мы сбежали в Грецию с парнишкой примерно моих лет, который то и дело называл ми-истера Уильяма “Бестолковым Американцем”... А ми-истер Уильям сделался похож на гипнотизера, которого я однажды видел в Тетуане, и говорит: «У меня есть штуковина, с помощью которой можно облапошить Краба, только больно уж она хитроумная»... А мы не смогли прочесть, что он там пишет на прозрачных листах... В Париже он показывал мне Человека, который в воздухе рисует на этих листах картины... А Человек-Невидимка сказал:

– Эти бесцветные листы и есть то, из чего сделана плоть... Становятся плотью, когда приобретают цвет и письмена...

Короче, Слово и Образ содержат идею, то есть на бесцветных листах предопределяется путь всякой плоти. А я сказал:

- Уильям, tu éres loco.

НЕ ГОДИТСЯ... NO BUENO

Так много лет... тот образ... встал и раскумарился на предрассветных ломках... No me hagas caso... Опять он так коснулся... запах пыли... Навернулись слезы... В Мексике он коснулся вновь... Холодный весенний ветер унес стертые в порошок кодеиновые пилюли... Дыры, прожженные сигаретами, в многочисленной Предметной Полиции… Не смог предоставить никакой информации, только уносимую ветром личность... вырождающуюся... “Мистер Мартин” не смог достать, только и всего... Хлебный нож в сердце... Тень отключила свет и воду... Мы пересекаемся на голых стенах... Ищем повсюду... Не годится... Вваливаемся в темную мятежную дверь... Мертвая Рука вытягивает ноль... Пять палок пыли поставили мы, все живые и мертвые... Молодая форма уехала в Мадрид... Демерол при свечах... Поверните стрелку... Последний Электрик, чтобы постучать в окно... Прибытие переселенцев... Яд мертвого солнца исчез и прислал бумаги... Парóм через флейты Рамадана... Мертвое ворчание в собачьем космосе... Дыра, прожженная сигаретой, во тьме... никакой информации, только холодное весеннее кладбище... Матрос сгнил в коридорах той больницы... Предметная Полиция хранит все доклады Правления, только и всего... Хлебный нож в сердце предлагает оценку бедствия... Он просто сел на “мистера Мартина”... Не смог достать плотью Ниньо Пердидо... Долго меж флейтами Рамадана... “No me hagas caso” скользит меж светом и тенью...

– Американец тащится через раненые галактики con su medicina[102], Уильям.

Половина вашего мозга, постепенно увядающего... Отключили свети воду... Не смог достать плотью... опустевшие стены... Ищем повсюду... Замер в пути и вижу мистера Брэдли мистера Нуля... Да и слепцы не могут отказать в картах моей крови, кого я сотворил... "Мистер Брэдли мистер Мартин", неужели трудно написать нам получше?.. Исчезли... Ищите где угодно... Не годится... No bueno...

Я харкаю кровью в тенях скользящих грифов... В "Меркадо Майориста" увидал заезжего типа... Некий ми-истер марикапский fruto[182], пьющий писко... пригвоздил меня взглядом так, что я сажусь и пью, и рассказываю ему о том, как живу под горой, в лачуге, крытой жестью, придавленной камнями, и как ненавижу своих братьев за то, что они едят... Он говорит что-то про malo viento[183] и смеется, а я знал одну гостиницу и пошел с ним туда... Утром он говорит, что я парень честный и он возьмет меня с собой в Пукальпу, он едет в джунгли искать змей и пауков, сфотографировать их, а снимки взять с собой в Вашингтон, вечно они что-нибудь увозят, даже если это всего лишь паукообразная обезьяна, которая харкает кровью, как и почти все мы здесь, зимой, когда туман опускается с гор и прямо липнет к одежде и к легким, и все кашляют и харкают кровавым туманом на грязный земляной пол, где я сплю... На другой день садимся в автобус до Миксто, к ночи мы уже в снежных горах, и ми-истер достает бутылочку писко, водитель напивается и гонит через сельву, и за три дня мы добираемся до Пукальпы... Ми-истер отыскивает одного колдуна, платит ему, тот готовит айахуаску, я тоже немного принимаю, и muy mareado[184]... Потом я снова очутился в Лиме и сам не знаю, где еще, и увидел ми-истера ребенком, в комнате с розовыми обоями, он смотрел на то, чего я никак не мог разглядеть... В глотке у меня был привкус ростбифа, индейки и мороженого, и до меня дошло: то, чего я никак не мог разглядеть, всегда было там, в коридоре... А ми-истер смотрел на меня, и я разглядел в его глотке слова уличного мальчишки... Назавтра за нами в отель явилась полиция, а ми-истер показал им письма к Команданте, вот они и пожали друг другу руки и ушли завтракать, а я сел в автобус и уехал в Лиму с деньгами, что он дал мне на снаряжение...

СМЕСТИТЬ КООРДИНАТНЫЕ ТОЧКИ

К9 вел бой с чужим экраном разума... Магнитные клешни нащупывали вирусные перфокарты... затягивали его в немыслимую круговерть...

«Назад... Держитесь от этих клешней подальше... Сместить координатные точки...»

На Ратушной площади длительная остановка – красный свет... Перед киоском с горячими сосисками стоял парень и сдувая с лица капли воды... Ветер приносил сквозь винные пары и каштановые волосы клочья серых испарений, а на пожелтевшем гостиничном фото была видна медная кровать… Неведомые утра развеяли дождь в паутину тумана... Летние вечера нащупывают путь в комнату с розовыми обоями... На рассветных ломках – шелест часовых стрелок и каштановых волос... Утро развеяло дождь на медно-красных крышах в ленивую дымку яблоневого цвета... Летний свет на розовых обоях... Серо-стальные столовые горы, освещенные розовым вулканом... Снежные склоны под северным сиянием... Неведомая улица

смешивает джанковые шорохи рассветных ломок... Вдали – флейты Рамадана... Огни Сент-Луиса увлажняют булыжную мостовую будущей жизни... Провалился сквозь писсуар и велосипедные гонки... На стене бара стрелки часов... Моя смерть пробежала по его лицу и растворилась в футбольных результатах... запах пыли на запасных армейских одеялах... Жесткие джинсы на фоне стены... А Кики по-кошачьи удалился... Некая чистая рубаха – и вышел... Он ушел в невидимое, утро развеяло... «Не годится... No bueno... Сам тусуюсь...» Такие вот вспышки мудрости...

К9 вернулся в район боевых действий... Перебравшись в юного китайца, отправил оборонительное донесение, с подпрыгиванием и щелканьем проскочившее сквозь бильярд-автомат... Вражеские планы рухнули во взрыве скоростных расчетов... Щелчки в перфокартах переадресованных приказов... Треск коротковолновых помех... Трраааххх... Грохот мыслящего металла...

«Вызываю партизан всех наций... Гибнет слово... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату... Улицы подчиняются бильярду... Очистить входы и выходы... Сместить координатные точки...»

– Билет, который лопнул, оставил мало времени, поэтому желаю “доброй ночи”... Клочья серого испанского гриппа не станут фото... Освети ветер зеленым неоном... Ты под надзором пса... Улица развеяла дождь... Если тебе захотелось чашку чая с розовыми обоями... Пес поворачивается... Так много и та-а-а-ак...

– Постепенно я составляю фотокарту... Световую поэму раненых галактик я сотворил под надзором пса... Улица развеяла дождь... Пес поворачивается... Воющая голова пересеклась с державами... Гибнет слово... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату...

Он ушел в незримые утренние часы, оставив позади миллион магнитофонов своего голоса, растаял в холодном весеннем воздухе, задав бесцветный вопрос?

«Безмолвие, тяжелое и синее, опустилось на горные селения... Пульсирующее неорганическое безмолвие, будто словесная пыль, оседает с размагниченных моделей... Вошел сквозь старый голубой календарь в веймарскую юность... Пожелтевшее фото на розовых обоях под медно-красной крышей... В предрассветной тишине серые человечки порезвились в его тюрьме и ушли в невидимую дверь... Щелкаем Сент-Луис под гонимой ветром сажей старых газет... “Долгоножка” напоминал Дядю Сэма на ходулях, он держал неподалеку от Сент-Луиса остеопатическую[33] клинику и заманил туда за два доллара в неделю несколько джанковых больных; они могли сколько угодно отрубаться в зеленых шезлонгах и любоваться дубами и лужайкой, спускающейся к маленькому озеру в солнечных лучах, а сестра ходила по лужайке и разносила серебряные подносы с джанком... Мы звали ее “Мамашей”... А вы бы?.. Мы с Доком Бенуэем укрылись там после заварушки в Далласе, и все из-за этой сексуально возбуждающей мази, а Док очумел от эфира и подмешал слишком много шпанской мушки, вот он, не долго думая, и сжег член комиссара полиции... Короче, заявляемся мы к “Долгоножке” немного поостыть, а он сидит себе как ни в чем не бывало в темной комнате с фикусами в кадках, и на столе серебряный поднос, где он любит держать недельный запас...

Сестра проводила нас в комнату с розовыми обоями, там был колокольчик – звони в любое время дня и ночи, и тут же появляется сестра с наполненным шприцем... А как-то раз сидели мы на лужайке в шезлонгах, завернувшись в пледы, был осенний день, желтели деревья, и над озерцом светило неприветливое солнце... Док срывает пучок травы...

– Джанк превращает человека в растение... Зелень, видишь?.. Зеленая доза должна долго держать.

Мы выписались из клиники и сняли домик, Док принимается варганить свой зеленый джанк, и подвал уже битком набит баками, которые воняют, точно навозная куча наркоманов... Короче, в конце концов он получает эту густую зеленую жидкость и набирает ее в шприц размером с велосипедный насос...

– Теперь надо подыскать достойный сосуд, – сказал он, и мы зааркaниваем одного старого любителя чумовых колес, говорим ему, что это чистейший китайский героин времен династии Линь, и Док ширяет ему прямо в вену целую пинту зелени, Желтая Шкура делается волокнистой и вянет, точно старая репа, а я и говорю:

– Лично я сматываюсь.

А Док отвечает:

– Сосуд явно недостойный... Кроме того, я уже решил, что джанк не зеленого цвета, а голубого.

Вот он и накупает уйму трубок и шаров, и они мерцают в подвале, целая батарея трубок, металлические испарения, ртуть и пульсирующие голубые сферы, и запах озона, и коротенькая голубая блюзовая нота высшего класса – раскумаривает до состояния металла, эта джанковая нота со звоном проносятся сквозь ваши кристаллы, и с лязгом падает тяжелое синее безмолвие... и все слова превратились в холодный жидкий металл и утекли прочь, а ты себе принимаешь дозу в прохладной голубой дымке испарившихся банкнот... Потом мы выяснили, что все металлические джанки радиоактивны и могут взорваться, если двое из них войдут между собой в контакт... В этой точке наших исследований мы и пересеклись с Полицией Сверхновой...

КИТАЙСКАЯ ПРАЧЕЧНАЯ

КИТАЙСКАЯ ПРАЧЕЧНАЯ

Когда молодой Сазерленд попросил меня помочь ему получить офицерский чин в Полиции Сверхновой, я в шутку ответил:

– Возьми Уинкхорста, специалиста-химика из фармацевтической компании “Лазарь”, и мы это дело обсудим.

– Этот Уинкхорст – преступник Сверхновой?

– Нет, просто техник-сержант, которого надо допросить.

Разумеется, я считал, что он ничего не знает о методах, с помощью которых подобные люди задерживаются для допроса... Это ювелирная операция... Сначала мы высылаем группу агентов.... (как правило, под видом журналистов)... для контакта с Уинкхорстом и подвергаем его воздействию целого набора стимулирующих средств... Контактирующие агенты заводят разговор и записывают ответ на всех уровнях, вплоть до словесных единиц, а фотограф делает снимки... Этот материал передается в Отдел искусства... Писатели описывают “Уинкхорста”, художники рисуют “Уинкхорста”, актер по системе Станиславского становится “Уинкхорстом”, а затем “Уинкхорст” отвечает на наши вопросы... Обработка Уинкхорста уже велась...

Через несколько дней раздался стук в дверь... На пороге стоял молодой Сазерленд, а рядом с ним – человек в пальто с поднятым воротником, так что видны были только горящие гневным протестом глаза... Я заметил, что рукава пальто пусты...

– Я надел на него смирительную рубашку, – сказал Сазерленд, вталкивая человека в комнату... – Это Уинкхорст. Я увидел, что воротник был поднят, чтобы скрыть кляп...

– Но... Ты меня не так понял... Не до такой же степени… То есть, конечно...

– Вы сказали взять Уинкхорста, разве не так?

Соображал я быстро:

– Хорошо... Вынь кляп и сними смирительную рубашку!

– А он не станет звать легавых?..

– Не станет.

Когда он снял смирительную рубашку, мне вспомнилась картина старого сна... Этот процесс известен как ретроактивное сновидение... Разыгранное четко и со знанием дела, оно становится свершившимся фактом... Даже если Уинкхорст поднимет крик, никто его не услышит... В мое прошлое вторгается обратная сторона

мирового зеркала... Стеклянная стена, значит... Уинкхорст не пытался кричать... С каменным лицом он сел... Я попросил Сазерленда оставить нас, пообещав дать его прошению законный ход...

– Я пришел за оплатой по счету прачечной, – сказал Уинкхорст.

– Какую прачечную вы представляете?

– Китайскую прачечную.

– Счет будет оплачен законным порядком... Как вам известно, ничто так не запутано и не отнимает столько времени, как оформление официальных распоряжений по поводу так называемых “личных расходов”... Вам известно и то, что оплачивать счета деньгами строго запрещено.

– Я уполномочен требовать оплаты... Это все, что мне известно... И могу я, наконец, спросить, почему я был вызван?

– Ну почему же вызван?.. Скажем так – приглашен... Так будет гуманнее... Дело в том, что мы проводим опрос, касающийся человека, с которым, полагаю, вы длительное время близки, а именно – мистера Уинкхорста из фармацевтической компании “Лазарь”... Мы беседуем с друзьями, родственниками, коллегами, чтобы предсказать его шансы на переизбрание капитаном софтбольной[185] команды администраторов-химиков... Вам, разумеется, должно быть понятно, сколь важен этот вопрос в свете девиза компании: «Играть только в м я г к и й мяч», не так ли?.. Теперь, просто чтобы оживить нашу беседу, предположим, что вы и есть Уинкхорст, и я буду задавать вопросы прямо, договорились?.. Прекрасно, мистер Уинкхорст, не будем терять время... Нам известно, что вы – химик, ответственный за синтезирование новых галлюциногенных наркотиков, многие из которых пока еще не выпущены, даже с экспериментальными целями... Мы знаем и то, что вы произвели определенные молекулярные изменения в уже известных галлюциногенах, свободно распространяемых во многих жилых кварталах... Каков же эффект этих изменений?.. Пожалуйста, пусть то, что я явно не обладаю специальными знаниями, не удерживает вас от полного ответа... Это не мое дело... Ваши ответы будут записаны и переданы для обработки в Технический отдел.

– Этот процесс известен как напряжение-деформация... Он происходит, или происходил, с применением циклотрона... Например, молекула мескалина подвергается воздействию циклотронного напряжения так, что деформируется энергетическое поле и некоторые молекулы становятся радиоактивными и приобретают способность к ядерному распаду... Обработанный таким образом мескалин... (известный как “препарат собачьего бешенства”)... вызовет в человеческом организме... э-э... неприятные и опасные симптомы, а главное – “тепловой синдром”, который является рефлексией ядерного распада... Объекты жалуются на то, что они горят, что их заперли в душной печи, что в теле роятся раскаленные добела пчелы... Раскаленные пчелы – это, разумеется, деформированные молекулы мескалина... Я, конечно, излагаю упрощенно...

– Есть и другие технологические процессы?

– Разумеется, но всегда это вопрос деформации или ассоциации на молекулярном уровне... Другой процесс заключается в подвергании молекулы мескалина воздействию определенных вирусных культур... Вирус, как вам известно, это крайне малая частица, которую можно легко ввести в молекулярную цепочку... Такая ассоциация позволяет точнее оценить состояние любого, кто перенес вирусную инфекцию, например – гепатит... С помощью такого препарата намного легче вызвать тепловой синдром.

– Можно ли дать этому процессу обратный ход? То есть, можете ли вы обезвредить соединение, уже подвергнутое деформации?

– Это нелегко... Проще было бы забрать у распространителей наши товары и заменить их.

– А теперь я бы хотел спросить, могут ли существовать безопасные соединения... Могли бы вы, например, соединить на молекулярном уровне мескалин и апоморфин?

– Сначала нам пришлось бы синтезировать формулы апоморфина... Как вам известно, это запрещено.

– И это весьма разумно, не так ли, Уинкхорст?

– Да... Апоморфин борется с паразитной инвазией, стимулируя регулирующие центры, чтобы нормализовать обмен веществ... Сильнодействующая разновидность этого лекарства могла бы дезактивировать все словесные единицы и погрузить Землю в полное безмолвие, уничтожив при этом тепловой синдром.

– Вы могли бы это сделать, мистер Уинкхорст?

– Разумеется... Если я получу приказ... Хотя, в свете известных нам обоим фактов, это маловероятно.

– Вы имеете в виду намеченную дату Сверхновой?

– Конечно.

– Вы убеждены, что это неизбежно, мистер Уинкхорст?

– Я видел формулы... Вчудеса я не верю.

– В чем заключаются эти формулы, мистер Уинкхорст?

– Вопрос в уничтожении отходов... Того, что известно как уран, это относится ко всем подобным сырьевым ресурсам, которые на самом деле являются одной из форм экскрементов... Данная проблема удаления радиоактивных отходов в конечном счете неразрешима ни в одной временно́й вселенной.

– Но если мы дезинтегрируем словесные единицы, то есть выпарим резервуары, тогда взрыва не произойдет, поскольку не будет достигнут желаемый результат...

– Возможно... Я химик, а не пророк... Считается аксиомой, что формулы Сверхновой не поддаются изменению, что однажды начатый процесс необратим... Вся энергия и все ассигнования сейчас направлены на планы спасения... Если вы заинтересованы, я уполномочен предложить эвакуацию... на временно́м уровне, разумеется.

– А взамен?

– Вы всего лишь отправите донесение о том, что на планете Земля нет никаких признаков деятельности Сверхновой.

– То, что вы мне предлагаете, это ненадежное аквалanговое существование в чужом затасканном кинофильме... Подобные люди сделали широкий разворот назад, к двадцатым годам... К тому же все это нелепо… Представьте, что я шлю словечко с Меркурия: «Климат прохладный и бодрящий... Туземцы крайне дружелюбны...» или: «На Уране ощущаешь легкость в членах и радостное чувство свободы»... Вот и доктор Бенуэй рычал: «Так ты попросту прольешь свет на собственное участие в грязном деле Сверхновой... Это же нелепо, все равно что: когда раскалывается яйцо, климат прохладный и бодрящий – или: Уран – это безграничная свобода»... Это же развалившийся старомодный розовый балаган 1917 года... Маленький унылый оросительный канал... Что же еще, если в порнофильмах показывают свидания с извивающимися паралитиками?.. Вы сулите мне аквалanговые объедки... ненадежную плоть... замусоленный фильм, фиговый листок... Сортир провонял кишечным уличным мальчишкой.

– Я уполномочен сделать предложение, а не оценивать его законность.

– Предложение отклоняется... Так называемые офицеры этой планеты охвачены паникой и, нарядившись бабами, рвутся к первой спасательной шлюпке… Подобное поведение недостойно офицера, и эти люди освобождены от командования, которое они и без того наверняка считали невыносимым бременем... За все время моей службы в качестве офицера полиции я ни разу не видел такого откровенно бестолкового заговора... Банда Сверхновой, которая здесь действует, – сплошь доходяги, где-нибудь в другом месте они не смогли бы даже прорвать цепь наших полицейских...

Это старый, испытанный подстрекательский способ вывести преступника на чистую воду... Три тысячи лет в полиции, а он все еще действует... Уинкхорст постепенно исчезал в раскаленных спиралях крабовидной туманности... Какое-то мгновение я был охвачен паникой... потом не торопясь подошел к магнитофону...

– Теперь, если вы будете столь любезны, мистер Уинкхорст, я бы хотел, чтобы вы послушали эту музыку и описали мне свою реакцию... Мы используем эту музыку в рекламе апоморфинной программы... Итак, будьте добры, послушайте, окажите любезность... Мы думаем вставить здесь негромкого уличного мальчишку...

Я поставил барабанную музыку Гнаовы и повернулся, сверкнули оба орудия... Сплошь и рядом под многотонным напором вылетели серебристые иглы, он все так же хорош, как прежде, нанося мощные проникающие удары в барабанном ритме... На экране появился скорпион-контролер – голубые глаза, раскаленные добела фонтаны брызг из расплавленного ядра планеты, где в полдень плавится свинец, его тело наполовину скрыто галереей майянского храма... Комната пропиталась зловонием пыточных камер и опаленной плоти... Пленные взяты в кольцо под раскаленными добела небесами Минро, и их заживо пожирают металлические муравьи... Я держался на расстоянии, окружив его мощными проникающими световыми потоками, семьдесят тонн на квадратный дюйм... Команды стали громкими и четкими: «Взрыв... Удар... Огонь... Проникновение... Смерть»... Экран раздвинулся... Я разглядел кодексы майя и египетские иероглифы... Пленные вопят в печах, разлагаясь на насекомовидные формы... Выполненный в натуральную величину портрет трупа без штанов, повешенного на телеграфном столбе и извергающего семя под раскаленным добела небом... Зловоние пытки, когда раскалывается яйцо... только на насекомовидные формы... Взятые в кольцо позвоночники собирают грибовидных муравьев... Глаза лезут из орбит, повешен нагишом на телеграфном столбе юношеского образа...

Музыка перешла на флейты Пана, и я перебрался в отдаленные горные селения, где в крытых шифером домиках клубится голубая дымка... Местечко, где под вечной луной живут люди-лианы... Давление исчезло... Семьдесят тонн на квадратный дюйм внезапно улетучились... Сквозь безмятежную серую даль я увидел, как взрывается в зоне низкого давления скорпион-контролер... Яростные ветры, исхлестывающие черную равнину, развеяли кодексы и иероглифы по мусорным кучам Земли... (Молодой мексиканец, насвистывая мамбо, спускает брюки у глинобитной стены и подтирает задницу страницей Мадридского кодекса.)... Местечко, где живут в песчаных бурях, оседлавших ветер, люди-пыль... Ветер, ветер, ветер в пыльных конторах и архивах... Ветер в кабинетах правлений и пыточных банка времени...

(«Зеленое жилище людей-лиан погружается в полное безмолвие».)

НЕПРЕРЕКАЕМЫЙ АВТОРИТЕТ

Когда я вручил свой отчет Окружному Инспектору, тот пробежал его глазами и едва заметно улыбнулся...

– Они сбили вас с толку военным фильмом и, как водится, снабдили ложной информацией... Разумеется, вы неопытны... В зоне сплошь зеленые войска... Однако ваши неправомочные действия позволяют нам обойти некоторые препоны... Теперь мы с вашей помощью доберемся до истины...

В главную контору фирмы “Лазарь и К°” вламывается полицейский патруль...

– А теперь, мистер Уинкхорст, и вы, уважаемые члены правления, нам нужен правдивый рассказ, и побыстрее, или вы предпочитаете беседовать с партизанами?

– Безмозглые тупицы.

– Информацию, и побыстрее... Некогда нам тут с вами церемониться.

ОИ стоял, полупрозрачно-серебристый, излучая мощную волну непререкаемого авторитета.

– Ладно... Мы будем говорить... Циклотрон воспроизводит образ... Это принцип микрофильма... все мельче и мельче, все больше образов в меньшем пространстве, образов, размалываемых циклотроном в кристаллики образной муки… Таким способом мы можем обработать всю ебучую планету и заткнуть ее себе в задницу в напальчнике... Наш с вами образ хорош, как прежде... В напальчнике, уловили? Как говорится, всего лишь старые комедианты, упаковывающие свои горностаи...

– Кончайте балаган... Прошу продолжить показания.

– Конечно, конечно, но теперь вам понятно, почему мы уссывались со смеху, глядя, как эти недоумки забивают себе башку фотомонтажом... Это все равно, что обстреливать танковый полк из дефективной рогатки.

– Предупреждаю в последний раз... Продолжайте свои показания.

– Конечно, конечно, но теперь вам понятно, почему мы так не доверяем тем недоумкам, что забивают себе башку развалившимся балаганом... Обстреливают танковый полк из санатория для дефективных 1917 года... Никогда не умел сдерживать похвальбу... Всего лишь старый комедиант...

(Он выступает с танцевально-песенным номером и утанцовывает за кулисы... Там его хватает коп 1890 года, который затем выносит на сцену куклу-чревовещателя.)

– Это, господа, карлик смерти... Как видите, действует с помощью дистанционного управления... Привет от мистера и миссис D.

– Дайте мне дозу, – говорит карлик. – И я расскажу вам кое-что интересное.

Гидравлические железные руки услужливо протягивают поднос с фосфоресцирующей мукой желто-коричневого цвета, напоминающей размельченный янтарь... Карлик достает из серебряной коробочки шприц и вкалывает щепотку муки в вену.

– Образы... миллионы образов... Вот чем я питаюсь... Циклотронное дерьмо... А эту привычку вы пробовали побороть с помощью апоморфина?.. Теперь я обладаю образами всех половых актов и пыток, которые когда-либо и где-либо происходили, и могу попросту все разнести, вы, подонки, теперь все в моей власти, до последней молекулы... Я обладаю оргазмами... обладаю воплями... Всеми образами, которые хоть раз высрал даже самый бездарный поэтишка... Я беру власть в свои руки... Я беру власть... Беру власть... – Он выступает с номером знахаря – с пеной у рта вращает глазами... – И еще я обладаю миллионами и миллионами и миллионами образов Меня, Меня, Меня, мееняяя. – (Он вырубается... Внезапно он вновь

оказывается в фокусе, орет и плюет в Уранского Уилли.) – Козел... Крыса... Натравил на меня легавых... Ладно... (Вырубается.)... Мне конец, но ты все равно стукач паршивый...

– Адресуйте свои замечания мне, – сказал ОИ.

– Ну что ж, безмозглые шерифы... Я из всех вас приготовлю декортикированные[12] препараты от бешенства... Вы ни за что не успеете вывести формулу апоморфина... Ни за что! Ни за что! Ни за что! – (С зубов его стекает едкая, раскаленная добела слюна... Комнату пропитывает запах фосфора.)... – Люди-псы... – Он падает в изнеможении и рыдает... – Не возражаете, если я приму ещё одну дозу?

– Разумеется... После того, как предоставите информацию, вы пройдете дезинтоксикацию.

– Он говорит, дезинтоксикацию... Боже мой, да посмотрите на меня.

– Прекрасно, сэр, к делу!

– Дерьмо... Урановое дерьмо... Вот чем питаются мои люди-псы... И я с удовольствием ткну их туда носом... Красота... Поэзия... Космическое пространство... К чему мне все это? Если я не получу образной дозы, то попаду в печи... Понятно?.. Высвобождаются все образы боли и ненависти... Это тебе понятно, кретин безмозглый? Мне конец, а твои глаза всё лезут из орбит... Голые леденцы юношеского образа, Панама... Кто увидел все по-другому?.. Из всех вас приготовлю декортикированную мандрагору[50]...

– Не кажется ли вам, мистер D., что в ваших же интересах содействовать нашей работе с формулами апоморфина?

– Меня это не волнует... С таким привыканием, как у меня...

– Откуда вы знаете?.. Вы что, пробовали?

– Конечно, нет... Позволь я кому-нибудь разработать эти формулы, и он свободен, понятно?.. А если хоть один свободен, то я лишаюсь наркоты.

– И все-таки у вас нет выбора, мистер D. И снова появился образ, дрожащий и расплывчатый, как старый фильм...

– У меня еще остались Доклады Правления... Я могу хоть завтра вдребезги расколошматить планету... А ты, крысенок, кончишь взаперти в ледяных печах... Мы называем это Запеченной Аляской[186]... Без Запеченной Аляски мне растением не сделаться... Сколько угодно умников готовы вечно дожидаться Запеченной Аляски. – Из глаз карлика посыпались голубые искры... По комнате волной прокатилась вонь опаленной плоти...

– Я все-таки для смеху разнесу планету на куски... Удовольствия высирает даже самый бездарный поэтишка... Подойдите поближе и взгляните на мои картинки...

Покажу вам кое-что интересное... Подойдите поближе и посмотрите, как они колышутся в грязном белье... Мы с вами Садовые Мальчишки, так же хороши, как прежде… Привлекательные картинки начинают возникать в повешенном с коленями, прижатыми к подбородку... Знаете... Красота обнажена и все так же хороша... Член встает и брызжет белилами... Не пробовали его промежность, когда раскалывается яйцо?.. Теперь я обладаю всеми образами в текущем вспять времени... Порыжевшие черные брюки... В раздевалке трутся друг о друга болезненные подонки... Я обладаю воплями... Я в и д е л ... Пылающие небеса, идиот... Не возражаете, если я приму еще одну дозу?... Джимми Шеффилд все так же хорош, как прежде... Плоть, комната в розовом балагане…

Молодой агент отворачивается и блюет.

– Труд полицейского не приносит удовольствия ни на одном уровне, – сказал ОИ. Он повернулся к Уинкхорсту:

– Эта особая порода проливает свет на ваши грязные фармацевтические препараты... Уровень...

– Но кое-что из моей информации было полезным... Это д е й с т в и т е л ь н о делается с помощью циклотрона... Но следующим образом... Допустим, я хочу разогреть мескалиновое соединение, для этого я закладываю в свой циклотрон ослепительно яркие фото из Хиросимы и Нагасаки и заштриховываю разогретую муку мескалином... Обнаружению не поддается... Все это весьма просто и шикарно... Красота обнажена, и все такое прочее... Или, допустим, я хочу испытать на мальчишке “Увлажненные Земли”, для этого я закладываю в циклотрон образ его члена, который брызжет белилами на раскаленных добела задворках Минро.

Карлик смерти приоткрывает один глаз...

– Эй, легавый, иди-ка сюда... Хочу тебе еще кое-что рассказать... Мог бы и настучать... Говорят, здесь этим все занимаются... Слыхал про черномазых? Откуда появились ниггеры?.. Мы называем это плотью путешествия... Лучше переносит транспортировку... И вот еще что... – Он вырубается.

– А апоморфинная формула, мистер Уиикхорст?

– Апоморфин – не слово и не образ... Было бы, разумеется, заблуждением говорить о вирусе немоты или апоморфинном вирусе, поскольку апоморфин – антивирус… Апоморфинные... э-э... препараты должны выращиваться в питательной среде, содержащей окололетальные величины боли и наслаждения, которые концентрирует циклотрон... Подвирус стимулирует особую антивирусную группу... Когда в уцелевших препаратах устанавливается иммунитет... а многие не уцелевают... мы получаем формулы, необходимые для победы над вирусной властью... Вопрос всего лишь в осуществлении программы прививок за то крайне ограниченное время, которое еще осталось... Слово рождает образ, а образ – и е с т ь вирус... Наша аппаратура в вашем распоряжении, господа, и я тоже в вашем распоряжении... Я, техник-сержант, могу работать на кого угодно... А эти офицеры даже не знают, на

какую кнопку нажимать. – Он свирепо глядит на отключившегося карлика, чьи руки превращаются в ползучие растения...

– Я не возвожу напраслину на декортикированную репу... Позвольте мне только сказать, как сильно все ребята в конторе и в лаборатории ненавидят вас, вонючие дальнобойные жопы, пиздолизы, ублюдки из правления.

Техника ликвидации Вирусной Власти.

«Господа, ранее предполагалось, что мы берем наш собственный образ и исследуем то, как можно сделать его более портативным. Мы обнаружили, что простые бинарные кодовые системы вполне могут вместить образ целиком, однако они требуют для хранения большого объема; наконец, было установлено, что бинарная информация, может быть записана на молекулярном уровне и весь наш образ сможет уместиться в зернышке или в песчинке. Однако было обнаружено, что эти молекулы информации не являются мертвой материей, а проявляют способность к жизни, которая в другом месте существует в форме вируса. Наш вирус заражает человеческое существо и создает в нем наш образ.

Сначала мы взяли наш образ и ввели его в код. В особый код, разработанный специалистами по теории информации. Этот код был записан на молекулярном уровне, чтобы сэкономить занимаемый объем, и тогда оказалось, что вещество, из которого состоит образ, не является мертвой материей, а обнаруживает тот же жизненный цикл, что и вирус. Вирус, свободно выпущенный в мир, заразит все население и превратит их всех в копии нас самих, выпускать вирус на свободу небезопасно до тех пор, пока мы не убедимся, что ни одна из групп, намеченных для превращения в копии, ничего не заметит. С этой целью мы изобрели множество разнообразных форм – форм хранения содержащейся в молекуле информации, которые в конечном счете всегда являются видоизменениями существующих материалов. Информация ускоренная, замедленная, видоизмененная, трансформированная наудачу с помощью воздействия на вирусный материал лучей большой мощности в циклотронах, короче, мы создали на информационном уровне бесконечное множество видов, достаточно, чтобы навсегда занять так называемых ученых исследованием "природных богатств".

Все это время важно было не допустить ситуации, при которой человек смог бы вообразить себе бестелесное существо. Вспомните, что разработанное нами множество видов было модификацией электромагнитной структуры взаимодействия между энергией и материей, а это не является сырьем для бестелесного существования».

Замечание Технического отдела Полиции Сверхновой:

Информация Уинкхорста по поводу так называемых "апоморфинных формул" была неполной... Он не упомянул алнорфин... Его действие направлено на то, чтобы закрыть морфину доступ в клетки... Инъекция алнорфина немедленно вызовет у наркомана симптомы отнятия... Он также является лекарством, помогающим при остром морфинном отравлении... Доктор Избелл из Лексингтона в статье, недавно

опубликованной в "British Journal of addiction", утверждает, что алнорфин не вызывает привыкания, а как обезболивающее действует даже более эффективно, чем морфин, однако не может быть использован, поскольку ведет к "психическим расстройствам"... Что такое боль?.. Очевидно, разрушение образа... Джанк – концентрированный образ, и этим объясняется его обезболивающее действие... Кроме того, не будь образа, не было бы и боли... Этим хорошо объясняется как обезболивающее действие алнорфина, так и неизученные "психические расстройства"... Поэтому мы начали свои эксперименты с назначением алнорфина в сочетании с апоморфином.

КООРДИНАТНЫЕ ТОЧКИ

Приведенный мною пример в какой-то степени показателен в отношении наших методов и тех людей, с которыми мы вынуждены иметь дело.

«Сомневаюсь, что кто-нибудь из вас на этой планете-копии хоть раз видел преступника Сверхновой (чтобы замаскировать свои действия, они подвергают себя мучительным страданиям), и уверен, что никто из вас ни разу не видел полицейского Сверхновой... Когда беспорядки на какой-либо планете достигают определенной точки, регулирующая инстанция разворачивает ПОЛИЦИЮ... В противном случае... ШЛЕП... Еще одна планета повержена в космическую пыль... Теперь я изложу некоторые механизмы и технические приемы Сверхновой, пользоваться коими следует крайне осмотрительно... Я прекрасно знаю, что ни на одной планете никто не обрадуется, увидев полицейского, поэтому позвольте мимоходом подчеркнуть: у полиции Сверхновой нет намерения оставаться после того, как выполнена ее работа... То есть, когда на этой планете будет устранена угроза Сверхновой, мы отправимся на другое задание... Мы выполняем свою работу и уходим... Разницу между нашим ведомством и той паразитирующей опухолью, которая зачастую дает метастазы, именуемые "Полицией", можно выразить в метаболических терминах: как различие между морфином и апоморфином. «Апоморфин образуется при кипячении морфина с соляной кислотой. При этом изменяются как химические формулы, так и физиологическое воздействие. Апоморфин лишен успокаивающего, наркотического эффекта и не вызывает привыкания. Это метаболический регулятор, надобность в котором отпадает, как только выполнена его работа». Я цитирую '*Пагубные Пристрастия и Их Лечение*' доктора Джона Дента из Лондона: «Апоморфин действует на затылочные доли мозга, стимулируя центры регулировки таким образом, чтобы нормализовать обмен веществ». Он применяется при лечении алкоголиков и наркоманов и нормализует обмен веществ так, чтобы снять потребность в любом наркотическом препарате. Апоморфин отрезает от мозга наркотические линии связи. Яд мертвого солнца растворяется в дыму...»

Полицию Сверхновой можно сравнить с апоморфином, регулирующей инстанцией, которая прерывает работу и не имеет намерения ее продолжать, как только сделает свое дело. Каждый, кто занимается каким-то делом, работает, чтобы в конце концов устареть и выйти из употребления, и это вдвойне верно по отношению к полиции.

Теперь рассмотрим паразитическую полицию морфина. Сначала она создает проблему наркотиков, потом утверждает, что назрела необходимость в постоянной полиции по борьбе с наркотиками, которая будет заниматься вопросами наркомании. Наркоманию можно контролировать с помощью апоморфина, сведя ее к незначительной медицинской проблеме. Полиции по борьбе с наркотиками это известно, вот почему она и слышать не хочет о том, чтобы при лечении наркоманов применялся апоморфин:

ПЛАН “НАРКОМАНИЯ”

Теперь вы спросите, хочу ли я сохранить навечно проблему наркотиков, и я отвечу: «Защищайте болезнь. Защита общества от болезни должна считаться преступлением».

В Соединенных Штатах эта проблема предусматривает использование тюрем, прежний наркотический план, наркоманию и преступления на долгие годы... всестороннюю “заботу” благотворительных организаций... Наркотики, которые упреждают применение лекарств... Факт, заслуживающий внимания... 4-8 стадий... заключенный был задержан... изолирован... затребован...

Наркомания – своего рода базис... должны быть сплошные наркоманы... Любая умышленная деятельность, направленная на подрыв Капитала Воли и Казначейского Банка… Зараза, пущенная в свободное обращение в качестве валюты на бирже наркотиков, выявила Тифозную Мэри, которая распространит наркотическую проблему на Соединенное Королевство... Кажется, наконец появилось средство... средство решения проблемы социальной, а значит – опасной для общества.

Действующий наркоман к нашей вящей выгоде представляет собой метастаз... поддерживающий злокачественный личный контакт... ширится Рынок... Дайте прокурору свободу засудить любую лазейку... (Разрезанная 'Борьба с наркоманией' Малькольма Монро, бывшего прокурора, в “*Western World*”, октябрь 1959 г.)

Как мы уже видели, образ – это джанк... Что нарушается, когда пациент теряет ногу?.. Конечно, его представление о самом себе... Поэтому он нуждается в дозе сфабрикованного образа... Галлюциногенные препараты смещают растровую модель реальности так, что мы видим другую “реальность”... Истинной или реальной “реальности” не существует... “Реальность” – всего лишь более или менее постоянная модель развертки изображения... Растровая модель, которую мы принимаем за реальность, навязана нам теми, кто изначально стремится к театральному контролю... Для того чтобы удержать контроль в своих руках, они решились на монополизацию и дезактивацию галлюциногенных препаратов с помощью пагубных изменений на молекулярном уровне...

Основной механизм Сверхновой крайне прост: постоянно разжигать как можно больше неразрешимых конфликтов и постоянно раздувать существующие конфликты... Это делается с помощью сталкивания жизненных видов с несовместимыми способами существования на одной планете... Разумеется, в этом нет ничего “дурного” в отношении любого отдельного жизненного вида, поскольку “дурное” касается лишь конфликтов с другими формами жизни... Главное в том, что

эти формы не должны находиться на одной планете... Их образы жизни в основе своей несовместимы в форме настоящего времени, а задача Банды Сверхновой как раз и состоит в том, чтобы удерживать их в форме настоящего времени с целью разжигания и раздувания конфликтов, которые ведут к взрыву планеты, то есть к Сверхновой... В любой данный момент времени магнитофоны фиксируют природу абсолютной потребности и диктуют применение тотального оружия… Например, так: возьмем две враждующие влиятельные группировки... Запишем наиболее страстные и агрессивные заявления группировки один в адрес группировки два и дадим прослушать группировке два... Запишем ответ и передадим его группировке один... Туда и обратно между враждующими влиятельными группировками... Этот процесс известен как “обратная связь”... Действие его хорошо видно на примере перебранки в пивной... Да и вообще любой перебранки... Умело налаженная в глобальном масштабе обратная связь ведет к ядерной войне и к Сверхновой... Эти конфликты умышленно разжигаются и раздуваются преступниками Сверхновой… Банда Сверхновой: “Сэмми Мясник”, “Зеленый Тони”, “Железные Клешни”, “Дешевка (Коричневый Артист)” [171], “Джеки Голубая Нота”, “Джон Известняк”, “Иззи Толчок”, “Мэри Гамбургер”, “Бешеный Жало”, “Подсознательный Малый”, “Синий Динозавр”, а также “мистер и миссис D.”, он же “мистер Брэдли мистер Мартин”, он же “Уродливый Дух”[172], который считается главарем банды... Банды Сверхновой… За все время своей работы полицейским я ни на одной планете не видел такого всеобщего страха и вырождения... Мы намерены арестовать этих преступников и передать их в Биологический отдел для внесения соответствующих изменений...

Вы спросите, можем ли мы ликвидировать эту неразбериху к вящему удовольствию всех замешанных в ней жизненных видов, и мой ответ будет таким... Ваше дело должно быть рассмотрено Биологическим Судом... в данное время, признаться, находящимся в плачевном состоянии... Не успевают приступить к делу, как судей тут же пытаются подкупить, так что каждый день они назначают заседания в новом месте, и их, словно брошенные игральные кости, постоянно сметают обращенные в паническое бегство виды, каждый из которых с идиотским упорством восхваляет свой нелепый образ жизни (в основном, конечно, никуда не годный), пытаясь соблазнить судей, ввергнув их в венерианский разврат, подмешать наркотики в пищу судебным чиновникам и застращать всю публику угрозой Сверхновой... За все время своей работы полицейским я ни на одной планете не видел такого всеобщего страха перед соответствующими изменениями... Неблагодарная работенка, как видите, и мы выполняем ее только для того, чтобы не пришлось ей заниматься где-нибудь в другом месте, в еще более трудных условиях...

Успех Банды Сверхновой зависел от позволяющей им действовать безнаказанно блокады планеты... Эта блокада была прорвана партизанской деятельностью, направляемой с планеты Сатурн, что позволило отрезать контрольные линии слова и образа, проложенные Бандой Сверхновой... Вот мы и внедрили своих агентов и начали работать, постоянно поддерживая тесный контакт с партизанами... Самый трудный вопрос заключался в отборе местного персонала... Откровенно говоря, мы обнаружили, что большая часть существующих полицейских агентств погрязла в безнадежной коррупции... над этим успела потрудиться Банда Сверхновой... Как ни парадоксально, некоторые из наших лучших агентов были завербованы из рядов тех,

кого на этой планете называют преступниками... Во многих случаях нам приходилось использовать агентов, не имеющих опыта полицейской работы... Разумеется, не обошлось без жертв и заебов... Вы должны понять, что секретный агент становится свидетелем самых гнусных преступлений и при этом лишь беспомощно ждет возможности вмешаться... бывает, долгие годы... и произвести окончательный арест... Поэтому неудивительно, что неопытные полицейские, направляясь наконец производить арест, иногда теряют самообладание... Это состояние, известное как “лихорадка ареста”, ставит под угрозу успех всей операции... Не так давно наш человек в Танжере перенес приступ “лихорадки ареста” и взял под стражу всех, кто находился на его видеоэкране, включая некоторых наших собственных тайных агентов... Он был переведен на бумажную работу в другой район...

Позвольте объяснить, как мы производим аресты... Преступники Сверхновой не являются трехмерными организмами (хотя, как мы увидим, организмами определенно являются), но, чтобы иметь возможность действовать, они нуждаются в трехмерных агентах-людях... Точка, в которой преступник-контролер пересекается с трехмерным агентом-человеком, называется “координатной точкой”... Если что-то и передается одним человеческим организмом-хозяином другому и идентифицирует контролера, так это привычка: темперамент, пороки, предпочтения в еде (нам удалось выследить Мэри Гамбургер благодаря ее нежной любви к арахисовому маслу), жест, улыбка, особый взгляд, другими словами – стиль контролера... Заядлый курильщик всегда будет действовать через заядлых курильщиков, наркоман – через наркоманов... Один контролер может действовать через тысячи людей-агентов, но он должен иметь линию координатных точек... Одни движутся по джанковым линиям через наркоманов Земли, другие – по линиям определенных половых извращений, и так далее... Лишь закрыв контролеру доступ ко всем пригодным для него координатным точкам и выкурив его из-под прикрытия “хозяина”, мы можем произвести окончательный арест... В противном случае преступник совершает побег в другие координаты…

Первые координатные точки попались нам в Лондоне. Затемнение... Захудалая гостиница неподалеку от Эрлз-корт в Лондоне. Один из наших агентов принимает вид писателя. Он написал якобы порнографический роман '*Голый Завтрак*', в котором изображен Трюк Оргазменной Смерти. Это и была наживка. И они на нее клюнули. Торопливый стук в дверь – и Оно здесь. Зеленый мальчик-девочка из венерианской дельты сточных вод. Бесцветные кровососущие твари из страны лугов, где нет зеркал. Агента затрясло в легкой лихорадке. “Лихорадке Ареста”. Зеленый Мальчик воспринял это возбуждение за дань своей привлекательности, почистил перышки и, нахохлившись, заходил по номеру. Такой организм опасен лишь тогда, когда его направляет Мозг-Насекомое с Минро. Той ночью агент отправил донесение:

«Контролер – женщина... Вероятно, итальянка... Сняла виллу под Флоренцией... В том же районе действует Брокер... Выставляю дозорных... Устанавливаю связь с местными партизанами... Возможно столкновение с венерианским оружием...»

В последующие месяцы мы раскрыли еще немало координатных точек. Приставив к Зеленому Мальчику круглосуточный хвост, мы проследили за всеми принятыми и переданными вызовами. В Танжере мы взяли Другую Половину Брокера.

Брокер – тот, кто устраивает преступные делишки:

«Взять этого писателя... этого ученого... этого художника... Он слишком близко... Подкуп... Мошенничество... Шантаж... Занять его координатные точки...»

Кроме того, Брокер находит исполнителя преступления, например: «Вызвать “Иззи Толчка”, требуется дефенестрация[187]. Вызвать “Зеленого Тони”, он поддастся на нежное мошенничество... В качестве последнего средства вызвать “Сэмми Мясника” и растопить Печи... Это особый случай...»

Все Брокеры имеют в преступном мире трехмерных связных, а избавлять их от слежки и прикрывать поручают Страже Сверхновой. Но когда в Танжере мы засекли Другую Половину, то получили возможность перехватывать вызовы, которыми они обменивались.

В этот момент к нам пришла настоящая удача в виде дезертировавшего из Банды Сверхновой Уранского Уилли, Тяжелометаллического Малого. Ныне известного своим бывшим сообщникам как “Уилли Шпик”. Уилли уже давно включен в список неблагонадежных и обречен на “Тотальное Уничтожение в Печах”. Однако он тайно затарился апоморфином, и таким образом спасся, и связался с нашим агентом в Танжере. Затемнение.

УРАНСКИЙ УИЛЛИ

Уранский Уилли, Тяжелометаллический Малый. Он же Уилли Крыса. Научил уму-разуму лохов. Его металлическое лицо расплывалось в вялой улыбке, когда через антенны, вживленные в его полупрозрачный череп, он слышал щебетание сверхзвуковых угроз.

«Смерть в Печах».

«Смерть в Многоножке».

Загнанный на этот глухой полустанок, окруженный Стражей Сверхновой, он все же получил неплохой шанс смыться. Электрик в бензиновой трещине истории. Его мозг опален раскаленными белыми вспышками. Одна надежда осталась во Вселенной: План “D”,

Он недалеко ушел от Охраняемой Зоны, но стер словесные кандалы и подал сигнал тревоги разрозненным мужским силам Земли:

ИДЕТ ВОЙНА НА ИСТРЕБЛЕНИЕ. КЛЕТКА ЗА КЛЕТКОЙ ПРОБИВАЙТЕСЬ СКВОЗЬ ТЕЛА И ЭКРАНЫ РАЗУМА ЗЕМЛИ. ДУШИ, ПРОГНИВШИЕ ОТ ОРГАЗМЕННОГО НАРКОТИКА, ПЛОТЬ, СОДРОГАЮЩАЯСЯ ОТ ПЕЧЕЙ, ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ, ВЫХОДИТЕ. НА ШТУРМ СТУДИИ...

План “D” требовал Тотального Разоблачения. Повсюду научить уму-разуму всех лохов. Продемонстрировать им плутовское колесо Жизни-Времени-Фортуны. Взять приступом Студию Реальности. И снова захватить Вселенную. План изменялся и совершенствовался по мере того, как поступали донесения от его электрических дозорных, обнюхивающих, сотрясавших экраны разума и улицы Земли.

«Район заминирован... Повсюду стража... Не могу прорваться...».

«Применить тотальное оружие... Сбросить Вирус Безмолвия…»

«Управленческие Книги захвачены... Большие потери...»

«Гибнет фото... Гибнет слово... Ворваться в Серую Комнату... Использовать Партизан всех наций... Башни, открыть огонь...»

Пленка Реальности подается и прогибается, как перемычка под давлением, а стрелка манометра все скачет вверх. Она стремится к СВЕРХНОВОЙ. Остались минуты. Жженый металлический запах межпланетной войны на сырых полуденных улицах, простреливаемых оглушительным стеклянным шквалом вражеского зенитного огня. Он рассеялся в серость, скользя меж светом и тенью по зеркальным улицам и лужам теней. Да, он учил уму-разуму лохов. Уилли Шпиком звали его, помимо прочих прозвищ; синдикаты Вселенной нащупывали его далекими пальцами убийства. Он зашел выпить чашечку “Настоящего Английского Чая Нашего Приготовления”, и к нему за столик, давя непререкаемым авторитетом, подсел худощавый серый человек.

– Полиция Сверхновой. Да, кажется, мы можем аннулировать старые Ордера Сверхновой. Работайте с нами. Нам нужны имена и координатные точки. Ваше прошение о Биологическом Переводе должно пройти соответствующие инстанции, наш отдел этим не занимается. Теперь, если не возражаете, мы осмотрим вашу комнату,

Легкими и холодными, как весенний ветерок, пальцами они перелистали его фотографии и бумаги. Серая Полиция Регулятора, невозмутимая и мрачная от непререкаемого авторитета. Когда-то Уилли уже с ними работал. Он знал, что они – секретные агенты, работающие в не менее опасных условиях, чем он сам. Они были преданными людьми и не задумываясь пожертвовали бы им или любым другим агентом, чтобы арестовать Банду Сверхновой:

“Сэмми Мясника”, “Зеленого Тони”, “Железные Клешни”, “Дешевку (Коричневого Артиста)”, “Джеки Голубую Ноту”, “Джона Известняка”, “Иззи Толчка”, “Мэри Гамбургер”, “Подсознательного Малого”, “Зеленого Спрута” и “Уилли Крысу”, который в последнее время учил уму-разуму лохов. И однажды во всепроникающей вспышке металлической ярости они расщепили Уран.

Когда он проходил мимо кафе “Саргассум”, зловещая зенитная артиллерия насекомых Минро нанесла удар по его жизненным центрам. Две Агентессы-Лесбиянки с сальными лицами, скроенными из пересаженной пенисной плоти, сидели, потягивая через гипсовые соломинки спинномозговую жидкость. Он

выпустил Завесу Безмолвия, и по кафе поплыл серый туман. Смертоносный Вирус Безмолвия. Обволакивающий словесные элементы. Затыкающий брюшные дыхательные отверстия Насекомовидных Людей Минро.

Серый дым поплыл серый который затыкает
сдвиг рана сплетение они дышать среда
слово рана сдвиг элементы слова
рана насекомое сплетение рана сдвиг
который обволакивает слово рана дыхание безмолвие
сдвиг брюшные рана сплетение затыкает слово
отверстия

Он не остановился и не оглянулся. Никогда не оглядывайся. Он так давно стал профессиональным убийцей, что уже ничего иного не помнил. Рожденный на Уране в Условиях Сверхновой. Чтобы помнить, надо быть свободным, а во Вселенной Максимальной Безопасности, Рождения и Смерти ему был вынесен смертный приговор. И он произнес слова, которые убивают “Слово”...

Глаз отбирает цвет у “слова”...

И всюду словесная пыль, словно грязная штукатурка на зданиях. Словесная пыль без цвета, гонимая ветром по дымным улицам. Яростное бионаступление из космоса на неоновый свет.

Спустившись по лестнице, Уранский Уилли вступил в бой со Стражником Печи. Его плоть съежилась, почуяв сухие раскаленные клешни насекомых. Очутился в западне, в этом бездушном месте. Пленник, заживо пожираемый раскаленными добела муравьями. Не теряя ни секунды, он испустил свою серебристую взрывную волну и, выходя во дверь, где прежде стоял стражник, уловил запах азотистых паров горящей пленки.

«Сместить языковые понятия... Очистить входы и выходы... Отрезать словесные линии... Гибнет фото... Гибнет слово... Ворваться в Серую Комнату... Использовать партизан всех наций... Б а ш н и , о т к р ы т ь о г о н ь ..:»

НЕУЖЕЛИ ГОЛЛИВУД ТАК И НЕ УЗНАЕТ?

«Гибнет слово... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату...»

Обезумевшая Машина Времени отдает бессмысленные приказы и контрприказы...

«Терминальный электрический голос, нота “до”... Сместить словесные линии... Отрезонировать “туристов”»

– Я сказал, с начальника полиции заживо содрали шкуру в Багдаде, а не в Вашингтоне, округ Колумбия.

– Британский премьер-министр злодейски убит во время правого переворота.

– Швейцария замораживает все иностранные вклады...

– Кретин безмозглый, ты же ликвидировал Комиссара...

«Отрезать словесные линии... Сместить языковые понятия...»

Планету охватывают электрические бури насилия... Из рук в руки переходят безнадежное положение и шаткое преимущество... Правительства вместе со всей цивилизацией и правящим классом низвержены на улицы тотального страха... Лидеры пускают в ход образные лучи, чтобы наводнить мир копиями... Выметаемыми контробразом...

«Гибнет слово... Гибнет фото... Улицы подчиняются бильярду-автомату».

Гонги насилия, да еще какого... Кое-что вам покажу... Обезумевшая машина... Врывается “мистер Брэдли мистер Мартин” со своей армией дурящих время подстрекателей, прибирает к рукам Концессию Реальности и назначает себя Госсекретарем Разрушенной Уборной... В уплату рабочие получают СОС... Серые прибывают на Лондонском Тумане... СОС-Правительства сливаются с затасканным металлическим рассветом, выметаемым сквозь чужую плоть… Контрприказы отдаются под звуки гонгов... Механизированный отряд полиции, поддерживающий общественный порядок на окраине округа Колумбия... Карлики Смерти переговариваются сверхзвуковыми взрывами морзянки... Выметаемые на орбиту Сатурновой Галактики, надышавшись аммиаком... Время и место смещаются в ускоренном кинофильме...

«Уничтожить позицию орудием типа бильярда-автомата... Башни, открыть огонь...»

Атмосфера и климат ежедневно менялись: от углекислого газа, через аммиак, к чистому кислороду… от засушливого зноя Минро к голубому холоду Урана... Однажды туземцев загнали в тяжелые рептильные формы неодолимой гравитации... потом выпустили в разреженный воздух унылых затерянных планет... Подземка смешала все наречия... D. снял на пленку миллион полей сражений...

«Неужели Голливуд так и не узнает?.. Невообразимое и совершенно идиотское бедствие...»

Невероятные формы тотального выживания появлялись, сталкивались, взрывались в меняющемся давлении... Гнусная плоть мошенников, крадущих время... Прозрачные цивилизации исчезли за разговором...

– Смерть, Джонни, пришла и победила.

Мы с Брэдли подкреплялись редкостной слизью... Из рук в руки переходят затхлые улицы вчерашнего дня... Тропинки безнадежного положения... Смещенная реальность... Тотальное выживание в меняющемся давлении... Листы плоти, растворяющиеся средь гигантских руин обезумевшей машины... «СОС • • • – – – • • • Кашляющие вражеские лица...»

«Орбитальный Сэмми с ребятами в Безмолвном Космосе... Эта машина работает на углекислом газе... Терминальный электрический голос, нота “до”... За камышовыми дверями нет возбужденных...

Власть, что переходит из рук в руки, пришла по радио... Тотальный страх в захолустье... Госсекретарь по Делам Дальневосточного Отеля злодейски убит на задворках гостиницы... Смертоносные дипломаты морзянки подкреплялись в коктейль-холле...

«Кислородный Закон не спасает от распространения голубого холода». Советский Союз заявил: «Те же самые люди, которые осуждали меняющееся давление, ныне хранят молчание...»

Переход к орбитальным процессам... Детский Фонд обладает разреженным воздухом затерянных мест... Движение “Милый Дом” для наводнения его копиями...

И тогда, не вставая и не снимая шляпы, я сказал: «Не собираюсь я делать ничего подобного...»

Омерзительная смерть от редкостной слизи ворвалась на орбиту космической блевотины... (Рассеянный свет горящей свечи… Помню, я был углекислым газом...) Возбуждающее изображение смещенной реальности... Джон затерян средь почти 5000 мужчин и женщин... Все прочие – на Серой Пелене... Плоть, промерзшая до крайне малых частиц, называемых “Здоровым Сознанием”, безвозвратно отправлена в уборную... Бесцветные слайды в мексиканском народе... Другая особенность кода на Серой Пелене... Для прочтения, так сказать, в голом виде... Приходится делать это на непристойных картинках... Инструкции на случай провала – на сиденье машины...

– Кретин безмозглый, ты же ликвидировал Теневой Кабинет...

Смёл крошечную полицию в сверхзвуковую морзянку... Сбор по Тревоге у выхода на проспект...

«Вызываю партизан всех наций... Отрезать словесные линии... сместить языковые понятия... Отрезонировать туристов... Очистить входы и выходы... Гибнет слово... Гибнет фото... Ворваться в Серую Комнату...– • – – • – • – – – – – • – • – • • • • • – • • – • – • • • – • • – • – – • • – – • • • • – – – – – – – – • • – • • – • – • • • – • • – – •»

БАШНИ, ОТКРЫТЬ ОГОНЬ

Сосредоточить партизан... Занять Башни на Испанской Вилле... Высота 32... Зеленый Воздушный Десант высадился в саду... Объективы открывают зенитно-световой огонь... Антенные орудия наносят удар по Гвардии Вампиров... Оттолкнув увядшие тела, они захватили Башни... Техник покрутил рукоятки управления. Он выпил соды и срыгнул в руку... Гэ-э.

– Этот чертов капитан – пройдоха, каких мало... Уран прав... Что это за установка такая ебучая?? Пердежа-то не стоит... Где тут включается реверс?.. Нашел... Входите, пожалуйста... Гэ-э Гэ-э Гэ-э.

«Привести к нормальному бою Установки Оргазменного Луча... Готенберг, Свободия... Координаты 8276... Занять Студию... Захватить Управленческие Книги... Захватить Карликов Смерти...»

На видеоэкране мерцали сверхзвуковые сексуальные картины... Пилоты приготовились к сбросу дрожащих электрических псов... Антенно-световые орудия поворачивались, отыскивая, нащупывая вражеские нервные центры...

– Фокус.

– Есть фокус.

– Башни, открыть огонь.

Атака... Удар... Взрыв... Схватка... Ранение... Смерть... Отбойные молотки на их Каменных Книгах... Бип-бип-бип... Смерть Страже Сверхновой... Смерть Гвардии Вампиров...

Пилот К9 взрывом уничтожил Гвардию Скорпионов и возглавил прорыв в Серую Комнату... Хранилище Управленческих Книг и Карликов Смерти... Громадный серый склад из ячеек проволочной сети... Ярус на ярусе находящихся в личиночной стадия карликов, искусственно вскармливаемых в колбах... Смертоносных Карликов Минро… Операция “Тотальное Уничтожение”... Зародыши карликов медленно шевелились в зеленой жидкости, питаясь через трубку в пупке... Тела, плотно спрессованные, пласт на пласте прозрачных листов, на которых записан Генетический Код Тотального Уничтожения, если раскалывается яйцо-хозяин... Карлики Смерти, ждущие перемещения в Хозяина-Человека... Перепечатан на Мягкой Пишущей Машинке с Каменных Скрижалей Минро...

«Врываюсь в Серую Комнату... Карлики Смерти захвачены... Управленческие Книги захвачены…»

«Следуйте к Секс-Устройству и Студии Порнофильмов... За Книжной Лавкой... Канал Пять, у Моста Шпигель...»

«Наступаю на Студию... Электрические бури... Не могу прорваться...»

«Пилот К9, вы поражены... назад... вниз».

Медики на полной громкости пустили через его наушники барабанную музыку... «Апоморфин, скорее...» Частотный скальпель зашивал раны точечными фототелеграммами из Банка Образов... Через три минуты К9 вновь был в бою и вонзался, вклинивался в стену черного зенитного огня насекомых... Вражеские Установки взлетели на воздух во всеиссушающем белом взрыве... Район боевых действий захватил громадные пригородные концлагеря Англии и Америки... Орущим Гвардейцам-Вампирам нанесен ослепительный пулеметно-световой удар...

«Партизаны всех наций, открыть огонь... схватка... взрыв... удар... ранение... атака... смерть...»

«Пилот К9, вы отрезаны... назад... Назад. Назад, пока весь этот ебучий сральник не взлетел на воздух... Немедленно возвращайтесь на базу... Следуйте на базу по музыкальному лучу... Держитесь подальше от зенитного огня времени... Все пилоты, возвращайтесь на базу по флейтам Пана…»

Обозревая происходящие на видеоэкране разрушения, Техник приготовил себе соду... Оценить ущерб было невозможно... Все поступившие к тому моменту цифры брались, похоже, с потолка... Установки разбиты вдребезги... Личный состав истреблен... Управленческие Книги уничтожены... Сквозь экраны разума Земли проносятся электрические волны сопротивления... Донесение Тотального Сопротивления на короткой волне Земли... «Идет война на истребление... Сместить языковые понятия... Отрезать словесные линии... Отрезонировать “туристов”... Очистить входы и выходы... Гибнет фото... Гибнет слово... Ворваться в Серую Комнату... Вызываем партизан всех наций... Башни, открыть огонь...»

КРАБОВИДНАЯ ТУМАННОСТЬ

Атмосфера у них лишена того, что называют “эмоциональным кислородом”. Среды, в которой существует животная жизнь, в этом бездушном месте нет... Желтые равнины под раскаленным добела голубым небом... Металлические города, управляемые Старейшинами – головами в колбах... Законсервированные навечно самые смекалистые мозги... Единственный вид бессмертия, доступный Людям-Насекомым Минро... Всеми действиями руководит запутанная бюрократия, связанная проводами с мозгами контроля... И все-таки существует изворотливое подполье, действующее с помощью телепатической дезориентации и маскировки... Партизаны делают записи с опережением во времени и оставляют эти записи, чтобы их приняли посты управления, когда выдастся несколько свободных секунд для организации подпольной деятельности... Подполье состоит главным образом из авантюристов, которые стремятся перемыслить и вытеснить правящие головы... В истории Минро произошла одна революция... Непрерывно проводятся чистки... Свергнутые головы уничтожаются в Печах и заменяются другими, более смекалистыми и прозорливыми, способными усовершенствовать тотальное оружие... Основным оружием Минро является, конечно же, нагрев... В центре каждого города стоят Печи, куда отправляют на тотальное уничтожение тех, кто ослушается мозгов контроля... Коническое сооружение из переливчатого металла, мерцающего жаром расплавленного ядра планеты, где в полдень плавится свинец... Печь окружена Латунно-Медными улицами... Здесь, пока пленных и преступников ведут на уничтожение, работают, отстукивая металлические ритмы, кузнецы и лудильщики... Печная Стража – это красные ракообразные люди с глазами, как раскаленное добела небо... Благодаря близости к печной боли и пленным врагам они иногда видоизменяются, чтобы дышать эмоциями... Нередко они помогают пленным совершить побег, а некоторые из них сбежали вместе с пленными...

(Войдя в квартиру, К9 почувствовал, как удушье Минро теснит грудную клетку и прерывает мысли... Он подключил резерв, пообедал и поддержал разговор... Когда он ушел, хозяин прогулялся вместе с ним по улицам Минро, мимо печей, уже пустых и холодных... Невозмутимый, сухой разум проводника дошел рядом с ним до угла Четырнадцатой и Третьей...

– Мне пора назад, – сказал проводник... – Иначе будет слишком далеко, чтобы идти одному.

Он улыбнулся и протянул руку, растворяясь в чуждом воздухе...)

Красный стражник в белой с золотом служебной мантии по Латунно-Медной улице, под грохот металлических молотков, привел К9 к печам... Пока вокруг него смыкалась раскаленная добела металлическая решетка, печной жар иссушал жизненное начало...

– Вторая экспозиция... Время три запятая пять, – сказал стражник.

К9 вышел на Латунно-Медные улицы... Район трущоб с торговыми палатками и тлеющими кучами шлака, пересекаемый глубоко вдавленными в фосфоресцирующий

металл тропинками... На площади, усеянной черными костями, он столкнулся с группой из пяти людей-скорпионов... Лица из прозрачного розового хряща, пылающие изнутри... жало, сочащееся печным ядом... Глаза их вспыхнули электрической ненавистью, они подползли ближе, чтобы его окружить, но, завидев стражника, отступили...

Они вошли в район татуировальных кабинок и секс-салонов... Музыка, подобная ветру в тонких металлических проводах, немного смягчала невыносимую сухую жару... Чёрные жуки-музыканты выпиливают эту музыку из воздуха, уносимого непрерывными знойными ветрами с окружающих город равнин... Равнины усеяны селениями с коническими, тонкими, как бумага, металлическими домами, где в самых жарких областях планеты живут никем не тревожимые, терпеливые и кроткие люди-крабы.

Контролер Крабовидной Туманности на шлаковой куче тлеющего металла, под раскаленным добела небом, направляет всю свою боль на мыслительный процесс контроля... Он защищен жаром, стражниками-крабами и мозгами, вооруженными ныне Ослепительно Ярким Фото из Хиросимы и Нагасаки... Подвластные ему мозги заключены в громадное сооружение из стали и вращающихся кристаллических мыслительных моделей, которые с опережением на тысячу лет правят целыми галактиками на шахматной доске из вирусных экранов и формул сопоставления...

Так вот, Люди-Насекомые Минро заключили союз с Вирусной Властью Людей-Растений, намереваясь захватить планету Земля... Весь фокус в фотосинтезе... Люди-Растения впитывают кислород и все равноценные ему средства поддержания животной жизни... Неизменные бесцветные листы между вами и тем, что вы видите, пробуете на вкус, осязаете, обоняете, едите... И эти зеленые растительные джанки постепенно расходуют весь ваш кислород, чтобы все время быть в отрубе от углекислого газа...

Войдя в кафе, К9 почувствовал бесцветный запах смыкающихся вокруг него людей-растений, эти съедобные люди, теряющие свои очертания в замедленном исчезновении, уже лишились вкуса и привлекательности... И еще там стоял большой бак, полный вдыхающих все это растительных джанки... Он прощелкал несколько обратных комбинаций на бильярде-автомате и вышел из кафе... На улице обыватели щебетали, точно сверхзвуковые манекены... СОСоманы, впитав в себя всю тишину в округе, уже сидели в синих глыбах тяжелого металла, под их тяжестью угрожающе прогибалась земная кора... Он пожал плечами: «Кто я такой, чтобы осуждать?»

Он знал, что значит отказаться от пристрастия к СОС: раскаленная добела агония плавящегося металла... и удушливая паника отнятия углекислого газа...

Вирус определяется как трехмерная координатная точка контролера... Прозрачные листы с вирусными отверстиями, подобные перфокартам, пропускаются через хозяина на мягкой машине, нащупывающей точку пересечения... Вирусная атака направлена прежде всего против эмоциональной животной жизни... Вирус ярости, ненависти, страха, уродства вихрем носится вокруг вас, дожидаясь точки пересечения, а попав внутрь, тотчас совершает от вашего имени какой-нибудь

скверный, пагубный или отвратительный поступок, четкие снимки и звукозапись которого становятся частью вирусных листов, вновь и вновь демонстрируемых перед вашим экраном разума, благодаря чему возникают все новые и новые вирусные слова и образы, он постоянно окружает вас, этот незримый град гнетущих слов и образов...

Чем занимается вирус там, где ему удается проделать лазейку и зацепиться?.. Он начинает питаться... А что он делает с тем, чем питается?.. Он производит точные копии самого себя, которые начинают питаться, чтобы произвести новые копии, которые начинают питаться, чтобы произвести новые копии, которые начинают питаться, и так далее, до установления вирусной власти – вирус страха-ненависти постепенно заменяет хозяина вирусными копиями... Программа “пустое тело”... Громадный ленточный червь гнетущих слова и образа на неизменной скорости ползет сквозь ваш экран разума по замедленной оси гидравлического хребта, точно цилиндрическая штуковина в счетной машине... Как вы заставляете кого-нибудь почувствовать себя глупцом?.. Вы преподносите ему все случаи, когда он говорил глупости, поступал и чувствовал себя глупо, вновь и вновь, любое количество случаев, введенных в комбинацию мягкой счетной машины, настроенной на поиск все новых и новых перфокарт и ввод все новых и новых образов глупости, отвращения, жалости, грусти, безразличия, смерти... После записей остаются электромагнитные модели... То есть любая ситуация, которая вызывает гнев, намагничивает модели гнева и составляет записи гневных слова и образа... Или некое отвратительное сексуальное извращение, пускай даже половая связь была в детстве – когда бы модели ни были намагничены половым влечением, появятся те же самые слово и образ... И так далее... Противодействие очень простое... Это машинная стратегия, а машину можно переориентировать... Сделайте на магнитофоне десятиминутную запись... Теперь прокрутите пленку еще раз, не воспроизводя запись, и встаньте туда наугад другие слова... В местах вставок с пленки сотрутся старые слова и на их месте появятся новые... Вы прокрутили время на десять минут назад, стерли с пленки электромагнитные словесные модели и заменили их другими моделями... Поработав с магнитофонной пленкой, вы сможете проделать то же самое и с пленкой разума... (Это потребует некоторого экспериментирования...) Старые пленки разума можно стереть начисто... Со старых моделей осыпается магнитная словесная пыль... Гибнет слово... Гибнет фото... «На прошлой неделе Роберт Крафт из обсерваторий Маунт-Уилсон и Паломар истолковал некоторые аспекты загадки взрывающихся звезд... Он неизменно обнаруживал, что взорвавшаяся звезда силами гравитации связана с другой, ближайшей к ней звездой... Обе звезды находятся между собой в странном симбиозном родстве... Одна из них – небольшая горячая голубая звезда... (Мистер Брэдли)... Ее соседка – более крупная красная звезда... (Мистер Мартин)... Ввиду того, что звездные близнецы расположены в непосредственной близости друг от друга, голубая звезда непрерывно вытягивает из красной горючее в виде газообразного водорода... Движение системы скручивает водород в накаленную добела “восьмерку”... Одно кольцо “восьмерки” заключает в себе одну звезду... Другое кольцо заключает в себе другую... снабженная новым горючим, голубая звезда воспламеняется»… Цитата из “*Newsweek*”, 12 февраля 1962 года...

Крабовидная Туманность, открытая китайцами в 1054 году н. э., образовалась в результате Сверхновой, то есть – взрыва звезды... Находится она на расстоянии

приблизительно трех тысяч световых лет от Земли... (Словно три тысячи лет в раскаленных клешнях у окна... Уловили?..) Прежде чем взорвать звезду, они подыскивают себе укромное местечко, по возможности удаленное на много световых лет... Потом откачивают все горючее, заправляются для броска в новое пристанище и тотчас же туда перебираются, по дороге празднуя это событие... Вы заметили, что у нас не так много времени, как у людей, скажем, сотню лет назад? Отнесешь белье в прачечную, напишешь письмо, заберешь почту в "American Express" – вот и день прошел... Они облапошивают нас со временем – крадут столько световых лет, сколько в состоянии унести с собой, совершая побег... Похоже, в Крабовидном Пристанище были уцелевшие, которые не во всех отношениях являются разумными людьми... А представители Закона Сверхновой уже на подходе... Вот они и предаются все тем же старинным утехам: откачивают все удовольствие, весь воздух, весь цвет на новое место, а что потом?.. Вы замечаете, как что-то высасывает вкус из пищи, наслаждение из секса, цвет – из всего, что вы видите?.. Вот именно: образуется область низкого давления, которая ведет к Сверхновой... А они мчатся через раненые галактики, неизменно опережая Легавых Сверхновой на несколько световых лет... Это они и проделали... Земля была нашей наживкой... И они на нее клюнули, сами сунули руки в антибиотиковые наручники... Нетрудно догадаться, что, сотворив одну Сверхновую, они должны создать и другую, иначе придется отвечать за первую... Я имею в виду три тысячи лет в раскаленных клешнях у окна, словно гигантский краб в шлаковых кучах тлеющего металла... К тому же, чем больше Сверхновая, тем чаще им приходится менять пристанище... Вот они и подкупают туземцев, суля им транспортировку и бессмертие...

– Да, старина, масса плоти, джанка и удовольствия, банковские подвалы всем этим битком набиты... Три тысячи лет плоти... Так что бросим там этих гнусных обезьян и по дороге отпразднуем это событие, идет?.. Единственный способ выжить...

И каждый ебучий раз на эту удочку попадаются шустрые дельцы... И они еще что-то говорят о лохах... Один из наших лучших внедренных дельцов известен как Деревенщина... Он усовершенствовал Обратное Мошенничество... Производит впечатление откровенного честняги, и всем шустрым дельцам кажется, будто это они его облапошивают... А что еще им может казаться, пока он не наденет на них антибиотиковые наручники...

– Каждую минуту рождается умник, – говорит он. – Закрываем лавочку, господа... Стенографист запишет ваши показания...

– Так зачем же я пытаюсь взорвать планету?.. Горошина под гильзой... Вот есть она а вот ее нет... Небо смещается, чтобы скрыть последнее пристанище... Забираем все с собой – и в путь... Я сделан из металла, и этот металл радиоактивен... До определенного момента радиоактивность можно поглощать, однако стрелки радиевых часов не стоят на месте... Пора в путь… Всего один турникет... Тяжелая планета... Берем с собой техников с Минро, знакомых с пультом управления, и венерианцев – дабы воспроизводить плоть и не дать балагану сбиться с пути... Потом – Ослепительно Яркое Фото, и мы катим дальше... Слово есть плоть, и слово – это пара, то есть человеческое тело спрессовано из двух организмов, а там, где есть пара, есть и слово, а слово есть плоть, и когда они начали искажать слово, тут-то все и

произошло: была прорвана блокада и нагрянули Легавые Сверхновой... Как и следовало ожидать, первыми раскололись венерианцы, им ведь грозила самая непосредственная опасность... Они живут под водой, в теле с воздушной линией... А эта воздушная линия и есть слово... Потом проболтались техники, да и что на них пенять, учитывая те условия, на которых я назначил их техниками?.. Словно три тысячи лет в раскаленных клешнях... И вот я, как водится, остался один... Поймите, Сверхновая – это место, где я рождаюсь в таких мучениях, после которых никто, кроме меня, не остается целым и невредимым... Вновь и вновь рождаюсь в пути через раненые галактики... Я – один, но "одиноким" меня не назовешь... Одиночество – продукт двойственной структуры млекопитающих... "Одиночество", "любовь", "дружба" и все прочее... Я не пара... Я – о д и н ... Но для сохранения моего состояния единичности мне необходима двоичность других жизненных форм... Другие должны говорить, чтобы я мог хранить молчание... Если одиночкой становится некто другой, я становлюсь парой... Так из двух единиц получается двойка, и я уже не один... Вы говорите, в космическом пространстве полно места?.. Но я один не в пространстве, я один – во времени... В металлическом времени... В радиоактивном времени... Поэтому я и пытался держать вас всех подальше от космоса... То есть от границы времени... А тех, кому иногда разрешалось выбираться наружу со специальным заданием, вроде разработки небесполезных религиозных концепций, всегда сопровождала венерианская стража... Всех "мистиков" и "святых"... Всех, кроме моего заклятого врага Хасана-и-Саббаха[161], который научил уму-разуму лохов, рассказав им о космическом пространстве и объяснив, что они могут стать одиночками и не нуждаются ни в страхе, ни в другой половине, ни в слове...

А теперь я хочу кое-что сказать всем космическим ловкачам, которые думают, будто оказывают влияние на Крупных Дельцов... «Молокососы! Бляди! Лохи!.. Я вас всех ненавижу... Я никогда и не собирался ни брать вас в долю, ни откупаться от вас, разве что конским дерьмом... И благодарите Деревенщину за то, что не взлетели на воздух вместе со всеми этими обезьянам и... Вам ясно, или стоит выразиться еще яснее? Вы – молокососы, бляди, лохи, это я выдумал вас, чтобы взорвать этот глухой полустанок и вместе с ним взлететь…»

ПЛОХОЙ ХОД

Не смог предоставить никакой информации, только ветер гуляет в мусорной куче до самого неба... На белую пленку полуденного зноя упала густая тень... Взорванный в глухом переулке искореженный металлический Оз... Ищи где угодно, Мертвая Рука... Фосфоресцирующие кости... Холодное весеннее детское место из той больницы... Приступы боли после ампутации... Хлебный нож в сердце – плата таксистам... Если бы я знал, то с радостью искал бы где угодно... У меня не годится... Плиходи пятниса... Постепенно исчезает нездоровая ветроподобность... Дым, только и всего... Мы пересекаемся в темных мятежных дверях... Безволосый череп... Смазанная плоть... Пять палок пыли поставили мы все... охваченные неторопливыми металлическими пожарами... Последнего электрика окутывает запах бензина... Я очнулся с секретной информацией от мертвых... Доклады Правления дожидаются Мадрида... Прерванное телодвижение con su medicina[102]... Кроткий нищий "Уильям"

на темной улице... Он стоял там, 1910 год, гибнут соломенные слова... Мертвые свет и вода... Любой из двух ходов – плохой ход... Лучше, чем тот?.. Ушел, могу сказать... Не годится, no bueno[73]… Белая вспышка исказила серебристый взгляд... Хлопья плоти в небе... Яростные приступы боли после ампутации... Скрюченный нищий пересекает и бесплодную темную улицу... Нет больше... No mas[96]... Их последний предел... Раненые галактики стучатся в окно... Сам тусуюсь... Плиходи пятниса... Ну сколько можно повторять... Не годится... No bueno…

Не унывайте, сэр, наша пирушка возносится на небо... Белая пленка, сделанная из мистера Мартина... Гниющие фосфоресцирующие кости несли бензиновые сны... Гибнет рука... Белая вспышка исказила “мистера Брэдли мистера Мартина”... Предметная Полиция, Смертоносный Запах Правления, пришло время темной улицы... Нет больше... No mas раненых галактик... Я сказал ему, что ты на пособии... Вымерли по затхлым улицам, сквозь мозговые извилины нашего вечно живого поэта... На этой цветущей земле доллар скручивают, чтобы прикурить последнюю сигарету... Последние слова отвечают вам...

Позади долгое время меж солнцами... Невыносимый голод через раненое небо... Холодно, ваш мозг постепенно увядает... Я поклялся трупом нашего вечно живого поэта... Последние слова отвечают на ваш ультиматум... Да не откажет мне проницательность при толковании дневника... Мистер Мартин мистер Корсо[188] мистер Бейлис[189] мистер Берроуз – с ними покончено... Это наши актеры[175], Уильям... Внутри бритва, сэр... Дерните за ручку... Та больница растаяла в воздухе… Авансируйте и унаследуйте иллюзорных мертвецов... Сыплются хлопья, которые были его тенью...

Металлические шахматы предопределили бензиновые костры и дым в неподвижном воздухе... Окуривающий на двух скоростях... Д. Л. идет “здесь”, рядом со мной, на длинном поводке из безволосого черепа… Смазанный плотью магнитофон, охваченный неторопливыми металлическими пожарами... Для наших “кислородных” линий необходимо собакоустойчивое помещение... Распределите магнитофонный комплект по группам… «Облей их бензином» предопределяет жизненную форму, в которую мы вторгались: писк насекомых... Я очнулся с “предназначенной для вторжения” записью, готовой звучать до тех пор, пока воспроизводится фантомная “жестокость”, пока не наберет “растленного” Эдуардова варианта скорости и громкости Мадрид... Магнитофон сгребает в кучу распухшую плоть... Наш уповающий на микрофоны оратор стоял там в соломенном слове 1910 года... Любой из двух ходов – плохой ход к Биологической Лестнице... Говорю, подчистую... Не годится... No bueno, полностью или отчасти... Очередное состояние гуляет по мусорной куче до самой формы А... Форма А направляет жар звуковых каналов... Белая вспышка исказилась до музыкальной формы... Жизненная Форма А, как следует ниже, была инородным концентратом... Разбитые трубы отвергают “кислород”... Постепенно исчезает паразитическая ветроподобность Формы А... «Гибнет слово... Гибнет фото» – смазанные плотью контрприказы... предопределенные последним Электриком… Чужой слизистокашельный язык, выученный для того, чтобы хранить все Доклады Правления в ожидании звукообразований... Чужой слизисто-распухший кодированный поезд на Мадрид... Превращается в “непристойные картинки 8”... простое повторение… Целое можно

использовать в качестве модели плохого хода... Лучше, чем писк «Не годится... No bueno»...

«Магнитофоны фиксируют природу абсолютной потребности: в т о р ж е н и е... “З д е с ь”... Ему отвечает любая жестокость... Как неизмененная, так и реверсированная... Лязг... Простите... Планета плетется где-то здесь... Последовательный отбор... Плоть замышляет мошенничество con su medicina,.. Очередное состояние соответствует... Стоп... Смотри... Форма А направляет звуковые каналы… Ну и что дальше?... Если хочешь, окончательное отключение... Если хочешь, умирает на Жизненной Форме В при отключении машины... Тип крови, предопределенный выключателем... Та же потребность... Тот же поступок... Не выживают ни в какой “эмоции”... Вмешательство?.. Уверяю тебя, оно не годится… Знакомым будет конечный продукт?.. Взаимный обмен всеми проводами? Ни хрена не выйдет... Могла бы мы стать частью множества?.. На Американском кладбище... Трудно разобраться, карты поступили на словесном уровне... Это он уехал в Мадрид?.. И поэтому, si, изучаешь? Обвиняемый был недоступен измененному вновь прибывшему... Ну и что?.. Просто слизистая машина работает с помощью ввода через американца... Слышал?.. Запараллелил звонок... Опоздал на несколько часов... Все ушли... Ты над этим думал? Вся пленка с восстановленной историей жизни-похорон оказалась чистой?.. Хотя бы это “вы”, “они”, “кто угодно” можете усвоить? Обвиняемый был недоступен измененным формированиям... Не годится... Машина работает с помощью ввода “не годящегося”... Кровь пролилась над Серой Пеленой... Параллельная струя... Многие смотрят на непристойные картинки?.. До Лондонской Космической Стадии, тонкое лицо, быть может... Изменить... Уточнить... Беспорядки дают модель поведения... Писк?.. Смех?..»

Постепенно, наплывом, возникает голос защитника: – Ясно, что вся защита должна строиться на экспериментах с двумя магнитофонными мутациями.

Вновь у окна, которое никогда не было моим... Отраженное слово, нацарапанное неким мальчишкой... Самое долгое из тягостных ожиданий... Пять лет... Билет лопнул в воздухе... Ведь я не знаю... Я н е з н а ю снов людских... Никогда не были моими... Тягостное ожидание... Застрявшее в дверях... Взрывчатый аромат... Любовь меж светом и тенью... Те немногие, что жили через раненые галактики... Любовь?.. Пять лет я рос, ворча во льду... Мертвое солнце коснулось плоти своим бродячим сновиденьем... Подземный путь, мистер Мартин, столь совершенной была ложь... Курс... Само собой... Условия уже испанские... Герметические, сами понимаете... Заперт в ее топком сердце... Страшная подводная гибель... Атлантида на ветру в зеленом неоновом свете... А топь – всего лишь принесенный течением бесцветный вопрос... Притом банальный... Его цель?.. Это уже труднее отстучать в окно... Один аспект вируса… И вновь банальный... Ворчание в собаках ради обобщений... Вши, с которыми мы пересекаемся... Яд мертвого солнца где-то в другом месте... Что там говорил о вшах старый человек-краб?.. Паразиты на “мистере Мартине”... Мой лед, мой идеальный лед, он никогда не ставит условий... Так заиспань заботливо мои глаза... И я принял вид молодого человека, который стоит... Мой пульс в унисон... Ни разу я не знал успокоенья... Поверните стрелку, застрявшую в дверях... цепляется... Чокада... стучать в окно...

Чокада... Вновь... Ворчание в собаках... Пять лет... Яд мертвого солнца с ней... С кем?.. Не знаю... Смотри отчет о непрямом скрещивании... А ваше имя?.. Берг?.. Берг?.. Брэдли?.. «мистер Мартин, si», Снегопад Беды... Хруст... Треск... Оцепенение... Лишь камбала пришла с приливом и шведской рекой Готенберг...

КАРЛИК СМЕРТИ НА УЛИЦЕ

Биологический агент К9 попросил счет и уловил сверхзвуковые подражательные волны Карликов Смерти... «L'addition... Ladittion... Laddittion Garcon... Garcon... Garcon» [190]... Американский туристический акцент в энной степени... Он заказал еще кофе и провел радиоконтроль кафе... За тем столиком все имитировали словесные формы и со сверхзвуковой скоростью огрызались... Некоторые из посетителей катались по полу в бреду... Эти смертоносные карлики, подделав ваши слова, могут за десять секунд протараторить целую газету, незаметно вставляя туда гипнотические оскорбления... Это вступительный трюк Карликов Смерти: сверхзвуковое подражание и воспроизведение, а вы принимаете это за собственный голос... (У вас есть собственный голос?) они вторгаются в Центры Правого Полушария, которые являются Центрами Речи, они находятся справа... справа... они правы... "ПРАВЫ"... «Я справа... справа... Пойми, я справа, раз уж ты слышишь, как я говорю внутри твоих правых центров: «Я справа» »... А в это время Карлики Секса размягчают эрогенные зоны... Так охватила весь мир вспышка Венерианской Шелудивости...

Агент К9 служил в Биологической Полиции, получившей задание взять Карликовую Чуму под контроль с помощью изоляции карликов от Центрального Поста Управления: Насекомого Мозга с Минро, заключенного в кристаллический цилиндр с холодными проводами, протянутыми к множеству счетных машин, снабжающих инструкциями Карлика Смерти на Улице... Мозг окружает Крабовая Стража, заряжающаяся от Термодинамического Банка Боли и Энергии... Крабовую Стражу нельзя атаковать напрямую, поскольку атака их напрямую заряжает... К9 уже участвовал в бою с Крабовой Стражей и знал, что может произойти, если они сомкнут клешни на чьих-нибудь нервных центрах...

К9 вышел из кафе и, обозревая уличную ситуацию, не мог не почувствовать, что кто-то свалял дурака... Карлики Смерти во многих случаях были отделены от хозяина-человека, но все еще заряжались от Центрального Поста и тараторили на улицах, подделывая слова и жесты всех, кто попадется на глаза... А в это время Карлики Секса, извиваясь, выползали из всех укрытий и с небрежным «приветик» в адрес каждого, кто не протестовал, разлагали эрогенные зоны, куда немедленно устремлялись Карлики Речи, так что несчастный путник в считанные секунды разрывался на куски, и карлики с пронзительными серебристыми воплями выхватывали их друг у друга изо рта... Столь губительное поведение этой жизненной формы лишало обывателей остатков терпения, и все носили с собой хитроумные самодельные устройства для защиты от Карликов Речи и специальные пластиковые чехлы, устойчивые к эротогенной кислоте Карликов Секса...

К9 без колебаний отдал приказ: «Сбросить Вирус Безмолвия... Накрыть зону»... Так со скоростью света охватила весь мир вспышка Болезни Безмолвия... В результате многие обыватели, целиком состоявшие из слова, моментально спятили и, превратившись в обезьян, с воплями понеслись по улицам, набрасываясь на прохожих, которые в свою очередь тоже нередко превращались в обезьян, заразившись Болезнью Безмолвия... Для борьбы с этими условиями, описываемыми как “невыносимые”, политические лидеры спроецировали из башен-аппаратных суровый благородный образ, и некоторым удавалось овладеть обезьяньими видами и в течение нескольких дней, а то и недель, контролировать их поступки... В конце концов лидер все равно опустошался силой тяготения так и не раскаявшихся обезьян, разрывался на куски своими переживающими рецидив избирателями, а то и сам превращался в обезьяну прямо на экране телевизора... Поэтому Уцелевшие, как они себя называют, жили в постоянном страхе перед стойкими карликами, совсем обезумевшими от потребности в хозяине... Зная, что в любую минуту ближайший прохожий может прямо на улице превратиться в мандрила[23] и вцепиться вам в глотку девственными клыками... К9 пожал плечами и отправил запрос на Техников... «Ошибка во вражеской стратегии теперь очевидна... Это машинная стратегия, а машину можно переориентировать... Установив письменную связь с Мягкой Машинкой, машина может лишь повторять ваши инструкции, поскольку сама творить не способна... Техническая сторона операции крайне сложна... Взгляните на фотомонтаж... В нем содержится мысль, сформулированная богатым изобразительным языком... Пусть Икс – мысль, содержащаяся в данном фотомонтаже... Чтобы выделить различные аспекты Икс, можно воспользоваться Икс-словами, Икс-красками, Икс-запахами, Икс-образами и так далее... Теперь вводим Икс в счетную машину, и Икс выдает соответствующие цвета, сопоставления, насыщенные аффектом образы и так далее; мы можем уменьшить или увеличить концентрацию Икс, изъяв или добавив определенные элементы и вновь введя в машину факторы, концентрацию которых хотим увеличить... Грамотный Техник учится мыслить и писать ассоциативными блоками, которыми впоследствии можно манипулировать в соответствии с законами ассоциации и сопоставления... Основной закон ассоциации и обусловливания известен студентам даже в Америке: любой объект, чувство, запах, слово, образ, сопоставленный с любым другим объектом, чувством, запахом, словом или образом, будет с ним ассоциироваться... Наши специалисты учатся читать газеты и журналы, скорее желая выявить формулы сопоставления, чем ради их сомнительного содержания... Мы выражаем эти формулировки Формулами Сопоставления... Эти Формулы, разумеется, управляют населением Земли... Да, сравнительно нетрудно предсказать, что люди будут думать, видеть, чувствовать, слышать через тысячу лет, если написать Формулы Сопоставления, которые предполагается использовать в этот период... Но технические детали вам понятны, а вот машины... каждая из которых имеет существенные изъяны и которые требуется непрерывно разбирать для ремонта, настраивать, мало того – необходимо заменять в них целые блоки компьютерных устройств, необходимо их чистить и ежеминутно отключать... искажают наши интеллектуальные волны и долгосрочные прогнозы... И позвольте мне, пользуясь случаем, ответить на критику со стороны моих гнусных оппонентов... Неправда, я не проводил и не провоцировал эксперименты, определяющие пороги боли и наслаждения... Я пользовался теоретическими отчетами о подобных экспериментах,

чтобы вывести формулы ассоциации боли и наслаждения, которые управляют этой планетой... Я возлагаю на себя ответственность не в большей степени, чем физик, работающий над материалом, передаваемым в парализованный мозг... Я разработал физику нервной системы человека, точнее – нервная система человека определяет физику, которую я разработал... Разумеется, я могу разработать другую систему, которая будет основана на совершенно иных принципах... Боль – количественный фактор... Как и наслаждение... Я располагаю материалами с судебных процессов политических чисток и из концентрационных лагерей, а также отчетами из Нагасаки и Хиросимы, очерчивающими границы мужества... Самые точные наши данные получены в Лексингтоне, штат Кентукки, где проходят обработку наркоманы Америки... Боль отнятия героина, характерная для наркомана, как нельзя лучше подходит для опытов в условиях контроля... Боль количественно определяет степень наркомании и стадию отнятия, а также количественно ослабляется бомбардирующими клетки агентами... Определив границы боли и наслаждения и выведя формулы сопоставления, нетрудно предсказать, о чем будут думать люди в течение тысячи лет или до тех пор, пока действуют эти формулы... Если мне позволят, я могу заменить их другими формулами... Никто серьезно не задумывался над созданием качественной математики... Мои формулы предоставляют такую возможность... Допустим, перед нами счетная машина... Разумеется, она может обрабатывать качественные данные... Например, цвет... Я ввожу в машину голубое фото, оно подается в Голубой Блок, и наружу с шуршанием вылетают сотни или тысячи голубых фотографий, в то время как машина в голубом запахе озона исполняет голубой блюз, а на тиккерную ленту выплескиваются грустные голубые слова всех поэтов... Или ввожу тысячу романов, а выдаются последние страницы... Разве это не качество? Не полная завершенность?»

– Зеленый Тони раскололся, направляюсь в Галактику Икс...

– Вся банда раскололась... Можно приступать к окончательным арестам... Привести в действие механизм ареста... Прикрыть всех агентов и все ассоциации формулами сопоставления... Пропустить растровые модели сквозь координатные точки Земли и обнаружить мистера и миссис D... Главных Преступников Сверхновой... Сквозь экраны разума Земли, защищающие координатные точки, преграждающие руке, рту, лихорадке доступ к D... Серебряные антибиотиковые наручники, соответствующие вирусным фильтрам D, и… Замок... Щелк... Мы произвели этот арест... Вы поймете, почему все представления о мщении или благородном негодовании у агента Биологической Полиции должны быть оперативно удалены... Мы здесь не для того, чтобы помешать сбиться с пути этому опостылевшему старому балагану несправедливости, а для того, чтобы остановить его, пока он не влип в Сверхновую...

– Сверхновая... Сверхновая... Сверхновая... – визжат Карлики Смерти... – Арестовать добрейшего мистера D.?.. Да ведь он оплатил мою операцию по удалению грыжи...

– Порядок... Сбросить Вирус Безмолвия... Накрыть Зону…

– Мышление ассоциативными блоками вместо слов дает оператору возможность обрабатывать данные ассоциативного ряда со скоростью света... Разумеется, не обходится без некоторых перемен...

КРАЙНЕ МАЛЫЕ ЧАСТИЦЫ

17 декабря 1961 года... Прошедшее Время... Ошибка во вражеской стратегии теперь должна быть осмыслена, я вовсе ничего не скрывал, а машину можно переориентировать... Эти образно-ассоциативные юнцы со знаменами интерязыка уже у выхода на проспект...

Время: Ночь перед авантюристами, которые надеются образовать еще одно ослепительно яркое фото... Концентрация Главного Управления по Нанесению Ущерба с отчетами из Хиросимы... Некоторые из новых галлюциногенов и Нагасаки... Небольшая передозировка диметилтриптамина[191]... Ваши города – это печи, куда южноамериканские наркотические растения принесли тотальное уничтожение... Мозговые вопли миллионов, которые наделены в том месте жизнями контролера, эхом отозвались с раскаленных добела голубых небес... Всегда можно пустить в ход Сверхновую, ныне вооруженную башенными зарядами из Хиросимы и Нагасаки... В такой боли у него всего один турникет...

Бюрократия приноровилась ко всему... В недрах невероятно изменчивых условий рождаются космологии телепатической дезориентации... Кинофильмы, перекрывающие друг друга на экране разума, делают записи с опережением и исчезают перед самой записью процесса мышления... Самые точные данные получены нами в ООН (Организация Объединенных Наркоманов)... его план заключался в тайной переправке американских наркоманов через кордон... Боль отсутствия героина – частенько повод для окон преследовать цели, несовместимые с бомбардирующим клетки агентом... Самые точные данные с Безмолвными Людьми... Планировался едва ли не сверхчеловеческий наркотик, пылавший во всех его сопоставлениях... Ныне он был голый по самые Нагасаки, очерчивающие границы против него... Проектор может переместить свою немногословную армию до растворения плоти...

Честность и храбрость в лаборатории нежелательны... Эксперименты по выделению зла подчинили своему влиянию эту планету... На улицах Нагасаки, очерчивающих границы храбрости... Мы обнаруживаем националистические взгляды и конфликты, доходящие до уровня наркомании... Нетрудно предсказать, что интерполяция возьмется за оружие, чтобы отстаивать от обманутых свои собственные фальшивки... Может появиться до 500 Главных Идеологических Управлений, располагающих Чиновниками, изготовленными из синтетических материалов... Галлюциногенные препараты вскармливают трехмерные координатные точки... Новые галлюциногены направлены против эмоциональной животной жизни... Небольшая передозировка уродства, страха и ненависти... Печи были пылью образов, вихрем носившей вокруг вас тотальное уничтожение... Какой-нибудь скверный, пагубный, отвратительный поступок, четко записанный, становится частью «Гибнет

фото... Гибнет слово...» вновь и вновь демонстрируемых перед тем, как башни открывают огонь... Инородному вирусу удается проделать растворение миллионов... Он начинает питаться... Воплями эха отозвались раскаленные добела копии самого себя... Так что Биологический Вид Страха может занять место хозяина, ныне вооруженного ленточным червем гнетущих слова и образа плюс Нагасаки... Главное Управление по Нанесению Ущерба... Двойственная структура млекопитающих... Хиросимные Люди... Или некие отвратительные чиновники изготовили все остальное...

Помощник Министра юстиции по делам Страха заявил вчера, что раскрыты обстоятельства, при которых слухи о кумовстве могут «образовать новый минерал, способный дискредитировать президента»... Коварная разновидность плотного кремнезема, в качестве крайне малых частиц вмешавшаяся в политику Линдона Б. Джонсона, супруги двух негритянских агентов секретной службы... Еще один Неорганический Американец, образованный в результате столкновения с метеоритом… «И из него выйдет превосходный оратор», – заявил он...

За этими столиками сидят, по существу, дипломаты-карманники... Некоторые перестановки в степенном и прославленном цветнике, идеальные, однако, для процессов, происходящих в тихом ресторанчике с видом на реку... Полицейские меры и закон – негодные средства борьбы против широко распространенного публичного облапывания в очередях за жратвой, заявил вчера Советский Союз... Антиамериканцы немедленно осудили отживающую свой век непреклонную позицию Кеннеди:

«Вашингтон в состоянии справиться с подобного рода безответственной пропагандой в Венесуэле... За пределами Каракаса я глубоко удручен попытками Советского Союза силой вернуть нас во времена, когда мы вдрызг тащились от того, что администрация нарушила свое двадцатимиллиарднодолларовое торжественное обещание…»

Когда личная вещь прекращала вставать, он просил подаяния...

Ошибкой во вражеской стратегии, является дезориентированный пульт управления... Слово – это ПАРА, то есть запись гибельного людского интерязыка... А там, где есть ПАРА, есть и слово с душком национализма... Они начали прогрызать сети... Была прорвана блокада Главного Управления по Нанесению Ущерба... «Вызываю партизан всех наций... Гибнет крабовое слово... Гибнет вирусное фото... Ворваться в Серую Комнату...»

ИЗ СТРАНЫ ЛУГОВ, ГДЕ НЕТ ЗЕРКАЛ

Выйдя из джунглей с их тухлыми, затянутыми паутиной болотами, курсант проник сквозь дощатый забор в некоем месте с деревянными дорожками и заграждениями... вошел в запретную дверь, и кто-то спросил:

– Что тебе нужно?

Курсант уставился в пол и ответил:

– В общем-то ничего.

Он спустился по деревянному настилу к школьной парте из покрытого шеллаком бурого клена, за которой сидела женщина.

– Где ты был?

– На собрании Дальнего Общества... А теперь возвращаюсь в школу...

– На собрании какого общества? Где?

– На собрании Дальнего Общества... Там...

– Ложь. Собрание Дальнего Общества проходит вон в той стороне.

Он принял невозмутимый вид, готовясь к Главной Боли, – его учили принимать невозмутимый вид, чтобы ничем себя не выдать.

– Я был на собрании, – сказал он.

– Шесть часов принудительных работ... Стража...

И дубинка принялась охаживать его по ребрам, почкам и шее, тыкать в яйца и живот – не имело значения, выполнил он порученную работу или нет, к тому же потеря самообладания каралась смертью. Потом его вновь повели во Всемирную Торговую Школу К9, и быстро ли он шел, медленно или ни шатко ни валко – все равно на него продолжали обрушиваться костоломные удары... Так курсанты познают Главные Формулы Боли и Страха... Устав и персонал сменяются через произвольные промежутки... Курсанты, чье примерное поведение поощряется или поддерживается силой, в качестве наказания же подвергаются длительным лишениям, воздействию шума и скуки; совершившие проступок курсанты лишаются вознаграждения и постоянно переводятся из одной школы в другую, теряясь в догадках: то ли они добились выдающихся успехов, то ли их спишут, отправив на свалку...

Ли очнулся с вибрирующим позвоночником, его комната пропахла дымом чужих сигарет... Он пошел по улицам, охваченным цветными бурями – замедленное движение в спинномозговой жидкости, – приблизился к рыбьему городу мраморных улиц и медных куполов... На берегах каналов терминальных сточных вод... зеленые мальчики-девочки ухаживают за садами розовой плоти... Земноводные кровососущие

твари, которые существуют в чужой плоти... существа двойного пола, унылые, как увлажненные земли болотистой дельты до самого неба, которое не меняется никогда... Где циркулирует плоть, затхлая и гнилая, как зацветшая вода... лиловыми губчатыми жабрами... Они вдыхают плоть... медленно оседающую в едких зеленых ферментах, растворяющих тело... разъедающие жабры настроены на дыхательный ритм хозяина... едят и испражняются через лиловые жабры и движутся в медленно оседающем облаке нечистот... Они живут парами, известными как Другая Половина... невидимый сиамский близнец, заселяющий и покидающий единое тело... общаются с помощью неторопливых клочков пересаженной плоти и вирусных моделей, обмениваясь генитальными нечистотами, вдыхают и выдыхают друг через друга ленивыми лиловыми жабрами полусна, с жестокими идиотскими улыбками пожирая терминальных наркоманов, пристрастившихся к Оргазменному Наркотику, под высеченной в черном камне надписью:

Природа Нищенства

Потребность? – Нужда…

Нехватка? – Потребность...

Жизнь? – Смерть...

– Это предостережение, – сказал Принц с ленивой бронзовой улыбкой... – Больше ничего мы сделать не можем... Здесь, где циркулирует плоть, как одежда на прогнившем торговом теле Испании и Сорок Второй улицы... растровая модель ног... брючный запах Бродячих Игроков в Мяч...

Ли очнулся в зеленом дыхательном ритме... Жабры неторопливо шевелили дым чужих сигарет в чужих жабрах, настроенных на хозяина цветными бурями... Именно парами, известными как Другая Половина, они вселяются и выселяются, общаются с помощью спинномозговой жидкости, обмениваясь генитальными нечистотами через ленивые лиловые жабры полусна... Наркоманы, пристрастившиеся к Оргазменному Наркотику... Плотскому соку в гноящихся позвоночниках терминальных сточных вод... Текущему из Испании и с Сорок Второй улицы к рыбьему городу мраморных клочков пересаженной плоти... Больные нищие с жестокими идиотскими улыбками, разъедая эрогенные зоны, делают себе инъекции Зеленого Наркотика... Спазмы ядовитых насекомых... Это предостережение... Мы сделать не можем... Не меняется никогда... Растворяется даже небо, затхлое и гнилое...

Ли очнулся в чужой плоти и увидел все по-другому... Его тело было покрыто прозрачными листами, растворяющимися в зеленой дымке...

–Лежи смирно... Жди... Плоть еще заморожена... Глубокая заморозка... Не шевелись, пока не начнешь чувствовать руки и ноги... Помню, в той больнице после спинномозговой анестезии я попытался выбраться из постели к своей героиновой заначке и кубарем покатился по полу – ноги точно деревянные чурки.

Он слегка повернул голову набок... Ряды и ярусы коек... Промозглый запах мясокомбината... Жгучая сексуальная крапива хлестала его в промежность, а по ляжке взрывами спускалось к колену горячее дерьмо...

– Лежи смирно... Жди...

В воздухе волнами пронесся сладкий гнилостный запах поноса... Остальные уже шевелились... Висящая клочьями личиночная плоть... Лица лиловые, распухшие, ничтожная вспышка похоти принесла потоки дерьма, мочи и спермы...

«Следи за тем, что делают все остальные, а сам этого не делай... (Общие Правила на случай Чрезвычайных Обстоятельств)».

Он уже мог пошевелить рукой... Дотянувшись до заначки апоморфина, он сунул горсть таблеток под язык... Его тело дернулось вперед и опорожнилось, и он, выпустив мощную струю, взмыл к потолку... Посмотрел вниз, на дрожащие мелкой дрожью тела... То и дело на глаза попадались различные виды крабов и многоножек... Потом багровые водовороты неистовства... Едкая зеленая дымка рассеялась... Через несколько минут всякое движение прекратилось...

Ли не удивился тому, что видит знакомых людей... «Я привел их с собой, – решил он. – Мы вышлем дозор... Должны быть и другие уцелевшие»...

Он осторожно двинулся вперед, остальные веером развернулись по бокам... Он обнаружил, что может перемещаться на проекции своего образа... Он уже привык к жизни без тела...

«Разница небольшая... Мы все еще вполне конкретные и уязвимые организмы»... Разумеется, существование без тела не приносило освобождения от страха... Он посмотрел вниз... Зеленая дымка лишайниковым ковром покрыла пол помещения, напоминавшего громадный товарный склад... Он разглядел уцелевшие жизненные формы с телами... Зеленые твари с лиловыми губчатыми жабрами... «Атмосфера, должно быть, состоит в основном из углекислого газа», – решил он... Он проник сквозь экран и удалил все мысли и все слова из прошлого... Со своими уцелевшими он общался цветными вспышками и проекциями понятий... Он почуял опасность... Повсюду, кругом – все тот же знакомый страх, липкий и бросающий в дрожь...

Два агента сидели в подвале испанской виллы 1920 года... В пустых углах клубился гнилостный насекомоспермовый запах Зеленых Людей, цветными взрывами сотрясавший бескостную субстанцию... Через открытую дверь он вывалился на тусклую музыку темных улиц, сметенных вражескими дозорами и парализующим белым зенитным огнем... Он двигался, словно электрический пес, делая стойку, вынюхивая вражеский личный состав и боевую технику сквозь тела и экраны разума безмолвного рыбьего города, его горящие металлические глаза рождены на Уране под угрозой Условий Сверхновой... его мозг опален яркими вспышками войны образов...

В эту зону Тотальных Условий Экспресс Сверхновой доставляет агентов призрачных империй, работающих на отвратительных электрических потребностях... Покрытые шрамами металлические лица из печей Минро... Оргазмоманы с

Венерианского Фронта... И прохладно-синие тяжелометаллические наркоманы с Урана...

В этой зоне единственной целью контакта любого агента с любым другим агентом является злодейское убийство... Поэтому агент предполагает, что любой, кто находится в непосредственной близости от него или от нее, явился именно убивать... Для чего же еще? Мы отродясь не знали здесь ничего другого... Тем не менее в разумных пределах мы стадные существа, ведь нет ничего опаснее, чем лишение контактов и удаление на глухой полустанок... Поэтому каждая неожиданная встреча вызывает дрожь электрической подозрительности... озоновый запах невидимых фотовспышек...

Агенты постоянно обмениваются индивидуальностями – так циркулируют среди тусовщиков предметы одежды... Эти обмены отмечены попытками в последнюю минуту подменить сверток и бросить вас в обществе какого-нибудь старого любителя чумовых колес в Панаме 1910 года... Ли проворачивал подобную сделку с другим агентом, и оба, конечно, не признавали и пытались скрыть изъяны своих товаров... Разумеется, ни один агент не допустит ходовых испытаний, ибо берущий взаймы вполне может слинять со свертком и ебать всех подряд – они поступают так каждый раз... Поэтому все сделки заключаются вслепую, каждая из сторон собирает всю доступную информацию и роется в индивидуальности партнера в поисках скрытого километража и технических дефектов, из-за которых можно попасть в отчаянное положение, оставшись с неисправным оборудованием... Его дозорные занимались проверкой второго агента... Присылали отчеты... Передавали инструкции... перехватывали донесения...

«Нынешний контролер – Американка... Прослеживает все связи... Записывает на пленку все входящие и исходящие линии... Санта-Моника, штат Калифорния... Она уже в эфире, громко и отчетливо...»

Молодой человек бросил “Время” на кровать... Лицо его принимало вид гладкой бурой субстанции, подобной телу электрического угря... Его левая рука растворилась в кристаллической колбе, где трепетало жало желтого света, острое, как игла шприца... Жалящий Луч Оргазма... Венерианское оружие... Одна хорошая доза может электрическими оргазмами разорвать тело на насекомовидные части... Дозы поменьше вызывают паралич и сушат члены увядшей фиброзной плоти... Ли промычал какой-то мотивчик и отрезал линии образов своим серым экраном... Оргазменное Жало растворилось в дыму... Ли поднял мальчишку за руку, негнущуюся, как у манекена, и, уже невесомого, Ли повел его по улице, передвигая тело легкими толчками... Экран был пуст... Мальчишка сидел на кровати Ли с пустым, как тарелка, лицом... Нагрянула полиция Сверхновой, невозмутимая и серая от непререкаемого авторитета...

«Бешеный Жало арестован... Хозяин пуст... Тяжелое поражение тканей... Требуется операция... Транспортировка неосуществима...»

СЛИШКОМ ДАЛЕКО ПО ДОРОГЕ

...Мальчишка, которого слишком далеко по дороге загнала некая отвратительная электрическая рука... Не знаю... Быть может, мальчишки никогда и не было... Вся мысль и все слово из прошлого... Это было на войне... Я не уверен... Разве поймешь этот ужасный Венерианский Фронт?.. Темная рука записывает на пленку все входящие и исходящие донесения... Последние людские контакты... внезапно отняты... Мальчишки никогда и не было... Рот, прижатый к оконному стеклу... бормотание... Слабый, дрожащий, далекий голос: «Знаешь, кто я такой? Ты уже давно идешь к “неизбежной катастрофе”... старый джанки продавал рождественские брелоки на Норт-Кларк-стрит[88]... Его прозвали “Жрецом”... некогда это был я, мистер», – убогие кварталы позабытого города... яркий блеск консервной банки... запах золы... ветер шевелит клок шерсти... «Знаешь, кто я такой?.. ломбардный малый, как говаривала мамаша... Мое имя Ветер и Пыль... Мое имя – Прощайте Мистер... теперь тишина... я ухожу...» (мерцающая серебристая улыбка).

В ДАННОМ СЛУЧАЕ НЕ ГОДИТСЯ

Запах дыма чужих сигарет на детском пути... Перейдем во внешний мир... Все мраморные улицы и медные купола во внутреннем воздухе... Клеймо на пораженных рубцами тканях, затхлых и гнилых, как зацветшая вода... Просроченная закладная на лиловые губчатые жабры... Невидимый сиамский близнец, вселяющийся сквозь клочки пересаженной плоти и вирусные модели... Обмениваясь нагрузкой на ленивые лиловые жабры... Наркоманы цели... Вампиры плотских соков не годятся... Любые нечистоты... Идиотские улыбки, разъедающие эрогенную сделку... Сладкий гнилостный запах льда... Пропахшие насекомыми останки зеленого автомобиля... Юный агент, берущий взаймы ваше тело с особой половиной, не принял невозмутимого вида, чтобы не выдать лед... Он умирает много лет назад... Он сказал: «Да, ты хочешь... Вновь до таких размеров... Сказано на детском пути... Крики об этой сделке?»

Она своего не получила... Всё во власти неодолимого внутреннего воздуха... Чистильщик обуви, рухни... Где угодно можно нажиться или пропасть, вернув ему мужской образ... Чистильщик и бровью не повел... Дождись благоприятных знаков... И чертовски хорошо известно... Подожди немного... Не годится... Искажать их интеллектуальные колебания и долгосрочные прогнозы... Никакого проку... Не знаю ответа... Мышьяк два года... Продолжаю лечиться... В крови мышьяк и кровоточащие десны... Вот и стал у меня легкий вес 38 – вроде как для охраны...

Он умирает много лет назад... «Радостный свет твоей улыбки», – сказал он и втоптал вашего представителя в илистые равнины, где все перемерли, заделавшись наркоманами и дергаясь в конвульсиях насекомых... Они пристрастились к этому раунду неких визитов особого сорта...

– Растет до таких размеров, – сказал Нимум... – Где же тогда мои десять процентов с этой сделки?

Чистильщик обуви рухнул, и они секретным способом привели его в чувство... Деньги, приколотые булавкой к нижнему белью старика, – это оно и есть, это лучше всего...

Я и говорю:

– Мы можем сделать это здесь... Они нас не увидят... Когда я хожу с бабками, им меня не видно...

Осторожно... Следи за выходами... Не уезжай в Париж... Дождись благоприятных знаков... Пиши всем... Подожди немного... В данном случае не годится... Следи за колебаниями и долгосрочными прогнозами... Покидать не годится... Если хочешь, попробуй... Вновь в путь, старина... Вампиры не годятся, все во власти неодолимой девицы с Минро... Все умирает в конвульсиях... Не уезжай в Париж... Венерианский фронт... На детском пути крики без тела... Все еще вполне конкретные и уязвимые организмы... Клеймо Сверхновой на пораженных рубцами тканях... Цель “злодейского убийства” – вновь до таких размеров... Она явилась именно убивать... Искажать их интеллектуальные колебания и предотвращать попытки подменить сверток... Знаешь ответ?.. Мышьяк два года: Любитель чумовых колес в Панаме 1910 года... Они поступают так каждый раз... Молодой человек бросил Время на нас вместе со всеми Богами Жизни... Смешки, канальная болтовня нечистот, плывущих: вокруг виселицы, ходящей колесом... Унижался, нанося визиты особого сорта... Знаешь ответ?.. Мышьяк два года: Операция окончена... МЫ – это мышьяк в крови и кровоточащие десны...

– Ты уверен, что они не для охраны, уж слишком они настырны?

– Конечно, уверен... Пустяки, надо лишь взять взаймы твое тело с особой целью: («Отлично... Перейдем на лед»)

Он умирает много лет назад... Экран погас... Соломенную шляпу и шелковый шарф окутал запах бензина… Мало что останется... Медлить не приходится... Так и не узнал его имени... От таких, как они, никакого проку... Хочешь?.. Вновь в путь, старина... Контролер у всех выходов...

ПОВЕРНИТЕ СТРЕЛКУ ДО УПОРА

Белый тихо сидел, излучая “человечью хворь”... Мудрый Радиодоктор принялся укладывать в свой саквояж уполномоченных по наблюдению за малолетними преступниками... Специалисты по Эффектам, выясняющие, можно ли поставить шлюзы на пути китайцев... Велел мне сесть... Дал Успокаивающую Панораму, а потом спросил:

– Итак? Есть на что опереться? Что будем делать? Если что и перегружало программу, так это отказ удалиться...

– Так что вы намерены делать? Может, в одиночку?

– Разве вам не хочется сделать за меня полдела, а?

Он меня выгнал, а Уорт и Вики провели полезную беседу по поводу того, что дело с концом и точка... Кажется, мне попалась Та Еще Парочка... От них двоих и пошла доля этих людей... Главным образом Вики его прощупывала... А этого у него как раз и не было... Знаете, почему?.. Чего от них ждут, только и всего?.. Намерены оттуда выбраться?.. Интервью с Модильяни банально – как водится, скорее рано, чем поздно... Я повидал немало тех стариков, которых вы навещаете на судах компании "P&O"... Сами знаете – шестьдесят, семьдесят лет, морское путешествие на восток... Вы можете себе представить, что кончите жизнь в Китае?.. Попытаетесь таким манером красть чемоданы, и кончится тем, что сами честно купите себе шикарный... Работенка всегда найдется... И погрязнее...

Если бы вы или кто-то из ваших приятелей занимались предсказаниями, вы все обернулись бы духами, занавесом для них... И хлопотами для меня... Земной шар – личность – пойми это, пока я жив... Почему они делают солдат из "мистера Мартина"?.. Раз так, поверните стрелку до упора... работу нам придется выполнить, а туда сыплются хлопья... Да грозит мне беда всякий раз... Для него всегда были и всегда будут раненые галактики... Мы пересекаемся в странном и безумном бионаступлении... Работаем в ночную смену со слепцами... Конец начинает узнавать, чьи рапорты больше не придут... Такова ценность наших прогнивших кишок и ноющих позвоночников...

Последний шанс, сказал он, трогательный случай... Еще есть ты... Вернись к испанскому соблазну, чей занавес под его промокашкой... Точно установлено, что многие духи – занавес для них... Сыт по горло, пойми это, пока я жив... Никакого желания видеть министра внутренних дел "мистера Мартина"...

Поверните стрелку до упора... работу нам придется выполнить, а работенка там нашлась... Работягам бы только бастовать в ночную смену, добиваясь отмены виселиц... Все прибыльное дело явилось дать отпор мистеру Ценному, крикливо требующему приемлемой цены... Что можно было бы назвать общеизвестной ложью об оптовой торговле... Выпороть ее... Найди скупщика времени, иначе они в порты больше не придут... Такова гниль, если они, к примеру, возьмутся за дело... Не хватило... Еще есть ты... Вернись, работа была стабильно у ворот под его промокашкой... Завесь то, что осталось от окна... Раз так, они делают солдат из наличной провизии в Акте Человекоубийства?.. Сделка вслепую в обмен на одобрение "последнего шанса"... Благородно?.. Ничего... В такую даль к соблазну, а он – занавес... Конец начинает узнавать, чья цена... Политика кнута и пряника – соблазн... Никакого желания видеть "человечью хворь" министра внутренних дел... Мудрый Радиодоктор, отложив в саквояж исполнение приговора уполномоченным, нашел работенку... Вот и думайте себе, пока они не смогут поставить шлюзы на пути китайцев, что отмена смертной казни – война прошлого… Работягам бы только бастовать да сделки заключать, вместо того чтобы честно вас воспитывать... Отмена виселиц – благородно?.. Одна и та же позиция... Поменялись местами года – в конечном счете все одно и то же... Программой можно было бы назвать лишь отказ от лжи об оптовой торговле... Намерены делать?.. Может, в одиночку, а... Все прибыльные дела явились по поводу того, что дело с концом и точка... Крикливо

требуя приемлемой доли этих людей... Главным образом Вики... Выпороть ее... Знаете, чего они ждут, если, к примеру, возьмутся за дело? Интервью с дальнейшим криком на ту же тему...

Белый тихо сидел, излучая "человечных людей" из больницы, а остальные принялись ставить свое время на пострадавшего... И после этого – все равно Специалисты по Эффектам... Китайское обвинение в сделке... Что будем делать сплошь и рядом?.. Я был на крыше, вот и пришлось заняться Той Еще Парочкой... От них двоих и пошло, еще до начала сеансов... Выбора нет... Его прощупывала... Пришлось продешевить и взяться за дело, только и всего... Сухопутное путешествие, старина... Работенка всегда найдется... Никакой политики кнута и пряника...

ДАЛЕКОЕ СПАСИБО

– Меня обслуживают "Билл и Яесмь", – сказала она...

– Но их ведь не существует... tout ca[192]... ты хоть представляешь себе, дорогая... несколько серьезнейших изъянов в...

– Ты можешь себе это позволить... Сам же говорил, что яма всегда имеется, чтобы поглощать вчерашний день... мало ли что...

– Пойми, это же Рынок... Билл бросил камень, а один мой очень близкий друг ударил по известняку в целях высохших испражнений. А какая еще цель возникла... совершенно непредвиденная...

– Тем больше причин снова наградить Безмолвных Рабочих...

Они прибыли туда, где человеческая речь невозможна.

– Яесмь – крупный специалист, – говорил Билл, продолжая расхаживать, покуривать и пускать узоры дыма по комнате... – Владеет воровским жаргоном Безмолвных... Всю эту свалку... Сегодня ночью, мадам... Век отдан мрачному Готическому Мастеру...

Студия установила пустыню – закопченный майянский задник – у крестьянской хижины... Через несколько минут возник горный склон в Андах... Прежде Дом стоял в воздухе...

– Известняковая страна, – говорил Билл... – Начать можно с фотоколлажа Дома... да?.. конечно, и статуи в прозрачном воздухе упали на майянскую площадку для игры в мяч с вечными челнами... терминальная жизненная форма букмекеров и любителей держать пари, обменивающихся черными ягодами в маленьких нефритовых трубочках... неторопливый отлив известнякового везения и жабры... Контролеры Спинномозговой Жидкости Уродливого Духа[172]... гидравлические растительные столетия...

– А как же насчет Самого Дома?

– Лишились врагов... ах да, мадам, Дом... Вы же Леди... Разве нельзя войти с ними в контакт?.. То есть, надеюсь, заботятся как следует...

– По-моему, Билл, они существуют при другом давлении...

– Ах да, Дом... Хм-м-м... Трансформируется при другом давлении, и иногда комната исчезает в...

– Билл, они существуют при другом давлении...

– В перетасовке?.. Бенсоны?.. Но их ведь не существует... Tout ca c'est de l'invention[193]… Конечно, есть несколько серьезнейших изъянов в гидравлическом оборудовании, но мергельная яма всегда имеется, чтобы поглощать... э-э... грехи...

На дне кратера была яма... Билл бросил камень, и эхо после того, как камень ударился об известняк внизу, все слабее и слабее... Тишина...

– Видите, бездонный для практических целей... а какая еще цель может быть более практической, чем уничтожение??

Медленно возник Дом, сотворенный в немом сосредоточении рабочих из Страны Безмолвия, где человеческая речь невозможна...

– Везет подлецам, – всегда говорил Билл, продолжая расхаживать, покуривать сигары и руководить работами на цветовом воровском жаргоне Безмолвных... показывая свои проекты в фотоколлажах мрачному Готическому Мастеру...

А Дом медленно шевелился, меняя стиль инков на стиль майя и вновь становясь крестьянской хижиной в полях изъеденного болезнями маиса или на обдуваемых ветром горных склонах Анд... Готические соборы взмывали ввысь и исчезали в воздухе... Стены были сделаны из блоков, которые смещались и трансформировались... пещерные наскальные рисунки... майянский рельеф... аттический фриз... панели... перегородки... фотоколлаж Дома всех периодов и стадий... Греческие храмы возносились в прозрачный воздух и, рушась, превращались в известняковые хижины на берегу усеянной челнами черной лагуны... терминальная жизненная форма истомленных, красивых людей, обкуривающихся черными ягодами в маленьких нефритовых трубочках[VII]... И Людей-Рыб с лиловыми губчатыми жабрами... И Контролеров, дрейфующих, в. полупрозрачных оболочках спинномозговой жидкости, совершая неторопливые гидравлические телодвижения подкрепленного давлением авторитета... Эти люди безоружны... они так стары, что уже лишились врагов...

[VII] Имеются в виду пакистанские ягоды, маленькие черные плоды, обладающие наркотическими свойствами, иногда завозимые караванами в южное Марокко... при их курений перед глазами возникает местность с черными лагунами, кратко обрисованная на этих страницах...

– Но они же прелестны, – сказала Леди. – Разве нельзя войти с ними в контакт?.. Конечно, в смысле обеда или коктейля...

– Это невозможно, мадам... Они существуют при другом давлении...

– Меня обслуживают “Билл и Яесмь”, – сказала она за завтраком...

Ее муж побледнел...

– Ты хоть представляешь себе, дорогая, сколько они берут?..

– Ты можешь себе это позволить... Сам же говорил только вчера...

– Это было вчера, да и мало ли что я мог сказать тебе в те времена, что давно прошли... Пойми, это же Рынок... Даже с деньгами что-то происходит... Один мой очень близкий друг обнаружил, что его специальный сейф для вкладов в Швейцарии полон... э-э... высохших испражнений… Короче говоря, скандальная ситуация возникла... совершенно непредвиденная...

– Тем больше причин снова наградить... А вот и они... Они прибыли... Билл в “бабском наряде банкира”, как он выражается, ну разве не остроумно?

– Яесмь – крупный специалист... – говорил Билл, неторопливо попыхивая своей сигарой и любуясь узорами дыма... – Придется доставить сюда несколько бульдозеров... Расчистить всю эту свалку... Сегодня ночью, мадам, вы спите в шатре, как бедуин...

На лужайке Студия установила пустыню, и Семью выселили... Через несколько часов там, где прежде Дом стоял, был лишь огромный котлован...

– Известняковая страна, – говорил Билл, касаясь обнажения пород на стенах кратера...

– Начать можно с майянского храма... или с греков...

– Да, конечно, и статуи... Город Мраморной Пересаженной Плоти... Я ясно вижу майянскую площадку дои игры в мяч с вечной молодежью... а. вот здесь – известняковых букмекеров и любителей держать пари, обменивающихся позами и пьедесталами... неторопливый отлив известнякового везения... а здесь – шахматисты... один прекрасный, другой – уродливей Уродливого Духа... играют на красоту... неторопливая игра растительных столетий...

– А как же насчет самого Дома?.. – спросила Леди... – Ах да, мадам, Дом... Вам же удобно в вашем нынешнем жилище, и о вас, надеюсь, заботятся как следует... По-моему, ваш сын, кстати, очень талантлив... Хм-м-м... вероятно... ах да, Дом... Готика инки греки майя египтяне... и еще нечто вроде архаичной известняковой хижины, понимаете – комнаты и стены трансформируются с помощью гидравлических шарниров и домкратов... и иногда комната исчезает в...

– В перетасовке... Бенсоны... за завтраком...

Ее муж побледнел...

– C’est l’invention... Они берут?

– Берем гидравлическое оборудование, мергель, вчерашние грехи, сказать тебе в те времена, что давно прошли... на дне кратера даже с деньгами что-то происходит... эхо слабее, и слабее специальный сейф для вкладов в Швейцарии...

– Скандальная ситуация...

– Видите, бездонный для практических це... практическое уничтожение... А вот и они...

Медленно возник Дом... сотворенный в бабском наряде, как он выражается.

– Ну разве не остроумно?.. Рабочие из Страны Безмолвия неторопливо попыхивают его сигарой и любуются...

– “Везунчик Билл” всегда говорил: «Доставить сюда несколько бульдозеров».

Семью выселили, а Дом медленно шевелился... лишь огромный котлован в полях изъеденного болезнями маиса и ветер... Готические соборы взмывали ввысь на стенах кратера... Блоки смещали рельеф и панельные перегородки из мраморной пересаженной плоти...

– Я ясно вижу стадии... Готический собор смыло... А вот здесь – известняковые хижины на берегу усеянной позами и пьедесталами черной лагуны... дымчатые шахматисты... и Люди-Рыбы, играющие на красоту... неторопливые игры в полупрозрачных оболочках...

– Телодвижения подкрепленного давлением Автора... – сказала Леди... ... ...

– Поймите, они так стары, что им удобно в нынешнем жилище…

– Но они же прелестны... – сказал Башенный Сын... (кстати, очень талантлив в смысле обеда или коктейля – готика инки греки майя египтяне... и еще...)

– Примите, комнаты и стены... и иногда комната исчезает…

– Они существуют при другом давлении, играя в свои неторопливые игры на берегу Черной Лагуны... Поймите, разум работает с une rapidite incroyable[194], но ходы делаются очень медленно... Так что игрок может увидеть на доске величайшее наслаждение или ужасную гибель, увидеть также ход, позволяющий взять или уклониться, увидеть также, что он не в состоянии вовремя сделать этот ход... Это вызывает, разумеется, невыносимые страдания, которые они постоянно вынуждены скрывать в цикле изысканных празднеств...

Лагуна уже была освещена кинопроекторами в цвете... плавучие храмы, пагоды, пирамиды...

– В празднествах периодически чередуются человеческие жертвоприношения и рассветная невинность, когда растворяется оболочка... Это происходит очень редко... Они разводят Людей-Рыб, словно орхидеи или жемчуг... постоянно новые изысканные породы, сочетающие в себе красоту с греховностью... особенно высоко ценятся породы, отличающиеся идиотской жестокостью... – Он показал на тритоновидную зеленую тварь с лиловыми губчатыми жабрами, которая шевелилась в прудке с прозрачной водой, под известняковыми обнажениями и папоротником...

– Это земноводно-гермафродитное существо вызвано к жизни фильмами пыток... Поэтому устоять перед его прелестями нелегко...

Зеленый мальчик-девочка вскарабкался на выступ... Тяжелыми наркотическими миазмами повеяло из его полуоткрытого рта... Извиваясь, с негромким щебетаньем и хихиканьем, он подполз к контролеру... Контролер протянул полупрозрачную руку и рассеянно пощупал внутренность бескостного желе, поглаживая железы и нервные центры... Зеленый мальчик-девочка корчился в судорогах заискивания...

– Как видите, в умелых руках они весьма подобострастны... Однако нам пора на экскурсию в обиталище Людей-Лемуров, которые умирают в неволе... Они охраняются... Мы все здесь охраняемся... Ничего особенного не происходит, поймите, а приносимый в жертву раскланивается на увитых цветами платформах... Все это прелестно, однако, верите ли – мы все плетем интриги в надежде спихнуть этих лоботрясов какому-нибудь деревенщине за выездную визу... Ах, вот и мой агент из бюро путешествий, контролер занят...

Играя в свои неторопливые игры подле человека в черном костюме, с дальновидным разумом... работает с une rapidite...

– Он уже несколько месяцев водит меня за нос... так медлителей, что игрок может увидеть, поверить в величайшее наслаждение от условий нелепого путешествия и увидеть также ход к самым смекалистым мозгам...

– Да, все мы... Не в состоянии вовремя сделать этот ход... Вот и еще один... Роли должны скрывать во всем, что можно прихватить с собой...

– Если б мы только могли смыть наши увитые цветами платформы на детский путь без тела, оставшегося от человеческого жертвоприношения...

– Довольно бестактно, Старикашка-с-Растворенной-Оболочкой... Освежеванный Гастролер...

– Они разводят Людей-Рыб...

– Неужели? Кто же этим занимается?

– Но н е ради новых изысканных пород?..

– Я же говорю, никто и пикнуть не посмеет находится Страна Людей-Лемуров...

– Он растворился после представления... порода, отличающаяся идиотской жестокостью...

– Так он достал себе выездную визу?... и даже тритоновидную зеленую тварь с лиловыми губчатыми?

– Прудок с прозрачной водой под известняком... – Он установил контакт с кем-то... Знаю, вызван к жизни фильмами пыток...

– Уилли Деревенщина?... Я знаю, он пытался устоять... Зеленый мальчик вскарабкался на крюк, а он исчезает вместе с Миазмами... повеяло из его полуоткрытого рта всей нашей изысканной пищей и прокуренными костями... Он исчезает в словесных смешках... Он силой заставил Зеленого Тони вступить в Бескостную Концессию Сновидений Зеленых Мальчиков-Девочек... Он защищает нервные центры... Зеленый Мальчик корчился в Сэмми Мяснике...

– И все-таки он может не устоять перед Героем... Они весьма подобострастны...

– Мы люди пожилые, вы попроворней... Пора на экскурсию в страну персонажей и скульптур... Разумеется, они охраняются... А вот и он, наконец... Все-таки происходит, поймите...

– Как я понимаю, вам, ребята, требуются увитые цветами платформы... Все это Монгольские Лучники... Они... мы все замышляем спихнуть выездную визу...

(Контролер занят краткими тайными переговорами... человек в черном костюме, с золотыми зубами и одним длинным ногтем...)

– Он уже несколько месяцев водит меня за нос – конечно, они все так поступают... Вы не поверите, какие нелепые условия путешествия пытаются они спихнуть нашим самым смекалистым мозгам... Да, все мы иногда становимся посмешищем... Именно здесь, где циркулируют роли и плоть... Нет места, куда что-то можно прихватить с собой...

– Если б мы только могли смыться через канализацию, – сказала она, увидев, как тают на Невидимой Доске нажитые ею за целую жизнь богатства...

– Довольно бестактно, старушка... Набальзамируйся... Вечером будет празднество в честь Освежеванного...

– Неужели? И кто же этим занимается?.. Опять Хуанито?..

– Он растворился после прошлого представления...

– Ах да, его уже нет... А что Агент Бюро Путешествии пытается вам всучить?

– Он установил контакт с кем-то по прозвищу Уилли Деревенщина... по-моему...

– Уилли Деревенщина?? Я знаю его еще по Урану... Думаешь, что подцепил его на крюк, а он исчезает вместе с паровозным гудком... Он силой заставил Зеленого Тони

проиграть в известнякового жеребца и ушел вместе с Концессией Сновидений... Он дефенестрировал[187] Иззи Толчка и заковбоил Сэмми Мясника.

– И все-таки он может не устоять перед Героем: охраняйте нас... Мы люди пожилые... Охраняйте нашу изысканную мерзкую жизнь и нашу с к у л ь п т у р у... Пожалуйста.

– А вот и он, наконец...

– Как я понимаю, вам, ребята, требуется охрана... Я привел контингент Монгольских Лучников... Они, конечно, обойдутся недешево, но дело того стоит...

Монгольские Лучники с черной металлической плотью двигались решетчатым строем ритуального танца, натягивая тетиву своих луков... серебряные стрелы-антенны с трепетом отклонялись, вынюхивая Врага...

– Милейший, они меня ужасно нервируют... А вдруг нет никакого врага??

– Получилось бы нескладно, мадам... Моим лучникам надо снять напряжение... Вы же сами требовали охрану, а теперь... Где Люди-Лемуры?

Люди-Лемуры живут на островах болотных кипарисов, выглядывают из ветвей, и потребовалось немало часов, чтобы выманить их вниз... Переливчатый медно-бурый цвет... жидкие черные глазные экраны, сметаемые прочь девственными эмоциями...

– Они всегда в состоянии аффекта, поймите... Потому и умирают в неволе... – Один из Лемуров деликатно и нерешительно коснулся лица Деревенщины и снова умчался, скрывшись в ветвях...

– На моей памяти никто еще не смог удержать лемура дольше нескольких минут... И уже тысячу лет никто не вступал в половую связь с лемуром... Потомство погибло... Поймите, они такие чувствительные, что при малейшей мысли-попытке объятий или обладания вновь оказываются в ветвях, где они ждут хозяина, не знавшего ни объятий, ни обладания... Они ждут очень давно... Пятьсот тысяч лет, по-моему, если не больше... Ученые никогда ничего толком не знают...

Лемур спрыгнул вниз, на плечи Ли, и игриво ущипнул его за ухо... Другие лемуры подняли паруса на хрупком бамбуковом суденышке и поплыли прочь по лагуне под красным спутником, который никогда не меняет своего положения...

– Там есть другие острова, где еще никто не бывал... Лемуры такие чувствительные, что умирают, если нога человека ступит на остров... Они существуют при другой внутриутробной плоти, в черных лагунах...

– Поймите, серебряные стрелы вынюхивают, нацеливаются на incroyable, но ходы на Доске – ужасная гибель. («А вдруг нет никакого врага?») Взять или уклониться, но увидеть также, что вызывает невыносимые страдания... Вы устроили цикл изысканных празднеств...

– Я смогу увидеть ваших Людей-Лемуров с помощью кинопроекторов в болотных кипарисах?

– Немало часов, чтобы выманить их вниз... Наконец рассветная невинность контроля прислала жидкие, отливающие жемчугами экраны... В состоянии аффекта, поймите, то есть сочетают в себе красоту и плоть...

Один из Лемуров коснулся лица Ли деликатными людьми, которые умирают в неволе... снова умчался, скрывшись в особенно высоко ценимых... подчеркивая этим, что они вновь в том, не признающем ни объятий, ни обладания... на выступе... и впрямь тяжелый наркотик... тысячу лет, если не больше....

Монгольские Лучники с краткими черными переговорами ритуальных танцев натягивались... отклонялись, нащупывая Врага, – конечно, они все так поступают...

– Вы не поверите...

– Милейший, они меня ужасают условиями, которые всучили нашему...

– Получилось бы нескладно, мадам... Иногда становимся посмешищем или требуем охрану... а теперь...

– Вечером будет празднество в честь Утонченных Юных Эмоций... Потому и умирают в неволе... Опять Хуанито?.. А где он, наконец?..

– В ветвях еще никто не бывал... Он, наконец, далеко...

– Они такие шляпы... А что, ваш агент бюро путешествий пытается вам всучить мысль или попытку объятий в ветвях, где они ждут?

– По-моему... Они ждут очень давно... Пять Уранов...

– Пакистанские Ягоды взвалили всю нашу пыль далекого спасибо на плечи Ли...

ПОМНЮ, Я БЫЛ УГЛЕКИСЛЫМ ГАЗОМ

И вот уже ничего, кроме записей... В другой стране.

– Хочешь фонограмму бунта в старых именах?

– Мистер Мартин, я уцелел. (Улыбается.)

– Прекрасно, мой юный соотечественник, значит, мы не теряли Время... Моей работой нынче заняты людские голоса... Покажу тебе чужеземную темную комнату... их Боги блекнут... очередь усопших... Пансион миссис Мёрфи адреса не оставил... Помнишь, это получило имя “третьего пролета”? Ты описывал последний подъем... брелоки на Порт-Бич... сверкание огней... Кларк-стрит... Жрец на фоне черного неба... камни, подобранные прямо здесь, на берегу... Али там, с поднятой рукой... тускло освещенная, дрожащая, далекая улочка... пепел на воде... последние руки... последние

людские голоса... последние обряды в честь Пилота-Любителя Гектора Кларка... Он везет с собой человека, который так и не вернулся... Оживут ли тиккерные кости сии?? Мой хозяин долго занимался самокопанием...

Ни на одной из улиц нет утешенья... Я покажу тебе ужас на стенах и в окнах, в людях и небесах... Wo weilest du?.. Прошу заканчивать, вот счет... Пуст он, третий, идущий рядом с тобой... И здесь, и там, и за окном – разреженный горный воздух... Надел чистую рубаху – и сумерки по переулкам... Запахи моей Испании с пустырей... Неразбавленный бренди... Апрельский ветер чередует губы и штаны... Тяжкий сон после обеда в ожидании дождя... Солдат приюта не дает... Война мертвого солнца – это пригоршня праха... Худой и слабый, в дрожащей серой дымке старых, вестернов, сказал: «Наполни ладони, Мартин».

– Не могу, сынок... Много лет назад тот образ... Помню, я был углекислым газом... От голосов мы к жизни пробуждаемся и тонем... Полыньи в поблекшей кинопленке... Конец прокуренных, закрытых ставнями комнат... Нет стен... Ищи где хочешь... Не годится... Растягивают ноль, живые и мертвые... Пятеро в ожидании дождя... Да еще с юными волосами... Прошу заканчивать, вот Уильям... Я покажу тебе ужас на холодном весеннем кладбище... Kind, wo weilest du?[195]

– Вот, – говорит она, – вот ваша карта; хлебный нож в сердце...

– О чем ты, Уильям?.. Были его глаза... Прошу заканчивать, вот и половина вашего мозга постепенно увядает... Приведи себя в порядок... Это они не смогли достать плотью... Опустевшие стены… Доброй ночи, милые дамы... Прошу заканчивать, пора. Ищи где хочешь... Лица в лиловом свете... Порывы сырого ветра приносят дождь...

Встал и раскумаридся на сумеречных ломках... Опять он так дотронулся... Запах людской любви... Навернулись слезы... В Мексике совершил прелюбодеянье, но… Холодная весна... К тому же можно сказать... не смог предоставить никакой информации… многочисленная Предметная Полиция...

– Что могу я дать тебе, друг мой?.. Индивидуальность увядает... вырождается... Женские запахи... нож в сердце... мальчишки из праха приюта не дает... адреса не оставил...

– Я бы потребовал перемен, но слишком хорошо знал их всех... Закрыто, если вам нужен грек... Но я не вижу Повешенного в газетах... незрячие глаза... видят... Кто он, идущий рядом с тобой?

– Позволь заметить, что ты утратил зрение давно... Обоняние, вкус, пыль на окне... осязание... осязание?? Как смогу я – с уединенной пристани, тускло освещенной, дрожащей, далекой.

На рассвете... Надел чистую рубаху в другой стране... Дать тебе футбольные результаты и Кики?.. Опустевшие до самых перил... Далеко закрытый ставнями рассвет... От велосипедных гонок нет этому мальчишке здесь утешенья... Бесконечный опустевший полдень... Мертвые записи... В какие-то моменты я могу описывать, чем были его глаза в разных странах... Оставил тебе сии тела рассветных ломок... Увядающие улыбки... в чужой плоти... Уже далеко... Такой приюта не дает... Переменил визитный адрес... Ветер в полдень... идущий рядом с тобой? Обломок игрушечного револьвера там, в крапиве переулка... над опустевшими, разрушенными улицами – красно-бело-синий бумажный змей.

ДОКАЗАЛИ СКВОЗЬ НОЧЬ

(Этот раздел, впервые написанный в 1938 году в соавторстве с Келлзом Элвинсом, умершим в 1961 году в Нью-Йорке, позднее был объединен с первыми "нарезками" Брайона Гайсина[164] *и в таком виде опубликован в книге* 'Остались Минуты'*.)*

Сегодня за убийство в Чикагском море арестован капитан Бэйрнс... Он был последним из тех Великих Американцев, что бесстрашно смотрят в лицо галлюцинациям и непрерывно хохочут по ночам... Затемнение.

Пароход "Америка"... Гладкое, как зеленое зеркало, море... У берегов Джерси... Из динамиков и вентиляторов доносится кондиционированный голос:

– Всем оставаться на своих местах... Ничего серьезного... Произошла небольшая авария в котельном отделении, но сейчас все уже/

БУУУММММ

Взрыв раскалывает судно на части... Внутри бритва, сэр... Он дернул за ручку...

Больной парезом по имени Перкинс вопит из своего разбитого вдребезги инвалидного кресла:

– Ты, шукин шын, жашшиха!

Пассажирка второго класса Барбара Кэннон лежит нагишом в отдельной каюте первого класса... Стюарт Хадсон подошел к иллюминатору.

– Одевайся, солнышко, – сказал он. – Произошла катастрофа.

Доктор Бенуэй, корабельный врач, спьяну одним ударом скальпеля удлинил на два дюйма четырехдюймовый разрез...

– По-моему, аппендикс уже вырезан, доктор, – сказала сестра, заглядывая ему через плечо... – Я видела маленький шрамик...

– Аппендикс ВЫРЕЗАН! Аппендикс же вырезаю Я... Чем же еще, по-вашему, я здесь занимаюсь?

– А может, аппендикс слева, доктор... Такое иногда бывает...

– Не стойте над душой... Сейчас найду... По-вашему, я не знаю, где находится аппендикс?.. Я изучал аппендектомию в Гарварде, в 1910 году... – Он приподнял абдоминальную стенку и принялся зондировать разрез, стряхивая туда сигаретный пепел...

– Дайте-ка новый скальпель... Этот уже совсем затупился...

БУУУММММ

– Зашивайте ее, – приказал он... – В подобных условиях я работать отказываюсь... – Он побросал инструменты, кокаин и морфий в свой ранец и с трудом выбрался из операционной...

Миссис Дж. Л. Брэдшинкель, выброшенная взрывом из койки, сидела на полу и вопила;

– Сейчас же возвращаюсь в отель “Шератон-Карлтон” и вызываю бравых милуокских индейцев...

Ее с трудом водрузили на ноги две служанки-филиппинки...

– Подай мой парик, Заламеда, – приказала она. – Я немедленно иду к капитану...

Майк Б. Двейер, политический деятель из Клейтона, штат Миссури, ворвался в кают-компанию первого класса, где барахтались среди своих инструментов одуревшие от мускатного ореха оркестранты...

– Играйте "Знамя с россыпью звезд"[39]! – рявкнул он.

– Кого ты здесь хочешь растрогать, дружище?.. И потом, у нас есть профсоюз...

Майк добрался до музыкального автомата, нашел "Знамя с россыпью звезд", с “Толстяком” Терминалом на электрооргане” и запихнул в щель пригоршню двадцатипятицентовых монет...

“О скажи, видишь тыыыы...”

Капитан сидит против Люси Брэдшинкель... Он хитер, рыжеволос, лицо его напоминает пятнистую кость...

– Судно принадлежит мне, – сказала леди... Корабль накренился, и ее парик сполз на одно ухо... Капитан встал, в левой руке у него появился револьвер... Он схватил парик и напялил его себе на голову...

– Давай сюда свою кимону, – приказал он...

Она бросилась к иллюминатору и, как и все на судне, возопила о помощи... На фоне иллюминатора четко вырисовывалась ее голова... Капитан выстрелил...

– Говорил же тебе, старая карга, давай сюда свою кимону...

Доктор Бенуэй пробился сквозь толпу у леера и вскочил в Первую Спасательную Шлюпку...

– Как самочувствие? – спросил он, отыскав местечко в компании женщин... – Я врач.

Капитан проворно сбежал по устланным красным ковром ступеням... В каюте эконома некий узкоплечий малый судорожно запихивал в черный чемодан деньги и драгоценности... Из бюстгалтера у капитана вывалился револьвер, и он дважды выстрелил...

“Бомбы, воздух взрывая...”

Радист Финч приготовил себе соду и срыгнул в руку... «СОС... ГЭЭ... СОС... Этот чертов капитан – пройдоха, каких свет не видывал... СОС... У берегов Джерси... СОС... Нас можно найти по запаху... СОС... Сплошные сукины сыны, а не команда... СОС... ГЭЭ... Товарищ Финч... СОС... Жопа поросячья тебе товарищ... СОС... СОС... СОС... ГЭЭ... ГЭЭ... ГЭЭ...»

В радиорубку проворно вошел капитан... Свидетели издалека услышали оглушительный взрыв и увидели ослепительно яркую вспышку, сопровождавшие отключение радиста... Капитан отпихнул тело в сторону и стулом вдребезги расколотил аппаратуру...

“...и ракет алый блеск”

Капитан укокошил старуху и влез в переполненную Первую Спасательную Шлюпку... Пассажиры-мужчины рывками спустили шлюпку на воду... Доктор Бенуэй отдал швартовы... Команда налегла на весла... Капитан рассеянно похлопал по битком набитому чемодану и обернулся в сторону корабля...

“О скажи, еще реет знамя с россыпью звезд...”

Время икает... Пассажиры дерутся за место в Спасательной Шлюпке К9... Это последняя шлюпка, которую можно спустить на воду. Джо Саргант, студент третьего курса Богословского факультета и член “Морального перевооружения”, просочился сквозь толпу и усадил Перкинса у самого носа шлюпки... Перкинс сидит с горящими глазами, поджав губы и сжимая в правой руке тяжелый нож для забоя скота...

Из второго класса на палубу хлынули волны истерики... «Пропустите женщин!» – заорал широколицый, длиннозубый продавец обувного магазина... Он схватил некую матрону из Сент-Луиса и принялся пихать ее впереди себя... За ним образовался клиновидный строй торговцев обувью... Раздался выстрел, и матрона упала... Клин рассыпался... Человек в застегнутой наперекосяк морской форме, с пистолетом 45-го калибра, времен Первой мировой войны, в руке, шагнул в последнюю шлюпку и взял на прицел стоящих у спусковых канатов людей...

– Давай эту штуковину вниз, – приказал он... Шлюпка коснулась вод... С накренившейся палубы раздался крик... Тела в шлюпке повалились в кучу... В зеленой воде покачивались головы... Из воды высунулась и ухватилась за борт шлюпки рука... Перкинс решительно обрушил на нее свой нож... Рука соскользнула...

В шлюпку упали обрубки пальцев... Перкинс принялся лихорадочно трудиться, кромсая все, что попадется на глаза:

– Шволочи... Шукины шыны... Шволочи... шукин шын... Методишкий Епишкопальный Бог благошловит вше...

“Над землею свободы...”

Барбара Кэннон показала вашему корреспонденту оставшиеся после кораблекрушения сувениры; спасательный пояс с автографами команды и отрубленный человеческий палец...

“…где приют храбрецов”

– Не знаю почему, – сказала она, – но от этого пальчика мне как-то не по себе.

“Доказали сквозь ночь, что наш флаг еще здесь”.

СОС

Холодная тяжелая жидкость отстоялась в горном селении с крытыми шифером домами, где застывает время... Синий сумрак... Обиталище Наркоманов, пристрастившихся к Безмолвию... Они приходят, скупают СОС, уносят его в свинцовых сосудах, а потом сидят в отрубе под шиферными крышами... Под Прохладной Синевой или Холодной Серостью... позади остаются болтливые куклы чревовещателя... Они сидят себе в прохладных глыбах синего безмолвия, и под их грузом Тяжелого Времени и Тяжелых Денег колеблется земная кора... Голубые Тяжелометаллические Люди с Урана... Мрачные мошенники, торгующие потомством шарлатанского рода Вселенной... Все это вновь возвращается в СОС... (Сплошная Обезмолвивающая Синева).

– Никто не сможет побороть привычку к СОС, чувак... Все эти вопли из Банка Боли... С самого начала, пойми, взорвались глубоко в подвергаемом пыткам металле.

По моей пронзительно кричащей плоти разливался джанк... Я встал и сплясал Джанки-Джигу... Ложки были при мне... Больше ничего и не нужно... Недавно в его позвоночник втекало некое бесподобное дерьмо... («Пробей себе путь к торфяному болоту»)... Холодная тяжелая жидкость отстоялась... гидравлическое начало, пойми... Взорвавшееся время застывает в голубом металле... Провинциальные галактики в отрубе... синее безмолвие в турникете... селение с крытыми шифером домами... Это инородное солнце в сосудах...

Мартин прибыл на Голубое Распутье в густом синем сумраке, где застывает время... Неторопливый гидравлический водитель вышел и удалился... Обиталище

Безмолвных... Мастер проводил его в Спальный Барак... Люди сидели за длинным столом, в глыбах прохладного синего безмолвия, раскладывали фотографии и неслышным языком сопоставлений проецировали труд... играя в покер на пост и интерес...

Работа была тяжелой и бесшумной... Там имелись ирригационные каналы и рыбоводные пруды со сложными гидравлическими шлюзами и моторами... Ветряные мельницы и синоптические карты... (Хозяин делал снимки неба, облаков и гор, ежедневно приводя в движение и перемонтируя свои синоптические карты в громадном цилиндрическом проекторе, который силой ветра вращался на крыше Главного Здания... Фотоизображения на стенах Спального Барака и Комнаты Отдыха менялись в безмолвном синем сумраке вместе с погодой, небом и тенями гор... Люди фотографировали друг друга и составляли фотокомпозиции, меняя сочетания под звуки ветра и воды, под кваканье лягушек из рыбных луж... зеленые пастбища, иссеченные черными водными потоками, и окруженные лугами родники, где Мартин рыбачил вечерами вместе с Брэдли, который спал на соседней койке или на его койке, вновь и вновь меняясь с ним телами в синей тишине... Задания зависели от покера и торговли плотью...) Синева... Мерцание вдоль рыбоводных прудов... Сумрак, синие тени... улица... лягушки и сверчки... (иссеченное мое лицо)...

Нож упал... Торговец на соседней койке истек синей тишиной... Надел чистую рубаху и брюки Мартина… обмен улыбками, пустая болтовня... пыльные моторы... Разговор об урожае и рыбной ловле, невнятные американские рассветные слова... Унылый пансион... Живописный тусклый свет на пригородных прудах и каштановых волосах... Серые фотолужи и родники над медной кроватью... Затхлые утренние улицы... роняющие облака и небо на мое лицо... иссеченное городскими зданиями...

– Пустой снимок населенных призраками развалин? – Он горестно всплеснул руками и выгнал их... – Какой-то малый взял да и написал на небе последнее прости... Все призрачные люди прошлого прощаются навеки, мистер. – Предвечерние тени на его черной магии всех кинофильмов, в запомнившемся малыше, стоящем там, на лицо льется свет из чердачного окна, на затерянной улице кирпичных труб, нас разделяет взорвавшаяся звезда... Оглянись вдоль сланцевого берега и увидишь, как белая рубаха колышет орудийный дым.

НЕПОЛНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Тяжелометаллический Малый вернулся после короткого унылого отпуска на Уране и предъявил иск практически всем членам Биологического Суда...

– Мне вручили неполное обвинение, – заявил он в интервью вашему корреспонденту... – И я не намерен с этим мириться... – Затемнение.

Коридоры, патио и галереи Биологического Суда... Кишащие терминальными жизненными формами, отчаянно добивающимися продления аннулированных разрешений и видов на жительство... Брокеры, посредники, курьеры, лишенные практики адвокаты – все претендуют на родственные связи с судейскими

чиновниками... Профессиональные единокровные, единоутробные или пятиюродные братья... Просители и истцы, кричащие в коридорах... Воздетые кверху клешни насекомых, звериные и птичьи члены, всевозможные болезни и увечья, заработанные “на службе” у далеких пальцев... Визгливые требования компенсации и попытки подкупа или давления на судей – на тысяче языков, живых и мертвых, на цветном воровском жаргоне и диалекте нервов, кататонические пляски и пантомимы, иллюстрирующие их жуткие хвори, которые многие обозначили татуировками, пронзившими плоть до самых костей, а ныне молчаливое пикетирование зала судебных заседаний... Другие держат фотоколлажные знамена и телеэкраны, мерцающие их претензиями... Адвокаты Уилли обеспечили кого следует неизбежными судебными повестками низкого давления, и Контролеров засосало в зал заседаний на Первое Слушание... Зеленые Люди в известняковом спокойствии… Холодное зеленое презрение ко всем чувствам и наклонностям животного-хозяина, в которого они вторглись неумолимыми шагами Времени-Вируса-Рождения-Смерти... Со своими болезнями и оргазменными наркотиками, со своими бесполыми паразитическими жизненными формами... Тяжелометаллические Люди с Урана, окутанные прохладной голубой дымкой испарившихся банкнот... И Люди-Насекомые Минро с металлической музыкой... Холодные насекомовидные мозги и их агенты, подобные раскаленным добела циркулярным пилам, заточенным в Печах... Судья, на долгие световые годы удаленный от малейшего намека на продажность, серый и невозмутимый от непререкаемого авторитета, зачитывает краткое изложение дела... Иногда он кажется стройным молодым парнем в рубахе с короткими рукавами, порой – краснолицым человеком средних лет, а временами – древним, как пожелтевшая слоновая кость.

– Боже, что за беспорядок, – произнес он наконец... – Замолчите все... Надеюсь, всем понятно, что подразумевается под биологическим посредничеством... Оно означает, что посредничающие жизненные формы обязаны одновременно отказаться от всех оборонительных действий и отложить в сторону оружие... что, впрочем, одно и то же... и все, кто связан с ретроспективными контролерами, в космических условиях сливаются в единое существо, которое может получиться как удачным, так и нет... – Он мельком заглянул в дело... – Похоже, уранцы, которых представляет истец Уранский Уилли, и Зеленые Люди, которых представляет Али Хуан Чапультепек, к посредничеству готовы... Я попрошу этих двух... э-э... особ выйти вперед... Bueno... Полагаю, вы бы оба крепко призадумались, если бы поняли... К счастью, вас не слишком-то подробно... э-э... проинструктировали... Разумеется, вы должны сдать всё оружие, и в дальнейшем мы будем иметь дело с тем, что уж там после этого останется... Стража... Отвести их в дезинфекционные камеры, а потом в Биологические Лаборатории. – Он повернулся к Контролерам... – Надеюсь, их хорошо подготовили... Нет нужды вам напоминать... Конечно, это всего лишь Первое Слушание... Результаты посредничества будет рассматривать высшая инстанция...

Их жуткие хвори после короткого унылого отпуска на Уране... Объявлено всем членам Биологического Суда: адвокат Уилли обеспечил “Обвинение”... Заявил он в интервью, продираясь сквозь толпу мириться… Затемнение... Камеры... Зеленые Люди... холодное зеленое презрение формирует посредников и курьеров, все претендуют на животных-хозяев, которых имели прежде... (Суд Профессиональных

Братьев и Шаги Растительных Столетий)... Просители и истцы, их зеленая бесполая жизнь, кричащая в коридорах, холодное неорганическое спокойствие заработано... в серо-голубых домах и кататонических плясках, иллюстрирующих то, что Тяжелометаллический Малый вернулся... Многие обозначили татуировки болезнями и предъявили иск Залу Судебных Заседаний...

– Мне вручили неполную неизбежную повестку... – В коридоры, на заседания и в патио ворвались кричащие толпы... Чувства и наклонности связи с чиновниками, в которых вторглись неумолимый известняк и пятиюродные братья... Вирус и наркотики, истец и ответчик... Тяжелометаллические Люди с Урана на тысяче языков, живые мантии, которые прорастают на них синими отвратными болезнями... Короткая джанковая нота высшего класса, визгливо требующая компенсации... Позвоночник, застывший в отрубе, цветные вспышки жаргона, густая синяя дымка банкнот... Просители и истцы, кричащие в коридорах, окутанных фразой «Боже, что за беспорядок»... Воздетые кверху клешни насекомых, холодные от, надеюсь, всем понятно, что за службы... Иногда он казался тем, что уж там после этого останется... Надеюсь, всем понятно: наклонности животного означают, что посредничающие жизнеподобно лгут неумолимым шагам Времени...

В СУМЕРЕК БЛИКАХ ПОСЛЕДНИХ

Боги Времени-Денег-Джанка сходятся в густых бликах сумерек, плывя по этажам банка, дабы силой мошенничества выкупить продление своих аннулированных разрешений...

Они стоят перед Человеком за Пишущей Машинкой... Невозмутимый и серый от непререкаемого авторитета, он предъявляет Постановление:

– Допустим, только это и следует из Ее Джанкового Курса Четвертой Ступени... Допустим, только Ангел – Верховный Повелитель Смерти... Допустим, я аннулировал ваши разрешения на доступ к Времени-Деньгам-Джанку Земли... Не зная, что есть знание, а что – нет, я не знал н и ч е г о ... Весь ваш джанк переработан в апоморфин... Все ваше время и все деньги переработаны в словесную пыль, гонимую ветром по дымным улицам... Телесная улица сновидений рассеивается на свету...

Страдающий на ломках Джанковый Бог хватает Постановление:

– В Печи его... Сжечь его документ... – Он несется по больничному коридору к Рычагу Управления...

– Далеко не уйдет. – Миллион полицейских и партизан спускает дрожащих электрических псов... выхватываются антенно-световые пистолеты...

– Ты вызвал легавых... Стукач паршивый...

– Это ваша полиция, она говорит на вашем языке... Если уж говорить, надо отвечать на своем языке...

– Стой... Alto... Halt...[196] – Пронесся сквозь все, что я сказал, миллион серебряных пуль... Джанковый Бог падает... серая пыль, выметаемая старым джанки в отсталых странах…

Густые блики сумерек, плывя вперед, хватает Постановление... Время-Деньги-Джанк сходятся, дабы выкупить: «В Печи его... Сжечь его документ...»

– Допустим, только Ангел, Верховный Повелитель С... Несется по больничному коридору... Ваши тела я описал... Ваша смерть вызвала полицию... Джанковый Бог, страдающий от «Стой... Alto... Halt... » Джанковый Бог падает в густом синем сумраке, плывущем над выхваченными на изготовку пистолетами... Время-Деньги-Джанк на всех ваших языках... Ваших... Надо отвечать им... Вашим телам... Я описал ваш смертоносный град серебряных пуль... Поэтому мы уже способны сказать «н е т». Преждевременно?? Полагаю, ревизору заткнули рот его собственным... Ее быстрым серым взглядом, потускневшим серебром и осмысленьем старомодным... Ну что ж, я бы потребовал перемен, но ведь и в самом деле истекло время, отпущенное билетом, который лопнул... Как бы там ни было, мне пора... Мало времени, поэтому желаю доброй ночи в данных... э-э... о б с т о я т е л ь с т в а х ... А грипп-испанка не появится больше у окна, не окрасит ветер зеленым неоном... Вы осмысливаете помещение, а она говорит. «Боже, как глубоко»... Кафе Встреч закрыто... если вам понадобилась чашка чая?.. кипучая молодость, поймите... так много и та-ак... Самое главное – иметь мужество выбросить из головы... во тьму... И вновь коснулся он окна своим спокойным серебристым взглядом туда, в холодный весенний воздух, и по коридорам той больницы поплыл бесцветный вопрос...

«Предметная Полиция хранит все Доклады Правления»... А нам запрещено разглашать Отчет о Катастрофе... Поверните стрелку, застрявшую в дверях... Яростные участники Бионаступления из космоса – чтобы нанять Электрика... В бензиновой трещине истории... Последние из доблестных героев... «Я – это вы в пути, мистер Брэдли мистер Мартин»... Не смог достать плотью в своем обмене... И нулевое время до пути страданий... Долго меж солнцами я держал смердящее пальто... Скользя меж светом и тенью... Ворчание в собаках незнакомой дозы... Мы пересекаемся в раненых галактиках... Яд мертвого солнца в вашем мозгу, постепенно увядающем... Переселенцы из обезьян в бензиновой трещине истории... Яростное бионаступление из космоса на неоновый свет... «Я – это вы, поверните Стрелку, застрявшую в дверях...» Не смог достать плотью... На солнце я держал смердящее пальто... Мертвая Рука вытягивает горло... Последние из тех, кто разгласит отчет о катастрофе в пути... Смотрите, мистер Брэдли мистер...

Да и слепцы не могут отказаться слушать: «Мистер Брэдли мистер Мартин, беда моей крови, кого я сотворил»... (Мелководье пришло с отливом и шведской рекой Готенберг.)

ЭТО ЖУТКОЕ ДЕЛО

Космические ловкачи ходатайствуют из уборных и чуланов Здания Биологического Суда, выметаются оттуда, надышавшись аммиака, вразнос торгуют улаживанием любого дела, от Печного Приговора до вызова в суд за биологическую халатность... Купив несколько быстрых улаживаний в спекулятивных судах, адвокаты, подсудимые, судейские чиновники и виновные свидетели учатся пользоваться фильтроэкраном, на который выдаются все длины волн симулируемой невменяемости.... Этот аппарат, продаваемый в коридорах и патио зданий суда, позволяет любой жизненной форме, нуждающейся в юридической консультации, вступить в контакт с полномочным биологическим адвокатом, набившим руку на путанице и очевидных противоречиях биологического закона... Классическое судебное, дело, передаваемое на рассмотрение студентов первого курса, носит название “Кислородный Тупик”: Жизненная Форма А высаживается на чужую планету из потерпевшего аварию, изуродованного космического корабля... Жизненная Форма А дышит “кислородом”... В атмосфере чужой планеты “кислорода” нет, однако, вторгшись в Жизненную Форму В, обитающую на чужой планете, и оккупировав ее, они смогут получить необходимый им “кислород” из кровеносной системы Жизненной формы В... Оккупационная Жизненная Форма А направляет весь режим существования и всю энергию Жизненной Формы-Хозяина В в русло, способное, по расчетам, обеспечить наиболее высокий выход кислорода... Здоровье и интересы хозяина в расчет не принимаются... Эволюция хозяина, способная достичь стадии покорения космоса, приостановлена, поскольку такая эволюция лишила бы захватчиков поневоле их “кислородного” источника... Долгие годы Жизненная Форма А остается невидимой для Жизненной Формы В благодаря несложной операции сворачивания тех областей восприятия, где можно увидеть другую жизненную форму... Несмотря на это, возникает чрезвычайная ситуация, скандальная и совершенно непредвиденная... Жизненная Форма В в и д и т Жизненную Форму А... (глядя, как вы это делаете, они подумали, что их лишили прав) и предъявляет в Биологическом Суде иск, приводя в доказательство неописуемые унижения, металлическую и физическую жестокость, тысячелетний износ разума, тела и души и требуя немедленного устранения инородного паразита... На что Форма А отвечает на Первом Слушании Дела: «Это был вопрос снабжения провизией... вопрос абсолютной потребности... Отсюда следует и все остальное: железные клешни боли и наслаждения, сжимающие планету, чтобы удержать хозяина в телесной тюрьме, вырабатывающей наш “кислородный” багаж... зная, что если он хоть на мгновение получит возможность увидеть, кто мы такие и что делаем... (После отключения наш образ жизни уже через пару секунд обречен...) И тут он видит, что мы планируем использовать хозяина в качестве водолазного костюма для возвращения в привычную нам среду, где Жизненная Форма В, разумеется, была бы уничтожена чуждыми условиями существования... Перед выбором нас поставили восставшие партизаны, все ближе подбиравшиеся к. рубильнику, с помощью которого можно изолировать нас от Формы В и отрезать наши “кислородные” линии... Так что же еще нам оставалось делать в данных обстоятельствах? Жизненная форма, в которую мы вторгались, была нам абсолютно чуждой и отвратительной... Мы лишены того, что

называют “эмоциями”... слабых мест в хозяине, предназначенных для вторжения и манипулирования...»

“Кислородный Тупик” – исходная формулировка в алгебре абсолютной потребности... Переменный “кислородный” коэффициент представляет собой первостепенную биологическую потребность данной жизненной формы... На основе этой формулировки студенты составляют краткое изложение дела... анализируют, перекраивают и располагают дело в определенном порядке, чтобы рассмотреть его с разнообразных точек зрения и различными способами:

Процесс Банды Сверхновой привел к чрезвычайной ситуации, совершенно непредвиденной: Появляется метла... выметает Жизненную Форму В... Видит улаживания в Биологическом Суде... Износ разума, тела и души купивших несколько быстрых улаживаний в спекулятивных любых местах... Учится годы... долгие... многие... подобное место... сканирует все длины инородного паразита... и предъявляет иск из-за неописуемых унижений и халатности, требуя немедленно биологических законников, которые никогда не тусуются с формами... Лучшим адвокатом по уголовным делам был Уранский У... Его клиенты из тяжелого металла... Из дела Железных Клешней следует и Впечатление... Судя по одному интервью, он вызвал Сэмми, сжимая планету рубильником... Зеленый Спрут вырабатывает Растительный Приговор... И тут они видят, что водолазный костюм лишен “кислорода”... Тамошняя жизнь была бы уничтожена “кислородом”, которым они дышат...

– Это давление... Здоровье отрезало наши “кислородные” линии... значит, в расчет не принимается...

– Так вот какие обстоятельства?

– Жизнь хозяина по ту сторону “ВОТ” нам отвратительна... Лишила бы захватчиков слабых мест в хозяине...

С помощью данного материала вы знакомитесь с природой абсолютной потребности и Первым Слушанием в Биологическом Суде...

– Поймите, в доказательство я должен бороться с унижениями и жестокостью, а туземцы всем разумом, телом и душой требуют, но я не могу отвечать за яд... (из-за которого я, разумеется, ни разу не потерял клиента)... Конкретные факты и судебные дела, вопрос снабжения провизией не принципиален... Отсюда след двух клешней, устрашающих и продажных...

– Позволяет арестованному преступнику наслаждения и боли сжимать адвоката, набившего руку на телесно-тюремных противоречиях биологического закона... Водолазный костюм тысячелетнего возвращения в привычную нам среду, а не Рубильник для включения реверса... Изменчивый Словесный Остров...

А что же студенты первого курса, изучающие Обстоятельства Биологического Закона?.. Жизненная Форма А была абсолютно чуждым изуродованным космическим кораблем… Атмосфера лишена того, что называют “эмоциональным кислородом”...

Студент, представляющий Жизненную Форму А, должен предвосхитить вопросы Биологического Обвинителя:

«Как “Случилось”, что космический корабль потерпел аварию в такой удобной близости от планеты?.. Не было ли целью экспедиции найти “кислород” и любыми способами выделить его?.. Предприняла ли Жизненная Форма А за все годы оккупации хоть одну попытку биологического возвращения к условиям мирного времени до вмешательства Биологической Полиции?.. Не замышляла ли Жизненная Форма А, как только обеспечит себе “условия для путешествия”, оставить Жизненную Форму В без “кислорода”? Не планировали ли они к тому же ликвидацию Жизненной Формы В путем лишения ее “эмоционального кислорода”, заряда, на котором работает человеческая и другие млекопитающие жизненные формы?.. (Доктор В. Райх полагает, что человеческая жизнь активизируется частицами, которые он называет “оргонами[27]” и которые образуют пояс вокруг планеты)... Жизненная Форма А наверняка замышляла блокировать оргоновый пояс и оставить Форму В задыхаться в бездушном вакууме при высокой температуре поверхности, которая соответствует температуре родной планеты Жизненной Формы А: 600 градусов по Фаренгейту...»

Короче говоря, ссылка на потребность, приведенная в свое оправдание Жизненной Формой А, несостоятельна... При подготовке судебного разбирательства представляется необходимым расследовать на месте подлинные условия существования и биологическую историю Жизненной Формы А... Биологический адвокат должен знать своего клиента и «набить руку на телесно-тюремных противоречиях биологического закона»... Жизненной Форме А будет нелегко найти адвоката, готового вести «это жуткое дело»...

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА ДЛЯ ПЕРВОГО СЛУШАНИЯ

Биологическими Адвокатами должны быть писатели, то есть только писатели способны выполнить функцию адвоката: с о з д а т ь факты, которые приведут к раскрытию биологических возможностей клиента... Одним из величайших адвокатов прошлого был Франц Кафка, и составленные им краткие изложения дел до сих пор остаются классическими... Студент сначала пишет собственное изложение, затем складывает листы пополам и совмещает их со страницами Кафки, относящимися к разбираемому делу... (Не всегда легко разобраться, что относится к делу, а что – нет...) В качестве иллюстрации данного метода ниже приводится предварительное изложение дела для первого Слушания в Биологическом Суде... Извлечение из одной страницы Кафки, на все лады пропускаемое через студенческое изложение и первоначальную формулировку до тех пор, пока не будет сформулирована биологическая позиция... На основе этой подлинной формулировки студент и должен теперь развивать свое судебное дело...

Франц Кафка. '*Процесс*' (цитата)[197]

– Я считаю, – сказал мужчина, одетый весьма элегантно, – что нездоровье этого господина вызвано здешней атмосферой... Вот видите, этому господину не вообще плохо, а плохо только здесь!..

Они оба, привыкшие к канцелярскому воздуху, плохо переносили сравнительно свежий воздух лестничного пролета… Они еле отвечали, и девушка, наверно, упала бы, если бы К. с невероятной поспешностью не захлопнул дверь... Судя по его рассказам, он уже выиграл не один такой процесс... Это чрезвычайно важно, так как первое впечатление, которое производит защита, влияет на ход всего судопроизводства... Когда дело, которое они вели уже давно и вполне удовлетворительно, внезапно вырывают у них из рук… Ничего хуже с адвокатом случиться не может... И отнимает дело, конечно, не сам обвиняемый, этого никогда не бывает... Да и как он может справиться сам, если он уже воспользовался чьей-то помощью? Так что этого не бывает, но иногда бывает другое: процесс принимает такой оборот, что адвоката к нему уже не допускают. И само дело, и обвиняемого, и вообще все просто отнимают у адвоката, и тут уж не помогут самые лучшие отношения с чиновниками, потому что те и сами ничего не знают. Просто весь процесс перешел в такую стадию, где никакой помощи уже оказать нельзя, где дело ведется в недоступных судебных органах и обвиняемый становится недоступным для адвоката... Эта адвокатская комната расположена на втором чердаке; значит, если чья-нибудь нога попадает в эту дырку, она свисает вниз и болтается над первым чердаком, над тем самым проходом, где сидят в ожидании клиенты...

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА ДЛЯ ПЕРВОГО СЛУШАНИЯ ДЕЛО ЖИЗНЕННОЙ ФОРМЫ А

Они иногда видоизменяются, чтобы дышать “здесь”… Этот господин и есть Здание Биологического Суда “здесь”... Видите ли, только “здесь” улаживают любое дело от Печей... И больше нигде... купив сравнительно свежего воздуха... Жизненная Форма А высаживается на худшем, что могло случиться с космическим кораблем... Жизненная форма А дышит атмосферой чужой планеты… Форма А направляет весь режим существования, который просто отнимают у адвоката, в русло, не способное больше, по расчетам, обеспечить здоровье и интересы хозяина... Дело просто достигло космической стадии... Была исключена возможность дальнейшего содействия... Сам обвиняемый был недоступным долгие годы... Комната Жизненной Формы А расположена на втором чердаке...

– Я считаю, – сказал мужчина, обитавший на чужой планете, – что это опасное нездоровье вызвано “кислородом”... Здесь нет “кислорода”, от которого этому господину плохо, однако, вторгшись в “канцелярский воздух” и оккупировав его, они смогут получить “кислород” с лестничного пролета Жизненной Формы В.

Первое впечатление влияет на ход всего “кислородного” источника... Скандальное, чрезвычайное дело... Да и как он может сам удержать форму А? Видит кого-то, кто

способен ему помочь, но это лишает права на иск... Были не в силах отвечать народу Минро... Мозг направляет весь ход... Пользоваться фильтроэкраном, который выдает дверь с симулируемой невменяемостью... Выиграл не один такой процесс, действуя с помощью телепатической дезориентации... Отстранил адвоката от Минро... Воспользовался и вытеснил... Ничего хуже с правящими головами случиться не может... Процесс иногда принимает на себя огонь тотального оружия... Главного обвиняемого к нему уже не допускают... Просто весь процесс перешел в расплавленное ядро планеты, где никакой помощи уже оказать нельзя...

– Я считаю, – сказал мужчина – что этому господину плохо от раскаленных добела голубых небес... Дверь, судя по его рассказам, он уже?

И все-таки существующее изворотливое подполье, вполне или отчасти – дезориентация... Канцелярский воздух – это головы в колбах... Несомненно, стремятся перемыслить и вытеснить адвоката... Революция обвиняемого… Да и как он мог упросить свергнутые головы себе помочь?... Металл, излучающий жар стадии, где никакой помощи уже оказать нельзя, в полдень плавится в недоступных судебных органах...

«Гибнет слово... Гибнет одетое весьма элегантно фото... Бессмысленные приказы и контрприказы господина “з д е с ь”... Вот видите, только “з д е с ь”... Привыкший округ Колумбия, плохо переносил сравнительно свежий воздух – что?.. Британцы еле отвечали... С невероятной поспешностью не захлопнул дверь...»

– Кретин безмозглый, ты же выиграл не один такой процесс...

Электрическая защита, что влияет на всю цивилизацию и все судопроизводство... Когда дело, страх, отчаянное положение и шаткое преимущество внезапно вырывают у них из рук... Просто весь процесс перешел в стадию невероятных жизненных форм... Обвиняемый становится недоступным для меняющегося давления... Операция на втором чердаке… Обвиняемый из слизи и мочи, сказал мужчина, был инородцем... Редкостный слизисто-кашельный вражеский “кислород” лестничного пролета... Ускоренный кинофильм создал такие формы с помощью источника неодолимой гравитации... Плоть, застывшая, чтобы запастись скандальным, чрезвычайным делом... аминокислота влияет на весь ход... выиграла код на Серой Пелене... Для прочтения телепатической дезориентации... “Канцелярский воздух” они смогут получить в непристойных картинках Жизненной Формы В... ликвидировать врага на Лондонской Космической Стадии... Разреженный воздух лишил права на иск вчерашнего дня... Кашляющий враг упросил и вытеснил...

«Господин в телесной тюрьме, вырабатывающей наше “з д е с ь”... видите ли, только “з д е с ь” он хоть на мгновение получит возможность увидеть... И больше нигде... После отключения наш образ жизни в сравнительно свежем воздухе обречен... Таковы мы... Планируем использовать хозяина и еле отвечали... Жизненная Форма В, разумеется, с невероятной поспешностью не захлопнула дверь, что чрезвычайно важно для наших “кислородных линий”... Так что же еще?.. Защита влияет на жизненную форму, в которую мы вторгались...»

Когда дело, предназначенное для вторжения и манипулирования, внезапно вырывают у них из рук... Отнял дело у Биологической Потребности, если сам упросил вас составить краткое изложение процесса... Процесс Банды Сверхновой просто отнимают у адвоката... Просто весь процесс перешел в стадию спекулятивного какого угодно места... Боль и наслаждение для сжатия “канцелярского воздуха” – им плохо от противоречий биологического лестничного пролета... Авария в таком удобном адвокате... Да и как он мог долгие годы пользоваться чьей-то помощью?..

«Я считаю, нездоровье вызвано здешней атмосферой, приведенной в свое оправдание Жизненной Формой А, несостоятельной... Этому господину плохо от необходимости расследовать на месте подлинную историю “канцелярского воздуха” Жизненной Формы А лестничного пролета... Он уже адвокат, готовый вести «это жуткое дело»... Вот видите, только “здесь” фиксируют природу абсолютной потребности... Вопрос снабжения провизией – не чужая планета... Форма А направляет клешни устрашающего и продажного адвоката в русло, способное, по расчетам, сжимать хозяина… Помощь возвращению в привычную нам среду...»

Комната Жизненной Формы А расположена на Тюремном Острове… Потерпела аварию в такой удобной Жизненной Форме В... Минро – сложная дверь, чтобы отрезать “кислород” от жизни... Такой процесс действует в условиях, когда можно ликвидировать Жизненную Форму В, отрезав адвоката от Минро...

– Жизненная Форма А была абсолютно инородной, – сказал мужчина, бывший инородцем...

– То, что называют “эмоцией”, вызвано “кислородом”.

– Не было ли целью снабжение Жизненной Формы А до вмешательства, влияющего на весь ход?

– Адвокат – водолазный костюм для возвращения в привычную нам среду... Еле отвечали... Уничтожен чуждыми условиями существования... Союзник нам отвратителен... Да и как он мог сохранить Форму А на вид паразитом?

Лучшим адвокатом по уголовным делам был такой процесс, действующий с помощью металла... Впечатление следует и из нынешнего интервью... Он вызвал Сэмми, защитника от Минро... Воспользовался и вытеснил на месте историю Жизненной Формы А...

Безусловно, для защиты это непростое дело, особенно если учитывать нескрываемое намерение обвиняемых использовать адвоката в качестве водолазного костюма для возвращения в привычную им среду, где адвокат был бы уничтожен чуждыми условиями существования... Несмотря на это, в деле есть одна фраза, на которой можно строить защиту... «Они иногда видоизменяются, чтобы дышать здесь»... То есть, если можно призвать в свидетели успешную мутацию Жизненной Формы А.. Ясно, что вся защита должна быть основана на вероятности мутации, и чем меньше будет сказано об “абсолютной биологической потребности” для оправдания пагубного паразитического существования целиком за счет Формы В, тем

больше будет шансов на компромиссное решение, отложенное до завершения процесса мутации...

ДВЕ МАГНИТОФОННЫЕ МУТАЦИИ

– Я считаю, – сказал мужчина, – этому господину плохо от абсолютно бестолковой и прожорливой Власти Венеры... Щупальца переписывают донесение с лестницы из слизи...

– Таковы мы... Строго из «Тебе полезна сырость»... Костей не планируем, только примитивная нервная система... Еле отвечаем...

– Дело просто на грани окончательного провала... Доведенную до отчаяния прислугу внезапно вырвали у них из рук... На горизонте бессмысленные приказы и контрприказы... А я играю в психические шахматы, предопределившие развитие всей цивилизации и персональные привычки…

– Железные клешни боли и наслаждения с двумя скоростями... каждый магнитофон в телесной тюрьме, вырабатывающей “з д е с ь” на длинном поводке... Остановка в работе хоть на мгновение – и магнитофон-хозяин увидит динамики... Образ жизни в относительно звуконепроницаемой “комнате” обречен... Устранил бы дверь, ведущую к множеству... Многочисленные магнитофоны важны для наших кислородных линий... Каждый, чтобы использовать хозяина, подсоединенного к соответствующему магнитофонному выходу... Например, девять магнитофонов определяли жизненную форму, в которую мы вторгались, посредством трех в квадрате... Каждый магнитофон предназначен для записи вторжения... Видите ли, только “з д е с ь” фиксируют природу потребности, приведенной в действие на нужный промежуток времени... Один воспроизводит “унижения” и “жестокость”, а другой записывает... “Устрашающий” и “продажный” вариант скорости и громкости... Сжать хозяина, впихнув его в систему... Любое количество магнитофонов, сгруппированных для простоты при эксплуатации, выключатель – нигде... Наши микрофоны лучше располагать на “свежем воздухе”... Таковы мы... Планируем подсоединить динамик и микрофон к хозяину... Не в силах ему отвечать... Разумеется, возможны стационарные и переносные... Наипростейшее множество состоит их трех линий... Можно воспроизводить на двух скоростях, особенно если “дело” имеет четыре возможных состояния... Быстрое манипулирование неожиданно вырывают из медленного воспроизведения... Настоящий адвокат от биологической потребности многообразен...

« а) Простой адвокат с ручным управлением...

б) Биологическая лестница случайного выбора с фиксированным интервалом... Система включается полностью или отчасти... в любой данный момент магнитофоны фиксируют природу абсолютной потребности... Таким образом, звук воспроизведенный с помощью любой “жестокости”, отвечает ему либо в прежнем виде, либо измененный воздействием чужой планеты...

в) Последовательный отбор, то есть плоть, промерзшая до аминокислоты, предопределяет следующее состояние в соответствии с...»

Такова “книга”...

Форма А направляет звуковые каналы... Непрерывная операция в такой удобной Жизненной Форме В... Окончательная остановка пленки отключает “кислородную” Жизненную Форму В, отрезая ее, машина произведет нарезку человеческой формы, определяемую выбранным способом отключения... Абсолютно чуждой “музыке” не требуется для выживания никакой “эмоции”, объясняемой “кислородом”, воспроизведенным в форме музыки... Вмешательство направляет весь ход, каков же конечный продукт?.. Возвратно-поступательное движение нам отвратительно, да и как мы могли бы стать частью множества?.. Может ли за нынешними языковыми познаниями следовать и это металлическое впечатление?.. Говорящая и слушающая машина вводится и вытесняется...

Жизненная Форма А, как следует ниже, была инородной... Оператор подбирает наиболее “кислородный” из соответствующих материально-герметических водолазных костюмов для возвращения в привычную нам среду... Информация союзников на словесном уровне... Мог ли он сохранять Форму А на вид паразитической?.. И можно ли с помощью нынешнего интервью достичь конца?.. Множество, трактуемое как единое целое, вытеснило историю жизни? Гибнет слово, гибнет фото, пленки чисты... Бессмысленные приказы и контрприказы машинной “музыки”... Полицейская Машина произведет ее нарезку, определяемую выбранным способом отключения... Можно ли выучить этот инородный слизисто-кашельный язык? Обвиняемый был для измененных звукообразований недосягаем... Инородная Слизистая Машина работает с помощью ввода неодолимой гравитации... Код на Серой Пелене аналогичен распространению “непристойных картинок”... Реверсированная инструкция вызывает вопрос: сколько получают в “непристойных картинках” до Лондонской Космической Стадии... Разреженное простое повторение только для одной машины... Кашляющего врага, которого в целом упросили, можно использовать в качестве модели режима... Вопли, смех, пронзительные крики, сырьевые ресурсы... Издалека, наплывом возникает голос защитника:

– Ясно, что вся защита должна строиться на экспериментах с двумя магнитофонными мутациями.

ВЕРНИТЕ ЦВЕТ

“Подсознательный Малый” нагрянул и захватил бары, кафе и музыкальные автоматы всех городов Земли и поставил в каждом баре радиопередатчики и микрофоны, и вот в его барах стали слышны музыка и разговоры любого другого бара, и в каждом баре он включил магнитофоны, которые с произвольными интервалами работали в режиме воспроизведения и записи, а его агенты шныряли во всех направлениях с портативными магнитофонами, запечатлевая звуки глухих закоулков, разговоры и музыку, и вливали их в его магнитофонное множество, и тогда он пустил волны, вихри и смерчи звука по вашим улицами по реке разговорной речи... По улицам прерванной музыки, автомобильных сигналов и отбойных молотков понеслась словесная пыль... Слово, сокрушенное, раздробленное, исковерканное, взорвалось и развеялось в дым...

Гибнет Слово///

Он повесил экраны на стены своих баров, напротив зеркал, и с произвольными интервалами, меняющимися от бара к бару, принялся снимать и показывать фильмы, монтируя вестерны и гангстерские картины всех времен и народов со словом и образом сидящих в его кафе людей, а на улицах его агенты с кинокамерами и телескопическими объективами вновь вливали образ города в его проектор и кинокамерное множество, и никто уже не мог понять, где находится – в фильме-вестерне, Гонконге или Империи ацтеков, в Древнем Риме или американской глубинке, не мог понять, бандит он, пассажир или возница, стреляет он из “настоящего” пистолета или смотрит гангстерский фильм, и тогда город закружился в водоворотах, вихрях и смерчах образа, яростного бионаступления из космоса на неоновый свет...

Гибнет Фото///

“Подсознательный Малый” нагрянул в моря бесплотного звука... Он разбросал повсюду пусто́ты и, внедрив людей своих напротив зеркал, принялся снимать фильмы о каждом баре, с произвольными интервалами чередуя музыку и разговоры и меняя бары... И еще он имел магнитофон с фонограммой и крутящийся фильм с монтажом произвольных интервалов, и агентов, шныряющих повсюду с магнитофонными словом и образом... И пустил он волны, и агенты его закружились в киноводовороте на всех улицах образа и запечатлели закоулки в музыке города, и слили воедино Империю ацтеков и Древний Рим... Ни Пассажир, ни Возница не могли больше совладать со своей словесной пылью, занесенной из Космоса... Отбойные молотки, слово и образ, яростное бионаступление... Миллионы дрейфующих экранов на стенах его города показывали фильмы, монтируя звуки каждого бара, слышные во всех вестернах, и фильм всех времен на все лады воспроизводился и записывался на людях с помощью портативных камер и телепатических объективов, сливавших воедино вихри и смерчи звука с кинокамерным множеством, и тогда в городе, куда он нагрянул, повсюду смешались и растворились друг в друге вестерны и Гонконг,

ацтекский звук и болтовня американской глубинки, и все языки и наречия, и народ сменил наречие и язык на безликие сентенции ацтекского жреца, и разболтали их мужчины, женщины и всякие твари на всех языках... И тогда Народ-Город закружился в водоворотах, и никто уже не знал, что привело его из космоса на неоновые улицы...

«Ничто не истинно... Всё Дозволено...» – Последние Слова Хасана-и-Саббаха[161].

Малый подмешал туда секс-фильмы, и Народ-Город забился в чудовищном оргазме, и никто уже не знал, где кино, а где – нет, и все принялись на каждом углу демонстрировать всевозможные половые акты... Он, сняв на пленку закат, небо и облако, воду и дерево, громадными экранами-отражателями спроецировал цвет, сгустив синее небо, красное солнце, зеленую траву, и город растворился в свете, и люди стали ходить друг сквозь друга... И лишь цвет, музыка и безмолвие оставались там, где пронеслись слова Хасана-и-Саббаха...

«Министерства Синдикаты Правительства Земли, Верните... Верните украденный вами Цвет...

Верните Красный... Верните красный цвет, что вы украли для своих лживых флагов и кока-кольных вывесок... Верните этот красный цвет пенису, крови и солнцу...

Верните Синий... Верните синий цвет, что вы украли, разлили по бутылкам и скупо выдавали глазными пипетками джанка... Верните синий цвет, что вы украли для своих полицейских мундиров... Верните этот синий цвет морю, небу и глазам Земли...

Верните Зеленый... Верните зеленый цвет, что вы украли для своих денег... И ты, Мертвая Рука, вытягивающая Людей-Растений, верни зеленый цвет, что ты украла для своей Зеленой Сделки, дабы продать народы Земли и, нарядившись бабой, вскочить в первую спасательную шлюпку... Верните этот зеленый цвет траве, реке в джунглях и небу...

Министерства Синдикаты Правительства Земли, верните украденные вами цвета... Верните Цвет Хасану-и-Саббаху...»

ОТКУПИТЬСЯ ОТ ЛОХОВ?

Парк развлечений до самого неба... Концессионеры собрались в замаскированном бункере низкого давления...

– Я же говорю, Док, эти лохи уже шарят по Земле там, наверху:

«Что это за Зеленая Сделка?»

«Что это за Бич Небесный?»

«Что это за Мошенничество с Реальностью?»

«Старина, нам недодали время?»

«Ты хороший Тупица?»

«Хороший Ниггер?»

«Хороший Человек-Зверь?»

– Они же здесь всё разнесут... Я уже такое видел... как серебристая вспышка… Да и Законники того и гляди нагрянут... Только не здешние... Полиция Сверхновой... Уверяю вас, надо все как можно быстрее отдать... Кинопроекторы, Фильмы, Резервуары Биологического Слияния – всё до конца... Ну что, Док?

– Откупиться от лохов? Это противоречит моим глубочайшим инстинктам... Однако в данных... э-э... обстоятельствах... раз уж нам с одной стороны угрожает восставшее и не во всех отношениях разумное население, а с другой – антибиотиковые наручники...

Сады Развлечений занимают целый континент... В них есть места с каналами и лагунами, где в глубокой прозрачной воде шевелятся гигантские серебряные караси и саламандры с лиловыми губчатыми жабрами, где плавают в челнах полупрозрачные мальчики-рыбы... На берегах каналов, под громадными вращающимися кинопроекторами, плещутся Резервуары Биологического Слияния, свето- и звуконепроницаемые капсулы отнятия чувств: пульсирует подогретая до температуры тела вода, куда попадают две жизненные формы и сливаются там в единое существо; нередко результаты этого слияния весьма плачевны, и тогда существо отправляют на окраину, на Биологические Задворки. (Дельта сточных вод и мусорные кучи... терминальные СОСоманы, в невнятном бормотании превращающиеся в водяных червей и плавучие растения... Парализованные Оргазмоманы, заживо пожираемые людьми-крабами с раскаленными добела глазами или подвергаемые ленивой пытке в шарадах Зеленых Мальчиков с их юношеской кристальной жестокостью.)

Громадные общественные резервуары погружения переплавливают целые народы в единый концентрат... Это и есть настоящая демократия, разве не ясно?.. Биологическое Олицетворение... Отдайте свои голоса в резервуары... Туда, где в неоновой дымке циркулирует плоть, а личные бирки охраняют электрические псы, мелкой дрожью и сопением оправдывающие свое существование... Затаились в ожидании подлые убийцы, распавшиеся на растровые модели ног, ухмылок и выпивок... Не подозревая о Бродячем Игроке в Мяч, в жидкую пишущую машинку сочится удушливый запах...

Улицы из зеркал, стекла и металла под мерцающими цилиндрами разноцветного неона... Лучи прожекторных вышек прорезают город цветными письменами Художника... Холодные голубые улицы между железными стенами, усеянными объективами, проецирующими Голубую Татуировку прямо на море Голубого Концентрата, освещенное пульсирующими и мерцающими голубыми шарами...

Горные селения в синем сумраке... Гонимая ветром прохладная голубая музыка всех времен и народов: барабаны и медь...

Улица Световых Танцоров, которые пляшут в лучах прожекторов со спроецированными на их тела цветными письменами и в ослепительном стриптизе сбрасывают с себя красный, желтый и голубой цвета – полупрозрачные экспериментальные существа, вспышками проносящиеся сквозь неоновые обручи... застывают нагишом и вспыхивают в белом цвете, плавно переходящем в серый... испаряются в синем сумраке...

Кто не знал, как называется его бескрайний материк?.. там были местности, оставленные под охраной его электрических псов... Лиловые губчатые жабры и вправду шевелилась... Его блокноты киноэкранами мерцали на берегах каналов...

– Кто это – он? Слушайте, не пускайте его сюда.

Две жизненные формы явились на треснувшую Землю, спасаясь от жуткого сухого зноя Людей-Насекомых... Затаились в ожидании подлые убийцы, ноги у воды, жестокие идиотские ухмылки исполняют похоронную симфонию... Будучи и вправду живым, он попал в зоопарк... Клетки рычат и даже нападают... Бродяга миновал пыльную арабскую улочку, бормоча: «Где-то он теперь?» Слуховые и анализаторные вышки прорезали город... На лицо мне сыплются рассветные американские слова... Прохладная комната с розовыми обоями – комната Больного... «Мистер Брэдли мистер Мартин» надел чистую рубаху и вышел... звезды и тотализаторные залы, и затхлый пансион... это чужое солнце в вашем мозгу... наплыв воспоминаний и тусклый свет... тихий провинциальный покер... поношенные брюки... скрипучая душевая и каштановые волосы... серое фото... на медной кровати... потасканная плоть взорвала фильм в подвальных туалетах... где дрочат мальчики... эта паутина воспоминаний... гонимая утренним ветром... неприметный и унылый почувствовал щелчок в замке...

Он шел сквозь летнюю пыль... волнующие классы сент-луисской школы... медная кровать... Сигаретный дым... моча как будто в солнечных лучах... Когда я проснулся – футбольные результаты и Кики... Такие вот вспышки мудрости... пустые пространства... Фиорды и Чимборацци... Отдельные моменты я мог бы описать досконально... Погоня за грядущей жизнью, где далеко уже рассветный мальчишеский вопрос... Что есть Сент-Луис, где и любая уплывающая даль? Сент-Луис на этой медной кровати? Граф Владимир, Соллогуб, Рашид Али Хан, Б. Бремон д'Арс, Маркиз де Мигре, Principe di Castelcicale, Gentilhomo di Palazzo[198], далеко вам до Сент-Луиса... Позвольте рассказать вам, сколько многолетней пыли было на окне в тот день, когда я видел, как прогибается от ветра разорванное небо... белизна белизна белизна, сколько видит глаз – впереди лишь ослепительная вспышка белизны... (Хижина воняет взорвавшейся звездой.)... В моих ноздрях расколотое небо... Мертвое голое колено в жирной пыли... Пожелтевшее фото уносится ветром мимо лобковых волос, бедер, розовых обоев – на улицы Пасто... Когда я проснулся, уже не было здесь, в этом мальчишке, писсуаров и велосипедных гонок... Запахи моей Испании в бесконечный опустевший полдень... Отдельные моменты я мог бы описать... Сильный ветер чередует губы и штаны в

разных странах мира... Исчезновение последнего солдата... Насилие больше недоступно мистеру Брэдли мистеру... Я умираю в далекой комнате... последним... Грустный взгляд... Я умираю, мистер Счетовод... Уже в чужой плоти – Такая смерть... Помнишь намеки, когда мы растворили окна, – ворвался лунный воздух, подобный смерти в глотке?.. Сильный ветер чередует губной дым, пожелтевшее фото и дальнюю даль... Шепоты джанка, прогулки под звуки флейты, колышется рубаха... Велосипедные гонки в полдень... мальчишеские бедра... Грустный... Потерявшийся пес... Он пришел издалека за чем-то неразменным... унылое сморщенное лицо... Он умер ночью...

СМОРБРОТ[199]

Операция "Отнятие Чувств"[VIII] осуществляется в бесшумных, темных резервуарах погружения, наполненных подсоленным бульоном, имеющим температуру и плотность человеческого тела... Курсанты попадают в резервуар обнаженными и свободно плавают в нескольких дюймах друг от друга... видоизменяются в неторопливых потоках... вскоре утрачивают очертания тела в неустойчивом контакте с фантомными конечностями... Утрате очертаний сопутствуют приятные ощущения... нередко достигается оргазм...

К9 сбросил одежду в обитой металлом кабинке, где находился еще и юный китаец... Когда они спускались в резервуар, он, раздетый догола, почувствовал головокружение и напряжение мышц живота. И вот они уже плавали в нескольких дюймах друга от друга, теплая жидкость воронками кружила сквозь ноги и гениталии, которые соприкасались... Его руки и ноги утратили очертания... В горле внезапно возникли резкий спазм и вкус крови... Слова растворились... Тело скорчилось в плавных рыбьих судорогах и струями опорожнилось через пенис... ощущая, как по резервуару пробегает дрожь чужих судорог... Он выбрался наружу и одевается вместе с парнем с "Аламеды"... Снова во плоти... в глотке – слова уличного мальчишки... Свет керосиновой лампы на мексиканце лет двадцати, почувствовал, как сползают брюки на животе, промежность расстегнулась, он вздохнул и выставил наружу задницу... Он был уже голый в свете лампы... Мексиканец скрутил сигарету с марихуаной... обнаженное тело второго, что был радом, переворачивало его на живот... его промежность расстегнула звуки ветра и воды... вздохнул и выставил задницу в лужи теней на розовых обоях... перед ним ветхая медная кровать... Почувствовал, как взрывается в его позвоночнике обнаженное тело второго...

[VIII] Наибольший успех в отнятии чувств достигается с помощью резервуара погружения, где субъект плавает в воде, нагретой до температуры крови, при отсутствии звуков и света... Быстро происходит утрата очертаний тела, понятия о происходящем и о расположении членов... что вызывает панику среди многих субъектов-американцев... Субъекты нередко описывают ощущения, что их тело наполовину совмещается с некоторым другим телом, плавающим рядом… Эксперименты по отнятию чувств с использованием резервуаров погружения проводились во Флориде доктором Лилли... Есть опытная станция и в Оклахоме... Короче, пробыв в резервуаре пятнадцать минут, эти морячки принимаются орать, что они будто бы теряют очертания, и требовать, чтобы их немедленно вытащили... Так вот, поместите в резервуар двух морячков и посмотрим, кто выберется наружу... Наука... Чистая наука... Так поместите же в резервуар морячка с его подружкой, и посмотрим, кто или что всплывет…

Комната менялась вместе с плотью... Почувствовал, как сползают брюки... Задница курсанта была уже голой... В нескольких дюймах от него, в резервуаре – мексиканец... Губами он почувствовал призыв... В нескольких дюймах К9 выставил задницу под скрипучий душ... Волна наслаждения у него в животе... Он плавал, шевелясь в еде... В мышцах взорвался Город Перечных Забегаловок, и слова вошли... Туда, в его глотку... При свете керосиновой лампы, с уличным мальчишкой... Городская окраина... Первые струи его промежности...

Голые курсанты вошли в большой склад е обитыми металлом кабинками... встали в нескольких, дюймах друг от друга, смеясь и болтая на многих уровнях... Над их телами; переливался синий свет[IX]... Проекторы направляли на тела и металлические стены яркие цветные письмена Хасана-и-Саббаха... За стенами находились сады развлечений... На туго натянутой проволоке и балансировочных стульях выступают Секс-Эквилибристы... Гимнасты на трапеции в воздухе извергают семя... Акробаты-содомиты ходят колесом и кружат в танце, сцепившись, как собаки... С американских гор спускают мальчишки... Увитые цветами платформы в лагунах и каналах... Секс-кабинки, где половые акты демонстрируются под музыку, проецируют на потолок шатра небеса ритмичного совокупления... Громадные киноцилиндры и проекторы прорезают сады письменами яростного бионаступления на неоновый свет... Районы бутербродных, кинозалов для порнофильмов и гостиниц с номерами на пару часов под чертовыми колесами и американскими горами… негромкое журчание воды и кваканье лягушек, доносящиеся из каналов... Стоя перед мальчишкой из Норвегии, К9 почувствовал на налитых кровью гениталиях покалывание синего света, коснулся чужого кончика, вниз по позвоночнику пронеслась теплая волна, и в судорогах света он кончил... В его мозгу вспыхнули серебристые письмена и с запахом жженого металла исчезли на пустынных перекрестках, где описывают неторопливые круги мальчишки на роликовых коньках и сквозь потрескавшуюся мостовую прорастает сорная трава…

Мексиканец скрутил сигарету, глубоко в его легких – неяркий синий свет... Коснувшись мексиканских рук, почувствовал, как сползают брюки в беззвучном взрыве глотки и привкусе крови... Его тело скорчилось... Спит, уже голый... звуки

[IX] Имеются в виду оргонные[27] аккумуляторы доктора Вильгельма Райха... Доктор Райх утверждает, что основным зарядом жизни является некий синий оргоноподобный электрический заряд. Оргоны образуют вокруг земли сферу и заряжают человеческую машину... Он обнаружил что оргоны легко проникают сквозь железо и абсорбируются органической материей... Поэтому он соорудил обитые изнутри металлом кабинки с несколькими слоями органических материалов под металлом... Субъекты сидят в кабинах, обитых железом, и аккумулируют органы в соответствии с законом воэрастания оборота, на котором основана жизнь... Оргоны вызывают ощущение покалывания, коему нередко сопутствуют эротическое возбуждение и спонтанный оргазм... Райх настаивает на том, что оргазм – это электрический разряд... Подводя к соответствующим местам электроды, он составил карту оргазма... В результате этих экспериментов он, разумеется, изгонялся из ряда стран и наконец нашел прибежище в Америке, где и умер в федеральной тюрьме, угодив туда за предложение своего оргонного аккумулятора в качестве средства от рака... Вашему покорному слуге-исследователю пришла в голову мысль о том, что оргонную энергию можно сконцентрировать, дабы развеять миазмы идиотской похотливости и страха, которые препятствуют любому научному исследованию сексуальных феноменов... Предварительные эксперименты показывают, что некоторые живописные картины... вроде картин Брайона Гайсина... спроецированные на субъекта, производят некоторые из эффектов, наблюдаемых в оргонных аккумуляторах…

ветра и воды... Городская окраина... тенистые районы бутербродных и гостиниц с номерами на пару часов под американскими горами...

Мы выпили пива и съели сморброт... Я уронил полсэндвича на колени, она вытерла масло салфеткой, рассмеявшись, когда под ее пальцами начала выпячиваться ткань, я прижался спиной к дереву, солнце согревало мне промежность, с ощущением покалывания наливающуюся кровью; она расстегнула мне ремень и, сказав «Поднимись, любимый», – стащила брюки до колен...

Мы запивали сморброт горячим шоколадом из термоса, я пролил чашку шоколада на колени и вскочил, она вытерла шоколад бумажной салфеткой, и я, рассмеявшись, увернулся, когда под ее пальцами начала выпячиваться ткань, а она догнала меня с салфеткой и расстегнула мне ремень... Я почувствовал, как сползают брюки, как солнце согревает мою оголенную промежность, с ощущением покалывания наливающуюся кровью... Мы занялись этим полураздетые... Когда я кончил, в глазах моих возник внезапной фотовспышкой серебристый свет и, выглянув из-за ее плеча, я увидел на деревьях зеленых человечков, они раскачивались, прыгали с ветки на ветку и ходили в воздухе колесом... И половые акты в исполнении акробатов на туго натянутой проволоке и балансировочных шестах... В прозрачном зеленом свете плавала паутина спермы... Умылся в ручейке и натянул штаны... В Копенгаген мы вернулись на моем мотороллере... Я высадил ее у дома и условился о встрече в воскресенье... Когда она уходила, я разглядел сзади на платье, пятна от травы... В тот вечер я был совершенно пуст и снова пошел в бар, где частенько можно раскрутить на выпивку туриста... и сел за столик рядом с парнем примерно моих лет... Я обратил внимание на его очень маленькую вытянутую голову, расширяющуюся к шее, толстой и гладкой, и нечто странное в его глазах... Радужная оболочка отливала чернотой, точно колотый уголь, а крошечные зрачки были зелеными. Повернувшись, он пристально взглянул на меня, и в животе у меня возникло ощущение американских гор... Потом он заказал два пива... «Я вижу, ты пуст», – сказал он... Принесли пиво... «Я работаю в цирке, – продолжал он... балансируя на стуле. – Вот так же на проволоке... и всегда без страховки... В Южной Америке я проделывал это над ущельем в тысячу метров глубиной».

Он пил “Tuborg”, балансируя на стуле... «Немногим удается нас увидеть... Пойдем, я покажу тебе, что такое настоящее представление».

Мы взяли такси и направились на городскую окраину... Теплый электрический ветер насквозь продувал машину, которая, казалось, оторвалась от земли... Мы подъехали к чему-то вроде развалившегося балагана у озера... В шатре, освещенном мерцающими голубыми шарами, я увидал других парней с такими же вытянутыми головами и перепутанным цветом глаз... Они передавали по кругу маленькую трубочку, я тоже затянулся и ощутил зеленое покалывание в промежности и на губах... Негр-барабанщик взял палочки и принялся колотить по барабанам... Парни поднялись и, смеясь, передавая друг другу трубочку и переговариваясь на языке, напоминающем птичьи трели, сбросили одежду... Взобравшись по лестнице на натянутую в вышине проволоку, они принялись расхаживать по ней, точно коты... Волшебный фонарь проецировал на их тела цветные письмена, похожие на японскую татуировку... У всех началась эрекция, и они выгибались, минуя друг друга на

проволоке, гениталии соприкасались в ливне голубых искр... Один из парней балансировал на проволоке, сидя на стальном стуле и извергая семя при крещендо барабанного боя и мерцании всех цветов радуги... сперма совершала медленные кульбиты, растворяясь в желтом свете... Другой парень – в потрескивающих радиопомехами, наушниках, в сверкании голубых искр над его золотистыми волосами – исполнял номер “Мессершмитт”... стул раскачивался в пространстве... межзвездную пустоту прочерчивали трассирующие пули спермы... (На перекрестке разрушенных предместий описывают неторопливые круги обнаженные мальчишки на роликовых коньках... падая сквозь лабиринт грошовых аркад... разбрызгивая потрескавшийся бетон, сорную траву и собачьи испражнения...) Парни спустились с проволоки, и один из них стащил с меня куртку... Я разделся и попробовал нагишом побалансировать на стуле... Равновесие сохранялось в электрическом поле, не подпускавшем к нему силы гравитации... В его гениталиях образовался заряд, и он кончил во влажном сне, стул растекся, став частью его тела... Той ночью я занялся сексом с парнем, которого встретил в Нойерхавене, – впервые мы уединились в пространстве... Надежность и спокойствие проволочных актов, уравновешенных озоном... голубые, электрические спазмы... Запах жженого металла в грошовой аркаде; смотря пип-шоу, я почуял сухостой, и Ханс рассмеялся, показав пальцем на мою ширинку: «Пойдем-ка на американские горы», – сказал он... Кассир, взяв деньги, окинул нас спокойным, безразличным взглядом... Юный итальянец защелкнул дверцу... Мы были единственными пассажирами и, только кабинка тронулась, тут же выскользнули из трусов... Мы вместе кончили на первом спуске, когда кабинка начала подъем на другой склон, вызвав прилив крови в наши гениталии, плотно пригнанные и аккуратные, как детали двигателя... над ярмарочным проспектом колыхались расстегнутые рубахи... В голове у меня вспыхнул серебристый свет, погасший в голубом безмолвии... Запах озона... Видите ли, секс – это электрический заряд, который можно включать и выключать, если вы умеете пользоваться электромагнитным щитом управления... Секс – электрическое ремесло плоти... Обычно он приводится в действие с помощью журчания воды... Перенесите-ка свои сексуальные слова на розовые обои, на медную кровать... Вспыхните красным, коричневым, зеленым, от цвета – к акту на основе ассоциативного ряда... Открытый заряд может взорвать сексуальные слова, превратив их в цветовую ректально-буро-зеленую жопную речь... Величина сексуального заряда, как правило, регулируется с помощью сексуальных слов, образующих электромагнитную модель... Эту модель можно преобразовать, заменив слова другими факторами... Возьмем такое простейшее сексуальное слово, как “мастурбировать”... “дрочить член”... Заменим слова на цвет, например: “дрочить” – на красный, “член” – на белый... красный... белый... Вместо слов направим на экран ассоциаций цвет... Молча установим связь между цветом и актом... Подставим на место слов другие факторы... Арабскую барабанную музыку... Затхлый запах эрекции в садовых сортирах... Чувство оргазма… Цвет-музыка-запах-чувство, относящиеся к миллиону половых актов всех времен имеет... Мальчишки красно-белеют на чертовом колесе, американских горах, мостах, несущихся со свистом велосипедах, в игрушечных домиках, на ветвях деревьев, кренящихся на сторону товарных вагонах, паровозные гудки, на ветрах Стояка носится сперма... трепещущие юные тела под тонкими одеяльцами пансиона, булыжная окраина большого южноамериканского города, изодранные штаны, упавшие к потрескавшимся, кровоточащим ступням, черная пыль, гонимая ветром

сквозь ноги и гениталии... Печальный лемур, запах эрекции... прохладные подвальные уборные Сент-Луиса... Летний день на автомобильных сиденьях вплоть до тощего смуглого колена... Открытая ветрам школа, тела, обнаженные для плотских утех, больной эпилепсией мальчишка ощутил в голове Грезу и с трудом сохраняет самообладание, животик его пахнет раздевалкой... Он находился в Комнате с множеством раскрытых чемоданов и выдвижных ящиков, битком набитых вещами, которые предстояло упаковать, и всего несколько минут до отплытия парохода, уже гудящего в порту, а ящиков все больше и больше, и никак не закрываются чемоданы, арифметический беспорядок и напряжение влажного Сна в его промежности... Остальные мальчишки смеются и показывают вдаль, а он потерял самообладание, в глазах его вспыхнул серебристый свет, и он с пронзительным металлическим криком повалился наземь... ногами и гениталиями ощутил, как сползают штаны... трепещущая городская окраина... утренний ветер в пропыленном местечке... Обнаженный для плотских, достижимых оргазмов... напряжение мышц живота... в промежности у него вспыхнули американские горы... Ноги и гениталии утратили очертания, кренясь на сторону сквозь плоть сновидений... запах глинобитных домов... теплые струи с игрушечного домика в ветвях – в ленивый водный поток... в нескольких дюймах друг от друга, смеются в солнечных лучах, сперма крутит кульбиты в прозрачном воздухе мастурбирующего предвечерья... я натянул штаны... Взрыв глотки от цвета к акту... вскочил, рассмеявшись в гостиницах с номерами на пару часов... кренящийся вбок район бутербродных... Серебристые письмена вспыхнули в лунном свете сквозь мексиканца лет двадцати, будоража его промежность, вздохнул и пошевелился – уже голый, сжимая в руке несколько дюймов... покалывание наслаждения в потрескавшихся, кровоточащих ступнях... С фантомными конечностями на роликовых коньках, в члене его возникли неприятные ощущения... неторопливый перекресток бетона и сорных трав... Грошовые аркады залили светом мексиканца лет двадцати... Влажные сны полета, вздохнул в свете лампы... Вместо слова – цветные половые акты всех времен и народов вспыхнули в мышцы, плывущих листами мужской плоти... Мальчишки на утреннем ветру... первые струи расстегнули мне брюки... Район бутербродных и невыносимых американских гор, где он кончил посредством влажного сна.. (В игрушечном домике на ветвях в нашу одежду забрались черные муравьи, мы, скинув рубашки и штаны, принялись смахивать муравьев друг с друга, а он то и дело задевал мою промежность... «Там муравей», – и он сдрочил мой член в поток мастурбирующего предвечерья…) Ханс рассмеялся, показывая пальцем на мои шорты... Мы были единственными пассажирами со спущенными до лодыжек штанами, расстегнутые шорты колыхали гениталии... Утренний ветер насквозь продувал тело... Городская окраина...

ПОЖАЛУЙТЕ СЧЕТ

Уже сыплются хлопья риска... Громадная волна принесла курс лечения: «верните красный цвет, что вы украли»... Прощальный для Александра... Исчезающего в Ю-Йорке, Онолулу, Ариже, Име, Остоне... Помощник редактора растаял в воздухе... Я, Секуин, едва дышу... Сновиденья сделаны, быть может, из того же, что и я, – послушайте: предварительно записанное женским голосом предостережение… Scio[200]

– это извлечение цифры из логоса... Громадная волна унесла супружескую пару от того, чем вы могли обладать... Пустили бы вы этого субъекта в Ю-Йорк, Онолулу, Ариж, Им, Остон?.. Допускается “существование” там, где прошлые преступления ярко высветили направление “обладания”... Он похвалялся длинной чередой чужих индивидуальностей... Она не намекнула на принципиальное согласие... Мы вернулись на войну... Проводим предварительную очистку – в нелепом положении для данных условий... Scio подобно извлечению цифры из Акта Человекоубийства... Логос получил вызов “Шератона” и провел выходные с торговой сделкой... Венерианский Вигар задушен до пылкой слабости... Сильная ветроподобная индивидуальность потерпела крах... Как и любящая искусство мисс Уэст... Каждая крупица вашего пыльного вчерашнего дня – в Воздухе Эйфорической улицы... Сыплются хлопья, которые были самым жестоким его адвокатом: покажу тебе ужас на стенах и в окнах лечение... Прощальные хлопоты для Александра... Верните красный цвет, что вы украли, живой или мертвый, с неба... Прошу заканчивать, пожалуйте счет... Опустевшая предметная полиция – она постепенно исчезает... Сумерки по переулкам, туалетная бумага, и нет света в окне... Апрельский ветер чередует болезнь мертвого солнца... Женщина с рыжими волосами – это пригоршня праха... Усопшие уже покинули отживший свое проспект... Много лет назад – тот юнец... Было мучительно дышать на вдохе номер два... Сновиденья мертвецов... Предварительно записанное предостережение... Помню, я был углекислым газом... Невозможно оценить года в искушении, постулирующем вызов “Шератон-Карлтона”... Выпустил стрелу... Шлёп... Предметная полиция постепенно исчезает в Ю-Йорке, Онолулу, Ариже, Име, Остоне... Смотрите, куда он попал... Нет, никаких скидок и компенсаций... Перестаньте копаться в том, чем вы могли обладать... Уходить надо вовремя... Перестаньте копаться в компенсации... Вы узнаете меня в темных мятежных зеркалах всего мира... Вчерашний день на эйфорической улице, массовое лечение: «Верните красный цвет, что вы украли»... Позор с ним расставаться?? Утомляют разнообразные прощальные хлопоты?? Уж близок занавес для них, а хлопоты удачей обернулись... На эйфорической улице счет тянется к моей груди... Верните красный цвет, что вы по случаю украли… Специалисты по Эффектам сказали Торговой Сделке Александра прощальные слова... «Что будем делать? Предметная полиция – она постепенно исчезает... Помощник редактора растаял в воздухе... Вот мне и пришлось описывать Ту Еще Парочку на туалетной бумаге… Явно ранняя, та взлетная полоса»...

Было мучительно дышать... Можно сказать, встревоженный на вдохе номер два... Барри будет делать?.. Партизаны всех наций, узнайте об этом всё... Рыжие Волосы мы начинали применять на всех и каждом... И яму... Намерены выбраться оттуда?»

По коридорам той больницы плыл бесцветный вопрос... «Я, Секуин... Скажите, что же, с вашего позволения, останется?»

ПРОСТО КАК ИКОТА

Мистер Мартин, выслушайте нас сквозь то, что просто как икота, пока копаетесь в отчете о катастрофе... Все Доклады Правления относятся к категории наркотических средств... Морфин – это на самом деле “мистер Мартин”, его воздушная линия – наркоман... Я уже говорил, основные технические приемы: есть все основания полагать, что чиновники с педантичной повторяемостью раздражения подробно диктуют расположение годов... Технические приемы докладов Сверхновой – это раздражитель между врагами... Диметилтриптаминовый[191] банк боли из “неприятных симптомов”... Передозировка с помощью педантичной повторяемости благодаря болевым наушникам, передающим дух Сверхновой из Хиросимы и Нагасаки, может превратиться в кошмарное переживание... “Мистер Мартин”, выслушайте нас сквозь грибовидные облака... Начните копаться в мозгах катастрофы и искажать все доклады правления... Их болевая линия – наркоман... Банк боли из пыточных камер... Есть все основания полагать, что чиновники разорваны на насекомовидные части с помощью педантичной повторяемости годов... Эти взрывы ниспосланы нам духом мучительной металлической боли, рожденным на Уране в условиях Сверхновой... Сильный ветер крутит дух Сверхновой в хлопьях образов... Каждая крупица вашей полупрозрачной, огнем горящей головы изолирована, мистер Брэдли, небесно-голубыми письменами Хасана-и-Саббаха... Та больница растаяла в Серой Комнате... Письмена Хасана-и-Саббаха постулируют, что все вы были дымом, плывущим из того, что просто как икота... Я уже говорил, основные технические приемы всего мира и изувеченные чиновники с железными клешнями шахматистов подробно диктуют расположение годов... Хасан-и-Саббах через все отчеты о катастрофе... Последняя дверь Сверхновой и всех усугубляющих пытку наркотиков... Закулисные влиятельные группировки обучают замешанные в этом механизмы... Катастрофа Сверхновой послала импульс потребности, диктует использование костей глотки... Я, Саббах, хожу в записях, описываю, как течет водопроводный кран и пять вспышек в секунду... Ритмические орудийные башни уничтожают вражеские установки... Ветры коры головного мозга хлынули в мятежные районы, слышащие цвет, видящие “мистера Брэдли мистера Мартина”... Самое время... Цитирую: '*Пагубные пристрастия и их лечение в Серой Комнате*'... Апоморфин как икота... Хасан-и-Саббах через апоморфин воздействует на гипоталамус и регулирует состав кровяной сыворотки всего мира и изувеченных чиновников... Растаяло решительное «никакой пощады врагу», словно пыль и дым...

С МНОГИМ ПОКОНЧЕНО

Нью-Йорк, суббота, 17 марта, Настоящее Время... Для многих он случайно раскрыл наличную провизию в Акте Человекоубийства... Во всяком случае, потом вся высокопоставленная Англия провела выходные с торговой сделкой... Цель – договориться о цене... У меня была работа в Мельбурне до начала занятий... Австралия в воротах... Надо привести собак... Неохотно предлагаю на продажу дезодорант “Амплекс”... Иди, старина, иди... Уже с многим покончено... Вспыхивает Махарани[201] Шах-Мотылька... Честная королева безмятежно ходит по долларам... Не слушайте Хасана-и-Саббаха... Нам нужны крепкие сигареты и все телесные удовольствия... Держитесь в стороне от Сада Наслаждений[165]... А любовные помои –

это бристольский картон... Соберите воедино всю структуру новостей... Выясните, что за больница... У Большого Золотого Кубка Печей... Возрождение победных торфяных надежд на Фортрию... Преждевременные Золотые пески в коттедже Шейлы?.. Вы хотите именем Хасана-и-Саббаха владеть еще не рожденными?.. Как ни в чем не бывало, сквозь лазейку в разреженном воздухе, закрывшуюся в номере лондонской гостиницы... Смерть сокращает тюремный срок... Серьезно подумать, так им грозит дисциплинарное взыскание в виде рака легких.

Венерианский Вигар задушен насмерть сокращенным телевидением... Санитар вел свои эфемерные дневниковые мысли, и они педантично возвращались в коридор... Он отметил, что весь мир уже видел фоторобот... «А что, мы все получаем, удовлетворение... Проскакали по сахарному проспекту на пляшущей лошадке... Преприятнейшая мыслишка»...

В Сохо капсула была теплой... Операция по спасению джинсов американского образца потерпела крах... Сегодня продолжатся переговоры в духе взаимовыгодного сотрудничества... Есть много общего... У юриста есть помощник в Портманской клинике... Роковой нитью, связывающей эти убийства, является “JRR-284”... Приконченные особым способом хотят просто умереть... Когда обнаружили его тело, трое молодых людей еще танцуют “твист” в навозе “Шведского Дюндина”, растягивая Новую Зеландию после сорока восьми часов в его спальне-гостиной... Стивеновский фильм побывал в больнице... Толкование разумного мальчишеского тела между его возражениями... Индивидуальность, втиснутая в фотовспышечпый завтрак… Многометровые кишки окружали мужа, безвозвратно отправленного в уборную... “Наблюдатель” бросил его друга на Коктейльный испытательный срок... Исчез вместе с сознавшимся фолк-певцом... Студийный костюмер Джон Вигар найден мертвым на старом эвакуационном плане... Тело, отжившее свое в 1939-м – год рождения Вигара, – было раздето догола... Оба мужчины были аккуратно завернуты... Поскольку серия скоро заканчивается, так ли уж необходимы эти эксперименты? Неконтролируемые фотовспышки, втиснутые в слухи… Один сказал: «Все это типично Дольче перед самой. Христовой Вита...» Тихоня из 624-А сказал: не годятся ни крошечная спальня, ни врач-актер... Полиция допрашивала учетчика убитых, за исключением небольших групп возражений... Люди мисс Тэйлор окружали мужа... Он играет роль Марка, даже Антония, вместе с Лиз... Поднялась невообразимая шумиха из-за рыжих волос... Родился в Берлине, впервые стал грозить войной в возрасте 17 лет... В то время Ханратти воспитали как еврея... Более 100 полицейских в старомодно одетых женщинах разыскивают мальчишку, который возражал против толкования “разумного друга” и “косвенной полиции”... Идет предварительный спор по поводу цен... Сэр, я весьма рад видеть, что /пишет о/ я вполне готов к /В последний раз обращается внимание на планомерные пожертвования в пользу Добропорядочного Поколения/ Световая женщина в безопасности/ если они пожелают прожить свое мгновение, не отвечая мне/ этого они, разумеется, не сделают.

Джеймс похваляется участием в поджоге, о коем предстоит подумать... Убийство в ноттингемском операционном театре... Говорят, Стивен голосовал через многометровые кишки, безвозвратно отправленные в уборную...

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС?

Сайентология[202] означает изучение “человечьей хвори”... Мудрый Радиодоктор... В его саквояже – уполномоченные Логоса... “Сайентологическая публикация” Специалистов по Эффектам – это шлюзы на пути китайцев... Велел мне сесть рядом с проводником Хаббардом...

– Что вы намерены делать?.. Этот субъект намерен выбраться из “обладания”??

Расскажу о банальном, как водится, скорее рано, а не поздно... Земной шар – личность, пойми это, пока предполагаемая в силу неведения “реальность” не стала состоять из “мистера Мартина”... Согласиться быть Реальным – “реально”, а туда сыплются хлопья... Условия игры, и каждый раз никакой игры... Для него всегда была игра, состоит из “освобожденных галактик”... Конец, начинающий воздействовать на чужую команду, с которой покончено... Оглядись, это занавес для них... Сумей не узнавать его прошлых обстоятельств... Scio – это знание и поворот стрелки до упора... Работай, мы имеем логос, ясно? День в петле... Работягам бы только бастовать... Выдано разрешение на публикацию по приемлемой цене... Найди процесс, известный как “неодолимость”, что?.. Вернись, работа была тем, чем вы могли обладать... К чему вы допустили бы того субъекта?.. К провизии в Акте Человекоубийства? Оглядеться и признать “последний шанс”? Соблазн “обладания”, а это занавес... Конечная анатомия игр... Принципиальное вознаграждение, бизнес, соблазн... Цикл “человеческой хвори”... Наглядный, потому что мы верим... Человек предполагает “существование” над китайцами... Как заключение сделки: Другие индивидуальности... Есть фальшивые индивидуальности... В конце концов – одно и то же... Принципиальное согласие... Все игры – на солидную долю этих “преград” и “целей”... Знаешь, что они имеют в виду, если принимаются за “неэффективность”??

Как ни в чем не бывало, анатомия игр закрылась в номере лондонской гостиницы...

Окружной Инспектор взглянул на него с едва заметной улыбкой.

– Садитесь, молодой человек, закуривайте... Профессиональный порок, а?.. Только пороки нам и остались... Вы, разумеется, изучали сайентологаю?

– Конечно, сэр... Она входила у нас в курс начальной подготовки, сэр... незабываемые впечатления, простите за выражение, сэр...

– Повторите, что вам известно о сайентологии.

– Сайентологи полагают, сэр, что слова, записанные в период бессознательного состояния... (наркоз, опьянение, сон, детская травматическая амнезия)... содержат в себе боль и что этот запас боли можно приводить в действие с помощью ключевых слов, представленных в виде альтернативных математических формул, указывающих число воздействий на ключевые слова и коэффициент противодействия, вся информация поступает из электронных компьютеров... Эти записанные в бессознательном состоянии слова называются энграммами[168], сэр... Если можно так выразится, сэр, детская травматическая амнезия представляет особый

интерес, сэр... Ребенок забывает, сэр, однако, поскольку у контролеров имеются пленки с энграммными записями, сэр, любую детскую травму можно включить в любой момент... Боль, которая переполняет того субъекта, известна как основа основ, сэр, и когда основа основ стирается с пленки... Ах, сэр, тогда тот субъект становится так называемым клиром[167] (чистым), сэр... Со времен лорда Листера[203], сэр... со времен появления анестезии, сэр... – (Амнезия улыбнулась.) – Ах, сэр, позвольте мне все-таки упомянуть о том, сколько многолетней пыли на этом выражении, сэр... Простите великодушно за выражение, сэр, известны как энграммы, сэр...

– У вас есть профессиональный опыт?

– Конечно, сэр... Это входило в Полицейский курс основ сайентологии, сэр...

– Вы изучали опасности “танцев”?

– Сэр, сайентологи полагают, что эту боль можно привести в действие от фотокопий Охаки и средневековой суходрочки в поверженных товарищей.

(Живые мертвецы на что-то сухо намекают... искусственные руки и ноги... бездушные, выветрившиеся слова.)

– С появлением Общего Наркоза, сэр, слова, записанные во время операции, стали... – (Сестра заглядывает доктору через плечо, стряхивая сигаретный пепел в разрез... «Что вы ищете? – рычит доктор... – Я сам знаю, что мне делать... уж аппендэктомию-то... Но на этом мы не остановимся! Враг под наркозом, мы наступаем... Дайте другой скальпель... Этот грязный...» За окном хор уличных мальчишек: «Симулянто? один сигаретка??? пожалуйста, благодарю вас большое... Хотите? Я иметь большо-ой... сука-сын-ублюдок...» – «Пошли вон, гаденыши сопливые, – рычит доктор, швыряя в них миндалевидные железы… – Жаль, нет маточной опухоли... как мешок с цементом… все равно укокошу, хотя бы одного... Эй, сестра... Погасите сигарету... Вы что, хотите легкие моего больного зажарить??»

В громкоговорителе раздаются истошные вопли из родильной палаты... Техник готовит соду и срыгивает в руку... «Гээ гээ гээ... Этот ебучий приемник ловит каждый пердеж и транслирует его на всю округу». – Очертания приборов панели затуманиваются от отвратных и резких предсмертных хрипов... В операционной клубится белый незапах смерти из тюремной камеры, битком набитой страдающими джанки... Доктор угрожающе оседает на пол, перерезав при этом бедренную артерию больного... «Умираю... Падаю в обморок... Нет сил... Эти ебучие больные кули напрочь вышибают из человека джанк... – Пошатываясь, он ковыляет к шкафчику с наркотиками, оставляя за собой следы крови больного... – Ради Бога, вон из моей больницы!») – Эту сценку я написал для “*Post Gazette*”, сэр... С выходом на сцену наркоза, сэр, слова, записанные во время операции, стали самыми надежными энграммами... Это называют Операционной Болью, сэр... Вот и я ее уже чувствую, сэр... в миндалинах, сэр... головокружение от эфира, сэр... – (Пациент истекает кровью... сестра... зажим... быстрее, пока я не потерял

больного...) – Другим инструментом этих путешественников в боль является сигнальный переключатель, сэр... его еще называют “да-нет”, сэр... “Я люблю тебя – я ненавижу тебя” со сверхзвуковой скоростью возвратно-поступательного движения... Возьмите крики оргазма, сэр, смешайте их со стонами и воплями пытки и катастрофы, сэр, и с прибаутками операционной, сэр, и одновременно прокрутите фильм про секс и пытки, сэр...

– А каковы ваши контрмеры?

– Да просто проделайте это, сэр... на глазах у всех, сэр... Это произведет комический эффект, сэр... Мы показываем секс-фильмы с пыточным фоном, сэр, а потом, швыряем прямо в вашу гнусную харю фильм пыток, сэр... простите за выражение, сэр... то же самое мы делаем с фонограммой, сэр... варьируем промежутки, сэр... Есть и третья. область воздействия, сэр... все там же, пониже талии, сэр.... простите за выражение, сэр... внутри бритва, сэр...

Дерните за ручку... Звучит это так, сэр: «О Боже, это невыносимо... Такая боль, боль, такая сладкая боль... Ооооо-ооо, проеби меня до смерти... Выпусти ему его ебучие кишки... Ты вся горишь, крошка... все небеса горят... Я буду говорить... Ну, еще разок... Входи... Убирайся... Спусти брюки... Что такое?? Сестра... зажим... Отрезайте...» – с изображением, сэр... вспыхивает, как фейерверк, сэр... слова секса и боли, сэр... смените пленку, сэр... выключите пленку, сэр...

Теперь все вместе – смеемся, смеемся, смеемся... Ах, сэр, мы начисто высмеиваем запись с пленки... сэр... Мы ее начисто забываем с пленки, сэр... Видите ли, сэр, мы можем этого не знать, если имеем энграммные записи, сэр... простые, как икота, сэр... растаяла решительная беспощадность к врагу, словно пыль и дым, сэр... Человек (который никогда не манкировал своими обязанностями, сэр... Юный коп задернул занавески, сэр... Внутри есть местечко еще для одного анекдота про операционную, сэр... Все еще видна операционная, обстановка уже явно нерабочая... А теперь вы заметили, что на столе нет никакого пациента?

ТАК ЛИ УЖ НЕОБХОДИМЫ ЭТИ ЭКСПЕРИМЕНТЫ?

Суббота, 17 марта 1962 года, Настоящее Время Познания... Scio – это знание и открытая провизия в Акте Человекоубийства... Логос, ясно?.. День в петле... Англия провела выходные с торговой сделкой до выдачи разрешения на публикацию... Надо привести собак – неохотно в центр... Это возвышенное чувство... С многим покончено... Это состояние лучше всего выражается, королева безмятежно ходит по долларовому процессу, известному как “неодолимость”... Что нам нужно, так это крепкие сигареты и Сад Наслаждений... А чем вы могли обладать?.. Чем? Структурой новостей?.. Выяснить, что за больница? Зачем?.. Допустили бы вы: этого субъекта возродили победные торфяные надежды на Фортрию? Предварительная очистка, чтобы оглядеться и обнаружить коттедж Шейлы?.. Смерть сокращает цикл действий... Венерианский Вигар задушен насмерть в направлении “обладания”... Его дневниковые мысли – они возвращались в другие индивидуальности... Весь мир имел валентность – эту фальшивую индивидуальность... Сегодня продолжатся переговоры

в духе “преград” и “целей”... Роковой нитью, связывающей эти убийства, является: первая игра особым способом хотела просто умереть... Растягивая Новую Зеландию после того, как фильм побывал в больнице... Метровые кишки окружали уборную... Наблюдатель бросил свое scio и исчез вместе с логосом сознавшегося фолк-певца... День в петле найден мертвым на старой эвакуации... Выдача разрешения на публикацию рождения Вигара раздетым догола... Это состояние лучше всего выражается, неконтролируемые фотовспышки втиснули процесс, известный как “неодолимость”...

– Сэр, я вполне готов... другие индивидуальности... Женщина в безопасности, если есть принципиальное согласие...

«Оглядитесь и скажите, так ли уж необходимы эти эксперименты?» – И все это ради “неодолимости”?.. Наглядная шумиха из-за рыжих волос... Я уже сказал, Уполномоченные Scio в любой данный момент диктуют расположение годов... Мертвая абсолютная потребность – состояние выразило процесс, известный, как “неодолимость”... Тишина... Не отвечайте... Что для этого субъекта может быть “неодолимым”?.. Воздух?.. Сильный ветер чередует то, чем вы могли обладать... Чем?.. Сыплются хлопья звука и образа... Станет понятно, что “обладание” больше не...

Парализован на этой цветущей земле “цикл действий”... Цикл последней двери... Изолирован “мистер Брэдли мистер Наглядный Потому Что Мы Верим”... В воздухе... Вы-то и есть “мистер Брэдли мистер Другие Индивидуальности”... Действие – наглядность, разжигающая и раздувающая конфликты... Тотальная война прошлого... Я уже сказал, с “основными предварительно очищенными индивидуальностями” покончено... Духи ветра растаяли, “потребность в реальности” диктует применение костей глотки... “Реальное реально”, так получайте же свой грозный вызов и растайте... На всех улицах настала для него пора уметь не узнавать своих прошлых стен и окон, людей и небес... Гибнут все устремления... Оглядитесь... Всё, никакой больше раздачи плотских сюжетов, мистер... Услышал ваш вызов... Растаял “мистер Брэдли мистер Мартин”.

РАСТАЯЛ В ВОЗДУХЕ

Слабеющее ворчание: «В раненых галактиках на каждом углу влюбленный»...

В него вцепились далекие пальцы... «Ах, что же нам делать?»

Постепенно увядает... Я сказал ему, что ты в пути... Наверняка все кончено... Это вещий сон: я хватаю Юрия за рубаху и в ответ на его югославский нож бросаю ему в лицо последние слова... Сдается мне, Шеннон Ив Мартэн не может отказаться видеть... Все смотрят... Но я продолжаю дневник... “Мистер Брэдли мистер Мартин?”... Вы – его глаза... И вдруг я вижу: пребывание мистера Бейлиса[189] мистера Корсо[188] мистера Берроуза на Земле – всего лишь анекдот... И думаю: «Смешно – растаял в воздухе»... Сыплются никчемные хлопья, которые были его тенью: Этой книгой... Постепенно увядает не годящаяся джанковая индивидуальность...

– Дым, только и всего, мой мальчик... Не пересекайся... По-моему, мне пора домой, и уже пять раз... Хватит с меня неторопливых металлических пожаров... Была изменчивою форма... Последний электрик, чтобы постучаться в кровавое сновиденье...

– Я вижу на полу туманную информацию от него... Он слинял... Хранит все Доклады Правления... Ждет стула, чтоб всех поколотить... Не смог достать распухшего сна наяву в Мадриде... Вспыхивает ангел-шут, который стоял там в соломенных словах 1910 года... Поймите, что и это плохой ход... Не годится... No bueno[73]... Юный ангел, возвышенный среди подземных жителей… Да, ваш вызов он услышал... Рассеянно кивнул...

– А мне пора домой, я проиграл... Да и слепой не может отказаться видеть эту книгу...

ПЛИХОДИ ПЯТНИСА

Как я уже сказал, основные технические приемы Сверхновой весьма просты и заключаются в разжигании и раздувании конфликтов... «Ничто так не возмущает, как несправедливость, курсирующая между врагами»... В любой данный момент магнитофоны фиксируют природу абсолютной потребности и диктуют применение тотального оружия... Например: Соберите и запишите на пленку страстные антисемитские высказывания... Теперь воспроизведите их евреям, пережившим Бельзен... Запишите, что они скажут, и воспроизведите антисемитам... Раз-два – и готово... Ясно?.. Хотите еще?.. Запишите высказывание белых расистов... Прокрутите неграм... Воспроизведите ответ... Теперь – Женщины и Мужчины... Ничто так не возмущает, как несправедливость, курсирующая между “врагами”... В любой данный момент позиция магнитофонов фиксирует природу абсолютной потребности... И диктует применение тотального оружия... Так оставьте же магнитофоны, пускай себе крутятся, и впихните свою тяжелую дальнобойную металлическую задницу в космический корабль... Сказано – сделано... И вот уже здесь ничего, кроме записей... Отключите все это напрочь... Безмолвие... Отвечая машине, вы обеспечиваете ее новыми записями для воспроизведения вашим “врагам”, не давая остановиться всему механизму Сверхновой... Китайский иероглиф для слова “враг” означает “быть похожим” или “отвечать”... Не отвечайте машине... Вырубите ее...

“Подсознательный Малый” захватил улицы всего мира... Патрульные машины с вращающимися орудийными башнями, телескопическими кинообъективами и магнитофонами вновь и вновь, все быстрее и быстрее выметают из города звук и образ, машины мчатся по всем улицам образа – записывают, снимают, воспроизводят, проецируют изображение на стены и окна, людей и небеса... И медленно вращающиеся башни на медленно движущихся автомобилях и повозках все медленнее и медленнее записывают, снимают, воспроизводят, проецируют вялую уличную жизнь... Теперь быстро... Медленно... еще медленнее... Стоп... Отключите... Довольно… Моя пишущая рука парализована... Больше никаких джанковых сюжетов, словесных сюжетов, плотских сюжетов... Он весь вышел... Не

годится... No bueno... Не смог достать плотью... Моя нет... Плиходи пятниса... В невидимую дверь... Adios, ми-истер Уильям, мистер Брэдли, мистер Мартин...

Как я уже сказал, основные технические приемы разжигают и раздувают конфликтных чиновников... В любой данный момент диктуют ведение тотальной войны прошлого... Переставленные местами года в конце концов ничего не меняют... Как я уже сказал, основные технические рапорты Сверхновой больше не придут... Духи ветра растаяли между “врагами”... Мертвая абсолютная потребность диктует применение костей глотки... На этой цветущей Земле магнитофоны принимают ваш грозный вызов и тают... И вот уже здесь ничего кроме записей не может отказаться видеть, если выложить все начистоту... Безмолвие... Не отвечайте... Та больница растаяла в воздухе... Сильный ветер чередует орудийные башни, вышки и дворцы... Сыплются иллюзорные хлопья звука и образа... На всех улицах настала для него пора набраться терпения... Да благословен он будет на стенах и окнах, людях и небесах... На каждой вашей пылинке, падающей неслышно... гибнущей в темном мятежном «Довольно»... Моя пишущая рука парализована на этой цветущей Земле... Мертвая Рука, довольно, больше никаких плотских сюжетов... Последняя дверь... Изолирован мистер Брэдли мистер... Он услышал ваш вызов... Растаял в воздухе... Вы-то и есть “мистер Брэдли мистер Мартин”... все живые и мертвые... Вы-то и есть... Быть...

Ну что ж, я не знаю более быстрого и точного способа рассказывать, а на письменных столах города шелестят бумаги... это дуют свежие южные ветры давних времен.

17 сентября 1899 года[178], над Нью-Йорком.

21 июля 1964 года, Танжер, Марокко

ПРИМЕЧАНИЯ

От редактора:

В данной книге собраны четыре романа Уильяма Съюарда Берроуза, составившие его так называемую “Тетралогию Сверхновой”. Часто в единый цикл объединяют только '*Мягкую Машину*' '*Билет, Который Лопнул*' и '*Экспресс Сверхновой*', а '*Голый Завтрак*' считают самостоятельным произведением. Тем не менее, сам Берроуз рассматривал '*Мягкую Машину*' и последующие две книги как продолжение '*Голого Завтрака*' (в “Предисловии…” к которому Берроуз пишет: «Я почти закончил продолжение...», которое описывает как “Математическое расширение”). Дальнейшие книги Берроуза ('*Дикие Мальчики*' и др.) стилистически и тематически отличаются от данных четырех книг. Представленные здесь романы связаны воедино не только общей темой, но и представляют собой единый сложный текст, где одни и те же слова, фразы и образы периодически вновь возникают в различных сочетаниях.

Тетралогию Берроуза часто ставят в один ряд с такими литературными экспериментами, как '*Улисс*' и '*Finnegan's Wake*' Джеймса Джойса. Текст достаточно сложен для анализа и перевода, в том числе благодаря “нелинейной” “гипертекстовой” структуре. Судя по всему, изначально Берроуз не планировал тетралогию, четыре романа связанные воедино. Сначала был написан '*Голый Завтрак*', позже Берроуз добавил к нему в качестве приложения '*Письмо от мастера-наркомана...*', написанное ранее, затем была написана '*Мягкая Машина*', потом '*Билет*'. На тот момент автор и критики уже рассматривали эти три книги как своеобразную трилогию-антиутопию. Позже Берроуз добавил к ним '*Экспресс Сверхновой*', переработал '*Машину*' и снабдил ее и '*Билет*' приложениями по аналогии с '*Голым Завтраком*' (в качестве приложений Берроуз снова использовал свои ранее опубликованные статьи '*Лечение, кладущее конец наркомании*' и '*Невидимое Поколение*'). Итоговый вид тетралогия приобрела в 1966 году. В 2000 году секретарь Берроуза Джеймс Грауэрхольц подготовил новое издание '*Голого Завтрака*', включив ранее неопубликованный материал. Некоторый неизданный ранее материал выходил также в книге '*Мертвые Пальцы Говорят*' (1966). В данное издание эти материалы не включены.

Русский перевод романов был выполнен Виктором Коганом, в 1993 ('*Голый Завтрак*'), 1998 ('*Билет, Который Лопнул*', '*Экспресс Сверхновой*'), 1999 ('*Мягкая Машина*') и неоднократно подвергался редакции. В настоящей версии за основу взят вариант 1999 года (изд-во “Глагол” – '*Голый Завтрак*', изд-во “Амфора” – остальные романы). При подготовке данного издания в текст были внесены некоторые корректировки, по мнению редактора, еще более приближающие перевод к замыслу Берроуза, а также более соответствующие некоторым известным в русскоязычной литературе источникам (это касается как личной “мифологии” Берроуза, так и используемых им терминов, например, сайентологии и т. п.).

Следует заметить, что Берроуз при написании своих романов очень широко пользовался литературными источниками разного рода, от научных статей и газетных вырезок до классической литературы и научной фантастики и популярных детективов. В идеале было бы удобно привести перевод романов Берроуза в соответствие с традиционными русскими переводами используемых им источников, но на данный момент эта задача, за редким исключением, не решена. Приведем некоторый наиболее часто используемые автором ресурсы, прямые цитаты и нарезки из которых составляют значительную часть романов.

Классическая литература:

Сэмюэл Тэйлор Кольридж ('*Поэма о Старом Мореходе*'), Томас Стерн Элиот ('*Бесплодная Земля*' и др.), Уильям Шекспир (особенно '*Буря*'), Франц Кафка ('*Процесс*'), Джек Керуак, Джеймс Джойс, Грэм Грин, Джозеф Конрад, Артюр Рембо, Ричард Хьюз, Жан Жене, Герман Мелвилл, и др.

Современная литература (фантастика и др.):

Дж. Баррингтон Бейли ('*Звездный Вирус*'), Эрик Фрэнк Рассел ('*Трое для Завоевания*' и др.), Генри Каттнер ('*Ярость*'), Дэшил Хэмметт, Микки Спиллейн и др.

Теоретические источники (психология, физиология, и т. д.):

Альфред Кожибский (Общая Семантика), Вильгельм Райх (гипотеза оргона и психосоматические теории, анализ сексуальности), Л. Рон Хаббард (Дианетика и Сайентология).

Поп-культура, фольклор и т. п.:

Патриотические песни Ф. С. Ки (гимн США "Знамя с Россыпью Звезд"), Дж. У. Хау ("Боевой Гимн Республики"), народные американские и англ. песни ("Далеко до Типперери" и т. п.), Библия и др.

Наиболее популярная пресса того периода (40-60 годы XX века):

"*Time*", "*Saturday Evening Post*", "*Encounter*" и проч.

В настоящую версию текста включены примечания и комментарии переводчика Виктора Когана, а также редактора ibsorath. Авторские комментарии и сноски сохранены в тексте в виде подстрочных примечаний, примечания и комментарии переводчика и редактора вынесены в конец книги (см. далее).

Примечания переводчика и редактора:

1. Мартышка *(слэнг)* – наркомания, пристрастие к наркотикам.

2. Представительские средства – сумма, выделяемая фирмой на организацию приемов, деловых встреч и т. д.; не облагается налогом.

3. Vice versa *(лат.)* – наоборот. Mutatis mutandis *(лат.)* – с соответствующими изменениями. *прим. ibsorath.*

4. Уильям Оккам (ок. 1300 – 1349) – английский монах-францисканец, философ-схоластик. Развил критику схоластического реализма, получившую название "бритвы Оккама" или "принципа бережливости", выраженного им в словах: «Сущности не должны быть умножаемы сверх необходимости» или: «Бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего».

5. Людвиг Виттгенштейн (1889 – 1951) – австрийский философ, основатель лингвистической философии. Первая и наиболее известная работа – '*Tractatus Logico-philosophicus*' ('*Логико-философский Трактат*'). Очевидно, Берроуз был знаком с идеями и трудами Виттгенштейна, что связано с интересом Берроуза к языку и взаимоотношению языка и мира, представляемого языком. Идеи Виттгенштейна способствовали появлению Общей Семантики Альфреда Кожибского, которая оказала на Берроуза фундаментальное влияние. *прим ibsorath*.

6. Счетная машина – здесь Берроуз обыгрывает тот факт, что его дед, Уильям Сьюард Берроуз I, был знаменитым изобретателем счетной машины – арифметического устройства для вычислений. *прим ibsorath*.

7. “Доджеры” – бейсбольная команда.

8. K-Y – любрикант (смазка) для облегчения полового акта. *прим ibsorath*.

9. Эктоплазма: 1) Наружная часть цитоплазмы клеток. 2) Субстанция, возникающая при материализации духов и телекинезе.

10. Пеория – городок в штате Иллинойс на Среднем Западе. Название его стало нарицательным для обозначения провинциального застоя.

11. Ливенворт – федеральная тюрьма в штате Канзас.

12. Декортикация – полное или частичное удаление в опытах над животными коры больших полушарий головного мозга.

13. …безлошадном… – Лошадка *(слэнг)* – героин.

14. “Уолдорф” – кафетерий при гостинице “Уолдорф-Астория”.

15. Хай-лай – игра типа ручного мяча, в которой участвуют два либо четыре игрока.

16. Такова жизнь *(исп.)*.

17. Архипелаг Бисмарка – острова в западной части Тихого океана, к северу от восточной оконечности Новой Гвинеи.

18. Маргарет Мид (1901 -) – американский антрополог.

19. Глупости *(иск. нем.)*.

20. Клиника Майо – основана в 1889 году американскими хирургами, братьями Чарльзом Хорасом (1865 – 1939) и Уильямом Джеймсом (1861 – 1939) Майо.

21. Джеймс Мэттью Бэрри (1860 – 1937) – шотландский драматург и романист, автор пьесы '*Питер Пэн*'.

22. Агути – американский тропический грызун размером с кролика.

23. Мандрил – крайне агрессивная обезьяна рода павианов, близкий родственник бабуина. *прим. ibsorath*.

24. Старый Мореход – герой одноименной поэмы (1797– 1798) английского поэта-романтика Сэмюэла Тэйлора Колриджа (1772 – 1834). Колридж – один из авторов, оказавших сильное влияние на Уильяма Берроуза.

25. «Мужчину и женщину – оскопил их он» - перефразированная цитата из Библии: «Мужчину и женщину – сотворил их он» (Быт., 1:27).

26. Вагамин – лекарственный препарат, оказывающий воздействие на блуждающий нерв.

27. Оргоны – по гипотезе психоаналитика Вильгельма Райха, жизнетворные заряды вроде электрических, находящиеся в атмосфере. По мнению Райха, движение и концентрация оргонов ответственны за сексуальные переживания и оргазм, а нехватка оргонов приводит к различным заболеванием, в первую очередь раку. Оргоны проходят через металл, но абсорбируются органической материей. Райх ставил опыты, в которых использовал оргонные аккумуляторы и излучатели, построенные с использованием предполагаемых свойств оргонов. Теории Райха, в том числе теория оргона оказали сильнейшее влияние на Уильяма Берроуза, и соответствующие идеи и образы играют заметную роль в его тетралогии и других произведениях. *прим. ibsorath.*

28. Джон Броудс Уотсон (1878 – 1958) – американский психолог.

29. На худой конец *(фр.)*

30. В природных условиях *(лат.)*

31. “Цыпленок” – детская игра; дети ложатся на мостовую или железнодорожное полотно перед проходящим транспортом. Победит тот, кто встанет последним.

32. Подружка, новобрачная *(исп.)*

33. Остеопат – врач, занимающийся пересадкой органов с добавлением терапевтических методов.

34. Джеллаба – просторная африканская одежда.

35. Трокмортонский Бриллиант – намек на Трокмортон-стрит в Лондоне, где находится Лондонская фондовая биржа.

36. Алеппо (Халеб) – город в северной части Сирии.

37. Шмекер *(нем.)* – гурман, кайфовщик.

38. Дэниэл Бун (1734 – 1820) – американский пионер, покоритель Дикого Запада.

39. "Знамя с россыпью звезд" ("Star-spangled banner") – гимн США, написанный юристом Фрэнсисом Скоттом Ки (1779 – 1843). Далее в тексте Берроуз использует строки из гимна, текст первой строфы которого в оригинале и в переводе (ibsorath) приводится ниже.

Oh, say can you see, by the dawn's early light,
What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming?
Whose broad stripes and bright stars, through the perilous fight,
O'er the ramparts we watched, were so gallantly streaming?
And the rockets' red glare, the bombs bursting in air,
Gave proof through the night that our flag was still there.
O say, does that star-spangled banner yet wave
O'er the land of the free and the home of the brave?

О скажи, видишь ты, в раннем свете зари
Что мы славили в сумерек бликах последних?
В смертный бой ширь полос, звезд сияние чьих
Над валами вдали развевались так смело?
Бомбы, воздух взрывая, и ракет алый блеск
Доказали сквозь ночь, что наш флаг еще здесь
О скажи, еще реет знамя с россыпью звезд
Над землею свободы, где приют храбрецов?

- *прим. ibsorath.*

40. Лиловый листок. – Намек на “розовый листок” (уведомление об увольнении).

41. Покахонтас (1959 – 1617) – дочь индейского вождя Паухтана, жена английского колониста Джона Ролфа; Гайавата – легендарный индеец, герой поэмы Генри Уордсворта Лонгфелло (1807 – 1882).

42. Буффало Билл – прозвище Уильяма Фредерика Коди (1846 – 1917), ковбоя, покорителя Дикого Запада, впоследствии владельца ковбойского цирка; Пол Ривер – американский патриот, серебряных дел мастер.

43. El Hombre Invisible – человек-невидимка (исп.). Одно из прозвищ Уильяма Берроуза.

44. Осмос – процесс абсорбции или диффузии через полунепроницаемую перегородку.

45. «Лазарь, иди вон» – слова Христа из Евангелия от Иоанна (11:43).

46. Катамит – мальчик, которого держат для сексуальных извращений.

47. Мейсоновская банка (по имени изобретателя Джона Мейсона, XIX век) – банка с широким горлышком для домашнего консервирования.

48. Свадебный Гость – персонаж '*Поэмы о Старом Мореходе*' Колриджа, которому Мореход поведал свою историю.

49. …заталкивает героин домой… – то есть в вену *(слэнг)*.

50. Мандрагора – род многолетних трав с корнями, иногда напоминающими человеческую фигуру, в связи с чем в древности мандрагоре приписывали магическую силу и использовали для вызывания зачатия, как слабительное, наркотик или снотворное.

51. Магея – сорт агавы.

52. Старая серая кобыла – так обычно называют сварливую жену, которая держит мужа под каблуком.

53. …так сладки, так прохладны, так чисты… – слова из популярной песни "Лазарет Святого Джеймса".

54. Алфред Эдвард Хаусмен (1859 – 1936) – английский филолог и поэт, автор произведения '*Шропширец*'.

55. Герою греческих мифов Титону, сыну Лаомедона, было богами даровано бессмертие, но не вечная юность, Затем он был превращен в кузнечика.

56. Франц Боас (1858 – 1942) – немецкий антрополог и этнограф, живший в Америке. Написал трактат о языках и культуре индейцев и эскимосов.

57. Мезуза – небольшой пергаментный свиток, помещаемый в специальный ящик у входа в иудейские дома как знак благонадежности и набожности семьи.

58. Малышка Одри – беззаботная и доверчивая героиня комедии Шекспира '*Как вам это понравится?*'.

59. Спасайся кто может! *(фр.)*

60. Кувада – обрядовая симуляция отцом родового акта при рождении ребенка. Известна у многих народов.

61. «Где вино из гроздьев гнева…» – слова песни "Боевой гимн республики" ("Battle Hymn of The Republic), сочиненной Джулией Уорд Хау (декабрь 1861 г.), поется на мотив песни "Тело Джона Брауна".

62. Эль-Марокко, Сторк, 21 – фешенебельные клубы в Нью-Йорке.

63. Синг-Синг – нью-йоркская окружная тюрьма.

64. “Вулворт” – американская фирма галантерейных магазинов, продающая дешевые товары.

65. 1. Кровяные выделения. 2. Недожаренное, с кровью (о мясе) *(фр.)*

66. Фольга, в которой готовится пища.

67. Не подскажите дорогу в Типперери… - слова из английской песни "Далеко еще до Типперери".

68. В свое отсутствие, заочно *(лат.)*.

69. “Уэбли” – система револьвера.

70. “Биограф” – кинотеатр, где был убит Диллинджер.

71. Спастический – имеющий отношение к спазмам мышц. *прим. ibsorath.*

72. Больше не существует *(фр.)*.

73. Не годится *(исп.)*

74. Каид – губернатор в колониях.

75. Черт возьми *(фр.)*.

76. Рыбное филе из говядины *(фр.)*.

77. Пламенеющим *(фр.)*.

78. Эдвард Джозеф Фланэган (1886 – 1948) – американский католический священник, выходец из Ирландии. Основатель “Городка Мальчиков”.

79. Остров Райкер – американская тюрьма на острове Райкер.

80. Бидонвиль – поселок городской бедноты с самодельными домами из жести, фанеры и т. д.

81. Черный Камень – мусульманская святыня, хранящаяся в храме Кааба в Мекке. Является объектом паломничества.

82. Биг Билл Брунзи – негритянский композитор, музыкант и певец.

83. Атаксия – неспособность координировать мускульные движения, симптом некоторых нервных расстройств.

84. Любовными болезнями *(фр.)*.

85. Тест Роршаха – так называемый проективный тест, придуманный швейцарским психиатром Роршахом (ум. 1922). Заключается в интерпретации чернильных пятен на листе. *прим ibsorath.*

86. Трехкартное монте – карточная игра, в которой показываются и перемешиваются три карты, затем кладущиеся рубашкой вверх. Желающий должен вытащить определенную карту.

87. “Гробница” – нью-йоркская городская тюрьма.

88. Норт-Кларк-стрит – улица в Чикаго.

89. Болезнь Шагаса – тропический американский трипаносомоз; распространяется через бактерии, передающиеся с укусами насекомых. Протекает в тяжелой форме, например, сонная болезнь. Названа по имени бразильского врача Карлоса Шагаса (ум. 1934).

90. Драмамин – средство против морской болезни.

91. Понятно? *(иск. исп.)*.

92. От Давида до Дарьена – города соответственно на западе и востоке Панамы.

93. Ротенон – средство от насекомых.

94. Статут, или статутное изнасилование – изнасилование несовершеннолетней.

95. Дни Уаба – в майянском календаре последняя пятидневка тропического года, считавшаяся крайне неудачной.

96. Нет больше *(исп.) прим ibsorath*.

97. Это невозможно устранить *(исп.)*.

98. Примешь еще лекарства?.. *(исп)*.

99. Не мое дело *(исп.)*.

100. Соседи *(исп.)*.

101. Оставайся…*(исп.)*

102. Со своим лекарством *(исп.)*.

103. Педераст *(исп.)*

104. Гарри Дж. Анслингер – американский представитель в комиссии по наркотическим средствам при ООН в середине XX века. *прим ibsorath*.

105. Нет, сеньор. Необходим рецепт *(исп.)*.

106. Посмотрим *(исп.)*.

107. Бродячие Игроки в Мяч *(исп.)*.

108. Единственная надежда на свете *(исп.)*.

109. Девушки *(исп.)*.

110. Документы, сеньор. *(исп.)*.

111. Паспорт *(исп.)*.

112. Не в порядке! *(исп.)*.

113. Комиссариат *(исп.)*.

114. Очень плохой *(исп.)*.

115. Да... разрешено *(исп.)*.

116. Кто там? *(исп.)*

117. Мне нравятся развратники, показывающие свой член *(фр.)*.

118. По-собачьи? *(исп.)*

119. Довольно *(нем., исп., фр.)*

120. Чужой *(исп.)*.

121. Теперь я *(исп.)*.

122. Город в Германии, где находился лагерь уничтожения.

123. Частное Око (Private Eye) – на слэнге означает “частный сыщик”. *прим ibsorath*.

124. Пьяница *(исп.)*.

125. Деньги *(исп.)*

126. Со мной *(исп.)*.

127. Очень хорошо *(исп.)*.

128. Пойдем *(исп.)*

129. *здесь* – Вот так *(исп.)*.

130. Сегодня премьера испанского фильма… Черная Мамба вместе с Пако, Хозелито, Энрике *(исп.)*.

131. Голландец Шульц – прозвище Артура Флегенгаймера, известного гангстера. Его предсмертный бред вдохновил, среди прочих, Уильяма Берроуза на создание киносценария (Последние слова Голландца Шульца). *прим ibsorath*.

132. Иди сюда *(исп.)*.

133. Ясно *(исп.)*.

134. Очень *(исп.)*.

135. Еще раз *(исп.)*.

136. Почему бы нет? *(исп.)*

137. Раздеваться полностью *(исп.)*.

138. Опустись *(исп.)*.

139. Штаны *(исп.)*.

140. Входи *(исп.)*.

141. Как дела, Энрике? *(исп.)*

142. Тогда пошли *(исп.)*

143. Англичанин *(исп.)*.

144. По-моему, он гомик. Будешь трахаться? *(исп.)*

145. Который час, сеньор? Десять... *(исп.)*

146. Очень жарко, сеньор *(исп.)*.

147. Где? Есть место. Залезай *(исп.)*.

148. Сюда *(исп.)*.

149. Пако постоит на стреме. Здесь никто не ходит *(исп.)*.

150. Повернись *(исп.)*.

151. Ого!.. Досюда, Кики... По крайней мере, два метра *(исп.)*.

152. Я сейчас... Подожди немного *(исп.)*.

153. 4 часа пополудни *(исп.)*.

154. Мокко *(исп.)*.

155. Тебе нравится звук шагов по опавшим листьям? *(фр.)*

156. Жареный картофель *(исп.)*.

157. Я хочу как следует отдрючиться *(нем.)*

158. Я есмь… я имею *(исп.)*.

159. Я из полиции, сеньоры... Имею связи *(исп.)*.

160. Слово “the”… и проч. – здесь Берроуз имеет в виду идею графа Альфреда Кожибского, создателя Общей Семантики. В общих чертах, суть этой мысли в том, что обычный язык, видимо, имеет недостатки, которые Кожибский назвал “*идентификационность*” и “*всеобщность*”. По его мнению, обычное употребление слов наподобие “являться”, “есть” (англ. вспом. глагол be/is), а также “это” (англ. опред. артикль the) вносит существенные

искажения в языковую “карту” “территории”-мира. Такие искажения приводят к стереотипности и косности мышления, различным предрассудкам, и т. д. Общая Семантика оказала фундаментальное влияние на мировоззрение Берроуза и его взгляды на природу и роль языка. *прим ibsorath*.

161. Хасан-и-Саббах – один из центральных персонажей в творчестве Берроуза. Хасан-и-Саббах (Хасан-ибн-Саббах), он же Старец Горы – так звали предводителя секты ассассинов в Персии XI века. В мифологии Берроуза Хасан-и-Саббах олицетворяет освобождающую человека силу, противостоящую Контролю. *прим ibsorath*.

162. Все кончено мы полагаемся только на удачу *(лат., фр.)*.

163. Закон Харрисона был одобрен Конгрессом США 17 декабря 1914 года. Первоначально не запрещал, а только регулировал налогообложение и продажу опиатсодержащих препаратов, но впоследсвии его пункты неоднократно ужесточались. *прим ibsorath*.

164. Брайон Гайсин – друг Уильяма Берроуза, художник и писатель, оказавший на Берроуза очень сильное влияние. Гайсин считается практически первооткрывателем метода нарезки, хотя различные его формы были известны и ранее. Идеи и образы Гайсина широко использованы Берроузом в его тетралогии (особенно в '*Билете, Который Лопнул*' и '*Экспрессе Сверхновой*'), и в других произведениях. Берроуз часто объединяет фигуры Брайона Гайсина и Хасана-и-Саббаха в некое олицетворение освобождающей силы. *прим ibsorath*.

165. Сад Наслаждений – вероятно, Берроуз позаимствовал это название из легенд о Хасане-и-Саббахе. В оригинале у Берроуза – “Garden Of Delights”, аббревиатура которого звучит как GOD (*англ.* БОГ). Для того, чтобы сохранить игру слов, при переводе используется как дословный вариант “Сад Наслаждений”, так и “вольный” перевод “Базар Опьяняющих Грез (БОГ)”. *прим ibsorath*.

166. Мундира *(фр.)*

167. Клиринг (*англ. clearing, “очистка”*) – сайентологическая (см. примеч. 196) процедура, заключающаяся в очистке от искажающих записей (энграмм) и нейтрализации влияния *реактивного ума*. Успешно прошедший такую процедуру субъект становится *клиром* (*англ. clear, “чистым”*), то есть свободным от автоматического поведения, навязываемого реактивным умом. *прим. ibsorath*.

168. Энграммы – термин сайентологии (см. примеч. 196), обозначающий записи травматического материала, накапливаемые в *реактивном уме* и вызывающем искажения (“аберрации”) поведения. *прим. ibsorath*.

169. не согласуются *(исп.)*

170. Чтобы забыть *(исп.)*.

171. Словосочетание “Коричневый Артист” на слэнге может обозначать также “дрянной артист”, “дешевка” и т. п. *прим. ibsorath*.

172. Уродливый Дух – один из центральных образов в творчестве Уильяма Берроуза. Так Берроуз назвал ту силу, которая сбила прицел его револьвера во время “игры в Вильгельма Телля”, в результате чего Берроуз непреднамеренно убил свою жену Джоан Воллмер. Это событие стало началом “холодной войны” Берроуза против Контроля в его всевозможных формах. У Берроуза Уродливый Дух – воплощение Контроля и Зависимости, не дающих человеку стать богоподобным, свободным и счастливым существом и делающих его марионеткой примитивных, антиэволюционных, деструктивных сил.

173. Auberge – постоялый двор *(фр.)*.

174. Тоновая шкала – термин сайентологии, шкала “ментальных состояний” человека. Чем ниже по тоновой шкале находится человек, тем хуже его состояние. *прим ibsorath*.

175. «Это наши актеры» – фраза из '*Бури*' Шекспира, отрывки из которой Берроуз широко использует в '*Билете, Который Лопнул*', особенно в последней главе ("*Тишина чтобы сказать всего хорошего*"). Приводим строфу, строки из которой Берроуз использует более всего, в оригинале и переводе М. Донского:

Our revels now are ended. These our actors,
As I foretold you, were all spirits, and
Are melted into air, into thin air;
And, like the baseless fabric of this vision,
The cloud-capp'd towers, the gorgeous palaces,
The solemn temples, the great globe itself,
Yea, all which it inherit, shall dissolve
And, like this insubstantial pageant faded,
Leave not a rack behind. We are such stuff
As dreams are made on, and our little life
Is rounded with a sleep...

Окончен праздник. В этом представленье
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном, свершив свой труд, растаяли они. -
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы, и горделивые дворцы и храмы,
И даже весь - о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа. Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

прим ibsorath.

176. Нет больше... крупное преступление *(исп.)*

177. '*Билет, Который Лопнул*' завершается “графической вставкой” Брайона Гайсина, где финальные слова постепенно растворяются, переходя в каллиграфические рисунки. В оригинале она написана, разумеется, по-английски. Английский текст представляет собой нарезку оригинальной фразы “Silence to say good bye”:

To say good silence by –

Good to say by silence –

By silence to say good

Good – good

Bye!

с игрой слов bye (часть сочетания “good bye”)/by (англ. предлог).

Для того, чтобы передать по-возможности полно задумку автора, в данной версии перевода редактор (ibsorath) английские слова графической вставки заменил русским текстом. При этом для более адекватного перевода нарезки вместо наиболее простого перевода good bye – “до свидания”, “прощай”, использован перевод “всего хорошего”. Соответственно, название

главы "*Silence to say good bye*" переведено (ibsorath) как "*Тишина чтобы сказать всего хорошего*". *прим ibsorath*.

178. 17 сентября 1899 года – это, судя по всему, некая “магическая” дата в мифологии Берроуза. Она появляется в ряде его произведений и статей, однако происхождение и значение этой даты мне (ibsorath) на данный момент неизвестно. *прим ibsorath*.

179. Водолазный костюм… пройдоха-сюрреалист – намек на известный эпизод, когда знаменитый сюрреалист Сальвадор Дали выступал на собрании в водолазном костюме, что (по одной из версий) должно было символизировать погружение в глубины бессознательного. *прим ibsorath*.

180. Ты сумасшедший *(исп.)*

181. *здесь* Итак *(исп.)*

182. Фрукт, гомосексуалист *(исп.)*

183. Нездоровый ветер *(исп.)*

184. Голова кругом *(исп.)*

185. Софтбол (“мягкий мяч”) – игра, напоминающая бейсбол, но с большим по размеру и более мягким мячом. “Играть в мяч” – сотрудничать с полицией (жарг.).

186. “Запеченная Аляска” – торт-безе с мороженым.

187. Казнь путем выбрасывания из окна.

188. Грегори Корсо – друг Берроуза, один из битников.

189. Синклер Бейлис – друг Берроуза, битник.

190. Счет... официант *(фр.)*.

191. Диметилтриптамин (ДМТ, DMT) – сильнейший психоделик растительного происхождения, одно из главных действующих веществ отвара Йаге (айахуаски). *прим ibsorath*.

192. Все это *(фр.)*

193. Все это выдумки *(фр.)*.

194. Немыслимая скорость *(фр.)*

195. Где же ты, мое дитя? *(нем.)* – '*Легенда о Тристане и Изольде*' и '*Бесплодная Земля*' Т. С. Элиота, из чьих стихов и состоит в основном данная глава.

196. Стой *(исп., нем.)*.

197. Перевод Р. Райт-Ковалевой.

198. Принц из замка, джентльмен из дворца *(ит.)*

199. Бутерброд. Слово образовано путем слияния шведского Smor (масло) и немецкого Brot (хлеб).

200. Scio – в данном случае, очевидно, отсылка к сайентологии (scientology). *прим ibsorath*.

201. Махарани – супруга махараджи.

202. Сайентология – учение, созданное американским писателем-фантастом Л(афайетом) Рон(альд)ом Хаббардом (1911 – 1986), создавшем также учение дианетику, ставшей позже основой для сайентологии. По сути, представляет собой синтетическую религию, имеющую черты психотерапевтической практики, научно-технической теории и мистического учения.

Многие комментаторы указывают, что определенные идеи и техники сайентологии могут действительно представлять интерес и быть эффективными. При этом организация сайентологии имеет все черты крайне авторитарной и догматичной религиозной секты, а ее лидер Хаббард, по многим имеющимся свидетельствам и фактам, стремился к неограниченной власти и тотальному контролю над людьми, что, кстати, прямо противоречит декларируемым целям сайентологии. В свое время сайентология оказала сильнейшее влияние на Уильяма С. Берроуза, увидевшего в ней эффективную технику освобождения человека. Берроуз разорвал связи с организацией сайентологии когда ему стали очевидны ее религиозные и авторитарно-догматические черты. Он опубликовал ряд критических статей, в которых анализировал положительные и отрицательные стороны сайентологии. *прим ibsorath*.

203. Джозеф Листер (1827-1912) – английский хирург.

Голый Завтрак / Naked Lunch / 1959, 1960

Мягкая Машина / The Soft Machine / 1960, 1966

Билет, Который Лопнул / The Ticket That Exploded / 1962, 1966

Экспресс Сверхновой / Nova Express / 1964

Уильям С. Берроуз / William S. Burroughs / 1959-1966
Перевод: Виктор Коган, 1993-1999
Редакция: ibsorath, 2004

VERSION 1.1

http://ibsorath.livejournal.com/